

ПЕТЕРБУРГСКИЙ РЕРИХОВСКИЙ СБОРНИК

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ-ИНСТИТУТ СЕМЬИ РЕРИХОВ

ФОНД ПОДДЕРЖКИ И РАЗВИТИЯ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ «ИРИДА»

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ-ИНСТИТУТ СЕМЬИ РЕРИХОВ

ФОНД ПОДДЕРЖКИ И РАЗВИТИЯ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ «ИРИДА»

ПЕТЕРБУРГСКИЙ РЕРИХОВСКИЙ СБОРНИК

VIII

Санкт-Петербург
Рериховский центр СПбГУ
Вышний Волочёк
Издательство «Ирида-прос»
2008

ББК 94.3
П29

Главный редактор
А.А. Бондаренко

Редактор-составитель и научный редактор серии
В.Л. Мельников

Редактор-составитель и научный редактор выпуска
А.Б. Никитина

Редакционная коллегия:
Н.В. Благово, А.А. Бондаренко, Ю.Ю. Будникова,
С.В. Медведев, В.Л. Мельников, В.Н. Троян

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Санкт-Петербургского государственного Музея-института семьи Рерихов

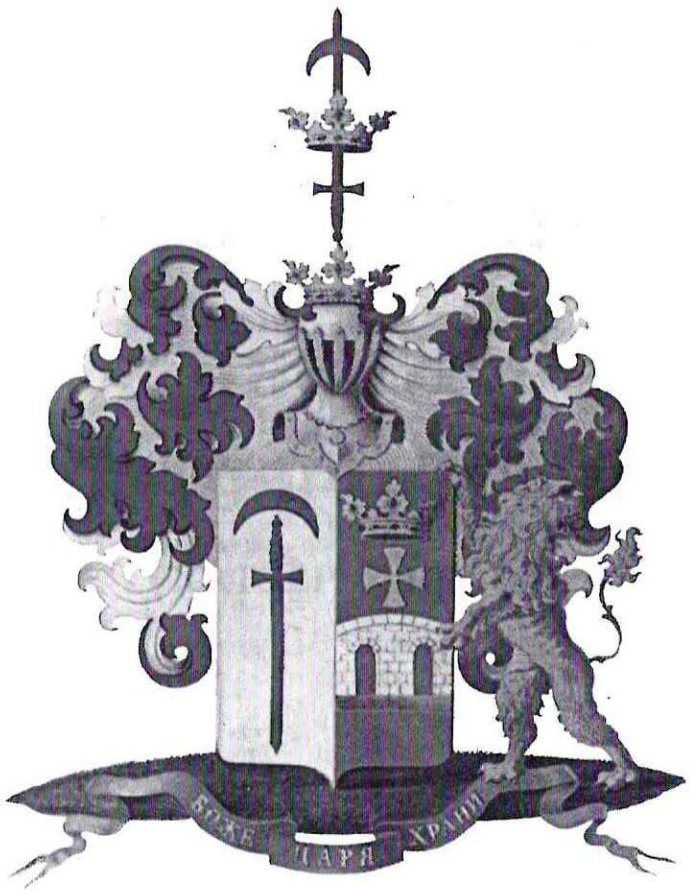
П29 **Петербургский Рериховский сборник: Вып. VIII:** Н.А. Львов. Жизнь и творчество: Ч. III. Родственные связи. Сборник статей исследователей творчества Н.А. Львова.– СПб.: Рериховский центр СПбГУ; Вышний Волочёк: Изд-во «Ирида-прос», 2008. – 464 с.

ISBN 978-5-93488-054-6

ISBN 978-5-93488-054-6

© Коллектив авторов, текст, иллюстрации, 2008.
© Рериховский центр СПбГУ, 2008.
© Санкт-Петербургский государственный Музей-институт семьи Рерихов, 2008.
© Издательство «Ирида-прос», 2008.

Н.А. Львов
Жизнь и творчество
(в трёх частях)



Часть III

РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ

А.Б. НИКИТИНА
Санкт-Петербург

КРАТКАЯ ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Н.А. ЛЬВОВА

1753 г. 4 (15) мая. В царствование императрицы Елизаветы Петровны, в имении Черенчицы Новоторжского уезда Тверской губернии, в семье прапорщика Санкт-Петербургского гарнизона Львова Александра Петровича и его супруги Прасковьи Федоровны (урожд. Хрипуновой), родился сын Николай.

1753 г., декабрь. Запись в исповедальной ведомости церкви Николая Чудотворца с. Арпачево о семье А.П. Львова. В ведомости значатся: владелец села Черенчицы А.П. Львов, 30 лет, его жена Параскева Федоровна, 28 лет, их дети – Николай, полгода, Надежда, 5 лет, Мария, 3 года, Евдокия, 2 года. Детство и отрочество Львов провел в родовом имении. Начальное образование получил в семье.

1769 г. Прибыл в Петербург для поступления в действительную службу в лейб-гвардии Преображенский полк, в который был записан в 1759 г. Живет в это время у Ю.Ф. Соймонова*.

1770 г. Начало службы в Преображенском полку. Вскоре определен в общевойсковую школу Измайловского полка, где помимо занятия математикой, физикой, химией, естественными науками, фортификацией и др., изучал французский, немецкий и итальянский языки.

Март – июль 1771 г. Издавал с друзьями рукописный журнал «Труды четырех общников», помещая в него свои стихи, переводы, рисунки. Примерно к этому времени можно отнести знакомство Львова с Г.Р. Державиным, В.В. Капнистом и М.Н. Муравьевым, которые также служили в Преображенском полку.

1773 г. Д.Г. Левицкий написал первый портрет Львова, к которому Львов сделал следующую надпись:

К моему портрету, написанному господином Левицким
Скажите, что умен так Львов изображен?
В него искусством ум Левицкого вложен.

(Известны три портрета Львова, написанные Левицким-

1783, 1786 и 1789 гг., и два – его невесты и жены Марии Алексеевны Дьяковой – Львовой – 1778 и 1781 гг.) Писал портреты Львовых и В.Л. Боровиковский.

1773 г. Указом от 29 марта «бомбардир роты сержант Николай Львов» определен для курьерских поручений при Коллегии Иностранных дел. Живет в это время в доме Петра Васильевича Бакунина.

1773 – 1775 г. Одновременно с дальнейшей службой в Преображенском полку, Львов состоял в курьерской должности при Коллегии Иностранных дел. Сопровождая дипломатическую почту, совершил поездки в марте-апреле 1774 г. в Гамбург, в ноябре 1775 в Копенгаген, в декабре 1775г. снова в Гамбург и Эттин и др.

июль 1775 г. Вышел в отставку с военной службы в чине армии капитана.

1775 – 1776 гг. Несколько месяцев провел в родовом имении Черенчицы; в Твери познакомился с родителями и сестрой М.Н. Муравьева.

5 июня 1776 г. Принят на гражданскую службу в Коллегию Иностранных дел с чином капитана, под начало Бакунина Петра Васильевича – Меньшого, «в рассуждении знания его итальянского, французского и немецкого языков... для употребления его на оных языках в переводах и других делах». Переселился жить в дом Бакунина на Вознесенском пр.

Вторая половина 1776 г. Примерно к этому времени относится знакомство в доме Бакунина с семейством Дьяковых, которые проживали на 3-ей линии Васильевского острова в Петербурге**. У них было три сына – Николай, Петр и Семен, и пять дочерей – Анна вышла замуж за И.А. Березина (их дочь – Надежда Ильинична Березина стала первой женой двоюродного брата Н.А. Львова – Федора Петровича, который, овдовев, женился на старшей дочери Н.А. Львова – Елизавете Николаевне); Мария стала женой Львова, Александра – В.В. Капниста; Екатерина – графа Я.Ф. Стенбока, а на Дарье женился вторым браком Г.Р. Державин.

Октябрь 1776 г. Был отправлен курьером в Лондон, Мадрид и Париж.

Февраль – июль 1777 г. Задержался в Париже, где встретился с М.Ф. Соймоновым и сопровождавшим его И.И. Хемницером, который стал одним из самых близких его друзей. В Париже друзья побывали на многочисленных спектаклях с участием лучших актеров того времени.

Покинув Париж, они некоторое время провели в Нидерландах (Лейдене, Антверпене, Гааге, Амстердаме и др. городах), осматривая их исторические достопримечательности. Все интересное, что встречалось в пути, Львов старался изучить досконально, осмыслить, запомнить.

11 июля 1777 г. отправились в Спа, где Львов оставил своих попутчиков и выехал в Петербург. По возвращении стал инициатором создания домашнего театра в доме Бакунина, где в это время Львов проживал. Ставил оперы и спектакли, участвовал в них в качестве автора, постановщика, режиссера, актера, художника-декоратора. В спектаклях наряду с профессиональными актерами играли любители. Женские партии успешно исполняли сестры Дьяковы.

1777 г. Получил чин титулярного советника.

1778 г. Просил руки Марии Дьяковой, но получил отказ ее родителей.

Создание проекта и осуществление перестройки дворца для принца Вюртембергского на Моховой ул. в Петербурге.

5 мая 1779 г. Был произведен в «секретари осьмого класса» (коллежский асессор) при Коллегии иностранных дел с жалованием 700 руб. в год.

Конец 1779 г. Приехал работать в Россию, в Петербург, итальянский архитектор Дж. Кваренги; вскоре они сблизились со Львовым и нередко работали вместе для одних и тех же заказчиков.

1779 г. Заново осуществлялось оформление зала Общего собрания Сената под руководством генерального прокурора князя А.А. Вяземского. Рельефы, украшавшие зал, по программе Львова выполнил скульптор Ж.-Д. Рашетт.

1780 г. Сформировался львовско-державинский кружок. На первых порах в него входили Г.Р. Державин, Н.А. Львов, В.В. Капнист, И.И. Хемницер, П.Л. Вельяминов, А.С. Хвостов, А.В. Храповицкий, О.В. Козодавлев, М.Н. Муравьев. Позже членами кружка стали А.А. Мусин-Пушкин, Ф.П. Львов, А.М. Бакунин, А.Н. Оленин, И.И. Дмитриев. Эпизодически посещали собрания кружка поэт И.Ф. Богданович и переводчик И.С. Захаров. Помимо литераторов к кружку примыкали художники В.Л. Боровиковский и Д.Г. Левицкий и композиторы Е.И. Фомин, Н.П. Яхонтов, Д.С. Бортнянский.

Созданы проекты Иосифовского собора в Могилеве, Невских ворот Петропавловской крепости в Петербурге (завершение строительства – 1787 г.), Александровой дачи – усадьбы великих князей Александра и Константина Павловичей близь Павловска под Петербургом, одобренные императрицей Екатериной II.

Создан проект, и началось строительство дома К.Г. Разумовского в Москве на Воздвиженке. Авторство его приписывают Львову. (Строительство завершено в 1785 г.)

23 мая 1880 Императрица «соизволила положить основание каменной церкви во имя св. Иосифа» в Могилеве, как сообщает Камер-фурьерский церемониальный журнал.

8 ноября 1880 г. Тайно обвенчался с М.А. Дьяковой в деревянной церкви Живоначальной Троицы в Галерной Гавани Васильевского острова в Петербурге. В церковной метрической книге священник сделал запись: «1780 год 8 ноября № 35. Иностранной коллегии коллежский секретарь отрок Николай Александрович Львов штацкой с советническою Алексеевою дочерью Афанасьева сына Дьякова девицею Мариею. Кто поруками подписались: по женихе – Горного корпуса надворный советник Иван Хемницер, по невесте – Тобольского пехотного полку капитан Петр Вельяминов».

21 декабря 1780 г. Екатерина II одобрила «сочиненный Коллегии Иностранных дел секретарем Львовым план» и приказала отправить в Могилев «самого сочинителя для соглашения плана с местом и преподаяния наставления, потребного для закладки».

До окончания строительства собора (1797 г.) Львов неоднократно совершал поездки в Могилев для наблюдения за строительством (руководил строительными работами А. Менелас). Был разработан не только проект самого храма, но и реконструкции площади. Расписал собор в 1793–1794 гг. В.Л. Боровиковский.

1780 – 1781 гг. Создание проекта и строительство дома в усадьбе П.В. Бакунина на Выборгской стороне на берегу Невы близь Петербурга. Участие в создании ансамбля усадьбы Бакунина.

23 апреля 1781 г. Был назначен «в чине посольства советника к дрезденскому министерскому посту», но «по высочайшей ее величества воле» был оставлен в Петербурге, где «употребляем при Кабинете».

Май – август 1781 г. Отправлен в курьерскую поездку в Варшаву, Вену и Италию, где познакомился с многочисленными памятниками культуры, живописи, скульптуры, меньше архитектуры и др. достопримечательностями Ливорно, Пизы, Флоренции, Болоньи, Венеции, Вены. Свои впечатления и отношение ко всему, что увидел, изложил в дневниковых записях – «Итальянском дневнике».

10 марта 1782 г. Определен советником правления Главного управления Почтовых дел под начало князя А.А. Безбородко, в связи с чем «1782 года апреля 22 по указу Ея Императорскаго Величества в Коллегии Иностранных дел определено: дать находившемуся в ведомстве оной Коллегии посольства советнику Николаю Львову по прошению его аттестат...», из которого становятся ясными его передвижения по службе с1759 по 1782 гг.:

«Аттестат

1782 года апреля 30. По указу Ея Императорскаго Величества и по определению Государственной Коллегии иност-

ранных дел, дан сей аттестат находившемуся в ведомстве оной Коллегии посольства советнику Николаю Львову в том, что в службе состоит с 1759-го году, сначала в лейб-гвардии Преображенском полку, где произошел от бомбардир до сержантов, и находился при означенной Коллегии в курьерской должности, откуда неоднократно посылан был в разные иностранные государства к обретающимся там Ея Императорскаго Величества министрам, и возложенные на него комиссии исправлял с отличным усердием и исправностью. 1775 года 10 июля на поднесенном от означенного полку Ея Императорскому величеству докладе и на оной последовавшею высочайшею Ея Величества конфирмациею пожалован он Львов с прочими от армии капитаном и 1776-го 5 июня по прошении его, а по определению помянутой Коллегии в рассуждении знания его италиянскаго, французскаго и немецкаго языков принят в оную тем чином для употребления его на оных языках и в переводах и других делах. По его способностям 1779 года 5 мая при издании новаго Коллегии Иностранных дел стата высочайшим имянным Ея Императорскаго Величества указом пожалован в секретари осьмого класса на ваканцию того чина при оной Коллегии. 1781-го апреля 21-го высочайшим же имянным Ея Императорскаго Величества указом пожалован в чин посольства советника к дрезденскому министерскому посту, но по высочайшей Ея Величества воле он остался здесь и был употребляем при Кабинете, а минувшего марта 10 дня по высочайшему же имянному Ея Императорскаго Величества указу определен в Главное почтовых дел правление на место советника. Во все время бытности своей в Коллегии поручаемые ему дела и должности исправлял при благородном поведении с отличною точности., таковым же прилежанием и похвальным усердием, во свидетельство чего и дан ему по прошению его настоящий аттестат.

Подписано по сему:

Граф Иван Остерман
Александр Безбородко
Петр Бакунин».
(АВПР, ф. ВКД, оп 2/6, д. 1563, л 4-5об.)

Июнь 1782 г. Назначен «советником посольства, главным присутствующим в Почтовых дел правлении». Вскоре переселился с семьей во дворец Безбородко на Почтамтскую ул.

7 июня 1782 г. Безбородко отдал приказ приступить к строительству здания Почтового ведомства в Петербурге по чертежам Львова, получившим высочайшую апробацию.

1782 г. Создан образцовый проект почтового двора для губернских и уездных городов.

Высочайше одобрен разработанный Львовым к 20-летию царствования Екатерины II эскиз и статут ордена св. Владимира, одной из высших наград России. Орден имел четыре степени и вручался за особые отличия, как в гражданской, так и в военной службе. Девиз ордена: «Польза, честь и слава».

Созданы иллюстрации к «Метаморфозам» Овидия (ныне в ГРМ).

4 мая 1783 г. Получена «благословенная грамота», подписанная архиепископом Тверским и Кашинским на возведение взамен деревянного каменного храма Казанской Божьей матери в Арпачево, имении Петра Петровича Львова – дяди архитектора. Вскоре был создан проект церкви.

Состоялся литературный дебют Львова – в первом номере «Собеседника», вышедшего 19 мая 1783 г., было опубликовано его стихотворение «Идиллия. Вечер 1780 года ноября 8».

Лето 1783 г. В свите императрицы посетил город Выборг. Создал гравюру лависом с надписью: «Вид Выборгского замка, снятый во время проезда Ее И-го В-ва 1783, – рисовал с натуры и гравировал Н. Львов».

1783 г. А.А. Безбородко получает должность директора Почтовых дел правления, Н.А. Львов – Советника правления, Советника посольства.

Созданы проекты церкви Св. Екатерины в г. Валдае (руководил строительными работами губернский архитектор Дмитриев, завершение строительства 1787 г.) и каменного колодца в Торжке.

Создание усадьбы Безбородко на Полостровской наб. Невы под Петербургом.

По заказу Безбородко Левицкий написал парадный портрет императрицы Екатерины II по «программе» Львова. Портрет имел большой успех. Императрица высказала пожелание иметь его авторское повторение.

21 октября 1783 г. Состоялось первое собрание Российской академии, президентом которой стала княгиня Е.Р. Воронцова-Дашкова. Членами академии были избраны 36 человек, в том числе и Н.А. Львов, сочинивший к открытию академии «Пролог», датированный 22 сентября 1783 г.

Конец 1783 г. Сделал новое предложение Марии Дьяковой. На этот раз получил согласие отца невесты. Свадьба состоялась в Ревеле (Таллине) во дворце графе Я.Ф. Стенбока, за которым была замужем Екатерина Дьякова – сестра Марии Алексеевны.

Конец 1783 – февраль 1784 гг. Провел в Ревеле и на острове Даго, о чем свидетель-

ствует переписка с Державиным и Хемницером. Исследователи предполагают, что в это время по проекту Львова в Ревеле строилось здание суда на ул. Рахва-Кахту, д. 3.

1784 г. Получил чин коллежского советника.

11 марта 1784 г. Получил участок пустопорожней земли в Рождественской части под Петербургом у Малого Охтенского перевоза. Началось строительство собственной дачи (не сохранилась).

20 марта 1784 г. В Смирне, первым из львовско-державинского содружества, скончался Хемницер, получивший указом Безбородко в мае 1782 г. (по протекции Львова) должность генерального консула России в Смирне. Погребен в Смирне на лютеранском кладбище.

3 августа 1784 г. У Львовых родился первенец – Леонид. В последствии Леонид Николаевич – коллежский советник, почетный попечитель Тверской гимназии, был женат на Елене Николаевне Козляниновой.

1784 г. Строительство дома для А.Р. Воронцова в Москве в Немецкой слободе.

Создание проекта монументального каменного храма Воскресения Христова в селе Матренино Владимирской губернии, принадлежавшем Воронцовым.

Участие в отделке петербургского и московского домов Воронцовых.

1785 – 1790-е гг. Создание проектов многочисленных усадебных построек в окрестностях Петербурга и Торжка, в Москве и Подмосковье: жилые дома, усадебные церкви, парковые павильоны, служебные постройки.

Создан проект дома Г.Р. Державина на Невском пр. при пересечении с рекой Фонтанкой (не был осуществлен).

Благоустройство имения князя А.А. Вяземского в селе Александровском на Шлиссельбургском тракте близ Петербурга, создание проекта Троицкой церкви и колокольни, входивших в усадебный ансамбль, прозванных в народе «Кулич и пасха». Разрешение от Синода на строительство храма в своем имении Вяземский получил еще в 1783 г., в это время Державин, служивший под началом Вяземского, писал Львову: «А ежели ждешь ты позывных писем от Вяземского, то напрасно, я более тебя был нужен ему, а и то таковых не дождался. Ежели же желаешь приняться за сие дело, то возвращайся немедля». Начало строительства – 1785 г., окончание – 1787.

Екатериной II утвержден проект Львова Казанского собора в СПб (не был осуществлен).

Создан проект и началось строительство церкви Святой Екатерины в имении Воронцовых Мурино. (Церковь была

освящена в 1787 г.)

Создан проект ансамбля почтовой станции в Пелле на Шлиссельбургском тракте (не сохранилась).

Д.Г. Левицкий написал второй портрет Львова (ныне в ГТГ).

Создан проект Борисоглебского собора в Торжке.

Создание ансамбля усадьбы генерала Глебова-Стрешнева Знаменское-Раек под Торжком. Закладка «каменных палат» состоялась в июле 1788 г., завершение строительства – конец 1790-х гг.

Работы в усадьбах под Торжком: Прямухино, Грузины, Борок, Дубровка, Митино, Василево и др.

Созданы проекты церквей Ананиевского, Колыванской, Выборгской (последнюю строил по чертежам Львова губернский архитектор Брокман).

24 мая – июнь 1785 г. Путешествие в свите императрицы Екатерины II в Москву с остановкой в Вышнем Волочке. 9 июня 1785 г. на обратном пути императрица «изволила положить ... */церкви – А. Н./* основание во имя святых убиенных Бориса и Глеба» в Торжке. Из письма Львова А.Р. Воронцову: «Изволила Государыня закладывать в Торжке соборную мою церковь и тут, при закладке, удостоила меня своим разговором несколько слов». Иконостас собора в 1790 – 1792 гг. расписал В.Л. Боровиковский.

1785 г. В распоряжение Львова откомандировано несколько шотландцев, прибывших из Англии в 1784 г. для работ в Царском селе. Среди них сводного дела мастер Адам Менелас, который оставался в команде Львова до конца его жизни.

3 ноября 1785 г. Состоялось заседание Совета Академии Художеств, на котором «с особливым удовольствием» были рассмотрены гравированные чертежи Иосифовского собора в Могилеве. Совет постановил представить президенту пожелание избрать Н.А. Львова почетным членом Академии.

1785 – 1786 гг. Работы для Тамбова по просьбе Г.Р. Державина – губернатора Тамбова.

12 мая 1786 г. Львов избран почетным членом Академии Художеств.

1786 г. Родился второй сын, который, вероятно, вскоре умер, т.к. в письмах Львовых он упоминается только один раз – в письме Н.А. и М.А. Львовых от 19 июня 1786 г. к Державиным в Тамбов: «Вы, я думаю, душа моя Катерина Яковлевна и милый Гаврила Романович, нас как бестиев браните, а, по правде сказать, не за что. Я, милые наши собеседники, родила вам Васиньку по приказанию Катерины Яковлевны, которая именно мне писала, чтоб я родила другого Леонидку, и я так исправна, что в тот же день, как получила ее письмо, исполнила к вечеру

ее приказание, и это самое лишило меня удовольствия к вам писать, но теперь, слава Богу, уже оправляюся».

Июль – октябрь 1786 г. Львов был направлен «по именному повелению» на Валдай (в Бороваичи) на поиски каменного (земляного) угля. Но, не смотря на успешное завершение этого начинания, оно не получило должной поддержки и развития.

8 декабря 1786 г. Издан именной указ императрицы Екатерины II печатать «полезные сочинения» коллежского советника Львова за счет Кабинета: «...чтоб сочинения и переводы коллежского советника Львова, разные его чертежи и рисунки на иждивении Кабинета печатаемы были, оставляя печатные книги и чертежи в его пользу».

7 января – июль 1787 г. Львов совершил путешествие в Киев и область Таврическую, «получив повеление ехать при свите» императрицы в числе лиц, «по иностранным и другим делам в ведении графа Безбородко состоящим». В Киеве к ним присоединился В.В. Капнист, который был в то время предводителем киевского дворянства. Капнист сопровождал царский эскорт до Кременчуга, так что три месяца они со Львовым не расставались.

Императрицей Екатериной II утвержден проект здания Кабинета Двора на Невском пр. (Не был осуществлен в связи с начавшейся войной со Швецией.)

Завершено строительство здания петербургского Почтового двора.

Львов с семьей переехал из дворца Безбородко в ведомственную квартиру, выделенную ему в здании Почтового дома, в которой прожил 12 лет – до 1799 года – самые счастливые и плодотворные годы его жизни.

Получил чин статского советника.

Написано либретто оперы «Ямщики на подставе», музыка Е.И. Фомина. Премьера оперы состоялась 8 ноября 1787 г. в Петербурге, но закончилась провалом. Опубликована была опера в 1788 г. в Тамбове.

Создан проект дома И.И. Воронцова на Рождественке в Москве (Ныне МАРХИ).

Создание проекта и строительство Приоратского дворца в Гатчине; работы в Гатчинском парке: амфитеатр, каскад, березовый домик и т. д.

Из-за клеветы получил отказ в должности главного управляющего всеми театрами России. Пост этот был предоставлен тогда князю Н.Б. Юсупову.

1787 – 1789 гг. Работы по благоустройству родового имения Никольское-Черенчицы, архитектурные наброски проектов многочисленных хозяйственных и парковых павильонов в «Гатчинском

альбоме»: погреб-пирамида, кузница, каскад, парковый павильон, водоподъемная машина, павильон в виде башни-руины, дом П.Л. Вельяминова и др.

Конец 1780-х гг. Работы в имениях Ляличи П.В. Завадовского, Диканька В.П. Кочубея, Стольное А.А. Безбородко на Украине.

2 сентября 1788 г. Родилась дочь Елизавета (+ 1864). Станет секретарем Г.Р. Державина, под диктовку которого будет записывать его произведения. Выйдет замуж за овдовевшего Федора Петровича Львова – своего двоюродного дядю, и займется воспитанием детей – 10 человек от первого брака Федора Петровича и шестерых собственных.

Осуществлено издание книги «Письма и басни Хемницера», которое было подготовлено Львовым совместно с А.Н. Олениным. Оно начиналось кратким биографическим очерком Львова под названием «Жизнь сочинителя».

Опубликовано в переводе Львова «Руководство к содержанию пчел во все времена года» Д. Уайлдмена.

1789 г. Хлопоты о строительстве церкви Николая Чудотворца в селе Яконово близ Никольского.

Левицким написан еще один портрет Львова (ныне в ГРМ).

Опубликовано в переводе Львова «Рассуждение о проспективе, облегчающее употребление оной», Э.-А. Петито.

Создан проект павильона в виде романтической башни-руины (не был осуществлен).

1790 г. Родился сын Александр, впоследствии камергер, тайный советник, женат на дочери адмирала графа Н.С. Мордвинова Наталье Николаевне Мордвиновой.

Опубликовано первое издание «Собрания русских народных песен с их голосами. Часть 1» Львова – Прача, с обширным предисловием под названием «О русском народном пении».

8 февраля 1791 г. Избран членом Вольного Экономического общества.

Февраль 1791 г. Написан «Список чертежей, отданных Степану Иванову для гравирования», в котором перечислено 32 архитектурных проекта.

16 августа 1791 г. Освящение церкви в Арпачево, подробно описанное Львовым в письме к П.Л. Вельяминову от 17 августа 1791 г., опубликованном в «Московском журнале» Н.М. Карамзина (1797. Ч. 6. Окт.)

Опубликована поэма «Руской 1791 год» отдельным изданием малого тиража. В поэме дано великолепное описание русской морозной зимы. В 1796 г. повторная публикация в журнале «Муза» (Ч. 1, февраль – март).

Строится дворец А.А. Безбородко в Нежине.

Созданы виньеты к роскошному изданию пьесы Екатерины II «Начальное управление Олега», а для издания сценического текста и партитуры «Начального управления...» опубликованы «Объяснения на музыку господином Сартием сочиненную», авторство которых приписывают Львову.

1791 – 1794 г. Создается ансамбль дома Г.Р. Державина на Фонтанке, о котором поэт писал, обращаясь к другу:

Зодчий Аттики преславный,
Мне построй покойный дом.
Вот чертеж и мысли главны,
Мной написаны пером.
На брегах реки Фонтанки
Положи...

28 февраля 1792 г. Подписан высочайше указ, запрещающий печатать за счет Кабинета.

Август 1792 г. Родилась дочь Вера (+ 27 мая 1873), выйдет замуж за генерал-майора Алексея Васильевича Воейкова, станет бабушкой замечательного художника В.Д. Поленова.

Подготовлено издание исторического труда «Летописец русский от пришествия Рюрика до кончины Иоанна Васильевича» (Ч. 1 – 5), который исследователи называли «Львовской летописью».

Создано одно из самых значительных литературных произведений Львова – «Ботаническое путешествие на Дудорову гору 1792, мая 8». Опубликовано после смерти автора в «Северном вестнике» (1805, № 2).

1793 г. Заключен мир с Турцией. В честь этого события раздавались чины и награды. Львов был награжден орденом Святого Владимира III степени.

Создан проект подмосковной усадьбы А.И. Воронцова в Вороново, о дворце в которой граф Бутурлин (родственник Воронцовых) писал: «Дом – это дворец типа примерно московских, даже еще больше... Вкус Львова обнаруживается в колоннах и ротондах...»

Создан проект Екатерининской церкви на Валдае (строил по чертежам Львова губернский архитектор Дмитриев). Завершение строительства 1797г.

Публикуется отдельным изданием перевод с французского языка отрывка из исландской саги о норвежском короле Гарольде III, который был женат на дочери Ярослава Мудрого Елизавете Ярославне. Перевод был опубликован на русском и французском языках под пространным названием: «Песнь норвежского витязя Гарольда Храброго, из древней исландской

летописи Квитлинга сага, господином Малетом выписанная и в Датской истории помещенная, переложенная на Российский язык образом древнего стихотворения, к примеру "не звезда блестит далече во чистом поле"».

28 октября 1793 г. Родилась дочь Прасковья (+ 1839). 2 ноября 1793 г. Львов писал А.П. Полторацкой: «Поздравляю Вас с тем, что у меня родилась дочь Прасковья...». В 1818 г. выйдет замуж за Константина Матвеевича Бороздина (впоследствии сенатор). После родов тяжело болела Мария Алексеевна.

1793 – 1799 гг. Работа главным архитектором Школы практического земледелия близ Павловска, создание ансамбля построек Школы.

1794 г. Работа над созданием программ иллюстраций к произведениям Г.Р. Державина. Четыре рукописных тома сочинений Державина были проиллюстрированы по программам Львова художниками А. Егоровым, И.А. Ивановым, А.Н. Олениным – три при его жизни, четвертый после смерти.

Награжден орденом святого Владимира III степени.

Завершается перевод и издание стихов древнегреческого поэта Анакреона. Этот труд, под названием: «Стихотворения Анакреона Тийского. Перевел Николай Львов, кн. 1-3. СПб., 1794», был опубликован на греческом и русском языках. Подстрочный перевод в помощь Львову был выполнен Евгением Булгарисом. Издание вышло с примечаниями и предисловием, в котором Львов конкретно выразил свое отношение к проблеме перевода: переводчик должен не только точно передать смысл стихов, но и приблизить их к новой аудитории.

1795 г. Создание проекта и строительство Владимирской церкви в имении Беклемишевых Горницы Кувшиновского уезда Тверской губернии.

31 января 1795 г. Львов и Державин породнились – Г.Р. Державин женился на Дарье Алексеевне Дьяковой – сестре жены Львова.

1794 – 1796 гг. Создание ансамбля усадьбы Донаурова на берегу р. Ржевки под Петербургом.

1795 – 1799 гг. Разработана новая система отопления и опубликована книга «Русская пиростатика» (Ч. 1-2), в которой дано описание и представлены чертежи конструкции печей и каминов, для воздушного обогрева помещений. Это была последняя из книг Львова, напечатанных при Екатерине за счет Кабинета двора.

16 августа 1796 г. Императрица подписала указ «об ограничении свободы книгопечатания и ввоза иностранных книг, об учреждении на сей конец Цензур...». Кабинету вменялось прекратить выплачивать деньги на издание «приватных лиц».

Создание ансамбля усадьбы Г.Р. Державина Званка.

Написана поэма «Добрыня», опубликованная в 1804 г. Евгением Болховитиновым в журнале «Друг просвещения». Поэме предшествовала статья Болховитинова, под названием «Памятник Николаю Александровичу Львову», в которой автор утверждал, что «сочинения господина Львова сами будут ему вместо памятника» (ч. III, сентябрь, № 9).

6 ноября 1796 г. Скончалась Екатерина II. На престол взошел император Павел I. Это событие сыграло существенную роль в жизни и деятельности Львова.

8 ноября 1796 г. Именным указом Павла I Львов был послан в Москву. Ему надлежало в сопровождении двух кавалергардов доставить в Петербург из Успенского собора Кремля царские регалии, необходимые для коронования.

19 ноября в Александро-Невском монастыре были торжественно вынуты останки Петра III, убитого более тридцати лет назад. 25 ноября Павел лично возложил корону на черепе некоронованного при жизни государя. 2 декабря гроб с прахом был перевезен в Зимний дворец и поставлен на катафалке рядом с телом Екатерины, а 5 декабря два гроба были торжественно предали земле в Петропавловском соборе.

27 ноября, после коронования трупа, Львов отправился с царскими регалиями обратно в Москву, в Успенский собор.

19 декабря 1796 г. Подписан указ императора Павла I: «...повелеваем издержки его *(Львова – А. Н.)* ...из Кабинета заплатить и впредь его полезные сочинения, переводы и чертежи на иждивении Кабинета печатать...»

Декабрь 1796 г. Получил чин действительного статского советника.

7 апреля 1797 г. Павел подписал указ о перестройке Большого кремлевского дворца:

> «Для ежегодных наших в Москве пребываний повелеваем отделать Кремлевский наш дворец нашему гофмейстеру князю Гагарину и Статскому Действительному Советнику Львову».

Перестройка производилась в 1797 и 1798 годах. (В XIX в. дворец был заново перестроен архитектором К. Тоном).

В это же время создан проект теремов великих князей Константина и Николая Павловичей в Московском кремле.

15 апреля 1797 г. Состоялась коронация императора Павла I, во время которой граф А.А. Безбородко был назначен подавать митрополиту корону. В связи с этим Безбородко получил в собственность огромные земельные наделы в разных губерниях России и титул светлейшего князя.

Львов на коронации не присутствовал – он болел у себя в имении Никольское-Черенчицы. В день коронации ему был

пожалован орден Анны второго класса.

11 апреля 1797 г. Граф А.А. Безбородко был назначен канцлером, а 27 апреля Павел подписал указ: «Пустопорожнее место на Яузе у Николы на Воробьине, купленное в прошлом году в казну... пожаловать в вечное и потомственное владение светлейшему князю и канцлеру Безбородко». Львов создает проект парка Безбородко в Москве, пояснительную записку к которому расценивают как трактат по садово-парковому искусству.

Апрель 1797 г. Создан альбом «Опыт о русских древностях в Москве». Датировка альбома – апрель 1797 г., связана с коронационными торжествами при воцарении Павла I. В рукописный альбом включены 10 листов наиболее ярких видов «древностей» Москвы, а также план Кремля.

31 августа 1797 г. Павел I подписал указ «О разработывании и введение в общее употребление земляного угля, отысканного под городом Боровичами и по берегу реки Мсты», согласно которому, Львов был назначен директором всех угольных разработок в России. В тот же день был подписан указ об учреждении школы «земляного битого строения», организованной по инициативе Львова в его имении Никольское-Черенчицы под Торжком.

13 октября 1797 г. Опубликовано «Прибавление» № 81 к Санкт-Петербургским ведомостям с объявлением о порядке приема в Школу Земляного строения.

1797 – 1803 гг. Работы на посту директора Школы землебитного строительства.

7 июня 1798 г. Состоялась закладка дворца Безбородко на Яузе в Москве (не был осуществлен).

1798 г. Опубликована 1-я книга трактата об архитектуре А. Палладио в переводе Львова, с его собственными комментариями и «предуведомлением» под названием «От издателя русского Палладия». При подготовке издания Львов выполнил около двухсот рисунков «мерою и подобием совершенно против оригинала, ничего не переменил, ничего не прибавил», и теперь издает « в той подлинности, каковую заслуживает его совершенство».

Опубликован труд Львова «О пользе и употреблении русского земляного угля».

Создан проект обширного комплекса землебитных казарм в Торжке: вместительные двухэтажные здания для офицеров и солдат, службы, конюшни и т. п. Проект не был осуществлен из-за бюрократических проволочек администрации Твери и Торжка.

13 июня 1798 г. Начало строительства землебитного Приоратского дворца в Гатчине под Петербургом по заказу императора Павла I. (Завершение – январь 1790.)

В это же время в Гатчинском парке зодчий осуществляет еще ряд построек: березовый домик, ристалище, навмахия с каскадом и др.

3 июля 1798 г. Утвержден «план, по которому полагается учредить разработку каменного угля для обеих столиц на коммерческой основе, под особым начальством действительного статского советника Львова».

Июль – сентябрь 1798 г. Об активной деятельности Львова в этот период свидетельствует записка, которая датирована июлем – сентябрем 1798 г.: «О порученных действительному статскому советнику Львову комиссиям:

В Москве: Надстройка над дворцом кремлевским верхнего апартамента в черне кончена и подведена под крышку.

В Торжке: открыто училище земляного строения, в котором 200 человек одних казенных учеников продолжает учение.

В Гатчине: каменная набережная, башня и цоколь под земляной замок уже сделаны, зачинают работать земляные стены.

Под Павловском: в школе земледельческой строится земляной скотный двор и в два этажа покои.

В Боровичах: карьера земляного угля разработана, выкопано 54.450 пуд, из коих 28.500 пуд доставлено на С. Петербургской монетный двор.

Каменного угля сделаны приписки: № 2 в Калужской губернии под городом Алексиным, в 145 верстах от Москвы; № 3 той же губернии в Козельском уезде на реке Жиздре, в Оку впадающей; № 4 в Рязанской губернии в Ряжской округе на реке Чернаве; № 5 той же губернии в Ряжском уезде, под селом Петровым; № 6 в Симбирской губернии, по близости реки Волги; № 7 в Бахмутском уезде в селе Друшкове; № 8 в Новороссийской губернии в Павлоградском уезде при слободе Гродовке – превосходного пред всеми качества для всякого домашнего и заводского изделия; № 9 в Рязанской губернии в Зарайском уезде, близь реки Осетра».

1798 – 1799 гг. Подготовка к публикации и издание «Подробной летописи от начала России до Полтавской баталии» (Ч. 1 – 4) по рукописи, найденной Львовым в Спасо-Евфимиевском монастыре.

1798 – 1799 г. Создание ансамбля в имении П.В. Лопухина Введенское под Москвой: дворец, ц. Введения во храм Пресвятой Богородицы, службы, конюшни, парк, фруктовый сад с оранжереей и т. д. В 1912 г. деревянный дворец во Введенском был перестроен в камне с сохранением прежней планировки.

Свое отношение к этому проекту Львов подробно изло-

жил в письме к П.В. Лопухину. (Письмо без даты, но, вероятно, написано в январе 1799 г. РГИА, ф. 37, оп. 11, ед. хр. 117, 1816, л. 104, 104 об.)

5 апреля 1799 г. Скончался Безбородко. Львовым создана программа надгробного памятника А.А. Безбородко в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры, по которой в бронзе памятник был исполнен скульптором Ж.-Д. Рашеттом.

Май 1799 г. В команду Львова прикомандирован художник, берггешворен Академии Художеств Иван Алексеевич Иванов (1779–1848), в будущем академик живописи, который до конца жизни Львова оставался в его команде.

1799 г. Именным указом Львову выделен участок земли в Тюхилях под Москвой, где был открыт филиал школы землебитного строительства.

Изобретен «каменный картон» и разработана конструкция специальной машины для его производства.

Чтобы донести до потомков имена наиболее прославленных российских живописцев, скульпторов и архитекторов, Львовым было принято решение «составить описания отечественных архитекторов и живописцев» и «издать словарь художеств и художников», для чего он «между дела» собирал материалы, о чем и писал 22 апреля 1800 г., уже из Москвы, президенту Академии художеств А.С. Строганову: «Свободные худо-жества в доме вашего Сиятельства из давних времен имеют прибежище. Под сим титлом позвольте и мне тем же покровом приютиться. Я давно уже меж дела занимаюсь сочинением общего словаря художников и художеств, который надеюсь скоро и напечатать; но о собственных художниках наших ниоткуда не могу почерпнуть сведения. Хотя в прошедших временах немного действительно их было; но одна искра таланта, отраженная сиянием северных льдов, сугубый дает свет на горизонт наших успехов». А в письме к конференц-секретарю Академии художеств П.П. Чекалевскому Львов писал: «Сведения о иностранных художниках везде я мог заимствовать, но нигде и ничего о наших собственных не мог узнать успехах.» Осуществить задуманное Львову не удалось.

Опубликовано первое посмертное собрание сочинений И.И. Хемницера – «Басни и сказки И.И. Хемницера». Издание было осуществлено Львовым совместно с В. В. Капнистом (подготовка текста и редакция) и А.Н. Оленины (создание иллюстраций).

По заданию императора Львов пишет историю Мальтийского ордена (опубликована не была, рукопись не сохранилась).

Осень 1799 г. «Угольный пожар» в имении Львова под Петербургом

на берегу Невы, где он был вынужден сложить доставленный в столицу добытый на Валдае каменный уголь, т. к. не смо добиться, чтобы ему выделили место для складирования угля

7 ноября 1799 г. Через графа Г.Г. Кушелева отдано распоряжение импера тора «О протоплении Москвы торфом», залежи которого были открыты Львовым близь деревень Кожуховой и Черкизовой Начинание не нашло поддержки московского генерал-губерна тора И.П. Салтыкова, поэтому не было осуществлено.

1799 – 1805 гг. Осуществлялась перестройка Христо-Рождественского мо настыря в Твери по «заранее составленному плану», автором которого был Львов.

1800 г. Львов тяжело болел. Его состояние иногда казалось на столько плохим, что родные готовились к худшему... Времена ми он приходил в себя, диктовал какие-то неотложные письма беседовал о делах, но потом снова впадал в забытье, все забы вал, никого не узнавал. 11 октября 1800 г. граф А.П. Бутурлин сообщал в письме к А.Р. Воронцову: «Львов Николай чув ствует себя немного лучше, и есть надежда на его выздоровле ние». А еще через две недели, 26 октября пишет: «Я вчера заходил к Львову... Больной вернулся издалека и все еще по хож на воскресшего Лазаря. Это ходячий скелет».

В эти дни на чистых листах своего «Итальянского дне ника» 1781 г. Львов делает нетвердой рукой записи: «Это 1800, ноября 16. Мое путешествие в Москву к другому миру было более красочно, чем все это» (в этот день его перевезли из Тюфилей в город). Почерк непривычно крупный, старатель ный – он «выводил» каждую букву. Но уже на следующей странице в ореоле твердых, уверенных, красивых росчерков запись, распределенная на пять строк, похожая на титульный лист книги: «1-й день второй моей жизни. Москва 1800».

10 декабря 1800 г. Львов сам сумел продиктовать ответ на три залежавшиеся письма Обольянинова: «Сегодня только мог я выслушать и уразуметь три почтеннейших письма вашего пре восходительства ко мне умиравшему... Я движусь, как тень которую водит чужая сила. О, как нужно еще мне подкрепле ние сил душевных! Я часто не помню еще места, в которое меня привезли, не знаю дома, в котором живу, свет представляется мне второю жизнью и все люди вновь рожденными».

11 января 1801 г. близкий друг Львова Д.М. Полторан кий писал из своего имения Грузины жене в Петербург о том что он беседовал с лейб-медиком И.С. Рожерсоном, который считался в России самым знаменитым врачом, о состоянии здоровья Львова, и что доктор «очень о нем интересуется» Рожерсон высказал свое категоричное мнение: «Николаю А

надобно советовать идти в отставку, ... и другого к исправлению его здоровья не находит».

1 марта 1801 г. Львов продиктовал письмо А.Р. Воронцову: «Все мне представлялось, пришел я с того света и в тот вечер я плакал, как ребенок. Силы мои душевные и телесные истощились, как я диктую, так и хожу, когда двое водят... Я должен буду вести кости мои в Петербург, как скоро в состояние приду недвижим лечь в возок».

В ночь с 12 на 13 марта в Михайловском замке был задушен император Павел I. Эта весть потрясла Львова. Состояние его здоровья снова ухудшилось.

Только 4 апреля 1801 г., когда опасность окончательно миновала, Мария Алексеевна написала Державиным: «Больной мой начинает походить на человека: десять месяцев он был мертвый и теперь говорит, что он совершенно забыл всю прошедшую жизнь свою и что истинно для него теперь трояко новый век: что он совершенно забыл, что он делал и как жил, и теперь каждый день, что ему вспомнится – как будто новая находка».

Отправиться в столицу Львов, еще не окрепнув, сумел только в июле, и, едва приехав, 18 июля пишет в письме А.М. Бакунину в Прямухино: «Едва я сюда приехал с того света на костылях... запел, и никто не удивляется, что во все горло...

Или свет переменился
Или я переродился?
Или здесь я с головой,
А там был все безголовый?
Жил я нежил целый год,
Не летал, не пресмыкался;
Здесь я точно так попался,
Как на ярманке урод».

23 мая 1800 г. Получена санкция на производство «горючей серы», необходимой для производства пороха, по способу извлечения ее из каменного угля, открытому Львовым.

1801 – 1803 гг. Работы для А.К. Разумовского: дворцы в Москве на ул. Гороховое поле, в Горенках под Москвой, в Яготине на Украине.

15 июля 1801 г. Императору Александру 1 поднесен альбом чертежей, выполненных И.А. Ивановым, на которых были запечатлены землебитные строения, возведенные выпускниками школы в разных губерниях России (ныне в ОР. РНБ).

1 октября 1801 г. Львов пишет в стихах письмо А.М. Бакунину в Прямухино. Письмо значительно для биографии автора – оно показывает состояние его духа после болезни:

«У Николы в Воробине после смертельной моей болезни послание начерно к А. М. <Бакунину>1801 окт. 1-го.

ТРИ НЕТ

Слуга твой всепокорный Львов
Услышать звон колоколов,
Увидеть пузыри и плошки,
Москву тетьоху впопыхах,
По Тюфильской дорожке
Приплыл на костылях
И у Николы поселился,
В Воробине, на тех горах,
Где дом Светлейшего затмился,
Живущего в благих делах!

На падших я припал листах,
На хладный камень облактился,
Глазами спрашивал, и общий был ответ:
НЕТ!

Зачем не он, а я остался?
Без титла и заслуг
Опять на новый круг
Вдругорядь в тот же свет забрался?

И как в знакомых мне местах
Не вижу много лиц знакомых?
Что это все? Все прах, да прах!
Все кучи камней... насекомых...
Иль стал могильник общий... свет?
НЕТ, -
Надежда в сердце отвечала.
Неведом и конец нам вечности начала,
Доколь сестра моя Любовь
Блаженство смертных согревает;
Не разрушается ничто, ничто не исчезает!

Начало вещества и всех веществ конец,
Источник вечных благ и вечности венец,
Сияет и тебе, как непреложный свет.
Ступай... так как-то сам собой,
Не знаю, мой, или чужой,
Сам прозвучал ответ:
«Душа моя туда желает,
А с телом бьют челом и говорят, что
НЕТ!

Что дальняя, дескать, дорога,
Что здесь кое-какая дружба есть,
Любви и много, много.
Там как-то будущая честь
Добро наличное теперь не заменяет.
Но можно ли повременить
И кой-как ниточки ссучить?
Постой, дай здесь поосмотрюся.
Дай кой-что сделаю, поправлю, разочтуся,
Иному заплачу, другому дам взаймы
(Сам только не возьму и ни из чьей сумы),
А там, как делом надорвуся,
Устану...вдоволь налюблюся,
Поставлю жизни я чертой:
«Как скучно будет мне и дома,
Тогда мне этот свет худой».
Постой,
Дорога и в другой
Знакома.
Вечернею порой
Я в путь расположуся,
Сберусь и с силой и с умом,
Да к командиру всех челом
И в чистую отсель отставку попрошуся.
Потом
Раненько пробудяся,
Одепусь налегке и, Богу помоляся,
С любимыми прощусь
И только что с одной
Женой
Не разлучусь,
Но узел проглочу сердечной...
«Ребятушки, я здесь уж больше не гожусь», –
Скажу, да сам и уплетусь,
Встряхнуся, встрепенусь,
К Любви превыспренной и вечной
На крыльях радостных взовьюсь
(И легок тем, что не боюсь),
Повыше, чем летал, пущусь,
Взыграю, закружусь
И сверху засмеюсь,
И пред Христом не усмирюсь!

В том мире поселюсь
И там век в века залюблюсь.
Аминь.

Слуга ваш Николай
И Львов Никольский
Прошел уже, прошел путь скользкий,
И минуло ему давно пятнадцать лет,
Теперь он дряхл и сед,
Отец пяти детей и диво, что не дед».

1802 г. Начало строительства мавзолея-усыпальницы в родовом имении под Торжком Никольское-Черенчицы. (Освящение храма состоялось в июне 1806 г.)

Продолжаются работы по благоустройству собственного имения. В записке, датированной 1802-м годом, Львов пишет:«1802 года в другорядь в 13 марта едучи с Питер: в Черенчицы один с Брюном.
печи велеть переделывать
как Лизынька приедет, солому велеть выбрать
достроить на Петровой горке
конюшню перекрыть
оранжерею сложить и сделать на новом месте в саду
капители каменные к колоннам
колодец кирпичем»

23 октября 1802 г. Произведен в тайные советники с повелением присутствовать в Экспедиции государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства.

Июнь – октябрь 1803 г. Предпринимает по повелению императора Александра I от 15 апреля поездку в Крым и на Кавказ. Делает ряд археологических открытий. Изучает и научно обосновывает действие источников Кавказских минеральных вод. Создает ряд архитектурных проектов, в том числе последний в своей жизни «Проект теплицы на Бештовых горах» (не был осуществлен). Таким образом, трудами Львова было положено начало курортам на Кавказских минеральных водах и многочисленным ныне в тех краях здравницам.

Во время этой поездки Львов снова тяжело заболел и, отдав своим спутникам распоряжение без него завершить все, что было намечено, в сопровождении лекаря вернулся в Москву. Болел долго и тяжело, но до последних дней занимался делами, писал письма, стихи, басни, в том числе одну из лучших своих басен о дураке:

«23 ноября 1803, Москва! Больной после Крыму.
Кому, как по натуре Львова стихи.

Баснь.
Дурак привык купаться в луже,
Дурак, поди в реку! – Там хуже:
Там течет, светла, мешает,
Да студена, как лед, –
Дурында отвечает.
Дурак наш так считает:
«Где смирно, хоть черно,
Но тихая вода,
То там и золотое дно».
О! Дурень! Там – беда».

11 декабря 1803 г. На 51-м году жизни Н.А. Львов скончался в Москве. Похоронен в усыпальнице в построенном им храме Вознесения в родовом имении Никольское-Черенчицы под Торжком. У алтаря была установлена бронзовая доска с надписью:
При вратах царских храма сего
Почиет прах соорудившего оный
Николая Львова,
родившегося 1751-го,
скончавшегося 1803 г. дек. 22
на 52-м г. от рождения.

(Эта надпись на надгробной доске и явилась причиной путаницы с датой рождения Н.А. Львова, которая была уточнена только в 2001 г.)

Через четыре года, 14 июня 1807 г., умерла и была похоронена рядом с Н.А. Львовым его жена М.А. Львова, урожденная Дьякова. Их могилы не сохранилась.

В 1810 г. шестидесятивосьмилетний Державин побывал в имении друга Никольское-Черенчицы. Преклонился пред могилами, написал стихи: «На гроб переводчика Анакреона Н.А. Львова и его супруги, в селе Никольском:

Да вьется плющ, и мирт здесь высится зеленый,
Хор свищет соловьев, смеется пестрый луг...».

ПРИМЕЧАНИЯ

С.Д. Дзюбанов высказал иное мнение. См. статью Дзюбанова «Верует в резон, как истинного бога...»

То же

С.Д. ДЗЮБАНОВ
Санкт-Петербург

МАТЕРИАЛЫ К ВОСХОДЯЩЕЙ РОДОСЛОВНОЙ Н.А. ЛЬВОВА*

Восходящая родословная Николая Александровича Львова по мужской линии хорошо известна и прослеживается до XIV века. Однако, для построения полного (смешанного) родословного дерева, необходимо знание предков и по женским линиям, что в большинстве случаев оказывается затруднительным, так как информация о женах русских дворян с XVIII в. и раньше в известных родословиях обычно не полная или вовсе отсутствует.

Исключение составляют лишь родословия немногих титулованных родов, вследствие их известности, а также восходящая родословная А.С. Пушкина, благодаря многолетнему кропотливому труду многих исследователей.

Актуальность изучения всей совокупности родственных связей очевидна, и обусловлена она, прежде всего, тем большим влиянием, которое оказывали родственные связи на взаимоотношения между людьми. Во времена, отделенные от нас двумя и более веками, российские дворяне знали и учитывали не только близкое (троюродное родство тогда считалось близким), но и очень дальнее родство, в том числе, конечно, и родство по женской линии. Хороший пример знания и учета такого родства дает переписка Г.Р. Державина и П.Х. Обольянинова в марте 1800 г.[1] Гавриил Романович просил Петра Христофоровича устроить на службу в Берг коллегию своего родственника П.А. Нилова. Петр Андреевич Нилов был сыном старинного приятеля Державина, тамбовского помещика Андрея Петровича Нилова, жена которого, Елизавета Корнильевна (урожденная Бороздина). Была в свое время известна в литературе, как переводчица. Она была сестрой Матвея Корнильевича, отца зятя Н.А. Львова Константина Матвеевича. Сын ее Петр Андреевич Нилов, гвардейский офицер, затем коллежский асессор, в январе 1799 г. женился на Прасковье Михайловне Бакуниной, которая была двоюродной сестрой Д.А. Державиной (и М.А. Львовой). В том, что Державин просит протекции сыну друга и дальнему свойственнику у своего друга Обольянинова, пользовавшегося немалым влиянием при Павле I, нет ничего необычного. А вот ответ Обольянинова удивителен для современного читателя: Петр Хрисанфович пишет, что готов оказать услугу своему другу, который может уже считать просьбу выполненной. Однако, он выражает недоумение, почему Гаврила Романович не прибег в этом случае к услугам М.Ф. Соймонова – директора Берг коллегии. По мнению Обольянинова, при

[illegible] родственников в Берг коллегию – прямая обязанность Соймонова. Поражает осведомленность Обольянинова о родственных связях Державина. М.Ф. Соймонов (двоюродный дядя Н.А. Львова) находился в весьма дальнем свойстве с Державиным.

П.Х. Обольянинова некоторые биографы Н.А. Львова представляют, чуть ли не как злейшего врага Николая Александровича, по-видимому, без каких-либо серьезных оснований, а лишь усиливая негатив в отношении, высказанный по отношению к Петру Христофоровичу Елизаветой Николаевной Львовой[2]. Заметим, однако, что упомянутая выше переписка Державина и Обольянинова – свидетельство их дружеских отношений, а друг Державина и враг Львова вряд ли могли совмещаться в одном лице.

Еще несколько лет назад при составлении восходящей родословной Н.А. Львова пришлось бы ограничиться только мужской линией. Но недавние [illegible] позволили сделать эту родословную гораздо более содержательной. Существенного продвижения удалось достичь после того, как в РГИА в фонде К.М. Бороздина был исследован документ, названный в описи «Родословие Борозд[illegible]»[3]. В действительности это восходящая родословная Павла Владимировича [illegible], составленная, по-видимому, его родителями: Владимиром Семеновичем и Еленой Константиновной, урожденной Бороздиной. Несомненно, что в составлении документа принимал участие дядя П.В. Корсакова – известный историк и генеалог Константин Матвеевич Бороздин (1781–1848).

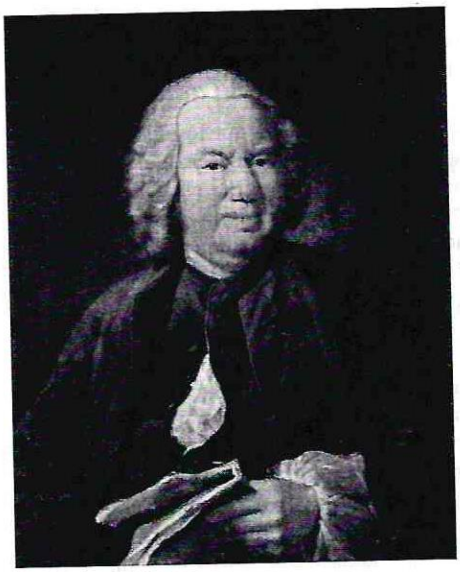
К.М. Бороздин был женат на дочери Н.А. Львова – Прасковье Николаевне (1781–1839), поэтому в родословии П.В. Корсакова присутствует как родословная Львова, так и его жены Марии Алексеевны, к сожалению, лишь по два поколения в каждой.

Как известно, родителями Марии Алексеевны были Александр Афанасьевич Дьяков и Авдотья Петровна, урожденная княжна Мышецкая. Из рассматриваемого родословия мы узнаем, что родителями Алексея Афанасьевича были Афанасий Семенович Дьяков и Ульяна Алексеевна, урожденная Хомутова.

Родителями Николая Александровича были Александр Петрович Львов и Прасковья Федоровна. Урожденная Хрипунова. Как следует из родословия Корсакова, Александр Петрович был сыном Петра Семеновича Львова и Пелагеи Ивановны, урожденной Соймоновой, а Прасковья Федоровна – дочерью Федора Ефимовича Хрипунова и Марии Максимовны, урожденной Хомутовой.

Хрипуновы – старинный дворянский род, происходящий от Аничковых. Поместья Деревской пятины (упом. в 1495 г.), Иван Васильевич (5-е колено от прародителя Аничковых – Берки), за хриплый голос имел прозвище Хрипун. Такое же прозвище было у его сына Симеона, который стал прародителем Хрипуновых[4].

Род Аничковых происходил от царевича Берки, приехавшего в 1301 г. из Золотой Орды в Москву к великому князю Ивану Даниловичу Калите. Ордынский царевич был крещен св. митрополитом Петром и назван Аникием (отсюда и фамильное прозвище Аничковы). Митрополит благословил его при этом золотой панагией с дорогими каменьями и с 7-ю частями мощей, а также серебряным ковшом с надписью: «Аз смиренный митрополит Петр Киевский и всея Руси благосло-



И.П. Аргунов. Портрет К.А. Хрипунова
1757. Холст, масло.
Останкинский дворец-музей

И.П. Аргунов. Портрет жены Хрипунова.
1757. Холст, масло.
Останкинский дворец-музей

вил естьми сына своего Берку царевича, во святом крещении Аникия». Великая княгиня была восприемницей Берки и подарила ему золотой крест. Все эти реликвии хранились в роду Аничковых. Многие Аничковы были стряпчими, стольниками, воеводами, думными дворянами, владели имениями преимущественно в Новгородской губернии.

Ответвление Аничковых – Хрипуновых также было многочисленным и разветвленным родом. Известны портреты Козьмы Аксентьевича Хрипунова (р. в 1685, ум. не ранее 1761) и его жены, исполненные в 1757 г. И.П. Аргуновым и хранящиеся в Останкинском дворце-музее (ил. 1, 2).

Портрет К.А. Хрипунова считается одним из первых портретов русского интеллигента. Козьма Аксентьевич служил в Вологодском полку. В 1711 г. Петр I выдал ем паспорт для выезда в иностранные государства. В дальнейшем он служил секретарем и переводчиком Коллегии иностранных дел.

В 1787 г. внуки брата Козьмы Аксентьевича, Ивана, Сибирского приказа советника, – Федосей и Козьма Тихоновичи Хрипуновы обратились в департамент герольдии с прошением о признании их в потомственном дворянства и причислении к роду Хрипуновых[5]. Федосей Тихонович был тогда отставным канцеляристом, а надворный советник Козьма Тихонович служил в Петербургском Почтовом ведомстве. Дочь Козьмы Тихоновича была в Императорском Воспитательном об-

ществе благородных девиц (Смольный монастырь) классной дамой[6]. К своему прошению Хрипуновы приложили свидетельство о том, что «Козьма и Федосей – покойного Козьмы Аксентьевича двоюродные внучата». Свидетельство подписали: действительный статский советник директор почтамта и кавалер Матвей Матвеевич Экк, действительный статский советник Петр Бакунин, генерал-поручик Санкт-Петербургский губернатор и кавалер Петр Петрович Коновницын, Коллегии иностранных дел канцелярии советник Василий Борисович Софонов (ранее, в 1785 г., был секретарем г. р. Державина). Все они весьма значительные, но всего лишь четыре персоны, тогда как в таких случаях требовалось свидетельство двенадцати благородных персон. Недостающие свидетельства несложно было получить, выделив на это определенную сумму денег, которой, по-видимому, не было у Козьмы и Федосея Тихоновичей. На прошение была наложена резолюция: «Отказать». Более того, решено было издержки по рассмотрению дела и штраф за неправомерное прошение отнести на счет Хрипуновых.

Упомянутого Козьму Тихоновича Хрипунова академик Я.К. Грот ошибочно считал дядей Н.А. Львова, о котором Николай Александрович писал 13 августа 1786 г. Г.Р. Державину: «Сей дядя не имеет другого наследника, кроме меня, я торгую его деревни, а он не продает, а проматывает... Граф А. Романович *(Воронцов)* чрез Романа Ларионовича старался ввести его в резон, чтобы он, по крайней мере, в новгородских деревнях мне 100 душ уступил, где я во всем половинщик; он дал слово, от которого Роман Ларионович и умер...»

Козьма Тихонович не имел недвижимости. Единственный близкий его родственник, владевший поместьем, Козьма Аксентьевич продал свое имение графу И.Л. Воронцову в 1761 г. В действительности Н.А. Львов писал о двоюродном своем дяде, поручике Василии Ивановиче Хрипунове, сыне бригадира Ивана Ефимовича Хрипунова, воронежского вице-губернатора.

Дед Н.А. Львова Ф.Е. Хрипунов упоминается в списке офицеров первой половины XVIII в.:

«1740, ноября 24-го. Глуховского гарнизонного полка подполковник Федор Ефимович Хрипунов, от роду ему 51 год, крестьян за ним с братом в Новгородской и Ярославской губерниях 40, да жениных приданых в Новгородском уезде в Деревской пятине в селе Покрое. Детей нет. Декабря 2-го 1740 г. по смотру и по приговору сенатскому за старостью, дряхлостью и за болезнями от воинской и штацкой службы отставлен вовсе и отпущен на свое пропитание»[7].

Сразу вызывают вопрос слова «детей нет». Известно, что у Ф.Е. Хрипунова была дочь Прасковья[8]. Где же ошибка? Доказательства того, что Прасковья Федоровна была дочерью Федора Ефимовича Хрипунова, абсолютно надежны, поскольку опираются на сведения о недвижимости. Сохранился надгробный памятник на могиле П.Ф. Львовой, урожденной Хрипуновой, на кладбище вышеупомянутого села Покрова (Покровского). Но и в сенатском приговоре нет ошибки. В указанном документе упоминались только дети мужского пола. При их отсутствии (как у Ф.Е. Хрипунова) писалось, что детей нет, даже при наличии дочерей. В этом же списке бездетным назван также и подполковник Никифор Иванович Львов, у которого было две дочери – Аграфена и Вера[9].

Соймоновы – дворянский род, восходящий к XV в. Многие представители этого рода служили Российскому престолу стольниками и воеводами и жалованы от государей поместьями, знатными чинами и орденами. Серпуховскими городовыми дворянами были Федот Петрович Соймонов, братья Клементий, Прохор, Андрей Ивановичи Соймоновы (упом. 1627). Борис Парфеньевич, Никифор Иевлевич, Афанасий Борисович были стольниками. В конце XVII в. Соймоновы стали свойственниками царской семье – жена Афанасия Андреевича Соймонова (ум. 1698) – Анна Семеновна, урожденная Головкина, по матери была двоюродной теткой царицы Натальи Кирилловны, урожденной Нарышкиной, матери Петра I.

Выдающимся представителем рода Соймоновых был брат бабки Н.А. Львова Пелагеи Ивановны, действительный тайный советник, Федор Иванович Соймонов (1692–1780). Ф.И. Соймонов участвовал в описании Каспийского моря – составил первую печатную карту, атлас, лоцию и «Описание» Каспийского моря; сопровождал императора Петра I в Персидском походе (1722–1723), затем был генерал-кригс-комиссаром.

В 1737 г. пример знания и учета дальнего родства явил сенатор граф Михаил Гаврилович Головкин при слушании в Сенате тяжбенного дела об имении в Серпуховском уезде астраханского губернатора генерал-майора Леонтия Яковлевича Соймонова с Федором Ивановичем Соймоновым[10]. Перед началом слушания гр. Головкин объявил, что «Федор Соймонов ему по свойству внучатый брат», и судьей в этом деле он может быть только с разрешения общего собрания Сената. Такое разрешение было получено. При Бироне в 1740 г. Федор Иванович был осужден по делу кабинет-министра А.П. Волынского, бит кнутом и отправлен в ссылку в Охотск, из которой освобожден при Елизавете Петровне в 1742 г. Позднее он руководил Нерчинской экспедицией, в 1757–1763 годах состоял сибирским губернатором, был одним из организаторов морских плаваний промышленных людей в Тихом океане. С 1763 года – сенатор.

Сын Ф.И. Соймонова – действительный тайный советник, Михаил Федорович (1730–1804), сенатор, один из видных организаторов горного дела в России. О родстве Н.А. Львова и М.Ф. Соймонова было известно ранее, не была определена только точная степень родства. Родственное покровительство и поддержка, которые М.Ф. Соймонов оказывал своему двоюродному племяннику, имели большое значение для Львова.

Серьезные трудности вызвало восстановление линии Хомутовых восходящей родословной Н.А. Львова. Точные сведения, которые позволили бы установить, к какому из известных дворянских родов Хомутовых принадлежала Мария Максимовна, бабка Н.А. Львова по материнской линии, нам пока не известны. Поэтому пришлось исследовать все известные родословия Хомутовых. В рассмотрение брались только древние дворянские роды. Таких оказалось четыре: род «шотландского» (по семейному преданию) происхождения,[11] ярославский род (потомки Ивана Васильевича Хомутова),[12] старицкие помещики (потомки Ильи Михайловича Хомутова),[13] орловские помещики (потомки Иуды Хомутова)[14].

В результате поиска по родословным деревьям Хомутовых Максима и Алексея, которые теоретически могли бы быть отцами Марии Максимовны и Ульяны

Алексеевны (матери А.А. Дьякова), выяснилось следующее: в названных четырех родословиях присутствует лишь один Максим, и он вполне подходит по возрасту. Это Максим Минич Хомутов из рода «шотландского» происхождения, а среди большого количества Алексеев в родословиях подходящим по возрасту оказался только Алексей Минич, родной брат Максима. Такое совпадение вряд ли случайно и является серьезным подтверждением, хотя и косвенным, правильности находки. Хомутовы, «шотландского» рода, были поместны, главным образом, в Тульской губернии. Там же, в Веневском уезде, имели поместья и Дьяковы[15].

Предок Хомутовых (по семейному преданию) Томас Гамильтон выехал в Россию из Шотландии в 1542 г. с сыном Петром и дочерью Авдотьей. Томас (в православии Григорий) выдал Авдотью замуж за боярина Артамона Сергеевича Матвеева, а сын Петр, потомки которого стали писаться Хомутовыми, служил по Новгороду. Мина Петрович Хомутов был стольником в 1686 г. Его родная сестра Евдокия Петровна была замужем за Федором Полуектовичем Нарышкиным (ум. 1676), дядей царицы Натальи Кирилловны. Таким образом, выяснилось, что Хомутовы (через Нарышкиных и Раевских) были в свойстве с Соймоновыми. Алексей Минич Хомутов был стольником (упом. 1692) вышеупомянутой царицы.

Некоторое сомнение в правильность построенной схемы вносит то, что по одним источникам Максим Минич Хомутов бездетен, а по другим – холост. Бездетность, как было отмечено выше, в документах тех лет означала лишь отсутствие детей мужского пола. Возможно, упоминание о том, что Максим Хомутов холост, относилось ко времени нахождения его на службе, а после выхода в отставку он женился. Тем не менее, следует признать, что представленная линия Хомутовых (как и производные от нее линии Горихвостовых и Костюриных) в родословной Львова — лишь гипотеза, хотя и очень правдоподобная. Для полной уверенности в ее правильности потребуются дальнейшие исследования.

Род Головкиных происходит от выехавшего из Волыни в 1485 г. шляхтича Ивана Кишукумовича Головкина, который в 1512 г. был боярином у Дмитровского удельного князя Юрия Ивановича и в 1513 г. получил многие поместья[16].

Род Раевских герба Лебедь по семейному преданию происходил от графов Дуниных[17]. Первым Раевским считался Иван Степанович, выехавший в 1526 г. из Литвы. Его сын Федор Иванович был воеводой в Волхове (1555–58). Прасковья Ивановна Раевская была замужем за каширским помещиком Леонтием Дмитриевичем Леонтьевым. Их дочь Анна Леонтьевна (ум. 1702), состоявшая в браке с боярином Кириллом Полуектовичем Нарышкиным, была матерью царицы Натальи Кирилловны. Таким образом, Иван Федорович Раевский – одновременно прапрадед царя Петра I и прапрапрапрадед Николая Александровича Львова.

Реконструкция линии Костюриных в родословной Н.А. Львова, также как и вышеописанной линии Хомутовых, оказалась непростой задачей. В России известны три древних рода Костюриных: ярославский (потомки дьяка Ивана Васильевича Костюрина), псковский (потомки Кондратия Семеновича Костюрина) и новгородский (потомки Богдана Костюрина). Наиболее вероятной представляется принадлежность Марии Михайловны Костюриной, в замужестве Хомутовой, к самому древнему из названных – новгородскому роду[18]. Ее отцом был, по-видимому,

Михаил Михайлович Костюрин (ум. до 1671), которому в 1640 г. было дано в поместье озеро Пирос в Пиросском погосте Деревской пятины.[19]. Из архива Костюриных, опубликованного Н.В. Мятлевым, узнаем, что около 1642 г. Михаил Михайлович с братом Давыдом били челом царю Михаилу Федоровичу об учинении наказания крестьянам князя Василия Мышецкого за укрывательство беглых кабальных людей. Один из беглых во время нахождения челобитчиков на государевой службе в Туле напал на их усадьбу, ограбил ее, мучил мать братьев Костюриных. Как отмечалось выше, Хомутовы были поместны в Тульской губернии, следовательно, служба М.М. Костюрина в Туле может служить косвенным доказательством правильности гипотезы. В какой-то мере подтверждает сделанный вывод и наличие в архиве Костюриных нескольких документов, связанных, так или иначе, с князьями Мышецкими и Козляниновыми, которые также принадлежали к родственному окружению Львовых.

Наиболее значительной фигурой новгородского рода Костюриных пыл еще один брат Михаила Михайловича – Лука, служивший объезжим головой в Великом Новгороде. Лука Михайлович был обязан принимать меры к предупреждению пожаров, корчемства, пьянства, драк и всякого воровства. На него возлагалась обязанность ведать приезжавших в Новгород немецких торговых людей, принимать от них жалобы и челобитные, а в разговорах опрашивать о политических событиях запада. Перед визитом в Москву шведского посольства и 1647 г. Л.М. Костюрин выполнял специальный наказ по удалению «тайным обычаем» шведских перебежчиков (латышей и корелян) с дороги от Новгорода до Торжка, по которой должны были двигаться послы. Надлежало удалить всех перебежчиков на расстояние не менее 10 верст, дабы ни один из них не объявился на указанной дороге.

Горихвостовы –- русский дворянский род, родоначальником которого был Федор Васильевич по прозванию Голова, владимирский сын боярский. Степан Иванович Горихвостов, воевода в Тихвине (1609–1620), собрав 1000 ратных людей, пришел на помощь князю Скопину – Шуйскому. Его брат Григорий Иванович был послом в Швеции в 1633 и 1635 гг., а другой брат Дмитрий Иванович – в Грузии и Имеретии.

Ниже приведем линии восходящей родословной. Поколения будем нумеровать в убывающем порядке, полагая Н.А. Львова в нулевом номере. Знак «-» перед номером опускаем. Таким образом, номер перед персоной означает, в каком колене от Н.А. Львова находится этот его предок.

А. Линия Львовых

1. Александр Петрович (1723(?) – 04.11.1769). Жена – Прасковья Федоровна Хрипунова (1725–1793).
2. Петр Семенович (ум. 1746), капитан, владелец с. Арпачева. Жена – Пелагея Ивановна Соймонова.
3. Семен Борисович (ум. 1711), стряпчий (1681), стольник (1696), в начальных людях (1702).
4. Борис Пименович (ум. 1683), стряпчий (1658–1676), боярин с 1699.

5. Пимен Никитич (ум. до 1667), новоторжский помещик (1626), воевода в Кашине (1650).
6. Никита Михайлович, упом. 1585 в Торжке.
7. Михаил Ильич, помещик Тверского и Новоторжского уездов (1548–1580).
8. Илья Степанович.
9. Степан Васильевич, родоначальник Львовых.
10. Василий Иванович.
11. Иван Васильевич.
12. Василий Львович Барыка.
13. Лев Измайлович.
14. Измаил.
15. Михаил Индегор.
16. Константин.
17. Марко Демидович, выехал из Литвы в Тверь около 1375 г.

Б. Линия Хрипуновых — Аничковых

1. Прасковья Федоровна (1725–1793).
2. Федор Ефимович. Полковник. Жена — Мария Максимовна Хомутова.
3. Ефим Петрович. Стольник.
4. Петр Лаврентьевич. Стольник.
5. Лаврентий Прокофьевич. Стольник.
6. Прокофий Васильевич. Стольник.
7. Василий Петрович.
8. Петр Иванович. Стольник, воевода в Козмодемьянске.
9. Иван Семенович.
10 Семен Иванович Хрипун.
11. Иван Васильевич по прозвищу Хрипун.
12. Василий Григорьевич (Аничков).
13. Григорий Иванович Красная Коса.
14. Иван Юрьевич.
15. Юрий Аникиевич.
16. Берка (в св. крещении Аникий). Жена — дочь Викулы Воронцова.

В. Линия Соймоновых

2. Пелагея Ивановна.
3. Иван Афанасьевич Большой (ум. 1711). Стольник и воеводский товарищ. Жена – Евдокия Михайловна N. Владел всего 22 крестьянскими дворами, но дал всем сыновьям хорошее образование.
4. Афанасий Андреевич (ум. 1698). Стольник, воевода в Серпухове (1663) и Цивильске (1673). Жена — Анна Семеновна Головкина.
5. Андрей Иванович. Серпуховский городовой дворянин (1627–1629).
6. Иван Степанович. Жалован поместьями в 1563 и 1586 гг.
7. Степан Юрьевич. Верстан окладом.
8. Юрий Иванович.

9. Иван Осипович.
10. Осип.

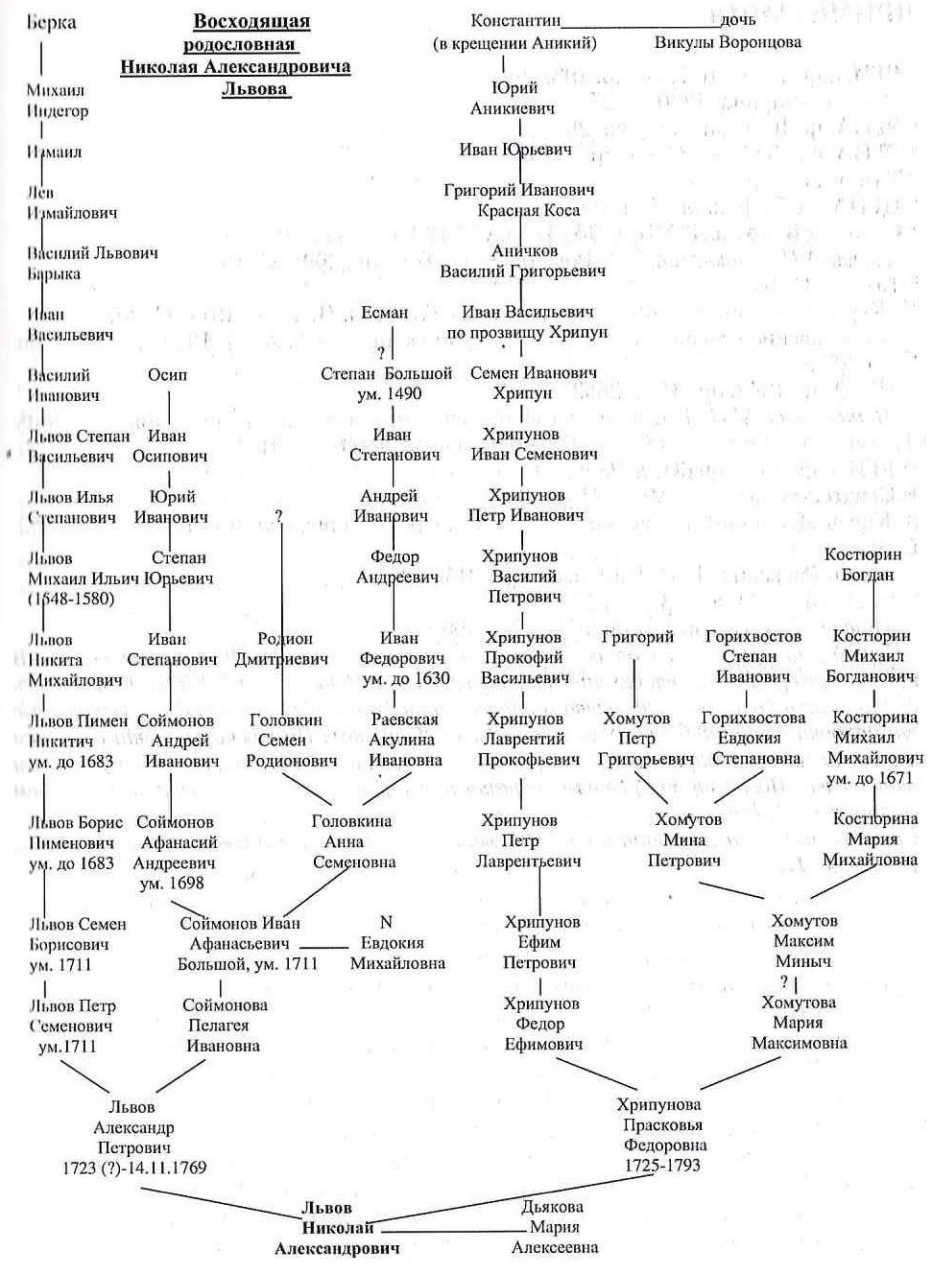
Г. Линия Хомутовых. (?)
2. Мария Максимовна.
3. Максим Миныч, стольник.
4. Мина Петрович, стольник (1686), воевода в Мезени. Оклад ему учинен в 7198 г. (по старому летоисчислению) 600 четв. и денег 30 рублей. Жена – Мария Михайловна Костюрина.
5. Петр Григорьевич. В 1636,1649 и 1654 годах верстан поместным окладом в 1150 четв. Жена – Евдокия Степановна Горихвостова.
6. Григорий. В 1611 г. показан в городовых дворянах и верстан окладом в 800 четв. По семейному преданию – выходец из Шотландии (Томас Гамильтон).

Д. Линия Головкиных
4. Анна Семеновна.
5. Семен Родионович. Жена – Акулина Ивановна Раевская, родная сестра Прасковьи Ивановны Леонтьевой, дочь которой Анна Леонтьевна Нарышкина была матерью царицы Натальи Кирилловны.
6. Родион Дмитриевич, помещик в Алексинском уезде Тульской губернии.

Е. Линия Раевских
5. Акулина Ивановна. Бабка канцлера графа Гаврилы Ивановича Головкина.
6. Иван Федорович (ум. до 1630), служил по Серпухову.
7. Федор Андреевич, дворянин 2-й статьи (упом. 1566).
8. Андрей Иванович.
9. Иван Степанович, шляхтич, в июле 1526 г. приехал из Литвы в Москву.
10. Степан Большой (ум. 1490), боярин удельного князя Мстиславского Ивана Юрьевича.
11. Есман, жил в первой половине XV в. По семейному преданию происходит от графа Петра Дунина.

Ж. Линия Костюриных (?)
4. Мария Михайловна.
5. Михаил Михайлович (ум. до 1671).
6. Михаил Богданович. Принадлежал к городовым детям боярским Деревской пятины. В 1606 г. имел оклад 450 четв.
7. Богдан Костюрин. Жил во второй половине XVI в.

З. Линия Горихвостовых (?)
5. Евдокия Степановна.
6. Степан Иванович, воевода в Тихвине.



ПРИМЕЧАНИЯ

[1] РГИА, ф. 1374, оп. 7, ед. хр. 193/1800.
[2] Русская старина. 1880. Т. 27.
[3] РГИА, ф. 1681, оп. 1, ед. хр. 29.
[4] РГИА, ф. 1343, оп. 31, ед. хр. 3120.
[5] Там же, ед. хр. 3117.
[6] ЦГИА СПб., ф. 2, оп. 1, д. 1002.
[7] Сенатский архив. Т. VII. СПб., 1895. С. 712.
[8] *Львова А.П., Бочкарева И.А.* Род Львовых. Торжок, 2004. С. 19.
[9] Там же. С. 16.
[10] Журналы правительствующего сената за 1737 год. Ч. 1. М., 1911. С. 307.
[11] Ярославские губернские ведомости: Приложение. 1889. № 37. РГИА, ф. 1343, оп. 31, д. 2852.
[12] РГИА, ф. 1343, оп. 31, д. 2853.
[13] *Чернявский М.П.* Генеалогия господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 годы. Тверь, 1869. С. 201.
[14] РГИА, ф. 1343, оп. 31, д. 2849.
[15] Сенатский архив. Т. VII. СПб, 1895.
[16] Князь Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. Т. 2. СПб., 1895. С. 161.
[17] Архив Раевских. Т. II: Приложение. СПб., 1909.
[18] РГИА, ф. 1343, оп. 23, д. 7737.
[19] *Мятлев Н.В.* Архив Костюриных. М., 1905.

* *Сергей Дмитриевич Дзюбанов – потомок Львовых по линии Федора Петровича. В настоящее время он активно занимается изучением родословной Львовых. Ему удалось обнаружить большое количество интереснейших архивных материалов. Некоторые его находки были опубликованы в различных сборниках. Но, поскольку, эти сборники выходили малыми тиражами, материалы оставались известными очень узкому кругу читателей. Поэтому мы решили собрать ряд публикаций С.Д. Дзюбанова в нашем сборнике». (А. Н.)*
Статья была опубликована в сб. «Николай Львов. Прошлое и современность». СПб., 2005. с. 4–17.

С.Д. ДЗЮБАНОВ
Санкт-Петербург

РОДСТВЕННОЕ ОКРУЖЕНИЕ ЛЬВОВЫХ: КНЯЗЬЯ МЫШЕЦКИЕ*

Историей рода князей Мышецких в разные годы занимались многие исследователи, среди которых такие известные генеалоги, как П.В. Долгоруков, Н.В. Мятлев, В.В. Руммель, Г.А. Власьев, Н.Ф. Иконников, Ю.Б. Шмаров и др. В работе 1998 года М.Ю. Лебединского «Хроника князей Мышецких (от Рюрика до наших дней)» обобщены известные исследования по истории рода, добавлены автором несколько десятков персон, у многих персон уточнены биографические данные. Оценивая современное состояние изучения рода, по-видимому, можно отметить сравнительно неплохую полноту представления мужских линий рода. В то же время опубликованные родословия князей Мышецких несвободны от обычного недостатка таких родословий – слабого освещения женских линий.

Род князей Мышецких за свою многовековую историю дал России выдающихся дипломатов, военачальников. Но были и раскольники-староверы. Досифей (вспомним «Хованщину») – тоже Мышецкий. Единственный случай самосожжения русского князя – в роду Мышецких. Были князья Мышецкие, перешедшие по причине старообрядчества в крестьянское сословие,[1] также, пожалуй, единственный случай в русской истории. Некоторые Мышецкие, обеднев к XIX веку, не смогли подтвердить не только княжеский титул, но даже и просто права на потомственное дворянство. В конце XIX – начале XX в. были Мышецкие, которые обеднели настолько, что должны были заниматься простым крестьянским трудом, чтобы прокормиться. А в настоящее время род, по-видимому, окончательно угас.

Вопрос о родоначальнике князей Мышецких, вызывавший некогда разногласия, в настоящее время представляется ясным. Основных версий происхождения было всего две: первая – от Рюриковичей, вторая – от немецких маркграфов. В летописи Даниловича записано: «... а князь Михаила (Всеволодовича) сын князь Юрий... оставил отчину свою пустою и пришел в Тарусу, и в Тарусе правил и произвел пять сыновей. Старшего звали Орехва, а прозвище ему было Всеволод, а другой Семен, а третий Михаиле, а четвертый Иван, а пятый Константин... разделил им после живота своего отчину старшему Всеволоду Тарусу, Семену – Кашин, Михаилу – Мышагу, Ивану – Волохну, а Константину Оболенск». Этот третий сын князя Юрия Михайловича и считается родоначальником князей Мышецких. Таким образом, Мышецкие происходили от равноапостольного святого мученика князя Михаила Всеволодовича Черниговского (Рюриковича, 1195–1246).

В гербовнике 1906 года наследственный герб князей Мышецких описывается следующим образом: «Щит разделен перпендикулярно на две части. В правой части герб Великого Княжества Киевского (поле червленое, а не лазурное), в червленом поле Ангел в одежде серебряной, держащий в правой руке меч, а в левой – золотой щит. В левой части герб Великого Княжества Черниговского: в золотом поле черный одноглавый орел с распростертыми крыльями и с золотой короной на голове, держащий в левой лапе большой золотой крест. Щит покрыт княжеской мантией и российско-княжеской шапкой».

Вторую версию происхождения князей Мышецких (от немецких маркграфов) не принимал ни один серьезный исследователь рода. Этой версии упорно придерживались только... сами князья Мышецкие! В росписи князя Прохора Васильевича Мышецкого читаем: «Андрей Мышецкий, маркграф удельный между Пруссией и Цесарской землей, выехал в 1409 году в Москву к великому князю Василию Дмитриевичу. В крещении Федор, пожалован вотчиною близ Тарусы, и доныне та вотчина зовется по их званию Мышегда». Однако, никаких подтверждений этой версии, кроме росписей, составленных самими Мышецкими, нет. В России обычно такие знатные иностранцы (маркграф – это примерно, то же, что герцог) становились близкими великим князьям, щедро награждались. Ничего похожего мы не видим у Мышецких, которые вовсе не были обласканы властью, скорее наоборот. Уже внук Федора – князь Иван Александрович Мышецкий был сослан в 1488 году в Новгород, вотчина его взята Великим Государем, а взамен отнятых земель ему были даны поместья в Водской пятине, которые в дальнейшем были захвачены шведами.

Аргументы в пользу происхождения рода от князя Михаила Черниговского достаточно убедительны, но пока нет внятного объяснения причины возникновения второй версии происхождения рода - от немецких удельных маркграфов. Можно предположить, что эта легенда родилась в конце XVII – начале XVIII в. В это время в России резко обесценился княжеский титул. Практически любой татарский или мордовский мурза, приняв православие, автоматически становился князем. В это время, по-видимому, быть потомком немецкого маркграфа было престижнее, чем русским князем. Доказательствами происхождения от легендарного Рюрика Мышецкие не располагали. Как следствие, появились родословия, начинающиеся от мейсенского маркграфа. Одна из таких росписей, составленная князьями Мышецкими и хранящаяся в Псковском областном архиве в фонде Яхонтовых (ниже будет именоваться по названию фонда Яхонтовская),[2] по-видимому, до последнего времени не попадал в поле зрения генеалогов-исследователей истории рода.

Рассматриваемый документ представляет собой список 1761 г. с родословия, изложенного в 1753 г., а значит, несколько более раннего, чем известная роспись князя Прохора Васильевича Мышецкого, которая датируется 1773 годом[3]. В Яхонтовской росписи, как и в росписи Прохора Васильевича, родоначальником Мышецких назван немецкий маркграф Андрей (в православии князь Федор). Остановимся на тех сведениях, которыми удалось обогатить, благодаря документу, наши знания по истории рассматриваемого рода. Но сначала об авторе росписи и о том, как она попала к Яхонтовым.

Князь Петр Григорьевич Мышецкий (ум. до 1760) был единственным сыном майора князя Григория Ефимовича и его жены Ефросиньи Захаровны. В 1697 г. князь Григорий Ефимович получил вместе с родными и двоюродными братьями поместья двоюродного брата Федора Семеновича в Ржевском и Новоторжском уездах. Князь Григорий Ефимович старался, по-видимому, более основательно осесть в Тверской губернии, так как в 1712 г. купил у Михаила Матвеевича Желнинского вотчину Тверского уезда (сельцо Маслово с пустошами), а свою вотчину Епифаньевского уезда Тульской губернии продал в 1723 г. Кириллу Нарышкину. Князь Петр Григорьевич, также как и отец, расширял владения в Тверской губернии: в 1733 г. купил у вдовы князя Степана Дмитриевича Мышецкого сельцо Китово Новоторжского уезда. В 1743 г. он в чине секунд-майора служил в Ладожском канальном батальоне. В 1748 г. премьер-майор князь Петр Григорьевич Мышецкий выдал замуж свою старшую дочь Евдокию (1729 – после 1795) за Алексея Афанасьевича Дьякова, впоследствии обер-прокурора Сената. Младшая дочь, княжна Любовь Петровна (1738–1814) в 1760 г. вышла замуж за Михаила Васильевича Бакунина, впоследствии действительного статского советника, вице-президента камер-коллегии[4].

А вот средняя сестра Евдокии и Любови, княжна Прасковья, ошибочно приписанная в книге М.Ю. Лебединского другому отцу, которого звали также Петр Григорьевич, была замужем за Петром Алексеевичем Яхонтовым, что и объясняет появление родословия князей Мышецких в документах Яхонтовых. Княжна Евдокия выделена на схеме особой стрелкой, из чего можно заключить, что первоначальный вариант родословия был сделан в 1753 г. для А.А. Дьякова, а при переписывании документа в 1761 г. для Яхонтова скопировали и эту стрелку. На схеме показана женская линия только семьи Петра Григорьевича. Одно небольшое исключение сделано только для его дяди – князя Лариона. Естественно предположить, что автором родословной росписи является кто-то из семьи князя Петра Григорьевича, а поскольку единственный его сын Семен показан в ней умершим (погиб на войне), то наиболее вероятно, что роспись в 1753 г. составлял сам Петр Григорьевич.

По утверждению Г.А. Власьева женой князя Петра Григорьевича была Ефросинья Львова. В черновиках Власьева читаем, что ее имя взято из документов В.В. Руммеля[5]. Всю информацию, почерпнутую у Руммеля, Власьев делил по степени доверия к ней на две группы: со ссылками на источники и без ссылок. Имя жены Петра Григорьевича относится ко второй группе, то есть без ссылок. В Яхонтовской росписи сведения о жене князя Петра Григорьевича показаны на схеме крупно и разборчиво. Приведем запись, полностью сохраняя орфографию: «Супруга ево Ефросинья по отце Львова. По матери Шишковых». Такая запись допускает только одно толкование: Ефросинья была урожденной Львовой, а ее мать – урожденной Шишковой. И в подтверждение этого находим на обороте родословия князей Мышецких родословную схему тверских дворян Львовых. Родоначальником этого рода был выходец из Литвы Марко Демидович. Таким образом, П.А. Яхонтов, а за несколько лет до этого и А.А. Дьяков, взяв в жены княжон Мышецких, пожелали иметь их родословную, причем, как по отцовской (князья Мышецкие),

так и по материнской (дворяне Львовы) линии. В родословной Львовых женская линия также отсутствует, за исключением стольника Семена Борисовича Львова (ум. 1711), которая показана, как «К. Авдотья Семеновна». Литера «К» в документе используется для обозначения слов «князь, княжна». Так как естественно было бы показать на схеме рода Львовых княгиню Ефросинью, то здесь мы столкнулись, по-видимому, с ошибкой переписчика (но не исключено, что и составителя) родословной схемы. Правильно было бы написать – княгиня Ефросинья Семеновна. Возможно, в варианте 1753 г. ниже квадратика с Ефросиньей Семеновной был квадратик с княжной Авдотьей, ее дочерью, а переписчик ошибся, пропустив один квадратик. П.А. Яхонтов легко мог не обратить на ошибку внимания, так как и без всяких схем знал свою тещу, ему важно было знать ее предков и родственное окружение.

Из вышеизложенного можно заключить также, что Новоторжский помещик Семен Борисович Львов был женат на NN, урожденной Шишковой. Многие Шишковы также были поместны в Новоторжском уезде. Заметим, что имение Прямухино, считающееся родовым гнездом Бакуниных, последние приобрели у Шишковых. Указанная родственная связь была не единственной родственной связью Шишковых и Львовых: Прасковья Ивановна урожденная Львова, владевшая деревней Колодези Новоторжского уезда в 1763 г., была замужем за капитаном Иваном Ивановичем Шишковым[6].

Итак, дочь Семена Борисовича Львова Ефросинья была женой князя Петра Григорьевича Мышецкого. Можно назвать еще две родственные связи Львовых и князей Мышецких. Княжна Прасковья, дочь стольника князя Якова Ефимовича Мышецкого, была замужем за Новоторжским помещиком Иваном Ивановичем Львовым[7]. В Яхонтовской росписи записано, что дочь князя Лариона Ефимовича Мышецкого княжна (имя не указано) была замужем за Львовым.

Заметим, что М.В. Бакунин, П.А. Яхонтов и А.А. Дьяков были по свойству двоюродными дядями Николая Александровича Львова. Указанное родство Н.А. Львова и Бакуниных объясняет протекцию, которую по-родственному оказывал ему П.В. Бакунин, о которой писали многие биографы Львова, подразумевая, по-видимому, родство жены Николая Александровича с Бакуниными. Но протекция оказывалась уже за десять лет до женитьбы Львова![8] Версия, по которой Николая Александровича с Дьяковыми познакомил В.В. Капнист, конечно же, ошибочна. Наоборот, Львов познакомил Капниста с семьей своего двоюродного дяди А.А. Дьякова.

Также несостоятельным представляется утверждение А.Н. Глумова, что Н.А. Львова «братья Соймоновы познакомили с семейством Бакуниных»[9]. Следует отметить, что вышеупомянутые Бакунин, Яхонтов и Дьяков подтверждали в 1776 г. своими подписями, что дочь дальнего родственника Н.А. Львова, отставного поручика Василия Львова, Мария – «подлинно природная российская дворянка»[10]. Такое свидетельство требовалось тогда для поступления в Императорское Воспитательное Общество благородных девиц (Смольный институт).

Многочисленны родственные связи Львовых и потомков князя Петра Григорьевича Мышецкого. Его дочь Евдокия, как уже отмечалось, была замужем за

А.А. Дьяковым. У них было пять дочерей. Анна была замужем за генерал-майором артиллерии Ильей Ивановичем Березиным, Екатерина за Яковом Федоровичем Стенбоком (вторая его жена), Мария за Николаем Александровичем Львовым (правнуком вышеупомянутого Семена Борисовича Львова), Александра за писателем Василием Васильевичем Капнистом, Дарья за Гавриилом Романовичем Державиным (вторая его жена). Дочь И.И. Березина Надежда была женой тайного советника Федора Петровича Львова (первая его жена), директора придворной певческой капеллы, двоюродного брата Николая Александровича Львова. Дочь Н.А. Львова Елизавета была второй женой Ф.П. Львова.

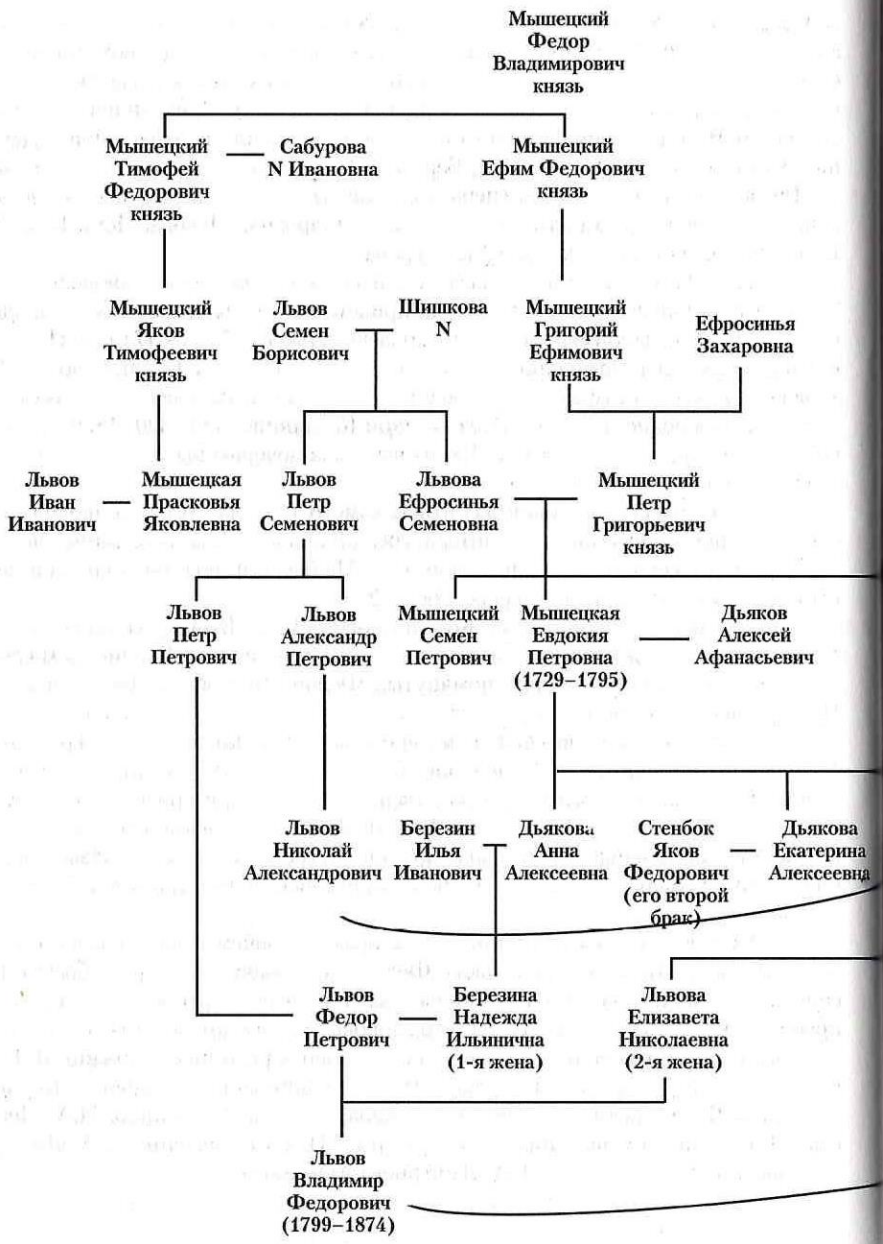
Итак, Н.А. Львов, как оказалось, был женат на своей троюродной сестре. Такие браки допускались, но не всегда приветствовались, требовалось специальное разрешение. Так, например, Леонид Николаевич Львов (1784–1847), сын Н.А. Львова, в 1817 г. просил разрешения у архиепископа Тверского и Кашинского на брак с троюродной сестрой (фактически родство было сложным и несколько более близким, чем троюродное) Еленой Николаевной Козляниновой (1800–1850), мать которой Анна Петровна, урожденная Яхонтова, была дочерью вышеупомянутого Петра Алексеевича. Разрешение было получено.

Романтическая история женитьбы самого Николая Александровича Львова была неоднократно описана в литературе. Молодые венчались, тайно, несколько лет держали в секрете от родных свой брак. Не было ли родство жениха и невесты настоящей причиной такой «секретности»?

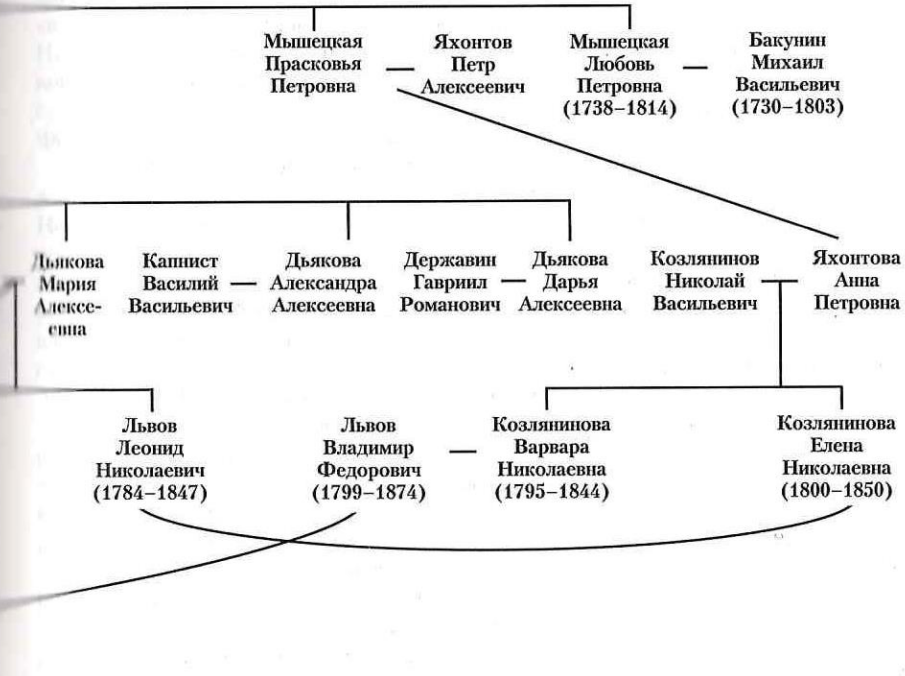
А на Варваре Николаевне Козляниновой (1795–1844), родной сестре Елены Николаевны, был женат действительный статский советник Владимир Федорович Львов (1799–1874), сын вышеупомянутых Федора Петровича Львова и Надежды Ильиничны, урожденной Березиной.

Таким образом, внучка и четыре правнучки князя Петра Григорьевича Мышецкого и Ефросиньи Семеновны были замужем за своими родственниками Львовыми. Добавив к этим пяти родственным связям три более ранние, получаем восемь связей за четыре поколения. Родственными, как оказалось, были брак Николая Александровича и оба брака Федора Петровича Львовых. Известно, что в родственных браках повышен риск возникновения различных заболеваний у потомства.

Это проявлялось и в упомянутых браках, причем в наибольшей степени в детях Леонида Николаевича, а также Федора Петровича (от второго брака). В этих семьях дети часто болели, очень высока была детская смертность. Но генетические проблемы касались только физического здоровья. Среди потомков Н.А. и Ф.П. Львовых было много одаренных и талантливых людей. Среди них художник В.Д. Поленов; композитор и скрипач-виртуоз А.Ф. Львов, директор Строгановского училища художник Ф.Ф. Львов, выдающаяся певица, ученица П. Виардо, Н.А. Неведомская-Динар, талантливая пианистка, ученица Н. Рубин-штейна, Е.А. Дмитриева-Мамонова и ее дочь певица Е.А. Дмитриева-Мамонова и др.



Восходящая родословная связи князей Мышецких и Тверских дворян Львовых



ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Чернякова И.А.* Карелия на переломе эпох. Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998. С. 242.
[2] ГАПО, ф. 565, оп. 1, д. 13, л. 1.
[3] *Лебединский М.Ю.* Хроника князей Мышецких. М., 1998. С. 3.
[4] *Бройтман Л.* Бакунины в Петербурге // Генеалогический вестник. СПб., 2003. Вып. 15. С. 32.
[5] РГИА, ф. 957, оп. 1, д. 24.
[6] *Лопатина Н.А., Лобанова О.В., Михайлова Т.А.* Родословный список Новоторжских Львовых // Краеведческий альманах. Торжок, 2003. С. 46.
[7] *Львова А.П., Бочкарева И.А.* Род Львовых. Торжок, 2004. С. 14.
[8] Указ. соч. С. 31.
[9] *Глумов А. Н.* Н.А. Львов. М, 1980. С. 16.
[10] ЦГИА СПб., ф. 2, оп. 1, д. 355, л. 44.
* *Статья была опубликована в сб. «Николай Львов. Прошлое и современность». СПб., 2005. С. 18–26.*

И.А. БОЧКАРЁВА
Торжок

РОДСТВЕННОЕ ОКРУЖЕНИЕ Н.А. ЛЬВОВА
(новые материалы)[1]

Если проанализировать историографию жизни и творчества Н.А. Львова, то можно заметить: большая часть исследований посвящена архитектурному творчеству Львова, есть публикации о литературном наследии и очень мало работ о его жизни, семье, истоках, корнях, о его потомках. Даже сведений о родителях Львова в литературе практически нет.

Первыми биографами Львова были его современники и друзья: Г.Р. Державин, М.Н. Муравьев, двоюродный брат Ф.П. Львов – только он упоминает об отце: «в отроческих годах лишился он отца своего»[2]. В замечательной книге Александра Николаевича Глумова «Николай Львов» сведения об отце крайне скупы: «отставной прапорщик Александр Петрович, умер в 50-х годах»[3]. О матери сведения отсутствуют, хотя в поздних публикациях упоминается ее имя – Прасковья Федоровна, урожденная Хрипунова[4].

Нами обнаружен в Тверском архиве (ГАТО) документ, который позволяет дополнить сведения к родословной Николая Александровича. Это челобитная в Новгородскую губернскую канцелярию 1768 года от Марии Максимовны Хрипуновой - бабки Львова[5]. Из этого документа мы узнаем не только ее имя, но и имя и чин деда Львова по материнской линии: подполковник Федор Ефимович Хрипунов, умер ранее 1768 года, потому что Мария Максимовна уже в этот год значится вдовой. Особый интерес представляет последний лист челобитной. По неграмотности ее податчицы подписывается ее дочь: «Новгородского губернского прокурора Александра Петрова сына Львова жена его Прасковья Федоровна руку приложила»[6]. Эта запись называет чин отца Николая Александровича – губернский прокурор (по табели о рангах – 6–4 класс). Оказывается, что Александр Петрович был чиновником весьма высокого ранга, тогда как в литературе упоминается только как отставной прапорщик. Кроме того, вносит поправку в даты его жизни (умер не ранее 1768 года).

Челобитная дает сведения о земельных владениях Хрипуновых в Новгородской губернии: деревня Пятины Посонского погоста и полдеревни Городок.

По другим документам известно, что им принадлежали также земли в Валдайском и Вышневолоцком уездах Тверской губернии[7]. Родовым имением Хрипуновых было село Покровское Вышневолоцкого уезда (ныне Фировский район

Тверской области). По наследству Покровское перешло к Николаю Александровичу, затем к его сыну Леониду[8]. В селе Покровском сохранилось родовое кладбище Хрипуновых-Ярцовых. (Сестра Львова – Надежда Александровна была замужем за Аникитой Сергеевичем Ярцовым, известным горным инженером-ученым, создателем олонецких и уральских горнорудных заводов). В начале XIX века Ярцовы жили в усадьбе Новоселье близ села Покровского, похоронены на родовом кладбище Хрипуновых. Среди надгробий розового и черного мрамора стоит небольшой памятник из белого камня-известняка, на нем надпись: «Новгородского губернского прокурора А.П. Львова супруга Прасковья Федоровна скончалась августа 6 дня 1793 года на 69 году от рождения». На оборотной стороне его высечена надпись: «Любимой матери – любимый сын. 1800 год».

Николай Александрович был любимым, единственным сыном Прасковьи Федоровны.

Была еще одна женщина, которую он боготворил, любил больше жизни – его жена Мария Алексеевна.

С любимыми прощусь
только что с одной
женой не разлучусь.

Нам хорошо знаком ее образ, запечатленный кистью Д.Г. Левицкого: мягкий овал лица, робкая, чуть приметная улыбка, лучистые глаза, доверчивый взгляд.

Мария была самой очаровательной из пяти дочерей Сенатского обер-прокурора Алексея Дьякова. Со Львовым она познакомилась в Петербурге, в любительском театре в доме Бакуниных. Среди участников спектакля Мария Алексеевна выделялась темпераментом, красивым, хорошо поставленным голосом. В нее влюблялись многие. И.И. Хемницер посвятил ей первое издание своих басен, граф Сегюр на обороте ее портрета написал:

Как нежна ее улыбка, как прелестны ее уста,
Ничто не сравнится с изяществом её вида...
В ней больше очарования, чем смогла передать кисть,
И в сердце больше добродетели, чем красоты в лице.

Влюбился без ума в нее и Николай Львов. И она душою предпочла его, но ее родители не хотели и слышать о браке, поэтому влюбленные венчались без их согласия и более трех лет хранили тайну. В 1783 году Львов получил запоздалое согласие родителей Машеньки. И она, наконец, вошла хозяйкой в дом, вернее, в казенную квартиру Почтового стана. Но вскоре Львов занялся устройством родового поместья под Торжком, и деревня Черенчицы со временем превратилась в усадьбу Никольское. Для наблюдения за строительством приехала Мария Алексеевна с маленьким сыном Леонидом. Нам известны два письма этого периода (апрель 1785 года),[9] написанные Николаем Александровичем из Петербурга, которые свидетельствуют о том, что Мария Алексеевна принимала непосредственное участие в управлении ходом строительных работ: «Что делает столяр, и не надобно ли им клею?» — спрашивает Николай Александрович в письме от 4 апреля, и здесь же: «Кузнеца пришли мне, мой друг, на почте, когда изволишь». На полях письма приписка: «Не терплюсь узнать твои мысли и понравилось ли тебе расположение?»[10]

В следующем письме из Петербурга 14 апреля (накануне Пасхи) Николай Александрович пишет жене: «Праздник мой завтрашний потому только мне будет праздником, что полюбился тебе план нашего дома». Благодарит жену за «дранички», сообщает, что клей пришлет со следующей почтой и «сто раз благодарствую, что мальчика заставила помогать штукатуру»[11]. Эти письма позволяют полнее представить образ великосветской дамы Марии Алексеевны, как рачительной хозяйки. Природный ум, сильный характер позволили ей не только вести семейный бюджет, заботиться о наследстве для пятерых своих детей (в 1790-е годы за Львовыми числилась 1000 крестьян)[12]. За ее советом, помощью постоянно обращается Дмитрий Маркович Полторацкий. Об этом рассказывают письма Марии Алексеевны к нему и его жене, Анне Петровне, урожденной Хлебниковой.

Письмо Марии Алексеевны от 28 декабря 1797 года, в котором она не советует Полторацкому покупать новую деревню: «... а вот на это мои причины, первая, то, что мне кажется невероятно, чтоб с 400 душ получить 60 тысяч доходу, а вторая, то что хотя бы ты до этого и дошел, так надобно часто неусыпное попечение, которое тебя лишит иногда и покою, а удовольствие в 60 тысяч наверно лишится лучшего, мне бы вот как кажется, обработать наперед Авчурино, сделав тут хороший доход, покупай в других местах, ты скажешь, что такой деревни не найдешь? Да за эти деньги всегда купить будет можно, а то подумай, ты будешь раб своего имения, и все будешь в хлопотах о долях и процентах и в 10 лет с ним не расквитаешься. А вот какое мое мнение, ежели бы у тебя было хотя 60 тысяч наличных денег, в которые бы ты ... (клякса) в проценты, так тут еще так можно купить, а впрочем, мой друг, ты делай, то, что ты хочешь»[13].

Приведем еще небольшой фрагмент письма, поясняющий причины, по которым сватовство Г.Р. Державина к сестре Марии Алексеевны Дарье содержалось в тайне:

«...Простите, добрые люди, правда, что наша Даша выходит за Гавриила Романовича, но писать к вам теперь только об этом можно, потому что матушка вчера только приехала и вчера только благословила, но вы не всем сказывайте, потому что по этикету надобно царице доложить, вот от чего мы молчим»[14].

Семейство Львовых входило в высший свет Петербурга. В том же письме Мария Алексеевна сообщает Полторацким, что вынуждена сидеть дома, потому что болит нога: «...еще того досаднее, что может быть не буду (за тою же ногою) у нашего графа в маскарадах, где будет вся царская фамилия, которых я довольно не видела, и правда, хочется посмотреть, говорят, что наши великие княжны красавицы, вот и меня старуху соблазнили»,[15] — несколько кокетничает Мария Алексеевна.

В конце письма – дружеское наставление: «...пожалуйста, не езди Дмитрий покуда дом не отдали откупщикам, это, брат, изрядный доход, как удастся сделать»[16].

Рубеж веков оказался для Николая Александровича трагичным. В 1799 году после смерти его покровителя А.А. Безбородко на него завели дело по поводу расходов на землебитные постройки. Длительное нервное напряжение подорвало здоровье Николая Александровича: на десять месяцев он оказался прикованным к постели. Мария Алексеевна все время была при нем. Выздоровление шло медленно.

1 декабря 1800 года она пишет Полторацким:

«...разделить мое удовольствие, так как делили вы горести мои: больному моему, слава Богу, милые мои, становится час от часу лучше и он уже сам ходит»[17]. Даже в такое тяжелое время Мария Алексеевна не забрасывает дела, она хочет приобрести новую деревню: «...сделай милость, моя душа, наведайся где эта деревня, хороша ли она, прикажи матушка кому-нибудь надежному человеку туда съездить ежели он от вас недалеко, и уведоми меня можно ли ее купить, чтоб не ошибиться, и что в ней будет доходу».[18]

Иные по тональности, по настроению письма Марии Алексеевны к Александру Михайловичу Бакунину (двоюродному брату) в Прямухино (март-апрель 1806 года).[19] Прошло два года после смерти Николая Александровича. Он долго болел, многое не успел завершить. Марию Алексеевну больше всего беспокоило, что не завершена отделка интерьера церкви Воскресения и родовой усыпальницы в Никольском.

«Боже мой! Когда мое желание исполнится, чтоб в Никольской была служба»[20]. Для этого, оказывается, необходимо, чтобы земля под церковью, домом священника и сторожкой была отведена епархии. Об отводе земли хлопотал Бакунин. Он подыскал и попа из Якопова, присматривал за строительством дома для него. Мария Алексеевна пишет: «...надо стараться чтобы поп всем доволен был»[21]. В епархии тоже немало бюрократических проволочек, и в одном из писем она пишет: «...Гавриил Державин при дворе пожаловался петербургскому митрополиту на нашего архиерея»[22]. И в другом письме: «Нет ли у тебя знакомого в Консистории, чтобы освидетельствовали, что все здесь готово»[23]. Храм освятили в августе 1806 года.

В письме от 8 марта 1806 года Мария Алексеевна сообщает Бакунину о смерти Вельяминова: «Петр Лукич наш отправился к своему другу Николаю Александровичу. Мне его не жаль, кажется, что им вдвоем там будет веселее, а плачу, жаль, что никого по себе не оставил. Приехал к Оленину погостить, скончался очень спокойно и счастливо»[24].

5 апреля 1806 года Мария Алексеевна срочно отсылает письмо Бакунину в Прямухино: «Сию минуту, мой друг, получила твое письмо и специально отвечаю тебе». Судя по письму, Бакунин писал, что видел на плане усадьбы Никольское, подписанном рукой Николая Александровича, что сажать лиственницу надо против пруда церковного, и Мария Алексеевна обеспокоена, «что, наверное, забыл, запамятовал Николай Александрович, в том месте направо от церкви, по дороге в Торжок, что называется у нас „чухонь“, лиственницу сажать нельзя, непременно вымерзнет, что будет жаль, ведь сажал ее он сам, а прикажите посадить ее в гору, налево, как ехать в Торжок», и еще сообщает, что «один раз Гавриил посадил на Петровой горе за больницею и возле больницы лиственницы и тут место»[25]. О скольких интересных моментах рассказывает нам это письмо. Во-первых, в Никольском был питомник, и Николай Александрович сам занимался выращиванием саженцев. Во-вторых, на Петровой горе была в Никольском больница. В известных нам источниках в плане усадьбы Никольское на Петровой горе значится комплекс хозяйственных построек, но нигде не упоминается, что в Никольском была своя больница.

После смерти мужа жизнь для нее как будто утратила смысл. «Хлопотам моим конца нету. А я уже устала. Что Богу угодно будет, то и будет»[26].

И было Богу угодно, что через год, в июне 1807 года, Мария Алексеевна умерла, ей было 52 года. Как будто судьба отмерила им почти равные сроки земного бытия. Прах ее положили рядом с тем, кого она любила больше всех на свете.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] После того, данный материал был сообщен на конференции, проходившей в Санкт-Петербурге в 2001 г., он был дважды опубликован: 1) *И.А. Бочкарёва.* Н.А. Львов. К 250-летию со дня рождения. Торжок. 2001; 2) *И.А. Бочкарёва.* Родственное окружение Н.А. Львова (новые материалы) / Гений вкуса. Материалы научной конференции, посвященной творчеству Н.А. Львова. Научный редактор М.В. Строганов. Тверь, 2001. (Примечание редактора).

[2] *Ф.П. Львов.* Николай Александрович Львов // Сын Отечества. 1822. Ч. LXXXVII, № 17.– С. 108–121.

[3] *Глумов А.Н.* Николай Львов. М., 1980. С. 7.

[4] *Львов Н.А.* Избранные сочинения. СПб., 1994. С. 412.

[5] ГАТО, ф. 665, оп. 2, д. 72, л. 3, 3 об., 4.

[6] Там же. Л. 4.

[7] ГАТО, ф. 665, оп. 2, д. 954, л. 3, 8; ф. 160, оп. 1, д. 14355, л. 173.

[8] ГАТО, ф. 103, оп. 1, д. 2581, л. 2 об., 3.

[9] ГАТО, ф. 97, оп. 1, д. 1973, л. 1, 1 об., 2, 3, 6, 6 об., 7, 7 об.

[10] Там же. Л. 2 об.

[11] Там же. Л. 7.

[12] ГАТО, ф. 59, оп. 1, д. 31, л. 3.

[13] ОР РГБ, ф. 233, Полторацкий 1, ед. хр.90, л. 4.

[14] Там же. Л. 4 об.

[15] Там же. Л. 6.

[16] Там же.

[17] Там же. Л. 8.

[18] Там же.

[19] РО ИРЛИ, ф. 16, оп. 9, д. 193. Три письма Марии Алексеевны Александру Михайловичу Бакунину.

[20] РО ИРЛИ, ф. 16, оп. 9, д. 193, л. 4.

[21] Там же. Л. 4.

[22] Там же.

[23] Там же. Л. 2.

[24] Там же. Л. 3.

[25] Там же. Л. 4.

[26] Там же. Л. 3 об.

Л.И. БРОЙТМАН*
Санкт-Петербург

ДОМ ДЬЯКОВЫХ[1]

Дом № 48 на 3-й линии Васильевского острова в существующем виде появился лишь в 1870-х гг. Он включал в себя два старых дома: каменный и деревянный. С этим деревянным было связано много интересного. В 1768 году его с садом и службами приобрел А.А. Дьяков[2]. Этот старый дом просуществовал до 1875 года.

Алексей Афанасьевич Дьяков учился в Сухопутном шляхетском корпусе, по отзывам был «человеком довольно образованным: знал четыре языка, любил чтение, особенно исторических книг и путешествий». Дьяков участвовал в качестве администратора и руководителя работ при сооружении ряда крупных зданий в Петербурге. В 1760–1770 гг. он возглавлял строительство Пеньковых складов (Тучкова буяна), а затем Князь-Владимирского собора на Петербургской стороне по проектам архитектора Антонио Ринальди. В 1768 году он также был назначен руководить восстановлением шпиля Петропавловского собора, разрушенного при пожаре 1756 года.

Дьяков был женат на княжне А.П. Мышецкой. У них было трое сыновей и пять дочерей. Старший сын Николай — обладал музыкальными способностями и прекрасным голосом. Он занимал в Москве пост прокурора. Двое младших сыновей — Петр и Семен — рано начали военную службу. Поручик лейб-гвардии Измайловского полка Семен Дьяков в 1790 году в сражении со шведами погиб.

Красавицы дочери его блистали на вечерах у А.А. Нарышкина и составляли кадриль великому князю Павлу Петровичу. Самая старшая и, как утверждали, самая красивая из дочерей — Анна вышла замуж за капитана Илью Березина. Их дочь Надежда Ильинична станет матерью композитора Алексея Федоровича Львова.

Вторая дочь — Мария была необычайно способна к искусству. Она с успехом исполняла оперные партии и драматические роли в домашних спектаклях. Ее способности в соединении с талантами ее мужа Николая Александровича Львова, архитектора, художника, поэта, театрального деятеля, перейдут к их потомкам, среди которых были певцы и композиторы. Обаятельный облик ее запечатлен на портрете, выполненном художником Д.Г. Левицким в 1778 году. Тогда с ней познакомился Н.А. Львов, вероятно, в доме Бакунина-Меньшуго, бывшего начальника Львова по службе в Коллегии иностранных дел. Полюбив Марию Алексеевну и убедившись в ее взаимности, Львов сделал ей предложение, но родители ее не дали согласия. Считается, что причиной отказа было то, что Львов не был богат. Но, возможно, какую-то роль сыграли сложные обстоятельства жизни самих Дьяковых в этот период. Однако, препятствия только укрепили взаимную любовь

молодых людей. На помощь Львову пришел его друг поэт-сатирик Василий Васильевич Капнист, помолвленный с сестрой Марии Алексеевны — Александрой.

Александра Дьякова — единственная из сестер получила образование в Смольном институте, по выходе из которого стала невестой Капниста. Их дочь София Капнист-Скалон рассказывает в своих воспоминаниях, что, рискуя навлечь гнев будущего тестя и, возможно, расстроить свою свадьбу, Капнист помог Львову и Марии Алексеевне тайно обвенчаться. Однажды, отправившись на бал со своей невестой и сестрой Марией из дома на 3-й линии, Капнист привез их к деревянной церкви Живоначальной Троицы в Галерной Гавани, где их поджидал Львов и свидетели.

Священник этой церкви Иоанн Федоров сделал в метрической книге запись о венчании: «1780 год 8 ноября № 35. Иностранной коллегии коллежский секретарь отрок Николай Александрович Львов штацкого с сосетническою Алексеевою дочерью Афанасия сына Дьякова девицею Мариею. Кто поруками подписались: по жените — Горного корпуса надворный советник Иван Хемницер, по невесте — Тобольского пехотного полку капитан Петр Вельяминов».

Оба свидетеля были ближайшими друзьями Львова и Капниста, а Иван Хемницер, лучший русский баснописец до И.А. Крылова, был сам влюблен в Марию Алексеевну, даже сватался к ней, но, получив отказ, не затаил обиды и помог влюбленным соединиться. После венчания все разъехались в разные стороны: Львов отправился домой, а Капнист привез Марию и Александру на бал, где братья удивились их отсутствию. Венчание сохранялось в тайне от родителей Марии Алексеевны, но многие знакомые Львова знали или догадывались об этом секрете.

Тайна была раскрыта осенью 1783 года. Родители Марии Алексеевны решили дать согласие на ее брак с Львовым. В это время их четвертая дочь Екатерина вышла замуж за «эстляндского ландрата» графа Якоба Понтуса Стенбока, который пригласил к себе в Ревель родных и друзей своей жены. Когда собрались все гости, был приглашен священник для бракосочетания, и как же удивились родители, узнав, что их дочь уже давно обвенчана со Львовым.

Перед поездкой в Ревель Алексей Афанасьевич продал свой дом на Васильевском острове. Все дети к тому времени уже выросли, с родителями оставалась только самая младшая дочь Дарья. Умная, властная, красивая Дарья Алексеевна долго не выходила замуж. Однажды, когда ее спросили, почему она отказывала жениху, она ответила: «...найдите мне такого жениха, как ваш Гаврила Романович, то я пойду за него и, надеюсь, буду с ним счастлива». В 1794 году умерла жена Державина Екатерина Яковлевна, и через полгода он женился на Дарье Дьяковой. Так породнились В.В. Капнист, Н.А. Львов и Г.Р. Державин.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Статья была напечатана в газете «Васильевский остров» № 1 за 1993 г. Поскольку в ней впервые сообщается ряд интересных материалов освещающих биографию Н.А. Львова и его жены, урожденной Дьяковой, мы решили поместить эту статью в Сборник – *А. Б. Никитина.*

[2] Но поселились Дьяковы на Васильевском острове значительно раньше (указано С.Д. Дзюбановым).

Л.И. БРОЙТМАН*
Санкт-Петербург

БАКУНИНЫ В ПЕТЕРБУРГЕ*

Бакунины – одна из самых известных дворянских семей, связанных с Петербургом с первых десятилетий существования северной столицы. Имя одного из членов этого рода, крупнейшего деятеля анархистского движения Михаила Бакунина, носит бывший Калашниковский проспект. Но это особый сюжет, мы же будем говорить о его предках, живших в Петербурге в XVIII в.

По преданию, Бакунины вели свой род от трех братьев, выехавших из Венгрии на службу в Москву в конце XV в. Жителями Петербурга стали представители одной ветви этого рода – потомки Михаила Васильевича Бакунина, занимавшего при Петре I пост коменданта Царицына. Неизвестно, жил ли он хоть какое-то время в Петербурге, но его вдова, Пелагея Козмина (Кузьминична? – *Авт.)*, жила здесь с семьей сына, Василия Михайловича. Последний раз ее имя упоминается в исповедной росписи церкви Андрея Первозванного в 1746 г., было ей тогда 70 лет[1].

Именно в метрических и исповедных книгах церкви Андрея Первозванного в XVIII в. часто встречаются имена членов семейства Бакуниных, и это свидетельствует о том, что они были жителями Васильевского острова. Так, в 1743 г. записано, что у «иностранной коллегии секретаря Ивана Михайлова сына Бакунина» 20 июля родилась и 28 июля была крещена дочь Мария[2]. Иван Михайлович – один из сыновей Михаила Васильевича Бакунина. В 1741 г. он служил в Царицыне переводчиком, а в 1743 г. был назначен консулом в Персию[3]. Так что в Петербурге он находился очень короткое время. Жил И.М. Бакунин в это время на 2 линии Васильевского острова «между Большою рекою Невою и б. (большою – *Авт.)* прешпективою»[4]. Ныне это участок дома № 11 по 2 линии. 21 октября 1741 г. И.М. Бакунин продал свой дом, и больше сведений о его жизни в Петербурге не обнаружено.

Восприемником при крещении дочери Ивана Михайловича был его брат, коллежский асессор Василий Михайлович Бакунин. Он тоже был прихожанином церкви Андрея Первозванного, в метрической книге которой в 1740 г. сделана запись о рождении 28 и крещении 30 мая у секретаря Государственной коллегии иностранных дел В.М. Бакунина сына Ферапонта, умершего в августе того же года. Что касается его адреса, то есть следующие данные. В перечне дворов на Васильевском острове на плане, подписанном фон Даммом 12 июня 1741 г., под № 65 указан двор «секретаря Бакунина», соответствующий нынешнему дому № 3 по

Большому проспекту на углу улицы Репина (Песочного переулка, которого тогда еще не существовало). Вопрос осложняется тем, что имя не указано, а Василий Михайлович и Иван Михайлович оба были секретарями Коллегии иностранных дел, но поскольку Иван Михайлович с 1741 г. находился в Царицыне, то, скорее всего, это был дом Василия Михайловича.

В.М. Бакунин (ум.1766) начал службу в Коллегии иностранных дел переводчиком, был так же, как и его брат, в Персии, «управлял калмыцкими делами», составил «Описание калмыцких народов, особенно таргоутского». Во время службы Василия Михайловича в дальних краях семья его жила в Петербурге, и сам он конец жизни провел в столице в своем доме на Васильевском острове.

В исповедной книге церкви Андрея Первозванного с 1740-х гг. регулярно упоминается дом Иностранной коллегии советника В.М. Бакунина и его обитатели. Вероятно, и его дети со своими семьями первоначально жили в отцовском доме. Так, в записи 1762 г. перечислено все семейство с указанием возраста:

«Гдрственной кол. ин. дел стацкий д. советник Василий Михайлов Бакунин – 67, ж. Евдокия Васильева дочь – 58, дети их: сын советник Петр Бакунин – 37, ж. Екатерина Андреева – 21, сын советник Михаил Бакунин – 29, ж: Любовь Петрова-26, сын секретарь Петр Бакунин – 32, дочь девица Евдокия – 16».

Возраст, указанный с чьих-то слов, приблизительный, и при сравнении записи разных лет не соответствуют друг другу.

В 1755 г. записано, что в доме Бакунина 28 служителей. Упоминается существовавшая у Бакунина домовая церковь св. Иоанна Богослова[8].

О местонахождении этого дома дает сведения купчая крепость 1771 г., где говорится, что дом Василия Михайловича, поостренный им, находился на углу Большого проспекта и 8-й линии (ныне Большой проспект, 26-8 линия, 19), но указывается, что дом сгорел, вероятно, он был деревянный, и от него остался только каменный фундамент[9].

Василий Михайлович умер в 1766 г. К тому времени его сыновья уже имели собственные дома в Петербурге.

Два сына Василия Михайловича носили имя Петр. В историю они вошли как Петр Васильевич – Большой и Петр Васильевич – Меньшой.

Петр Васильевич Бакунин – Большой родился в 1724 или в 1725 г. По окончании Сухопутного шляхетского корпуса с 1743 г. служил переводчиком в Камер-конторе лифляндских и эстляндских дел. В 1748 г. – асессор Коллегии иностранных дел. Как и отец, дослужился до чина действительного тайного советника. Был награжден орденом Св. Анны. Умер после 1800 г. Известны написанные Дмитрием Григорьевичем Левицким портреты Петра Васильевича и его жены Екатерины Андреевны. Сыновей у них не было. 5 октября 1754 г. родилась первая дочь, Пелагея, названная, конечно, в память бабушки и умершая в 1759 г.[10] Затем родились еще три дочери – Александра (о ее рождении 10 и крещении 26 апреля 1758 г. есть запись в метрической книге церкви Андрея Первозванного)[11], Анна (1759), Мария (1762).

В 1771 г. П.В. Бакунин купил у коллежского советника С.Ф. Ларина каменный дом на Моховой улице (ныне дом 41). Вероятно, здесь у него бывали сатирик

В.В. Капнист и драматург Д.И. Фонвизин, с которыми он был дружен. В эти годы Бакунин с женой и дочерьми был прихожанином церкви Симеона и Анны. В 1782 г. Бакунин продал свой двор «с имеющимися на оном всяким строением и со всеми мебелями и регулярным садом»[12].

Следующим из сыновей Василия Михайловича по старшинству был Михаил Васильевич (1730–1803). Он обучался в Шляхетском корпусе, в 1748 г. был подпрапорщиком. Затем он перешел на гражданскую службу, в 1758 г. служил в Камер-конторе в чине коллежского асессора. 17 мая 1760 г. М.В. Бакунин в церкви Андрея Первозванного обвенчался с «покойного надворного советника князя Петра Мышецкого с дочерью Любовию»[13]. Став семейным человеком, Михаил Васильевич обзавелся домом. В 1770-х гг. ему принадлежал участок на 21-й линии Васильевского острова, часть его составляет нынешний дом № 6. В 1780 г. М.В.Бакунин продал свое владение подполковнику И.В. Логинову. По описанию 1842 г., когда владельцем был почетный гражданин Копосов, на большом участке были деревянные постройки: двухэтажный дом, одноэтажный флигель, службы, огород площадью 3 900 кв. саж. И впоследствии, когда этот участок принадлежал княгине Татьяне Александровне Юсуповой, здесь сохранялись регулярный и фруктовый сады, пруд с карасями[14].

В 1772 г. среди прихожан церкви св. Андрея Первозванного записаны: «Камор-конторы ст. сов. Михаил Васильев Бакунин – 44 (года – *Авт.),* жена ево Любовь Петрова – 34, дети: Михаил – 9, Иван – 6, Александр – 4, Анна – 5, Варвара – 3, Татьяна – 2». Старшая, названная, как и умершая дочь Петра Васильевича – Большого, в память бабушки Пелагеей, уже определена учиться. Она и Анна окончили Смольный институт. Нет в записи ещё самой младшей, Прасковьи, родившейся в 1775 г.[15]

В «Реестре находившихся при Коллегии иностранных дел курьерам» в 1773 г. указан определенный тогда на службу будущий архитектор Н.А. Львов и записано, что он «живет в доме Михаилы Васильевича Бакунина»[16] .

С конца XVIII в. Михаил Васильевич, выйдя в отставку, жил, в основном, в усадьбе Прямухино в Новоторжском уезде, купленной в 1779 г. на имя его жены. Умер М.В. Бакунин в 1803 г. Все три его сына, Михаил, Александр и Иван, начинали службу в Петербурге. Иван Михайлович погиб в Персидском походе в 1796 г. Александр Михайлович после дипломатической службы за границей вышел в отставку и поселился в Прямухине, сделав эту усадьбу родовым гнездом Бакуниных. Его сын – основатель анархизма, революционер Михаил Александрович Бакунин. Больше всего был связан с Петербургом Михаил Михайлович Бакунин, занимавший на протяжении восьми лет (в 1808–1816 гг.) пост санкт-петербургского гражданского губернатора. Возможно, он владел тогда домом в столице, но установление этого требует дальнейших поисков.

Петр Васильевич – Меньшой, родившийся в 1731 или 1734 г., как его отец и старший брат, служил в Коллегии иностранных дел, играя в ней очень важную роль как правая рука возглавлявшего коллегию Н.И. Панина, а после его отставки – А.А.Безбородко. Он был также одним из президентов Российской академии и в числе первых членов Российской академии наук.

В 1764 г. Петр Васильевич купил у библиотекаря Готфрида Бона дом, находившийся, как сказано в купчей крепости, «на Адмиралтейской стороне в приходе ц. (церкви – *Авт.)* Казанской божией матери близ Гостиного двора... по Глухой речке» – на месте нынешнего дома № 67 по каналу Грибоедова[17]. В 1765 г. Бакунин его продал и в том же году купил дворовое место у боцмана адмиралтейского ведомства Семена Осипова сына Гнеушева «в Адмиралтейской части в Морских слободах». Одновременно у поручика л.-гв. Семёновского полка Ивана Михайлова сына Клеопина Бакунин приобрел двор на Вознесенской улице, так что получился большой участок, соответствующий нынешним домам № 41 по Вознесенскому проспекту и д. № 22 по Б. Подьяческой улице[18]. Согласно объявлению в «Санкт-Петербургских ведомостях», 15 февраля 1771 г. на Вознесенском проспекте был построен новый каменный флигель и «другой совсем каменный с такими же службами позади оного на Б. Подьяческой улице». В это время сведения о семье И.В. Бакунина – Меньшого встречаются в церковных книгах церкви Вознесения. В 1773 году там записаны: «ст. сов. Петр Бакунин – 37, жена ево Анна Сергеева – 28, дети: Елисавета, Павел, Модест». Есть также записи 1780 и 1781 гг., где указан возраст детей – Павел 13 и соответственно 14 лет, Модест 9 и 10, Елизавета – 16 и 17 лет[19]. В записях нет младшей дочери, Елены.

В эти годы близким человеком в доме Бакуниных стал Николай Александрович Львов. Он начинал службу под покровительством Петра Васильевича Бакунина – Меньшого. В 1776–1777 гг. он жил в доме Бакунина, принимал участие в домашних спектаклях[20]. Вероятно, здесь он познакомился с племянницей жены Михаила Васильевича Бакунина, Любови Петровны, Марией Алексеевной Дьяковой, ставшей в 1780 г. его женой.

В 1778 г. умерла Анна Сергеевна. Повидимому, после этого П. Бакунин решил продать свой двор. Оформили продажу уже после смерти Петра Васильевича в 1791 г. его сыновья Павел и Модест[21].

Следующий адрес Петра Васильевича Бакунина Меньшого – дом на Дворцовой набережной Невы часто встречается в литературе. К сожалению, купчей крепости на этот дом пока не обнаружено. Известно, что в 1771 г. его владелец «гоф-штап-квартирмейстер Иван Амосов». Он же упомянут в документах на соседний дом в 1779 г.[22] Так что Бакунин мог купить этот дом в конце 1779 или в начале 1880 г. Участок простирался от набережной Невы до Миллионной улицы – ныне Дворцовая наб.,14 – Миллионная ул., 15. Лицевой дом на набережной занимал сам владелец, а со стороны Миллионной улицы покои в нижнем этаже с кухней снимал хлебный мастер Данила Иванов сын Кеглер, а 2 и 3 этажи с погребами, каретным сараем и конюшней - золотых дел мастер Карл Фридрих Гезель[23].

В это время П.В. Бакунин был уже действительным статским советником, кавалером орденов Св. Владимира и Св. Анны. По службе он был связан с канцлером Александром Андреевичем Безбородко, находился в дружеских отношениях с президентом Коммерц-коллегии Александром Романовичем Воронцовым. В 1786 г. Петр Васильевич умер. В своем духовном завещании он написал: «В Санкт-Петербурге каменный дом на берегу Невы-реки и в Б. Миллионной под № 16 также и загородной мой дом на Выборгской стороне с уборами, садом и оранжереями заве-

щаю я большему моему сыну Павлу Петровичу, а меньшему Модесту Петровичу – за то денгами 20 тысяч рублей»[24].

Душеприказчиком был назначен Александр Романович Воронцов. На могиле П.В. Бакунина на Лазаревском кладбище Александро-Невского монастыря А.Р. Воронцов установил на свои средства мраморный саркофаг.

Упомянутый в завещании загородный дом – дача Бакунина построен не позднее 1785 г. по проекту Н.А. Львова (ныне Свердловская набережная, 22). Первоначально это было одноэтажное здание с более высокой центральной частью, где находился двусветный зал. Десяти-колонный портик и 2-й этаж на боковых частях здания появились уже в XIX в. Здание, известное по фамилии следующего владельца как «дача Дурново», является памятником архитектуры, чему не соответствует его нынешнее состояние.

Унаследовал дом на Неве старший сын Петра Васильевича – Павел Петрович (родился в 1766 или 1767 г.) – его старшинство подтверждается приведенным текстом завещания и церковными записями По семейной традиции он начал службу в Коллегии иностранных дел, затем был директором Академии наук, действительным статским советником, камергером. 30 января 1793 г. в церкви Воспитательного дома он обвенчался с «д. ст. сов. и кавалера Александра Александровича Саблукова дочерью Екатериной»[25]. Прожили они на Неве недолго, в 1799 г. владельцем дома уже числится Федор Васильевич Ростопчин. Умер Павел Петрович в 1805 г. Сын Павла Петровича и Екатерины Александровны – Александр (1799–1862) – лицейский товарищ Пушкина, воспитанник первого выпуска. По окончании Лицея – подпоручик л.-гв. Семеновского полка, затем в Киеве – адъютант Н.И. Раевского-старшего. В 1821–1825 гг. –поручик л.-гв. Финляндского полка, состоял при московском военном генерал-губернаторе Д.В. Голицыне. В 1824 г. женился на его племяннице – «воспитаннице» (побочной дочери) Б.В. Голицына Анне Борисовне Зеленской (1802–1835). Был тверским губернатором. Его сестра Екатерина (1795–1869), фрейлина, была увлечением Пушкина в лицейские годы, ей посвящен целый цикл стихов. Позднее, как указано в справочнике С. Аллера на 1824 г., Екатерина Александровна Бакунина жила в доме своего отца, а затем – брата, на набережной Невы (ныне Кутузовская наб., д. № 26). Вероятно, до замужества Екатерина Бакунина жила с матерью. Пушкин интересовался ее судьбой и, возможно, бывал в этом доме на Неве. С 1834 г. она была замужем за А.А. Полторацким.

Второй сын, Модест Петрович (в связи с вышеизложенным, дата его рождения – 1765 г. – представляется сомнительной, умер в 1802 г.), начал службу с 1782 г. также чиновником Академии наук, имел придворное звание камер-юнкера, с 1800 г. – тайный советник. В 1791 г. Модест Петрович купил у И.Е. Глебовского построенный последним каменный дом на набережной Мойки и Большой Конюшенной улице. С 1798 г. этот дом принадлежал Пущиным – современный адрес наб. Мойки, 14-6 – Конюшенная, 5. В 1794 г. Бакунин этот дом продал, по-видимому, к этому времени на имя его жены Стспаниды Ивановны, урожденной Голенищевой-Кутузовой, был куплен дом на 11-й линии В.О. (ныне д. № 14), принадлежавший ей еще в 1804 г.[26] В эти годы Модест Петрович возглавлял Царскосельскую школу земледелия, он написал и в 1800 г. издал труд «Правила, руководствующие к новому разделу и обрабатыванию полей».

Старшая дочь Петра Васильевича, Елизавета Петровна, была замужем за князем Михаилом Александровичем Долгоруким, младшая, Елена – за Александром Николаевичем Болотовским.

Представители следующих поколений этого рода бывали в столице наездами и останавливавшихся в наёмных квартирах или у родственников. Дальнейшие поиски помогут обнаружить новые связи рода Бакуниных с Петербургом.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 112, д. 65, л. 288 об.
[2] Там же, оп. 111, д. 15, л. 177.
[3] В приведенных биографических данных здесь и далее использованы материалы: *Руммель В.В., Голубцов В.В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886. Т. 1; *Сысоев В.И.* Бакунины. Тверь, 2002.
[4] РГАДА, ф. 285, оп. I, д. 393, л. 362.
[5] ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 11, д. 10, л. 242.
[6] РГИА, ф. 1601, оп. 1, д. 133.
[7] ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 112, д. 167, л. 865; Там же, д. 121.
[8] Святыни Петербургской епархии. СПб, 1878. Т. 6. С. 17.
[9] РГАДА, ф. 285, оп. 1, д. 243, л. 174.
[10] ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 111, д. 37; Там же, д. 47, ч. 1.
[11] Там же, д. 45, ч. 1, л. 115.
[12] РГАДА, ф. 285, оп. I, д. 423, л. 150 об.-151; ЦГИА СПб, ф. 2263, оп. 1, д. 36, л. 47 об.
[13] ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 111, д. 49, л. 115 об.
[14] Там же, ф. 2263, оп. 1, д. 35, л. 105; *Г.Ю. Никитенко, В.Д. Соболь.* Василеостровский район. СПб, 1999. С. 304.
[15] ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 112, д. 233, л. 166.
[16] *Лаппо-Данилевский К.Ю.* Новые данные к биографии Н.А. Львова (1770-е годы)// Русская литература.

[*] С семейством Бакуниных Львов был тесно связан не только родственными, но и дружескими узами, особенно с П.В. Бакуниным – Меньшим, который сыграл огромную роль в его личной жизни и служебной карьере. Поэтому мы решили повторить статью Л.И. Бройтман в нашем сборнике. (А. Н.).

Статья была опубликована в Генеалогическом вестнике № 15, СПб., 2003, с. 30–37.

С.Д. ДЗЮБАНОВ
Санкт-Петербург

«ВЕРУЕТ В РЕЗОН, КАК ВО ЕДИНОГО БОГА» (ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ ТАЙНОЙ ЖЕНИТЬБЫ Н.А. ЛЬВОВА.) *

Трудно найти, наверное, сюжет из биографии Н.А. Львова, которому уделялось бы такое внимание в литературе, как романтической истории его женитьбы на М.А. Дьяковой. Такой интерес, по-видимому, объясняется тем, что история эта «кажется нереальной и стоит многих романтических страниц»[1]. Количество изданий, публикующих изложение этой красивой и трогательной, но не очень правдоподобной легенды, измеряется, по-видимому, десятками. Уже не одно поколение читателей восхищалось чистотой и благородством чувств супругов Львовых. С течением времени исследователи узнавали все больше подробностей жизни Львова. Некоторые обнаруженные факты плохо вписывались в канву семейного предания, но это почему-то не смущало авторов, продолжавших тиражировать легенду в ее прежнем виде. И лишь в 1997 г. в публикации К.Ю. Лаппо-Данилевского старинная легенда была подвергнута серьезной и обстоятельной ревизии[2]. В истории заметно поубавилось романтизма, однако последующие авторы, писавшие о ней, старались этого не замечать.

Легенда о браке Львова и Дьяковой, кочующая из издания в издание, вкратце такова. Львов, познакомившийся с Дьяковыми благодаря Бакуниным, влюбился в Машу Дьякову, которая отвечала ему взаимностью. Неоднократно он делал предложение возлюбленной, но неизменно ему следовал отказ от родителей невесты по причине бедности и невысокого служебного положения жениха. Отчаявшись, Львов с помощью друзей (В.В. Капниста, В.К. Свечина) тайно обвенчался с Дьяковой. Опасаясь гнева стариков Дьяковых, о заключении брака молодые решились объявить только через несколько лет, причем по одной из версий первой узнала тайну императрица, допытывавшаяся у Марьи Алексеевны Дьяковой, почему та отказывает сватающимся к ней женихам. История неправдоподобная уже потому, что совершенно неясно, для чего потребовалось столько времени сохранять в тайне брак. Тайное венчание вопреки воле родителей невесты вполне возможно, иногда практиковалось, но о нем молодые обычно объявляли сразу после бракосочетания, поскольку даже тайный брак, совершенный вопреки воле родителей, имел законную силу и не подлежал отмене. Да и серьезным правонарушением такое венчание

считалось только в случае несовершеннолетия невесты. Дьякова же, как известно, была вполне совершеннолетней. Все публикации на эту тему, воспроизводящие семейную легенду, основывались на мемуарах С.В. Капнист-Скалон, Н.И. Мердер, очерке И.П. Хрущева[3], которые иногда дополнялись некоторыми деталями.

К.Ю. Лаппо-Данилевский, указав на ряд существенных несоответствий легенды документам, сделал вывод, что «бережно передававшееся из поколения в поколение и обраставшее подробностями предание о тайной женитьбе Н.А. Львова через какое-то время утратило живую связь с теми, к кому оно непосредственно относилось, и с теми, кто его лелеял, и обратилось в анекдот об имевшем некогда место экстравагантном поступке»[4]. Основные противоречия семейному преданию обнаружились в двух документах – в записи из метрической книги церкви Живоначальной Троицы в Галерной гавани о венчании Львова и в его письме к графу А.Р. Воронцову от 10 ноября 1783 г. Из метрической записи, найденной Л.И. Бройтман, мы узнаем, что «иностранной коллегии коллежский секретарь отрок Николай Александрович Львов» женился на Дьяковой 8 ноября 1780 года.

Поручителями были Горного корпуса надворный советник Иван Хемницер и Тобольского пехотного полка капитан Петр Вельяминов, а вовсе не В.В. Капнист и Свечин, как сообщалось в мемуарах Капнист-Скалон и Мердер. Еще более серьезные противоречия с легендой обнаружились в письме Львова, в котором он сообщает графу Воронцову, что уже четвертый год, как женат: «Ваше сиятельство легко вообразить изволите, сколько положение сие, соединенное с цыганскою почти жизнию, навлекло мне заботы, сколько труда и огорчений скрывать от людей под видом дружества и содержать в предосудительной тайне такую связь, которой обнародование разве только противу одной моды нас извинило. Молчание сие тем тягостнее еще нам было, что огорченные старики, озабоченные еще к тому безмолвным замужеством их дочери, принуждали меня вседневно объявить оное: что я мог противуположить. Не достало бы, конечно, ни средств, ни терпения моего, если бы не был я подкрепляем такою женщиною, которая верует в Резон, как во Единого Бога. <...> Не осмеливаюсь распространиться ни о надобностях скрывать до сего времени нашу женитьбу, ни о нужде так рано жениться; первые столь же многочисленны, сколь последняя честна и бескорыстна. Если будет сие угодно Вашему превосходительству узнать, то и предоставляю сие донесть изустно» их справедливости?..

Лаппо-Данилевский справедливо заключает, что ключевые положения легенды (причины сохранения супружества в тайне и утверждения о недоброжелательности Дьяковых к зятю) должны подвергнуться пересмотру. Прежде чем приступить к нему, сформулируем кратко, что мы узнали из письма по существу рассматриваемого вопроса, исходя из того, что Львов был в письме совершенно честен с Воронцовым и не пытался ввести его в заблуждение. Итак, причиной сохранения в тайне супружества, которое, как оказалось, не скрывалось от стариков Дьяковых, было вовсе не резкое неприятие Львова Алексеем Афанасьевичем и Авдотьей Петровной Дьяковыми, а некие «резоны», каковых было несколько. В весомости этих резонов Львова была убеждена и Марья Алексеевна. Старики же Дьяковы, напротив, настаивали на обнародовании тайны. Резоны эти к моменту написания письма утратили свою значимость и стали не настолько секретными, чтобы продол-

жать скрывать супружество и сами резоны, по крайней мере, от А.Р. Воронцова, но все же и не настолько безобидными, чтобы доверить их бумаге. Старики Дьяковы были чем-то сильно огорчены, безмолвное замужество дочери лишь дополнительно озаботило их.

Едва ли к одному из резонов можно отнести «цыганскую жизнь» (то есть частые служебные разъезды) Львова. Это, несомненно, помеха супружеской жизни, но вовсе не причина супружество скрывать. Что же касается «нужды так рано жениться», то, во-первых, едва ли этот брак можно назвать ранним; Марье Алексеевне было 25 лет, что по тем временам немалый возраст для невесты, а во-вторых, отношения Львова и Дьяковой перестали быть просто дружескими задолго до тайной женитьбы, что следует из письма Николая Александровича от 19 апреля 1788 г., найденного К.Ю. Лаппо-Данилевским в Тверском архиве[5]. Во избежание серьезных проблем эти отношения нужно было узаконить. По поводу гипотезы Лаппо-Данилевского о том, что, возможно, венчание было тайным, потому что невеста была в положении, сам автор отмечал, что даже если этот факт имел место (чему мы не находим пока никаких подтверждений), то он не объясняет, почему брак утаивался в течение трех лет. Поскольку это предположение не проливает свет на основные неясные вопросы, а лишь порождает новые (зачем нужно было доводить до этого, какова судьба родившегося ребенка и т. д.), на которые нет ответа, оставим его без рассмотрения.

Пересмотр легенды о женитьбе Львова начнем с описания момента знакомства Николая Александровича и Марьи Алексеевны. Где и когда же познакомились Львов и Дьякова? В большинстве публикаций высказывается предположение, что знакомство состоялось в середине 1770-х гг. в доме Бакуниных. Между тем на этот вопрос легко дать однозначный ответ, и это, пожалуй, наиболее простой из рассматриваемых вопросов. Николай Александрович познакомился с Марьей Алексеевной сразу по приезде в Петербург, поскольку Дьяковы тогда уже жили в столице и были «ближайшими родственниками» Львова. Говоря «ближайшие родственники», мы цитируем Ф.П. Львова, двоюродного брата и первого биографа Николая Александровича, относившего свои слова к М.Ф. Соймонову.

Поскольку Михаил Федорович Соймонов и Авдотья Петровна Дьякова находились по отношению к Львову в одинаковой степени кровного родства, то выражение «ближайшие родственники» равно применимо как к Соймоновым, так и к Дьяковым[6]. Застал ли в живых Н.А. Львов Ефросинью Семеновну Мышецкую (р. ок. 1710), урожденную Львову, родную сестру своего деда Петра Семеновича, мы пока не знаем. Но точно известно, что в 1763 г. она имела место жительства в доме у своего зятя инженер-асессора А.А. Дьякова. Дьяковы тогда жили в Литейной части и были прихожанами Сергиевской церкви при Артиллерийских слободах[7].

В письмах, современных Львову, мы не находим упоминаний о троюродном родстве Николая Александровича и Марьи Алексеевны. Отчасти, наверное, это объясняется тем, что их отношения рано перестали быть отношениями брата и сестры и именовать друг друга так было совершенно неуместно.

В семье Дьяковых было шесть дочерей, а не пять, как принято считать. Не учитывают названную в честь бабушки по отцовской линии, Ульяны Алексеевны,

урожденной Хомяковой, также Ульяну Алексеевну (р. около 1758), которая умерла в возрасте, по-видимому, около 6 лет. Нередко задают вопрос, почему лишь одна из дочерей Дьякова, а именно Александра Алексеевна, получила образование в Императорском Воспитательном обществе в Смольном монастыре и почему там не воспитывалась Марья Алексеевна. Во-первых, Анна (р. около 1753) и Марья опоздали к первому набору Императорского Воспитательного общества по возрасту, поскольку в этом наборе поступали девочки 1758–1759 г. рождения. Во-вторых, стать смолянкой девочке из полной семьи было очень проблематично, начиная уже с третьего приема. Действовала следующая схема поступления в Императорское Воспитательное общество на казенный кошт. Все девочки, годные по состоянию здоровья, имеющие достаточную подготовку и представившие необходимые документы, разбивались на три разряда. В первый разряд входили круглые сироты, во второй полусироты, то есть потерявшие одного из родителей, а в третий — девочки, имевшие как отца, так и мать. Баллотировка устраивалась по разрядам. В первом разряде был относительно невысокий конкурс, круглые сироты довольно легко поступали в Императорское Воспитательное сообщество. Во втором конкурс был уже существенно выше. В третьем же вытащить счастливый билет было редчайшей удачей. Заметим, что Александре, смолянке второго выпуска, пришлось при поступлении исправить год рождения на 1761, то есть сделаться почти на 2 года моложе.

Н.А. Львов, прибывший в Санкт-Петербург в 1769 г., вероятно, впервые посетил Дьяковых уже в их новом доме на Васильевском острове, который, как известно, был куплен вместе с садом и службами годом ранее (современный адрес: 3-я линия, 48)[8].

Алексей Афанасьевич Дьяков, крупный администратор петербургского градостроительства и компетентный инженер-строитель, руководил тогда строительством комплекса зданий Тучкова Буяна и восстановлением Петропавловского собора, а также возглавлял Сенатскую чертежную мастерскую. В своем доме на Васильевском острове Дьяков на первом этаже оборудовал контору, в которой принимал архитекторов и мастеров-строителей, поставщиков строительных материалов, выдавал деньги за работы и материалы. Здесь же хранились бухгалтерские документы, подрядные договоры, чертежи и другая проектная документация.

Несомненно, что интерес к архитектуре сформировался у Львова во многом благодаря Дьякову, который был единственным в окружении Николая Александровича родственником, имевшим непосредственное отношение к строительству и архитектуре.

Здесь Львов, очевидно, неоднократно встречался с архитекторами А. Ринальди и П.Ю. Патоном, подолгу работавшими с Дьяковым. Поскольку многие архитекторы и мастера-строители были иностранцами, Николай Александрович имел возможность в доме Дьякова еще до начала своих регулярных поездок за границу попрактиковаться в языках. Сам Алексей Афанасьевич владел, как известно, четырьмя языками. Гостей в доме принимали радушно. Нередко, прибывшие по служебным вопросам, оставались обедать или ужинать, и общение продолжалось уже в неформальной обстановке.

Попутно коснемся вопроса, когда же все-таки произошло знакомство Г.Р.Державина с Н.А. Львовым и с Дьяковыми, тем более что, как будет показано ниже, Гавриил Романович имел к рассматриваемой истории непосредственное отношение. Что касается знакомства Державина с Львовым, то едва ли оно произошло только лишь благодаря их совместной службе в Преображенском полку. Преображенский полк насчитывал свыше полутора тысяч только военных чинов; даже если учитывать только дворян, то их в полку было поболе, чем во многих губернских городах. Львов к тому же, практически сразу по прибытии, был откомандирован на учебу в Измайловский полк. Знакомству Львова и Державина, которое, вероятно, состоялось вскоре после прибытия Львова в Петербург, скорее всего, способствовали какие-то общие знакомые. Такими знакомыми могли быть, например, братья Окуневы[9], которые были давними приятелями Державина. В 1772 г. Гавриил Романович занимал у Окуневых деньги, проиграв в карты значительную сумму, предназначенную для покупки крепостных, что свидетельствовало о давнем на тот момент знакомстве. Старший из братьев, Александр Гаврилович Окунев (ок. 1738–1806), впоследствии тайный советник, одновременно с А.А. Дьяковым служил в Канцелярии строений (с 1762 по 1766 гг.), руководил постройкой Александро-Невского монастыря (с 1777 по 1791 гг.), был архитектором и смотрителем петергофских дворцов и садов[10]. Он же помогал пристроить Гаврилу Романовича в сенат к генерал-прокурору А.А. Вяземскому.

А.Г. Окунев известен также как литератор. Он перевел с французского и опубликовал две книги анонимных авторов — «Жизнь Олимпы, или Приключения маркизы Де**» и «Уединенный ишпанец, или Жизнь дона Вараска Фигероаза»[11]. У младшего из братьев, Михаила Гавриловича Окунева (р. около 1752), Державин был секундантом на его несостоявшейся дуэли с А.В. Храповицким, закончившейся примирением сторон[12], а у Петра Гавриловича — душеприказчиком в 1790-е годы. С другой стороны, соседство подписей статских советников Михаила Бакунина и Алексея Дьякова и премьер-майора Петра Яхонтова с подписью подполковника Семена Гавриловича Окунева на поручительстве в благородном происхождении Надежды Васильевны Львовой (р. 25.03.1771), составленном в январе 1776 г. для поступления в Императорское Воспитательное общество, было едва ли случайным[13].

В результате предпринятых поисков удалось установить, что Семен Гаврилович Окунев был женат (не позднее, чем с 1773 г.) на Анне Дмитриевне, урожденной Яхонтовой, родной племяннице Петра Алексеевича Яхонтова[14]. Через этот брак Семен Гаврилович был в довольно близком свойстве не только с Яхонтовыми, но и с Дьяковыми, Бакуниными, а также с Н.А. Львовым.

Державин, живший в конце 1760-х — начале 1770-х гг. в Литейной части, через Окуневых вполне мог познакомиться и с Дьяковыми, которые до переезда на Васильевский остров также жили в этом районе. Семья Окуневых, принадлежавшая родственному окружению Львова и Державина, до последнего времени не попадала в поле зрения исследователей; исключение составляют лишь весьма краткие сведения об отдельных ее представителях, приведенные Я.К. Гротом и П.И. Бартеневым, и статья Н.Д. Кочетковой об А.Г. Окуневе в «Словаре русских писателей XVIII века».

Была ли какая-либо недоброжелательность старших Дьяковых к племяннику Львову? Никаких свидетельств того, что она имела место, нет. А как относились Дьяковы к Львову-жениху? В России, которая практически постоянно вела войны, демографическая ситуация в дворянской среде (большинство дворян мужского пола брачного возраста состояли в военной службе) была такова, что выйти замуж было значительно сложнее, чем жениться. Поэтому требования к женихам обычно не были чересчур строгими. А вот женщине без приданого замуж выйти было сложно. Сам Н.А. Львов отмечал в 1791 г., что «и к совершенной женщине надобно придачу»[15].

В семейном предании одной из причин, почему Дьяковы отвергли якобы Львова-жениха, являлась его бедность. Легенда о бедности Львова имеет глубокие корни и начинается, по-видимому, с фразы Ф.П. Львова из первой биографии Николая Александровича: «Происходя из древнего дворянского рода и не будучи человеком богатым <...>». Богатство — понятие относительное. Главным параметром, определявшим богатство дворянина в те годы, было количество душ крестьян, которыми он владел. Но каких-то определенных, установленных границ, по которым можно классифицировать мелких, средних и крупных помещиков, нет. Большинство современных историков относит к мелкопоместным дворян, имевших до 20-30 душ мужского пола, к средним помещикам — имевших приблизительно от 30 до 100, а к крупным — более 100 душ. Разумеется, были и очень крупные помещики, владевшие тысячами душ, но таких были единицы. Заметим, что при оценке состояния жениха часто учитывали не столько его собственное состояние, сколько состояние родителей, поскольку дети при живых родителях часто вообще не имели недвижимости. Отец Николая Александровича умер еще в 1769 г., так что Львов вошел в права наследства задолго до женитьбы. Мать его на момент женитьбы была жива, основным ее наследником был Н.А. Львов, поскольку не имел братьев. Размеры владений Николая Александровича и его матери Прасковьи Федоровны, урожденной Хрипуновой, в Тверской губернии известны. По ближайшей к описываемым событиям ревизии 1783 г. за Львовым было в Вышневолоцком уезде в деревнях Алпаковой 25, а в Саулине — 12 душ крестьян мужского пола, в Новоторжском уезде в деревне Челядине 10 душ, в сельце Черенчицы — 84 души, а всего 131 душа. За матерью в селе Покровском Вышневолоцкого уезда было 32 души[16]. Кроме населенных деревень Николаю Александровичу и его матери принадлежали обширные пустоши, главным образом в Вышневолоцком уезде[17]. К сожалению, нам неизвестны их владения на тот момент в других губерниях, в частности в Новгородской губернии, но и без их учета видно, что Львова следует отнести к крупным помещикам; подавляющее большинство дворян было тогда гораздо беднее. Однако у Дьякова, воможно, были свои критерии, по которым состояние Львова он считал недостаточным. Незадолго до рассматриваемых событий, а именно в 1776 г., Алексей Афанасьевич Дьяков выдал старшую дочь Анну (р. 1753) за капитана Илью Ивановича Березина. Никакого противодействия со стороны родителей невесты этому браку не было. Следовательно, Березин как жених вполне устраивал старших Дьяковых. Сравним имущественное положение «хорошего» жениха Березина и «плохого» жениха Львова. В момент женитьбы за Ильей Ивановичем ника-

кого недвижимого имения не числилось. Лишь в ноябре 1778 г., будучи артиллерийского бомбардирского полка майором, он получил вместе с братом Дмитрием поместья, принадлежавшие его отцу Ивану Ивановичу (р. 1689)[18]. Об Иване Ивановиче знаем, что он в 1714 г. поступил в Новгородскую школу, в 1717-м был написан в морской флот в канонеры, в 1731-м — морской артиллерии от канонер сержант, а в 1737-м был по болезни признан к службе ненадежным и отставлен на свое пропитание[19]. Березины издревле владели поместьями в Бежецкой пятине.

Там же был поместен и Илья Иванович. Ему принадлежали по состоянию на 1783 г. 4 души в селе Ворожебском, 9 душ в деревне Толоцкой, 7 душ в деревне Горка и 10 душ в деревне Ерошиха, а всего 30 душ мужского пола[20]. В других губерниях за Березиным недвижимости не числилось, что подтверждается также и тем, что его наследнице Надежде Ильиничне досталось только это имение. От нее имение перешло по наследству к ее мужу Федору Петровичу Львову, при разделе между детьми которого, досталось Илье Федоровичу, а от него — старшему сыну Федору Ильичу Львову (1831–1868). В 1783 г. в селе Ворожебском была церковь деревянная Николая Чудотворца и другая, каменная, Тихвинской Богоматери с приделом Николая Чудотворца, два дома господские деревянные (один Ильи Ивановича, другой — его брата), при одном был сад с плодовыми деревьями. В реке Волчине водилась рыба: щуки, окуни, плотва, язи, налимы. Вода была для употребления здорова, лес сосновый, строевой[21]. В настоящее время это очень живописное место в Максатихинском районе Тверской области, совсем рядом с Максатихой, которая в XVIII в. была маленькой деревушкой (позднее через нее прошла железная дорога, что и предопределило ее дальнейшее развитие).

Итак, мы выяснили, что «хороший» жених Березин был многократно беднее «плохого» жениха Львова.

Едва ли могли быть претензии у родителей невесты к Львову и по поводу недостаточной знатности. Львовы — известный и древний дворянский род, из которого к тому же происходила и бабка невесты. Да и Дьяковы, похоже, не придавали этому большого значения, о чем свидетельствует, например, тот факт, что они так и не удосужились внести свой род в шестую, наиболее почетную часть дворянской родословной книги, в которую записывали древнее дворянство, несмотря на то, что все возможности для этого были.

Едва ли стариков Дьяковых радовало близкое родство жениха и невесты, но вряд ли и особенно огорчало. В окружении этих семей родственные браки заключались неоднократно, среди них встречались даже запрещенные законом по близости родства[22]. Степень родства Николая Александровича и Марьи Алексеевны была допустимой.

Может быть, проблема была в недостаточном чине жениха? Впрочем, даже в те годы женились преимущественно в молодом возрасте, а стало быть, и в небольших чинах. Но все же сравним чины Львова и Березина. Березин женился, будучи капитаном. В записи о венчании Львова в метрической книге указан чин 10 класса — коллежский секретарь, что не соответствует действительности, Легко убедиться, что Николай Александрович был тогда коллежским асессором, что соответствует 8 классу или — по армии — майору. Достаточно посмотреть опубликованный аттестат Льво-

ва[23] или просто адрес-календарь на 1780 г. Коллежский асессор — совсем не малый чин для молодого человека. Итак, получается, что «плохой» жених Львов был и чином выше «хорошего» жениха Березина.

Возможно, дело в каких-то проблемах у Львова на службе? Но нам ничего о них не известно, напротив — все тогда было более или менее благополучно. А вот у Алексея Афанасьевича Дьякова в то время проблемы по службе были, и очень серьезные. В ноябре 1780 г. Дьякова одолевали весьма грустные мысли. Начались же его проблемы несколько раньше.

В июне 1768 г. Дьяков, руководивший постройкой комплекса зданий Тучкова Буяна и Сенатской чертежной получил повое назначение — руководить восстановлением Петропавловского собора, колокольня которого сгорела после удара молнии в 1756 г. Поскольку для восстановления нужно было укрепить основание колокольни, а для этого ее разобрать, то речь шла фактически о постройке заново. Успехи ли Дьякова на Тучковом Буяне, поддержка родственников или друзей, например приятеля Алексея Афанасьевича Петра Васильевича Нейбуша[24], бывшего тогда личным ординарцем Екатерины II[25], сыграли тут решающую роль, но почетное и ответственное назначение состоялось. Однако в этой должности у Дьякова было немало трудностей. Высокая техническая сложность проекта, нехватка специалистов необходимого уровня, а главное — отсутствие должной поддержки Канцелярии от строений и Сената сильно тормозили дело. Практически сразу после вступления Дьякова в должность выяснилось, что смета составлена его предшественниками крайне небрежно. В ней не было учтено увеличение высоты колокольни, оплата мастеров и ведущего архитектора, а расчетные цены на материалы были гораздо ниже рыночных. Выразив неудовольствие по поводу того, что общая стоимость «чрезмерно высока для одной только колокольни, которой еще фундамент был цел», Екатерина II все же согласилась на дополнительную выдачу денег[26].

К концу 1771 г. колокольня в камне была закончена. Но главные трудности были еще впереди. Для ускорения строительства Дьяков организовал изготовление деталей колокольни на земле заблаговременно, благодаря чему к апрелю 1772 г. шпиль был не только поднят на колокольню, но уже закреплен и обшит. Однако изготовление обивочных медных листов к тому времени только начиналось. Дьяков поручил их изготовление мастеру Вульфу, а наблюдение за этими работами — директору монетного двора И.А. Шлаттеру, К весне 1773 г. было изготовлено 99 листов, но их все до одного пришлось забраковать, так как они имели трещины и были меньшего размера. Для предохранения от разрушения деревянные конструкции шпиля пришлось покрывать войлоком и холстом. 1 мая 1773 г. был заключен новый контракт на изготовление медных листов с мастерами Форшманом и Тумом. На Пустоловских заводах была оборудована специальная мастерская для ковки особыми молотами и полировки «помощью вод». Однако 1773 и 1774 гг. выдались на редкость засушливыми. Речка, на которой была мельница, пересыхала, все работы останавливались. Лишь в 1775 г. листы были изготовлены. Немало времени заняло изготовление «электрического отвода к отвращению удара и паления, от молнии происходящего», то есть громоотвода. Громоотвод был разработан комитетом Академии наук, избранным по просьбе Дьякова, который не считал себя знато-

ком в вопросах «особливо физического искусства» и предпочитал положиться на мнение крупнейших ученых. Изготовление отвода было поручено кузнецу Христиану Вегнеру и слесарю Стефану Веберу и закончилось лишь в 1777 г.

Немало хлопот доставили Дьякову куранты. Их изготовил сразу после пожара 1756 г. по заказу голландского посланника мастер Оорт Красе, который обязался установить их на колокольне. При транспортировке на корабле куранты промокли и заржавели. Мастер умер в 1764 г., не дожив до окончания строительства (оно тогда даже не успело толком начаться). В приложении приведены тексты донесений Дьякова, написанных им по поводу курантов. Из них видно, что Алексей Афанасьевич озаботился этой проблемой задолго до окончания строительства колокольни. Однако установлены куранты были только в 1776 г. Основной причиной задержки стало то, что куранты, как оказалось, были изготовлены без учета размеров помещения, в котором должны были размещаться. Из документа также усматриваем, что уже в 1773 г. Дьяков получал предписание от императрицы завершить строительство «без продолжения времени».

Новую беду принесла буря, «великий штурм», разразившийся 10 сентября 1777 г. Свирепый северо-западный ветер расшатал и накренил шпиль. Тяжелая фигура ангела, которая была установлена перпендикулярно кресту, не выдержала напора ветра. Ангел погнулся, его крылья оторвались[27]. Пришлось подправлять несущие конструкции, фигура ангела была заменена на новую, меньшего размера, изготовленную по эскизу А. Ринальди, с которым Дьякова связывало многолетние знакомство и совместная работа на Тучковом Буяне.

Строительство проходило на глазах у императрицы, которую с каждым годом все больше раздражали строительные леса вокруг колокольни, хорошо видные из окон Зимнего дворца. Все чаще и все в более категоричной и резкой форме следовали Дьякову указы незамедлительно завершить строительство. Алексей Афанасьевич, скорее всего, также в резкой форме, вынужден был требовать ускорить завершение работ от своих подчиненных.

Возможно, что именно тогда Дьяков нажил себе врагов. В мае 1779 г., когда строительство близилось к окончанию (через месяц-два должны были снять леса), а раздражение императрицы приближалось к апогею, кто-то, по-видимому, написал на Дьякова донос. Строго говоря, о доносе нам ничего не известно, но последующее развитие событий было таково, что наличие доноса представляется весьма вероятным. Разобраться со злоупотреблениями и выявить виновных императрица назначила генерал-аншефа, сенатора и разных орденов кавалера графа Якова Александровича Брюса, известного своей суровостью. Одновременно Брюсу предписывалось незамедлительно завершить строительство. В определении виновного никаких проблем не было. Штат ведомства Дьякова, не считая нижних чинов, включал архитектора П.Ю. Патона, назначенного на эту должность по рекомендации Алексея Афанасьевича, казначея подпоручика Петра Васильевича Баскакова (р. около 1722) и секретаря Ивана Ивановича Метлина (р. около 1723)[28]. Все прочие, имевшие отношение к строительству, были работниками временными и работали по отдельным контрактам. Архитектор не имел отношения к выдаче денег, поэтому никакого участия в последующих разбирательствах не принимал. Казначей и секретарь, ввиду малых чинов, годились разве что на роль свидетелей. Итак, виновным не мог быть никто, кроме Дьякова. Нужно было лишь найти подходящую статью.

Статьи в строительном деле были стандартные. Граф Брюс «при начальном свидетельстве всех работ» сразу же усмотрел, что «учиненные статским советником Дьяковым на то строение материалам и прочему денежные сметы сделаны были не только несоразмерны надлежащему строению, но и материалы противу настоящих цен весьма возвышены»[29]. Обнаружив такие серьезные злоупотребления, Яков Александрович приказал Дьякову доставить ему «ведомость, какие есть по строению договоры и сколько и кто по тем договорам получил денег, на какую сумму сработал и где, на сколько, каких материалов поставил, что в договорную сумму получил». Остается неясным, как граф Брюс ухитрился увидеть злоупотребления сразу, без изучения затребованной им ведомости, разве что взял из предполагаемого нами доноса или же решил, что поиски нарушений закона в названном направлении обязательно дадут результат. Итак, с первой частью поставленной ему императрицей задачи Яков Александрович справился сразу. Виновный, А.А. Дьяков, был определен еще до изучения графом бухгалтерских документов. Сложнее было со второй частью — завершением строительства. Строительство уже завершалось, однако еще многое предстояло сделать. И граф Брюс хорошо понимал, что без Дьякова ему едва ли удастся закончить постройку колокольни в короткие сроки. Таким образом, скорейшее решение первой части задачи входило в противоречие с решением второй части. Граф Брюс нашел комплексное решение проблемы. Он постановил, что подготовка ведомости «не должна остановить течение работ» и что Дьяков от работ вовсе не отстраняется, а, напротив, ему рекомендуется «приумножить свое старание» для приведения строительства в скорейшее окончание[30]. Таким образом, граф Брюс подбирал для Дьякова подходящую статью закона, а тем временем Алексей Афанасьевич завершал строительство, имея дополнительный стимул к работе в виде намека на то, что старания зачтутся ему при дальнейших разбирательствах. В строительстве же за собой Яков Александрович Брюс оставлял лишь верховное командование, фактически заключавшееся только в контроле за расходуемыми денежными средствами.

Не прошло и недели такой работы, как стало ясно, что искать злоупотребления Дьякова уже нет необходимости, поскольку сам Алексей Афанасьевич за это непродолжительное время отдал козыри в руки Брюса. Для того чтобы лучше понять суть вопроса, необходимо уяснить порядок выдачи денежных средств, действовавший в те годы. Он не слишком отличался от современного. Если надлежало выдать кому-либо наличные за работу или поставленные материалы, то сначала нужно было выписать расходный ордер на необходимую сумму. В ведомстве Дьякова это было обязанностью секретаря Метлина, который выписывал ордер по письменному или устному указанию («объявлению») Алексея Афанасьевича. Ордер, подписанный Дьяковым, передавался казначею Баскакову, который выдавал деньги и делал запись о том в шнуровой книге. Получающий деньги расписывался в получении в шнуровой книге. По прошествии определенного времени шнуровые книги передавались в Ревизион-контору (аналог современной Счетной палаты). Так

деньги положено было выдавать в теории. Но на практике этот порядок редко удавалось соблюдать. Во-первых, у Дьякова было две кассы. В одной из них хранились медные деньги; эта касса была в ведении Баскакова. Другую кассу, в которой хранились ассигнации, Дьяков никому не доверял[31]. Это, впрочем, серьезным нарушением не являлось: Алексей Афанасьевич просто брал часть обязанностей своего подчиненного на себя. Во-вторых, вышеописанный порядок было просто нереально всегда соблюдать в условиях стройки. Очень часто деньги требовались срочно, выписывать ордера и делать записи в шнуровой книге было некогда, да и книга сама находилась в конторе, то есть в доме Дьякова на Васильевском острове, в то время как стройка — на Заячьем. Одновременное присутствие Дьякова, Метлина и Баскакова также не всегда можно было обеспечить. При таком небольшом штате служащие Дьякова и он сам наверняка часто находились по различным делам в отлучке. Однако деньги выдавать было нужно, и они — в нарушение установленных правил — выдавались Дьяковым просто под расписки. В те моменты, когда работа не была столь напряженной, например во время нередких в строительстве вынужденных перерывов в работе, бухгалтерия приводилась в соответствие с инструкциями. Задним числом выписывали ордера, делали записи в шнуровой книге, а затем получали подписи в книге со всех получавших деньги в обмен на их расписки. Такой способ выдачи был неизбежным в условиях стройки, но противозаконным. В тот момент, когда граф Брюс потребовал от Дьякова ведомость, у Алексея Афанасьевича на руках оставались три расписки кузнеца Вегнера на общую сумму 6000 рублей. Кузнец подрядился в 1774 г. исправить церковную кровлю за 16 770 рублей. С 1774 по 1776 гг. ему было выдано несколькими суммами 10 108 рублей, в получении которых Вегнер расписался в шнуровой книге. Эта шнуровая книга уже находилась в Ревизион-конторе. В последующие годы Дьяковым были выданы кузнецу под расписки 3000, 2000 и 1000 рублей; последняя сумма выдавалась в 1779 г. Для приведения бухгалтерии в соответствие правилам был выписан ордер, датированный 24 апреля 1779 г. По словам Дьякова и первоначальным показаниям Метлина, ордер и был выписан именно тогда.

Однако по каким-то причинам он дошел до Баскакова только 1 июня. В этот же день граф Брюс потребовал от Метлина справку о выплаченных кузнецу по контракту деньгах. Был ли ордер выписан в апреле или задним числом в другой день, для нас решающего значения не имеет, так как впрямую к вопросу, являлся ли Дьяков казнокрадом, не относится. Получив ордер, Баскаков тогда же, то есть 1 июня, вписал его в книгу и обратился к Дьякову, который выдал ему расписки кузнеца и велел идти с ними и с шнуровой книгой к Вегнеру для получения с него подписи в книге в обмен на расписки. Баскаков взял солдата для несения книги и отправился к кузнецу, которого встретил на мосту через Малую Неву. На ходу расписаться в то время было невозможно, и Баскаков уговорил Вегнера пойти в дом к Дьякову, так как от моста было ближе к дому Алексея Афанасьевича, чем к дому кузнеца. В доме Дьякова казначей отдал Алексею Афанасьевичу книгу с расписками и ушел. Кузнец расписался в книге, забрал расписки и также ушел, не оставшись, по словам Дьякова, обедать (по-видимому, в других случаях оставался). В момент, когда Вегнер расписывался в книге, в комнате находился подполковник Александр Семенович Хвостов[32], бывший у Дьякова в гостях.

2 июня граф Брюс вызвал к себе казначея Баскакова и предложил написать «репорт», подтверждавший недоплату кузнецу 6000 рублей и фактически изобличавший Дьякова в казнокрадстве.

Брюс спросил Баскакова, какая сумма была выдана Вегнеру. Когда Баскаков ответил, что 16 000 рублей с сотнями, «его сиятельство, держа в руке своей записку, сказывал ему, Баскакову, что как же, по 1-е число того июня было им, Баскаковым, выдано ему, Вегнеру, только 10 000 рублей, а он, Баскаков, говорит, что якобы выдано 16 000 рублей. Выслушав сие, он, Баскаков, доносил, что еще ему Дьяковым дан ордер на 6000 рублей от 24 апреля 1779 г. Когда его сиятельство спросил, когда он ордер получил, то доносил, что того июня 1-го числа, а в книгу записал 24-м апреля. И для того приказывал ему тогда его сиятельство подать репорт в такой силе, что ордер дан от господина Дьякова ему, Баскакову, 1-го числа того ж июня, а писан апреля 24 числа о выдаче Вегнеру за его работы 6000 рублей, только он, Баскаков, ему, Вегнеру, тех 6000 рублей по тому ордеру не выдавал, который репорт им, Баскаковым, его сиятельству того ж 2 июня и отдан»[33].

Несколько позднее, точная дата не сообщалась, кузнец, придя в гости к Баскакову, сообщил ему, что скоро Дьяков заплатит деньги, и показал бумагу, в которой казначей успел увидеть вензеля графа Брюса и текст, из которого следовало, что Баскаков, встретив кузнеца на мосту, якобы силой заставил его идти к Дьякову. Прочитав такой поклепный текст, казначей, по его словам, настолько рассердился, что не стал читать дальше и вернул бумагу. Думается, что Баскаков несколько кривил душой и не настолько рассердился, насколько испугался, если принять во внимание обстановку вокруг строительства. Дьяков, поняв свою ошибку, посылал Баскакова к Вегнеру, чтобы тот вернул расписки, «помарав или надорвав» их, однако было уже поздно, кузнец отказался это сделать, сославшись на то, что они ему нужны, якобы для расчетов со слесарем Вебером.

В июле кузнецом Вегнером на высочайшее имя было подано прошение, в котором он сообщал, что был силой принужден Дьяковым расписаться в шнуровой книге в получении 6000 рублей, которых он в действительности якобы не получал. Императрица незамедлительно «высочайше повелеть соизволила употребленного при строении Петропавловской колокольни кузнеца Вегнера поданную на статского советника Дьякова в неплатеже надлежащих ему денег 6000 рублей за его работы, приказав ему прежде в приеме расписаться, а потом, уклоняясь от отдачи оных, <жалобу> отослать куда следует, дабы там надлежащий судный разбор произведен и удовольствие обиженной стороне по справедливости доставлено было без замедления»[34]. Указом Правительствующего Сената прошение Вегнера было отослано в Юстиц-контору «для производства в сходственность[35] помянутого высочайшего ея императорского величества повеления».

Ситуация для Дьякова складывалась крайне неблагоприятно. Партикулярная тяжба с кузнецом на самом деле являлась слегка отсроченным делом о казнокрадстве Дьякова, ибо если признать претензии Вегнера правомочными, то отсюда автоматически следует, что Алексей Афанасьевич присваивал казенные деньги.

Юстиц-контора сразу же обратила внимание на эту особенность дела, усмотрев «из сего дела следующие обстоятельства:

1-е. По рассуждению невыдачи денег и в неотстройке Вегнером по контракту остальной работы соединяется казенного интереса упущение.

2-е. Если статский советник Дьяков доказан будет в принуждении его в расписке в книге в 6000 рублях и неотдаче оных без законной причины, следственно, подвергнет себя не только платежа иску, но и положенному по законам штрафу.

3-е. В рассуждении жалобы кузнеца Вегнера, лишившегося за свою работу платежа, собственно ему уже принадлежащего, а по сим обстоятельствам по сему делу, как относящемуся к казенному упущению, так и к партикулярной жалобе, по содержанию законов оная контора иначе и поступить не может, как между им, статским советником Дьяковым, и кузнецом Вегнером предписанный высочайшим указом судный разбор ко изысканию истины произвесть»[36].

Нетрудно догадаться, в какое настроение повергло такое развитие событий семью Дьяковых. В «Прибавлении к Санкт-Петербургским ведомостям» появились объявления:

1) «На Васильевском острову между Среднею и Малою перспективою в 3 линии продаются 2 деревянных дома г. статского советника Дьякова. Один на каменном жилом этаже с каменными и деревянными службами и садом, а о цене спросить в том же доме»;

2) «Статская советница Дьякова, жена ево, Авдотья Петрова дочь, продает свои деревни в Новоторском уезде в Теребенской волости: сельцо Китово и сельцо Глебово, с принадлежащими к ним деревнями, да в Тверском уезде полусельцо Турово, полдеревни Гребенино, полдеревни Есино, в которых имеется до 200 душ мужеска полу, а о цене спросить здесь на Васильевском острову в 3 линии, в доме г. статского советника Дьякова»;

3) «На Петербургской стороне в Большой Никольской улице, в приходе церкви Николая Чудотворца, продается деревянный дом на каменном фундаменте с службами, а о цене спросить в 3 линии между Средней и Малой перспективою в доме г. статского советника Дьякова»[37].

Не следует, конечно, полагать, что такая срочная продажа недвижимости была предпринята для того, чтобы отдать 6000 рублей кузнецу. Если бы Алексей Афанасьевич отдал эти деньги Вегнеру, то тем самым признался бы в казнокрадстве. Также следует отбросить, как невозможный, тот вариант, в котором деньги были нужны для срочного покрытия возможной недостачи в кассе. Если бы таковая и была, то в июле компенсировать ее было уже поздно. Скорее всего, собственность просто выводилась Дьяковыми из-под удара, на случай неблагоприятного развития событий, поскольку дело могло дойти до секвестирования имения. Какую-то свободную сумму необходимо было иметь на случай, если участие в тяжбе окажется делом затратным. Возможно, что деньги предназначались на приданое Марье и Александре. И, наконец, семье нужно было на что-то жить в условиях, когда выплата жалованья Алексею Афанасьевичу была приостановлена. Заметим, что дом в 3-й линии был продан существенно позднее; относительно сельца Китово известно, что оно было продано А.А. Воейковой в 1780-е гг.[38] По-видимому, остальные имения Дьяковой, упомянутые в объявлении, также отошли к Воейковой. По состоянию на 1783 г. Анисья Воейкова значилась владелицей 31 души в сельце Китово, 20 душ в сельце Глебово, 7, 14, 7, 16 и 29 душ в деревнях Мышлятино, Ильино, Гребниково, Есино и Турово соответственно. За Дьяковой в это время в Новоторжском и Тверском уездах недвижимости не числилось[39].

Но вернемся к главным героям статьи — Николаю Львову и Марии Дьяковой. Весной 1778 г. отношения двух влюбленных были уже отнюдь не платоническими[40]. Вероятно, в то же время появились первые мысли о женитьбе. Если бы эти мысли трансформировались в решение до середины 1779 г., никакой таинственности в женитьбе наверняка не было бы.

Заметим, что сестру Марии Екатерину Алексеевну Дьяков успел выдать замуж, незадолго до драматических событий. Накануне венчания граф Стенбок подал прошение, которое полагалось писать при заключении брака лютеранина с православной.

Прошение Гавриилу, архиепископу Новгородскому и Санкт-Петербургскому,
от бригадира Якова Федоровича Штенбока от 28.01.1779
о бракосочетании с дочерью статского советника Дьякова Екатериной

От роду ему 34-й год. Родился в Эстляндии, отец его Федор Магнусов, в службе с 1760 г.

Разведен с женой[41] в 1774 г. Юстиц-коллегией.

Катерина от роду 21-й год, рождение в городе Шлютен-бурге, отец – статский советник Алексей Афанасьев сын Дьяков, а мать – Авдотья княж Петрова дочь Мышецкого[42].

Яков Федорович и Екатерина Алексеевна обвенчались 3 февраля 1779 года. В метрической книге Благовещенской, что на Васильевском острове, церкви записано: «Брегадир вдовец Яков Федорович сын Станбок <вступил в брак с> статского советника Алексея Афанасьевича Дьякова дочерью ево девицею Екатериной Алексеевной. Поручители: Правительствующего сената секретарь Андрей Хвостов и полковник Егор Дамосов»[43].

Почему Львов не женился на Дьяковой раньше? Не чувствовал себя готовым к семейной жизни, или же существенной преградой была «цыганская жизнь» с постоянными разъездами? Трудно сказать. Но, начиная с июня — июля 1779 г., тучи, сгустившиеся над головой Алексея Афансьевича Дьякова, стали очень серьезным резоном для того, чтобы Львов решил повременить с женитьбой. Казнокрадство считалось государственным преступлением и если наказывалось, то каралось очень строго. Так или иначе, это касалось всех близких родственников осужденного. Известны даже случаи, когда, стремясь отмежеваться от преступника, шли на смену фамилии. Так, например, известный военный историк А.И. Михайловский-Данилевский носил первоначально фамилию Данилевский. В царствование Павла I отец историка обратился к императору с прошением о смене фамилии, чтобы его не считали родственником государственного преступника Данилевского. Павел I, оза-

боченный в то время строительством Михайловского замка, повелел прибавить к старой фамилии «Михайловский»[44].

Наличие тестя, находящегося под судом по подозрению в казнокрадстве, наверняка повредило бы карьере Львова, тем более что служил он в таком серьезном ведомстве, как Коллегия иностранных дел. Это, конечно же, не входило в планы Николая Александровича. И если бы Львов сам не решил повременить с женитьбой, то ему бы посоветовали это сделать начальники по службе. В те годы для женитьбы требовалось получить разрешение начальства. Положение это соблюдалось не очень строго, особенно в гражданских ведомствах. Но если бы Львов, все же обратился с такого рода прошением, то начальник, искренне желавший Николаю Александровичу добра, если не запретил бы жениться, то настоятельно порекомендовал бы с этим повременить.

Даже В.В. Капнист, который не связывал свои ближайшие планы со служебной карьерой, решил повременить с женитьбой. Он убеждал в необходимости этого свою возлюбленную Александру Алексеевну Дьякову в письмах: «Будем действовать, дорогая моя, согласно велению разума, а не настроений наших. Придется несколько времени пострадать, чтобы прочнее утвердить счастие нашей жизни. Довольно мне, мой друг, учить вас уму-разуму. Прибавлю еще только, что любезному вашему батюшке напишу после того, как поговорю с вашим дядей Г.А.»; «Я просил Григория Алекс<еевича> замолвить за меня словечко, предпринял все необходимые шаги, чтобы оправдать себя в ваших глазах <...>»; «...она (А.П. Дьякова. — *С. Д.)* хочет заставить меня отказаться от дружества и привязать меня к вам нерасторжимыми узами. Я сотни раз убеждал вас, что для последнего время еще не пришло, а, зная мое постоянство, вы должны быть удостоверены в том, что первое невозможно»[45].

Переговоры Капнист вел, судя по письмам, не столько с Алексеем Афанасьевичем, сколько с Авдотьей Петровной Дьяковой. Дьяков, по-видимому следуя рекомендации Брюса, «умножал старания» на стройке, а в свободное время, если оно случалось, обдумывал варианты защиты.

В письмах Капниста этого периода, адресованных Дьяковой, неоднократно упоминается «дядя Г.А.», «Григорий Алекс<еевич>». Кто такой этот дядя и почему письмо Дьякову нужно было предварить разговором с Григорием Алексеевичем? Почему этот Г.А. встречается в переписке именно этого периода? Ответить на эти вопросы оказалось делом непростым. Едва ли Г.А. мог быть родным дядей Александры, тогда он встречался бы чаще и в другие годы упоминался бы тоже. Да и родные братья Алексея Афанасьевича и Авдотьи Петровны отпадали сразу по несовпадению отчества.

Маловероятно, хотя и не исключено, что дядя был троюродным: едва ли столь дальний родственник невесты был бы так значим для Капниста, что неоднократно упоминался бы в относительно короткий период. Наиболее вероятным представлялось двоюродное родство. Но родственника с таким именем и отчеством все никак не удавалось обнаружить. В девяти томах «гротовских» Сочинений Державина упоминается лишь один Григорий Алексеевич — подполковник Бутлеров, доставивший Державину во время Пугачевского бунта рескрипт. Это лицо едва ли

имеет отношение к делу. В адрес-календарях за 1764–1795 гг. встречается всего 23 человека с таким именем и отчеством, однако родственников Дьяковых среди них обнаружить не удалось. Найденного Б.А. Градовой князя Григория Алексеевича Долгорукова, матерью которого была Евдокия Григорьевна, урожденная княжна Мышецкая, пришлось было отставить. В наиболее полном из опубликованных родословий князей Мышецких (составлено М.Ю. Лебединским)[46] княжна Евдокия, в замужестве княгиня Долгорукова, показана дочерью князя Григория Борисовича Мышецкого, тогда как Авдотья Петровна Дьякова была внучкой князя Григория Ефимовича Мышецкого. В русских родословиях до XIX в. женские линии обычно представлены неполно и грешат ошибками. Не представляет исключения и упомянутое родословие Мышецких. Так, например, княжна Прасковья Петровна, в замужестве Яхонтова, показана там очень дальней родственницей Авдотьи Петровны Дьяковой, в действительности - ее родной сестры. Княжна Евдокия Григорьевна Мышецкая, дочь владельца усадища Васильково Новоладожского уезда подконстапеля князя Григория Ефимовича Мышецкого[47], в родословии вовсе отсутствует. Упоминавшаяся выше княгиня Евфросинья Семеновна Мышецкая, урожденная Львова, названа Евфросиньей Львовной, и т. д. Из родословия остается неясным, насколько основателен вывод о том, что Евдокия Григорьевна Долгорукова была дочерью именно Григория Борисовича. Это обстоятельство в совокупности с многочисленными неточностями родословной росписи заставило нас пересмотреть ранее сделанный вывод. В родословии находим трех Григориев Мышецких, в числе которых (по критерию возраста) мог быть и отец Евдокии Григорьевны Долгоруковой, — Григория Борисовича и двух Григориев Ефимовичей. В 1751 году дочери подконстапеля Евдокии Григорьевне было 14 лет. Ее отцу — 64. Сведения о возрасте из исповедной росписи, обычно сомнительные, в данном случае вполне надежны, так как многократно подтверждаются росписями за предыдущие годы. Точный возраст ее сына Григория Алексеевича Долгорукова нам пока неизвестен, однако в большинстве источников указывается, что дата его рождения приходится на 1740-е годы. Совместными усилиями с М.О. Мельциным, крупнейшим знатоком генеалогии князей Долгоруковых, удалось установить, что дочь подконстапеля не могла быть матерью Григория Алексеевича, поскольку его мать Евдокия Григорьевна в июне 1743 года по духовному завещанию своего отца получила образ Знамения Пресвятой Богородицы. Значит, ее отец умер в 1743 году или ранее. Согласно родословной росписи, князь Григорий Борисович умер в 1744 году. Следовательно, можно сделать предварительный пока вывод о том, что княгиня Евдокия Григорьевна Долгорукова была родной сестрой князя Петра Григорьевича Мышецкого, отца Авдотьи Петровны Дьяковой. Это утверждение требует дополнительной проверки, однако если принять его, то на вопросы, возникшие по поводу писем В.В.Капниста, как будет показано ниже, ответы дать легко.

О князе Григории Алексеевиче Долгорукове нам пока мало что известно. В 1768 году он поступил в морской кадетский корпус. В 1769 г. произведен в гардемарины[48]. Дата поступления в корпус плохо согласуется с рождением в 1740-е годы, однако заметим, что в гардемарины Долгоруков был произведен уже через год после поступления, а обычно на это уходило не менее 5-6 лет. Таким образом, заключа-

ем: либо год поступления в корпус указан ошибочно, либо Григорий Алексеевич был переведен туда из другого учебного заведения, в котором успел отучиться несколько лет.

В 1769–1774 гг. Долгоруков ежегодно находился в плавании в Балтийском море, совершил переход из Архангельска в Кронштадт. В 1773 г., 1 мая, он был произведен в мичманы. В 1774-м переведен в морской корпус с переименованием в подпоручики. В 1776 г. на фрегате «Северный орел» князь Долгорукий отправился из Кронштадта в Средиземное море. В 1777 г. на фрегате «Павел» он плавал из Ливорно в Константинополь и обратно. 7 января 1778 г. Григорий Алексеевич был произведен в лейтенанты. В 1778 г. на фрегате «Северный орел» он плавал между Ливорно и Гибралтаром. В 1779-м на том же фрегате возвратился из Ливорно в Кронштадт, В 1780–1781 годах на корабле «Спиридон» плавал от Кронштадта до Ливорно и обратно. В 1783–1785 ежегодно находился в плавании в Балтийском море. 1 января 1785 г. князь Г.А. Долгоруков был произведен в капитан-лейтенанты. В 1788 г. он командовал брантвахтенным фрегатом «Богемия» в Кронштадте, затем был назначен на должность помощника капитана над галерным портом. В 1796 г., 1 января, князь Долгоруков был произведен в капитаны 2 ранга и уволен от службы в чине капитана 1 ранга 22 сентября 1797 г.

В 1806 г. Григорий Алексеевич был начальником уездного ополчения.

Князь Г.А. Долгоруков был масоном, членом ложи «Нептун», а в 1780–1781 гг. членом ложи теоретического градуса в Петербурге, кавалером ордена розенкрейцеров[49].

Григорий Алексеевич Долгоруков умер 31 декабря 1812 года в собственном имении Вязовка Борисоглебского уезда Тамбовской губернии. Детей не имел и завещал свое имение племяннику. В Государственной Третьяковской галерее имеется его портрет кисти Д.Г. Левицкого.

В.В. Капнист встречался с князем Г.А. Долгоруковым, очевидно, после плавания Григория Алексеевича на фрегате «Северный орел» (1778–1779), но перед плаванием на корабле «Спиридон» (1780–1781). Дальний поход «Северного орла» под командованием Т.Г. Козлянинова (1740–1798) завершился в мае 1779 года[50]. Заметим, что участником этого похода на том же самом корабле был и А.С. Шишков (1754–1841). «Спиридон» отправился в плавание в составе эскадры под командованием бригадира Палибина в июне 1780 года[51]. Упомянутые выше письма В.В. Капниста мы можем отнести к периоду с июня 1779-го по ноябрь 1780 года (ранее считалось, что они написаны в конце 1770-х годов). Таким образом, встреча Василия Васильевича с Долгоруковым вполне могла состояться. Повышенный интерес Василия Васильевича к Долгорукову в этот период легко объяснить, если рассмотреть родственное окружение Григория Алексеевича. Оказывается, что княжна Екатерина Алексеевна Долгорукова, родная сестра отца Г.А. Долгорукова, была второй женой графа Александра Романовича Брюса. Поскольку граф Яков Александрович был сыном от первого брака, Екатерина Алексеевна приходилась ему мачехой. Она рано умерла (в 1747 г.) и замужем пробыла недолго (менее трех лет), так что такое родство едва ли могло предполагать близкие родственные отношения между Я.А. Брюсом и Г.А. Долгоруковым. Конечно, их и не было, иначе служебная карьера Григория Алексеевича была бы куда более впечатляющей. Но все же Брюс и Долгоруков были не совсем чужими людьми, и можно было рассчитывать если не повлиять на Брюса, то, по крайней мере, узнать, насколько все серьезно в деле Дьякова.

При установлении личности упоминавшегося Капнистом дяди сестер Дьяковых следует учитывать то, что «Григорий Алекс.» может расшифровываться и как Григорий Александрович. В результате поисков нами выявлен лишь один человек с такими именем и отчеством, проживавший в 1779–1780 гг. в Петербурге и приблизительно подходящий по возрасту. Это член Дворянского банка Г.А. Воейков (р. около 1747). К сожалению, нам пока остаются неизвестными его мать и мать его жены Евдокии Михайловны (р. около 1757), урожденной Ярославовой. Однако если предположить, что Воейков — двоюродный дядя, то его дети (Виссарион, Федор, Александр, Елена и Анастасия) оказываются троюродными братьями и сестрами. Но при таком близком родстве едва ли возможно отсутствие упоминаний перечисленных персон в последующие годы в документах Державиных, Львовых и Капнистов.

Юстиц-контора заслушала показания истца — кузнеца Вегнера, ответ Дьякова, показания свидетелей Хвостова, Метлина и Баскакова. Если Дьяков рассчитывал на то, что придется лишь доказать отсутствие насилия при отборе подписи у кузнеца, то он сильно недооценил противника. Вегнер заявил, что все слова о том, что Дьяков заставил его расписаться силой, не более чем неточность перевода. По его словам, он расписался по «обнадеживанию» Дьякова, который обещал ему в обмен на расписку в книге выдать 6000 рублей[52]. Никаких расписок, по его словам, Алексей Афанасьевич ему не давал. Впоследствии Дьяков, по его словам, уклонялся от выдачи денег, а затем предложил удовольствоваться меньшей суммой. В доказательство кузнец предъявил записку от Дьякова следующего содержания: «Г. Вегнер, придите ко мне с г. Вебером, и если вы хотите, то мы уже сделаемся на 2500 рублях, в коих дам вам вексель»[53]. Записка эта во всех последующих разбирательствах считалась главной уликой против Алексея Афанасьевича. Вегнер посчитал, что 2500 рублей вместо положенных 6000 — это слишком мало, и написал прошение на высочайшее имя.

Дьяков признал, что записка писана его рукой. Однако он написал ее много раньше, и относилась она к партикулярному делу, которое у него было с кузнецом Вегнером и слесарем Вебером. Дата на записке указана не была. Сумма представляется огромной для партикулярного заказа, однако позднее Дьяков в доказательство представил счет, выписанный Вегнером, на 3217 рублей 50 копеек. Вегнер на это заявил, что действительно он для Дьякова неоднократно выполнял партикулярные заказы, но за все получил деньги сполна. Заметим, что из слов кузнеца следует участие Дьякова в строительстве не только казенных, но и частных зданий в Петербурге.

В показаниях казначея Баскакова и секретаря Метлина ничего неожиданного не было. Они изъясняли вышеизложенную историю в части, их касающейся. Отметим только, в качестве положительного для Дьякова момента, упоминание Метлиным эпизода, предшествовавшего событиям 1 июня, когда Дьяков в комис-

сии (в своей конторе) говорил Метлину и Баскакову о выплаченных кузнецу 6000 рублях и показывал его расписки.

Самыми неприятными для Вегнера были показания А.С. Хвостова, который заявил, что присутствовал при встрече Дьякова с Вегнером, и что видел, как кузнец расписывался в шнуровой книге без всякого принуждения. По поводу расписок он показал, что видел только верхнюю, в которой успел заметить, что она 1779 г. и составлена на немецком языке. Также он видел, что расписок всего было три и что Дьяков передал их Вегнеру все, одну за другой. Против таких показаний трудно что-то возразить, и кузнец не придумал ничего лучше, как заявить, что все это ложь и что Хвостова даже не было в то время в доме Дьякова.

Разбирательство в Юстиц-конторе затягивалось. Дьяков в это время спешно завершал строительство. К этому же периоду относятся, вероятно, и первые архитектурные работы Н.А. Львова — Невские ворота Петропавловской крепости[54] и оформление зала Общего собрания Правительствующего Сената[55]. Обе эти работы выполнялись при очевидном посредстве Алексея Афанасьевича. Ко второй прямое отношение имел и Державин, о чем свидетельствует помещаемый ниже документ:

Г. коллежскому советнику Державину.

Приказ

По репорту Вашему о разных примеченных неисправностях при известной переделке и починке дома сенатского предписал я архитектору Патону[56], как наискорее все исправить под особым Вашим надзиранием и, по переделке всего нужного, ожидаю от Вас обстоятельного репорта с тем, что, как на все починки и разные исправления ассигнована уже известная по подряду сумма, то и надлежит все из тех же денег окончить, ибо сверх того ничего в добаву выделено не будет.

Ноября 29 дня 1780 г. Генерал-прокурор Вяземский».

В июле 1780 года Дьяков, не выдержав столь длительного состояния неопределенности по своему делу, обратился с просьбой на высочайшее имя перенести дело в суд для скорейшего решения. 5 августа 1780 г. указом Правительствующего Сената дело было передано в Санкт-Петербургское губернское правление, а оттуда 12 августа — в Санкт-Петербургский уездный суд. Последний, рассмотрев дело 26 августа, счел материалы Юстиц-конторы недостаточными и постановил снова заслушать всех свидетелей и дополнительно слесаря Вебера, а также истца и ответчика[58]. Вебера допрашивали уже 27 августа, Метлина 28 августа, Хвостова — 9 сентября. Хвостов ничего нового не сообщил, Вебер заявил, что во всем верит Вегнеру, а по поводу партикулярных работ сообщил, что не принимал в них участия. Дьяков попытался дать отвод Веберу на том основании, что они находились в ссоре по поводу, не имевшему отношения к разбирательству[59]. Отвод судом принят не был. Вегнер, в свою очередь, пытался дать отвод Хвостову: «Хвостов весьма часто бывал в доме Дьякова, также часто обедывал или ужинывал и не только имел приятельское, но и дружеское обращение и так, как домашний человек. Да и не знает, не обязан ли он, Хвостов, каким с ним (Дьяковым. — *С. Д.)* свойством?»[60] Если бы Вегнер смог доказать близкое родство или свойство Хвостова с Алексеем Афанасьевичем, то отвод судом был бы принят, и Дьяков лишился бы своего главного свидетеля. Есть несколько линий, по которым Хвостов был в очень дальнем свойстве с Дьяковым (через Шишковых, Сеченовых), однако о каком-то близком свойстве нам пока неизвестно. Не знал о нем и суд, отвод был отклонен. Вегнер продолжал утверждать, что в доме Хвостова не было. Дьяков заявил, что в то время в доме, помимо Хвостова, находились коллежский асессор Львов и гвардии подпоручик Капнист, которые могут подтвердить наличие в тот момент Хвостова, однако сами они находились в соседнем покое и расписок видеть не могли. В свою очередь Хвостов подтвердил присутствие в то время в доме Львова и Капниста, однако, суд не счел нужным вызвать их для допроса.

Баскаков и Метлин, подвергшиеся, видимо, мощному давлению, отказались от прежних показаний. Суть новых показаний обоих сводилась приблизительно к тому, что они ничего не знают о выплате Дьяковым кузнецу 6000 рублей и ни потвердить, ни опровергнуть этого не могут.

Дьяков настаивал на том, что выплаты были и после 1776 г., в частности в 1779 г, и приводил косвенные доказательства. Кузнец совершил серьезную ошибку, заявив, что выплата была, но в счет прежних 10 000 рублей, и предъявил расписку, в которой Хвостов и Дьяков узнали одну из трех, а именно — на сумму 1000 рублей от апреля 1779 года. К тому же оказалось, что писана она была рукой Баскакова. Тем не менее, суд счел оправдания Дьякова неосновательными и 7 октября 1780 г. вынес решение: «Как из всех по делу обстоятельств видно, что статский советник Дьяков кузнецу денег не давывал, то оные с него, Дьякова, взыскав законным порядком, удовольствовать кузнеца Вегнера, да сверх того <...> с него ж взыскать пошлин по гривне с рубля <...>»[61]. На подачу апелляции Дьякову был дан месяц.

После такого решения суда угроза для Алексея Афанасьевича в ближайшей перспективе потерять не только должность, но и чин, имение, дворянство, а не исключено, что и жизнь, стала вполне реальной. Конечно же, Дьяков не собирался сдаваться, но, надеясь на лучшее, надо было все же подстраховаться. И, не в последнюю очередь, важно было пристроить дочерей. Если Анна и Екатерина были уже замужем, а Дарья была еще слишком молода, то у Марьи и Александры женихи были уже давно, да вот только не спешили жениться. Если даже Дьяковы и видели какие-то изъяны в Львове-женихе, то в такой ситуации о них следовало забыть. Естественно предположить, что в этих условиях Капнист и Львов подверглись сильнейшему нажиму со стороны родителей своих невест, вплоть до шантажа тем, что им откажут в посещении дома, если они незамедлительно не женятся. Это и отразилось в письмах Капниста. Василий Васильевич и Николай Александрович, по-видимому, действовали солидарно. Капнист, вероятно, подвергался большему прессингу, как более слабое звено, поскольку для него ситуация большой опасности не представляла: он был уже в отставке и собирался уехать в Малороссию. Не выдержав нажима, друзья сдались. В конце концов, они любили своих невест и собирались на них жениться, но только позже. Капнист женился открыто. Львов же убедил, видимо, Дьяковых в необходимости венчаться тайно и сохранять брак в тайне до тех пор, пока не минует опасность.

Напомним, в письме к Воронцову Львов говорил о нескольких резонах. Первый резон был связан со службой Львова и с опасностью испортить карьеру. Второй, тоже весьма серьезный резон, состоял в том, что Львов мог оказаться важным свидетелем в суде для подтверждения факта присутствия в доме Хвостова. Уездный суд не стал вызывать Николая Александровича для дачи показаний, но это мог сделать суд следующей инстанции: на это свидетельство, судя по содержанию апелляционной жалобы Дьякова, возлагались большие надежды. Но если бы кузнецу Вегнеру стало известно о том, что Львов — зять Дьякова, то он незамедлительно дал бы Николаю Александровичу отвод как свидетелю. Относительно родства Львова с Авдотьей Петровной Дьяковой, по-видимому, предполагали, что Вегнер до этого не докопается. Третий, пожалуй, наименее важный резон, возможно, был связан с приданым. В сложившейся ситуации переговоры о приданом уместно было бы перенести на более спокойное время. Если бы о браке было объявлено открыто, то Львову пришлось бы отвечать на вопросы об этом друзей, сослуживцев, знакомых, поскольку в те годы было принято интересоваться, что взято в приданое.

Если Капнист обещал Николаю Александровичу, что женится только после него, то он свое слово сдержал. Как отмечалось выше, Львов венчался 8 ноября 1780 года. А 9 ноября того же года в метрической книге Благовещенской, что на Васильевской острове, церкви была сделана запись: «Лейб-гвардии Преображенского полку отставной подпоручик Василей Копсистов[62], отрок, статского советника Алексея Дьякова дочь его девицу Александру Алексееву. Поручители: Тобольского пехотного полку капитан Петр Вельяминов и лейб-гвардии Измайловского полку сержант Петр Дьяков»[63].

Ранее считалось, что Капнист женился весной 1781 года. Свадьбы, очевидно, играли 9 ноября. Львов как бы просто гулял на свадьбе у друга. И лишь посвященные знали, что свадеб на самом деле две.

Не следует полагать, конечно, что Львов, Капнист и другие родственники Дьякова безучастно наблюдали за попытками Алексея Афанасьевича выбраться из сложившейся ситуации. Разумеется, многие пытались оказывать посильную помощь. Однако специфика дела была такова, что лишняя огласка представлялась крайне нежелательной. По этой причине мы едва ли много сможем узнать о тех усилиях, которые предпринимали родственники и друзья Львова и Дьякова, чтобы вытащить Алексея Афанасьевича из беды. Но некоторой информацией, в частности об участии Державина в этом деле, мы обладаем. По-видимому, Гавриил Романович, который не знал еще, что выручает своего будущего тестя, а просто оказывал услугу своему лучшему другу Львову, участвовал в событиях с самого начала. Но документально подтверждается его участие только с момента подготовки Дьяковым апелляции на неправое решение уездного суда.

В архиве Державина сохранился черновик апелляции, датируемый 3 ноября 1780 года[64]. В документе два двойных листа гербовой бумаги 1780 и 1778 гг., а также три листа обычной бумаги голландского производства (с филигранями «VAN DER LEY» с левой стороны и «Pro Patria» — с правой). На гербовой бумаге почерк писарский, на простой — два разных почерка, один из которых установить не удалось, а другой — самого Алексея Афанасьевича Дьякова. Апелляция адресована на

высочайшее имя. Писать черновики на гербовой бумаге было бы бессмысленным расточительством, поэтому делаем однозначный вывод, что первоначальный чистовой вариант апелляции был по каким-то причинам забракован и часть его вошла в данный черновик. Само наличие этого документа в архиве Державина говорит об активном участии поэта в подготовке прошений, апелляций и, как увидим несколько ниже, других важных документов, касающихся этого дела. По-видимому, Гавриил Романович был в этой области лучшим специалистом из всего окружения Львова и Дьякова.Апелляция была подготовлена тщательно, выделены все сильные места защиты и все слабые обвинения, особо отмечено нежелание уездного суда заслушать важных свидетелей — Львова и Капниста.

Интересы истца на дальнейших слушаниях представлял слесарь Вебер, поскольку кузнец Вегнер к тому моменту умер. Опекунами к его детям были назначены петербургский купец Козлов и Вебер. Еще до отправки Дьяковым апелляции Вебер написал прошение на высочайшее имя, в котором просил выдать ему 2000 рублей, якобы не выплаченные ему Дьяковым за изготовление электрического отвода. По-видимому, этим усиливалась основная улика против Дьякова — записка. Без этого прошения было неясно, почему в ней вообще фигурирует Вебер, если речь шла только о долге Вегнеру.

Поскольку по документам получалось, что расчет со слесарем был произведен в полном объеме, Вебер заявил, что имела место ошибка Баскакова, который деньги, отданные за ремонт кровли, провел по бухгалтерии как выплаченные за громоотвод.

Разбор апелляции проводил Верхний надворный суд, Второй его департамент (гражданских дел).

Дьяков и его окружение возлагали серьезные надежды на одного из членов суда — Аникиту Сергеевича Ярцова (1737-1819), который, как известно, был мужем родной сестры Н.А. Львова Надежды[65]. Аникита Сергеевич, служивший тогда в Санкт-Петербургском губернском правлении, мог оказать существенное влияние на ход разбирательств. Однако противник был недооценен. Ярцову был дан отвод, а в материалах дела появилась запись: «Находящемуся при рассмотрении того дела в числе того суда г. присутствующих г. надворному советнику Ярцову за ближайшим его с г. брегадиром Дьяковым, который в сем деле участие имеет, родством, не присутствовать. Сие рукоприкладство писал за неумением опекуна Вебера российской грамоте Санкт-петербургского городового магистрата в должности переводчика регистратор Венедикт Петров»[66]. В деле не уточняется, о каком родстве идет речь: о том, что Надежда — двоюродная племянница Авдотьи Петровны Дьяковой или все же произошла утечка информации о женитьбе Николая Александровича. Скорее всего — первое, поскольку при втором варианте в последующих жалобах и апелляции Дьяков вряд ли даже упоминал бы Львова и Капниста. Дьяков же упоминал Николая Александровича и Василия Васильевича и в дальнейшем как свидетелей в качестве дополнительного аргумента в свою пользу, отдавая, впрочем, себе отчет в том, что если Львова вызовут в суд, то он неминуемо получит отвод. Итак, один из резонов к сохранению брака Львова в тайне утратил свою значимость с отводом Ярцова.

Трудно заподозрить слесаря Вебера в столь основательном знании генеалогии Дьякова и Львова. Наверняка кто-то оказывал ему помощь. Но едва ли граф Брюс сохранял тогда интерес к делу. Петропавловский собор был построен уже в 1780 году, а карьера Якова Александровича продолжала стремительно развиваться. Он совмещал множество высоких должностей, в том числе был одновременно Тверским и Новгородским генерал-губернатором (чуть позже стал одновременно генерал-губернатором и в Москве, и в Петербурге), а Дьяков был для Брюса уже отработанным материалом. Впрочем, нельзя исключить, что экскурс в генеалогию был старой заготовкой, относящейся к началу процесса.

Верхний земский суд сосредоточился главным образом на двух тысячах рублей, якобы недополученных Вебером. При этом вопрос об отдаче Веберу этих денег даже не ставился за непредставлением доказательств слесарем. Внимание суда привлекло другое обстоятельство: из недоплаты двух тысяч Веберу автоматически следует переплата такой же суммы Вегнеру. Были затребованы документы из Ревизион-конторы. Оказалось, что за деньги, предназначенные в уплату работ по изготовлению громоотвода, расписался кузнец Вегнер. От Дьякова потребовали объяснений, почему он вводит суд в заблуждение, утверждая, что Вегнеру было выплачено 10 000 рублей по 1776 год, тогда как в действительности он получил 12 000 рублей. Таких же разъяснений потребовали с Баскакова. Суть их ответов сводилась к тому, что Вебер и Вегнер состояли в товариществе и один вполне мог получить деньги за другого. Баскаков добавил даже, что отслеживал всегда лишь совпадение сумм, а за что конкретно производился платеж — его мало интересовало. Такие объяснения суд не удовлетворили. Суд счел установленным, что по 1776 год Вегнером получено 12 тысяч с сотнями рублей. Из дальнейших выплат действительной была признана тысяча рублей, выданная в 1779 году по расписке, которую кузнец имел неосторожность сам принести в суд. Таким образом, иск, предъявляемый к Дьякову, уменьшался до 3000 рублей. Но тем самым более правдоподобной становилась главная улика против Дьякова — злополучная записка с предложением удовольствоваться 2500 рублями.

Алексей Афанасьевич, ссылаясь на болезнь, на заседаниях суда не присутствовал. Его интересы в суде представляли бригадир Стенбок, подпоручик Иван Андреевич большой Романов, в конце процесса — сын Дьякова Петр Алексеевич.

Тем временем Николай Александрович и Мария Алексеевна Львовы продолжали тщательно скрывать тайну своего брака. Сложнее всего приходилось Марье Алексеевне, постоянно подвергавшейся давлению со стороны своих родителей, желавших предать брак огласке. Кроме того, то и дело возникали ситуации, когда могло произойти разглашение тайны. Так, например, Марья Алексеевна ходила к исповеди в церковь, ее вносили в исповедную роспись. В 1782 г., например, семья Дьяковых была на исповеди дважды: в Благовещенской, что на Васильевском острове, церкви и в Сергиевской, при Артиллерийских слободах. Оба раза в исповедные росписи Марья Алексеевна была внесена как дочь Дьякова, тогда как ее сестра Екатерина была вписана как жена бригадира Якова Стенбока[67]. Еще более сложная ситуация возникла, когда подпоручик Санкт-Петербургского пятого батальона Иван Романов (по-видимому, меньшой) попросил Марью Алексеевну быть восприемницей при крещении его сына Петра 10 января 1781 г. в Андреевской, что на Васильевском острове, церкви. Заметим, что Романов, ставя Львову в столь затруднительное положение, едва ли был посвящен в тайну.

Наверняка сложившаяся ситуация обсуждалась Львовыми на семейном совете. По-видимому, отказаться сочли неудобным, и в метрической книге появилась запись: «...сын Петр родился 1 января, крещен 10-го января, восприемники: Военной коллегии полковник Егор Александрович Наумов да брегадира Алексея Афанасьевича Дьякова дочь девица Мария»[68].

Верхний земский суд не пришел к определенному решению по поводу записки Дьякова о 2500 рублях и постановил 22 марта 1781 г. привести Алексея Афанасьевича к присяге. Такой способ допускался лишь в тех случаях, когда исчерпывались все другие способы узнать истину. С одной стороны, это было уже почти оправданием Дьякова. Если бы Алексей Афанасьевич присягнул, что записка написана по партикулярному, а не по казенному делу, то главная улика в деле уничтожалась бы. Если бы в деле не возникло никаких новых обстоятельств, что вполне вероятно, то суду пришлось бы оправдать Дьякова. Соблазн согласиться с решением суда и пойти на присягу был, наверное, велик для Дьякова, уставшего от состояния неопределенности. Но такое оправдание было, так сказать, оправданием второго сорта, что-то вроде оправдания за недостатком улик («...Сия присяга презираема и осторожности достойна есть»)[69]. Алексей Афанасьевич хотел для себя полного и безоговорочного оправдания: «В деле обстоятельства и без присяги ясно защищают мою невинность, почему и желаю, чтобы несправедливость кузнецова решена была по ясным в деле обстоятельствам и тем учинено мне было законное от поклепной на меня просьбы защищение. А когда я присягу учиню, тогда не по обстоятельствам и несправедливому кузнецову прошению решение последует, а по учиненной мною присяге, чего для и останусь я решенным не по обстоятельствам, в деле видимым, а по присяге, следовательно, и удовлетворения за напрасное пред престолом Вашего Императорского Величества меня оклеветание и за поношение меня в ответах и доказательствах ево разными укоризнами я получить не могу, да и велено присягать ответчику при истце, кузнец же умер»[70].

Духовная консистория 8 июня 1781 г. по определению губернского правления предписала Дьякову присягать в Петропавловском соборе[71]. Такое решение о присяге в соборе, им построенном,Алексей Афанасьевич воспринял как издевательское. Апелляция на неправое решение Верхнего земского суда была подана 14 июня 1781 г.[72].

Палата гражданского суда, рассмотрев апелляционную челобитную, вынесла 29 декабря 1781 г. решение об учинении надлежащего рассмотрения без привода ответчика к присяге[73].

Верхний земский суд вынес 4 апреля 1782 г. решение[74], которое было объявлено сторонам 14 апреля. Согласно этому решению, за Дьяковым признавался долг в размере 3000 рублей. За приписку к исковой сумме 3000 рублей на кузнеца полагался штраф 900 рублей. Таким образом, наследникам Вегнера полагалось получить только 2100 рублей. 20 апреля бригадир Стенбок, действовавший по доверенности Дьякова, объявил, что решением суда не доволен и что Дьяков будет

подавать апелляцию. Опекуны Козлов и Вебер расписались 22 апреля в том, что решением суда довольны[75].

Челобитную Алексей Афанасьевич подал 6 мая 1782 г.[76], а 13 мая последовал высочайший указ, который предписывал рассматривать апелляцию палате гражданского суда[77]. Гражданская палата каких-либо новых обстоятельств в деле не усмотрела, за исключением того, что представители кузнеца, высказав удовлетворение решением суда, тем самым признали незаконность изначального требования 6000 рублей. Это обстоятельство было признано серьезным аргументом в пользу Дьякова.

8 декабря 1782 г. палата, «входя в подробности сего дела и имея довольное рассуждение, приказала определение Верхнего земского суда отставить»[78]. Обоснование такого решения было дано в пространном определении, из которого приведем следующий фрагмент:

«4. Кузнец, в поданном Ея Императорскому Величеству прошении написал, что Дьяков его в шести тысячах рублей расписаться принудил, в ответе ж своем сказал, что он расписался в чаянии получения денег по обнадеживанию Дьякова, из чего следует, что он сам себе противоречит.

5. Оба сии противоречия не утвердил он никакими законными доказательствами, ибо если бы Дьяков его расписаться принудил, то не преминул бы он, Вегнер, о том, где надлежит немедленно заявить; ежели он расписался по обнадеживанию, то имел к Дьякову безсумнительную доверенность, а, утвердя ее законным порядком, то есть распискою в шнуровой книге, не видно, чтоб опровергал оную какими законными доказательствами»[79].

В приложении 2 к нашей статье приведен текст из архива Державина, в котором Гавриил Романович изложил свое мнение по делу Дьякова. В описании архива документ назван «писанным рукой Державина черновым оригиналом мнения по этому делу Дьякова с Вегнером»[80]. Текст написан на обычной бумаге, где отчетливо видны следы ее складывания вчетверо. На обороте последнего листа документа — надпись: «Милостивому государю моему Гавриле Романовичу Державину» — и фрагмент сургучной печати. Сравнение приведенного фрагмента определения суда с пунктами 1 и 2 мнения Державина приводят к удивительному результату: тексты совпадают с точностью до самых минимальных редакторских правок. Из дальнейшего сравнения текстов усматриваем, что пункт 6 определения совпадает с пунктом 3 мнения, пункты 7-10 определения — с пунктами 6-9 мнения.

Каким же образом текст мнения Державина попал в решение палаты гражданского суда? Ответ на этот вопрос дает анализ состава участников разбора, подписавших решение: председатель палаты действительный статский советник Василий Филиппович Мягков (1717–1784)[81], советники Осип Петрович Козодавлев и Александр Николаевич Пузыревский, асессоры Василий Дмитриевич Львов[82] и Иван Варфоломеевич Чоглоков. Нетрудно догадаться, что использовал державиинский текст О.П. Козодавлев (1754–1819). Осип Петрович был давним знакомцем Державина, именно в его доме Гавриил Романович познакомился со своей будущей женой — Екатериной Яковлевной Бастидон. С 1777 г. Козодавлев служил экзекутором в Сенате, а в 1780 г. был назначен советником Петербургской Гражданской палаты[83].

Будучи в составе суда, Осип Петрович, вероятно, оказал существенное влияние на ход слушаний, а при подготовке определения воспользовался текстом, который ему передал Державин. По миновании надобности, он отправил текст Гавриилу Романовичу обратно, скорее всего, с нарочным.

Решение суда состоялось 8 декабря 1782 г., но о том, что оно будет в пользу Дьякова, было известно заметно раньше, что следует из письма И.И. Хемницера Н.А. Львову из Смирны от 20 ноября 1782 г.: «Дело Алексея Афанасьевича, каково ни есть, да хорошо, что конец ему»[84]. Положительный исход разбора апелляции незамедлительно повлиял и на выплату жалованья Дьякову, о чем узнаем также из письма Хемницера, от 18 декабря 1782 г.: «Выдача полного жалованья Алексею Афанасьевичу, ты можешь представить, что непосредственно меня порадовала»[85].

22 декабря 1782 г. определение суда «при открытых дверях читал и оным решением доволен и копию с оного получил, подписался по доверенности отца моего статского советника Алексея Афанасьевича Дьякова сын его лейб-гвардии прапорщик Петр Дьяков». Дело можно было бы считать закрытым, если бы не следующее обстоятельство: «1782 г. декабря 28 дня умершего кузнешного дела мастера Крестьяна Вегнера опекуны: сын родной ево кузнешной подмастерье Иван Вегнер, санкт-петербургский купец Тимофей Козлов и вместо опекунши — жены оного Вегнера вдовы Анны Вегнеровой попечитель ее слесарный мастер Степан Вебер объявили, что вышеписанным определением недовольны и будут просить по апелляции в Правительствующем сенате и поистине думают, что они правое дело имеют, в чем вместо присяги и расписываются».

На апелляцию представителям кузнеца был дан год. Николай Александрович и Марья Алексеевна решили подождать с обнародованием женитьбы до полного окончания дела. Такая осторожность представляется, возможно, чрезмерной. Однако Львовы, в отличие от нас, не знали, каким будет окончательный исход. К тому же нельзя исключить и того, что Львов все же имел запрещение жениться от начальства. В этом случае у него не было формального повода поднимать вопрос снова, поскольку дело не было завершено.

Трудно было предположить, что представители кузнеца, имея год на подачу апелляции, будут делать это в последние дни. Однако Львовы, по-видимому, откладывали объявление женитьбе до последнего дня апелляционного срока. Графу Воронцову тайна была раскрыта приблизительно на месяц раньше по вполне понятной причине. Львов предполагал, что Александр Романович может всерьез обидеться на то, что такой важный факт скрывался от него в течение трех лет. Николай Александрович не мог допустить, чтобы Воронцов узнал об этом от третьего лица. Поэтому он открыл Александру Романовичу (вероятно, не только ему) тайну чуть раньше, чем она стала всеобщим достоянием.

Апелляционный срок истек в декабре 1783 г. По-видимому, в январе 1784 г. М.А. Львова впервые подписалась в письме своей настоящей фамилией, что следует из ответного письма И.И. Хемницера из Смирны от 29/18 февраля 1784 г.: «Вам, милостивая государыня Марья Алексеевна, *уже без страха* ЛЬВОВА, скажу, что я вашим письмом теперешним, где вы уже без страха подписались Львовой, как быть как водится доволен был»[86].

16 июля 1784 г. последовал «Указ Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийской из Правительствующего сената Санкт-Петербургской палате гражданского суда»: «В прошлом 1783 году генваря 20-го числа взнесено из оной палаты решенное в 1782 году декабря 8-го дня дело по подписанной там апелляции от определенных от здешнего городового сиротского суда к имению кузнечного мастера Христиана Вегнера опекунов <...>, по которому от них, опекунов, в положенный именным <1>762-го года июля 30 дня указом в годовой срок апелляционной челобитной не подано, и оное хранится запечатанное; по указу Ея Императорского Величества Правительствующий сенат ПРИКАЗАЛИ: показанное дело за неподачею в годовой срок от апелляторов апелляционной челобитной по силе упомянутого <...> указа отослать Санкт-Петербургской губернии в гражданскую палату к надлежащему исполнению при указе, который при сем и послан июля 16 дня 1784 года»[87].

Итак, Алексей Афанасьевич Дьяков после, более чем трехлетних, тяжелых испытаний одержал нелегкую победу с помощью родных, своих друзей и друзей родственников. Однако эта победа была не из разряда тех, которыми принято гордиться. О победах такого рода, по понятным причинам, не принято распространяться. Это обстоятельство, очевидно, и было причиной возникновения легенды о женитьбе Львова, имевшей, как мы теперь ясно видим, очень мало общего с действительностью.

Автор настоящей статьи далек от мысли, что в результате его работы легенда о тайном браке Львова полностью выйдет из употребления. Напротив, есть даже уверенность в том, что предание будет продолжать жить в отрыве от реального героя и на радость читателям. Но все же хочется задать вопрос: а так ли уж привлекателен герой легенды, боявшийся родителей своей жены настолько, что не открывался им из-за этого нелепого страха несколько лет, создавая серьезные проблемы себе и своей жене, в сравнении с реальным героем, подчинившем свою жизнь в то время «резонам»?

ПРИЛОЖЕНИЕ 1*

Об установке курантов на колокольню Петропавловского собора
Л. 1.

В канцелярию строения Ея Императорского Величества домов и садов. От находящегося при строении Петропавловской колокольни полковника Дьякова.

Доношение,
что во время строения оной колокольни
и прочия ее части и принадлежности
заблаговременно к соединению заготовлялись

А большая важность состоит в том, дабы находящиеся в Петропавловской крепости выписанные из Голландии для той колокольни колокольные часы и куранты исправлены, а по совершению колокольни и навешены были. А по осмотру моему принадлежащее для оных все механическое и колес, и прочих частей собрание требуют от ржавчины довольного вычищания, так же, как мне кажется, великого исправления. И если к приведению в настоящее действие и порядок тех часов в ведении помянутой канцелярии такого мастера нет, то сыскан мною по объявлению его к тому способный вольный часовой мастер Иоганн Ердман Ридигер, который в прошлом 1764 г. в ноябре месяце для исправления тех колокольных часов канцелярии себя представлял.

Того ради канцелярии строения Ея Императорского Величества домов и садов покорно представляю: не поведено ль будет помянутому мастеру Ридигеру в оной канцелярии явиться?

Полковник Алексей Дьяков.

Июля 15-го дня 1768 года.

Л. 2.

... 1764 го да 24 сентября часовой мастер Орткрас исправленные им в Голландии часы в Санкт-Петербург привез и здесь устанавливать их начал. Не окончив тех часов, в мае сего года умре.

Л. 38.

В контору строения Ея Императорского Величества домов и садов.

От находящегося при строении Петропавловской колокольни полковника Дьякова.

Доношение

Ея Императорское Величество соизволила высочайше указать строющуюся Петропавловскую колокольню и шпиц с постановлением на оную курантных часов во окончание привесть без продолжения времени, которое высочайшее повеление мне объявил его сиятельство г. генерал-прокурор и кавалер князь Александр Алексеевич Вяземский. И во исполнение того о исправлении оного шпица старание прилагается неусыпное, а куранты, с часами сделанные, от бывшей концелярии от строений в Голландии явившимися по публикам у меня вольными из здешней фабрики часовыми мастерами в крепости осматриваны, которые по осмотру их объя вили, что те часы по причине в них механических правил упущения и многих недостатков (которые они во многих пунктах подробно описали, а особливо тот, что те часы чрез всякие 12 часов заводить должно) требуют великого поправления и немалой перемены, и за исправление и приведение тех курантов в такой порядок, чтоб они в полном совершенстве верный ход и курантную игру имели, те мастера к выплате полагают немалую сумму денег, в сообщенной же ко мне из той бывшей канцелярии от строений в прошлом 768 году при указе подрядившегося в Голландии часового мастера Баренц Орт Краса с контракта копия явствует: поставить ему оные часы с курантами совсем исправные и знающими часовыми мастерами их осмотреть и опробовать, а чрез сколько времени они по завождению ход свой иметь могли, того в оном контракте не изъяснено.

Того ради реченной конторе строения Ея Императорского Величества домов и садов представляя, прошу: в непродолжительном времени дать мне знать, о за-

вождении тех часов со оным мастером Орт Красом договор или повеление было ль? И в какую препорцию оное ему делать определено? Так же и по привозе им сюда оные часы с курантами осматриваны ль? И какими именно мастерами, и был ли при том часовой мастер Лероу, и в которых годах те осмотры происходили, и сколько раз осматриваны, и пробованы ль, и какие в них неисправности по их осмотру тогда оказывались именно, и для чего оные поныне без исправления оставлены?

Полковник Алексей Дьяков.

Марта 1 дня 1772 года.

По справке оказалось, что поржавели часы при доставке на корабле.

3 сентября 1863 года Орт Крас объявил, что часы исправны. 25 ноября велено было осмотреть часы мастерам Ферстеру и Миллеру.

После смерти Орт Краса эти мастера осматривали часы. Друнк Миллер нашел часы совсем не в таком состоянии, как они в контракте обещаны, причиною же той большой и непоправляемой ошибки есть чертеж оной, который совсем неисправен. По оному внутренняя работа курантов сделана весьма велика <...>.

Л. 64.

В канцелярию строения Ея Императорского Величества домов и садов.

От полковника Дьякова.

Репорт

Прошедшего 1772 года октября 8 дня Ея Императорского Величества указом из оной конторы ко мне предписано привезенным де из Голландии часам, состоящим в Петропавловской крепости в башне (в рассуждении, что строение Петропавловской колокольни производится под смотрением моим, которыя и с постановлением тех курантных часов по высочайшему Ея Императорского Величества указу поведено во окончание привесть мне без продолжения времени), надлежит быть в моем же ведомстве того для истребовано, чтоб я определил те часы с принадлежностями из ведомства оной конторы принять в свое смотрение, и кому принять определю в ту контору репортом, а как по представлению моему ж по внесенному Ея Императорскому Величеству от правительствующего сената докладу о починке и о приведении объявленных часов и курантов в совершенство Санкт-Петербургской часовой фабрики часовым мастером Сандо Ибазиельи высочайшая конфирмация последовала, вследствие чего и было б от вышереченной конторы строения Ея Величества домов и садов определить те часы куранты по надлежащей описи отдать для исправления их оным часовым мастерам и мне б о том дать знать, о чем и тем мастерам от меня ордером предложено.

Полковник Алексей Дьяков.

Мая 27 дня 1773 года.

Л. 67.

...указ Ея Императорского Величества от 4 июня об отдаче часов с курантами для исправления и приведения их в совершенство от капитана князя Мещерского мною получен того же числа.

Полковник Дьяков.

Л. 74.

Из конторы строения Ея Императорского Величества домов и садов к строению Петропавловской колокольни благоволено было просить прописать, как ныне Петропавловской шпиц во окончание приходит и курантные колокола на оном повешены и играние теми колоколами разных арий происходит, но понеже при играний на тех колоколах мастером Ридигером слухом вычувствовано, что некоторые колокола, особливо малыя, голосами своими против других разнствуют, да и голоса их несветлы и нечисты, и в рассуждении, что те курантные часы выписаны были от бывшей канцелярии строения домов и садов и что б познать, было ли в тех колоколах, как оныя из заморя привезены, от мастеров в голосах их и впрочем какое свидетельство, также и то знать потребно, для играния во всякое время курантов и для содержания в верности, в порядке и в исправности часовой машины, в верном хождении часов и прочего, за какую годовую цену такой часовой мастер со обучением учеников, и сколько их было числом, определен был.

Алексей Дьяков февраля 23 дня 1776 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2**

Мнение Г.Р. Державина по делу А.А. Дьякова с кузнецом Вегнером.

Рассмотрев дело господина Дьякова с кузнецом Вегнером, нахожу в нем следующие обстоятельства.

1-е. Кузнец в поданном Ея Императорскому Величеству прошении написал, что Дьяков его в 6000 рублей расписываться принудил, в ответе же своем сказал, что он расписался в чаянии получения денег по обнадеживанию Дьякова, из чего следует, что он сам себе противоречит.

2-е. Оба сии противоречия не угвердил он никакими законными доказательствами, ибо ежели Дьяков его расписываться принудил, то не видно, что он сделал о том кому явку. Ежели он расписался по обнадеживанию, то имел к Дьякову безсумнительную доверенность, а, утвердя ее законным порядком, то есть распиской в шнуровой книге, не видно, чтобы он опровергал оную какими законными доказательствами.

3. Кузнец сказал, что когда расписывался, то в то время запрещена уже была Дьякову выдача денег и по приказу графа Брюса деньги уже были не у него, Дьякова, но у казначея Баскакова, следовательно, ежели в ведомстве Дьякова денег не было, то какое обнадеживание за вероятное в получении денег кузнец иметь мог?

4. Кузнец показывает, что когда он расписался в книге, то Хвостова и никого не видел, расписок на 6000 рублей Дьяков ему не отдавал, и он их не брал, но против же того Хвостов говорит что при нем Кузнец расписывался в 6000 рублей и с ним разговаривал и расписки свои он, кузнец, от Дьякова взял и прежде того те расписки Хвостов видел.

5. Из сего противоречия, потому что кузнец на Хвостова общей ссылки не делал, хотя и не можно было достоверно выяснить, в самом ли деле были расписки и отдавал <ли> их Дьяков кузнецу, но, как сам кузнец после предоставил распис-

ку, писанную в 1779 году в апреле месяце, в 1000 рублей, которою и уличен, что та расписка была из числа тех, по коим ему 6000 рублей выдано было и вместо коих он расписался при Хвостове в книге, то по сему обстоятельству свидетельство Хвостова можно уже принимать за самое вероятное, ибо оно по реченной расписке подкрепляется, так сказать, собственным признанием Кузнецовым. Утвердя же таким образом безсумнительное бытие одной расписки и имея на стороне Дьякова свидетеля, не должно ль заключить, что и прочие расписки были, что кузнец их взял от Дьякова и расписался вместо их в книге, тем более что и Баскаков понес их с шнуровою книгою к кузнецу на дом и, встретившись с ним на мосту, возвратился в дом Дьякова, хотя и не говорит, на сколько тех расписок было и за них ли расписался кузнец в книге, но, тем не менее, что он их видел и читал руку Кузнецову, доказывает бытие оных, а как после в шнуровой книге значилась расписка Кузнецова, то и ощутительно, что кузнец по получении оных расписался в той самой сумме, на сколько их было.

6. Кузнец говорит, что означенную в вышереченной расписке тысячу рублей получил он в 1779 году в число прежних 10 000 рублей, но по делу видно, что в 10 000 рублях кузнец в разные годы по 1777 год в шнуровой книге расписался и те книги находились уже в ревизион-коллегии. Следовательно, взятые им в 1779 году 1000 рублей не могут уже быть в числе прежде взятых им 10 000 рублей, ибо нет правдоподобия, чтоб, в одной сумме расписавшись в книге, давать после еще на оную и расписку.

7. У Дьякова и кузнеца общая ссылка на Баскакова в том, что когда Баскаков подал графу Брюсу репорт, сколько получено кузнецом денег, то Баскаков показал, что кузнецу не 10 000, но 16 000 рублей выдано, следовательно, сим и доказательно, что кузнец 6000 рублей получил и просит о другой такой же сумме поклепно.

8. Что Баскаков в другом месте говорит, что им в число тех 6000 рублей кузнецу ничего выдаваемо не было, то хотя против прежнего своего показания и разноречится, а потому в обоих не заслуживает вероятия[88]. Ежели принять в свидетельство его показания, то надлежит принять первое, поелику оно до открытия еще тяжебного дела, склоняющего его на ту или другую сторону, изъяснено было им в репорте главнокомандующему, требующему истинного донесения, ибо за ложный репорт законами предписана смерть.

9. Кузнец представил от Дьякова записку, писанную без года, месяца и числа, о которой утверж-дает, что будто Дьяков прислал оную к нему с таким предложением, дабы он взял вместо 6000 рублей показанные в той записке 2500 рублей, но Дьяков пишет, что та записка давнишняя и к сему делу не принадлежащая, а писана к нему, кузнецу, по имевшимся у него партикулярным его работам, в которых и счет пред-ставил. А как кузнец сказал, что партикулярные работы от Дьякова имел и деньги за них сполна получил, следовательно, ежели Дьяков точно не доказал, что та расписка писана была подлинно по партикулярным работам, то не можно же принять за истину и показания Кузнецовы, что она относилась к какому-либо казенному делу, ибо в ней ни того, ни другого не изображено, а видно только единственно предложение Дьякова, чтобы кузнец не вместо 6000 рублей, но просто

доволен был 2500 рублей и взял бы с него в том вексель. А при том, как в ней не назначено и время, чем бы хоть вероподобно можно было согласиться с прочими обстоятельствами сего дела или с показанием Кузнецовым, то и принять ее к судному сему разбору нимало не следует.

10. Сообразя все сии вышеписанные мне дела сего обстоятельства и не изъяснив никакие из них подробно, предложу и по одному только по тому вопрос: кузнец, расписавшись в шнуровой книге в получении 6000 рублей, но действительно их не получа, имел ли право объявить о том в каком-нибудь судебном месте и просить о взыскании их с Дьякова? Ежели он таковое право имел, то учинил ли он где-нибудь об оном объявление и просьбу и не пропустил ли назначенного законами к тому срока? Законами же положено, и буде и то с принуждением, и против своей воли учинить какую кабалу, то объявить о том окольным людям, и в приказах судьям, и воеводам вскоре, дни в три или в четыре, и больше в нсделю, и прочее. Кузнец же, как из всего дела весьма ясно видно, не только тогда, как он в книге расписывался, не объявил о неполучении денег кому, но и после молчал, не просил о том ни в каком судебном месте, но, спустя уже долгое время после назначенного законами срока, дерзнул утруждать Ея Императорское Величество письмом своим, донося, что он, не получив тех 6000 рублей, в книге расписывался с принуждением, но, как принужде-ние нигде не заявил, то без всякого сомнения или какого-либо другого постороннего доказательства, то есть неясных партикулярных расписок, несновательных и противоречащих самих себе свидетелей, по вышеписанному единственно закону сия кабала, то есть расписка в шнуровой книге, в получении написанных в ней денег сходствие действительно справедлива и никакому отрицанию неподвержена, а потому в сего закона ответчик статский советник Дьяков в сем деле совершенно прав, а кузнец без оправдания виноват.

11. Что ж принадлежит до Верхнего земского суда, то по изобретенным им в решении сего дела трудностям, отступя от выше-изображенного ясного закона, сколько ни уважил он показания Кузнецовы и ни приводил в сумнение оправдания Дьякова, так что сперва отдал он сие дело на присягу, потом же, по обращению к нему оного, взявшись за разбор расписок и расчет по оным, которого никаким образом без чистосердечного признания истца и ответчика по запутанности между ними дел их вывесть нельзя, должен был, наконец, при всем том заключить, что кузнец к иску своему 3000 рублей прибавил, а потому и кажется вероятным, что он не вошел в подлинное существо сего дела, ибо, не подведя первое свое решение под настоящий закон, одними догадками мог и в другой раз решить его несправедливо.

12. Как же и опекуны наследников Кузнецовых остались довольны тем решением Верхнего земского суда, то есть согласились на определение с него получить, с Дьякова, половинный иск, о котором дело производилось, то и доказали они сим чрез сие ложное кузнецово трех тысяч требование, а тем самым оказали более уважения к оправдыванию Дьякова и к вероятию тому, что ежели кузнец в просьбе своей к самому высочайшему лицу Ея Императорского Величества дерзнул предстать с показанием поклепного иска, то какой клеветы и неправды не был он в состоянии вымыслить к беззаконному доказательству, в пользу его по сему делу служащему?

13. А потому я кратко разбор сего дела заключу таковым мнением: когда какое действие ясно подходит под какой закон, то нет нужды изыскивать других средств и обстоятельств, которые бы подводили его под смысл другого закона. Ежели кузнец под принуждением или по обнадеживанию расписался в книге, по не заявил того и не принес жалобы где должно в срок, то выше изображенный закон довольно ясен, чтоб обвинить его. Прочие же обстоятельства все сомнительны, да ежели бы некоторые из них и подавали вероятие, что Дьяков кузнецу подлинно не отдал денег, то за расписанием в шнуровой книге и за пропущением узаконенного срока все они весьма слабы. Принять же их в уважение — не что иное, как дать повод ябедникам, которые, расписавшись в книгах или дав на себя какое-либо законное обязательство, могли бы и по прошествии положенного срока вчинять просьбы и опровергать сии условия, утвержденные силой закона.

13 <14>. Впрочем, не можно умолчать того, что в деле сем явственно видно упущение Дьяковым в должности его законного порядка, го есть выдачи под расписки наперед денег, долгое время не записывая оных в шнуровые книги, посылка книг для расписки на дом к кузнецу и прочие законом непозволительные поступки. Также и кузнец Вегнер дерзает, не прося нигде в иных местах о своем иске, осмелиться в противность узаконению утверждать прямо Ея Императорское Величество, а при том, как и Верхний земский суд признал, с показанием еще и поклепного иска. Но как сии их истца и ответчика преступления по существу своему суть уголовные, то гражданская палата и войти в разбирательство не имеет долгу.

ПРИМЕЧАНИЯ

* *Впервые статья была опубликована в сб. "Г.Р. Державин и его время", вып. 4, СПб. 2008. С. 3–57.*

** ЦГИА СПб., ф. 757, оп. 1, № 98. Поскольку воспроизводимые ниже документы даются в извлечениях, соответствующие листы дела указаны непосредственно перед приводимым текстом. Цитируем с сохранением орфографии подлинников.

*** РНБ, ф. 247, т. 17, л. 36–42. Печатается с сохранением орфографии подлинника.

[1] *Петинова Е.Ф.* Во дни Екатерины... СПб., 2002. С. 123.

[2] См.: *Лаппо-Данцлевский К.Ю.* О тайной женитьбе Н.А. Львова. // Новое лит. обозрение. 1997. № 23. С. 132–144.

[3] См.: *Капнист-Скалон С.В.* Воспоминания. // Записки русских женщин XVIII – первой половины XIX века. М., 1990. С. 286–287; *Мердер П.И.* Из далекого прошлого: (Тетушка Вера Николаевна Воейкова) // Ист. вестник. 1909. № 11. С. 402–404; *Хрущев И.П.* Милена, вторая жена Державина // Рус. вестник. 1903. № 2. С. 554–555.

[4] *Лаппо-Данилевский К.Ю.* О тайной женитьбе Н. А. Львова. С. 137.

[5] См.: Там же. С. 139–140.

[6] См.: *Дзюбанов С.Д.* Родственные связи Львовых: князья Мышецкие. //Николай Львов: прошлое и современность. СПб., 2005. С. 18–26.

[7] См.: ЦГИА СПб., ф. 19, он. 112, № 171, л. 155.

[8] См.: *Бройтман Л.И.* Дом Дьяковых. // Васильевский остров (СПб.). 1993. № 1. С. 2.

[9] Александр, Петр, Михаил и Семен — сыновья обер-сарваера Гаврилы Афанасьевича Окунева и его жены Ксении Варфоломеевна, урожд. Арсеньевой (см.: Санкт-Петербургская дворянская родословная книга, литера «О», СПб. 2002. С. 15).

[10] *Федорченко В.* Дворянские роды, прославившие отечество. М.; Красноярск, 2003. С. 310–311.

[11] См.: Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 (К-П). СПб., 1999. С. 381–382.

[12] См.: *Державин Г.Р.* Записки 1743–1812. Полный текст. М., 2000. С. 82–83.

[13] См.: *Дзюбанов С.Д.* Старицко-бежецкая ветвь рода Львовых – предки И.С. Гумилева со стороны матери. // Вестник архивиста. 2006. № 1. С. 169.

[14] В исповедной росписи 1782 г. вместе с главной провиантской канцелярии подполковником С.Г. Окуневым, его женой и сыном упомянута теща — Екатерина Ивановна Яхонтова, вдова капитана (см.: ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 112, №302, л. 845).

[15] Цит. по: *Лаппо-Данилевский К.Ю.* О тайной женитьбе Н.А. Львова. С. 140.

[16] РНБ, ф. 342, оп. 1, № 1544, л. 84 об., 149–150.

[17] РГИА, ф. 1350, оп. 312, № 166, л. 117. В документе, составленном около 1800 г., Прасковья Федоровна, по-видимому, ошибочно именуется действительной статской советницей; в других документах она названа подполковницей.

[18] См.: СПбФИРИ РАН, ф. 180, оп. 1, № 48, л. 48.

[19] См.: Журналы Правительствующего Сената за 1737 г. Ч. 1. М., 1910. С. 380.

[20] См.: РНБ, ф. 342, оп. 1, № 1544, л. 82 об.

[21] См.: РГИА, ф. 1350, оп. 312, № 166, л. 223.

[22] См., например, *Дзюбанов С.Д.* «Львова вышла замуж за Львова...»: Легенды и факты // Г.Р. Державин и его время: Сб. науч. тр. [Вып. 3]. СПб., 2007. С. 96–116.

[23] См.: *Львова А.П., Бочкарева И.А.* Род Львовых. Торжок, 2003. С. 187–188.

[24] Упоминается в письме А.А. и А.П. Дьяковых от 6 апреля 1775 г. Андрею Петровичу Мельгунову: «Естли (так. – *С.Д.*) даст случай допустить видеть Петра Васильевича госп<одина> Нейбуша, то покорно просим попенять ему от нас, что он нас забыл и не уведомил нас о его благосостоянии, как он в Москву приехал». (РГИА, ф. 1086, оп. 1, № 66, л. 2).

[25] См.: Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1769. СПб., 1769. С. 17.

[26] *Элькин Е.Н.* Восстановление Петропавловского собора после пожара 1756 г. // Краеведческие записки. Вып. 2. СПб., 1994. С. 97.

[27] См.: Там же. С. 105.

[28] *И.В. Баскаков* и *И.И. Метлин* работали с Дьяковым много лет, начиная со строительства зданий Тучкова Буяна. У дочери Баскакова Марии, родившейся 1 апреля 1769 г., восприемниками при крещении были Алексей Афанасьевич и его дочь Анна Дьякова; см.: ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 111, № 67, л. 3 об.

[29] Там же, ф. 757, оп. 1, № 98, л. 39

[30] Там же, л. 42 об.

[31] См.: Там же, л. 32об.

[32] *А.С. Хвостов* (18.06.1753-14.06.1820) был впоследствии тайным советником, управляющим Государственным заемным банком. С 1772 г. служил в Коллегии иностранных дел, при генерал-прокуроре А.А. Вяземском был секретарем в Сенате. С 1779 г. подполковник Второго батальона Лифляндского егерского корпуса (см.: Русский биографический словарь. Т. 21. СПб., 1901. С. 295).

[33] ЦГИА СПб., ф. 757, оп. 1, № 98, л. 35.

[34] Там же, л. 26-26 об.

[35] То есть для подбора подходящих, «сходных» с ситуацией статей закона.
[36] Там же, л. 27.
[37] Санкт-Петербургские ведомости. 1779. 9-19 июля. С. 818, 834, 835, 849, 865, 866. Все объявления помещены в разделе «Продажа». Цитируем с сохранением орфографии подлинника.
[38] См.: *Львова А.П., Бочкарева И А.* Род Львовых. С. 43.
[39] См.: РНБ, ф. 342, оп. 1, № 1544, л. 13, 148 об.
[40] См.: *Лаппо-Данилевский К.Ю.* M1sce11anea Lvoviana // Гений вкуса: Н.А. Львов. Материалы и исследования. Сб. 3. Тверь, 2003. С. 118.
[41] Первой женой графа Я.Ф. Стенбока была Сара, урожд. графиня Фермор.
[42] ЦГИА СПб., ф. 19, он. 1, № 10516, л. 1.
[43] Там же, ф. 19, он. 111, № 87, л. 146 об. Цитируем с сохранением орфографии оригинала.
[44] См.: *Михайловский-Данилевский А.И.* Мемуары 1814–1815. СПб., 2001. С. 4–5.
[45] *Капнист В.В.* Собр. соч.: В 2 т. / Ред., вступит, ст. и примеч. *Д.С. Бабкина.* М.; Л., 1960. Т. 2. С. 250–254.
[46] См.: *Лебединский М.Ю.* Хроника князей Мышецких // htth://www.lib.ru / HISTORI / LEBEDINSKJ/myshec.txt.
[47] Она упоминается в исповедных росписях Троицкой церкви Георгиевского Теребужского погоста Новоладожского уезда (например, в 1744 г.). См.: ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 112, № 58, л. 66.
[48] См.: Общий морской список. Т. III. СПб., 1890. С. 496–497.
[49] См.: *Серков А.И.* Русское масонство 1731-2000: Энцикл. словарь. М., 2001. С. 308.
[50] См.: Материалы для истории русского флота. Ч. XII. СПб., 1888. С. 489.
[51] См.: Там же. С. 545.
[52] См.: ЦГИА СПб., ф. 757, оп. 1, № 98, л. 32 об.
[53] Там же, л. 26.
[54] См.: *Никитина А.Б.* Архитектурное наследие Н.А. Львова. СПб., 2006. С. 64.
[55] См.: Там же. С. 66.
[56] Упоминался выше как архитектор, работавший в комиссии А.А. Дьякова.
[57] Соч. Державина с объяснит, примеч. Я. Грота. Т. 5. СПб., 1869. С. 366.
[58] См.: ЦГИА СПб., ф. 757, оп. 1, № 98, л. 44 об.
[59] См.: Там же, л. 47 об.
[60] Там же, л. 48 об.
[61] Там же, л. 53.
[62] Так в документе
[63] Там же, ф. 19, оп. 111, № 89, л. 166.
[64] См.: РНБ, ф. 247, т. 17, л. 27-35.
[65] См.: *Львова А.П., Бочкарева И.А.* Род Львовых. С. 21.
[66] ЦГИА СПб., ф. 757, оп. 1, № 98, л. 81-81 об. Цитируем с сохранением орфографии подлинника.
[67] См.: Там же, ф. 19, оп. 112, № 302, л. 845, 1156.
[68] Там же, ф. 19, оп. 111, № 91, л. 108. Цитируем с сохранением орфографии подлинника.
[69] Там же, ф. 757, оп. 1, № 98, л. 86.
[70] Там же, л. 11 об.
[71] См.: там же, л. 82.
[73] См.: Там же, л. 128-129.

[74] См.: Там же, л. 86 об. – 99.
[75] См.: Там же, л. 99.
[76] См.: Там же, л. 99 об. – 119 об., 140–162.
[77] См.: Там же, л. 165.
[78] Там же, л. 166.
[79] Там же, л. 167 об.
[80] Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1892 год. СПб 1895. С. 24.
[81] См.: [Саитов В.И.]. Петербургский некрополь. Т. 3. СПб., 1912. С. 196.
[82] В. Д. Львов, по-видимому, был однофамильцем Николая Александровича.
[83] См.: *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи 1802–1917. СПб., 2001. С. 300.
[84] Соч. и письма Хемницера по подлинным его рукописям с биогр. ст. и примеч. Я. Грота. СПб., 1873, С. 87.
[85] Там же. С. 70.
[86] Соч. и письма Хемницера по подлинным его рукописям с биогр. ст. и примеч. Я. Грота. С. 92 (так в источнике!).
[87] ЦГИА СПб., ф.757, оп. 1, № 98, л. 171.
[88] Так в рукописи.

А.Б. НИКИТИНА
Санкт-Петербург

ЗАГАДКА СИНОПСКОЙ НАБЕРЕЖНОЙ (О ДАЧЕ Н.А. ЛЬВОВА ПОД ПЕТЕРБУРГОМ)

В середине XVIII века, особенно после воцарения Екатерины II, Петербург продолжал интенсивно расширяться. Застройщиков поощряло правительство. Бывшая полицейская управа, которую переименовали в управу благочиния, наблюдала за благоустройством города и обязана была безвозмездно раздавать обывателям свободные участки — на условиях их обязательного освоения в пятилетний срок. Легче всего было получить место для строительства в отдалении от центра, на малоценных землях.

К числу наихудших мест относилась Рождественская часть (на территории нынешнего Смольнинского района). Здесь, у Малоохтинского перевоза через Неву, в начале 1780-х годов отвели участок и Н.А. Львову.

Молодой дипломат, выпускник школы Измайловского полка, служивший в Коллегии иностранных дел, а с 1782 года – советником выделенного из нее «Главного почтовых дел правления», Николай Александрович Львов вступил тогда в поворотный период своей жизни. Его разностороннее дарование стало проявляться и в сфере зодчества. Один за другим им были созданы первые проекты, обнаружившие руку мастера, – Иосифовского собора в Могилеве, Невских ворот Петропавловской крепости, здания Петербургского почтамта.

Однако материальное благополучие Н.А. Львова оставляло желать лучшего. В начале 1780 г., тайно обвенчавшийся с дочерью обер-прокурора Сената Марией Алексеевной Дьяковой, он принужден был жить в домах своих начальников по Коллегии, а затем – на казенной квартире при «почтовом стане». По-видимому, строительство загородной дачи было продиктовано стремлением иметь не только собственное жилище, но и «хозяйство».

К сожалению, сведения об «усадьбе» Львова очень скудны. И все же, по ряду архивных документов и литературных источников мы можем составить некоторое представление о ней. Занимала она большой трапециидальный в плане участок (по одним данным – 5070 кв. сажен, по другим – несколько меньше) на пересечении набережной Невы и «вновь сделанной через болота» Малоохтинской дороги (ныне проспект Бакунина). На этой территории было возведено каменное здание «с заведением – английскою пивоварнею, с садом, оранжереею и прочими деревянными строениями»[1].

Из сохранившейся копии «подворного описания Рождественской части» удается уточнить, что здесь были выходящий на улицу колонный двухэтажный дом «с поварнею и ренским погребом», три деревянных флигеля – один «в 12 покоев с харчевнею и лавочкой» и две обособленные постройки на кромке берега Невы[2]. Все это было отражено в приложенном к описанию плане из «Атласа Санкт-Петербурга» 1798 г.

Изображениями дома Львова мы не располагаем. Достоверно лишь, что он размещался в углу участка, выходя одним фасадом на набережную, другим – на Малоохтинскую дорогу, и имел со стороны двора характерный для ряда построек зодчего полукруглый выступ.

Значительную часть территории занимал сад. Г.Р. Державин в своем стихотворении «Другу (Н.А. Львову на прогулку в саду принадлежавшей ему дачи близ Невского монастыря против Охты)» писал:

Пойдем сегодня благовонный
Мы черпать воздух, друг мой, в сад.
Где вязы светлы, сосны темны
Густыми пупами стоят;
Который с милыми друзьями,
С подругами сердец своих
Садили мы, растили сами;
Уж нынче тень приятна в них.[3]

Поясняя эти строки, поэт называл тех, кто сажал сад с ним и хозяином дачи. Это М.А. Львова, Е.Я. Державина, В.В. Капнист, И.И. Хемницер, П.Л. Вельяминов[4]. Таким образом, и на даче Н.А. Львова, как и в его городской квартире, часто бывали люди искусства, представители самых различных профессий – члены львовско-державинского «кружка» – поэты, писатели, художники, композиторы, музыканты.

Стихотворение «Другу» датировано 1795 годом. Если к тому времени деревья так разрослись, что уже давали приятную тень, значит, им было не менее десяти лет. Следовательно, начало строительства усадьбы можно отнести примерно к 1784 – 1785 годам. Можно предположить, что мысль о приобретении участка под собственную дачу, возникла у Львова в связи с предстоящим рождением (или уже появлением) первенца – сына Леонида.

Возраст деревьев подтверждается и сообщением в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 24 апреля 1796 года: «Под Невским монастырем у Малого Охтенского перевоза в угольном (*угловом – А. Н.*) каменном желтом господина Статского Советника и Кавалера Львова доме продаются все имеющиеся в саду и оранжереях фрукты, как-то: априкозы, персики, клубника, смородина, вишни, малина и пр., из которых часть уже к снятию и продаже поспела. Цену скажет садовник»[5].

Доходы от такой торговли были, конечно, небольшими. Поэтому Н.А. Львов, пытавшийся укрепить свое материальное положение, вместе со своим другом Г.Р. Державиным, который занимал тогда пост губернатора в Тамбове, задумали «хлебную негоциацию». Зерно, закупленное в южной полосе России и смолотое на месте, предполагалось на баржах доставлять в Петербург на продажу. Для приема груза Львов построил прямо на воде у берега Невы деревянный амбар на сваях,

вокруг которого располагалась пристань. Однако, торговая «фирма» Львова – Державина лопнула, с трудом продержавшись два года.

Можно предположить, что не оправдала себя и другая предпринимательская затея Львова. Поблизости от его участка на набережной находились казенные «торговые» (общественные, платные) бани. Для их посетителей архитектор возвел неподалеку трактир, получивший название «Торжок».

Его хозяйственные начинания на набережной осложнялись тем, что возведенные им здесь сооружения оказались в спорной полосе. 20 декабря 1787 г. по указу императрицы Екатерины II «в Сенате слушалась жалоба межевой экспедиции землемера подпоручика Дмитрия Сапулина на здешнюю управу благочиния в отнятии у него доставшегося ему по наследству на берегу Невы места и отдачи оного коллежскому советнику Львову под построение», который просил «от таковой обиды его защитить, во владение ему то место возвратить и позволить на оном выстроить деревянное или каменное строение; до надлежащего рассмотрения помянутому коллежскому советнику Львову владеть тем местом запретить». Было приказано «оную жалобу препроводить в здешнее губернское правление, чтобы оно противу оной прислало в Сенат в непродолжительное время объяснение, возвратя при том оную жалобу»,[6] что и было исполнено 9 февраля 1788 г.

По распоряжению императрицы жалобе был дан ход, 15 марта 1788 г. последовал рапорт Петербургского губернского управления «об исполнении присланному указу»:

«Означенное отданное коллежскому советнику Львову место, как проситель Сапулин показывает, назначено по конфирмованному плану под бечевник, и буде так; то, для чего оное упоминаемому Львову отдано, до решения указа правительствующего Сената владеть ему, господину Львову, запретить, объясня за сим, почему протчим в той части позволяется поправлять и вновь строить домы»[7].

1 мая 1788 г. «в правительствующий Сенат из Санкт-Петербургского губернского правления» поступил «рапорт о действительном исполнении по присланному указу», в котором сообщалось, что «присланным ...указом, относительно сломки ветхого и опасного от пожарного случая столяра Степана Сапулина деревянного дома, состоящего в Рожественской части в Невских слободах на берегу Невы реки под № 419, как из представленного от архитектора... Паулсона, снятого в натуре при нынешнем приставе Рожественской части секунд-майоре Лохматове плана, и по объявлению их оказалось, что против двора Статского Советника Львова на берегу положенного по апробованному плану бичевника, имеются строения:

1. казенные торговые мужская и женская баня;

2. дощатый нежилой амбар, принадлежащий Львову, построенный им на самой воде на сваях, для складки разного хлеба, вокруг коего сделана пристань, которая для бечевника никак не препятствует, а при том позволено построить господином генерал-майором обер-полицмейстером и кавалером с тем, что если для бечевника оный амбар воспрепятствует, то снести непременно;

3. что же касается до выстроенной им же Львовым деревянной связи с трактиром, называемым «Торжок», оное построено по плану, подписанному обер-полицмейстером, на том месте, которое под бечевник совсем не подходит и от оного остается

которое, а равно и есть остающееся от бечевника против его Львова двора место, по малости и в рассуждении всего его наличного по набережной бечевника каменного и деревянного строения должного же Львова, следовательно, и состоит оного связь на принадлежащем ему, Львову, месте, другого вновь строения никакого не оказалось;

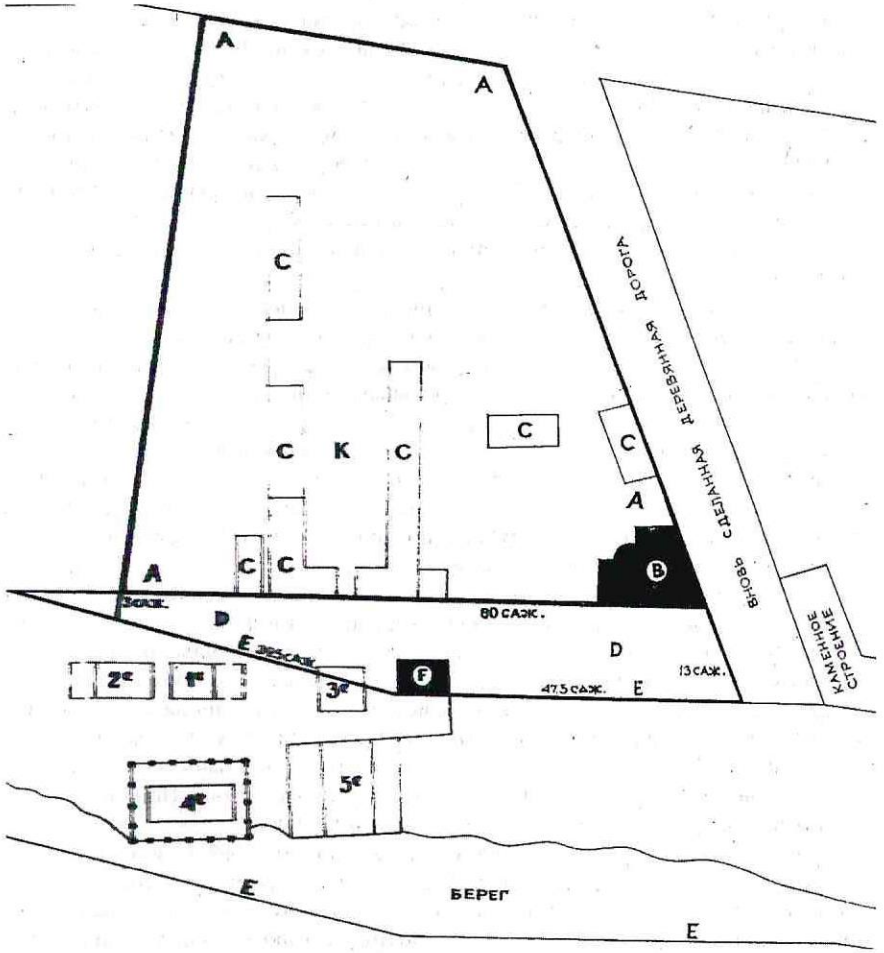
4. на самого же бечевника улице состоят весьма ветхие и опасные от пожарного случая небольшие деревянные строения – первое столяра Сапулина, второе – купца Соболева и третье – духовной консистории канцеляриста Григория Пантелеева – большей части, а другая, самая малая, - на том месте, кое остается от бечевника, и по малости его, как состоит против двора Львова, подлежит к отдаче ко двору его же, Львова...

...Вследствие устава благочиния 158 пункта и последнего указа сего правления, данным Рожественской части приставу секунд-майору Лохматову и архитектору Папулсону приказом велено, как и кроме столяра Сапулина состоят еще ветхие и весьма опасные домы купца Соболева и большая часть канцеляриста Пантелеева, и на самом том месте, где положено быть бечевнику, объявить оным. Чтобы они свои ветхие строения сломали непременно и места очистили, в противном случае при самих хозяевах по упорству их вольными наемными рабочими людьми оные сломать и строения отдать им. Что же касается до просьбы столяра Сапулина, то сыну его, прапорщику Дмитрию Сапулину, объявить, что сего Управа за прописанными обстоятельствами позволить не может.

...Прилагая на рассмотрение о выше писанном плане (*управа –А. Н.*) доносит, что место, бывшее под строением столяра Сапулина статскому советнику Львову никак и ни под какое строение управою не отдано, а т. к. оное находится на самой улице бечевника, то и остается на оной для беспрепятственного прохода.

...Рапортовано, что архитектор Науман для казенных бань назначивает место в называемой Каретной и Ямской части, и изъяснено, что то место, где ныне бани состоят, по плану отходит под бечевник, а сверх сего, от тех бань состоит и опасность от пожарного случая строению статского советника Львова. По учиненной в Управе прошлого 1787 г. 24 ноября резолюции оному Львову ко двору его место в линию купца Калашникова придано самое то, которое от положенного бечевника осталось и под оный не отходит, а при том и для того более, что оно состоит перед его, Львова, всего каменного и деревянного строения и под особливый двор иному никому его отдать не можно, ибо по отдаче другому, загородится из того его, Львова, строения свет и выход, а сверх сего имеется на нем и построенное им же деревянное жилое строение с трактиром, притом же оный Львов обязан подписать в том, что он сего приданного места до того времени, пока забор от бань до трактира сломан не будет, не загораживал и ничего не строил для беспрепятственного на лошадях проезда»[8].

К этому рапорту были приложены два плана, специально снятые «архитекторским надворным советником Паулсоном»,[9] которые дают общее представление о составе и размещении сооружений на территории усадьбы Львова, соседствовавшей с владениями купца Калашникова (от него – прежнее название набережной). Согласно этому плану, на территории усадьбы был целый ряд хозяйственных строений, о назначении которых мы можем лишь догадываться.



План участка усадьбы Н.А. Львова; 1788 г. (современная копия).
A – границы территории усадьбы;
B – каменный двухэтажный дом;
C – хозяйственные строения;
D – территория спорной полосы;
E – границы «бечевника»;
F – трактир «Торжок»;
1-е., 2-е., 3-е – снесенные деревянные строения;
4-е – амбар с пристанью;
5-е – казенные бани.

Однако Д. Сапулин не согласился с таким заключением. Он писал во все инстанции: в Санкт-Петербургское губернское правление,[10] в Сенат,[11] и, наконец, 12 ноября 1788 г. он подал еще одну жалобу уже самой Екатерине II[12]. По ее указу дело было снова пересмотрено. Было принято решение отторгнуть спорную полосу в пользу города, снести все имеющиеся на ней постройки и запретить впредь на ней что-либо возводить. 20 декабря 1788 г. управа благочиния рапортовала об исполнении указа и донесла, что «состоящий на том месте г-на Львова дощатый амбар рабочими уже сломан и лес на собственный его Львова двор убран».

Таким образом, эта тяжба тянулась целый год. Спорная полоса так и осталась незастроенной, образуя расширенную часть нынешней Синопской набережной.

Собственные хозяйственные заботы не отвлекали Львова от его разнообразной общественной деятельности. Он писал, переводил. По его проектам возводились здания в Петербурге и других городах страны. Он работал так, что, по свидетельству современника, казалось, «время за ним не поспевало».

Особенно интенсивный период приходится на конец 1790-х годов. События тех лет вновь заставляют нас вспомнить о приневской усадьбе зодчего, которую он тогда начал по частям продавать купцу Крону.

Стремясь принести наибольшую пользу России, Н.А. Львов наряду с другими своими начинаниями занялся углеразработкой[13]. Им были обнаружены в разных частях государства залежи «земляного» – каменного угля. Наиболее удобное «для доставления в обе столицы» месторождение он нашел на Валдае, под Боровичами. Много сил и средств было потрачено на добычу и перевозку топлива. Но еще труднее оказалось бороться с установившейся инерцией. Уголь для нужд города продолжали закупать в Англии, выплачивая за него огромные суммы золотом.

Львов неоднократно обращался в различные инстанции с просьбой выделить место для складирования угля, но снова получал отказ. И когда в 1799 г. Николай Александрович доставил в Петербург 71 316 пудов ценного валдайского груза, городские власти отнеслись к этому холодно. Почти целое лето простояли баржи у берега... В октябре 1799 г. Львов писал (письмо без обращения): «...Письмом вашим от 18 октября угодно вашему превосходительству ответствовать мне, что по количеству угля, который привезен будет к пристани, прикажете вы показать и место для складки оного. Хотя место сие можно было бы измерить и другим образом, не ожидая угля к пристани, которая мне по сю пору не показана. Но я, в крайности будучи, и не зная, где сложить уголь, не приминул бы исполнить и сие ваше требование, которое теперь исполнено уже быть не может, потому что судовщики, кои для перевозки угля наняты были два раза с состояния указа об отдаче места, теперь суда свои ставят зимовать и перевозить уголь не соглашаются, да притом, до перевозки еще угля нужно мне было наперед построить амбары и жилище для пристава, если Кабинет не может отдать кухонного строения, которого место в указе назначено. Теперь же, милостивый государь мой, ни местом, мне назначенным, не могу я воспользоваться, ни город не воспользуется углем, которого более 20 тыс. пуд сгорело, ибо я принужден был сложить оный, где имел место, и в случившийся 3-го числа пожар уголь загорелся и теперь еще не потушен, о чем в

полиции в подробности известно...»[14]

В одном из своих донесений Львов так рассказывал об этой случившейся беде: «Для удобной продажи угля приказано было отвести мне одно из двух казенных мест, и ни то, ни другое отдано мне не было. Между тем, наставала уже зима, и барки, стоящие на Неве с грузом, до половины уже затопленные, замерзать начинали. Видя себя в опасности потерять большой казенный капитал и быть за оный в ответе, принужденным я нашелся спасать сухого еще угля остатки и дорогою наемкою скласть оный на берегу моей дачи противу охтенского перевозу, построить для того нарочные магазейны и... спасти часть из целого погибшего. Но случившийся у петербургского купца Крона пожар истребил строение мое и знатную часть груза...»[15]

Первый биограф Львова, его двоюродный брат Ф.П. Львов писал об этом происшествии: «О земляном угле кричали, что он не горит и не может заменить земляного угля Аглицкого, а уголь Российский, загоревшись однажды на пустом месте, на берегу под Невским, горел несколько месяцев, и потушить его было невозможно»[16].

Почти два года горела «жаровня» на набережной, причинив Львову огромный материальный ущерб. Погибли многие усадебные постройки, оранжерея, деревья, посаженные «подругами сердец» и «милыми друзьями». Львов был потрясен грозной силой огня. Но долго предаваться отчаянию он не мог – не такой у него был характер. По поводу этого происшествия Львов написал стихи, в которых звучит не только естественная по такому случаю горечь, но и гордость человека, сумевшего победить разгулявшуюся стихию:

Послушай, мать сыра земля,
Ты целой век ничком лежала.
Теперь стеной к звездам восстала.
Но кто тебя воздвигнул? – Я.

Не тронь хоть ты меня, покуда
Заправлю я свои беды,
Посланные от чуда-юда:
От воздуха, огня, воды.

Вода огонь не потушает,
И десять дней горит пожар.
Огонь воды не осушает,
А воздух раздувает жар.[17]

Вскоре после пожара Львов окончательно продал усадьбу купцу Крону. И, поскольку собственного жилья ни в Петербурге, ни в его пригороде у зодчего не осталось (вскоре после смерти Безбородко, скончавшегося в апреле 1799 г, новый почт-директор граф Ф.В. Растопчин отдал распоряжение выселить Львова из ведомственной квартиры в здании Почтового стана, где он прожил 12 лет), Львовы переехали в Москву. Там Николай Александрович и провел последние годы своей

жизни. Он скончался в Москве в ночь на 22 декабря (по старому стилю) 1803 г. Похоронен в мавзолее-усыпальнице в родовом имении Никольское-Черенчицы под Торжком.

В конце прошлого века на месте дачи Львова под Петербургом на берегу Невы возвели четырехэтажный доходный дом, сохранившийся до нашего времени. Он был построен на старых фундаментах. Его угловая часть, повторяет конфигурацию своего предшественника. Даже закругленный выступ со стороны двора напоминает о бывшей львовской полуротонде, выходившей некогда в сад. Что же касается «спорной полосы» перед зданием, то она так и осталась незастроенной, образуя расширенный участок нынешней Синопской набережной.

Вот как много интересного может поведать только один адрес старого Петербурга – место, где была дача одного из крупнейших представителей культуры России рубежа XVIII–XIX вв. Как и квартира зодчего в здании петербургского Почтового двора, его дача превратилась в своеобразный культурный центр Петербурга того времени, «штаб-квартиру» многих талантливых людей, в «пристанище художников всякого рода», по выражению Ф.П. Львова.

Прошлое, придающее особую глубину нашему настоящему и будущему, не должно забываться. Хотелось бы, чтобы это место при реконструкции набережной было как-то обозначено, чтобы город мог сам рассказывать о своей истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ГИАЛО, ф. 2263, оп. 1, д. 34, л. 57. Указано А.Н. Петровым.
[2] ГИАЛО, ф. 757, оп. 1, д. 997, 1785, л. 57; ф. 841, оп. 1, д. 96, 1837, л. 185.
[3] Сочинения Г.Р. Державина. С объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. I. СПб., 1864, с. 673-675.
[4] Там же. Т. 3. СПб., 1864. «Объяснения на сочинения, им самим диктованные племяннице его Е.Н. Львовой».
[5] Указано Б.И. Копланом в рукописи «Дни и годы жизни и деятельности Н.А. Львова». 1932 г. РГАЛИ, ф. 244, оп.1, ед. хр.1
[6] РГАДА, ф. 248, ед. хр. 5693, л. 370. Все дела по этой тяжбе указаны Н.И. Никулиной
[7] Там же, л. 372.
[8] Там же, лл. 373-377.
[9] Там же, лл. 378, 379. Позже чертежи были изъяты из дела в отдельный фонд: ф. 248, № 1549, 1788, кн. 5693, л. 378.
План двора статского советника Львова; № 1550, 1784, кн. 5693, л. 379. План двора Н.А. Львова.
[10] Там же, лл. 382, 383.
[11] Там же, лл. 383, 384.

[12] Там же, лл. 380, 381.
[13] О деятельности Львова в области угледобычи см. *А.Б. Никитина* «О деятельности Н.А. Львова по изучению природных богатств России». // Сб. «Вклад Академии наук в познание России». СПб., 2002, с. 57–86.
[14] РГИА, ф. 37, оп. 11, д. 117, 1816, л. 150.
[15] РГИА, ф. 37, оп. 11, ед. хр. 120, л. 87-88, 102-104.
[16] Биография Н.А. Львова, составленная неустановленным лицом. ОР РГБ, ф. 298/IV, 2, 33.
[17] Стихотворение «На угольный пожар» печатается по кн.: «Поэты XVIII века». Т. 2. С. 247.

А.Б. НИКИТИНА
Санкт-Петербург

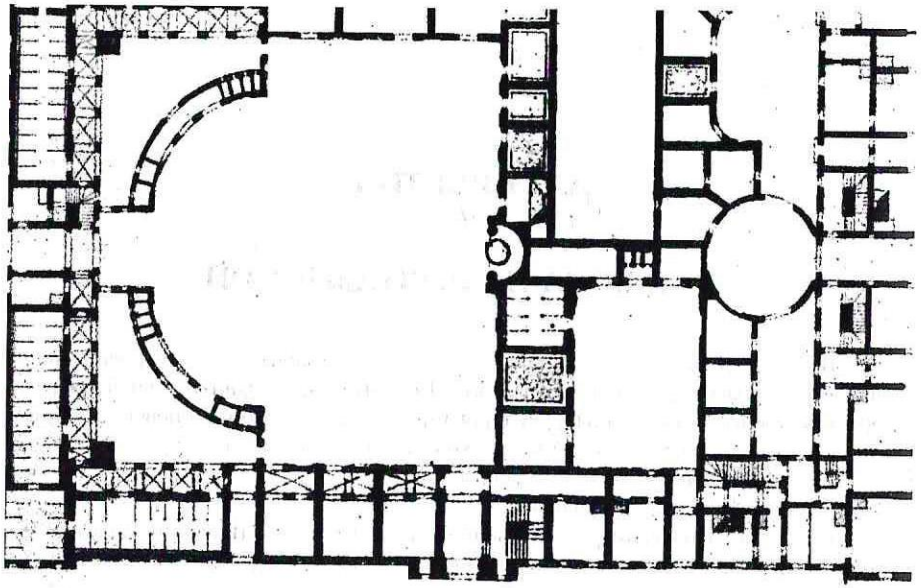
У ЛЬВОВА НА ПОЧТАМТСКОЙ

В 1782–1787 гг. в Петербурге по проекту Н.А. Львова было построено здание Почтового двора (ныне здание Главного Почтамта). Оно заняло целый квартал, оформило значительную городскую территорию между Новоисаакиевской улицей, Выгрузным переулком и каналом, проходившим на месте нынешнего переулка Якубовича, параллельно Адмиралтейскому каналу, по трассе которого в 1845 г. был разбит Конногвардейский бульвар.

В проекте Почтамта Львов умело сочетал классицистический характер решения фасадов с удобной, рациональной и глубоко функционально оправданной планировкой.

При разработке проекта зодчий исходил из специфики производимых в Почтовом стане операций. В XVIII в. в круг деятельности почтовых учреждений входила не только пересылка писем, но и перевозка грузов и пассажиров, обеспечивая им по возможности быстрое передвижение, благодаря смене лошадей и ямщиков на почтовых станциях, расположенных вдоль трактов.

Поэтому в здании находились обширные конюшни, рассчитанные более чем на сто лошадей, каретные сараи, шорные, рессорные, экипажные мастерские, колодец, погреба, ледники и ряд других служебных помещений. Значительную часть здания занимали помещения для администрации, для оплаты «подорожных» пассажирам, отправлявшимся в путь, для оформления багажа и многочисленных других почтовых операций, а также жилые помещения для почтарей, ямщиков, для отдыха пассажиров, казармы для низших чинов. А северный корпус здания, обращенный к каналу, с примыкающей к нему группой небольших двориков, был жилой зоной – здесь располагались квартиры служащих Почтового ведомства. Одна из них была предоставлена главному чиновнику ведомства Н.А. Львову. Поскольку здание Почтового стана неоднократно перестраивалось, мы сейчас не можем с достоверностью определить, где была эта квартира и указать ее окна. Вероятно, жилые и хозяйственные помещения, принадлежавшие Львову, группировались вокруг самого большого дворика в северо-западном углу здания. Судя по сохранившемуся плану (к сожалению, не подлинный чертеж автора, а фиксационный конца XVIII – начала XIX в., созданный перед началом очередной перестройки 1903 г. – ил. 1), квартира имела независимый вход, самую большую площадь, самые крупные парадные залы, располагавшиеся анфиладно вдоль фасада, обращенного к



Ил. 1

каналу. Окна ряда более мелких помещении были обращены во двор, где находились хозяйственные помещения: конюшни (известно, что Львов всегда имел свой выезд), с которыми объединялось помещение с плитой для приготовления корма лошадям, каретные сараи и несколько вспомогательных помещений для проживания прислуги – дворника, конюха, и др., обслуживавших здешнее хозяйство Н.А. Львова.

В процессе строительства здания Почтового двора Львов с семейством жил по соседству, во дворце генерал-почт-директора А.А. Безбородко, назначенного главой Почтового Департамента. Но, как только строительство было закончено, он перебрался в «свою» квартиру, в которой прожил двенадцать лет – с 1787 по 1799 гг.

Лишь после смерти А.А. Безбородко, скончавшегося в апреле 1799 г., новый директор почты граф Ф.В. Растопчин отдал распоряжение выселить Львова из Почтового стана, им же построенного. В письме к Растопчину от 21 июня 1799 г. Николай Александрович писал: «Сиятельный граф, милостивый государь, Федор Васильевич! Из Почтового правления приказано дворнику моему немедленно очистить квартиру. В августе месяце буду я в Петербурге и немедленно переберусь; иначе буду я в необходимости свои и вверенные мне чужия вещи выкинуть на улицу, ибо в квартире моей остался один только дворник, который и при доброй воле не в силах будет приказанного исполнить»[1].

Собственного дома в Петербурге у Н.А. Львова никогда не было, кроме дачи на берегу Невы в Рождественской слободе, материалы о которой сохранились в фонде Воронцовых в РГАДА. Львов всегда мечтал иметь свой дом и не раз подавал прошение в Городскую Управу о предоставлении ему участка под застройку.

В 1797 г., когда он уже жил в здании Почтамта, Львову был выделен «под регулярное строение» участок на месте, «оставшемся от пожара Морского рынка», на набережной Екатерининского канала (ныне канал Грибоедова), между только что построенным зданием Ассигнационного банка и Мучным переулком, прошение о котором было подано еще в ноябре 1786 г. Но застроить этот участок Николай Александрович не сумел и вынужден был вскоре продать его[2].

При Павле I вновь возник вопрос о предоставлении Львову в Петербурге в личное пользование дома или участка под застройку, и снова этот вопрос решен не был.

Из набросков письма, сохранившихся среди дневниковых записей Львова, мы узнаем, что и в конце жизни зодчего, у него собственного дома так и не было, кроме усадьбы под Торжком. Письмо было написано перед тем, как Николай Александрович отправился в последнее в своей жизни путешествие в Крым и на Кавказ в апреле 1803 г. Кому было адресовано письмо, отчего мысли в нем столь разрозненны, куски не связаны между собой, – сейчас установить практически невозможно. В этом письме Львов сообщал о постигшем его бедствии: «...Имел место случившийся у соседа моего пожар... и все, что я имел, погибло, а сам я между тем занемог и умер на два года. Воскрес на новой век и совершенно[3]. ...Естли бы все сие угодно было В:С: *<Вашему Сиятельству>* изобразить Г:М: *<Господину Министру>*, может быть при настоящем отправлении моем не остались имущества моего остатки в приказных домах, часть со мною у Г: Р:*<Гавриилы Романовича>*, часть у Петра на Острову, а часть у Аленина»[4].

Из этого отрывка ясно, что Львов, лишившись ведомственной квартиры, какое-то время жил в доме Державина на Фонтанке. Далее Львов писал о том, что ему «в виде богообразного чуда выделяется дом без службы, без хозяина и без соседей», в котором жили какие-то ученики, и, что после окончания строительства Приората (1799 г.), император Павел I пожаловал ему дом «и сказал точно сиими словами: "Вот тебе за земляной каменной". Посылана была в банк справка, откуда предостав: *<лено>*, что есть дом просроченной против Каз: цер: *<Казанской церкви>*. ...Между тем я послан по комиссии торфа в Москву. ...Между тем Растопчин велел в 24 часа выкинуть все мое имущество из дома почтового, где я 12 лет жил, где у меня, кроме дворника, никого не осталось. ...Все мое было кое-как собрано...»[5].

Так и не суждено было осуществиться мечтам Львова о собственном доме, и этим домом для него на 12 лет стала квартира в здании Почтового двора. Это были лучшие годы его жизни, самые насыщенные, самые наполненные. Здесь он обрел душевный покой, семейное счастье и потому работал с особым подъемом. Это были самые активные годы во всех сферах его многогранной деятельности и, прежде всего, в области архитектуры, которая была, по словам близкого друга Н.А. Львова М.Н. Муравьева, «любимым предметом его изучения». Отмечая в своих воспоминаниях многогранность и разносторонность Львова, как одну из самых замечатель-

ных особенностей его натуры, Муравьев писал: «Все искусства имели прелести свои для чувствительного сердца Львова: музыка, стихотворство, живопись, лепное художество, но предпочтительней всего архитектура стала любимым предметом его изучения»[6].

Здесь на Почтамтской зодчим было создано наибольшее количество его архитектурных проектов. Но ведь кроме архитектуры были и другие интересы у Н.А. Львова. «Его разум пылкий изобретательный, любопытный к впечатлениям, отверстый и скорообъемлющий», по словам первого биографа Н.А. Львова, его двоюродного брата Ф.П. Львова, проявился во многих областях русским культуры. «Не было таланта, к которому бы он был равнодушен, к которому бы он не проложил собственной своей тропинки; все его занимало, все возбуждало его ум и разогревало сердце, и что удивительно, – писал Ф.П. Львов, – я не знал предмета, разумом украшенного или вдохновенном сердца созданного, в каком бы то роде ни было, который бы в нем не впечатлился. Он любил и стихотворство, и живопись, и музыку, и архитектуру, и механику. Словом, он был любимым дитя всех художеств, всякого искусства; кажется что время за ним не поспевало! Так быстро побеждал он природу и преодолевал труды, на пути знаний необходимые»[7].

В квартире Львова на Почтамтской всегда было оживленно и многолюдно; завязывались диспуты, кипели споры, разгорались дискуссии. Здесь собирались люди разных профессий и специальностей, друзья, единомышленники, – он всех привлекал к себе, так как, по словам Г.Р. Державина, «одарен был решительною чувствительностью к той изящности, которая с быстротою молнии наполняя сладостно сердце, объясняется часто слезою, похищая слово. С сим редким и непонятным чувством он был исполнен ума и знаний, любил науки и художества и отличался тонким и возвышенным вкусом, по которому никакой недостаток и никакое превосходство в художественном или словесном произведении укрыться от него не могло... Люди словесностью, разными художествами и мастерствами занимавшиеся часто прибегали к нему на совещание и часто приговор его превращали себе в закон»[8].

Окружавшие Львова люди составили известный в истории отечественной культуры кружок, который долгое время называли «Державинским», но в последние годы его все чаще и определеннее именуют «Львовско-Державинским», поскольку, поистине, его стержнем, идейным вдохновителем и организатором был Н.А. Львов, который привлекал к себе людей «приветливостью души», дружеским участием, своей искренностью и принципиальностью, дельными советами в вопросах разных сфер искусства, политики, техники, усадебного хозяйства, своим удивительным оптимизмом, искрометным темпераментом.

Многие «находили приют» в доме Львова, т. к. «малейшее отличие в какой-либо способности привязывала господина Львова к человеку и заставляла любить его, служить ему и давать ему все способы к усовершенствованию его искусства. Примером тому могли служить попечения его о господине Боровиковском, занятия с капельмейстером Фоминым, знакомство его с господином Егоровым и пр. Люди, по мастерству своему нашедшие приют в его доме, и пришедшие в известность»,[9] – вспоминал Ф.П. Львов.

Но квартира Львова была не просто литературно-музыкальным салоном. Прежде всего, здесь собиралось сообщество единомышленников, здесь возникла подлинно духовная среда. для многих литераторов, поэтов, композиторов, музыкантов, художников, и среди них Н.А. Львов стал «гением вкуса, утверждавшим произведения друзей своею печатью», поскольку многие авторы привозили свои произведения к господину Львову на суд»,[10] и не только юные, начинающие, а также крупные, маститные мастера. Известно, что в наследии Г.Р. Державина есть немало удачных исправлений Н.А. Львова, и не случайно поэт утверждал, что на его «литературном пути он был руководим наставлениями друзей своих: Львова, Капниста и Хемницера»,[11] причем имя Львова названо первым.

По программам Львова известные композиторы того времени Е.И. Фомин и Н.П. Яхонтов написали многие свои музыкальные произведения, скульптор Д.Рашетт создал целую серию скульптур и рельефов, в том числе бронзовую статую Екатерины II – «Пифию», которая была установлена в саду дачи А.А. Безбородко на Полюстровской набережной Невы под Санкт-Петербургом. Безбородко был заказчиком и живописного портрета Екатерины II, который был написан в 1783 г. Д.Г. Левицким по программе Н.А. Львова. Портрет «Екатерины – Законодательницы» современники воспринимали как, своего рода, политическую декларацию, выражающую просветительскую идею об идеальном монархе, который и издает законы, и подчиняется этим законам. Г.Р. Державин, по сути, переложил эти идеи в стихотворное посвящение Екатерине II:

«Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять,
Ваш долг спасать от бед невинных,
Несчастливым подать покров,
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть рабство из оков».[12]

О том, что автором «программы» был Львов, стало известно из примечаний Державина к поэме «Видение Мурзы», опубликованной в 1791 г. в «Московском журнале». Введя в поэму поэтическое описание портрета, Державин сообщил, что картина Левицкого, «изобретенная Статским Советникам Львовым», находится во дворце у Безбородко (ныне в ГРМ).

По мысли автора «программы», «средина картины представляет внутренность храма богини Правосудия, перед которой в виде Законодательницы ея Императорское величество, сжигая на алтаре маковые цветы жертвует драгоценным своим покоем для общего покоя. Вместо обыкновенной императорской короны увенчана она лавровым венком... Знаки ордена св. Владимира изображают отличность знаменитую за понесенные для пользы отечества, труды коих лежащие у ног законодательницы. Книги свидетельствуют истину.

Победоносный, орел покоится на законах и, вооруженный Перуном страж, рачит о целостности оных...»[13].

Это описание картины дал в своем письме, опубликован ном в «Собеседнике российского слова», сам Д.Г. Левицкий. «Что же касается до мысли и расположения картины, – писал он далее, – оным обязан я одному любителю художести, который имя просил меня не сказывать».

Крупнейшие художники-портретисты России рубежа XVIII – XIX вв. Д.Г. Левицкий и В.Л. Боровиковский были близкими друзьями Николая Александровича Львова, неоднократно писали портреты его самого, его жены, их друзей и близких. Левицкий был частым гостем Львовых в Почтовом стане, а Боровиковский, приехав в Петербург из Малороссии (Украины), поселился у Львова на Почтамтской и долгое время жил там, как свой человек.

Дружба с крупнейшими художниками не оставила Львова равнодушным к их творчеству. Он и сам был прекрасным рисовальщиком, графиком, гравером. Кроме его архитектурной графики сохранилось множество рисунков, набросков, гравюр, «программ».

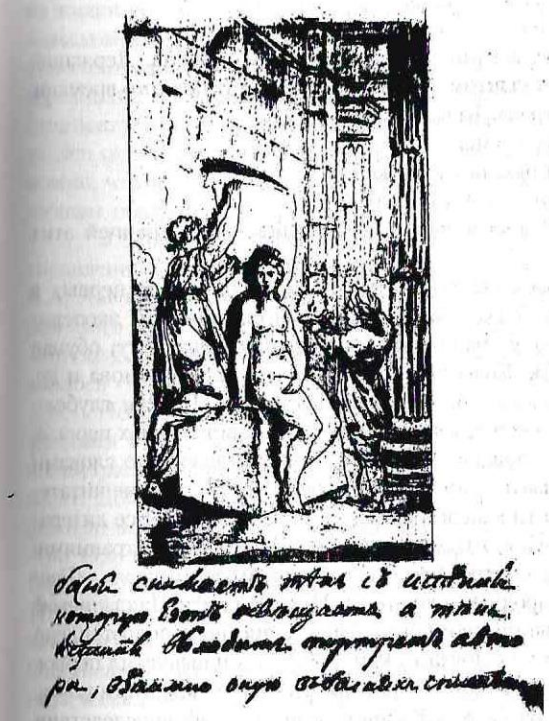
Наклонности и интерес к живописи и графике проявились у Львова еще в юности, о чем свидетельствует одно из его ранних стихотворений:

«...ландшафтик сделал я,
Харламова побил – праздна ль рука моя?
Я Сумарокова сегодня ж посетил,
Что каменным избам фасад мне начертил,
И Навакшенову велел портрет отдать,
У Ермолаева что брал я срисовать...»[14]

Графические способности Львов постоянно развивал и углублял, зарисовывая все, что привлекало его внимание, особенно во время его многочисленных путешествий. Дневники, или «Путевые тетради» Н.А. Львова,[15] относящиеся к разным годам его жизни, с которыми он не расставался во время поездок, как по России, так и заграницей, заполнены видами городов и селений, изображениями архитектурных сооружений, обломков памятников античной поры, пейзажных набросков, встречаются и изображения людей, животных, птиц, рыб, деревьев и т. д. Есть беглые зарисовки, которые несколькими росчерками пера дают точную характеристику изображаемого; встречаются и более основательные, тщательно прорисованные, даже с растушевкой, изображения.

Кроме «Путевых тетрадей» с рисунками Львова сохранились два альбома[16] с черновыми набросками архитектурных сооружений, предметов мебели, прикладного искусства, люстр, сервизов, фигурок людей и животных. Под многими рисунками проставлены даты: 1787, 1789 гг., т. е. создавались они, когда Львов жил на Почтамтской.

Некоторые рисунки были выполнены автором, как законченные, самостоятельные работы, многие из них были впоследствии гравированы. Д.А. Ровинский, исследователь развития русской графики, в своем «Подробном словаре русских граверов XVI – XIX вв.» (СПБ., 1895) назвал Н.А. Львова одним из крупнейших русских граверов XVIII в. и дал довольно полный перечень его гравированных работ.



Ил. 2. Офорт, гравированный лависом: «Женщина прочерчивает тень обнаженной женской фигуры, которую освещает мальчик светильником»

Долгое время ряд работ Львова считались произведениями других авторов, в том числе А.Н. Оленина, некоторые лишь предположительно приписывали Львову. Так, лишь по стилистическим особенностям исследователи считали, что им был исполнен офорт, гравированный лависом: «Женщина прочерчивает тень обнаженной женской фигуры, которую освещает мальчик светильником»[17] (ил. 2).

В Пушкинском доме в фондах В.В. Капниста нами был обнаружен отпечаток этого офорта, считавшийся у них работой неизвестного автора. Под картинкой рукой Н.А. Львова сделана подпись: «Басня снимает тень с истины, которую Езоп освещает, а тень истины выходит портрет автора, взаимно оную в баснях списавшаго»[18]. Под автором, портрет которого «выходит из тени истины», безусловно, Львов имел в виду своего близкого и нежно им любимого друга И.И. Хемницера; не случайно М.А. Львова в ответ на одно из посланий Хемницера, писала ему:

«По языку и мыслям я узнала,
Кто басни новые и сказки сочинял:
Их истина располагала,
Природа рассказала,
Хемницер написал».[19]

Ответ И.И. Хемницера на послание М.А. Львовой: «Чувстствительно вы похвалили, сударыня, того, кто басни написал, сказав, что автор их природе подражал...», был напечатан в книге «Басни и сказки И.И. Хемницера» (СПБ. 1873).

Г.Р. Державин в стихотворении «К силуэту И.И. Хемницера» писал:

«Эзоп лампадой освещал,
А Басня кистию тень с Истины снимала;

Лицом Хемницера незапно тень та стала,
Котору в баснях он столь живо описал».

Стремясь прославить талант Хемницера-сатирика, баснописца, Державин прибегнул к такому сравнению его с талантом крупнейших баснописцев того времени:

«Эзоп Хемницера зря, Дмитрева, Крылова,
Последнему сказал: ты тонок и умен;
Второму: ты хорош для модных, нежных жен,
С усмешкой первому сжал руку и ни слова».[20]

Найденная нами гравюра Львова является прекрасной иллюстрацией этих поэтических строк.

В области гравюры Н.А. Львов выступил, как новатор, одним из первых в России занявшись техникой лависа. У себя на Почтамтской он проводил эксперименты, используя смешанную технику гравировки, энкаустику, акватинту, обучая этому мастерству своих друзей – Дж. Кваренги, А.Н. Оленина, А.И. Иванова и др.

Очень интересовала Н.А. Львова и книжная иллюстрация. Будучи глубоко убежден в том, что «изограф не повторяет автора, и не то изображает в лицах первый, что второй написал в стихах, но он старался домолвить то карандашем, что словами стихотворец не мог или не хотел сказать, оставя смысл такой на проницание читателя»,[21] Львов с большим вниманием относился к иллюстрированию книг. Все литературные, переводные, теоретические труды его издавались с авторскими иллюстрациями: «Русская пиростатика», «О пользе и употреблении русскаго земляного угля», «Рассуждение о проспективе в пользу народных училищ», «Четыре книги Палладиевой архитектуры» и многие другие. Большинство из них было написано и подготовлено к изданию в те годы, когда Львов жил на Почтамтской. В 1789 г. он выпустил первое расширенное издание писем и басен И.И. Хемницера с рисунками и силуэтами поэта, предварив сборник биографическим очерком «Жизнь поэта», который впоследствии перепечатывался во всех изданиях. Посмертное издание произведений Хемницера Николай Александрович расценивал, как создание памятника другу.

В конце 90-х гг. XVIII в. Львов много работал и над подготовкой иллюстрированного издания стихотворений Г.Р. Державина. Большинство иллюстраций было выполнено по «программе» Львова. Рукописные тома стихотворений Г.Р. Державина с этими рисунками находятся в Пушкинском доме, как и материалы из истории их создания[22]. Но ни при жизни Львова, ни при жизни Державина это издание осуществлено не было, а лишь в 1864 – 1883 гг. под редакцией академика Я.К. Грота.

Выполнили рисунки по «программе» Львова молодые художники: А.Н.Оленин, А.И. Иванов, А.Е. Егоров, на формирование творческого метода которых он оказал существенное влияние. Оленин свои ранние рисунки и гравюры выполнял под руководством Львова, поэтому его графическая манера стала столь сходной с подчерком Николаи Александровича, что привело к сложностям в атрибуции, и ряд работ Львова долгое время приписывали Оленину. И.А. Иванов был помощником Львова, начинал свою деятельность непосредственно под его руководством, жил в его домах и на Почтамтской, и в Никольском, и в Москве; учил рисованию детей Львова и наиболее талантливых из его крепостных, сопровождал его в поездках, оставил нам в своих письмах и дневниках ценные сведения о многих событиях

из жизни семьи Львова, о взаимоотношениях между ними, обстановке дома в Никольском, работах в Тюхилях и др. Описывая кабинет Львова, со шкафами, с «великолепными занавесками и с альковом», он даже набросал план кабинета, перечислил названия ряда книг из библиотеки хозяина этого кабинета: «все тома Энциклопедии, все тома Пиронезия и др.» И далее Иванов писал: «Сей кабинет удален от жилых покоев и похож немного на алхимическую лабораторию»[23]. Возможно, что и в Петербург, в Почтамтском доме, Львов обставил свой кабинет подобным образом.

В 1791 г. было роскошно издано либретто Княжнина к опере «Начальное управление Олега», иллюстрации к которому также были созданы по программе Н.А. Львова, которая была им сочинена здесь на Почтамтской. Один из экземпляров этого произведения с дарственной надписью автора иллюстраций был в библиотеке С.Р. Воронцова. Но крупнейшей работой Львова в области книжной графики явилось создание большого цикла рисунков к «Метаморфозам» Овидия.

Небольшого формата альбом с рисунками, снабженными объяснительными текстами на русском, французском и немецком языках, кроме того, к некоторым иллюстрациям дан еще и латинский текст, хранится в отделе «Рисунка» в Русском музее. Долгое время эти рисунки (их было 220, сохранилось 199 штук) считались работой неизвестного художника, некоторые исследователи приписывали их авторство Оленину. Исследователь творчества Н.А. Львова Н.И. Никулина в архиве Горного Департамента РГИА России обнаружила записку Львова, датированную 1792 г., в которой перечисляются выполненные им к этому времени работы, в том числе, в 6-м пункте этой записки значится: «Начертил и описал более 200 рисунков Овидиевых превращений в пользу юношества и художников на немецком и русском языках» Чуть позже в деле «О печатании книг», Львов еще раз, более подробно перечисляя проделанную им в этом плане работу, писал: «Овидиевых превращений в лицах более 215 картин для издания на русском, немецком и французском языках»[24]. Эти документы полностью исключают сомнения в том, что Н.А. Львов является автором иллюстраций к «Метаморфозам» Овидия, что ставит его на видное место среди русских рисовальщиков конца XVIII в.

Наряду с крупнейшими современными ему мастерами кисти – Левицким, Козловым, Акимовым, Ф. Щедриным и др., Львов был подписчиком одного из важнейших для того времени периодического издания по вопросам теории и истории живописи: «Понятие о совершенном живописце, служащее основанием судить о творениях живописцев, и примечания о портретах. Переведены первое с итальянского, а второе – с французского языка Архипом Ивановым». Первый выпуск этого издания вышел в Петербурге в 1789 г. и львовский экземпляр был доставлен к нему на Почтамтскую.

Н.А. Львов проявлял глубокий и серьезный интерес к живописи, стремился постичь теоретические основы живописного мастерства, принципы и приемы искусствоведческого анализа и оценки работ художников.

Большое влияние на развитие эстетических вкусов Н.А. Львова, несомненно, оказывало его знакомство с шедеврами мирового искусства во время его заграничных поездок. М.Н. Муравьев вспоминал о своем друге: «...Много способствовали

к образованию вкуса его и распространению знаний путешествия, совершенные им в лучшие годы жизни, когда чувствительность его могла быть управляема свойственным ему духом наблюдения. В Дрезденской галерее, в колоннадах Лувра, в затворах Эскуриала и, наконец, в Риме, отечестве искусств и древностей, почерпал он сии величественные формы и понятие простоты, сию неподражаемую соразмерность, которые дышат в превосходных трудах Палладиев и Мишель Анжев»[25].

Об одной из заграничных поездок Н.А. Львова, совершенной им еще в 1781 г., свидетельствуют сохранившиеся дневниковые записи. «Итальянский дневник» Львова[26] является ценнейшим материалом для определения роли и места его автора в развитии отечественной живописи и графики.

Из содержания дневника можно сделать вывод, что главной целью его автора было ознакомиться с картинными галереями ряда городов Италии и Вены и выяснить возможности приобретения произведений живописи и скульптуры для петербургских коллекций.

Известно, что граф Безбородко начал собирать свою уникальную коллекцию картин в более поздние годы, и своеобразный отчет, представленный Львовым о поездке 1781 г. мог быть для него во многом определяющим при подборе произведений. В 1790-е гг. Безбородко покупает ряд полотен, похожих на те, о которых сообщалось в «Дневнике». В письме к А.Р. Воронцову от 12 июля 1796 г. он просил совета на приобретение нескольких картин, а «именно о Данае Тициановой и об одной маленькой, приписываемой славному Бонароту, за кои требуют 4000 рублей. Не крещенные ли они и стоят ли внимания? То же и о Клоде Лорене, ...представляющем поклонение тельцу...»[27].

В своих записях на страницах «Итальянского дневника Львов, в основном, ограничился рамками изобразительного искусства, реже скульптурных произведений, проявив себя в этой области большим знатоком, в полном смысле слова профессионалом. Из дневника видно, что Львову нравилось творчество тех художников, которыми увлекались тогда все в России, т. е. тех, которых были «в моде». Любимыми художниками Львова были Рафаэль, которого он называл «божественным», Гвидо Рени, Тициан и Андреа дель Сарто. «Безобразное» в искусстве вызывало у Львова отвращение, поэтому он возмущался полотнами Питера Брейгеля Младшего и Рубенса, у которого хоть и видел жизнерадостное восприятие фламандского быта, насыщенное солнцем, упоение плоти, ни отмечал непристойность, авторский цинизм художника.

«Итальянский дневник» содержит непосредственные суждения и яркие характеристики европейского искусства, в нем даны оценки работам более 80-ти художников и скульпторов. Дневник проливает свет на направление развития художественного вкуса, эстетической мысли русского общества второй половины XVIII в.

Важно отметить, что Николай Александрович всегда стремился не только познакомиться с работами художников, но и больше узнать о них самих. Он с горечью отмечал, что «сведения о иностранных художниках везде я мог заимствовать, но нигде и ничего о наших собственных не мог узнать успехах».

Н.А. Львов, как и многие его современники, в том числе В.И. Баженов,

И.И. Новиков, Ф.В. Каржавин и др., выражая просветительские идеи, активно возражали против попытки отвести русским роль подражателей Запада. В.И. Баженов, например, решительно заявлял, что русские художники и архитекторы по своим творческим способностям, по силе, яркости и оригинальности своих произведений нисколько не уступали мастерам Западной Европы; что нужно всяески содействовать русским художникам, последовательно защищать их права на творчество; что необходимо, чтобы поручали «казенные работы российским художникам, а не иностранцам, отнимающим у россиян не только хлеб, но и сам случай показать свое усердие и искусство»; что совершенно недопустимо, что иностранцы «притесняют национальных мастеров и мало-по-малу отнимают доверенность публики» к российским талантам[28].

Те же мысли были высказаны и Н.А. Львовым, утверждавшим, что «для рускаго человека русские только годятся правила, и что совсем он не сотворен существом подражательным - везде подлинник и везде исполин».

Николай Александрович в одном из своих стихотворных посланий признался, что и сам он «блеском радужным» прельщался в молодости,

«но из-за моря все домой глядел.
Нет утех прямых, мне казалось, там,
Где нельзя ими поделиться с кем.
Где пролить нельзя животворный дух
Счастья рускаго в недры руския.
С кем подержишь там богатырску речь?
С кем отважную грянешь песенку?
Исполинский дух наших отчичец
Во чужих землях людям кажется
Сверхъестественным исступлением!»[29]

Желая донести до потомков имена наиболее прославленных российских живописцев, скульпторов и архитекторов, Львов решил «составить описания отечественных архитекторов и живописцев» и издать «словарь художеств и художников». В квартире на Почтамтской он «между дела» собирал материалы для издания «Словаря», о чем и писал 22 апреля 1800 г., уже из Москвы, президенту Академии Художеств А.С. Строганову: «Свободные художества в доме вашего сиятельства из давних времен имеют прибежище. Под сим титлом позвольте и мне под тем же покровом приютиться. Я давно уже меж дела занимаюсь сочинением общего словаря художников и художеств, который надеюсь скоро и напечатать; но о собственных художниках наших ниоткуда не могу почерпнуть сведения. Хотя в прошедших временах немного действительно их было; но одна искра таланта, отраженная сиянием северных льдов, сугубый дает свет на горизонт наших успехов». Из просьбы, которая следует в письме Львова за этим заявлением, явствует, что он бывал в доме Строганова, т. е. об их контактах, чего прежде исследователи творчества Львова не прослеживали: «В галерее вашего сиятель- ства, мне помнится, есть фамильный портрет работы Никитина или Матвеева, одного из двух художников, во времена Петра I живших, и им в Италию посыланых. Одолжите меня, сиятельнейший граф, сообщением известия о сем художнике и о картине его. ...Равным образом покорно

прошу, ваше сиятельство, одолжить меня каталогом ваших картин, дабы мог я расставить их в книге моей в таком же порядке для памяти, в каковом для глаз и для приятности жизни стоят оные в галерее вашей».

Месяцем раньше, 23 марта 1800 г., в письме к секретарю Академии Художеств П.П. Чекалевскому Львов также сообщал о своем желании создать «словарь художников и худо- жеств», и также обратился с просьбой помочь сообщением сведений «если не о живых, то, по крайней мере, о усопших сынах художества и Академии: кто, где родились, когда был в Академии и какие оставил после себя произведения. За крайнее бы поставил я себе одолжение, если бы, ваше превосходительство, обогатил меня сведениями о тех художниках, кои в Академии не были, как-то, например: Рублев, Матвеев, Никитин, Золотилов, Чемезов и прочие; но если о сих Академия не имеет никаких сведений, то, по крайней мере, не могут быть оной безвестны времена и труды Лосенкова, Кокоринова, Антропова, Скородумова и сему подобных. Если вы мне позволите, то сообщенные вами статьи под вашим именем, или под именем Академии, в словарь помещены будут...»

Особой теплотой наполнено письмо Львова к Д.Г. Левицкому, отправленное из Москвы, одновременно с письмом к Строганову: «Здравствуй, мой старинный друг и поборник художества любезного! Пришли ты мне, пожалуйста, хоть коротенькое известие, у кого ты сначала учился, когда вошел в Академию, какие суть главные произведения кисти твоей и нет ли копии стихов, напечатанных в журнале на случай портрета Императрицы, равным образом и ответа твоего? Также уведоми меня, что знаешь о Колокольникове и Антропове, когда они жили и что написали? Я скоро выдам словарь о художниках, так что хочется поставить их лица в киот памяти»[30].

«От имени всех Академии принадлежащих художников» Чекалевский выразил Николаю Александровичу «чувствительную благодарность» за прилагаемые старания «сделать имена их и труды известными не токмо современникам их, но и позднейшему потомству», оценив по достоинству «сей новый опыт любви к художествам». Кроме того, Львов получил заверения в том, что «с чувствительнейшею благодарностию» будут приняты все «примечания», «кои, без сомнения, послужат к усовершенствованию сего полезного для наших молодых художников издания».

В этом же письме П.П. Чекалевский прислал две подробые биографические справки об Антоне Павловиче Лосенко и Евграфе Петровиче Чемезове. (Следует отметить, что во всех последующих изданиях, вплоть до наших дней, пользуются именно этими сведениями).

Строганов в ответе на письмо Львова высказал «равномерное восхищение» по поводу того, что Николай Александрович, при всей его занятости, «между многими занимающими его для государства полезными поручениями», нашел время задуматься «о составлении общего словаря художников и художеств, как обработание такой части, которой мы на русском языке еще не имеем. ...Что же принадлежит до Никитина и Матвеева, – писал дальше Строганов, сообщая их биографические сведения, из которых снова можно извлечь свидетельство о тесных контактах Львова и Строганова, – виденный вами у меня фамильный недоконченный портрет, представляющий самого Матвеева и жену его, есть также его работы» (ныне этот порт-

рет находится и ГРМ), Относительно каталога картин строгановской коллекции, который просил Николай Александрович, Строганов обещал: «Как скоро готов будет, прислать к вам не умедлю», объясняя, что запас старого тиража кончился, и он издает новый[31].

К сожалению, замыслам Львова о создании биографического словаря «художников и художеств», призванного увековечить их память, «поставить их в киот памяти потомков», не суждено было осуществиться, труд его не был закончен, но самая идея, впервые благодаря Н.А. Львову возникшая в России, осталась жить и нашла свое воплощение в трудах его последователей.

Таким образом, Н.А. Львов внес значительный вклад в развитие отечественного изобразительного искусства, равно как и архитектуры, поэзии, музыки, везде выступая, как борец за все русское, родное, исконное, против чужеземною, чуждого нам, везде привлекая к себе «сердцем русским, языком национальным, воображением праотеческим, чувствованием патриотическим»[32].

В доме Львова на Почтамтской бывали представители самых различных профессий, и все получали помощь, квалифицированные советы, участие и поддержку хозяина гостеприимной квартиры: «Мастер клавикордный просит его мнения на новую механику своего инструмента, балетмейстеру говорит с ним о живописном распределении групп своих. Там господин Львов устраивает картинную галерею. Тут на чугунном заводе занимается огненной машиной, во многих местах возвышаются здания по его проектам. Академия ставит его в почетные свои члены. Вольное экономическое общество приглашает его к себе. Там пишет он «Путешествие на Дудорову гору». Тут составляет министерскую ноту, а там опять устраивает какой-нибудь великолепный царский праздник или рисует орден Святого Владимира»[33].

Квартира Львова в здании петербургского Почтового двора превратилась в своеобразную «штаб-квартиру» многих талантливых, передовых людей России рубежа XVIII – XIX вв., в один из крупнейших и значительных культурных центров Петербурга того времени, в, «так сказать, пристанище художников всякого рода», по выражению Ф. П. Львова. Хотелось бы, чтобы на фасаде здания Главпочтамта со стороны переулка Якубовича, там, где была квартира Н.А. Львова, появилась мемориальная доска, надпись на которой сообщала бы всем о том, что здесь, в здании бывшего Санкт-Петербургского Почтового двора, с 1787 по 1799 гг. жил и работал один из крупнейших представителей русской культуры рубежа XVIII – XIX вв. Н.А. Львов (1753—1803), по проекту которого и было построено это здание.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] РГИА, ф. 1289, оп. 2, ед. хр. 11О, л. 114.
[2] Там же, ф. 1310, оп. 1, ед. хр. 10, 1786, л. 1–9.
[3] Имеется в виду пожар у соседа Львова по даче на берегу Невы купца Крона и болезнь Львова в 1798 – 1800 гг., т. е. вскоре после того, как ему пришлось покинуть квартиру в Почтовом стане.

[4] У Петра Алексеевича Дьякова, брата жены Львова, на Васильевском острове.
[5] ИРЛИ РАН, РО. Ф. Майкова, 16.470, путевая тетрадь № 3.
[6] РНБ, ОР, ф. 760 Олениных.
[7] Там же. Ф. 298/IV, 2,33. Н.А. Львов. Биография, написанная неустановленным лицом.
[8] Там же.
[9] Там же.
[10] Там же.
[11] Сочинения Г.Р. Державина. Т. 3, СПБ., 1864. «Объяснения на сочинения им самим диктованные племяннице его Е.Н. Львовой».
[12] Там же. Т. I. М., 1798. «Властителям и судьям».
[13] Д.Г. Левицкий. «Письмо»//«Собеседник любителей российского слова» за 1783 г. № VI. С. 17.
[14] Стихотворение Н.А. Львова из рукописного журнала «Труды четырех разумных общников». Печатается по: *Кокорев А. В.* Очерки по истории русской литературы XVIII в. Докторская диссертация. 1949. РГБ. Рукопись.
[15] ИРЛИ РАН, РО. Ф. Майкова, 16,470, Путевые тетради №№ 2 и 3.
[16] ГДМ., «Гатчинский альбом» Н.А. Львова, № 332/1, граф, ф.; ГЭ., русский отдел, альбом 4272.
[17] Тевяшев Е.Н. Описание нескольких гравюр и литографий. СПБ., 1903. С. 133
[18] ИРЛИ РАН, РО. Ф. 122. Капниста, № 85. 19.
[19] Это стихотворение М.А. Львова опубликовано в ноябре 1779 г. в «Северном вестнике», заменив фамилию Хемницера многоточием.
[20] Оба четверостишья публикуются по кн.: «Г.Р. Державин. Сочинения». Л., 1987. С. 262, 272.
[21] ИРЛИ РАН, РО. Ф. Майкова, 16.470, пут. тетрадь № 3, л. 2; 6963/XXXV651. Описание рисунков из сочинений Г.Р. Державина. (Черновая рукопись Н.А. Львова).
[22] ИРЛИ, РО., ф. 96, оп. 1, №№ 1 2, 3; ИРЛИ, РО., №№ 6968/XXXV656, 6969/XXXV657, 6963/XXXV651.
[23] См. письма И.А. Иванова к Востокову. Архив РАН, ф. 108, оп. 2.
[24] РГИА, ф. 37, оп. 11, ед. хр. 114, 1797, л. 1об., 3об.
[25] *Муравьев М.Н.* Жизнь Н.А. Львова. РГБ. ОР, ф. 542, № 760, л. 1.
[26] ИРЛИ РАН, РО. Оп. 15, № 166, л. 1–80.
[27] СПБ ИИ РАН, ф. 36, оп. 1, № 1229, л. 36, 37.
[28] Опубликовано в сб. материалов для истории Академии Художеств № 1 П.Петровым.
[29] РНБ. ОР. Ф. 247 Державина. Т. 37. Л. 3, 4.
[30] Все три письма в РГИА, ф. 37, оп. 11, ед. хр. 117, 1816, л. 215 об., 216.
[31] Все три письма там же, ед. хр. 115, 1816, л. 17, 18, 19, 36.
[32] РГБ. ОР. Ф. Полторацких. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 24. Добрыня – богатырская поэма. Памятник Николаю Александровичу Львову. Рука автора не установлена.
[33] РГБ. РО. Ф. 298/IV, 2, 33. Биография Н.А. Львова.

А.Б. НИКИТИНА
Санкт-Петербург

«...ПИСЬМЫ, ОТ КОТОРЫХ НАШЕ ЩАСТИЕ И СОСТОЯНИЕ ЗАВИСИТ...» *(ИЗ ПЕРЕПИСКИ Н.А. ЛЬВОВА С Г.Р. ДЕРЖАВИНЫМ И ДРУГИМИ ЛИЦАМИ)*

В разных архивных фондах сохранилось большое количество писем Н.А. Львова к Г.Р. Державину и ответных писем поэта. Из переписки друзей можно узнать о многих моментах их жизни: и об участии Львова в создании ряда архитектурных проектов и планов, и о радостях и огорчениях Г.Р. Державина во время пребывания в Тамбове, и о стараниях друзей разбогатеть на торговле хлебом – «хлебной спекуляции», и о разных хозяйственных делах – о «присылке ткачей» и «буйволиц», и о здоровье и событиях в личной и семейной жизни, и о светских новостях и политических победах России (в частности о взятии Очакова), о разработке каменного угля на Валдае и о многом другом, что волновало и интересовало друзей.

Особенно активно переписка между ними велась, когда по долгу службы или по воле обстоятельств, им приходилось жить в разных городах: когда Львов занимался угольными разработками на Валдае, когда Державин был назначен губернатором в Тамбов[1], или, когда Львов, лишившись всех своих могущественных покровителей – Ф.М. Соймонова, П.В. Бакунина, А.А. Безбородко и, наконец, императора Павла I, остался и без жилья в Петербурге и вынужден был переселиться в Москву, где имел небольшой флигель, подаренный ему графом Безбородко.

Известно, что собственного дома в Петербурге у Львова никогда не было, кроме дачи на берегу Невы в Рождественской части и ведомственной квартиры в здании Почтового двора, в которой он прожил двенадцать лет – с 1787 по 1799 гг. Это были самые счастливые и плодотворные годы его жизни и творчества.

Но после смерти А.А. Безбородко (в апреле 1799 г.) новый почт-директор граф Ф.В Растопчин отдал распоряжение выселить Львова из Почтового стана, им же построенного[2].

Львов всегда мечтал иметь собственный дом и не раз подавал в Городскую Управу прошение о предоставлении ему участка под застройку.

В 1797 г., когда он уже жил в здании Почтамта, ему был выделен «под регулярное строение» участок на месте, «оставшемся от пожара Морского рынка», на набережной Екатерининского канала (ныне канал Грибоедова), между только

что построенным зданием Ассигнационного банка и Мучным переулком (ил.1).

Прошение о предоставлении ему места под строительство было подано еще в ноябре 1786 г.[3] Но застроить этот участок Николай Александрович так и не сумел, и вынужден был вскоре продать.

При Павле I вновь возник вопрос о предоставлении Львову в Петербурге в личное пользование дома или участка под застройку, и снова этот вопрос решен не был.

Державины, естественно, не могли оставаться безучастными к неприятностям Львова. 4 апреля 1801 г. Мария Алексеевна писала к ним из Никольского: «Теперь только, милые друзья наши, Гаврила Романович и Дарья Алексеевна, что я могу сказать, что общую радость я так начинаю чувствовать, как должна. Больному моему становится, благодаря бога, лехче, то есть, что он начинает походить на человека, которой десять месяцев был мертвой, и которой теперь говорит, что он совершенно забыл всю прошедшую жизнь свою, и что именно для него теперь только новой век, что он совершенно забыл, что он делал и как жил, и теперь каждой день, что ему вспоминается, как будто новая находка. Весело и то, милые друзья наши, что и вы здоровы, веселы и щастливы. Желать ничего более не надо, хочется только очень всех вас видеть, обнять вас и поздравить, да поблагодарить за Леонида, об котором вы так печетесь. Он в ваших руках и в вашей воле. Что вы за благо разсудите, то и делайте, а наше желание одно – это то, чтоб он время не терял напрасно, и чтоб он ходил учитца к какому-нибудь профессору, которой бы ево научил тому, что он не знает. Я думаю, это и в службе зделать можно. Он сам знает свои недостатки, с которыми в свете жить нельзя, а непременно нужно, чтоб он, что начал у нас, так бы и сам кончил. Велите ему ходить почаще к Копрону, чтоб не забыл по аглицки.

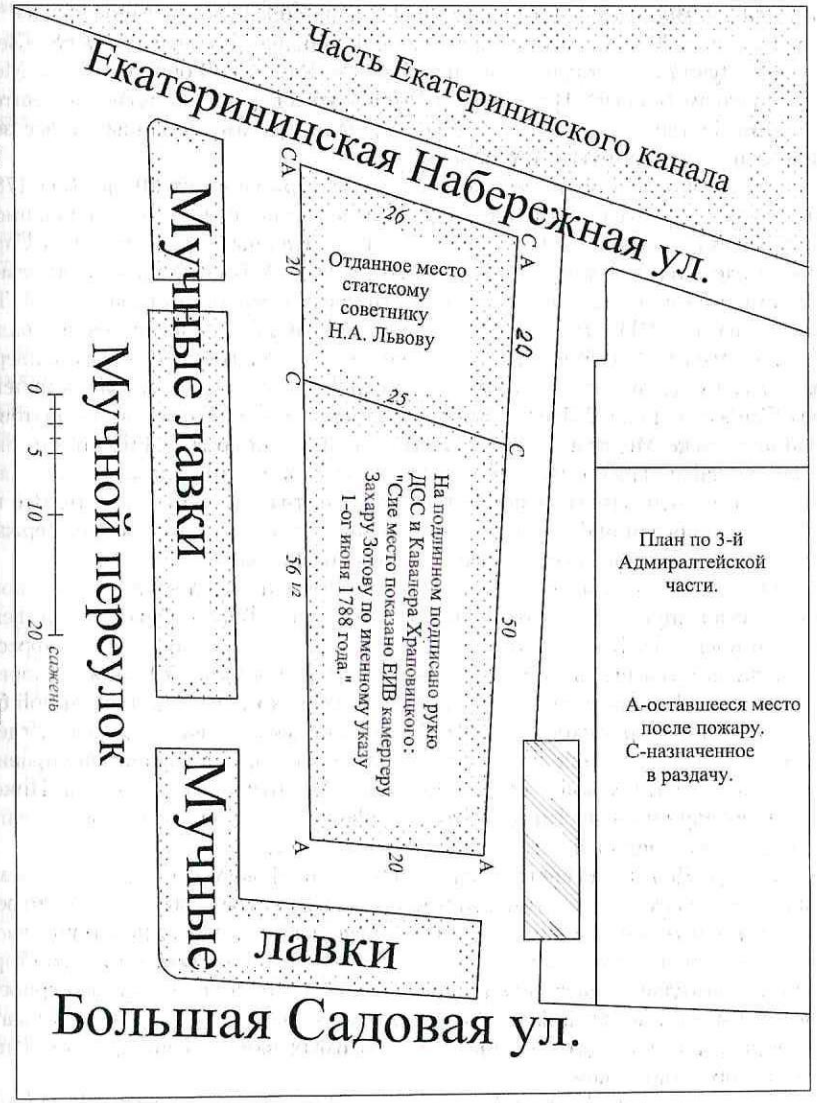
Узнайте, милые наши, как отзоветца Дмитрий Прокопьевич на письмо наше, и нас уведомьте. От этова зависеть будет наш отъезд отсюдова. Прощайте, милые наши. Будьте здоровы. Всех вас в мыслях цалую, также и брата, которова уже мы дожидаем по просухе.

Покорная сестра Мария Алексеевна»[4].

Не осуществились и другие обещания, данные Львову, о чем он 30 сентября 1799 г. с горечью писал графу Г.Г. Кушелеву: «...Государь обещал мне переменить орден, дать дом (из конфискованных в банке) – это милости, на которые я права иметь не могу; но у правосудия его прошу о возвращении моего старшинства по вступлении в иностранную коллегию. А если ему будет угодно, чтобы я продолжал историю орденскую, то исходатайствуйте мне, милостивый Граф, чтобы я был не титулярный, но действительный Историограф Орденский, командория хотя бы небольшую расстановку в доходах моих сделала. Вам известно, что мне одни поездки стоят, а мальтийский мундир избавил бы меня от издержки на праздничные кафтаны и пуговицы, пуще же всего, хоть немного, выставил бы меня в люди, которые совсем меня задушили[5]... В письме моем написано, что я и милостями, мне сделанными, не воспользовался.

Я не получил и по сию пору земли Саратовской,[6] которую Государь мне, с прочими наряду, по вступлении на престол пожаловал. Земля, которая мне дана на содержание школы[7] по докладу, у генерал-прокурора находящемуся, оставлена по

РГИА,ф.1310, оп.1, дела, N 10, 1786., л.9.
"О месте, оставшемся после пожара Морского рынка."



Ил.1

Резолюции до окончания Земляного строения. Кирпичного завода в Москве мне не дали, а отдали из оброку князю Лобанову для казарм[8]. Квартиры, данной мне по именному повелению, я лишился, а с нею большой потерпел убыток[9]. Все сии милости, однако, мне сделаны, и число завистников справедливо умножилось»[10].

Еще в 1786 г. Саратовский межевщик сообщал в своей выписке: «Земли, которые получил коллежский советник Львов в Петровской округе по реке Медведице, по речкам Каневке, Грязнушке и Потаповке, значущие на плане под литерою Ж, числом 12 тысяч десятин, лутче всех земель, другим розданных; оные земли ходили и в казенных руках, и с оброку...»[11]

И сам Львов в обстоятельном письме к Державину от 20 октября 1786 г., сообщая о том, как развиваются дела, связанные с доносами на Державина, писал и о своей жизни, о каменном угле на Валдае, о выделенных ему землях под Саратовом: «...Я здесь один и живу у Графа *(Безбородко – А. Н.)*, а Марья Алексеевна до зимы останется в деревне. В январе я опять поеду и мы опять разно будем. То-то жизнь! А из чего? Из дыму? Об угле моем боровицком еще не докладывали. А чтобы ты видел в Валдае уголь, то это мне весьма удивительно. Боур и Сиверс не нашли там, в уезде нет и слуху, а я три недели все горы ходя пробовал, и ничего не нашел. Где же ты видел? Здесь прилагаю записку данной мне земли в Саратовской губернии по реке Медведице. Говорят, что такой земли во всей России нет; она от Тамбова не очень далеко. Не можно ли ее продать кому ни будь тамошнему жителю, или что-нибудь затеять к подмоге обстоятельствам. А лутче продать. Все говорят, что отменная земля»[12]. (Т. е. из этого письма следует, что именно Г.Р. Державин, в какой-то мере, помог Львову отыскать уголь на Валдае.)

Относительно земель, которые Львову обещали выделить в Саратовской губернии, писал другу неоднократно и Г.Р. Державин. Так, сообщая о собственной деревне в письме от 3 мая, сохранившемся без адреса и указания года, корреспонденту, оставшемуся неизвестным, он писал: «...Деревня моя, называемая Гавриловка, находится в Новороссийской губернии в Херсонском уезде на Ермолиной балке близ большой Запорожской сечи. Сообщите мне адрес о вашей деревне, где она положение имеет, дабы я по надобности туда писать мог. Кто таков ваш управитель и как его называют? А мой – подпоручик Илья Никитин, сын Зазерской. Николаю Александровичу скажите, что о Саратовской земле его, чтоб прислал поскорей требуемое сведение, еще ныне от Сената подтверждено...»[13]

Вскоре Державин снова писал уже самому Львову о Саратовских землях: «Прилагаю при сем копию с рапорта о земле вашей, из коего вы увидите, что землю вашу, хотя вам и полагают отдать, но не иначе, как с заменою некоторой части в другом месте. Я посему весьма опасаюсь, чтобы не вышло препятствия со стороны Сената относительно домерки земли, но я с моей стороны приложу всемерное старание, чтобы вы отмежеванное число получили, только вы знаете, что я по вашему делу судить и голосу дать не могу. О взносимых вами в банк деньгах я писал обстоятельно к матушке»[14].

В связи с этим Львов вынужден был обратиться с просьбой о помощи к А.А. Беклешову: «Милостивый государь Александр Андреевич!

Ваше превосходительство обещали мне покровительство свое по делу моему

столько же справедливому, сколько и несчастному, касательно до земли в Саратове, двумя имянными повелениями мне пожалованной, и ныне, бесспорно, за меня отмежеванной. Межевая контора на письмо одного моего приятеля *(обратим внимание, что имени Г.Р. Державина Львов не указывает. А. Н.)* ответствовала, и я смею при этом приложить ответ оной в записи с покорнейшею моею просьбою, заступить справедливость мою у Губернатора Саратовскаго по случаю справки, Сенатом от него требованной.

Честь имею быть с совершенным высокопочитанием
30 января 1800 г. и беспредельною преданностию
Москва милостивый государь
вашего превосходительства.
Его превосходительству Беклешову».[15]

К сожалению, копия с рапорта о земле Львова, посланная Державиным, не сохранилась вместе с письмом, но о том, сколько и каких земель было у него в Саратовской губернии, он сам сообщил в письме к И.В. Якоби:

«Милостивый государь мой, Иван Варфоломеевич!

В Петровском уезде пожалованную мне землю давно у меня торгуют и вообще, и порознь. Я покорно прошу Ваше превосходительство известить меня всю ли вообще, или нет, и сколько десятин купить вы намерены и почем десятину полагаете. Сколько же десятин у меня земли и на каких реках она лежит, при сем прилагаю особенную записку. Есьм с совершенным почтением и преданностию

6-го окт. Вашего превосходительства милостиваго государя моего
1798 года его превосходительству Якоби.
Записка.

Пожалованная Д: С: С: Львову земля Саратовской губернии в Петровском уезде лежит по рекам Медведице, Чернавке, Сосновке, Чердыша, Мингавилке, Лапаты, Варшаута, Тауды и Березовки.

В беспокосном владении за ним отмежеванная:

Пахатной и удобного к пашне
Залогу - 7000 десятин
Сенокосу - 2500 десятин
Под лесом - 2800 десятин
Неудобности - 7000 десятин
14300 десятин *

А всей под реками и дорогами около 18000 десятин.

Межевые планы еще не присланы, но в получении их нет никакого сомнения»[16].

Не многим лучше обстояли дела и с землями в Тюхилях под Москвой, выделенными Львову по указанию императора Павла I для размещения на них школы землебитного строительства, в связи с чем Львов был вынужден обратиться с рапортом к самому государю:

«Всемилостивейший Государь!

Указом Вашего Императорскаго Величества на заведение училища земляно-

го строения, на инструменты, на материалы и на содержание мастеров, угодно было пожаловать мне Тюхильскую дачу с лесом, сенокосною землею им водами. По плану генерального межевания получил я землю и по числу десятин сполна заплатил за оную деньги, а при отдаче нашлось, что из оной вымежеваны частными указами:

1. 20 десятин сенокосу мужикам села Покровскаго, на промен взятой у них в дачу села Царицына.

2. Из самой средины дачи и подле самого строения отдано дому архиерейскому озеро Долгое, к которому и пройти иначе нельзя, как чрез мой сенокос.

3. Половина почти леса, состоявшего со времен царя в казенном владении по день пожалованья мне, оставлена мужиками деревни Кожуховой, которые оным не пользовались.

Всеподданнейше Ваше Императорское Величество прошу помянутые три, взаимное спокойствие владельцев нарушающие, а меня лишающие и доходу, и возможности строиться, повелеть утвердить за мною, дабы чрез то прекратить соседственные неизбежные свары, а меня поставить в состояние исполнить Высочайшую волю Вашу.

Вашего Императорскаго Величества

Всемилостивейшего Государя...»[17]

Руководил занятиями в школе в Тюхилях А. Менелас, который служил под началом Львова. Указом от 12 ноября 1808 г. Державина был назначении по просьбе «наследников покойного Тайного Советника Н.А. Львова и супруги его» попечителем «над ними и имением их» «сверх определенного опекуна старшего наследника Коллежского Асессора Леонида Львова»[18]. Поэтому позже, уже после смерти Николая Александровича, Державину пришлось разбираться с имущественными претензиями Менеласа. Сохранилось письмо Менеласа к Гавриле Романовичу с приложенной при нем копией одного из ордеров Львова:

«Ваше превосходительство!

Милостивый государь Гаврила Романович!

Прошлого 1798-го года находился я при Экспедиции Государственного хозяйства, где получал жалованья по 1200 рублей в год с казенною квартирой. Убежден же будучи покойным господином Тайным Советником Николаем Александровичем Львовым, согласился я оставить столь выгодное место и определиться под начальство его в государственное училище земляного битого строения с производством по 800 рублей в год, с таковым при том его превосходительства обещанием: не считая сие жалованье ни во что в сравнении с теми выгодами, которые он мне доставит, что недостающие к прежде получаемым мною 1200 р. деньги по 400 р. в год, также и за квартиру, получать буду я от его превосходительства, и оных, считая 1798 декабря с 16-го до 1803 года ноября по 28 число, причиталось 2078 р. За получением же, в том числе детьми моими, в разные времена от супруги его превосходительства Марьи Алексеевны 400 р., осталось 1678 р., о заплате которых просил я его превосходительство неоднократно, кои он не только что обещал мне заплатить, но сверх того, получаемое мною жалованье превратить в пансион.

По кончине его вдовствующая супруга его письмом своим 21 апреля 1804 г.

обещалась деньги мне переслать, но, к великому моему огорчению, ея превосходительство при приезде своем в Москву сказала мне, что по случаю кончины Николая Александровича, она тех денег мне не заплатит, хотя же и родственники ея превосходительства господа Статские Советники Николай Алексеевич Дьяков и Дмитрий Маркович Полторацкий по просьбам моим также просили ее те деньги мне заплатить, но все было без успеха.

Находясь ныне в крайних обстоятельствах, имея многочисленное семейство и видевши, что все средства остались тщетными, зная великодушие и справедливость вашего превосходительства ко всем. Припадающим к стопам вашим, решился прибегнуть к вам и почтеннейше вас, Милостивый Государь, просить по родству с Марьей Алексеевною, и так как вам при разобрании дел покойного господина Николая Александровича Львова не безызвестно о находящихся там моих о заплате заслуженных мною денег к его превосходительству просьбах, уговорить ея превосходительство к отдаче следующих мне денег, представить ей теперешнее мое положение, и то, что я собственно по обещаниям покойного супруга ее оставил в Петербурге свое место, и теперь, когда она пользуется владением дачи Тюфилей, отданной в наследство детям их, в награду трудов покойного Николая Александровича, я, который распоряжал училищем, строил все строения, учил учеников и сделал экономии более, нежели на 9000 руб., остаюсь без получаемого мною прежде по 800 р. в год жалованья, а также не могу получить и обещанных мне супругом ея, и самою ею, подтвержденных денег. Простите мне, милостивый государь, нанесенное вам беспокойство, но я, предупредив сим вас из нехотения моего просить вышнего начальства, надеюсь, что просьба моя к вашему превосходительству уговорить ея превосходительство Марью Алексеевну поможет, ежели ж и сие не послужит ни к чему, то я, по крайней мере, сделал с своей стороны все, дабы избежать непредвидимых следствий, могущих от сего открыться, и что она не может жаловаться на мое нетерпение. Во уверение же того, что я исправлял должность свою с усердием и прилежностию, а также и во время отлучки его превосходительства имел смотрение за всем один, могут свидетельствовать бывшие тогда в Москве господа гражданский губернатор Петр Яковлевич Аршеневский, равномерно капитан-исправник и собственный покойного Николая Александровича ко мне ордер, с коего копию при сем на благорассмотрение вашего высокопревосходительства прилагаю, из которого видно совершенное его превосходительства ко мне доверие и известность в знании и усердии к службе. Будучи в надежде милостивейшего вашего высокопревосходительства неоставления за честь себе считаю с глубочайшим почитанием быть и всегда именоваться

вашего высокопревосходительства

Милостивейшего Государя

9-го января 1805 года

всепокорнейшим слугою Адам Менелас».[19]

Державин неоднократно выполнял различные просьбы и поручения Львова, чаще всего дружеские, но иногда и официальные. Так 7 марта 1803 г. Львов писал ему:

«Милостивый государь, Гаврила Романович!

Так как ваше высокопревосходительство сообщили от 22 октября волю Государя Императора, дабы Государственная Адмиралтейств-коллегия приняла находящийся здесь у меня земляной уголь, то по сему поводу и о исполнении сея высочайшей воли к вам имею долг прибегнуть.

Государственная Адмиралтейств-коллегия спрашивает у меня от 11 ноября, по какой цене и сколько пуд я поставлю угля. Я отвечал, что в обязанности, по смыслу Указа, поставить весь налицо у меня здесь находящийся Боровицкий уголь, что денег я от нее никаких не требую, а прошу только в получении дать квитанцию, сообразно той, каковую ваше превосходительство сообщили, и каковую получил я от Банковского монетного двора, прося оную коллегию о присылке кого-нибудь для принятия угля; но по сю пору никто ко мне не является, а, между тем, уголь лежит в местах тесных и около строений. Опасаясь вторичного пожара и вторичного убытка[20], я покорно прошу ваше превосходительство предписать, кому следует, дабы уголь не умедлили принять, тем паче, что для отдачи оного, держу я здесь нарочных людей, и с казною сделать законного расчета не могу до принятия оного.

Имею честь быть с совершенным высокопочитанием
и беспредельною преданностию милостивый государь
Марта 1803 г. Вашего превосходительства...
Его высокопревосходительству Г.Р. Державину»[21].

В 1800 г., когда Львовы уже перебрались в Москву, снова остро встал вопрос об их желании приобрести собственный дом, о чем они не раз писали Гавриилу Романовичу и Дарье Алексеевне Державиным. Из письма, отправленного к ним Львовыми из Москвы 15 ноября мы узнаем о новых неприятностях, которые их постигли: «Слава богу, милые друзья наши Гаврила Романович и Дарья Алексеевна, что вы благополучно доехали. Отменная была осень, у нас только вчерась снег выпал, а то так было сухо, что мы в Тюхилях по ночам в лесу гуляли в ноябре месяце! Вот Москва-то и перещеголяла Петербург! Если бы вы были с нами, да видно не так идет! И нам к вам переехать нельзя. Борятинский дом продан, а московский мы покупаем. Вообрази, душа моя Дарья Алексеевна, какое сделал мошенничество управитель, ты, я думаю, сама слышала от Гаврилы Романовича, что для дому все было заготовлено. Как рамы, двери, паркет, который и видели Николай Александрович и Гаврила Романович. Мы, получа только письмо на той почте, и в ту же минуту вам отвечали и поехали смотреть, и ничего уж там не нашли, кроме какой-то дряни, всей изломанной. Так я тебя прошу, душа моя Дарья Алексеевна, возьми ты на сердце хорошенько и постарайся нам помочь. А вот каким образом: прикажи призвать управителя здешнего дома, который теперь в Петербурге, и спроси, имел ли он в повелении продавать сии вещи; ежели он не имел, так мы сии вещи выкупаем в тех деньгах, (за?) которые он господину своему продал, а ежели бы можно, постарайся ты, моя душа милая, что этого человека сюда отправить, хоть на наш счет, только бы, чтоб мы могли получить все те вещи, которые были в доме; мы на это считали и оттого так много вас просили. Так свершите это дело к нашему и вашему удовольствию. Именно, душа моя Дарья Алексеевна, тебя прошу, ты великая мастерица об этом хлопотать, ты это дело сделай. Гавриле Романовичу, я думаю, не до того. Прощайте, милые, родные! Будте здоровы. Напишите, когда нам к вам приехать. Прощайте, обоих вас целую в мыслях!

(Это писала Мария Алексеевна, а дальше – Николай Александрович. А. Н.)

Благодарствую, мой добрый друг, за рапорт о благополучном приезде. Дай бог, всегда вам приезжать на ночлег счастливо! – вот какое дело! Кажется,

что дом – верх дном,
потом
прошедшим будто бы постом
кое как ползком (?)
тишком
и потешком
все продано, чем одевался,
и дом голым-голо остался.
Зане (?) в нем был гомор, садом,

А, в самом деле, кроме посторонних вещей, как то фарфору, олова и сундуков с обоями и без обоев, вот что улетело, к дому принадлежавшего и для дому сделанного:

1. двери из лучших комнат
2. чугунный балюстрад около всего дома
3. поручи от лестницы
4. все трюмо с стеклами
5. и без стекол!
6. зеркала
7. столики черного дерева и поли (*рованные?*)
8. столовые доски

и кое какие мебели.....<*неразб.*> Старые и без ног; по.....<*неразб.*> и по мысли.

Было же множество котел, скатов каретных и карета и много вещей от всех чудес и Ерусалима; но то не к дому пошло-пошло до моря сурова и .....<*неразб.*>

Я велела, матинька Дарья Алексеевна, принести Леониду к тебе деньги. Возьми их к себе; ежели в доме ты нам поможешь, так и деньги готовы, а остальные побереги для нас. *(Это приписка рукой Марии Алексеевны, на полях. А. Н.)*» [22]

Через две недели, 30 ноября, Львов снова писал Державину по этому же поводу:

«В приписке саморучной пишешь ты, мой добрый друг Гаврила Романович, что за дом дают 9000, и что это сам граф оценил .....<*неразб.*> официальное письмо мое служить будет, которое и прошу вручить графу Григ:<*орию*> Ив:<*ановичу*>. А я и тебе могу подтвердить, что я истинно рад и для тебя, и для себя, что дом не мне, а другому будет принадлежать, потому, что все то, что меня в нем привлекало – вывезено и продано. Почему и стоять за него ... <*неразб.*> тоже было бы теперь невыгодно, сколько выгодно отказаться. А ты мне еще к тому .....<*неразб.*> случай дал. Отдай же теперь этот дом графу Чернышеву за 5 алтын, покуда он у тебя опеке право не купил, чтобы тебя не поставили чужих домов сводчиком. Попробуй он теперь даром ..... <*неразб.*> не возьму, не возьму даже с твоего благословения.

Дарья Алексеевна, мой друг сердешный, дай слепому Александру что-ни-

будь на присягу, когда он по ходатайству Г: Р: в иностранную Коллегию переведен будет, а долг изпиши на меня. Приеду я заплачу, право заплачу, хотя бы то и до 15 рублей доходил. На том свете ... деньги недорого, а на здешнем ведь не долго жить»[23].

В ответ на эти письма Державин написал, что он намерен предпринять по этому поводу, кроме того, сообщил ряд новостей, и главное – о смерти А.В. Суворова:

«Милостивый государь мой, Николай Александрович!

Письмо вашего превосходительства ... получил. Людей графа Чернышева для науки земляного строения прикажу прислать других. Московскому управителю строго предпишу, чтоб он не плутовал и в продаже дома сделал вам вспомоществование. Поездка моя в Вятку отменилась. Весьма мы рады, что Марье Алексеевне есть полегче. Дай бог, чтоб поскорей выздоровела.

Герой нынешнего, а может быть, и многих веков, князь Италийский, с такою же твердостию духа, как в многих сражениях встречал смерть, вчерась в три часа по полудни скончался, Говорят, что хорошо, что с ним случилось. Подлинно хорошо, в такой славе он и в таком неуважении внутрь окончить век. Это истинная картина древнего великого мужа. Вот урок, ВОТ ЧТО ЕСТЬ ЧЕЛОВЕК!

Пожарную изломанную трубу графа Григория Ивановича прикажите управителю к себе привесть на подержание. Мы, слава богу, здоровы, Пребываю с почтением Вашего превосходительства

Милостивого Господина моего
покорный слуга
Г. Державин».[24]

После смерти императора Павла I, который благоволил Львову и поддерживал все его начинания, наступили для Николая Александровича чрезвычайно трудные времена, ополчились на него все недоброжелатели, посыпались клеветнические доносы и кляузы. А сам он все еще был тяжело болен. Именно в это время Мария Алексеевна написала полное отчаяния письмо Державиным:

«Не знаю, друзья наши, Гаврила Романович и Дарья Алексеевна, получаете ли вы письма наши. Это нас беспокоит, потому, что нам ответу от вас нету, а как это такие письма, от которых наше щастие и состояние зависит, так и боимся, чтоб они не пропали. Писала я к вам два письма, где были ответы Генерал-прокурору на то, что он требовал от Николая Александровича, который отвечать сам был не в состоянии, а я, что могла отобрать от секретарей, так к вам послала. Сделайте одолжение, друзья наши, и постарайтесь помочь нам по делам нашим. Я уверена, душа моя Дарья Алексевна, что теперешнее состояние наше тебе не равнодушно, и для того прошу тебя, пожалуйста, Матинька, напомни почаще Гавриле Романовичу, чтоб он нам сказал, что нам делать надобно, и каким образом, и каким образом вас и нас успокоить по делам нашим. Отпиши ко мне, моя душа, получили ли вы все письма наши. Еще я вам писала в рассуждении Копрона,[25] который нам должен за дачу около тридцати тысяч, так что нам делать, чтоб эти деньги не пропали. Подлинно справедливо, что одна печаль не приходит. Надобно, чтобы это все случилось тогда, когда Николай Александрович ... */дальше часть текста размыта – неразб. А. Н./*, но и думать не в состоянии, и для того надеюсь, что вы меня в этом положении не оставите, но, таким образом, чтоб и доброго Копрона не огорчить. Ты, моя душа

Дарья Алексевна, позови ево к себе и спроси ево, что нам делать надобно в рассуждении денег наших. Еще, матушка, постарайся ты разветь от Анны Александровны, за что нам Генерал-прокурор[26] не доброжелательствует. Ежели ему надобны земельные ученики, так ... *(неразб.)* мы с радостию от них отказываемся, и он может их точно так употребить, как ему угодно. И ежели Анна Александровна захочет строить у себя в Таложне[27], так мы поблизости все сделаем, что им надобно будет. Пожалуйста, моя душа, отбери у них на это мнение, сказав, что... */снова часть текста размыта – неразб. А. Н. /*...способов отстроить свою деревню, делал пользу государству, вводя это строение во употребление, которое, верно, оставлено будет, ежели кто-нибудь из больших строить не будет. Покажи, Матинька, это Гавриле Романовичу. Согласен ли он со мною, а Николай Александрович совсем не этих мыслей. Да еще уведоми меня, что Генерал-прокурор сказал на то, что Николай Александрович просится, чтоб его отставили. Право, моя душа, ни желания, ни здоровья уже нету ему более служить, только бы без пострамления отставили и без обиды.

Сию минуту получила письмо от Гаврилы Романовича в рассуждении Леонида... *(дальше опять размыто – неразб. А. Н.)*... Матинька, за меня и поблагодари. Также похлопочи об деньгах наших, нелехко потерять 30 тысяч, особливо в нашей теперешней нужде»[28].

В ответ на просьбу Львова об отставке и разрешении отправиться для излечения на Кавказские лечебные воды, император Александр I высказал пожелание, чтобы Львов отправился с инспекционными целями, с огромными полномочиями и широким спектром заданий. Это было последнее путешествие Львова, во время которого он простудился и вынужден был возвратиться в Москву, приказав своим помощникам завершить все, что было предписано, без него[29]. Но, не смотря на болезнь, Львов продолжал хлопотать о покупке имущества. 1 декабря 1803 г., т. е. меньше, чем за месяц до смерти, Львов писал графу Н.П. Шереметьеву:

«Сиятельный граф!

Милостивый государь, граф Николай Петрович!

Исполнив во всем пространстве слова обязанность мою по порученной мне комиссии на Кавказе и Тавриде, так занемог я приедучи в Москву, что и теперь еще чужою силою и с костылем могу только бродить в комнате. Вот что в Москве меня остановило, и здесь только вчера узнал я, что Ваше сиятельство и по частям продаете Ваши домы. Все оне не по мне, все свыше сил кошелька моего, почему и прошу, Ваше сиятельство, продать мне только для подворья Ваш старый конюшенный двор, также особо в продажу вами назначенный, и сообщить мне цену, которую тот час же и заплачу поверенному Вашему, если не превзойдет оная суммы, у меня на сию покупку по достоинству ея назначенной.

Я послал к Вашему сиятельству и чертежи архитектора Кустарева. Что вы о них заключаете? Теперь учеников Ваших у меня никого нет – и печники, и земляные строители все выпущены. Кустарев был последним!

В ожидании решения Вашего сиятельства о моей просьбе, честь имею быть
совершенным почтением и беспредельною преданностию,
Вашего сиятельства милостивого государя моего
покорнейший и преданный слуга Николай Львов».[30]

Ровно за неделю до смерти Николай Александрович получил письмо от Шереметьева с отказом продать ему то, что он просил, с объяснением причины вынудившей его на этот отказ – решение строить в Москве странноприимный дом:

«Милостивый государь мой, Николай Александрович!

Свидетельствуя сим благодарность за приязненное уведомление о возвращении вашем в Москву, искренне принимаю участие о нездоровьи вашем, поправления которого желаю вам от всего сердца, а притом поспешаю ответствовать в рассуждении о продаже домов моих в Москве, и заранее прошу простить мне, ежели я об них буду говорить в тоне постороннего, или как только попечителя. Я думаю, не безызвестно Вашему превосходительству, что учреждаю я в Москве дом странноприимный, и сие удостоено уже Высочайшей конфирмации. Заведение сие, как сами представить можете, требуя больших издержек, сверх других пожертвованных на то сумм, было поводом, что я дома мои московские и один из Петербургских отдал в сумму сего заведения. Таковое положение тех домов ощутительно заставляет избирать все способы, чтоб, продав их с хорошею выгодою, заменить пополняемый капитал. На сей конец, стараясь, нашел уже я здесь случай, по которому идут теперь соглашения и условия, чтоб за хорошую цену продать все дома вместе, не разделяя. Польза, из того ожидаемая, способствуя много выгодам сего заведения, заставляет меня переменить план мой продажею домов в розницу, следовательно, препятствует мне сделать и удовольственной ответ на вопрошение Вашего Превосходительства. В каковых обстоятельствах надеюсь я, что справедливость ваша, во всех случаях, извинит и меня, когда продажу частную домов не могу я предпочесть без отдельной. Но, ежели б не удалось мне воспользоваться и предстоящим случаем, то и тогда назначение столь не малого заведения, не позволит спешить продажею, а будет справедливым поводом искать продажи их, хотя уже и не частьми, но, чем дороже, тем лутче, дабы скоплять те суммы, на пользу человечества предназначенные.

Чертежи архитекторского ученика я имел удовольствие получить, и писал к управителям моим о заплате назначенной Вашим Превосходительством суммы учителю, приемля с благодарностию одолженную приязнь в почерпнутых познаниях учеников моих,[34] прошу верить мне, что я не перестану быть с чувствиями истинного почтения и преданностию.

Милостивый государь мой

Декабря 15-го дня 1803 г. Вашего Превосходительства...»[31]

Николай Александрович скончался в Москве, в ночь с 21 на 22 декабря 1803 г.[32] Таким образом, из приведенных писем видно, что до последних дней жизни он продолжал активно трудиться, вести переписку и мечтать о собственном доме, который так и не сумел приобрести.

Мария Алексеевна ушла из жизни в 1807 г., не надолго пережив мужа. Указом от 12 ноября 1808 г. Г.Р. Державин по просьбе «наследников покойного Тайного Советника Н.А. Львова и супруги его» был назначен попечителем «над ними и имением их» «сверх определенного опекуна старшего наследника Коллежского Асессора Леонида Львова»[33] *(подчеркнуто нами. А. Н.)*.

Как видно из приведенных выше писем, Державины еще при жизни Львова заботились о его сыновьях, особенно, когда Львовы были в отъезде. После смерти Львовых Державины полностью взяли на себя заботы об осиротевших племянниках: дочери – Елизавета, Вера и Прасковья поселились в петербургском доме Державина на Фонтанке, а сыновья – Леонид и Александр были определены на военную службу.

Александру Николаевичу, младшему сыну Львовых, Державин, по-видимому, особенно благоволил. Еще в 1804 г., когда Мария Алексеевна еще была жива, Державин составил завещание, которым предполагал признать Александра своим единственным наследником:

«Представляю племяннику моему по жене Александру Николаевичу Львову (ежели он пожелает) по приложенному при сем на Высочайшее имя Государя Императора прошению, ходатайствовать себе у Его Величества мою фамилию, с правом по мне наследия. И ежели сие искреннее мое желание удостоится высочайшей конфирмации, и он, Львов, получит позволение от Самодержавной власти присовокупить к своей фамилии и Державина фамилию (как тому многие примеры бывали), тогда уже он по смерти жены моей (а не прежде, хотя и будет называться моей фамилией), да будет единственным мне наследником *(подчеркнуто нами – А. Н.)* всему моему родовому благоприобретенному движимому и недвижимому имению, с тем, чтобы он, Львов, был к жене моей почтителен и ни малейшего ей поведением своим неудовольствия не причинял, и наследники его, приняв мою фамилию, исполнили в точности выше изображенное мое распоряжение.

Завещание составлено 1 января 1804 г.»[34]

Но Александр отказался поменять фамилию, в результате чего, вероятно, сильно обидел своего дядюшку. В завещании Державина, составленном «в присутствии свидетелей от 30 мая 1813 г. и заверенном», уже приписки относительно Александра Львова нет, равно как и в делах о разделе имущества Г.Р. Державина имя Александра Львова не фигурирует[35].

Оба сына Николая Александровича принимали участие в войне 1812 г. Сохранилось несколько их писем к Державину и ответных писем поэта, относящихся к этому периоду.

Так 12 августа 1812 г., вероятно, в связи с угрозой Наполеона, в письме к Леониду Николаевичу Державин просил прислать ряд вещей, перечислив их, из Петербурга в Званку. В этом же письме Державина подтверждается бытовавшее тогда в России неправильное мнение о Барклае-де-Толли: «Теперь явно видно, что Барклай не честный человек, или глупый вождь, что впустил столь далеко врага внутрь России..., не действует и не сражается, тем паче, когда малейшими силами Виттенштейн его отразил...»[36]

23 декабря 1812 г. Александр писал Г.Р. Державину из Вильно:

«Милостивый государь, дядинька Гаврила Романович!

Пользуюсь сим случаем изъявить мое к вам почтение, уведомить, что мы через два дня выступаем из Вильно и, кажется, идем в Гродно. Когда это кончится? Никто не знает. Мы точно, как бараны – пастух махнет посохом, - встаем, идем, не знаем ни куда, ни зачем.

Жених нашей Вериньки уже, я чаю, давно с вами. Быть любиму и наслаждаться покойною жизнею! Он со всей силы должен чувствовать в теперешнее время. Щастливый смертный! Сколько людей завидуют ему. Посудите, что все, которые после его просились, отказы получили. Точно можно сказать, что отпуск его есть особое к нему благоволение и милость Светлейшего[37].

Пожелав вам и милостливой государыне тетиньке здоровья, честь имею быть с совершенным почтением ... Александр Львов».[38]

Леонид в письме из Пиннеберга от 5/17 апреля 1814 г. сообщал дядюшке о своей службе в армии, о победе над Наполеоном, благодарил Державина за рекомендательные письма к Графу *(какому? А. Н.)*, у которого Леонид просил оставить его при нем адъютантом и тот согласился[39].

Зимой в доме на Фонтанке, летом – в имении Державина Званка жили многочисленные племянники и племянницы, не только Львовы, но и Дьяковы, Капнисты, Кожевниковы. Не имея собственных детей, Державины всех согревали своим теплом. И дети платили им любовью и благодарностью. Взять, к примеру, веселый праздник, который они каждый год устраивали в честь именин Гавриилы Романовича, причем все обязательно принимали в нем участие. Подтверждением сказанному может служить сохранившаяся в бумагах Державина

«Скороспелка, игранная в день именин Гавриила Романовича
13 июля 1815 г. на Званке.

Действующие лица: Елизавета Николаевна и Федор Петрович Львовы, Прасковья Николаевна, Семен, Анюта, Вася, Паша, Даша и прочие дети»,[40] т.е. дети, внуки и внучатые племянники Н.А. Львова. В этом же деле много стихов Семена Капниста, посвященных Державиным, Лизе, Даше.

Дарья Алексеевна Державина согласно завещанию, распорядилась в Званке устроить женский монастырь, если не выйдет, то продать в казну, если не получится, - в частные руки с условием, чтобы «крестьяне, принадлежащие к селу Званка, не работали более, как два дня в неделю, что и включить в купчую». Она завещала все продать, что имеет, а деньги раздать племянникам и племянницам, в том числе:

«Елизавете Николаевне Львовой – 60 тыс. руб., а в случае ее смерти ее дочерям Марье, Надежде, Любови Федоровнам.

Вере Николаевне Воейковой – 60 тыс. руб., а в случае ее смерти ее дочери Марье Алексеевне.

Прасковье Николаевне Бороздиной – 60 тыс. руб. или ее дочерям Варваре и Елене.

Вере Петровне Львовой (урожд. Лазаревой) – вторая жена Петра Петровича Львова – двоюродного брата Николая Александровича (первая его жена – Варвара Сергеевна Березина – от первого брака был один сын – Петр Петрович, от второго – три сына и семь дочерей – Александр, Михаил, Алексей, Прасковья, Вера, Анна, Варвара, Любовь, Софья, Надежда – внучатые племянники Н А. Львова.) – 10 тыс. руб.

Бриллианты свои отдает племянницам: Львовой, Воейковой и дочерям умершей Бороздиной для украшения в золотых ризах икон, коими их и благословляет и отдает каждой по иконе, а одну из икон – просит поставить в ц. Воскресения в Званке.

Библиотеку свою и Гавриилы Романовича отдает мужу Прасковьи Николаевны Константину Матвеевичу Бороздину .

Сочинения же Г.Р. Державина, как изданные, так и не изданные, – племяннику Леониду Николаевичу Львову.

Два портрета – Державина в рост и свой – Александру Николаевичу.

Портрет Державина до пояса и свой – Семену Васильевичу Капнисту.

Пользуясь родственным расположением Константина Матвеевича Бороздина, Леонида и Александра Николаевичей Львовых я прошу их после смерти моей, написанную в сем завещании моем последнюю волю привести в действительное исполнение и не допускать вышеописанных лиц до споров»[41].

Далее дела по исполнению завещания Дарьи Алексеевны ее духоприказчиками, которых она назначила в завещании: К.М. Бороздиным, Л.Н. и А.Н. Львовыми. Леонид и Александр дали Бороздину доверенности действовать на его усмотрение. Бороздин написал прошение оставить за ним дом Державина на Фонтанке[42] и 22 февраля 1843 г. последовало постановление Петербургского Магистрата – отдать дом Бороздину [43].

Еще три короткие реплики.

1. В рукописном отделе РНБ в фондах Державина имеется интереснейший документ – маленькая записка Львова Державину (без даты), которая, возможно, дает ответ на вопрос об авторстве диплома и герба Державина: «Вот письмо я получил только теперь. Оно очень пристойно и хорошо написано. Естли дело пойдет о сочинении диплома и герба, то ты можешь сказать, что все это сделают, только, чтобы моего имени отсюда не было, ни теперь, ни впредь. Уведоми меня немедленно, что произойдет по письму»[44].

2. Известно, что, создавая проект здания любого функционального назначения, Н.А. Львов тщательно продумывал не только архитектурный объем, планировку, отделку, художественное оформление сооружения, но и его освещение, отопление, вентиляцию, и, если было необходимо, систему водоснабжения и водообеспечения, а в усадебных парках – организацию движения «медленно текучих вод».

Нередко для обеспечения жилых домов питьевой водой, Львов разрабатывал проекты «водоподъемных машин» различных систем и конструкций, позволявших не только подавать воду в дома, но и поднимать ее на второй этаж.

В «Гатчинском альбоме» Львова[45] имеются расчеты устройства для снабжения водой бельэтажа из колодца, находившегося внутри здания. Вероятно, к этим расчетам имела отношение и водоподъемная машина, чертежи которой также имеются в «Гатчинском альбоме». Изображение этой машины можно видеть и на виньетке И.А. Иванова к стихотворению Державина «Память другу»,[46] запечатлевшей дом Львова в Никольском и на переднем плане, рядом с домом, оригинальное сооружение – водоподъемную машину.

Известно, что водоподъемные машины были и в других усадьбах, созданных Львовым – в Званке Державина, в имении П.В. Лопухина Введенское и др.

Многие листы «Гатчинского альбома» свидетельствуют о постоянном интересе и внимании зодчего к проблеме водоснабжения и «водооформления». Здесь встречаются чертежи насоса, изображение декоративной чаши фонтана и беглая зарисовка самого фонтана, акварельный рисунок живописного каскада-руины, для организации которого использованы столь характерные для творчества Львова камни-валуны, разрез колодца со специальным устройством для фильтрации воды.

Особенно тщательно Львов заботился о чистоте воды, шедшей в употребление – питьевой воды. В архиве Державина в РНБ нами было обнаружено два чертежа Львова (судя по почерку пояснений на них) с описаниями «колодца для очищения и процеживания нечистой воды» и системы водоснабжения участка какой-то улицы.

На одном из этих чертежей показаны разрез и вид водоочистного колодца сверху[47] (ил. 2).

Принцип действия его очень прост. Все пространство колодца делится деревянными перегородками на три части. В первую из них по трубе подается вода, которая сквозь отверстие в перегородке, забранное сеткой для удержания крупного сора, попадает во второе отделение, заполненное примерно на половину высоты мелким камнем. В нижней части перегородки этой камеры имеется отверстие, через которое отфильтрованная вода попадает в третье отделение колодца, также заполненное мелким камнем, и отсюда. После повторной фильтрации, вода по трубам подается для хозяйственных нужд.

На этом чертеже имеются пояснительные надписи:

Справа – А. Колодези из бревен с двумя перегородками.

B. Трубы из колодца.

C. Отверстие с улицы с решеткой.

D. Верхнее отверстие в первой части колодезя с решеткой, чтоб не проходили щепа и мочалы.

E. Камни измельченные в двух частях для процеживания воды.

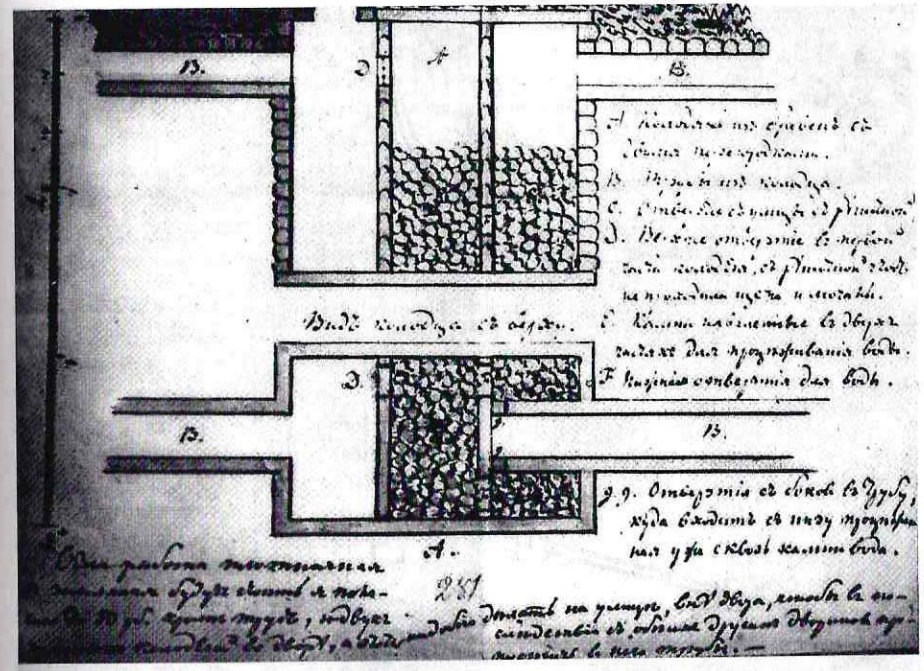
F. Нижния отверстия для воды.

Внизу – Одна работа плотничная и земляная будут стоить, я полагаю, до 50 руб., кроме труб и двух простых колодезей во дворе, а очаги надобно делать на улице, вне двора, чтобы в последствии с обоих других двориков пропустить в него трубы.

На втором листе[48] изображен ситуационный план участка улицы с несколькими «домиками» и «двориками», и система его водоснабжения, построенная по простой и рациональной схеме (ил. 3).

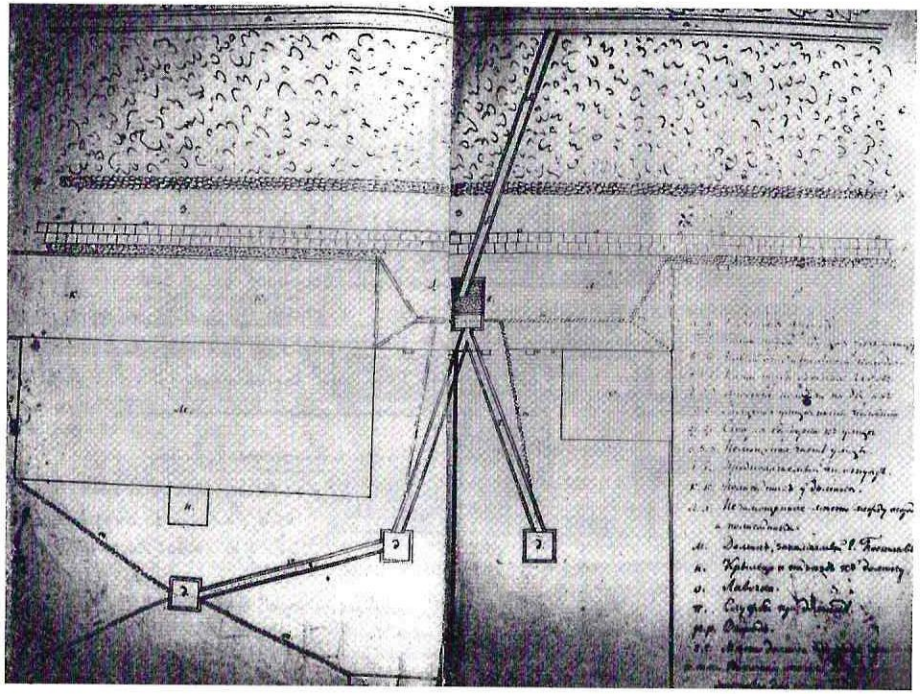
От основной водопроводной трубы прокладывается через улицу труба меньшего сечения, подающая воду в очистной колодец. Далее из него по трубам очищенная вода направляется в «простые колодцы», расположенные во дворах и на огородах. Остается только сожалеть, что не представляется возможным выяснить, где находился этот участок и что это за улица.

Пояснительные надписи, имеющиеся на этом чертеже (в правом нижнем углу),



Ил. 2

а-а Казенная труба.
б-б Наша труба, идущая чрез улицу.
в-в Новой очистной дренажной колодезь.
г-г-г Наши трубы с одних дворов.
д-д-д Простые колодези на дворах.
е-е Мощеная улица, наша половина.
ж-ж Старая барьерка к улице.
з-з-з Не мощеная часть улицы.
і-і Предполагаемый тротуар.
к-к Палисадник у домика.
л-л Не замощенное место между огорода и палисадника.
м. Домик, занимаемый г. Посниковым.
н. Крыльцо и подъезд к домику.
о. Лавочка.
п. Службы при домике.
р-р. Огород.



Ил. 3

с-с. Место домика, где жил гусятник.
т-т-т. Показании линеек, как должна идти мостовая для стока воды в колодцы.

Устройством водоснабжения усадебных комплексов, жилых домов и хозяйственных сооружений Н.А. Львов на много опередил свое время, т. к. в 80-е годы XVIII столетия во многих городах России, в том числе в Твери и Торжке, только прокладывались водоводы к главным площадям.

3. Осенью 2003 г., в юбилейный год не только Н.А. Львова, когда торжественно отмечалось его 250-летие, но и для Г.Р. Державина, которому исполнилось 260 лет, в Царском Селе на традиционном ежегодном фестивале «Царско-сельская осень» сектором музейной педагогики Царскосельского Лицея был организован грандиозный праздник для детей, посвященный Державину, который проходил под девизом державинской строки «...И слава возрастет моя...». Были проведены многочисленные конкурсы: рисунка, театральный, музыкальный, краеведческий, творческий. Девизом каждого из них была строка из одного из произведений

Г.Р. Державина. В конкурсах приняли участие более тридцати детей разных возрастов – от первого по одиннадцатый класс. Девизом творческого конкурса стала строка из стихотворения Г.Р. Державина «Аристипова баня»[49]: «Едино счастье в том...». Надо было ответить, что же такое счастье? Ответы были самые разные. Девочка-первоклассница написала, что счастье – это когда мама рядом; другая девочка (ученица второго класса) видела счастье белым, мягким и пушистым – это ее хомячок; мальчишки мечтали стать космонавтами, совершить кругосветное путешествие, принимать участие в различных героических делах...

А вот ответ на этот вопрос14-летней ученицы девятого класса царско-сельской гимназии Евгении Шамовой, который никого не оставил равнодушным:

"Что счастье? – искала я долго ответ.
Счастье в любви, –промолвил поэт.
Счастье в покое, – промолвил мудрец.
Счастье в работе, – ответил отец.
Счастье в деньгах, – считают банкиры.
Счастье фанатов – автограф кумира.
Счастье в здоровье, – вздыхают больные.
Сиротское счастье – чтоб были родные.
Смерть, пролетая, сказала в ответ:
Счастие ваше – меня рядом нет!"

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. А.Б. Никитина. Из писем Львова Державину в Тамбов.// Сб. Воронцовы – два века в истории России. Вып. 4. Петушки. 1999. Л. 70 – 83.
[2] РГИА, ф. 1289, оп. 2, д. 110, л. 114.
[3] РГИА, ф. 1310, оп. 1, д. 10, 1786, л. 1–9.
«1786 г. декабря ... дня в комиссии о строении Санкт-Петербурга и Москвы Тайный Советник Сенатор и Кавалер Завадовский объявил: Ея Императорское Величество высочайше соизволила повелеть о месте, после пожара Морского рынка оставшемся, за построением, если банковскому дому не надобно, рассмотреть комиссии, чтоб без устройства не оставалось».
К этому делу приложен был «план по третьей Адмиралтейской части», на котором нанесено «порожнее место, оставшееся после пожара Морского рынка», между строящимся зданием ассигнационного банка и мучными и соляными лавками, намеченное «в отдачу». Из «донесения в заседание Сената комиссии о строении Санкт-Петербурга и Москвы» мы узнаем, что «прошлого 1786 г. ноября 19 Коллежский Советник и Главных почтовых дел Советник Николай Александров сын Львов, а 30 декабря Коллежский асессор Николай Ефремов сын Ефремов, поданными в оную прошениями просили об отдаче означенного места им под регулярное строение и о даче для владения оным плана. А по свидетельству архитектора Паулсена на оном месте не более может быть как только один дом

построен, то управа мнение свое полагает, чтоб отдать оное по первенству подачи прошения Коллежскому Советнику Львову, а Асессору Ефремову за неимением тут более места, выключая назначенное по высочайшему повелению, под площадь отказать... и, следуя прежде учрежденным в правлениях определениям по первенству податия от упомянутого г-на Коллежского Советника Львова просьбы об отдаче показанного порожжего места, отдать оное ему, г-ну Львову, под регулярное строение, и на владение сим местом снабдить его после указа 1786 г. данною и планом, и о том в управу Благочиния послать Указ, а комиссии о строении Санкт-Петербурга и Москвы сообщить.

Января 14 дня 1786 г. Подпись».

По «высочайшему указу» императрицы Екатерины II место, оставшееся между участком, предоставленным Львову каменными мучными лавками и строящимся банком, было отдано «в вечное и потомственное владение» камердинеру императрицы Захару Зотову:

« Господин Генерал-Порутчик и Санкт-Петербургский губернатор Коновницын!
В Санкт-Петербурге между нового строения банка ассигнационного, места Статского Советника Львова и каменных хлебных лавок оставленное после пожара порожжее место, повелеваем отдать в вечное и потомственное владение нашему камердинеру Захару Зотову.

На подлинном подпись Екатерина».

В следствие этого приказа Коновницын направил в комиссию о строении Санкт-Петербурга и Москвы точную копию утвержденного плана:

«В комиссию о строении Санкт-Петербурга и Москвы
от Генерал-Порутчика и Санкт-Петербургского губернатора.
С полученного мною вчерашнего числа высочайшего именного Ея Императорскаго Величества указа об отдаче порожжего места между строящегося банка, Статского Советника Львова и каменных хлебных лавок, в вечное владение Захару Зотову, долгом поставляю к сведению препроводить в оную комиссию при сем точную копию...»

И далее приложена копия с подлинного плана по третьей Адмиралтейской части.

[4] РНБ. ОР, ф. 247 (Державина), поступление 1924 г. (По рукописной описи.)
[5] Подробнее о работе Львова над историей Мальтийского ордена см. *А.Б. Никитина.* Любимый дитя всех художеств...(Новые материалы о Н.А. Львове) // Сб. Невский архив. Вып. V. СПб., 2001. Л. 432 – 445.
[6] РГИА, ф. 37, оп. 11, д. 117.1816, л. 95. 0 пожалованной ДСС Львову земле Саратовской губ. в Петровском уезде...
[7] Там же. Л. 74 об., 75. О Тюхильских землях под Москвой, вблизи Симонова монастыря.
[8] Там же. Ф. 1285, оп. 2, д. 50.1797, л. 42.
[9] См. прим. 2, 5.
[10] РГАВМФ, ф. 198, д. 65.1798-1800, л. 264.
[11] РНБ. ОР, ф. 247 (Державина), т. XIII, № 69, между 13 августа и 18 сентября 1786 г.
[12] Там же, № 77, л. 128, 129.
[13] РНБ.ОР. Ф. 247 (Державина). Т. XIII. Л. 44об.
[14] Там же. Л. 50.
[15] РГИА, ф. 37, оп. 11, д. 117. 1816, л. 196-197об.

**Эта цифра не соответствует сумме указанных площадей. А. Н.*
[16] РГИА, ф. 37, оп. 11, д. 117. 1816, л. 95.
[17] РГИА, ф. 37, оп. 11, д.117, 1816, л. 74об. – 75.
[18] РНБ. ОР, ф. 247 (Державина), поступление1924 г. (По рукописной описи.)
[19] РНБ ОР, ф. 247 (Державина), т. XII, ч. IV, лл. 345–347.
[20] Имеется ввиду пожар на собственной даче Львова на берегу Невы (бывш. Калашниковская наб.).
[21] РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Д. 117. 1816. Л. 327об.
[22] РНБ. ОР. Ф. 247 (Державина), т. XII, ч. IV, л. 312, 313.
[23] Там же, л. 310, 311.
[24] РНБ.ОР. Ф. 247 (Державина), т. XVI, л. 33об. Письмо без даты.
[25] Имеется в виду купец Крон – сосед Львовых по имиению на Неве под Петербургом, которому Львов продал дачу.
[26] Анна Александровна – супруга Генерал-прокурора П.Х. Обольянинова.
[27] Таложня – имение Обольянинова под Торжком, вблизи имения Львова Никольское-Черенчицы.
[28] РНБ.ОР. Ф. 247 (Державина). Поступление 1924 г. (По рукописной описи.)
[29] О поездке Львова на Кавказ и в Крым см. *Никитина А.Б.* Последний проект Н.А. Львова. // Проблемы синтеза искусств и архитектуры. Вып. XVII, Л., 1984. С. 29–38.
[30] РГИА, ф. 1088 (Шереметьевых), оп. 1, д. 207, 1801, л. 4, 5. Автограф.
[31] Речь идет об учениках школы землебитного строительства.
[32] РГИА, ф. 1088 (Шереметьевых), оп. 1, д. 207, 1801, л. 2, 3. Писарской рукой.
[33] Все даты в статье даны по старому стилю.
[34] РНБ. ОР, ф. 247 (Державина). Поступление 1924 г. Служебные бумаги Г.Р. Державина – 1798–1804 гг. – 17 лл.
[35] РНБ. ОР, ф. 247 (Державина), т. XX, ч. II, лл. 299-300.
[36] Там же, лл. 308–313.
[37] РНБ. РО, ф.247 (Державина), т. XI, лл. 35–36.
[38] Жених Веры Николаевны Львовой (Вериньки) – А.В. Воейков, благодаря «благоволению и милости» Барклая-де-Толли «Светлейшего»), под началом которого он служил начальником тайной военной канцелярии, весной 1813 г. получил краткий отпуск, во время которого состоялась их свадьба.
[39] РНБ.РО, ф. 247 (Державина), поступление 1924 г. (По рукописной описи.)
[40] Там же.
[41] РНБ. ОР, ф. 247 (Державина), т. XXXIII, № 18, лл. 97–104.
[42] Там же, т. XX, ч. II, лл. 376–382.
[43] Там же, л. 386об.
[44] Там же, лл. 404–407.
[45] РНБ ОР. Ф. 247 (Державина). Поступление 1924 г. (По рукописной описи.)
[46] ГДМ, № 322 (1), граф. ф.
[47] ИРЛИ РО. Сочинения Г.Р. Державина. Ф. 96, оп. I, т. II, л. 182 об.
[48] РНБ РО. Ф. 247 (Державина), т. XX, л. 281
[49] Там же, т. XXXIX, л. 328.
[50] Сочинения Г.Р. Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. III, СПб., 1870. С. 63.

А.Б. НИКИТИНА
Санкт-Петербург

К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ «СЕМЕЙНОГО ПОРТРЕТА ЛЬВОВА»

С «легкой подачи» А.В. Татаринова довольно прочно в научный оборот вошла атрибуция миниатюрного портрета неизвестного семейства, как «семейный портрет Львова».

Небольшая миниатюра (приблизительно 16х12 см), написанная маслом на пластине из кости, была представлена на выставке произведений из частных коллекций, проходившей в 1980-е годы в музее Этнографии народов России в Санкт-Петербурге, и была обозначена, как «семейный портрет Львова». Принадлежала она коллекционеру Феликсу Евгеньевичу Вишневскому (1902 – 1978), подарившему Москве музей Тропинина.

При первом взгляде на миниатюру исследователям, знакомым с жизнью и творчеством Н.А. Львова, становилось ясно, что изображена не его семья. При личной встрече с Феликсом Евгеньевичем я поинтересовалась, откуда взялась эта атрибуция и высказала ему свои контр-доводы. Он со мной согласился. Казалось бы, вопрос был решен.

Но вот, спустя много лет, среди иллюстраций к опубликованным в 1994 г. К.Ю. Лаппо-Данилевским избранным сочинениям Н.А. Львова[1] А.В. Татариновым, который занимался подбором иллюстраций к этому изданию, была помещена фотография упомянутой миниатюры с подписью «Портрет семьи Львовых» и обозначением поименно всех членов семьи. Эта ошибочная атрибуция получила распространение и в музейных экспозициях – в Торжке, на родине Н.А. Львова, в музее представлена сильно увеличенная фотокопия миниатюры, как «портрет семьи Львовых». Ошибку необходимо исправить и опровергнуть неправильную атрибуцию. Такие цели и задачи преследует данная публикация.

На исследуемой миниатюре изображены родители и пятеро детей (ил. 1).

Два достаточно взрослых сына, стоят по сторонам от отца. Девочка лет десяти находится между младшим из братьев и матерью, облокотившись на ее колени. В руках она держит цветочную гирлянду. По другую сторону, на полу у ног матери сидит ребенок лет двух-трех. Девочка это или мальчик определить достаточно трудно. Ребенок одет в длинные брючки, как носили мальчики, а не кружевные панталончики, которые надевали на маленьких девочек, но, с другой стороны, на нем открытая, сильно декольтированная кофточка в кружевах. На коленях женщи-

Ил. 1

на держит младенца. Если предположить, что младенец и сидящий у ног матери ребенок – тоже девочки, то количество детей совпадает с тем, что было у Львовых – два сына и три дочери. Но вот по возрасту изображенные дети не совпадают с возрастом детей Львовых. Их первенец Леонид, родившийся в 1784 г., был почти на десять лет старше их младшей дочери Прасковьи, которая родилась в 1793г., и на восемь лет старше Веры, средней из девочек, родившейся в 1792 г. Здесь же изображен юноша лет шестнадцати.

Портретная миниатюра явно была создана непрофессиональным художником, чего Н.А. Львов, с его тонким и возвышенным вкусом, который отмечали все его друзья, никогда бы не допустил. Нарушены пропорции фигур. Большие головы плохо сочетаются с измельченными непропорциональными телами и короткими ногами. Широкие, плоские лица с огромными, на половину лица, глазами, высокими лбами и крупными носами, – с измельченной нижней частью лица.

О портретном сходстве и говорить не приходится. Известные нам портреты детей Львова представляют их, как правило, уже в преклонном возрасте. А вот изображения самого Николая Александровича и его супруги Марии Алексеевны, неоднократно писали крупнейшие русские художники-портретисты второй половины XVIII в., близкие друзья Львовых Д.Г. Левицкий и В.Л. Боровиковский. На

этих портретах лицо Львова отражает портрет самой эпохи – ум, вдохновенность, доброта, «приветливость души». Но в лицах, изображенных на миниатюре, с ними нет ничего общего.

Отец семейства – пожилой, уставший человек, с редкими седыми волосами, с большими залысинами. Даже и намека нет на ту одухотворенность, благородство, «исполненность ума и знаний», которые были так присущи всем известным портретам Львова. Одет он, похоже, в домашний халат, из-под которого видны чуть выше щиколоток непропорционально маленькие ножки в белых гольфах. В левой руке он держит циркуль (или измеритель), знак того, что имеет отношение к графическим занятиям. Почему в левой? Н.А. Львов не был левшой, иначе бы это было отмечено его друзьями и биографом. Под стулом, на котором он сидит, свернулась калачиком небольшая, светлая с темными пятнами, собачка. Известно, что любимый пес Николая Александровича, гончая по имени Брюн, был черным.

Мать изображенного на миниатюре семейства – усталая, с несколько безразличным выражением лица, остроносая, с острым подбородком, темноволосая женщина. Мария Алексеевна была курносая и круглолицая, с роскошными рыжими волосами. На миниатюре женщина показана достаточно хрупкой, изящной по комплекции, что было несвойственно Марии Алексеевне даже в юности, а тем более после шести родов (один сын Львовых, Васенька, родившийся в 1786 г., вскоре умер).

Все дети печально, безразлично, широко раскрытыми глазами смотрят «в никуда», никаких мыслей на их лицах не отражается. Старшая из девочек одета в красивое длинное платье, а и на плечики наброшен легкий шарф. Старшая из дочерей Львова, Лиза (родилась в 1788 г.) была на пять лет старше Прасковьи и на четыре года старше Веры, так что на миниатюре должна было быть изображена девочка лет шести. Младший сын Львова, Александр, был младше Лизы на два года, т. е. на миниатюре должен был быть изображен трех-четырехлетний мальчик.

Мальчики на миниатюре изображены одетыми в камзолы. Известно, что сыновья Львова получили домашнее образование, ни в каких учебных заведениях не обучались, так что они не могли быть одеты в форменные кафтаны. На старшем сыне одет строгий, застегнутый на все пуговицы камзол, в петлице какой-то знак отличия (различить какой не представляется возможным), младший – менее официален, несколько пуговиц его камзола расстегнуты, лацканы отогнуты, создавая глубокий вырез. Старший сын показывает отцу какой-то чертеж, на столе также развернут чертеж какого-то сооружения и лежат чертежные инструменты. Известно, что Леонид Николаевич, старший сын Львова, никогда не занимался архитектурным проектированием и в делах отца не участвовал.

На полу – под столом и у ног женщины, на миниатюре изображены толстые книжные фолианты. Зная любовь Львова к книгам, мы понимаем, что он никогда бы не допустил такого к ним отношения.

Ну и, наконец, последний довод в корзину доказательств, что это не портрет семьи Львова. На правой стороне груди отца семейства изображен орден. Конечно, конкретно разглядеть, какой именно орден, не представляется возможным. Мы видим восьми лучевую звезду, в центре которой находится крест. В виде вось-

ми лучевой звезды было несколько орденов, но только Аннинский орден носили на правой стороне груди. Правда, звезда этого ордена имела четыре длинных и четыре коротких луча. Но спишем эту неточность на неумелого художника.

В материалах об истории российских орденов об ордене Святой Анны читаем: «Первый российский орден, иностранный по происхождению. Петр I выдал дочь Анну за голштейн-готторпского герцога Карла-Фридриха. В 1728 г. Анна Петровна умерла вскоре после родов. Ее безутешный супруг в память о любимой жене учредил орден Святой Анны. Основным элементом ордена стал красный с золотыми украшениями в углах крест, в центральном медальоне которого изображена Святая Анна. Орден включал также серебряную звезду, которую помещали на правой стороне груди. Орден носили на широкой красной ленте с желтой каймой через левое плечо. Девиз ордена:

«Любящим правду, Благочестие и верность».

После смерти в 1739 г. Карла-Фридриха престол герцогства Голштинского перешел к его сыну Карлу Петру Ульриху. Когда в 1742 году бездетная Елизавета Петровна провозгласила его своим наследником под именем Петра Федоровича, и он приехал в Россию, то привез с собой орден Святой Анны. Сразу же по его приезде были произведены награждения этим орденом. Голштинский орден перешел по наследству к сыну Петра III (Федоровича) Павлу Петровичу. В день его коронации 5 апреля 1797 года Орден Святой Анны был назван в числе других орденов Российской империи и разделен на три степени.

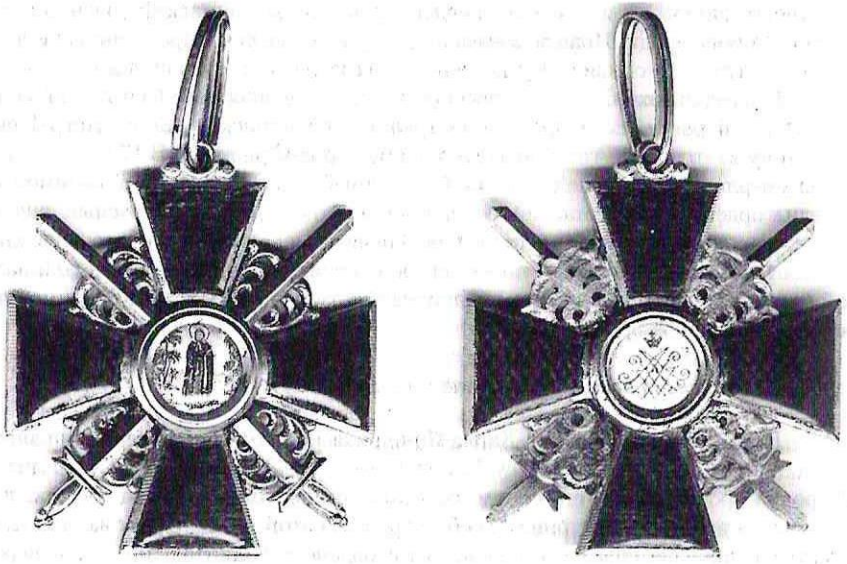
Высшая, первая, степень ордена состояла из красного креста, носимого на широкой ленте через левое плечо, и серебряной звезды, которую, единственную из всех российских звезд, по голштинским правилам надлежало носить не на левой, а на правой стороне груди. (*Курсив мой. – А. Н.*)

Вторая степень ордена представляла собой такой же красный крест, который носили на более узкой ленте на шее. Звезда к этой степени награды по установлению 1797 г. не полагалась. (*Подчеркнуто нами. А. Н.*)»[2] (ил. 2).

Известно, что Н.А. Львов дважды был награжден орденами – в 1794 г. орденом св. Владимира третьей степени и в 1797 г. орденом Св. Анны второго класса, а это значит, что у него не могло быть звезды. А только крест на шее. Кроме того, в год получения Львовым этого ордена его младшей дочери Прасковье было больше трех лет, и никак она не могла быть младенцем, как изображено на миниатюре.

Таким образом, мы доказали, что на рассмотренной нами миниатюре семейного портрета никак не может быть изображено семейство Н.А. Львова.

Иногда этот портрет связывают с одним из представителей круга Львова, высказывая предположение, что изображена семья помощника Львова Адама Менеласа, – строителя, прораба, каменщика, чем можно объяснить присутствие на миниатюре изображений чертежей и чертежных инструментов. Из «формулярного списка о службе...титулярного советника Адама Менеласа», «поданного 12 генваря 1803 года»,[3] мы узнаем, что «титулярный советник Адам Адамов Менелас, англичанин из дворян, 45-ти лет от роду, женат на агличанке Елисавете Васильевой дочери,



Ил. 2

у них дети – сыновья Вилим и Александр, дочери – Мария, Елисавета, Марея, по малолетству находятся при них». К сожалению, нам не удалось найти сведения ни о возрасте детей, ни о наградах Менеласа. Если они и были, то уже после смерти Н.А. Львова, скончавшегося в 1803 г. Менеласу в 1803 г. было уже 45 лет, т. е. награды он мог получить только после 50 лет, когда у него никак не мог быть ребенок младенческого возраста. Так что и эта версия отпадает.

Итак, мы выяснили, что на рассмотренной миниатюре изображен портрет неизвестного семейства, но никак не Львова, и не Менеласа.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Н.А. Львов.* Избранные сочинения. Вступительная статья, составление, подготовка текста и комментарии К.Ю. Лаппо-Данилевского, перечень архитектурных работ, подбор иллюстраций подготовлен А.В. Татариновым. Белау-Ферлаг, Кёльн, Веймар, Вена, Санкт-Петербург. 1994.

[2] www.humanities.edu.ru

[3] РГИА, ф. 37, оп. 11, ед. хр. 111, 1816, лл. 15, 16.

А.А. СМОЛЬЕВСКИЙ
Санкт-Петербург

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ ДВУХ ВЕТВЕЙ РОДА ЛЬВОВЫХ XVIII – XXI ВЕКОВ

Я не занимался специально изучением истоков рода Львовых – старинных тверских дворян, но попытался проследить историю развития творческих интересов представителей этого рода, начиная с XVIII в. до настоящего времени. Историю рода можно прослеживать с разных сторон – например, в плане происхождения его основателей, в плане социального статуса отдельных его представителей... Я же попытался сделать это в плане развития их художественно-творческой деятельности. Мне представляется это важным, поскольку позволяет проследить их роль в развитии отечественной культуры, проследить наследование культурных склонностей – художественных, поэтических, музыкальных. Научных – из поколения в поколение и их социальную направленность.

В этом отношении наиболее яркой фигурой во второй половине XVIII в. является НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛЬВОВ (1753–1803), которого отличали разносторонняя одаренность, живость ума, энциклопедические знания. Он был авторитетом для многих писателей, художников, музыкантов, ученых, архитекторов своего времени. Поэт, переводчик, рисовальщик, гравер, музыкант, историк, геолог, археолог, химик, исследователь, изобретатель, Львов вошел в историю отечественной культуры, прежде всего, как архитектор и собиратель народных песен, интерес к которым он унаследовал от своего деда ПЕТРА СЕМЕНОВИЧА ЛЬВОВА, участника Персидского похода Петра I. Петр Семенович любил слушать, помнил и сам певал старинные народные песни. «Собрание русских народных песен с их голосами (на музыку положил Иоган Прач)», изданное Н.А. Львовым, в течение многих лет пользовалось большим успехом, еще до революции четыре раза переиздавалось. В 1990 г. музыкальная общественность отмечала 200-летие его выхода в свет; к этой дате в Нью-Йорке сборник был выпущен в виде факсимильного переиздания. Этот труд Львова-Прача не утратил своего значения до сих пор.

Н.А. Львов всячески поддерживал талантливых выходцев из народа. Так его школу земляного битого строения окончило более восьмисот человек, которые стали строителями широкого профиля высокой квалификации. Львову претила жестокость крепостного права, своих крепостных он отпускал на волю, а наиболее талантливым из них предоставлял возможность обучения мастерству.

Друзей и родных Николая Александровича объединяли общие творческие

интересы, передовые взгляды, стремление бескорыстно служить Отечеству. Они составили кружок, вошедший в историю российской культуры под названием «Львовско-Державинский».

Творческие интересы Николая Александровича передавались его детям и родным, хотя они и не были столь многосторонними.

Как архитектор Львов занимался проектированием и строительством не только общественных и жилых зданий, культовых и хозяйственных сооружений, парков, печей и т. п., но и предметов обстановки, занимался оформлением интерьеров. Создавал рисунки люстр, программы орденов и медалей, и во многом ему с увлечением помогала его супруга МАРИЯ АЛЕКСЕЕВНА, урожденная ДЬЯКОВА.

Развитие творческих интересов и способностей Н.А. Львова происходило в общении с широким кругом людей: его родственники СОЙМОНОВЫ: МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ – директор Берг коллегии и ЮРИЙ ФЕДОРОВИЧ – архитектор; баснописец Иван Иванович Хемницер, писатель-сатирик Василий Васильевич Капнист и поэт Гаврила Романович Державин, ставшие свояками Львова (все трое были женаты на сестрах Дьяковых); художники Дмитрий Григорьевич Левицкий и Владимир Лукич Боровиковский; композиторы Дмитрий Степанович Бортнянский и Евстигней Ипатович Фомин (Фомин и Боровиковский подолгу жили в семье Львова как свои люди); помощниками и учениками Львова стали шотландец Адам Менелас, в будущем архитектор романтического направления, и Иван Алексеевич Иванов, племянник И.Е. Старова, впоследствии архитектор и живописец. Единомышленниками Львова в области архитектуры были крупнейшие зодчие строгого классицизма, особенно Дж. Кваренги, с которым он часто работал сообща.

Близкими по духу Львовско-Державинскому кружку были: Михаил Никитич Муравьев – высокообразованный человек, отличавшийся прекрасным литературным вкусом, Бакунины – Петр Васильевич-меньшой и Михаил Александрович, граф Александр Сергеевич Строганов - президент Академии Художеств, Алексей Николаевич Оленин, будущий президент Академии Художеств (после А.С. Строганова) и директор императорской Публичной библиотеки; Николай Михайлович Карамзин – писатель и историк, Апполос Апполосович Мусин-Пушкин – ученый-исследователь, историк, археолог, и многие другие. Львовско-Державинский кружок оказал большое влияние на развитие литературно-поэтического вкуса и таланта многих молодых литераторов: Ивана Ивановича Дмитриева, Константина Батюшкова , (племянника М.Н. Муравьева) и др. А ранее в доме дяди Николая Александровича – ПЕТРА ПЕТРОВИЧА ЛЬВОВА и его жены ПРАСКОВЬИ ВАСИЛЬЕВНЫ (это родители ФЕДОРА ПЕТРОВИЧА ЛЬВОВА, о котором речь впереди) вместе с их детьми воспитывался будущий великий баснописец Иван Андреевич Крылов.

Николай Львов служил в бомбардирской роте Преображенского полка, а образование получил в общевойсковой школе, организованной генералом А.И. Бибиковым при Измайловском полку. В этой школе, кроме военного дела, фортификации, артиллерии, математики, физики, химии, давали основательное знание языков, учили рисованию, черчению, естественным наукам. В школе Измайловского полка вокруг юного Львова сложился круг друзей и единомышленников, образовался литературный кружок, члены которого выпускали свой рукописный

журнал, под названием «Труды четырех разумных общников». Львов в те годы много читал, начал писать стихи, пробовал свои силы как переводчик. В его формировании огромную роль сыграли самообразование и частые заграничные поездки. Одним из первых было восьмимесячное путешествие по странам Западной Европы совместно с М.Ф. Соймоновым и служившим под его началом И.И. Хемницером. Они объездили многие города Германии, Голландии, побывали в Париже, и всюду Львов жадно усваивал массу знаний. В 1784 г. на первом заседании вновь образованной Российской Академии Н.А. Львов был избран ее почетным членом в числе 36 человек; с 1786 г.– он почетный академик Российской Академии Художеств; при Екатерине II Львов получил чин действительного статского советника, при Павле I – действительного тайного советника, при Александре I стал членом Государственного Совета; имел ордена и награды.

Н.А. Львов пользовался поддержкой и дружественным покровительством ряда видных государственных деятелей того времени: возглавившего сформированный в 1782 г. Почтовый департамент Андрея Александровича Безбородко, по рекомендации которого именно Львову поручили создать проект Петербургского Почтового двора и другие правительственные архитектурные заказы; Петр Васильевич Бакунин-Меньшой, в доме которого Львов жил, выйдя в отставку с военной службы, и где он встретил свою избранницу – Машеньку Дьякову, племянницу Бакунина (его брат, Михаил Васильевич, был женат на родной сестре ее матери), графа Александра Романовича Воронцова (который покровительствовал А.Н. Радищеву, с которым Львов был также знаком), генерального прокурора князя Александра Алексеевича Вяземского и др. Для каждого из них Львов создавал проекты и строил в их многочисленных городских дворцах и загородных усадьбах.

Создавал он проекты и для своих родных, друзей, соседей по родовому имению Никольское-Черенчицы в Новоторжском уезде Тверской губернии, и ряд соседних и дружественных семей породнились со Львовыми и между собой (ПОЛТОРАЦКИЕ, БАКУНИНЫ, ОЛЕНИНЫ, БЕРЕЗИНЫ, СВЕЧИНЫ и т. д.).

Способности и интересы Николая Александровича Львова передались его детям, от детей – внукам. Его старший сын ЛЕОНИД НИКОЛАЕВИЧ ЛЬВОВ (1784 – 1847), женатый на ЕЛЕНЕ НИКОЛАЕВНЕ КОЗЛЯИНОВОЙ, неоднократно избирался губернским предводителем Тверского дворянства, был почетным попечителем Тверской гимназии, сохранил для потомков архив Г.Р. Державина, завещанный ему Дарьей Алексеевной. А его сын ЛЕОНИД ЛЕОНИДОВИЧ (1830 – 1875), согласился безвозмездно передать все материалы академику Я.К. Гроту, который занимался изучением, систематизацией и публикацией творческого наследия поэта. Женат Леонид Леонидович был на ЮЛИИ ПАВЛОВНЕ СКРЫПИЦИНОЙ, фрейлине двора.

Второй сын Николая Александровича АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ЛЬВОВ (1786 – 1849), вместе с архитекторами И. Монигетти и А.М. Горностаевым, принимал участие в восстановлении покоев Зимнего дворца после пожара 1837 г. в качестве помощника архитектора Александра Павловича Брюллова (по рекомендации А.Н. Оленина). Братья Александр и Карл Брюлловы высоко ценили широкую образованность Александра Львова, его вкус, знания архитектуры и энер-

Ил. 1. Елизавета Николаевна Львова.
С портрета неизвестного художника

Ил. 2. Федор Петрович Львов.
С портрета неизвестного художника

гию. Еще в 1824 году они втроем совершили ряд поездок по Италии и Сицилии, а позже Карл Брюллов написал прекрасный портрет Александра Николаевича Львова. Александр Николаевич был женат на дочери крупного политического деятеля России графа Н.С. Мордвинова НАТАЛЬЕ НИКОЛАЕВНЕ МОРДВИНОВОЙ.

Дочь Николая Александровича – ВЕРА НИКОЛАЕВНА (1792–1873) вышла замуж за АЛЕКСЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ВОЕЙКОВА (1778–1825).

Впоследствии Вера Николаевна стала бабушкой известного художника ВАСИЛИЯ ДМИТРИЕВИЧА ПОЛЕНОВА, пейзажиста и исторического живописца, развивавшего в своей деятельности традиции Львовых, их демократическую направленность. В.Д. Поленов был не только художником, но еще и археологом, собирателем предметов русского народного быта, композитором. Его прадед по линии отца – АЛЕКСЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ ПОЛЕНОВ, был, подобно Н.А. Львову, сторонником освобождения крестьян от крепостной зависимости, законоведом. Мать В.Д. Поленова – МАРИЯ АЛЕКСЕЕВНА, рожд. ВОЕЙКОВА, была известна как художница и писательница, а его сестра ЕЛЕНА ДМИТРИЕВНА – как иллюстратор изданий народных сказок, как автор рисунков для мастеров народных промыслов.

Василий Дмитриевич Поленов, как уже отмечалось, увлекался археологией. Это увлечение он унаследовал от своего отца – археолога и библиофила, который собрал большую коллекцию древностей, а на его увлечение оказал влияние его родственник КОНСТАНТИН МАТВЕЕВИЧ БОРОЗДИН, историк, археолог и прекрасный рисовальщик, женатый на младшей дочери архитектора Н.А. Львова ПРАСКОВЬЕ НИКОЛАЕВНЕ (1794 – 1839).

Старшая дочь Н.А. Львова ЕЛИЗАВЕТА НИКОЛАЕВНА[1] (1788 – 1864) стала второй женой своего двоюродного дяди ФЕДОРА ПЕТРОВИЧА ЛЬВОВА после смерти его первой жены НАДЕЖДЫ ИЛЬИНИЧНЫ БЕРЕЗИНОЙ (ум. в 1808 г.) (ил. 1, 2).

ФЕДОР ПЕТРОВИЧ ЛЬВОВ (1766 – 1836) – первый биограф Николая Александровича Львова, активный участник Львовско-Державинского кружка, поэт, любитель и исследователь русских народных песен, директор Придворной Певческой капеллы (после Бортнянского, который стал руководителем Капеллы после Марка Федоровича Полторацкого), автор проекта конституционного устройства России. Он был сыном предводителя новоторжского дворянства ПЕТРА ПЕТРОВИЧА ЛЬВОВА, родной брат которого – АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ ЛЬВОВ, был отцом Николая Александровича.

Елизавета Николаевна, как и все дети Н.А. Львова, после смерти отца жила и воспитывалась в доме Державина, писала под его диктовку примечания к его произведениям, позже изданным отдельным томом, была хранительницей семейных архивов. Став женой Федора Петровича, продолжала, поддерживала и развивала традиции Львовского кружка. Федор Петрович играл на скрипке и был известен как обладатель великолепной коллекции смычковых инструментов работы итальянских мастеров, среди которых скрипка работы Маджини, на которой впоследствии играл сын Федора Петровича – Алексей Федорович, считалась даже лучшей, чем скрипки Страдивари. В доме постоянно звучала музыка, в семейном квартете участвовали сыновья Федора Петровича; у Федора Петровича была большая нотная библиотека.

Федор Петрович Львов служил в Преображенском полку, вышел в отставку в чине капитана, затем вел производство письменных дел у генерал-фельдмаршала Румянцева-Задунайского; в 1794 г. – Директор Архангельской почтовой таможни, позднее – Таможенный инспектор в Эстляндской, а затем и Лифляндской губерний; с 1802 г. правитель канцелярии министра коммерции, а затем директор департамента министерства коммерции (1803–1810), служил в канцелярии государственного Совета; с 1816 по 1824 гг. находился «за штатом», так что семья испытывала значительные материальные затруднения. Елизавета Николаевна решилась обратиться с личным письмом к Александру 1 и просить место для мужа. В 1824 г. Федор Петрович получил место помощника секретаря Государственного Совета, а с 1826 г до конца жизни был Директором Певческой капеллы; с 1839 г. имел чин тайного советника.

Сын Федора Петровича и Елизаветы Николаевны Львовых ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ был художником-любителем. За альбом видов Кавказа был избран вольным общником Академии Художеств; занимал пост директора Рисовальной Школы в Петербурге и должность конференц-секретаря Академии Художеств; посещал собрания кружка, в который входили такие известные мастера, как Клодт, Айвазовский, Сверчков, Зичи, Премацци, Шарлемань, Гох и др. (С одним из основателей этого кружка – Львом Феликсовичем Лагорио – семейная дружба связывала членов семьи Львовых еще многие годы спустя, о чем будет упомянуто далее.)

Музыкальные же интересы и профессиональное творчество особенно ярко расцвели в сыне Федора Петровича Львова от первого брака – АЛЕКСЕЕ ФЕДОРОВИЧЕ (1798 – 1870) – композиторе, первоклассном скрипаче и, после смерти отца, директоре Певческой капеллы, где он обучал музыкально одаренных детей из народа (ил. 3).

Ил. 3. Алексей Федорович Львов.
Из частного собрания А.А. Смольевского

А.Ф. Львов много трудился над обработкой церковных песнопений, оставил записки, посвященные ритмике русских народных песен. В России он мог выступать, по своему положению, только как любитель, за границей – как профессионал. Его музыкальные вечера в доме Фридерикса, напротив Владимирского собора, а затем квартеты в собственном доме на Караванной ул. пользовались большой известностью.

Алексей Федорович был знаком и переписывался со скрипачами Берио, Паганини, с композиторами Спонтини, Мейербером, Листом; в его доме играли Тальберг, Мария Шимановская; как исполнитель он заслужил восторженные оценки Мендельсона, Шумана; в 1838 г. в Париже принимал участие в международном съезде музыкантов по установлению камертона (diapason normal) для настройки оркестра и получил персональный экземпляр «камертонного рояля», который находится теперь в музее музыкальной культуры в Москве. Алексей Федорович – автор многих пьес для оркестра, скрипки, квартетов, концерта для скрипки с оркестром, военных маршей, сигналов и т. п.; его оперы шли в Петербурге, Дрездене, он оставил около 40 оригинальных произведений и духовных концертов, но его имя, как композитора, прежде всего, связывают с созданием царского гимна.

Алексей Федорович Львов принимал участие во множестве благотворительных концертов, доход от которых шел на развитие женского образования в России, на создание фонда помощи певчим и их вдовам. Им были учреждены в Капелле инструментальные классы, чтобы в случае потери голоса певчие могли иметь заработок, и т. д.

Военная же специальность Алексея Федоровича – инженер. Он с отличием окончил институт Корпуса путей сообщения (его имя было занесено на мраморную доску) и служил при Аракчееве, принимая участие в строительстве военных поселений. Чины его были таковы: жандармский капитан, ротмистр Кавалергардского полка, флигель-адъютант, генерал-майор свиты Его Величества, обер-гофмейстер, секретарь при шефе жандармов. Он пользовался покровительством царской семьи и шефа жандармов Бенкендорфа.

В 1825 году братья Алексея Федоровича – ВАСИЛИЙ и ИЛЬЯ, а также муж их сестры ДАРЬИ ФЕДОРОВНЫ – Алексей Васильевич Семенов, связанные с декабристами, порывались примкнуть к восстанию, но, вняв уговорам родных, остались в стороне, отсидели месяц на гауптвахте и были «отпущены с аттестатом». А.В. Семенов был другом декабриста Евгения Оболенского и А.С. Пушкина.

Среди друзей Алексея Федоровича следует назвать поэта В.А. Жуковского, братьев Александра и Карла Брюлловых, художника-баталиста Ладюрнера, портретиста Петра Соколова.

Кроме Алексея Федоровича, музыку писала и его сестра НАДЕЖДА ФЕДОРОВНА, «Надежа», в замужестве САМСОНОВА (ил. 4), прекрасная певица, ученица Полины Виардо, автор нескольких изданных романсов.

Ил. 4. Надежда Федоровна Самсонова

Вообще в семье Федора Петровича все дети были очень музыкальны: дочь МАРИЯ ФЕДОРОВНА, в замужестве РОСТОВСКАЯ, также была известна как талантливая певица-любительница. Кроме того, она сочиняла детские рассказы и издавала журнал «Семейные вечера».

Женат был Алексей Федорович на ПРАСКОВЬЕ АГГЕЕВНЕ АБАЗА, дочери Аггея Васильевича Абаза и Прасковьи Логгиновны Манзей. Род АБАЗА считался молдавского происхождения. Брат Прасковьи Аггеевны – АЛЕКСАНДР АГГЕЕВИЧ АБАЗА – занимал пост министра финансов, состоял членом Государственного Совета, а сестра – МАРИЯ АГГЕЕВНА – в первом браке была замужем за видным деятелем крестьянской реформы 1861 г. Николаем Алексеевичем Милютиным.

В истории рода Львовых фамилия АБАЗА появлялась и ранее: брат Марии Алексеевны Львовой, жены Николая Александровича, - НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ДЬЯКОВ в первом браке был женат на представительнице рода АБАЗА, но имя ее пока установить не удалось.

Александр Аггеевич Абаза – шурин Алексея Федоровича Львова, был большим любителем музыки, а его жена – певица Юлия Федоровна, рожденная ШТУБЕ, много и успешно выступала вместе с Антоном Григорьевичем Рубинштейном, в том числе и при Дворе.

Дочь Алексея Федоровича и Прасковьи Аггеевны – ПРАСКОВЬЯ АЛЕКСЕЕВНА ЛЬВОВА вышла замуж за АЛЕКСАНДРА ЛЬВОВИЧА ВАКСЕЛЯ. О Вакселях речь пойдет далее, они являются хранителями части наследия А.Ф. Львова.

Дело руководителя Придворной Певческой Капеллы после ухода Алексея Федоровича в отставку продолжили М.А. Балакирев и Н.А. Римский-Корсаков. Балакирев в начале своего творческого пути принимал участие в концертных вечерах в домах у Алексея Федоровича, у графа Виельгорского, у князя Владимира Федоровича Одоевского в качестве пианиста-виртуоза. В 1862 г. Балакирев вместе с помощником Львова по хоровым классам Ломакиным основал «бесплатную му-

зыкальную школу», а в 1883 г., назначенный заведовать Капеллой, Балакирев привлек Римского-Корсакова на должность инспектора музыкальных классов. Члены Балакиревского кружка в начале его существования (с 1861 г.) относились к Алексею Федоровичу, как к композитору, со всей категоричностью ниспровергателей авторитетов и объявили его ничтожеством, а между тем, он был избран почетным композитором Болонской Академии, почетным членом Римской Музыкальной Академии Santa Cecilia, Филармонического общества в Петербурге; в его романтической опере «Бианка и Гуальтьеро» с увлечением пели самые выдающиеся певцы – Виардо, Шрёдер-Девриент, Рубини, Тамбурини и др. Но это за границей, В Петербурге же дирекция Императорских театров постановку его опер всячески тормозила. Алексей Федорович объяснял это интригами со стороны управляющаго дирекцией князя Волконского.

С возрастом Алексей Федорович стал терять слух и отошел от дел. Умер он в имении своей дочери под Ковно и похоронен в Пожайском мужском монастыре.

Этой блестящей и знатной линии Львовых впоследствии было суждено скреститься с другой ветвью. Менее именитой, менее богатой, наиболее известным представителем которой, стал талантливый химик и общественный деятель, политкаторжанин-петрашевец ФЕДОР НИКОЛАЕВИЧ ЛЬВОВ (ил. 5).

Слияние этих двух ветвей произошло в самом начале 1900-х годов, когда дочь петрашевца ЮЛИЯ ФЕДОРОВНА ЛЬВОВА (ил. 6) вышла замуж за внука композитора Алексея Федоровича Львова – АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ВАКСЕЛЯ, а после развода с ним – за его двоюродного брата АЛЕКСЕЯ ФЕДОРОВИЧА ЛЬВОВА – младшего.

Ил. 5. Федор Николаевич Львов (петрашевец). С портрета неизвестного художника, бумага, акварель, 1849 г.

Ил. 6. Юлия Федоровна Львова. Фотография ок. 1893 г. СПб.

ФЕДОР НИКОЛАЕВИЧ ЛЬВОВ (1823 – 1885) был сыном Николая Павловича Львова, занимавшего должность полицмейстера в разных городах (умер в Дерпте) и ЕЛИЗАВЕТЫ НИКОЛАЕВНЫ, рожд. КАСТОРСКОЙ. Известно, что в доме Касторских (на Свечном переулке в Петербурге) в один из своих приездов останавливались родители А.С. Пушкина.

Федор Николаевич окончил в 1841 г. 1-й Кадетский корпус с занесением на мраморную доску, с 1846 г. был назначен репетитором по химии в Павловском Кадетском корпусе, слушал лекции по химии в Петербургском университете. В кружке М.В. Петрашевского, куда входил Федор Николаевич, среди таких известных его участников, как Ф.М. Достоевский, поэт Александр Плещеев, братья Дебу, Ахшарумов, Дуров, Момбели, Пальм, Спешнев, бывали братья Стасовы (сыновья архитектора В.П. Стасова, которые были соучениками Петрашевского по Лицею) и Владимир Алексеевич Милютин – брат Николая Алексеевича, деятеля крестьянской реформы и свояка Алексея Федоровича Львова.

По делу Петрашевского Федор Николаевич Львов, 26-летний штабс-капитан Егерского полка, в числе 15-ти участников был приговорен к расстрелу. В последнюю минуту, уже во время чтения приговора на Семеновском плацу расстрел был заменен каторжными работами. После амнистии 1856 года, уже в качестве ссыльно-поселенца, Федор Николаевич начал печатать статьи в сибирских газетах, смог вести научные исследования, стал корреспондентом герценовского «Колокола», а в начале 1860-х годов вернулся в Петербург, был восстановлен в правах и служил чиновником в Министерстве финансов, неоднократно ездил заграницу в качестве представителя на международных промышленных выставках и, наконец, стал секретарем Русского Технического общества, председателем которого был Петр Аркадьевич Кочубей, подружившийся со Львовым и взявший его и его семью под свое покровительство.

По семейному преданию, когда члены кружка Петрашевского были арестованы, Алексей Федорович Львов, автор царского гимна, счел необходимым отправиться к своему шефу графу Бенкендорфу с уверением, что Федор Николаевич – ему не родственник. На самом деле родство было: из воспоминаний Ольги Александровны Ваксель (о ней речь будет впереди) следует, что ее отчим Алексей Федорович Львов-младший был двоюродным братом ее отца Александра Александровича Вакселя и троюродным братом ее матери – Юлии Федоровны Львовой, рожд. Львовой, дочери Федора Николаевича.

Федор Николаевич Львов был женат на ЕЛЕНЕ АЛЕКСАНЛРОВНЕ РОТЧЕВОЙ (1833 – 1908), старшей дочери известного общественного деятеля, путешественника и публициста, деятеля Русско-американской компании, коменданта форта Росс в Калифорнии АЛЕКСАНДРА ГАВРИЛОВИЧА РОТЧЕВА (ум. в 1873 г., память о Ротчевых до сих пор в Калифорнии жива) и княжны ЕЛЕНЫ ПАВЛОВНЫ ГАГАРИНОЙ, известной как деятельница женского образования, как хозяйка общественно-литературного салона в Иркутске, который посещали ссыльные декабристы и петрашевцы, как детская писательница, а также как талантливая музыкантша и художница. Их дети, живя в Иркутске, участвовали в любительских спектаклях.

Александр Гаврилович Ротчев в молодые годы считался вольнодумцем, в середине 1820-х годов учился в Московском университете, где его товарищами по общественно-литературному кружку профессора С.Е. Раича были С.Д. Полторацкий, М.И. Погодин, А.Н. Муравьев. Кружок Раича, в прошлом члена «Союза благоденствия» посещали и Вильгельм Кюхельбекер, и Н.А. Полевой. Ротчев начинал литературную деятельность, как поэт романтического направления и переводчик, печатался в литературных журналах и альманахах, в «Московском телеграфе» Н.А. Полевого, где он встречался с П.А. Вяземским, в «Северной лире» Д.П. Ознобишина, в «Невском альманахе», позднее – в «Пантеоне», «Северной пчеле», «Отечественных записках», «Сыне отечества». Среди друзей Ротчева были поэт Александр Полежаев, историк и драматург Федор Кони; он был знаком с поэтом, другом декабристов и Пушкина А.А. Шишковым, встречался и с самим Пушкиным на смирдинских собраниях, а в 1850-х годах, бывая в Лондоне, неоднократно виделся с А.И. Герценом.

Ил. 7. Федор Николаевич Львов – петрашевец – с женой Еленой Александровной (р. Ротчевой) дочерью Юлией. СПб., фото ок. 1878 г.

А.Г. Ротчев совершил длительные поездки по странам Америки, по Африке, Индии и Китаю. Он – автор книги «Правда об Англии и сказание о расширении ею владений во всех частях света» (1854), имевшей большой успех; он подавал правительству докладную записку, в которой доказывал нецелесообразность и разорительность для России продажи Аляски Соединенным штатам. (Аляска, богатая полезными ископаемыми и золотом, была продана Америке всего за 7 миллионов золотых рублей.)

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА ЛЬВОВА, рожд. РОТЧЕВА, была прекрасной музыкантшей, имела обширные филологические познания в области западноевропейских языков.

До самого последнего времени из-за совпадения имен и отчеств имело место недоразумение – в родословной записи, сделанной Юлией Федоровной Львовой летом 1943 года значится: Гагарин Пав. Пав. – жена Денисьева; Елена Павловна Гагарина – муж Александр Гаврилович Ротчев. Кроме того, был еще Гагарин Павел Павлович – сенатор, видный государственный деятель, член Государственного Совета, во время следствия по делу петрашевцев возглавлял следственную комиссию и настаивал на смертной казни, жена Клазенап.

Гагарин Павел Павлович первый должен значиться, как Гагарин Павел Петрович, так что никакого недоразумения не должно быть.

Дочь Федора Николаевича и Елены Александровны, ЮЛИЯ ФЕДОРОВНА ЛЬВОВА (1873 – 1950), пианистка и композитор была вторым ребенком (ил. 7) – первым был сын Александр Федорович, родилась в Париже и крещена была в Свя-

Ил. 8. Семейство Вакселей. Нижний ряд, слева направо: Прасковья Александровна Ваксель («Патя»), в замужестве Салова, Александр Александрович Ваксель, Юлия Федоровна Ваксель, урожденная Львова. Верхний ряд, справа налево: Мария Александровна Ваксель и ее муж Богданович, третья сестра Ольга (Софья?) Александровна. Фотография начала 1900-х гг., СПб.

то-Троицкой Александро-Невской церкви в Париже.

Восприемниками записаны Аркадий Васильевич Кочубей и Варвара Александровна Кочубей, урожд. Кушелева–Безбородко – отец председателя русского Технического общества и жена председателя, при купели – Николай Александрович Спешнев, петрашевец и друг Федора Николаевича, и Елизавета Васильевна Кологривова.

Теперь нужно сказать о внуке Алексея Федоровича Львова – Александре Александровиче Вакселе, первом муже Юлии Федоровны Львовой.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ВАКСЕЛЬ (1874 – 1926), сын Прасковьи Алексеевны Львовой, со стороны отца был потомком шведского морехода Свена Вакселя, сподвижника Беринга, исследователя Камчатки. Организации этой экспедиции содействовал, между прочим, картограф, гидрограф и навигатор Федор Иванович Соймонов, с сыновьями которого Михаилом и Юрием был тесно связан архитектор Николай Александрович Львов.

Отец Александра Александровича Вакселя – Александр Львович, занимал пост директора Николаевского Сиротского Дома в Петербурге. Его дядя – Платон Львович Ваксель – был известным певцом, музыковедом, собирателем музыкальных рукописей (в Национальной Российской библиотеке, иначе говоря, Публичной Библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, хранится его фонд, известный под названием «Фонд Вакселя-Юргенсона»), почетным членом Академии Художеств. Дед Вакселя, известный в свое время рисовальщик, близко знал И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого и написал их прекрасные портреты. Он был женат на Софье Карловне фон-Пирх, дочери барона Карла фон-Пирха и Софьи Платоновны Платоновой, внебрачной дочери Платона Александровича Зубова. (Из записок Елизаветы Николаевны Львовой выяснилось, что ее муж Федор Петрович Львов был близко знаком с Платоном Зубовым.)

Александр Александрович Вакселъ унаследовал семейный способности к рисованию, музыкальный слух, обладал прекрасным тенором, но не знал нот – скорее всего, виной этому была его лень. Он очень скверно учился в Пажеском корпусе и по его окончании попал в армию, в Кавалергардский полк его перевели благодаря связям. Выйдя в отставку, он стал местным предводителем дворянства в Ковенской губернии, где основными его занятиями были охота и кутежи. Имение было заложено, состояние растрачено, а претензии родных очень велики. Служба в Конногвардейском полку для офицера обходилась очень дорого, одна только покупка рослых лошадей породы «Гунтер» уже была разорительна. Из четырех сестер Александра Александровича (ил. 8) вышли замуж только две, у двух других не было приданного, и в семье мечтали женить Александра Александровича на какой-нибудь богатой наследнице.

Ил. 9. Юлия Федоровна Львова, фото начала 1900-х гг.

А ЮЛИЯ ФЕДОРОВНА выходила за Вакселя вообще без какого-то особого приданного: на их браке настоял их общий друг Микешин, умиравший от скоротечной чахотки (очевидно, Сергей Михайлович Микешин (1874 –1900) – сын художника и скульптора, автора ряда известных монументов?). Музыка давала Юлии Федоровне возможность даже потихоньку оплачивать долги, которые делал «пан маршалэк» – ее супруг, человек очень доброй души, бескорыстный, увлекающийся и слабохарактерный. После развода с А.А. Вакселем у Юлии Федоровны сохранились с ним прекрасные дружеские отношения; у Марии Матиссен, его второй жены, на письменном столе всегда стояла фотография Юлии Федоровны (ил. 9).

В третий раз А.А. Вакселъ был женат на баронессе Рокоссовской. Потом он застрелил из пистолета какого-то соперника, был осужден, но благодаря хлопотам семьи, в которых принимала участие и Юлия Федоровна, вскоре амнистирован; вернулся в армию в начале Первой Мировой войны; после ее окончания поселился в сохранившихся остатках своего имения в Литве, а зимой 1925–26 года, переезжая на санях по льду через Неман, попал в полынью и утонул, оставив вдову с малыми детьми.

Юлия Федоровна в семье Вакселей долго не ужилась, на нее смотрели, как на «дочь каторжника», но с дядюшкой супруга, Платоном Львовичем Вакселем, у нее были прекрасные отношения. Он высоко ценил ее музыкальные способности, широкие познания в области искусства. Она начала зарабатывать с 12-летнего возраста – учась в Консерватории, стала концертмейстером оперного класса профессора Сонки. Кроме музыкального образования она получила еще и юридическое, став вольнослушательницей университета. Материально Юлия Федоровна была довольно

Ил. 10. Александр Александрович Вакселъ с дочерью Ольгой. Фото 1903 г., Поневеж

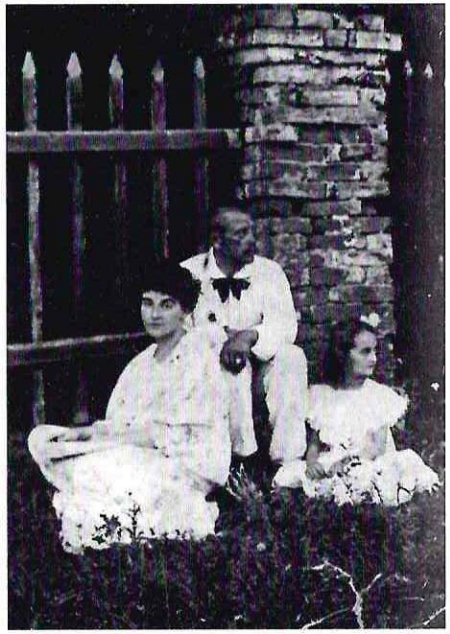
Ил. 11. Юлия Федоровна с дочерью Ольгой Вакселъ.Царское Село, фото ок. 1909 г.

независима – давала уроки фортепьянной игры, проходила оперные партии с певцами, выступала с концертами, как солистка ансамбля и т. п. От брака с А.А. Вакселем у Юлии Федоровны была дочь ОЛЬГА (ил. 10), рано проявившая способности к художественному и поэтическому творчеству и к музыке (ил. 11).

Вторично Юлия Федоровна вышла замуж в 1907 году за другого внука Алексея Федоровича Львова – АЛЕКСЕЯ ФЕДОРОВИЧА ЛЬВОВА-младшего, двоюродного брата А.А. Вакселя (ил. 12). А.Ф. Львов-младший – офицер железнодорожного полка, служил сначала в Гатчине, затем в Царском Селе.

Алексей Федорович Львов-младший сохранил ряд семейных реликвий своего деда – композитора, имел прекрасную библиотеку, увлекался изучением естественных наук, всемирной историей, историей религии, философией, теософией, народоведением; он принимал участие в строительстве Федоровского городка в Царском Селе и Царского павильона – личного вокзала для царской семьи, начальником которого он был назначен. Вместе с Юлией Федоровной и друзьями-музыкантами – Александрой Васильевной Унковской и Иосифом Антоновичем Лесманом (учениками Л. Ауэра), он устраивал публичные лекции по истории религии с «волшебным фонарем» и музыкальным сопровождением.

В семье Вакселей его считали «худородным», и вот почему: Алексей Федорович-младший был сыном ФЕДОРА АЛЕКСЕЕВИЧА ЛЬВОВА (1842 – 1899), при обряде крещения которого в качестве представителя императора Николая I, находившегося в то время в отъезде, присутствовал начальник и друг Алексея Федоровича Львова (композитора, автора гимна) – граф Бенкендорф. Все было чрезвычайно торжественно, мачехе композитора ЕЛИЗАВЕТЕ НИКОЛАЕВНЕ, дочери архитектора Н.А. Львова, был прислан дорогой подарок – фермуар в шесть тыс. рублей ассигнациями. Но, став взрослым, Федор Алексеевич, большой любитель театра и особенно балета (он так и был известен, как «балетоман Львов»), женился на талантливой балерине КЛАВДИИ ИВАНОВНЕ КАНЦЫРЕВОЙ, бывшей крепостной, которая и стала матерью Алексея Федоровича-младшего. Всего у них было четверо детей: старшая из них дочь ПРАСКОВЬЯ, в замужестве Балавенская,[2] и три сына. ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ – старший из сыновей, был мировым судьей и проживал в деревне Андреевка. Поскольку его мать противилась его браку с немкой, он часто запивал. Второй сын – АЛЕКСЕЙ ФЕДОРОВИЧ, о котором уже говорилось выше. Младший сын – ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ, был чем-то серьезно болен и застрелился.



Ил. 12. Юлия Федоровна, Алексей Федорович Львов-младший – ее второй муж, Ольга Ваксель – ее дочь. Гатчина, фото 1908 г.

Федор Алексеевич вынужден был оставить службу в Конногвардейском полку, ему выделили маленькую деревеньку в Саратовской губернии (Андреевка Балашовского уезда), все причитавшиеся ему бриллианты были заменены стразами, и т. д.

В конце первой Мировой войны Алексей Федорович эмигрировал в Америку, где продолжал интересоваться индийской философией, а на жизнь зарабатывал малярным делом. Иногда Юлия Федоровна, жившая в Ленинграде, получала от него коротенькие весточки и даже небольшие вещевые посылки, но вынуждена была отмалчиваться, и так продолжалось до начала Великой Отечественной войны.

Таким образом, Юлия Федоровна Львова – дважды Львова (ил. 13), la bella M-me Ro-Lvoff, как ее называли друзья, стала преемницей традиций двух семей Львовых.

Она сохранила память о своих предках, живую память о петрашевцах, собиравшихся на квартире ее отца Федора Николаевича в Соляном Городке, а через них

Ил. 13. Юлия Федоровна в предреволюционный период. С портрета В. М. Баруздиной, 1910-е гг., м., холст

и о декабристах; о своих современниках – государственных деятелях, деятелях искусства, культуры, поэзии. У нее были основательные познания в самых разных областях: медицины (она работала в качестве хирургической сестры в Царскосельском лазарете во время Первой Мировой войны), психологии и психиатрии (сотрудничала с профессором В.М. Бехтеревым в Институте Мозга по проблемам рефлексологии звука и музыкотерапии), в области истории живописи, театра, архитектуры, славянской и романской филологии (здесь она унаследовала способности своей матери Елены Александровны Ротчевой), всеобщей истории. Друзья Юлии Федоровны высоко ценили ее знания, вкус, бескорыстие, отзывчивость, ее живой характер. В ее окружении всегда было много интересных и талантливых людей: художники – Лев Иванович Лагорио (маринист, о котором уже упоминалось в связи с характеристикой Ф.Ф. Львова), семья академика живописи П.П. Чистякова и его многочисленные ученики – Бруни, Совинский; семья Клеверов, А.П. Остроумова-Лебедева, Е.С. Кругликова; юрист А.Ф. Кони (с отцом Кони – Федором Алексеевичем, историком и драматургом-водевилистом был дружен еще дед Юлии Федоровны А.Г. Ротчев); поэты – М.А. Волошин, Ю.Н. Верховский, М.А. Кузмин, В. Пяст, писательница О.Д. Форш; музыковеды – Андрей Николаевич Римский-Корсаков, Вячеслав Гаврилович Каратыгин, Евгений Максимович Браудо; композиторы – М.Ф. Гнесин, Феодосий Антонович Рубцов, Василий Павлович Калафати, Максимилиан Осеевич Штейнберг, Христофор Степанович Кушнарев; фольклористы – Ольга Эрастовна Озаровская, Евгений Владимирович Гиппиус; ряд драматических актеров – Мария Николаевна Ведринская, Павел Павлович Гайдебуров, Надежда Ивановна Комаровская, Тамара Андреевна Глебова; певица Кира Александровна Мясоедова-Еларская, которая часто была первой исполнительницей произведений Юлии Федоровны; певцы – Евгения Ивановна Збруева, Иван Васильевич Ершов и его жена Софья Владимировна Акимова с многочисленными учениками, П.З. Андреев, Н.Н. Кедров и многие другие.

На развитие художественных вкусов, искусствоведческих и этнографических интересов Юлии Федоровны оказали влияние еще и окружение ее отца, и дружественное покровительство, которое после его возвращения из ссылки оказал семье Львовых Петр Аркадьевич Кочубей, ставший в 1870 г. председателем Русского Технического общества. И Львов, и Кочубей, оба увлекались, каждый в меру своих финансовых

Ил. 14. Юлия Федоровна Львова.
Фото. 1947 г., Ленинград

Ил. 15. Ольга Александровна Ваксель .
Фото 1916-го года, Петроград.
(По мнению А. А. Ахматовой – наиболее адекватное изображение О. А. Ваксель)

возможностей, собиранием предметов старинного русского декоративного убранства, в том числе мебели из карельской березы. Когда Федора Николаевича разбил паралич, он пролежал в параличе около двух лет, Кочубеи взяли Юлию Федоровну к себе - ей тогда было околодесяти лет, следили за ее занятиями, оплачивали учителей, летом брали с собой в их имение около Полтавы, и Юлия Федоровна до конца своих дней сохранила в памяти куртины украинского народного быта и любовь к народным песням. В петербургском особняке Кочубеев было несколько помещений, в которых были собраны старинные изделия народов востока, в том числе китайские и японские; в коллекции французского фарфора имелись, например, вещи, принадлежавшие королеве Марии-Антуанетте. В доме Кочубеев, по рассказам Юлии Федоровны, за дверью, инкрустированной в стиле Boulle, находилась комната, в которой проходили собрания масонской ложи, Кочубей и Львов были ее членами.

Юлия Федоровна оставила тонкое и разнообразное музыкальное наследие – оригинальные вокальные и инструментальные произведения и много изящных обработок фольклорных материалов – русских, украинских, испанских, шотландских, турецких, индийских (интерес к культуре Индии она унаследовала от своего деда А.Г. Ротчева). Она вела большую общественную работу – в дореволюционные годы, например, в попечительстве тюрем; в 1930-е – культ шефскую – выступления в частях Красной армии, в средних школах; при Ленинградском отделении Союза Компо-

зиторов организовала Секцию научных сотрудников, где читались лекции по теории и истории музыки. За большую творческую, культурно-шефскую и общественную работу Ю.Ф. Львова была удостоена правительственных наград (ил. 14).

Дочь Юлии Федоровны ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА ВАКСЕЛЬ (1903 – 1932) играла на рояле и на скрипке, прекрасно рисовала, была очень начитана, пробовала себя в пластике, в кино, оставила живо написанные воспоминания и значительное поэтическое наследие (ил. 15).

Анна Андреевна Ахматова, знавшая Ольгу Ваксель, незадолго до своей смерти ознакомилась с некоторыми ее стихами и сказала, что эта поэзия талантлива, должна увидеть свет и, несомненно, найдет своего читателя. Многие современные поэты и литераторы высоко оценили стихи Ольги Александровны. Но при жизни она своих стихов не издавала. Лишь к концу 1980-х годов отдельные ее стихотворения стали появляться на страницах журналов вместе с небольшими отрывками из ее воспоминаний. В 2001 г. в журнале «Звезда» (№ 10) была напечатана повесть А.С. Ласкина «Ангел, летящий на велосипеде», а в следующем, 2002 году, под этим же названием вышла книга (издательство «Стройиздат»), 214 страниц, с иллюстрациями и подборкой стихов. Так с опозданием в 70 лет началась известность Ольги Ваксель как поэтессы Серебряного века.

Ольга Александровна рано ушла из жизни (в 29 лет) и не смогла реализовать свои богатые способности в трудное послереволюционное время. Она восприняла лучшие черты семейных традиций Львовых, впитала многое из того, что давало творческое окружение Юлии Федоровны, но отличалась от матери замкнутостью характера, была впечатлительна и ранима. Себя она считала поэтессой акмеистического направления, отмечала, что на ее поэтическое творчество наибольшее влияние оказал Н.С. Гумилев, в группе которого она в 1920–21 гг. некоторое время занималась в Институте Живого Слова, и который приходился ей родственником, – бабушка Гумилева – Анна Ивановна – происходила тоже из семьи Львовых, правда, степень родства установить, пока, не удалось. Очень скоро возможность творческого общения, а тем более создание кружка поэтов-единомышленников, исчезла.

Стихи Ольги Ваксель были навеяны ранней влюбленностью в Арсения Федоровича Смольевского (1884 – 1967), преподавателя математики в частной гимназии Левицкой в Царском Селе. В мае 1921 г. 18-ти лет она вышла за него замуж. Ее стихи этого периода светлые, полные радостных надежд и ожиданий:

Какие чудеса пылали на земле.
Какие радости возможны в мире этом!
Их познавать и воспевать поэтам
Господь, дающий зрение, велел.

И никогда цветами новых песен
И новых радостей не переполню сердца;
За веру малую прощаю Иноверца.
Мне каждый день по-новому чудесен.

Семейная жизнь принесла ей много разочарований, и через четыре месяца после рождения сына Арсения (23 ноября 1923 г.) Ольга Александровна с мужем развелась. В его лице она обрела жестокого и мстительного врага, который всячески преследовал ее и не давал ей найти свое место в жизни.

Талантливость, артистичность, редкая внешняя красота (ил. 16) привлекали к ней многих художников, поэтов, артистов, но ее социальное происхождение было препятствием для получения высшего образования и даже для поступления на работу.

Ил. 16. Ольга Александровна Ваксель.
С портрета В.А. Баруздиной, начало 1920-х гг., б., пастель.

Известна ее дружба с поэтом О.Э. Мандельштамом и его женой Надеждой Яковлевной. Их встречи состоялись в доме Максимилиана Волошина в Коктебеле в 1916 и 1917 гг., где Ольга Александровна с матерью Юлией Федоровной неоднократно отдыхали в летние месяцы. Мандельштам посвятил Ольге Ваксель четыре замечательных стихотворения, но при этом он не знал, что Ольга тоже пишет стихи: «Я буду метаться по табору улицы темной», «Жизнь упала как зарница...», «На мертвых ресницах Исакий замерз...» и «Возможна ли женщине мертвой хвала?..», из которых особенно последнее, которое было написано после ее смерти, вызывает восхищение знатоков русской поэзии:

Возможна ли женщине мертвой хвала?
Она в отчужденье и в силе, –
Ее чужелюбная власть привела
К насильственной жаркой могиле.

И твердые ласточки круглых бровей
Из гроба ко мне прилетели
Сказать, что они отлежались в своей
Холодной стокгольмской постели.

И прадеда скрипкой гордился твой род,
От шейки ее хорошея,
И ты раскрывала свой аленький рот,
Смеясь, итальянясь, русея...

Я тяжкую память твою берегу,
Дичок, медвежонок, Миньона,
Но мельниц колеса зимуют в снегу,
И стынет рожок почтальона.
(3 – 4 апреля 1935)

В 1931 г. Ольга Александровна вторично вышла замуж за моряка Совторгфлота Льва Александровича Ржевского, но и этот брак тоже не был продолжительным.

А в 1932 г. она вышла замуж в третий раз за норвежского дипломата Христиана Иргенс-Вистендаля (1903 – 1934), который в 1931–32 годах занимал пост вице-консула Норвежского консульства в Ленинграде. После женитьбы он увез ее от преследований Арсения Федоровича в Норвегию. Ее сын был оставлен на попечение бабушки – Юлии Федоровны.

Ольга Александровна прожила в семье Вистендалей около трех недель и, неожиданно для всех, застрелилась, а Христиан умер от сердечной болезни летом 1934 г. Юлия Федоровна взяла со всех своих друзей клятву, что об истинной причине смерти матери они никогда не скажут ее внуку, и сама унесла с собой в могилу эту тайну.

Стихи этого периода жизни Ольги Александровны отражают состояние ее души:

Я разучилась радоваться вам,
Поля огромные, синеющие дали.
Прислушиваясь к чуждым мне словам,
Переполняюсь горестной печали.

Уже слепая к вечной красоте,
Я проклинаю выжженное небо,
Терзающее маленьких детей,
Просящих жалобно на корку хлеба.

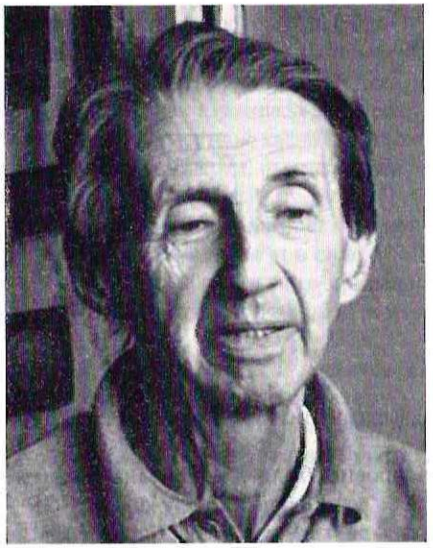
И этот мир – мне страшная тюрьма,
За то, что я, испепеленным сердцем,
Когда и как, не ведая сама,
Пошла за ненавистным Иноверцем.

«Иноверцем» Ольга Александровна называла Арсения Федоровича Смольевского – своего первого героя и первого мужа.

Обстоятельства смерти Ольги Александровны были для ее сына покрыты тайной вплоть до осени 1964 г., когда ему удалось через общество дружбы «СССР – Норвегия» разыскать сестру Христиана Вистендаля, госпожу Агату Стрэм (Agathe Stroem), от которой он узнал все подробности этой трагедии.

Летом 1965 г. госпожа Агата привезла в Ленинград и передала матери и сыну Ольги Александровны ее воспоминания, продиктованные Христиану, ее последние

Ил. 17. Юлия Федоровна. С портрета В.М. Баруздиной начало 1920-х гг., м., холст



Ил. 18. Арсений Арсеньевич Смольевский. Июнь 2003 г. Фото Б.П. Коваленко

стихи и рисунки. А летом 1967 г. сын Ольги Александровны с супругой побывали в Осло, где встретились с друзьями семьи Вистендалей, сохранившими самые теплые воспоминания о ней с 1932 г.[3]

Ольга Александровна не могла много заниматься воспитанием сына, и постоянно оставляла его на попечение бабушки Юлии Федоровны Львовой (ил. 17). Знание истории рода и семейных традиций Юлия Федоровна передала и своему внуку АРСЕНИЮ АРСЕНЬЕВИЧУ СМОЛЬЕВСКОМУ (ил. 18), автору данной публикации.

После смерти матери заниматься моим воспитанием полностью выпало на долю бабушки. Она постаралась привить мне интерес к разностороннему чтению, к изучению иностранных языков, любовь к стройной архитектуре и убранству жилища эпохи раннего русского классицизма, интерес к собиранию песенного фольклора разных народов мира и своим примером – к музыкальной обработке его, к изучению музыкальных форм, истории мировой культуры и искусства. Сама она непрерывно трудилась, буквально до последнего дня жизни (22.04.1950).

От нее я постоянно слышал рассказы о многих родственниках - потомках композитора Алексея Федоровича Львова, о его современниках, о судьбах декабристов и петрашевцев. Она много рассказывала мне о многочисленных своих родных и друзьях, помогла составить небольшую, но разветвленную генеалогическую схему, к которой впоследствии можно было сделать ряд добавлений и уточнений.

Кроме того, при мне протекала значительная часть ее творческого процесса – сочинение музыки, обработка народных мелодий, работа с исполнителями и т. д.

Ил. 19. Юлия Федоровна Львова. СПб., фото 1916 г.(Мансарда рядом с «башней Вяч. Иванова», Таврическая ул., д. 35, уг. Тверской, д. 1.)

Мне повезло в том смысле, что меня могли учить и рисованию, и музыке, и языкам дома, причем бесплатно; многому меня научили бабушкины друзья и исполнители.

Еще в детском садике, в который меня водили, были прекрасно организованы занятия рисованием, пением и ритмикой, а в школе, где я учился, – курсы МУЗО и ИЗО; после уроков я еще ходил в кружок рисования, где была та же преподавательница; она хвалила мои рисунки, говорила, что они исполнены «не просто хорошо, а художественно». Интересно отметить, что в нашем доме (на углу Таврической и Тверской – Таврическая ул., д. 35) была художественная школа Шабловского, но там у меня занятия не пошли, причем хуже всего обстояло дело с лепкой.

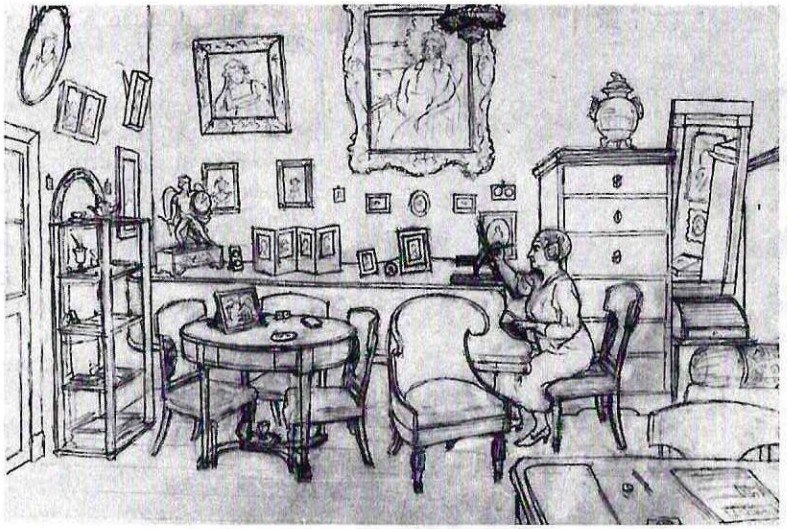
Дома у нас было множество художественных репродукций, подборки фотографий со знаменитых картин европейских художников, огромный альбом контурных гравюр Микеланджело, Даниэля Вольтерра, Баччо Бандинелли, Доменикино и др. Я с увлечением много раз их рассматривал с комментариями бабушки или В.Н. Баруздиной. Кроме того, мне разрешалось рыться на полке с монографиями известных художников в доме Каратыгиных (ил. 19).

Какие-то темы рисунков мне задавала бабушка. Часто я рисовал по ее просьбе собак, иногда она просила меня воспроизвести портрет Р. Тагора или какого-нибудь французского поэта, и я старался исполнить это как можно тщательнее.

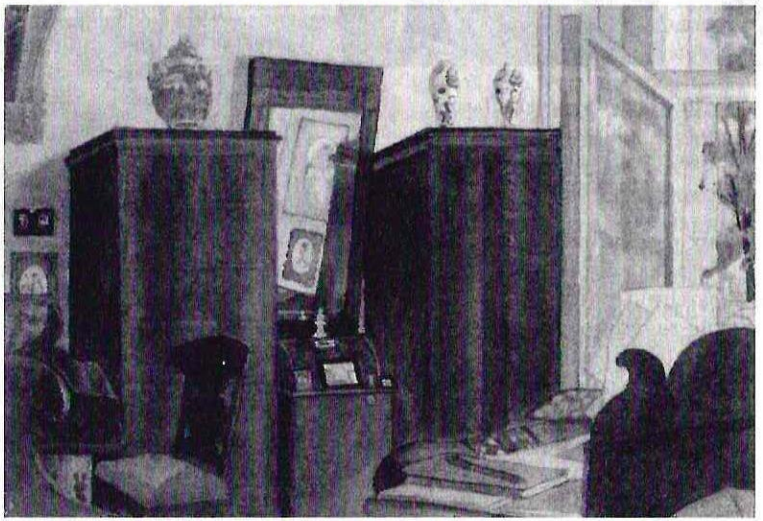
Когда я был совсем маленьким, бабушка показала мне китайские вазы, которые подчас использовались в качестве ламп. Дедушка А.А. Ваксель воспроизвел роспись этих ваз на кальке и сделал для бабушки абажур. Я много раз пытался сделать то же самое, но не слишком удачно.

Мне очень нравилось фиксировать интерьеры нашей квартиры (ил. 20, 21), а бабушка любила часто переставлять мебель и различные предметы, которые были в значительной мере старинные (ил. 22, 23, 24).

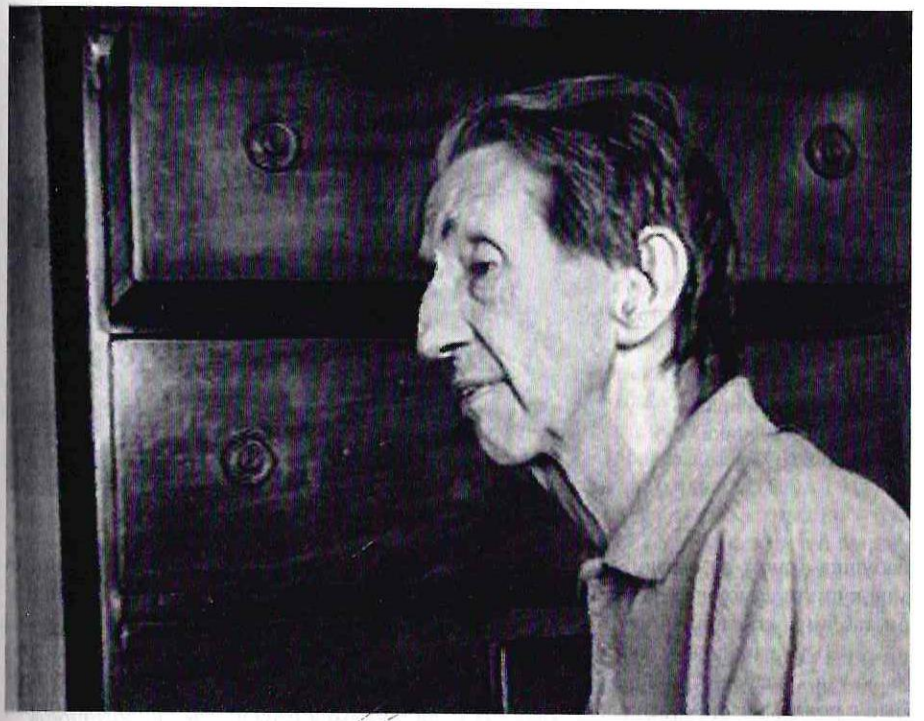
Музыка меня увлекла с раннего детства. Я любил подолгу смотреть, как



Ил. 20. Юлия Федоровна Львова – композитор-пианистка за сочинением музыки в своем рабочем кабинете. Ленинград, Таврическая ул., д. 35, кв. 42, ок. 1940 г. Рис. А.А. Смольевского по памяти (ок. 1980 г.)

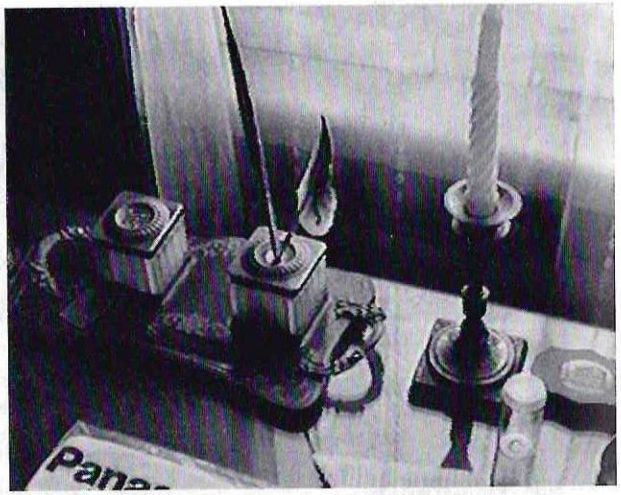


Ил. 21. Комната Юлии Федоровны Львовой, композитора-пианистки, моей бабушки в кв. № 42 по Таврической ул., в д. 35 (бывшая лавка М. Колобова). Вид накануне начала Великой Отечественной войны. Рис. А.А. Смольевского



Ил. 22. А.А. Смольевский рядом с комодами, изображенными на рисунках. Июнь 2003 г. Фото Б.П. Коваленко.

Ил. 23. Письменный стол Арсения Арсеньевича со старинными предметами письменного прибора: стакан для карандашей, пресс в виде собаки, подсвечник и пр. Фото Б.П. Коваленко. Июнь 2003 г.



Ил. 24. Старинный письменный прибор и подсвечники. Фото Б.П. Коваленко. 2003 г.

бабушка ставит на нотной бумаге аккуратненькие «черные кляксы», а потом, когда мне купили самоучитель игры на фортепьяно, много времени проводил за изучением таблицы соотношения нот и клавиш.

В музыкальных занятиях я был очень ленив, а во время блокады Ленинграда, когда, ослабев от голода, я лежал в стационаре и госпиталях, на долго разлученный с роялем, свои музыкальные занятия я сконцентрировал на изучении гармонии, контрапункта и сборников народных песен. Результаты голодания и замерзания в блокадном городе сказались таким образом, что я, практически, утратил способность заучивать новые виртуозные пьесы и исполнять упражнения для беглости пальцев. После войны, к сожалению, это восстановилось лишь частично.

С того времени, когда я начал сочинять музыку, я сочетал это занятие с изучением музыкального фольклора разных народов мира. Еще в старших классах средней школы я совмещал учебу с изучением музыкальной теории, гармонии и контрапункта в Семинаре при ленинградском отделении Союза композиторов, пробовал свои силы в области записи и обработки музыкального фольклора народов СССР. И впоследствии, мне от записи народных песен было не трудно перейти к изучению речевой интонации и того, что называется «актуальным членением предложения», к занятиям экспериментальной фонетикой и психологией речи.

Огромное влияние на меня в этом, безусловно, оказало творчество бабушки. Но у меня было и то, чего у нее не было – часто я пытался сочинять музыку в духе европейской старины. И потом, в более зрелые годы, я делал это, используя полифонические приемы композиторов эпохи барокко. Я обработал народный китайский танец, написал фугу на финскую тему, пьесы с обработкой индийских и африканских, чешских и словацких мелодий, украинских песен и т. д. Многие пьесы написаны в импрессионистической манере, но с использованием национальных мотивов.

Бабушка сочинила несколько великолепных вокальных вещей на тексты Максимилиана Волошина, с которым была дружна, и который подарил ей несколько десятков своих акварелей. По примеру бабушки я тоже написал несколько романсов на стихи Макса, но у меня не все получалось, как у нее.

Позже меня увлек процесс сочинения музыки на тему произведений живописи. Так возник цикл фортепьянных пьес на темы картин Борисова-Мусатова и Рериха, и как всегда, основной мотив составляли национальные сюжеты, например, к картине «Огни на Ганге» музыка создана на основе соответствующей ночной индийской раги.

В начале Великой Отечественной войны я учился на немецком факультете первого ленинградского Педагогического института иностранных языков – до эвакуации института в марте 1942 года; в апреле того же года был принят в группу композиторов-стажеров. С осени 1941 года у меня начало развиваться сильное истощение, поэтому в августе 1942 года меня и мою бабушку Юлию Федоровну поместили в госпиталь-стационар для лечения от дистрофии, затем из госпиталя нас перевели в больницу хроников, откуда в середине февраля 1943 года эвакуировали в Молотовскую область (ныне Пермская). Там я продолжал заниматься сочинением музыки, собиранием местного песенного фольклора – от местных носителей, от людей, которые были эвакуированы, и, частично, от представителей народов, переселенных в ходе репрессивной политики советских органов той поры.

По возвращении в Ленинград, летом 1945 года я поступил в тот же первый Пединститут иностранных языков, но на факультет французского языка, который закончил в 1949 году. Преподаванием языка занимался не долго, сдал в ленинградском государственном Университете кандидатский минимум по специальности «фонетика французского языка». Кандидатскую диссертацию готовил при лаборатории «Экспериментальной фонетики и психологии речи» первого московского Пединститута иностранных языков имени М. Тореза; защитил ее в июне 1962 года. Тема диссертации: «Интонация повествовательной фразы во французском языке, сравнительно с русским».

Со временем, круг исследуемых языков расширился за счет изучения лингафонных записей текстов на диалектах ретороманского языка Швейцарии, Северной Италии и др. Во время подготовки диссертации работал в качестве корректора в Ленинградском отделении издательства «Наука», после чего перешел на работу в отдел комплектования иностранной литературы библиотеки Академии наук СССР; публиковал статьи по библиотековедению и библиографии, продолжая заниматься сочинением музыки в творческом Семинаре при Доме Композиторов. Значительный опыт в области записи музыкального фольклора на слух и расшифровка фонограмм позволил мне с большой точностью фиксировать речевую интонацию также с помощью нотных знаков.

И все это время меня окружали друзья и знакомые моей бабушки. Благодаря этому мне посчастливилось встретиться со многими интереснейшими людьми – с художницами Варварой Матвеевной Баруздиной, племянницей академика живописи Академии Художеств Павла Петровича Чистякова, и с Ольгой Никандровной Каратыгиной, рожд. Верховской, и ее братом поэтом-переводчиком Юрием Никан-

дровичем Верховским; с художниками-реставраторами Анатолием Владимировичем Трескиным и его женой Верой Максимовной Дедюченко; с художницей Верой Владимировной Милютиной и ее мужем музыковедом Александром Семеновичем Розановым; с музыковедами Любовью Михайловной Золотницкой и Иосифом Генриховичем Райскиным, балетоведом Натальей Лазаревной Дунаевой, фольклористами Виктором Аркадьевичем Лапиным и его супругой Еленой Евгеньевной Васильевой; с композиторами Михаилом Фабиановичем Гнесиным и Владимиром Михайловичем Дешевовым; быть учеником композиторов Василия Павловича Калафати, Венедикта Венедиктовича Пушкова, Иоганна Григорьевича Адмони, Иосифа Яковлевича Пустыльника, композитора-фольклориста Феодосия Антоновича Рубцова и пианистки Сарры Семеновны Полоцкой, которая давала мне бесплатные уроки игры на рояле; встречаться с актрисой Александринского театра Тамарой Андреевной Глебовой и певицей, профессором Консерватории Софьей Владимировной Акимовой; а также со многими другими выше перечисленными бабушкиными друзьями.

В области экспериментальной фонетики и психологии речи мне повезло иметь в качестве руководителей, а затем и единомышленников, профессоров Владимира Алексеевича Артемова, Киру Кириаковну Барышникову, Ольгу Александровну Норк, Сергея Мироновича Гайдучика; в области языкознания и германо-романской филологии – профессоров Владимира Григорьевича Адмони и Мелитину Александровну Бородину.

До конца жизни я сохраню благодарную память о литературоведах, историках русской литературы Викторе Андрониковиче Мануйлове и Нине Ивановне Грановской, Вячеславе Лаврентьевиче Наговицине, с которым творческую и идейную связь я поддерживаю до сих пор; о писательнице Ольге Дмитриевне Форш, о профессоре-психологе Владимире Илларионовиче Кауфмане...

Очень интересными были встречи и беседы с историком Верой Романовной Лейкиной-Свирской – исследовательницей дела петрашевцев (а с ними, как уже было сказано, был связан мой прадед Федор Николаевич Львов) и становлением русской интеллигенции; с доктором исторических наук Рафаилом Шоломовичем Ганелиным и его отцом Шоломом Израилевичем – историком педагогики, с которым много лет сотрудничала моя жена НАТАЛЬЯ СТЕФАНОВНА ЗЕНЧЕНКО (1903 – 2002); с такими крупными учеными, занимавшимися историей школы и педагогики, как Евгения Иосифовна Зейлигер-Рубинштейн, Мария Федоровна Шабаева, Вера Александровна Ротенберг с их аспирантами. Таким образом, мне удалось прикоснуться к обширному пласту развития отечественных гуманитарных наук, культуры и искусства.

И сейчас мне дарят свою дружбу и делятся со мной своей эрудицией, своими идеями профессора в области филологии, педагогики, культуры Ирина Аполлоновна Колесникова, Нелли Владимировна Седова – настоящие генераторы идей современного культурного прогресса.

Как уже отмечалось, моя бабушка была близка с семьей Максимилиана Волошина и дважды ездила к ним в Крым в Коктебель (ил. 25, 26), и возила туда свою дочь Ольгу.

Ил. 25. Максимилиан Александрович Волошин и Юлия Федоровна Львова. Коктебель, фото, лето 1916 г., на вышке дома поэта.

Ил. 26. «Макс, я больше не могу!» (М.А. Волошин всю ночь напролет читал Ю.Ф. Львовой стихи поэтов-символистов, кто-то из друзей утром сфотографировал их). Коктебель, лето 1916 г.

Начиная с августа 1960 года, мы с женой, Натальей Стефановной, (ил. 27, 28) ежегодно, вплоть до 1976 года, тоже приезжали в Коктебель, где 17 августа традиционно отмечался день именин Макса.

Там собирались друзья семьи – поэты, художники, композиторы. Многие из них стали и нашими друзьями. Я принимал участие в капустниках, которые устраивались в честь торжества, и Мария Степановна, вдова поэта, неизменно оставляла нас ночевать.

В настоящее время в Петербурге я – единственный представитель ветви рода Львовых, берущей начало от ФЕДОРА ПЕТРОВИЧА ЛЬВОВА,[4] которая тесно переплетается с другой ветвью – идущей по линии НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ЛЬВОВА.

Задумываясь над историей этих двух ветвей, невольно обращаешь внимание на непрерывно передававшуюся из поколения в поколение многообразную одаренность в области искусства, музыки, поэзии, на яркие творческие способности и широкие культурные интересы, стремление поставить свою деятельность на пользу народу и Отечеству.

Отдельные представители рода Львовых уже привлекали внимание исследователей. При этом изучалась обычно лишь какая-то одна сторона их деятельности, а о некоторых представителях в литературе можно найти лишь краткие упоминания; серьезной же попытки обобщить все сведения, касающиеся окруже-

ния, передачи интересов по наследству, отражающие культурную жизнь рода на протяжении более чем два столетия, не было.

За эти два столетия творческая деятельность потомков рода Львовых развивалась от увлечения, от любительства к серьезному профессионализму, что в области музыки отчетливо видно на примере Алексея Федоровича и Юлии Федоровны Львовых.

Прослеживая в первом приближении стойкую преемственность интересов и творческих способностей от поколения к поколению, невольно ищешь причины их. Это, во-первых, конечно, природная одаренность, задатки, передававшиеся по наследству; соответствующее окружение в семье – музыкальная, литературная, художественная, артистическая атмосфера; заботливое семейное воспитание, пример взрослых, которым дети всегда желали подражать.

Ил. 27. Арсений Арсеньевич Смольевский с женой Натальей Стефановной. Фото конца 1950-х гг.

Ил. Портрет Натальи Стефановны Смольевской, б., акварель. Конец 1950-х гг.

Особое значение имели естественно складывавшиеся кружки, объединявшие единомышленников. Они создавали атмосферу, благодатную для развития широких культурных интересов, давали возможность совершенствоваться, приблизиться к вполне профессиональному уровню. Контакты со специалистами в разных областях искусства, литературы, науки давали возможность расширить рамки своего творчества, синтезировать в нем на высшем уровне многие знания, относящиеся к разным областям.

Представители рода Львовых, о которых шел разговор в данном сообщении, тянулись к интересным творческим личностям, а те, в свою очередь, тянулись к ним. Многие Львовы были далеко не рядовыми участниками творческих кружков, а «центром притяжения». Деятельность этих людей была одушевлена высоким патриотическим чувством, стремлением служить Отечеству, нести людям плоды своего творчества. Глубокая образованность позволяла им проявлять себя в различных областях культурной, общественно-политической жизни, привлекая к себе внимание видных деятелей, признанных лидеров в этих сферах. Вклад, внесенный потомками рода Львовых в

развитие отечественной науки и культуры, еще ждет своего обобщения и оценки.

В отношении истории художественно-творческой деятельности представителей рода Львовых имеется обширный материал, привести который в данном сообщении не было возможности, но который может послужить ценной основой для последующих исследований. Многие важные материалы – письма, вырезки из старых газет и журналов, фотографии, документы, к сожалению, утрачены.

Понадобилось сделать несколько дополнительных генеалогических таблиц, отражающих линии семей, дружественных Львовым и их родственникам. Дружеские связи, соседство по имениям, служебные отношения, участие в творческих кружках, нередко определяли и появление новых семейных отношений, а творческие интересы передавались из поколения в поколение не только по прямому родству, но и по свойству. Конечно, от эпохи к эпохе разносторонность интересов и областей творчества у представителей рода Львовых, по сравнению, например, с Н.А. Львовым, – не возрастает, но по мере развития искусства, литературы, науки, вообще, по мере расширения областей знания, их интересы естественно все больше идут вглубь.

P. S. Материалом для данного сообщения автору послужили рассказы его бабушки Юлии Федоровны Львовой, ее архив, воспоминания его матери Ольги Александровны Ваксель (Ленинград – Осло, 1932 г., рукопись), беседы с А.Н. Глумовым, В.Р. Лейкиной-Свирской, Е.Я. Люстерник и др., а так же, сведения из многочисленных литературных источников.

ЕЛИЗАВЕТА НИКОЛАЕВНА ЛЬВОВА (1788 – 1864).

Личность и роль Елизаветы Николаевны были, как мне кажется, незаслуженно забыты, в значительной мере потому, что до недавнего времени одиозной фигурой считался ее родственник Алексей Федорович Львов, автор царского гимна и друг Бенкендорфа.

Елизавета Николаевна Львова – старшая дочь Николая Александровича Львова, многосторонне одаренного человека, которого друзья и современники называли «русским Леонардо» или «российским Шапелем». Львов был идейным вдохновителем содружества, вошедшего в историю отечественной культуры под названием «Львовско-Державинского кружка» и объединявшего с конца 1770-х годов талантливых и творческих людей. Следует отметить, что внутри содружества устанавливались и развивались между многими его членами и родственные связи: Капнисты, Березины, Стенбоки, Львовы, Бакунины, Абаза, Полторацкие, Оленины, Шишковы и т. д. Так, Львов и Капнист были женаты на сестрах Дьяковых – Марии и Александре, а с конца 1794 года с ними породнился и Гариила Романович Державин, который, потеряв свою горячо любимую первую жену – «Плениру» – Екатерину Яковлевну Бастидон, женился на Дарье Алексеевне Дьяковой. Таким образом, Державин приобрел множество племянников в семьях Львовых, Капнистов, Березиных, Стенбоков, Кожевниковых. Не имея собственных детей ни в первом, ни во втором браке, он впос-

ледствии воспитывал многих племянников, они жили в его доме, а для детей Н.А. Львова после его смерти Державин стал официальным опекуном.

Приобретенный еще Екатериной Яковлевной Державиной дом на Фонтанке, перестраивался и благоустраивался по проекту Н.А. Львова. Николай Александрович и его жена Марья Алексеевна принимали самое активное участие в отделке дома, в создании убранства его интерьеров. Их усилия коснулись и имения Званка в Новгородской губернии, которое Державин получил в качестве приданного, женившись на Дарье Алексеевне.

В конце 1803 г. умер Николай Александрович, а в 1807 г. скончалась и Марья Алексеевна. Естественно, что Державины сделали все для того, чтобы устроить судьбы сыновей Львова Леонида и Александра, и взяли к себе на воспитание трех их дочерей – Елизавету, Веру и Прасковью.

Еще раньше (в 1802 г.) пятнадцатилетней Елизавете Державин посвятил стихотворение «Лизе», а позднее (в 1809 г.) Державин, оглядываясь на пережитое и подводя какие-то итоги своего творческого пути, привлек ее к участию в своем большом труде, раскрывавшем по сути дела его творческую лабораторию. Он начал диктовать Елизавете Николаевне, а ей уже шел двадцать первый год, «Объяснения на сочинения Державина...».

Литературная деятельность Державина, как и государственная, была связана с огромной перепиской, составлением деловых бумаг, посланий и т. д. Для официальной корреспонденции у Гаврилы Романовича был секретарь-письмоводитель, а записи литературного характера стала вести Елизавета Николаевна, которая, естественно, старалась быть полезной в доме Державина.

Она записывала под диктовку поэта подробные комментарии о существе и истории создания почти каждого его стихотворения. Елизавета Николаевна была хорошо подготовлена к такому сотрудничеству: она была начитана, получила, как и все дети Н.А. Львова, прекрасное домашнее воспитание и образование: все дети Львова хорошо рисовали (в качестве учителя рисования для них был приглашен выпускник Академии Художеств Иван Иванов, который впоследствии стал ближайшим помощником Львова), играли на различных музыкальных инструментах и пели, (известно, что Львов просил композитора Фомина написать специально для пятиголосия его детей «небольшую оперку»). На глазах Елизаветы Николаевны проходили частые собрания литераторов в доме Державина, которые впоследствии стали публичными и получили название «Беседы любителей русского слова», что, конечно, не могло не отразиться на ее художественном развитии.

«Объяснения...» – ценнейший материал для литературоведов и историков, документ, зафиксированный рукой Елизаветы Николаевны, в котором слышна живая русская речь той поры, но автор говорит о себе в третьем лице. В «Объяснениях...» содержится множество сведений, как о самом Державине, так и о его современниках, в частности, об отце Елизаветы, друге Державина, Николае Александровиче Львове.

«Объяснения...» составили целый том, разделенный на четыре части. В значимости этого труда Елизавета Николаевна отдавала себе ясный отчет, и мысль о необходимости его напечатания не покидала ее и среди семейных забот в последующие годы.

Но выход книги в свет состоялся только спустя четверть века благодаря усилиям мужа Елизаветы Николаевны, Федора Петровича Львова, который тоже понимал значимость материала и взял на себя труд по изданию «Объяснений...». Он систематизировал записи, сделанные Елизаветой Николаевной, снабдил их предисловием, дополнил несколькими примечаниями и издал в типографии Александра Смирдина в 1834 году.

Муж Елизаветы Николаевны – Федор Петрович Львов, был младшим современником Державина, участником Львовско-Державинского кружка, слыл знатоком русского народного пения, был неплохим музыкантом-любителем, собрал прекрасную коллекцию смычковых инструментов знаменитых итальянских мастеров, участвовал с сыновьями и родственниками в домашнем музыцировании, был первым биографом Николая Александровича Львова, хранил архив Львовско-Державинского кружка, писал стихи.

Федор Петрович был двоюродным братом Николая Александровича Львова, отца Елизаветы Николаевны, а ей, соответственно, приходился двоюродным дядей. В 1810 г., двадцати двух лет, Елизавета Николаевна вышла за него замуж, самоотверженно взяв на себя заботу о его десятерых детях от первого брака, из которых самый маленький был еще младенцем грудного возраста. Мать этих детей, первая жена Ф.П. Львова, Надежда Ильинична Березина, умершая в 1808 г., приходилась Елизавете Николаевне двоюродной сестрой (по линии матери). Родные Елизаветы Николаевны, ее опекун Г.Р. Державин, были против этого брака, поэтому венчание было тайным. Сама она, впоследствии, стала матерью еще шестерых детей – три сына и три дочери, и бабушкой сорока трех внуков. Воспитание детей в такой многодетной семье требовало самоотверженности, терпения, выдержки, многих усилий и забот, а порой и решения материальных трудностей.

За годы военной службы в Преображенском полку, а затем и государственной службы Федор Петрович накопил большой опыт административной и канцелярской работы в таможнях, в канцелярии Государственного Совета, в Министерстве Коммерции. Несколько лет, правда (с 1816 по 1824 г.), он находился «за штатом», не служил, так что семья испытывала значительные материальные трудности. Тогда Елизавета Николаевна решилась обратиться с письмом к императору Александру I и просить для Федора Петровича должности. Он получил место помощника секретаря в Государственном Совете. Царское благоволение обязывало семью Львова быть весьма лояльными и осторожными и подавлять «души прекрасные порывы». И потому, причастные к декабристским обществам Илья и Василий Львовы (дети Федора Петровича от первого брака), и муж их сестры Дарьи – Алексей Васильевич Семенов, друг А.С. Пушкина и декабриста Евгения Оболенского, – к восстанию 14 декабря не примкнули, вняв уговорам старших. Все трое отделались месячной отсидкой на гауптвахте и были отпущены «с аттестатом».

Свидетельством осторожного поведения семьи является и известный эпизод с Пушкиным: бумаги Державина, касавшиеся пугачевского восстания, интересовали поэта, который в 1833 г. работал над «Историей Пугачева»; он обратился к Леониду Николаевичу Львову (старшему брату Елизаветы Николаевны) с просьбой предоставить ему возможность ознакомиться с этими материалами, но получил

вежливый отказ, т. к. Львовы не сочли возможным передавать их в руки посторонних людей.

Менялись времена и обстоятельства, начинались доносы, розыски и репрессии; время либеральных свобод в России закончилось. Бывший либеральный сторонник идей и просвещения Сперанский, с которым Федор Петрович был хорошо знаком по прежней службе в Сенате, превратился в осторожного сановника, а Николай I, точно мстя ему за прошлое, за былые планы в области государственного устройства просвещения, ввел его в следственную комиссию по делу декабристов.

Следует заметить также, что дядюшка будущей жены Алексея Федоровича Львова, – Прасковьи Федоровны Абаза – полковник Николай Логгинович Манзей командовал войсками, посланными на подавление крестьянских волнений в Санкт-Петербургской губернии после событий 14 декабря 1825 года; впоследствии он стал известен, как историк движения декабристов.

Федор Петрович Львов в 1826 г. после смерти Бортнянского был назначен директором Придворной певческой капеллы и занимал этот пост до конца жизни – до 1836 г., а затем до 1861 года пост принадлежал его сыну от первого брака Алексею Федоровичу Львову (1798 – 1870), который все определеннее становился самым известным членом семьи.

Алексей Федорович – начальник царского конвоя, участник домашних концертов у Николая I, друг Бенкендорфа, выдающийся скрипач, композитор, автор музыки нового российского гимна, военных маршей, сигналов, автор большого количества духовных хоровых мелодий, нескольких романтических опер... (духовную музыку А.Ф. Львова вновь стали исполнять в наше время). Благосклонное отношение императора к Алексею Федоровичу коснулось и Елизаветы Николаевны. Оно выразилось в поднесении ей, уже овдовевшей в конце 1836 г., дорогого бриллиантового фермуара по случаю крестин первенца Алексея Федоровича и его супруги – Федора Алексеевича, который впоследствии, женившись на талантливой балерине Канцыревой, бывшей по происхождению крепостной, стал изгоем в семье (об этом см. выше). Это, правда, произошло уже после смерти Елизаветы Николаевны. Но именно в его семье сохранилась память о родителях - их парные портреты, а также портрет их свата Аггея Васильевича Абаза. Затем портреты перешли к его сыну Алексею Федоровичу-младшему – второму мужу моей бабушки Юлии Федоровны. Все три портрета были переданы мною в Эрмитаж, где они сейчас и находятся. Елизавета Николаевна изображена на портрете уже пожилой женщиной - в чепце и меховой накидке. Кто был автором портретов, мне выяснить не удалось. (Кроме того, в 1950 г. мне довелось увидеть небольшой портрет Елизаветы Николаевны в молодости, принадлежавший ее потомку Ивану Николаевичу Калашникову, сотруднику ленинградского отделения Бюро охраны авторских прав. Судьба этого портрета мне неизвестна.)

В 1850-е годы Елизавета Николаевна написала свои воспоминания под названием: «Рассказы, заметки и анекдоты из записок Е.Н. Львовой», которые были опубликованы в журнале «Русская старина» уже после ее смерти в 1880-е годы.

Эти записки, как мне кажется, можно отнести к разряду «Tabl tolks», вроде тех разговоров, которые Пушкин записывал у Натальи Кирилловны Загряжской.

Записки, в которых Елизавета Николаевна рассказывает о многом, что ей было известно с детства – о предках и их друзьях, истории семьи, содержат интересные свидетельства из жизни многих видных людей России того времени, в том числе и ее отца Николая Александровича Львова. Это – интересное беллетристическое произведение, – ряд мемуарно-исторических рассказов, скорее даже заметок в жанре анекдота о Петре I, Екатерине II, Павле I и Николае I, А.В. Суворове, Н.П. Румянцеве, М.М.Сперанском, О. Монферане, адмирале М.П. Лазареве и некоторых других исторических деятелях. Эти рассказы, созданные на основе дневниковых записей, порой очень субъективны, наполнены верноподданническими, а иногда простосердечными, во многих случаях доходящими до восторженной умиленности, чувствами, и по тону, и по составу несут нескрываемую печать личности мемуаристки. В от их рассказах поражает широкий диапазон исторических персонажей. По-видимому, будущая писательница, общаясь в кругу современников Г.Р. Державина (литераторов, людей искусства), многое впитала от общения с ними, с великим поэтом, со своими родителями, и, будучи от природы одаренной, развивая дар слова, оставила нам эти ценные воспоминания. В «Рассказах» Елизаветы Николаевны описывается немало так называемых «архитектурных» историй о постройках и строительстве («Монферан и гр. Головин», «Каскад в Гатчине», «Приорат в Гатчине» и др.), свидетельствующих о том, что она была достойной дочерью архитектора. Как отмечалось в одном из номеров «Русской старины», где печатались ее «Рассказы», «по своим родственным связям и общественному положению ... она <Елизавета Николаевна> могла многое знать о том, что происходило в высших сферах общества, и рассказы ее вполне интересны».

Мне, например, было любопытно узнать мнение Платона Зубова, что для победы над армией Наполеона Кутузову следует сдать Москву, о чем Зубов говорил Федору Петровичу. Любопытно же было потому, что Платон Зубов числится в числе предков рода Вакселей: дочь композитора Львова Прасковья Алексеевна вышла замуж за Александра Львовича Вакселя и стала владелицей имения Романи под Ковно (там, кстати, и закончил свою жизнь Алексей Федорович Львов), расположенного на землях, когда-то подаренных Зубову Екатериной II.

Одну из глав своих воспоминаний, Елизавета Николаевна озаглавила «Записки мачехи Львова». В этом заголовке на первый план выдвинут Алексей Федорович Львов, которому Елизавета Николаевна приходилась троюродной сестрой и, выйдя замуж за его отца, стала мачехой.

В свою очередь, Алексей Федорович в записках, опубликованных в «Русском архиве», также очень тепло отозвался о Елизавете Николаевне, называя ее «маменькой», «тихим ангелом».

Традиции, воспринятые Елизаветой Николаевной, сохранялись и в деятельности ее детей. Все ее дети были талантливы и внесли свой вклад в развитие русской культуры. Из родных детей Елизаветы Николаевны наиболее известны были: Федор Федорович Львов, талантливый художник-любитель, конференц-секретарь Академии Художеств, директор рисовальной школы в Петербурге и Строгановского училища в Москве, автор мемуаров об Обществе поощрения художников и Академии художеств; Леонид Федорович, директор Московских императорских театров,

оставивший воспоминания о поездках по губерниям России и о посещении сосланных декабристов; Надежда Федоровна, в замужестве Самсонова, Надежа, как ее ласково называли в семье, композитор, автор ряда романсов, певица, ученица Полины Виардо (ее портрет работы модного живописца 1860-х годов И.К. Макарова хранится в ГРМ и воспроизведен в альбоме А. М. Кучумова «Убранство русского жилого интерьера XIX в.» (Л., 1977, однако, ее инициалы там указаны ошибочно – следует не М.Ф., а Н.Ф. Самсонова); Мария Федоровна, в замужестве Ростовская, певица-любительница и детская писательница, издававшая журнал «Семейное чтение» для детей младшего и старшего возраста, на страницах которого печатались ее рассказы о Державине, Дмитриеве, Хемницере, Н.А. Львове, который был ее дедом, и др. Интересно отметить, что в журнале «Семейное чтение» сотрудничала Антонина Дмитриевна Блудова, дочь деятельного члена объединения «Арзамас», которое в свое время противостояло «Беседе любителей русского слова», собиравшейся в доме Державина.

Елизавета Николаевна, чрезвычайно скрытная по своей натуре, не стала хозяйкой салона, не блистала в свете, но была рачительной гостеприимной хозяйкой, прекрасной рассказчицей, всегда была доброжелательной и трудолюбивой. Для нас она вошла в историю с одной стороны, как мать, вырастившая целую плеяду талантливых, интересных людей; как руководительница, мудрая советчица шестнадцати детей, которых она воспитывала на основе унаследованных ею богатых традиций, прививавших детям любовь к истории, искусствам, литературе, память и уважение к предкам, бережное отношение к их наследию, документам и портретам. Она старалась в каждом развивать его способности и таланты, заботилась о расширении их интересов, и в каждом уважала личность. С другой стороны, и это главное, как верная хранительница наследия Державина, как живой, активный свидетель литературной, культурной и светской жизни своего времени.

Елизавета Николаевна Львова прожила долгую жизнь – 76 лет. При ней на Российском престоле сменилось пять поколений монархов (от Екатерины II до Александра II), она была свидетельницей многих перемен в жизни России. В архитектуре отцвел стиль классицизма, горячим поборником и ярким представителем которого был ее отец Николай Александрович Львов. Махровым цветом расцвела эклектика – стилизация, с множеством «неостилей». Классицизм из стиля, отражавшего патриотический подъем после победы в Отечественной войне 1812 года, стал восприниматься, как выражение духа казенщины и деспотизма, как стиль унылый, скучный и однообразный.

В истории русской музыки также началась новая эпоха. Милий Алексеевич Балакирев, выступавший в качестве пианиста-виртуоза в домах Алексея Федоровича Львова и князя В.Ф. Одоевского, стал основателем и идеологом музыкального сообщества «Могучая кучка», почитавшего музыку М.И. Глинки и Даргомыжского, а Алексея Федоровича они объявили «ничтожеством». Это была уже музыка, выражавшая демократические идеи и утверждавшая национальную самобытность, основывавшаяся на изучении песенного народного творчества. Эта национальная по духу музыка во многом перекликалась, например, с творчеством внучатых племянников Елизаветы Николаевны Поленовых и идеями критика В.В. Стасова, сына

архитектора В.П. Стасова, который был младшим современником Н.А. Львова.

Сохранение традиций вольнолюбивого творческого кружка Державина – Львова, духа, в котором Елизавета Николаевна была воспитана – несомненно, ее большая заслуга, хотя осуществлять их в ожесточившихся условиях жизни становилось все труднее, приходилось быть все более осторожным в поступках и в словах.

К концу ее жизни – к 1864 году, вышло в свет академическое, «гротовское» издание полного собрания сочинений Державина, тщательно подготовленное, подробно прокомментированное и богато иллюстрированное, в котором нашло отражение и участие Елизаветы Николаевны в сохранении литературного наследия ее дяди Гавриилы Романовича, которое и Елизавета Николаевна, и Федор Петрович ревностно оберегали.

Незадолго до смерти Елизавета Николаевна собрала всех своих родных – детей, внуков и правнуков. Она скончалась в 1864 году в окружении 143-х потомков, а рассказ о ее горячей молитве перед смертью вошел в семейную историю, как пример выражения истинной христианской веры и смирения. Похоронена Елизавета Николаевна была на Смоленском православном кладбище рядом с могилами своего супруга Федора Петровича Львова и его первой жены Надежды Ильиничны Березиной.

Традиции дома и семьи продолжали братья и сестры Елизаветы Николаевны, и ее племянники, образованные, эрудированные, талантливые, многие из них занимали высокие должности, делали блестящие партии, получали чины и награды, должны были «являться в высшем свете».

Старший брат Елизаветы Николаевны – Леонид Николаевич Львов, неоднократно избирался губернским предводителем Тверского дворянства, был почетным попечителем Тверской гимназии, сохранил для потомков архив Г.Р. Державина, завещанный ему Дарьей Алексеевной. А его сын Леонид Леонидович согласился безвозмездно передать все материалы академику Я.К. Гроту, который занимался изучением, систематизацией и публикацией творческого наследия поэта. Женой Леонида Леонидовича была Юлия Павловна Скрыпицина, фрейлина двора.

Второй брат Елизаветы Николаевны – Александр Николаевич, унаследовавший от отца интерес и большие познания к архитектуре, по рекомендации А.Н. Оленина, друга его отца, и А.П. Брюллова был привлечен к восстановлению покоев Зимнего дворца после пожара 1837 г. Александр Николаевич был широко образованным и эрудированным человеком. Его талант, знания и энергию очень ценили братья Брюлловы – Александр и Карл, написавший портрет А.Н. Львова (находится в ГРМ). Александр Николаевич был женат на Наталье Николаевне Мордвиновой, дочери Николая Семеновича Мордвинова, видного государственного деятеля.

Сестра Вера Николаевна, в замужестве Воейкова, впоследствии стала бабушкой художников Василия Дмитриевича Поленова и его сестры Елены Дмитриевны.

Прасковья Николаевна – младшая сестра, вышла замуж за историка, генеалога, археолога Константина Матвеевича Бороздина. Их сын – Андрей Константинович Бороздин, много времени уделял изучению деятельности членов «Беседы...»

(см., например, его статью о Шишкове в Энциклопедическом Словаре Брокгауза и Эфрона). А их дочь Варвара Константиновна стала фрейлиной великой княжны Ольги Николаевны – дочери Николая I.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА ВАКСЕЛЬ (1903 – 1932)

Дочь Александра Александровича Ваксель и Юлии Федоровны Львовой Ольга Александровна Ваксель родилась 18 марта 1903 г. в городе Паневежис в Литве, скончалась 26 октября 1932 г. в городе Осло в Норвегии.

Прежде всего, она стала известна, как адресат четырех стихотворений Осипа Мандельштама, которые оцениваются поэтами, как замечательные. Два из этих стихотворений написаны при ее жизни, два – после смерти. Между тем Мандельштам не знал, что Ольга – сама поэт. Свои первые стихотворные опыты она начала в десятилетнем возрасте. Два лета – 1916 и 1917 годов, которые она провела с матерью в Коктебеле у друга Юлии Федоровны поэта и художника Максимилиана Волошина, ускорили развитие и формирование ее таланта.

Ольга Александровна унаследовала способности рода Львовых, потомком которого она была, к музыке и рисованию, играла на рояле и на скрипке. После развода родителей (в 1905 г.), когда Юлия Федоровна вышла вторично замуж за двоюродного брата А.А. Вакселя Алексея Федоровича Львова-младшего, воспитание девочки постоянно поручали няням, гувернанткам, а иногда и «подкидывали» в семьи друзей, где были дети, близкие ей по возрасту. По этой причине Ольга рано стала чувствовать свое сиротство, у нее развились Мечтательность, замкнутость характера, склонность к независимости и уединению, а от отца она унаследовала меланхолические черты, вдумчивость, склонность к самоанализу, ранимость, стремление к духовной независимости.

Училась она в закрытых учебных заведениях – в гимназии Левицкой (Царское Село), затем в Екатерининском институте на Фонтанке (ныне в этом здании находится филиал Российской Национальной библиотеки).

Развитие поэтического дара Ольги способствовала и ранняя влюбленность; ее чувства, настроения и мысли отражены в ее стихах. Она считала себя поэтом акмеистического направления и отмечала, что влияние на ее творчество оказали занятия в Институте Живого Слова в группе, руководимой Н.С. Гумилевым, который приходился ей родственником (бабушка Гумилева, Анна Ивановна, тоже происходила из рода Львовых). В мае 1921 года, в восемнадцать лет Ольга, не смотря на отговоры матери и ее друзей, вышла замуж за Арсения Федоровича Смольевского (1883 – 1967), человека на 19 старше себя, который и был предметом ее влюбленности, начиная примерно с весны 1915 года, (он тогда преподавал математику в гимназии Левицкой). Сын сельского помещика, Арсений Федорович учился сначала в духовной семинарии в Каменец-Подольске, а затем должен был поступать в духовную Академию, но вместо этого стал студентом физико-математического факультета петербургского университета, хотя по складу ума был гуманитарием. Зарабатывал на жизнь уроками. Позже он успешно окончил Институт путей сообщения и был оставлен при нем в качестве преподавателя математики.

Семейная жизнь принесла Ольге глубокое разочарование и, вскоре после рождения сына, она развелась с мужем, в лице которого постепенно обрела жестокого, коварного и мстительного врага, шпионившего за каждым ее шагом, а впоследствии изливавшего свою злобу и на ее мать Юлию Федоровну.

Арсений Федорович подкарауливал Ольгу Александровну возле ее дома по вечерам, когда она возвращалась домой, устраивал ей сцены, а если ее провожал кто-нибудь из друзей, мог и в драку с ними вступить. Четыре раза он затевал судебное дело, чтобы отобрать у Ольги Александровны сына (и это при том, что он вообще не хотел иметь детей). Всякий раз дело он проигрывал, что только ожесточило его еще больше.

Ольга Александровна была очень начитана, но не кончала ни института, ни, даже, техникума. Она пробовала свои силы в кино, занималась одно время в студии «ФЭКС», в других киностудиях, иногда участвовала в массовках при съемке исторических фильмов. Не имея определенной профессии, она не имела и постоянного заработка; работала одно время табельщицей на стройке, иногда – манекенщицей на пушных аукционах, подчас подрабатывала чтением корректуры в академическом издательстве и, наконец, служила кельнершей в кафе при гостинице «Астория». Ее окружение составляли в основном представители ленинградской богемы – киношник Иосиф Кринкин – критик, Юлий Филиппович Слепян – режиссер и его сестра Дарья Филипповна – драматург весьма средней руки. В числе ее знакомых назову еще актрису Ольгу Николаевну Гильдебрандт-Арбенину и выдающегося филолога Константина Николаевича Державина. Постоянными ее подругами были сестры Масловские, из них старшая – Елена Владимировна, в Екатерининском институте когда-то сидела с Ольгой за одной партой и до конца оставалась ее конфиденткой.

Знакомство с братьями Осипом и Евгением Мандельштамами началось еще в Коктебеле, а позже оба брата навещали ее в Екатерининском институте. Встретив Ольгу в Ленинграде, она к тому времени стихов не писала и успела развестись с Арсением Федоровичем, Осип Эмильевич повел ее знакомить со своей женой Надеждой Яковлевной Хазиной. С Надеждой Ольга подружилась, а Осипа она считала человеком слабым и лживым. Осип был буквально ослеплен ею, она же избегала его. Отношения запутывались все сильнее. Когда же у Евгения Эмильевича умерла жена, от которой у него осталась дочка, предполагалось, что они с Ольгой поженятся, но она ускользнула и от него, о чем он жалел до конца жизни.

Надежда Яковлевна была, несомненно, очарована Ольгой и, в то же время, безумно ревновала Осипа к ней, а во всем, что ей не нравилось в поведении Ольги Александровны, совершенно необоснованно винила Юлию Федоровну.

«Вторая тетрадь» записок Надежды Яковлевны полна неточных сведений, прямых инвектив, написана хлестко, с расчетом на сенсацию, на вкусы зарубежных читателей. Простим ей это, учитывая, в каких условиях прошла жизнь вдовы поэта после его гибели.

Зимой 1930–31 годов Ольга Александровна согласилась, можно сказать неожиданно для самой себя, стать женой штурмана советского флота Льва Александровича Ржевского и, казалось, этот брак будет счастливым. Но на новогодней вечеринке в Европейской гостинице (встречали 1932 год) среди лиц гостей ее внимание приковало прекрасное лицо. Это был дипломат, назначенный вице-консулом консульства Норвегии в Ленинграде – Христиан Иргенс-Вистендаль. Он неплохо говорил на русском языке, был очень хорошо воспитан, высоко образован, он был ей «ровня» по культуре и по возрасту, словом, в нем Ольга почувствовала родственную душу.

Ольга Александровна не стала специально искать встреч с ним, но сама первая призналась ему в любви... и снова начала писать стихи. Христиан тоже горячо полюбил ее, но виделись они редко. Весной 1932 года им удалось вместе совершить морское путешествие по Крыму и Кавказу, во время которого она диктовала Христиану историю своей жизни, а какие-то отрывки вписывала сама. К осени 1932 года было получено официальное разрешение на брак, и 28 сентября Христиан увез Ольгу на свою родину в столицу Норвегии Осло. Уезжая, Ольга оставила сына на попечение своей матери.

Она была окружена вниманием и трогательной заботой родных и друзей Христиана; языкового барьера не было, т. к. Ольга Александровна хорошо говорила по-французски и по-немецки, да и занятия норвежским у нее шли успешно. Но неожиданно для всех, прожив всего лишь месяц в семье Христиана, 26 октября 1932 года, оставив несколько стихотворений и рисунков, Ольга Александровна застрелилась из револьвера, найденного в ночном столике мужа.

Сказались и ностальгия, и глубокая осенняя депрессия, и тяжесть от травли, которые несли ей бесконечные преследования со стороны Арсения Федоровича, усталость от жизни, в которой она безуспешно пыталась найти свое место. И твердое решение жить только до тридцати лет, которое она приняла. Смерть Ольги принесла большое горе всем близким. Через полтора года умер и Христиан от сердечной болезни. Юлия Федоровна взяла со всех своих друзей клятву, что об истинной причине смерти Ольги они ничего не скажут мне, ее сыну. В 1934 году переписка с Осло, с сестрой Христиана и с Норвежским консульством в Ленинграде прервалась.

Только в конце 1964 года я решился отыскать через общество дружбы Норвегия – СССР сестру Христиана госпожу Агату Стрэм (Agathe Stroem). (Найти Агату нам помогла Мария Альфредовна Добровейн, вдова известного пианиста и дирижера Исая Добровейн.) Завязалась переписка с ней, и в июне 1965 года Агата приехала на теплоходе в Ленинград в составе туристской группы. Она привезла с собой последние стихи и рисунки моей матери, ее воспоминания, продиктованные Христиану на русском языке, и несколько акварелей Макса Волошина – из числа когда-то увезенных Ольгой с собой в Норвегию. Через два года мы с женой побывали в Осло по приглашению тети Агаты, повидались с людьми, которые еще помнили Ольгу Александровну.

Нужно сказать, что до лета 1965 года я вообще ничего не знал о стихах Мандельштама, посвященных Ольге Александровне. В архиве Юлии Федоровны хранился автограф его стихотворения из сборника «Камень»: «Отравлен свет и воз-

дух выпит...», кроме того, я помнил с детства мамину поездку на юг в обществе Евгения Эмильевича, в которую взяли и меня. В 1965 году на имя литературоведа Виктора Андроникович Мануйлова из Америки поступил двухтомник сочинений Мандельштама под редакцией Глеба Струве (Нью-Йорк, 1967). Это издание находилось в Спецхране БАНа, где я работал. Мне было разрешено приходить читать, и в комментариях к стихотворениям я нашел отзыв Анны Андреевны Ахматовой на два стихотворения, посвященных моей матери. В одном из них говорилось о ее «холодной Стокгольмской могиле, а из второго приводилась строчка: «Хочешь, валенки сниму...» Комментарии заканчивались словами: «Кто такая Ольга Ваксель, мы не знаем».

Забегая вперед, скажу, что в 1979 году, когда в Штаты, по приглашению вдовы известного архитектора Райта Ольгиванны Райт, собиралась поехать наша знакомая, доктор исторических наук, профессор Вера Романовна Лейкина-Свирская, подруга детских лет Ольги Александровны, предполагавшая встретиться в Калифорнии также и со своим бывшим одноклассником Глебом Струве, я попросил ее рассказать Струве, что она знакома с сыном Ольги Ваксель. Но Вера Романовна мою просьбу не выполнила – забыла.

С Анной Андреевной Ахматовой я не был знаком и решился позвонить ей по телефону. Но от нее через Ирину Николаевну Пунину я узнал, что речь шла о стихотворении «Жизнь упала, как зарница...». Через нее же я передал для Анны Андреевны подборку маминых стихов за разные годы и несколько ее фотографий. По словам Ирины Николаевны, Анна Андреевна – это было незадолго до ее смерти, ознакомилась со стихами, а из фотографий выбрала одну – снимок 1916 года, как наиболее точно передающую духовную сущность Ольги Ваксель.

Потом возобновилось мое знакомство с Евгением Эмильевичем Мандельштамом, которому я отослал отрывок из воспоминаний матери о ее встречах с Осипом и его Женой. В начале 1969 года я виделся с Надеждой Яковлевной. Во время встречи она говорила об Ольге Александровне очень тепло, а через некоторое время – в 1970 году, Надежда Яковлевна опубликовала в Самиздате свою «Вторую книгу», полную несправедливых выпадов.

Стихи Ольги Ваксель и часть текста ее воспоминаний (машинопись) находятся в рукописном отделе Пушкинского Дома – Института Русской литературы (ИРЛИ). Высокую оценку стихам дали литературоведы Зара Григорьевна Минц (Тарту) и Виктор Андроникович Мануйлов, но помочь опубликовать их они не смогли. Начиная с 1988 года, отдельные стихотворения я читал на вечерах, устраивавшихся Ленинградским отделением Фонда Культуры в цикле «Былое и думы» (Е.Б. Белодубровский); небольшие подборки стихов появлялись в литературных журналах и альманахах, иногда вместе с отрывками из воспоминаний Ольги Александровны. По настоянию Е.Б. Белодубровского изучение биографии Ольги Александровны, воспоминаний ее и о ней занялся искусствовед и писатель Александр Семенович Ласкин, опубликовавший журнале «Звезда» № 10 за 2001 год повесть под заглавием «Ангел, летящий на велосипеде». Повесть была отмечена литературной премией, и автор получил грант на издание в 2002 году книги под тем же названием. Текст книги, выпущенной издательством «Стройиздат», по сравнению с

повестью, значительно расширен и дополнен, она хорошо и богато проиллюстрирована, в конце впервые дается развернутая подборка стихов. Состоялись две торжественные презентации этой книги, были сообщения о выходе книги по радио и телевидению. История знакомства Ольги Ваксель с Осипом Мандельштамом и его женой была рассказана в телевизионных сериях «Безымянные дома» (ЛОТ) и «Больше, чем любовь», но нигде не был раскрыт ни истинный характер натуры Ольги Ваксель, ни события и обстоятельства, определившие ее судьбу.

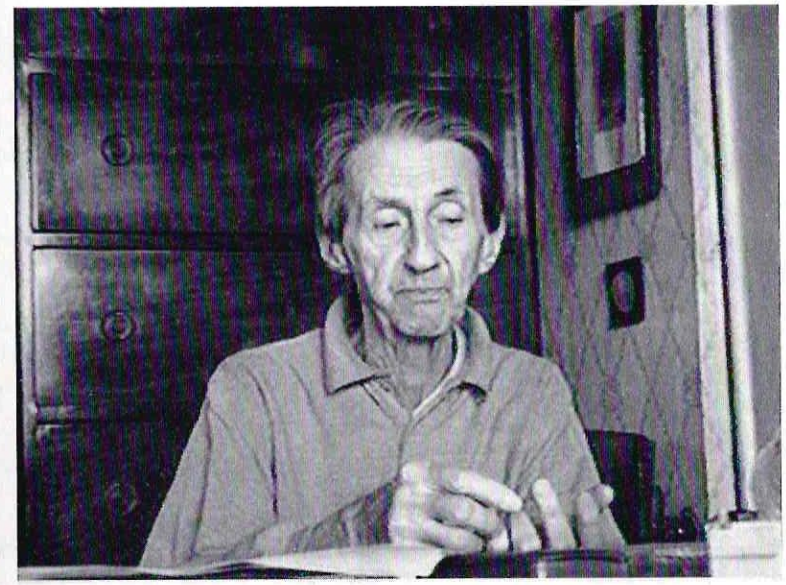
От составителя

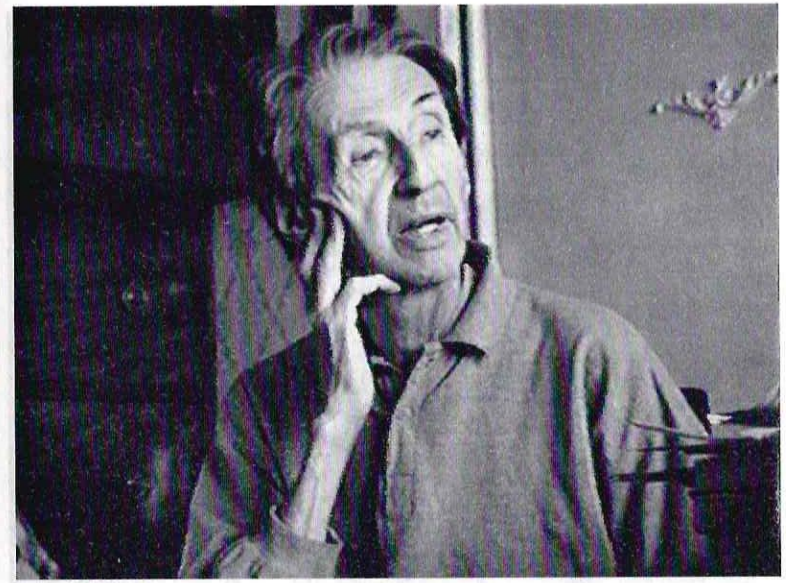
Над этим материалом Арсений Арсеньевич Смольевский, потомок Львовых по линии Алексея Федоровича, работал в последние месяцы своей жизни, когда уже был тяжело болен. Не смотря на болезнь, это была интенсивная, напряженная работа. Он знал, что дни его сочтены, и торопился успеть завершить свои мемуары. Я ему активно помогала. Прикованный к постели, он звонил мне, диктовал то, что ему еще удавалось вспомнить. Я записывала, переносила в компьютер, редактировала и звонила ему, чтобы прочитать, что получилось. Затем распечатывала и везла к нему. Он читал, дополнял еще что-то важное... Вот так мы работали. Вот так, страница за страницей, создавались эти материалы, которые очень важны для характеристики представителей разных поколений рода Львовых. При этом следует отметить, что Арсений Арсеньевич не пользовался ни справочниками, ни энциклопедиями – все по памяти, настолько он знал историю своего рода.

Потом начали подбирать фотографии – их у Арсения Арсеньевича было великое множество. К сожалению, эту работу он не успел довести до конца: нет фотографий супруги Алексея Федоровича Львова Прасковьи Аггеевны Абаза и ее отца Аггея Васильевича; шведа Христиана Иргенс-Вистендаль – последнего мужа Ольги Ваксель, матери Арсения Арсеньевича; его жены Натальи Стефановны, даже его собственной фотографии в более ранние годы.

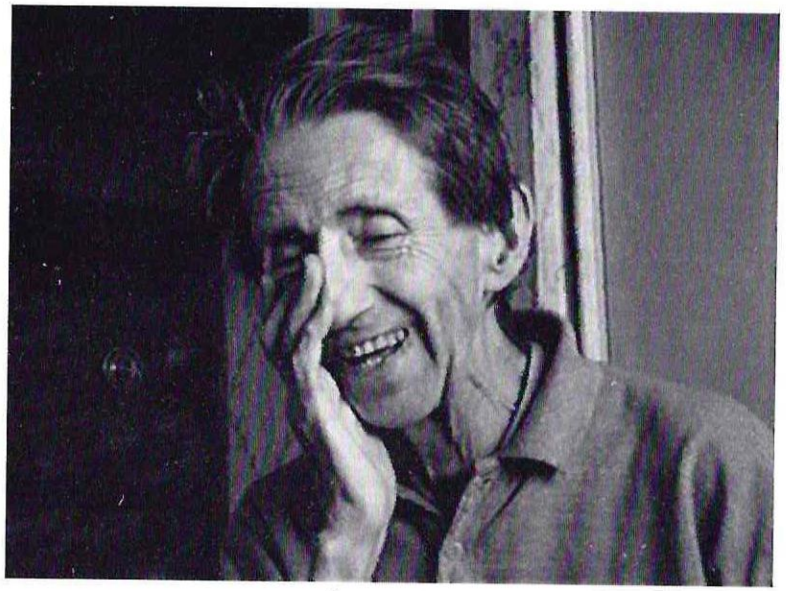
К сожалению, все наследие Арсения Арсеньевича: архив Юлии Федоровны, воспоминания Ольги Ваксель, картины, портреты, масса уникальных фотографий, рукописи, ноты (то, что он не успел отдать в архивы), вместе с квартирой досталось дальним родственникам его жены, людям далеким от культуры, искусства, не сумевшим оценить, какие ценность они обрели. Многое из этих материалов необходимо было бы опубликовать – воспоминания матери и полное собрание ее стихов, музыкальный альбом сочинений Юлии Федоровны и Арсения Арсеньевича и др. Но, к сожалению, пока нам не удалось наладить контакт с новыми владельцами этих материалов. Даже фотографии, которые не успел подобрать и дать для оформления своих мемуаров Арсений Арсеньевич, выпросить у них не удалось.

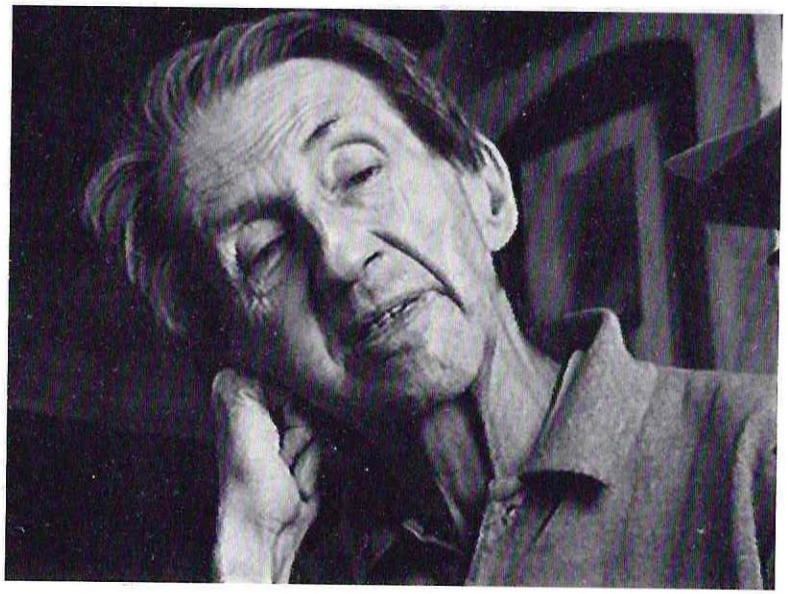
Последний раз я была у Арсения Арсеньевича за неделю до его смерти. Врачи запретили ему вести такой активный образ жизни, считая, что это вредит его здоровью. А мне кажется, что это только ускорило его уход, т. к. он потерял смысл жизни, лишившись возможности заниматься любимым делом. Запретили ему даже

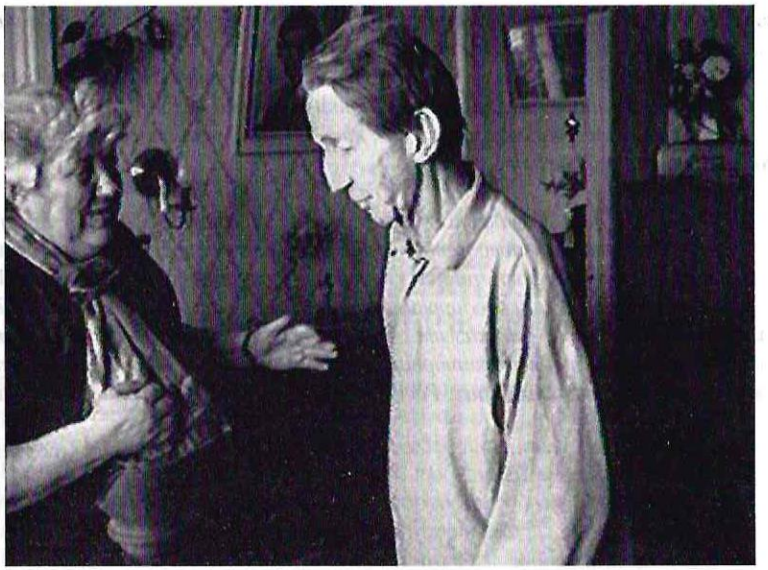


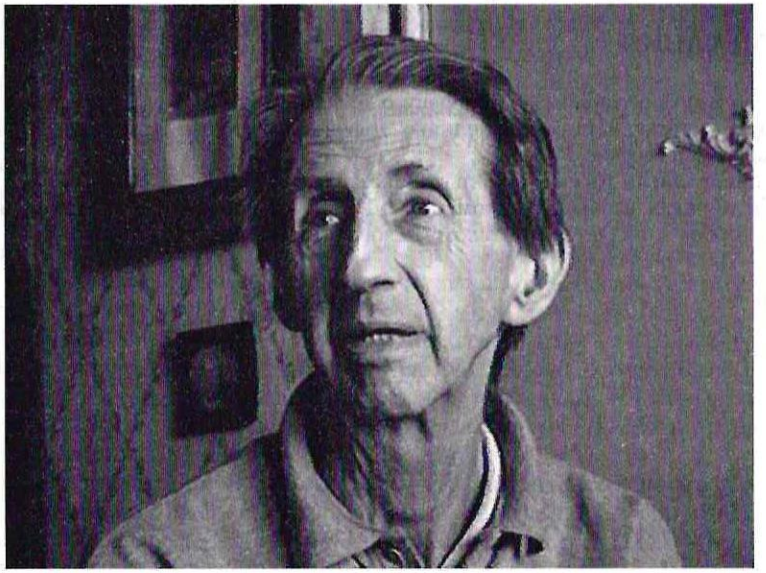


Ил. 29–34. Арсений Арсеньевич рассказывает. Видеоряд Б. П. Коваленко. Июнь 2003 г.









разговоры по телефону. Вопреки запрету, он каким-то образом добрался до трубки и позвонил мне. Это было за два дня до его кончины.

Арсений Арсеньевич Смольевский скончался 29 августа 2003 г. Это был удивительный, интеллигентный, талантливый, тонкий, добрый человек. Мы никогда его не забудем. Каждый год в день его смерти все, кто его знал, решили собираться в Мурино, чтобы почтить его светлую память.

P.S. Б.П. Коваленко месяца за три до смерти Арсения Арсеньевича побывал у него и записал на видео нашу беседу, продолжавшуюся более трех часов. Он показывал многочисленные фотографии, рисунки, в том числе Максимилиана Волошина, которые тот дарил Юлии Федоровне, свои рисунки, ноты – сочинения бабушки и свои собственные, подробно рассказывал о своей жизни, творчестве, учебе, эвакуации, о бабушке, о матери, о людях, с которыми ему посчастливилось общаться – то, что он позже изложил в своих мемуарах. Рассказчиком он был великолепным! (см. ил. 29 – 34)

Никитина А.Б.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Подробную биографическую справку о Е.Н. Львовой смотри ниже.
[2] См. ниже статью «Из рода Олениных-Львовых» о внучке Прасковьи Федоровны Прасковье Алексеевне Усовой.
[3] Более подробный рассказ об Ольге Ваксель см. ниже.
[4] Мы еще тогда не были знакомы с С.Д. Дзюбановым, который также живет в нашем городе и является потомком Федора Петровича Львова.

А.Ю. ГРЯЗНОВА
Санкт-Петербург

ЕЛИЗАВЕТА НИКОЛАЕВНА ЛЬВОВА – ПЛЕМЯННИЦА ДЕРЖАВИНЫХ

Известно, что при формировании личности большого писателя огромную роль играет его окружение. Г.Р. Державину в этом отношении повезло. В основном, его окружали замечательные, незаурядные люди, такие как В.В. Капнист, И.И. Хемницер, Н.А. Львов, члены Общества «Беседа любителей русского слова». Это было отмечено еще первыми исследователями творчества поэта, в частности, Я.К. Гротом. Новый, XX век позволил воскресить, на первый взгляд, казалось бы, забытые имена. К таковым относится одна из племянниц Г.Р. Державина по линии его второй жены – старшая дочь Николая Александровича Львова.

Елизавета Николаевна Львова, конечно, в первую очередь, известна нам, как помощник поэта в литературных делах, когда, будучи уже в преклонном возрасте, Державин подводил итог своей литературной деятельности и в 1809–10-х гг. диктовал своей молоденькой, умной, все быстро схватывающей племяннице Лизе «Объяснения» на свои сочинения, опубликованные позднее. Но вот к ее имени все чаще и чаще стали обращаться исследователи конца XX в. О ней опубликована статья М.К. Евсеевой в биографическом словаре «Русские писатели. 1800–1917»,[1] подготовлена пока еще неопубликованная статья ее далекого потомка А.А. Смольевского «Елизавета Николаевна Львова – племянница Державина. Воспоминания двоюродного прапраправнука Е.Н. Львовой»; ее автографами в какой-то степени занималась Т.И. Краснобородько, хранитель Пушкинского фонда в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Почему же статья о Е.Н. Львовой оказалась в таком большом, серьезном издании, как биографический словарь русских писателей? Именно благодаря ее собственному литературному таланту и труду, подготовленному в 1850-е гг., а опубликованному в 1880-е после смерти автора под названием: «Рассказы, заметки и анекдоты из записок Е.Н. Львовой»[2].

Это интересное беллетристическое произведение, ряд мемуарно-исторических рассказов, скорее даже заметок в жанре анекдота, о Петре I, Екатерине II, Павле I, Николае I, А.В. Суворове, Н.П. Румянцеве, М.М. Сперанском, О. Монферане, адмирале М.П. Лазареве и некоторых других исторических деятелях. Эти рассказы были созданы на основе дневниковых записей. Они, порой очень субъективны, иногда наполнены верноподданническими или наивными, часто доходящими до

восторженной умиленности, чувствами. И по тону, и по составу они несут нескрываемую печать личности мемуаристки. В рассказах поражает широкий диапазон исторических персонажей. По-видимому, будущая писательница, общаясь в кругу современников Державина (литераторов, людей искусства), многое впитала от общения с ними, с великим поэтом, со своими родителями, и, будучи от природы одаренной, развивая дар слова, оставила нам эти ценные воспоминания. В «Рассказах» Елизаветы Николаевны описывается немало, так называемых, «архитектурных» историй о постройках и строительстве («Монферан и гр. Головин», «Каскад в Гатчине», «Приорат в Гатчине» и др.), свидетельствующих о том, что она была достойной дочерью архитектора. Как отмечалось в одном из номеров «Русской старины», где печатались ее «Рассказы», «по своим родственным связям и общественному положению она (*Елизавета Николаевна – А. Г.)* могла многое знать о том, что происходило в высших сферах общества, и рассказы ее вполне интересны»[3].

По предположению М.К. Евсеевой, Е.Н. Львова записала эти рассказы для внуков, но и для наших современников наиболее ценные с исторической точки зрения фрагменты о Г.Р. Державине, И.А. Крылове, К.П. Брюллове, Николае Александровиче, Федоре Петровиче, Алексее Федоровиче Львовых представляют большой исторический интерес[4].

Стремление передать читателю увиденное и услышанное, пока это еще не забыто – суть литературного труда Е.Н. Львовой.

Для исследователей это, безусловно, важно, но гораздо важнее нам представить Е.Н. Львову, как прямую родственницу великого поэта, которая сыграла определенную роль в сохранении литературного наследия и биографии Державина, содействовала Я.К. Гроту в собирании державинских материалов. С другой стороны, и в формировании личности самой Елизаветы Николаевны огромное значение имело ее окружение, та среда, в которой она жила и воспитывалась.

Судьба этой женщины очень интересна.

У Николая Александровича Львовои Марии Алексеевны, урожденной Дьяковой, старшей сестры второй жены Державина, было пятеро детей: два сына и три дочери. После смерти матери в 1807 году (Н.А. Львов умер четырьмя годами ранее) трех девочек: Лизу, Веру и Прасковью, которым было соответственно 19, 15 и 13 лет, супруги Державины, не имея собственных детей, взяли к себе в дом. Елизавета из трех сестер была самой старшей, самостоятельной и избалованной. Остались воспоминания современников о том, что она, «имея собственное прекрасное состояние, жила в доме Державиных совершенно самостоятельно, ... занимала отдельное помещение внизу, держала свой экипаж, свой стол и выезжала со старушкой-француженкой ... куда хотела и когда хотела»,[6] принимая Державиных два раза в неделю у себя к обеду. В то же время, несмотря на веселость и живость характера, в Елизавете Николаевне рано стало развиваться серьезное отношение к жизни. Будучи независимой и твердой, имея свои пристрастия и симпатии к определенным людям, она, например, могла уклоняться от светских развлечений, всегда испытывая в глубине души презрение к пустоте светской жизни, предпочитая выездам и удовольствиям занятия и чтение дома. С другой стороны, она умела оценить и восхититься «высоким умом», например, своего двоюродного дяди Ф.П. Львова,

который часто бывал у Державиных, и которому нравилась эта умная, «богатая, красивая, светская девушка», симпатизировавшая ему. Впоследствии они поженились, тайно, вопреки воле опекуна Державина и других родственников, обвенчавшись с Ф.П. Львовым, который, впрочем, позже сыграл не последнюю роль в публикации трудов Державина и увековечении его памяти. Ну а пока юная Елизавета жила в доме дяди и тети, в доме, который был центром собрания деятелей культуры того времени, она имела возможность совершенствоваться в среде высоко развитых людей. Как отмечала ее современница, дочь В.В. Капниста, Софья Васильевна: «Для нас всех интересны и поучительны были беседы и суждения таких опытных и благомыслящих людей»[7]. Елизавета Николаевна всегда присутствовала на литературных вечерах Гавриилы Романовича, всегда «с живым интересом следила за всеми новыми произведениями своего дяди, которые читались и разбирались современниками». Таким образом, в доме Державина она стала постоянной участницей частых собраний литераторов, тогда еще не ставших публичными, известных нам под названием «Беседы любителей русского слова», где эпизодически старалась бывать и после замужества. Конечно, поэт «скоро заметил в своей племяннице особую чуткость ко всему возвышенному», «разумное направление» ее интересов и стал «относиться к ней, как к существу вполне разумному», беседовать с ней на разные литературно-исторические темы, и вскоре эта «17-летняя, избалованная девочка», как характеризует ее Е. Ваганова, явилась у Державина «уже в должности секретаря, пишущего под диктовку поэта его стихотворения»,[8] а летом 1809-1810 гг. в загородном имении Званка, и «Объяснения на сочинения Г.Р. Державина», к созданию которых он был готов уже давно, сознавая «необходимость объяснительных примечаний к своим сочинениям, в которых беспрестанно встречаются намеки на современные ему обстоятельства и лица»[9]. Особая необходимость этого возникла после выхода в свет первых четырех частей прижизненного Собрания стихотворений Державина 1808 г. С племянницей Лизой ему работать было легко. Она многое знала, усвоив традиции львовско-державинского кружка, быстро запоминала и улавливала любую информацию, чувствовала то, что хотел сказать поэт. Для нее не составляли труда имена библейских и мифологических персонажей, античных и более поздних авторов, исторические события и история жизни многих видных государственных деятелей России, что избавляло Державина от подробных дополнительных объяснений специально для нее. Из пояснений Я.К. Грота мы узнаем, что этот материал составил «несколько тетрадей в лист из синей, довольно грубой бумаги, писанных одним и тем же четким и твердым женским почерком»[10]. По словам исследователя, лишь в последних тетрадях, видимо, когда Е.Н. Львова уже вышла замуж и ушла из дома поэта, этот почерк сменяется рукою жившего также у Державиных Семена Васильевича Капниста, тоже исполнившего наряду с Лизой роль секретаря Державина. Таким образом, созданные с помощью Е.Н. Львовой «Объяснения на сочинения Г.Р. Державина», позднее несколько измененные ее мужем Ф.П. Львовым и опубликованные им в 1834 г. в типографии А.Ф. Смирдина, а еще позже приведенные в точности по рукописи Лизы в академическом собрании сочинений Державина под ред. Грота 1864–1883 гг., выхода в свет которого все-таки дождалась Елизавета Николаевна, по меткому замеча-

нию А. А. Смольевского, представляют ценнейший материал для исследователя.

По этим текстам можно проследить весь творческий процесс писателя: где и когда было сочинено то или иное стихотворение, где впервые опубликовано, что вдохновило поэта, кому посвящено произведение, какие исторические события отражены, какая вложена идея в стихотворение, объясняется замысел произведения, значение слов, источник, из которого заимствован сюжет или мысль, раскрывается смысл отдельных образов, показано отношение друзей поэта к новым сочинениям, а также отношение к его стихам высокопоставленных и царственных особ, говорится о реакции цензуры, представлено, как то или иное историческое событие трактовалось при дворе, и т.п. Соответственно эти «Объяснения» Державина дают множество интереснейших сведений о современниках поэта, о взаимоотношениях с ними, родстве, службе, чинах, наградах, интригах и пр. Словом, пользуясь выражением известного исследователя Д.Д. Благого, «перед пытливым взором поэта прошла за его долгую жизнь вся современная ему Россия в ее наиболее значительных людях и событиях, в самых ярких и многообразных ее проявлениях»[11]. По словам А.А. Смольевского, это – комментарий «из первых уст», на который сам поэт смотрел как «на некоторый отчет в своей литературной деятельности»[12]. Более того, работа с этим материалом Елизаветы Николаевны подготовила почву и для создания ее собственных воспоминаний о поэте, его друзьях, его многочисленных родственниках. К тому же Лизе, как своему секретарю, Державин со временем стал поручать вести разные записи литературного характера. Тем самым, вклад Е.Н. Львовой в историю русской культуры становится неоценимым, хотя, может быть, собственно воспоминаний о Державине-человеке нам больше, чем Лиза, оставила в виде дневниковых записей ее младшая сестра Прасковья. В силу обстоятельств она дольше жила у Державиных. Впрочем, записки Прасковьи Николаевны редактору академического собрания сочинений Державина Я.К. Гроту также передала именно Е.Н. Львова.

Любопытным и немаловажным в истории изучения жизни и творчества Державина оказывается тот факт, что Е.Н. Львова помогала ему и в создании некоторых переводов. Как известно, Державин практически не владел иностранными языками, освоив в детстве только немецкий язык. По свидетельству современников, «ни по образованию, ни по роду своего таланта *(он)* не мог быть хорошим переводчиком», не мог читать в подлиннике итальянских и французских авторов и должен был обязательно пользоваться подстрочником, «сделанным ему приятелями или родными»[13]. Некоторых античных авторов переводил ему член Российской Академии наук и «Беседы любителей русского слова» Павел Юрьевич Львов, переводы которого Державин называл «драгоценностями»[14]. По предположению А.Архангельского, поэт не знал греческого языка и поэтому чаще всего обращался к переводу песен Анакреона Н.А. Львова[15]. Издание в 1794 г. Н.А. Львовым сборника од Анакреона стало важнейшей вехой в развитии русской поэзии, в становлении русской анакреонтики. Вдохновленный этим событием, также взялся за греческую поэзию и издал в 1804 г. переводы и переделки стихов Анакреона, Сапфо и др. поэтов под названием «Анакреонтические песни», главной темой которых оставался все-таки русский мир. Лиза Львова пошла по стопам своего отца. Для державинского перевода трагедии Расина «Федра», оконченной поэтом 27 августа 1809 г. ею был сделан полный подстрочный перевод произведения, а это был нелегкий и ответственный труд. По замечанию Грота, совместно переведенная пьеса была играна в домашнем театре Державина[16]. Насколько серьезно Державин относился к такого рода деятельности племянницы свидетельствует его письмо к Семену. Капнисту от 14 августа 1815 г., в котором поэт, спрашивая совета своего друга и секретаря, годится ли его перевод оперы «Титово милосердие», просит потрудиться и попросить «милую Елисавету Николаевну *(Львову)*, чтобы она приняла на себя попечение о ней и постаралась бы через знакомых ей музыкантов пройти её и проверить, пойдет ли она в оркестре»[17]. Эти слова показывают, что еще долгое время любимая племянница Лиза была его помощником и другом, и заслуживала самого серьезного к себе отношения. Известно также, что Елизавета Николаевна переводила с французского для Державина философские труды Ф. Бэкона, которые поэт не только изучал, но и пытался использовать в своем творчестве.

Елизавете Львовой посвящено несколько стихотворений: «Лизе. Похвала розе», «Лизе» и др. (как раз в духе «анакреонтических песен»), шуточное стихотворение «Оковы», а также домашние незначительные миниатюры типа: «Лизе за книжку», «Вере *(сестре Е.Н. Львовой – А.Г.)* за кошелек» и т.п., написанные Державиным в благодарность за поднесенные ему подарки.

Лучшее стихотворение поэта, посвященное Е.Н. Львовой, опубликованное в Сочинениях Державина 1864–1880-х гг., «Лизе. Похвала розе», сопровождается обширным комментарием Я. К. Грота, из которого читатель узнает о традиции воспевания розы, идущей с античных времен, встречающейся в поэзии Анакреона и Н.А. Львова, знакомится с обзором научной статьи немецкого ботаника Кона о розе-цветке. Для нас это стихотворение примечательно тем, что чуть было не послужило поводом иметь графическое изображение Е.Н. Львовой. Рисунки к прижизненному собранию стихотворений Державина были выполнены его другом и участником львовско-державинского кружка А.Н. Олениным (поэт называл его «моей поэзии изограф»[18]). В академическом собрании сочинений Державина стихотворения поэта сопровождаются рисунками и виньетками, найденными в рукописях. К стихотворению «Лизе. Похвала розе» прилагается рисунок богини молодости, играющей на гитаре, также по словам Грота найденный в рукописи. Далее из его комментария мы узнаем: «В конце *(стихотворения)* предполагался украшенный розами силуэт той, которую воспевал стихотворец. Этой виньетки в тетрадях не нашлось, и на месте ее в чистой рукописи только карандашная отметка Г.Р. Державина: «Сделать силуэт Елисаветы Николаевны Львовой»[19].

Лучше всего поэт охарактеризовал всех трех сестер в трогательном стихотворении «Мои грации», написанном в 1807 году и посланном им вместо красного яичка в Светлое Пасхальное воскресенье, когда они еще были все вместе. В строках стихотворения вырисовывается вполне зримый образ этих трех девочек: светлой, нежной красавицы Лизы, красивой скромной брюнетки Прасковьи, и миловидной Веры:

Се девы милые, что мой склоняют дух
К себе умом, красой и сердца воспитаньем;
Любя их каждую, равно всех любишь вдруг
Под добродетели святым сияньем.

Важна и весела улыбкой та своей,
Другая кротких чувств и в робости любима,
Пленяет третия огнем своих очей:
От ангелов стрела неизбежима.

Златое яблоко прекраснейшей из них
Быв должен подарить, я б разделил на части,
Иль старшая возьми: уверен, что одних
Ревнивых склонен дух отмщенья к страсти.

Взор Лизы, как эфир: светла ее душа.
Взор Веры, Паши черн, как скромна ночь с звездами.
Амур и Гименей! Бегите к ним спеша:
Приятности вовек жить будут с вами.[20]

Первым Гименей постучался к Лизе. Она вышла замуж за вдовца Ф.П. Львова, имевшего десять человек детей. В браке у них родилось еще шестеро детей. По свидетельству Грота, Е.Н. Львова «сделалась удивительною по высоким качествам матерью и женою»[21]. «Увлекающаяся», по мнению родных, натура Е.Н. Львовой не помешала этой, одаренной самыми возвышенными чувствами женщине с первых дней своего замужества твердо стать на избранном ею пути и непоколебимо идти по нему до конца своей жизни, правда, поддерживаемой ответной любовью не менее достойного человека. Доля ее была полна труда и самоотвержения. Елизавета Николаевна полностью отдалась воспитанию детей. Детям Ф.П. Львова заменила родную мать. Сама постоянно занималась детьми, учила их, возила с собою по бедным семьям, раздавая деньги и подарки, сделанные собственноручно, устраивала веселые праздники, делая свой «Коломенский большой деревянный дом ... одним из самых привлекательных домов для молодежи» в Петербурге[22]. Все ее дети были талантливы и внесли свой вклад в развитие русской культуры: пасынок Алексей Львов – композитор, скрипач-виртуоз, директор придворной Певческой капеллы, стал автором музыки русского гимна «Боже, Царя храни» на слова В.А. Жуковского; дочь Надежда, в замужестве Самсонова, стала детской писательницей, а другая дочь, Мария, в замужестве Ростовская, тоже писала, издавала детский журнал «Семейное чтение» для младшего и старшего возраста. Она оставила интереснейшие воспоминания о доме Державина на наб. р. Фонтанки в С.-Петербурге времен своего детства. Другие дети Е.Н. Львовой тоже обращались к литературным занятиям: Леонид был директор Московских императорских театров, оставил свои воспоминания о поездках по губерниям России и о посещении

сосланных декабристов; Федор – художник и архитектор, конференц-секретарь императорской академии художеств, директор Строгановского училища в Москве, автор мемуаров об Обществе поощрения художников и Академии художеств[23]. Умерла Е.Н. Львова в 1864 г., до последней минуты полная заботы о близких, горячо оплакиваемая своими родными, которые свято чтили память этой чудесной женщины еще во многих последующих поколениях.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 3. М., 1994. С. 428–429.
[2] Русская старина, 1880, № 3, 6, 8, 9.
[3] Русская старина, № 3, 1880. С. 636.
[4] Любопытно, что записанный Елизаветой Николаевной анекдот о вручении А.В. Суворову Андреевской звезды Императрицей Екатериной с использованием шутки (помните известную фразу: «Почему у нас князь Александр Васильевич ничего не кушает?») был вольно или невольно использован в наши дни режиссером рекламных роликов для создания рекламного видеосюжета на телевидении. См.: Русская старина, № 8, 1880. С. 795.
[5] *Ваганова Е.* Из хроники семейства Львовых // Русская старина, № 12, 1898. С.539–549.
[6] Там же. С. 539.
[7] Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. VIII. Спб., 1880. С. 952.
[8] *Ваганова Е.* Указ, соч., с. 539–540.
[9] Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. I. Спб., 1864, с. XXXVIII.
[10] Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. III. Спб., 1866, с. 590.
[11] *Благой Д.Д.* Гавриил Романович Державин // Державин Г.Р. Стихотворения. Л., 1957. С. 38. (Б.п. Б. с.).
[12] Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. VIII. СПб., 1880. С. 899. «Объяснения» Державина – это своеобразный отчет скорее о его служебной деятельности.
[13] Там же, т. IV, СПб., 1867. С. IX.
[14] Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. VI. Спб., 1871. С. 339. (См. письмо П.Ю. Львова к Державину от 9 ноября 1815 г. и статью П.Ю. Львова «Переводы, приготовленные для Г.Р. Державина и посвященные бессмертному имени сего великого мужа». //Русский вестник, 1820, № 9. С. 3–53 – с примечаниями об отношении Державина к переводам.
[15] *Архангельский А.* Державин//Энциклопедический словарь. Т. X. СПб., изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Эфрон, 1893. С. 467.

[16] Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. IV. СПб., 1867. С. IX, 767–769.
[17] Там же. Т. VI. СПб., 1871. С. 319.
[18] *Державин Г.Р.* Сочинения. Л., 1987, С. 464.
[19] Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. II. Спб., 1865. С. 420.
[20] Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. II. Спб., 1865. С. 630.
[21] Там же. Т. VIII. Спб., 1880. С. 1006.
[22] *Ваганова Е.* Ук. соч. С. 543–544, 548.
[23] М.К. Евсеева. Львова Елизавета Николаевна. // Русские писатели. 1800–1917.

С.Д. ДЗЮБАНОВ
Санкт-Петербург

«ЛЬВОВА ВЫШЛА ЗАМУЖ ЗА ЛЬВОВА...»: ЛЕГЕНДЫ И ФАКТЫ *

Женитьба Федора Петровича Львова (1766–1836) на Елизавете Николаевне Львовой[1] (1788–1864) неоднократно описана в литературе и стала уже хрестоматийным примером очень необычного, но счастливого брака[2]. Подробности этой давней истории известны по статье «Из хроники семейства Львовых»[3] Елизаветы Евгеньевны Вагановой, которая использовала записки и рассказы своей бабушки — Елизаветы Николаевны Львовой и матери – Надежды Федоровны Самсоновой, урожденной Львовой. Последующие публикации на эту тему основывались на данной статье. История женитьбы интересующих нас лиц в интерпретации Е.Е. Вагановой выглядит следующим образом.

Е.Н. Львова «всегда восхищалась высоким умом Федора Петровича, кротостью Надежды Ильиничны и их прелестными детьми...». В 1810 г. она записала в своем дневнике: «Моя кузина Надя опасно больна. У нее родилась дочь Александра, после чего она настолько ослабела, что доктора находят ее безнадежной. Я не отхожу от ее постели.

Горе Федора раздирает мое сердце! Счастье этой семьи навсегда разбито! Какое ужасное испытание!»[4].

Овдовевший Федор Петрович все свободное от службы время «проводил в доме Державиных и преимущественно внизу у Львовых, где общество Елизаветы Николаевны сделалось вскоре для него необходимостью. И вот каково было положение Львова, когда умная, богатая, красивая и светская девушка влюбилась в него без ума»[5].

Гавриил Романович и Дарья Алексеевна Державины подыскивали племяннице подходящую партию, однако Елизавета Николаевна отвергала все предложения.

«Вскоре Федор Петрович, не имея более сил таить свою любовь, которая только росла при убеждении, что она взаимна, стал искать случая открыть свое сердце Державиным, но в первый раз, когда в присутствии Елизаветы Николаевны он решился заговорить с ними об этом обстоятельстве, то оба так были глубоко поражены, а затем разразились таким негодованием, что всякая надежда на их согласие на брак окончательно исчезла. Характер Дарьи Алексеевны был всегда твердый, даже сухой, и она беспощадно клеймила Елизавету Николаевну неблагодарностью, а

Федора Петровича просила навсегда прекратить свои посещения — так прошел длинный, мучительный год»[6].

С этого времени Державины, по словам Вагановой, делали все возможное, чтобы заставить племянницу изменить свое решение, но на все просьбы Елизаветы Николаевны разрешить ей вступить в брак с Федором Петровичем следовал неизменно резкий отказ.

«Всякая надежда на получение согласия со стороны горячо любимого дяди Державина пропала окончательно, и тогда Елизавета Николаевна решилась на великий шаг: повенчаться с Федором Петровичем тайно.

В сопровождении своих братьев, Леонида и Александра, Елизавета Николаевна вечером уезжает из дома и венчается с Федором Петровичем в церкви при селе Ульянке на Петергофской дороге. Тотчас же после совершения брака молодые приехали в дом Державиных в надежде на коленях вымолить себе прощение. Но они ошиблись, рассчитывая на снисхождение стариков. Не желая разрывать свои отношения с теми, кто в течение стольких лет заменяли ей отца и мать, Елизавета Николаевна осталась в их доме одна, а муж ее уехал к себе, предоставляя жене действовать в этом случае с родными по ее усмотрению. Не прошло, конечно, и нескольких дней, как последовало со стороны стариков вынужденное прощение, и счастливая молодая переехала в дом своего мужа, где ожидала ее огромная семья.

Неудовольствие, вызванное этой свадьбой в семье не только Державиных, но и всех других родственников, было весьма понятно. Хотя Федор Петрович был любим и ценим всеми, но его семья и с нею чуть ли не бедность не могли не устрашать всех и не пугать мыслью, что неопытная и увлекающаяся натура Елизаветы Николаевны не понимала всей важности совершаемого ею поступка. Однако, одаренная самыми возвышенными чувствами, эта необыкновенная молодая женщина с первого дня своего замужества стала твердо на избранном ею пути и непоколебимо шла по нем до конца своей жизни»[7].

Итак, перед нами романтическая история со счастливым финалом. В целом правдоподобная, но, все же, вызывающая некоторые сомнения в ее достоверности. Главное, что вызывает сомнение – роль Державиных в этой истории. Жестокосердие Гавриила Романовича и Дарьи Алексеевны, в течение года препятствующих соединению двух любящих сердец, — очень уж это не в характере Державиных. Гавриил Романович был, хотя и вспыльчив, но отходчив. Дарья Алексеевна была расчетлива в делах, сдержанна и суха в обращении, но все же не черства. Автор настоящей статьи не встречал ни одного достоверного примера черствости Дарьи Алексеевны по отношению к родственникам. Напротив, в архиве Державиных можно легко найти множество примеров самого сердечного и участливого отношения Державиной не только к ее собственным родственникам, но и к родственникам Гавриила Романовича[8]. Есть пример такого же отношения Дарьи Алексеевны к родственникам первой жены Державина — Екатерины Яковлевны. По духовному завещанию Гавриила Романовича Дарья Алексеевна после его смерти должна была «заплатить в течение своей жизни помалу, без процентов или в наследство оставить племяннице по первой жене Катерине Бастидон 9 тысяч рублей»[9]. Деньги эти причитались еще покойному отцу Катерины — капитан-лейтенанту морского флота

Александру Яковлевичу Бастидону в счет его наследства после Екатерины Яковлевны Державиной. Сумма относительно небольшая, если принять во внимание размеры состояния Державина. Но состояние было, главным образом, в недвижимости, деньги в обороте. Дарья Алексеевна постоянно пользовалась кредитами, брала деньги под проценты. Вероятно, поэтому Гавриил Романович и определил такой льготный для Державиной порядок выплаты. Но к моменту смерти Державина Катерина Бастидон стала уже взрослой, деньги ей требовались реальные, а не те, что в неопределенной перспективе «помалу» будет выплачивать Дарья Алексеевна. Бесприданницы тогда, как известно, не пользовались успехом у женихов. Зная это, Державина выплатила Екатерине Александровне всю сумму сполна уже 23 января 1817 г., то есть через полгода после смерти Гавриила Романовича[10].

Итак, попробуем разобраться, что же в приведенном изложении истории женитьбы Львова на Львовой правда, а что — вымысел.

Не вызывает сомнений, что у Елизаветы Николаевны было много поклонников. Она была хороша собой, что подтверждается свидетельствами современников, блестяще воспитана, образована, имела немалое приданое, поскольку получила значительное наследство после своих родителей. Ее отец — тайный советник Николай Александрович Львов, которого в литературе до последнего времени принято было изображать небогатым дворянином, сыном прапорщика[11], в действительности был состоятельным человеком, и все пятеро детей получили после его смерти немалые поместья или денежные суммы[12].

Об одном из возможных претендентов на руку Львовой — Павле Александровиче Межакове (1788–1865), служившем тогда в Коллегии иностранных дел и активно участвовавшем в «Беседе любителей русского слова», писал К.Н. Батюшков Н.И. Гнедичу 3 января 1810 г.: «Что Межаков задумывает? Жениться на Львовой! Правда ли это, а между тем поет Державина»[13]. Еще одного претендента — родственника Гавриила Романовича гвардии полковника Дятлова упоминает Я.К. Грот. В случае женитьбы Дятлова на Елизавете Николаевне, Державин собирался сделать его и главным своим наследником.

Совершенно очевидно и то, что Ф.П. Львов представлялся Державиным не лучшей партией для Елизаветы Николаевны. И дело тут, конечно, не в личной антипатии: Федор Петрович и его дети были одними из ближайших и любимых родственников. Гавриил Романович Державин уважал Львова, неоднократно хлопотал за него по службе. Известно также, что Дарья Алексеевна заботилась о детях Федор Петровича, помогала им материально. Позднее Львов неоднократно бывал поверенным в ее делах, а во время эпидемии холеры в Петербурге она даже назначила его (на случай смерти от болезни) своим душеприказчиком[14]. Наверняка не смущала Гавриила Романовича и Дарью Алексеевну и большая разница в возрасте между женихом и невестой. В то время такая разница была делом обычным, да и у четы Державиных разница в возрасте была не меньше. Гораздо существеннее было сложное финансовое положение огромной семьи Федор Петровича. Имения в разных губерниях, в которых немногим более 200 душ крепостных[15], да деревянный дом в Петербурге, в Коломне, вот и вся недвижимость Львова. Не так уж мало, но и негусто, принимая во внимание десять малолетних детей[16]. Понятно также, что у

Державиных возникали сомнения: по силам ли молодой неопытной девушке управляться с таким огромным семейством, сможет ли она заменить сиротам мать? Препятствием к браку Державины, возможно, считали родство жениха и невесты. В сохранившихся свидетельствах современников из родственного и дружеского окружения Львовых также находим эти две основные причины, вызвавшие удивление в обществе: огромное семейство жениха и довольно близкое родство жениха и невесты. А.П. Маркова-Виноградская в воспоминаниях о детстве приводит слова своей бабушки Агафоклеи Александровны Полторацкой: «Слышал ли ты, какие нонче браки бывают? Ф.П. Львов женился на своей двоюродной сестре, имея 10 человек детей от первой жены!»[17]. Вторит ей и К.Н. Батюшков в письме Н.И. Гнедичу: «Львова вышла замуж за Львова. Я этого все не понимаю! Леонид ко мне пишет очень забавно, а об этом ни слова. Да, помилуй, у Федора Петровича 10 человек детей! Чудеса!»[18]. Непонятным выглядит замечание в письме Батюшкова о Леониде Николаевиче Львове, почему-то умолчавшем о замужестве сестры. Факт важный, и ему придется найти рациональное объяснение.

Итак, причины считать Федора Петровича неподходящей партией для Елизаветы Николаевны у Державиных были. А существовали ли реальные возможности воспрепятствовать этому браку? Брачное законодательство того времени было как гражданским, так и церковным. Основные положения излагались в указе Святейшего Синода от 10.01.1810 и в томе X Свода законов. Не до конца утратили своего значения правила, принятые шестым Вселенским собором и формально не отмененная древняя Кормчая книга. Опекуны не могли принудить Елизавету Николаевну выйти замуж против ее воли, поскольку по закону брак не мог быть законно совершен без взаимного и непринужденного согласия сочетающихся лиц. Но и без согласия Державиных Львова не могла выйти замуж, так как лицам, не достигшим гражданского совершеннолетия (21 года), запрещалось вступать в брак без дозволения родителей, опекунов или попечителей[19]. Совершеннолетние могли вступать в брак без согласия родителей: «Самовластная дщи, совершен имущи возраст и не хотящу отцу ея, законным браком идет замуж» (Кормчая книга, гл. 48), но и то, только и случае, когда родители, «злоупотребляя своей властью, не пекутся о браке их».

Если жениху и невесте все же удавалось обвенчаться без дозволения родителей или опекунов, то такой брак оставался в силе. Вступившие же в брак без сего дозволения подлежали наказанию только том случае, когда родители или опекуны подавали соответствующую жалобу. Таким образом, брак, заключенный тайно от Державиных вопреки их воле, тем не менее остался бы законным, и им просто ничего не оставалось бы делать, как с ним согласиться. В этом смысле история венчания Ф.П. Львова в изложении Вагановой выглядит вполне правдоподобно. Но так ли обстояло дело в действительности?

Обратимся к метрической книге церкви Петра Митрополита Санкт-Петербургского уезда, что на Ульянке, за 1810 г. В разделе: «О бракосочетавшихся» под номером 17 читаем следующую запись: «Действительный статский советник и кавалер Федор Петрович сын Львов, а понял себе в замужество умершего тайного советника Николая Александровича сына Львова дочь девицу Елизавету. Кто были

поручители: Коллежский советник и кавалер Петр Львов, ротмистр гвардии Александр Михайлов сын Тургенев, подполковник и кавалер Владимир Григорьев сын Макаров, флигель-адъютант полковник Алексей Васильев сын Воейков, лейб-гвардии артиллерийского батальона капитан Николай Деомидов сын Мекинин, действительный тайный советник и кавалер Гавриил Державин, коллежский асессор Леонид Львов, коллежский асессор Александр сын Львов своеручно и подписали. Дивизионный доктор надворный советник Матвей Андреев сын Баталин»[20]. Запись датирована 14-м числом подзаголовком «В августе», но после 26-го. Следующая запись датируется 16-м октября. Таким образом, запись могла быть сделана как 14 сентября, так и 14 октября. Точная дата венчания указана в записной книжке Н.Ф. Самсоновой: дата 14 октября отмечена как день бракосочетания родителей[21]. Обращает на себя внимание необычно большое число поручителей. Как правило, их бывало двое, трое, редко больше четырех. А здесь девять! Но наибольшая неожиданность для нас, конечно, присутствие в списке фамилии Г.Р. Державина. Тот человек, от которого, якобы, в тайне совершалось венчание, оказывается, был не только осведомлен о нем, но и присутствовал на бракосочетании в качестве поручителя и «своеручно подписался». Неясным остается выбор храма для венчания. Поскольку оно не являлось тайной для Державина, можно было, по-видимому, выбрать церковь поближе. Нам остается неизвестным, присутствовала ли при венчании Дарья Алексеевна. На этот вопрос следует дать скорее отрицательный, чем положительный ответ. Известно, что Дарья Алексеевна не присутствовала и на венчании сестры Елизаветы Николаевны Прасковьи и Константина Матвеевича Бороздина[22], которое состоялось 31.01.1819 в Морском Никольском Богоявленском соборе. Прасковья Николаевна объясняла отсутствие Дарьи Алексеевны тем, что та не являлась ее родной матерью. Однако не вызывает сомнения, что Державина была прекрасно осведомлена о венчании Елизаветы Николаевны и Федора Петровича. И не только потому, что трудно себе представить заговор против Державиной с участием Гавриила Романовича. В пользу того, что Державины знали о предстоящем венчании до его совершения, говорит и история приобретения для Елизаветы Николаевны приданого — недвижимости в Псковском уезде. Известно, что купчая на приобретение имения у статского советника П.И. Левенгагена была совершена в Санкт-Петербургской палате Гражданского суда уже в 1810 г. Часть купленного имения, находящаяся в Рюшской волости, была приобретена Дарьей Алексеевной Державиной, другая его часть (преимущественно в Чирской волости) была приданым Елизаветы Николаевны. Для покупки имения Дарья Алексеевна составила сложную финансовую схему, которая была реализована в течение трех лет совместно с Елизаветой Николаевной и ее братом Леонидом. Принимая во внимание осторожность и расчетливость Дарьи Алексеевны, можно с уверенностью сказать, что присматриваться к имению Левенгагена она начала еще до замужества Елизаветы Николаевны. В пользу того, что покупка была приурочена уже к конкретному замужеству, говорит и спешность сделки: она была совершена еще до утверждения раздельного акта между детьми Н.А. Львова в 1811 г. А если все же предположить, что покупка готовилась «впрок» и поспешность объяснялась лишь выгодностью и срочностью сделки, то в этом случае имение, вероятнее всего, было бы разделено между Елизаветой и ее

сестрой Верой, или же между всеми тремя сестрами Львовыми. Позднее псковское имение Елизаветы Николаевны, выставленное на торги в 1853 г., как заложенное и просроченное, было приобретено ее зятем Е.П. Самсоновым (оформлено на имя его жены — Надежды Федоровны). В центральной усадьбе имения, селе Елизаветино, многие годы жила упоминавшаяся выше Е.Е. Ваганова, дочь Е.П. Самсонова.

Отметим, что замечание Вагановой о Дарье Алексеевне Державиной, в течение целого года «беспощадно клеймившей» Елизавету Николаевну, не соответствует действительности уже потому, что между смертью Надежды Ильиничны и вторым браком Федора Петровича прошло существенно меньше года. В те годы не было отменено положение, запрещавшее вступать во второй брак ранее, чем через три года. Однако никакого наказания за нарушение не было предусмотрено, положение это очень часто не соблюдалось. Нарушил его и Г.Р. Державин, когда женился на Дарье Алексеевне через шесть месяцев после смерти первой жены.

Итак, запись о бракосочетании Львовых порождает несколько новых вопросов: почему для венчания выбран столь удаленный храм, зачем потребовалось такое количество свидетелей и, наконец, почему Леонид Николаевич, который, как оказалось, был в числе поручителей, умолчал о замужестве сестры в письме к Батюшкову.

Ключ к ответу на эти вопросы можно найти в брачном законодательстве того времени, а именно в той его части, которая относится к родственным бракам. В наше время препятствием к заключению брака является только близкое кровное родство. Законы того времени учитывали как родство, так и свойство вступавших в брак. Родство же в те годы подразделялось на следующие четыре вида: кровное, или плотское, духовное, родство по усыновлению и физическое (проистекающее от незаконных союзов). Кровным родством называется связь двух или нескольких лиц, образующаяся путем происхождения, естественного рождения их один от другого или от одного общего им всем родоначальника.

Близость или отдаленность кровного родства измеряется степенями. Чтобы определить степень кровного родства между данными лицами по прямой линии, необходимо лишь сосчитать число рождений между ними. Чтобы определить степень родства между двумя лицами по боковым линиям, необходимо сосчитать число рождений от одного из них до ближайшего общего родственника и от последнего до второго лица.

В кровном родстве брак воспрещался по указу Святейшего Синода от 19 января 1810 г. до 4-й степени родства включительно. В пятой степени родства вступление в брак дозволялось только по предварительному разрешению архиерея. Ближайшими общими предками для Федора Петровича и Елизаветы Николаевны были Петр Семенович Львов и его жена Пелагея Ивановна, урожденная Соймонова. Нетрудно сосчитать, что родство это пятой степени, то есть требующее специального разрешения.

Духовным родством называется родство, происходящее через восприятие кем-либо крещаемого при святом крещении. Это родство, по указу Синода 1810 г., было препятствием к вступлению в брак лишь между восприемниками с одной стороны и воспринятыми и родителями последних — с другой. Позднее последовало разъяснение, что браки в этом родстве воспрещаются между восприемником и

матерью воспринятого и между восприемницей и отцом воспринятой. Как оказалось, Елизавета Николаевна была восприемницей при крещении одной из дочерей Федора Петровича; таким образом, между ними было и духовное родство, причем запрещенной при вступлении в брак степени.

Свойством называется родственная связь, возникающая через брак лица одного рода с лицом другого рода. Свойство двухродное бывает между одним из супругов и кровными родственниками другого или между кровными родственниками одного супруга и кровными родственниками другого супруга.

Для определения степени двухродного свойства необходимо сосчитать число рождений в каждом роде отдельно до того супруга из этого рода, через брак которого с супругом из другого рода возникло сближение. Относительно степеней двухродного свойства в брачном законодательстве того времени имелись следующие данные: по указу св. Синода от 19.01.1810 в двухродном свойстве браки воспрещались до четвертой степени включительно. Однако при этом, если через брак в дозволенных степенях свойства происходит смешение родственных имен, то есть если таким браком старшие члены рода низводятся в степень младших или наоборот, то на заключение такого брака, а равно и вообще во всех сомнительных случаях, должно быть испрошено разрешение епархиальной власти.

Нетрудно сосчитать, что Федор Петрович и Елизавета Николаевна были в 4-й, то есть запрещенной, степени двухродного свойства. Итак, согласно действовавшему законодательству, брак Львовых требовал специального разрешения по причине кровного родства, а по родству духовному и по двухродному свойству он был категорически запрещен. Дополнительным отягчающим обстоятельством было смешение родственных имен, поскольку Федор Петрович и Елизавета Николаевна принадлежали к разным поколениям одного рода. Была ли какая-то возможность у Львова добиться официального разрешения на этот брак? Известны случаи, когда высшее церковное начальство давало разрешения на браки, формально запрещенные законом, но все же не при таком наборе препятствий. Шансы получить разрешение были скорее призрачными, чем реальными. Но можно было попытаться обойти закон. Обязанности по оценке обстоятельств, препятствующих браку, возлагались на священника, совершавшего обряд венчания. Он должен был составить специальный документ под названием «брачный обыск» приблизительно такого содержания: «Мы нижеподписавшиеся, сим свидетельствуем, что сочетающиеся браком (имена жениха и невесты) вступают в оный по взаимному между собой согласию и любви с позволения своих родителей и начальства, родства между ними ни духовного, ни плотского, разрушающего достояние тайны сея, ни присвоений, до супружества недопущающих, ни иного какого правильного препятствия к соединению их возбраняющих не обретается, жених холост, от роду ему ...лет, а невесте девице ...лет, заключаем истину сего свидетельства и поручительства своего тем, что ежели, хотя един, что от вышереченного явится когда несправедливо, приемлем ответствование за то по силе законов на себя, в чем своеручно подписуемся. Поручители (чины, имена, подписи)»[23].

Законом предусматривалась уголовная ответственность не только вступивших в незаконный брак, но и родителей, и опекунов, заведомо допустивших такой

брак[24], а также поручителей: «о людях, свидетельствовавших относительно беспрепятственности вступления в брак, оказавшийся впоследствии незаконным, сообщается суду светскому». Во всех сомнительных случаях священник должен был обратиться к вышестоящему начальству, по указанию которого могло инициироваться дополнительное расследование, или потребовать от жениха архиерейского разрешения на брак. Нередки случаи, когда священники перестраховывались и требовали особого разрешения в случаях, когда по закону такого не требовалось. Так, например, брат Елизаветы Николаевны Леонид при заключении брака со своей троюродной сестрой (шестая степень кровного родства) Еленой Николаевной Козляниновой испрашивал на то разрешение у архиепископа Тверского и Кашинского.

Совпадение фамилий жениха и невесты не оставляло шансов на то, что брак будет заключен без дополнительных разбирательств. Поиск возможных прошений Федора Петровича в архиве Санкт-Петербургской духовной консистории увенчался успехом. Оказалось, что 21 июля 1810 г. Львов обращался к митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Амвросию с прошением о разрешении на брак, в котором указал свое кровное родство с невестой, а о более близком свойстве и о духовном родстве умолчал. Резолюция была положительной. В августе, определившись с выбором храма для венчания, Федор Петрович подал еще одно прошение:

Святейшего правительствующего Синода члену высокопреосвященнейшему Амвросию, митрополиту Новгородскому, Санкт-Петербургскому, Эстляндскому и Финляндскому и разных орденов кавалеру. Действительного статского советника и кавалера Федора Львова. Прошение.

Вследствие поданной от меня минувшего июля 21-го дня сего года просьбы Вашему высокопреосвященству о разрешении мне вступить в брак с дочерью покойного тайного советника Николая Александровича Львова девицею Елизаветой, которая состоит со мною в родстве, поелику помянутый отец ее был мне двоюродный брат, как о том в прошении моем сказано. Вашему высокопреосвященству угодно было на том самом прошении положить резолюцию, что я с вышеписанною девицею в брак по силе 54-го правила шестого вселенского собора вступить могу, о чем и священнику, который для венчания избран будет, и о том с приложением просьбы моей подано будет прошение и имеет быть учинено надлежащее предписание. А как на основании сей резолюции для совершения брака избран мной новгородской епархии Соснинского погоста церкви св. чудотворца Николая священник Никифор Григорьев, вследствие того вашего высокопреосвященства покорнейше прошу помянутого священника снабдить на совершение брака надлежащим предписанием и оное мне вручить. К сему прошению действительный статский советник и кавалер Федор Львов руку приложил»[25].

Выбор церкви был неслучаен: это был ближайший храм к Званке — имению, в котором Державины, а с ними и Елизавета Николаевна проводили лето. Амвросий наложил на прошение следующую резолюцию: «1810 августа 18-го означенного Сосницкого погоста священнику Никифору Григорьеву по учинении надлежащего обыска, буде кроме прописанного родства в пятой степени других препятствий не

окажется, согласно сему брак совершить дозволяется, а по совершении записать в метрическую книгу. Амвросий, митрополит Новгородский».

Итак, разрешение было получено, но воспользоваться им все никак не удавалось. Возможно, что Державины были заняты приобретением псковского имения – приданого для Елизаветы Николаевны. Не исключено, что Федор Петрович не мог получить хотя бы краткосрочный отпуск для женитьбы. Львов служил тогда в Комиссии законов[26]. Непродолжительное (с 22.04 по 22.05.1810 г.) увольнение от службы уже было им использовано, по-видимому, для улаживания наследственных дел после смерти Надежды Ильиничны. Наступила осень. Державины съехали из Званки в Петербург. И тут Федор Петрович, допустил ошибку, которая чуть было не стала роковой. С разрешением на венчание в церкви Соснинского погоста Львов обратился в храм при Военно-сиротском доме. Священник Алексеев, служивший в этой церкви, приходской для дома Державина, был не только хорошо знаком с обитателями дома, но и осведомлен об их родственных связях. Он отказался венчать Львовых и обратился к митрополиту со следующим письмом: «Святейшего правительствующего синода члену высокопреосвященнейшему Амвросию, митрополиту Новгородскому, Санкт-Петербургскому, Эстляндскому и Финляндскому, Святотроицкия Александроневския Лавры священно архимандриту и разных орденов кавалеру. Императорского военносиротского дома от священника Николая Алексеева доношение. Г. действительный статский советник и кавалер Федор Львов, доставив ко мне архипастырскую вашего высокопреосвященства резолюцию, последовавшую 18 августа сего года, на прошении его превосходительства об обвенчании его с дочерью покойного тайного советника Николая Александровича Львова девицею Елизаветою Новгородской епархии соснинского погоста священнику Никифору Григорьеву, просить о приведении оной вашего высокопреосвященства резолюции во исполнение. Но как предписание сие не мне принадлежит, то представляю оное при сем к вашему высокопреосвященству и дозволено ли мне сей брак совершить прошу архипастырского разрешения. Октября дня 1810 г. Священник Николай Алексеев»[27]. Письмо Алексеева было зарегистрировано у митрополита 15 октября. Одновременно Амвросию было сообщено о том, что о более близком родстве Львов в своем прошении умолчал. Тем временем Федору Петровичу стало известно, что в церкви Военно-сиротского дома венчание не состоится, и что вот-вот ему вручат официальное запрещение жениться на Елизавете Николаевне. Он принял решение заключить брак где-нибудь поодаль от Петербурга, тайно от всех, но не от Державиных и не от самых близких родственников и друзей. Выбор пал на церковь села Ульянка – не в Петербурге, но и не очень далеко. Использовал ли Львов ранее выданное разрешение на венчание в Соснинском погосте или нет, оплачивалась ли как-то «нелюбопытность» священника — нам остается неизвестным. Но, как бы то ни было, Федор Петрович и Елизавета Николаевна обвенчались 14 октября. Большое количество поручителей легко объяснимо: они как бы брали и на себя ответственность за это противоправное действие. Если бы незаконность венчания обнаружилась и делу был дан ход, то уголовному преследованию должны были подвергнуться не только новобрачные, но и все 9 поручителей, не исключая действительного тайного советника и кавалера Державина, который

присутствовал бы в списке нарушителей закона дважды: как поручитель и как опекун. Столь представительный состав поручителей должен был отвратить от желания признать бракосочетание незаконным. Да и лиц, заинтересованных в этом деле, по-видимому, не было.

Митрополит Амвросий, получив письмо Алексеева, отозвал свое разрешение на брак Львова, и на прошении была наложена новая резолюция:

«1810 октября 17. Поелику оказалось, что Елизавета Надежде двоюродная сестра, а потому в четвертой степени, а сверх того она, Елизавета, воспринимала у них при св. крещении дочь, то позволение данное, яко противное по открывшимся препятствиям правилам, удержано. Непозволение в сей брак вступать объявлено самому просителю»[28]. Таким образом, Львову было объявлено о запрещении вступать в брак, который он уже заключил.

Последняя запись в деле «О запрещении Ф.П. Львову вступить в брак с дочерью умершего тайного советника Николая Александровича Львова девицею Елизаветой» сделана уже в декабре: «1810 года декабря 27-го дня.

Действительный статский советник и кавалер Львов просил меня 18-го августа сего года о дозволении обвенчать его с дочерью покойного тайного советника Николая Александровича Львова девицею Елизаветой, которая состоит ему двоюродной племянницей, то есть в пятой степени родства, каковая по указу святейшего синода разрешена ко вступлению в брак, а по сему, согласно просьбе его, г. Львова, дозволил я его с той девицею обвенчать новгородского уезда Соснинского погоста священнику Никифору Григорьеву, но напротив того сие мое дозволение предоставил ко мне императорского военно-сиротского дома священник Николай Алексеев, яко не ему принадлежащее, и испрашивал моего разрешения, может ли он приступить по оному к исполнению. А как оказалось родство сие в четвертой степени и сверх того соединено с родством духовным, то оное дозволение я удержал, в брак воспрещение просьбы сей и доношение священника препровождено при сем в консисторию для хранения с делами.

Подлинный подписал Амвросий, митрополит Новгородский.

С подлинным верно: канцелярист Андрей Тихонов»[29].

Если брак, совершенный вопреки воле родителей, еще признавался действительным, то брак лиц, который церковными правилами запрещался, подлежал расторжению: «Законными и действительными не признаются брачные сопряжения лиц, состоящих в близком, то есть в запрещенном правилами степенях, кровном или духовном родстве или свойстве»[30]. Дело должен был рассматривать вначале духовный суд. Церковная епитимья на виновных налагалась в зависимости от степени кровного родства или свойства на срок от 7 до 20 лет. При духовном родстве — на срок 4 года. По окончании духовного суда дела подлежали передаче в суд уголовный. Аналогичный порядок рассмотрения предусматривался для расторжения брачных сопряжений несовершеннолетних лиц или имеющих от роду более 80 лет, а также в случаях, когда в брак вступали лица, уже состоявшие в браке и не расторгшие прежний брак установленным порядком.

Пример расторжения брака несовершеннолетних находим в материалах дела отставного подпоручика Измайловского полка Глазатова[31], который принудил пол-

кового священника (угрожая расправой, по словам священника) обвенчать 13-летнюю девицу Устинью Андрееву со своим 11-летним дворовым мальчиком Григорием Козьминым[32], брак которых был признан незаконным и расторгнут. Пример бракосочетания, незаконного по причине нерасторжения должным образом брака, заключенного ранее, находим в биографии Павла Юрьевича Львова. В 1808 г. он обменялся с первой женой «распустными» письменными отречениями, подтверждающими расторжение брака, и венчался в Новгороде с 16-летней Е.И. Шнейдер. Второй брак, в котором у Львовых родилось восемь детей, был расторгнут Синодом, дети признаны незаконнорожденными и лишены прав на наследство. Для признания такого брака незаконным не существовало никакого срока давности: его расторжение состоялось уже после смерти Павла Юрьевича. Не было срока давности и для расторжения брака, заключенного между лицами, находящимися в запрещенных степенях родства или свойства. Таким образом, существовала возможность, что кто-либо, например, из детей Федора Петровича от первого брака инициирует процесс признания второго брака Федора Петровича недействительным с целью завладения частью наследства, полагавшейся детям от второго брака. Однако, при тех отношениях, которые были в семье Федора Петровича, такое развитие событий представляется совершенно немыслимым. Кроме того, делить после смерти Львова было уже нечего: всю недвижимость он разделил между детьми еще при жизни, Елизавета Николаевна, несмотря на молодость, сумела заменить детям Федора Петровича от первого брака мать. Львовы прожили в любви и согласии четверть века. У них родилось еще много детей. По сведениям Вагановой, у Федора Петровича от первого брака было десять человек детей выживших и пятеро умерших в младенчестве, а Елизавета Николаевна была беременна 16 раз, но многие дети умерли в раннем возрасте. Общее количество детей Львова приводится в письме его сына Федора Федоровича своей сестре Надежде Федоровне: «Я послал тебе копию с рисунка, что у меня на табакерке папа. Ты, верно, не сообразила, что это такое. Может быть, ты и не знаешь. Это рисунок, сделанный когда-то очень известным декоратором Гонзаго[33]. Все колонны сделаны из волос братьев и сестер, с фасу 17 колонн, под фронтоном 6, значит, с того боку, что не видно, тоже 11 колонн, всего 28, а на одном конце вовсе колонн нет. Все это изображает 17 живых детей и 11 умерших. Под фронтоном надпись: украшая, поддерживают. Эта надпись не вышла в фотографии. На камне надпись: остальные незримы, но существуют. Я счел, кстати, этот Парфенон тоже включить в альбом. А ты не догадалась!»[34]. В книге И.П. Бочкаревой «Род Львовых» (Торжок, 2004) названы шестеро детей Елизаветы Николаевны: Леонид, Федор, Константин, Мария, Надежда, Любовь. В семье Львовых проживала также воспитанница Федора Петровича — девица Наталья Иосифова[35] (р. около 1800 г.).

После смерти Львова, последовавшей в 1836 г., Елизавета Николаевна поселилась в доме своего пасынка Алексея Федоровича, которому Федор Петрович поручил заботиться о мачехе.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Хорошей иллюстрацией возможностей родителей по воспрепятствованию к вступлению в нежелательный брак является история женитьбы Павла Юрьевича Львова (1768 — 31.5.1825), писателя и участника «Беседы», которого Н.М. Карамзин называл «львенком» — в отличие от «львов» Ф.П. и Н.А. Львовых. В 1788 году Павел Юрьевич вознамерился сочетаться первым законным браком с воспитанницей графа Александра Сергеевича Строганова девицей Елизаветой Дмитриевной Волковой. По словам родственницы Львова, Анастасии Козловой, проживавшей в Петербурге, мать Львова Софья Ивановна (урожденная княжна Ухтомская), не желая такого мезальянса для своего сына, обратилась к ней с просьбой воспрепятствовать браку: «Милостивая моя государыня сестрица Настасья Ивановна! Простите мне, что я сим Вас беспокою, но как дело важное, а особливо мне коснулось до чувствительности моей, то, прося Вашего соучастия, надеюсь вместе с Вами войти в посредство предыдущего намерения сына моего, который предпринял желание и без дозволения моего не на ровной и себе постыдной партии жениться <...> Надеюсь, что Вы взойдете в состояние его и подадите способ к отвращению пагубного сего следствия <...>»[36].

Обращение Козловой к Павлу Юрьевичу, по-видимому, успеха не имело, поэтому она обратилась 30 сентября 1788 г. к владыке Гавриилу, митрополиту Новгородскому и Петербургскому, с письмом: «Высокопреосвященнейший владыко! Милостивый архипастырь! Свойственник мой поручик Павел Юрьевич Львов предпринял намерение жениться без воли своей родительницы, а при том уже матери его известно, что он, не разбирая состояния своего и не сравнивая сходство звания, берет за себя дому его сиятельства графа Александра Сергеевича Строганова служанку Елизавету Дмитриеву дочь Волкову, чего ради мать его меня просит, чтобы сие его намерение опровергнуть, и в доказательство Вашему Высокопреосвященству при сем прилагаю письмо матери его, которое она писала за сына своего, просит меня, чтоб не допущать его к совершению его брака, то я, осмеливаясь Ваше Высокопреосвященство просить сим моим письмом, чтоб соблаговолили сделать по всем церквам здесь в городе запрещение, чтоб его с таковой невестой не венчать, да при том, если смею представить, и то, что на Каменном острову запрещение послать, чтоб той церкви священник де не обвенчал, так как поблизости дача его сиятельства, чем обяжете всю его фамилию, благодарность в которой участие приемлю, и, донеся сие, имею счастье называться Вашего преосвященства всепокорнейшая услужница Настасья Козлова»[37].

Владыка Гавриил внял просьбе Козловой: до священников всех церквей Санкт-Петербурга было доведено под роспись запрещение венчать Львова и Волкову. Павел Юрьевич, получив запрещение венчаться, также обратился с письмом к владыке: «Ваше Высокопреосвященство, милостивый архипастырь! Известно вам намерение мое вступить в законное супружество с девицею Елизаветою Дмитриевной Волковой, но, как по несправедливому представлению, сделанному от госпожи Козловой, оное вами удержано, то открываю вашему преосвященству, как наместнику Божию, мою душу и сердце, и главные причины, побуждающие меня исполнить сие мною предпринятое намерение, они суть следующие: во-первых, глас чести, природы, чувствительности, сродной человеку, и глас совести; потом, я удостоверен в том, что сия девица поведения честного, сведущая в домостроительстве, паче всего благонравна и состоянием своим не приносит унижения роду моему. Во-вторых, что всего сугубее, склонности наши, взаимная друг к другу любовь и обольщенная мною невинность ее навлекли важнейшие для нас следствия, которые принудили нас дать друг другу взаимные письменные обязательства, дабы мне не сочетаться браком с другою и ей также не входить в супружеский союз с другим. После сего, любомудрый пастырь, посудите, не должно мною гнушаться человечество, что я, уверив невинность, обольстив ее, сделаюсь чрез сие пред целым светом бесчестным. Ежели сие наше намерение останется без исполнения, то моя обручница девица Волкова может и имеет право для спасения себя от порицания просить там, где надлежит, по данному ей от меня обязательству удовольствия, что, лишая меня чести многими стараниями, поведением моим и званием моим приобретенной, нанесет посрамление роду моему. Итак, Высокопреосвященнейший владыко, обратите святительное Ваше на сии наши обязательства внимание и для избежания моего от опасного бедственного следствия, от обручницы моей произойти могущего, сделайте ваше кому надлежит о обвенчании нас повеление, чем отразите готовящееся нам зло и обяжете щедротами и благоволением Вашим пребывающего с глубочайшим своим почитанием и преданностью Вашего Высокопреосвященства покорнейшего слугу Павла Львова»[38].

Владыка Гавриил не отозвал своего запрещения, но обратился в Рязань к отцу Симону с просьбой связаться с проживавшей в Рязанской губернии матерью Львова. Отец Симон в ответном письме сообщал: «...Комиссия Ваша была мне важна, чтобы спросить поручицу Софью Ивановну Львову, которая имеет жительство в Михайловской округе в деревне Веденеевке, подлинно ли она писала просьбу к вам в том, чтобы венчание возбранить ее сыну Павлу Юрьеву с воспитанницей графа Александра Сергеевича Строганова Елизаветою Дмитриевой Волковою. А как она, поручица Львова, гораздо неблизко живет к нашей Рязани, то мне и видеть ее и сыскать скоро не можно было, чего ради поручил я секретарю Дмитревскому увидеть оную поручицу и позвать ее на свидание ко мне, а ежели почему либо не захочет поехать, то с нею о материи реченной поговорить и моим именем поувещевать, чтобы она не препятствовала сыну в законный брак вступить»[39].

Однако Дмитриевский Софью Ивановну в Веденеевке не застал, поскольку та уехала в другое свое имение. Лишь когда Павел Юрьевич представил полученное им 18 января 1789 года письмо матери, заверенное священником церкви Успения Пресвятой Богородицы села Глыбочки Иваном Семеновым, в котором она написала, что не запрещает сыну вступать в брак, ибо не имеет «никакого права запрещать или принуждать» его, ибо он сам «уже не маленький», может «сам различить белое от черного», Львов получил разрешение владыки и обвенчался в Церкви входа Господня в Иерусалим, что у Лигова канала, уже 24 января того же года.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Дочь Н.А. Львова. Это был второй брак Ф.П. Львова. 21 января 1795 года он вступил в брак с Надеждой Ильиничной Березиной (09.01.1776–25.03.1810), дочерью генерал-майора Ильи Ивановича Березина и Анны Алексеевны, урожденной Дьяковой.
[2] *Пушкарева И.Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница. М., 1997. С. 159.
[3] См.: Русская старина. 1898. Т. 96. С. 539–549.
[4] Там же. С. 541. Текст цитируется в переводе с французского.
[5] Там же. С. 542.
[6] Там же.
[7] Русская старина. С. 543.
[8] См.: *Дзюбанов С.Д.* «Старшей в родстве была Дарья Алексеевна Державина...» // Державинский сб. Петрозаводск, 2000.
[9] РНБ, ф. 247, т. 20, ч. 2, л. 296–300.
[10] Там же. Л. 314.
[11] Последним чином отца И.А. Львова Александра Петровича был действительный статский советник, что но табели о рангах соответствует генерал-майору.
[12] См.: *Дзюбанов С.Д.* Завещание Дарьи Алексеевны Державиной // Г.Р. Державин и его время: Сб. науч. трудов. Вып. 2. СПб., 2005. С. 215.
[13] РНБ, ф. 197, д. 38, л. 11.
[14] *Дзюбанов С. Д.* Завещание Дарьи Алексеевны Державиной. С. 119.
[15] Федору Петровичу принадлежало небольшое родовое имение Арпачево с деревнями Челядино и Вишенье Новоторжского уезда Тверской губернии, доставшееся от матери сельцо Курчино Боровского уезда Калужской губернии, принадлежавшие первой жене село Костимо Рузского уезда Московской губернии и часть села Ворожебского с деревнями Толоцкая и Ерошиха Вышневолоцкого уезда Тверской губернии.
[16] Петр, Илья, Алексей, Николай, Владимир, Василий, Анна, Прасковья, Дарья, Александра.
[17] *Маркова-Виноградская А.П.* Из воспоминаний о моем детстве // Русский архив. 1884. Кн. 3. С. 340–341.
[18] *Батюшков К.Н.* Соч. Т. 3. СПб., 1886. С. 65. Письмо отнесено к декабрю 1809 сода, но в примечании, составленном Л.Н. Майковым и В.И. Саитовым, дается поправка: письмо следует считать написанным в октябре-ноябре 1810 года.
[19] См.: *Григаровский С.* Сборник церковных и гражданских законов о браке и разводе. СПб., 1896. С. 3. См. также: Приложение к настоящей статье.
[20] ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 111, д. 161, л. 33 об.
[21] Сообщено Б.А. Градовой.
[22] Сообщено Б.А. Градовой.
[23] Из кн. брачных обысков // ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 12, л. 853 (“о”). 18.08.1810–09.01.1811.
[25] ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 12, д. 853 («о»), л. 1.
[26] Формулярный список Ф.П. Львова / Публ. Е.Ю.Жаровой // Гений вкуса: Сб. 3. Тверь, 2003. С. 335.
[27] ЦГИА СПб., ф. 19.0Л. 12, д. 853 («о»), л. 2.

[28] ЦГИА СПб., ф. 19.0Л. 12, д. 853 («о»), л. 1 об.
[29] Там же. Л. 3.
[30] Свод законов. Т. 10. Ч. 1. Ст. 37.
[31] У Державина были двоюродные племянники Глазатые, которых он исключил из списка своих наследников «по неслужбе их и не лучшему поведению».
[32] «А отец ее был родной — главной провизской канцелярии сержант Андрей, который назад тому лет с 10 помре, и она, Устинья, осталась малолетняя и в несовершенные лета, то есть 13 лет, и, живучи при сестре своей лейб-гвардии Измайловского полка егеря Федора Наумова жене его Ульяне Андреевой, подговорена тем Глазатовым для житья с ним блудно, на что она, по глупости своей согласись, к нему, Глазатову, от сестры бежала и жила у него 2 недели, в то время Глазатов, растля ее, обращался с ней в непотребстве, а потом, дабы она у него жила без всякого помешательства, выдал ее за малолетнего своего дворового человека Григория Козьмина, которому было тогда 11 лет. Обвенчана в Измайловском полку при церкви Троицкой. Зять ее пытался помешать, но за то был наказан батогами. По выходе в замужество жила с Глазатовым блудно до приезда из деревни Прасковьи Артамоновой, жены Глазатова. Узнав о прелюбодеянии мужа, увезла Андрееву в свою вотчину, где Андреева жила года полтора. Но затем была привезена Глазатовым опять в Петербург» (ЦГИА СПб., ф. 19, он. 1, д. 10320).
[33] Гонзаго, Пьетро (1751–1831) — итальянский художник-декоратор, с 1792 г. работал в России. Автор росписей дворца в Павловске (галерея Гонзаго).
[34] ГАЯО, ф. 1208, оп. 1, д. 85, л. 11-12.
[35] ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 112, д. 752, л. 4.
[36] ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 1, д. 14041, л. 5.
[37] Там же, л. 2.
[38] Там же, л. 15.
[39] ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 1, д. 14041, л. 3.

А.П. ЛЬВОВА
Москва

СЫН, ВНУКИ И ПРАВНУКИ НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ЛЬВОВА

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам...
А.С. Пушкин

Лев Иванович Львов, мой муж, и я прожили в Никольском два года. Поселились в старом деревянном учительском доме, который и поныне стоит напротив бывшего барского дома, нет, все-таки — дворца. Хоть и осталось от него меньше трети и давно выбиты стекла и выломаны оконные рамы и двери, разобраны печи и камины, но по-прежнему он остается центром, все еще «доминирует» над всеми даже современными постройками существующего Никольского. Сохранилась легенда, что дворец когда-то напоминал «взлетающего орла».

Наш приезд в Никольское совпал с тем моментом, когда из дома-дворца отрывали и вывозили последние доски от пола. Наша попытка как-то воспрепятствовать этому ни к чему хорошему не привела. Мучило отчаяние. Хотелось как-то передать Николаю Александровичу и Марии Алексеевне, что есть люди, которые способны не только «добивать» их имение, так любимое ими. Но, как, как это выразить?! Положить цветы и поклониться негде. Нет могил. Местный житель, бывший в те далекие годы мальчиком 14 лет, рассказал нам: «... Помню, что в 1939 году (шла финская война) выкидывали барина. Искали золото. Гроб свинцовый, стенки вот такие (показывает 4–5 см). Внутри вдоль стенок гроба — лента позолоченная. Когда открыли крышку, лежит как живой. Одежда серого цвета с темными ромбами, отделана позолотой. Никаких драгоценностей не было... Барыню тоже выкинули. Помню, что у нее были рыжие волосы... и коса длинная, толстая. Проткнули ножом, после чего барыня рассыпалась, а была тоже как живая... Череп барина и рыжая коса барыни долго висели перед мавзолеем на дереве, а потом куда-то исчезли...» Значит, дорогих могил нет, а прах хозяев, по-видимому, рассыпан около мавзолея, а может быть, и по всему парку. Положить цветы некуда.

Тогда решили обойти все строения когда-то бывшие в имении, и поклониться им. Зашли в дом. Все стены исписаны. Но одна надпись через всю стену около

Ил. 1. Лев Иванович Львов и Алла Петровна с внуком Глебом на фоне Мавзолея-усыпальницы в Никольском. Фото Л.А. Перфильевой, июнь 2001 г.

Ил. 2. Алла Петровна Львова с дочерью Татьяной и внуком Глебом на фоне Приоратского дворца в Гатчине. Фото Л.А. Перфильевой, март 2001 г.

лестницы привлекла внимание. «Простите нас, Николай Александрович», — гласила она. Поднялись на второй этаж, откуда все так же открывается живописный вид «окрестных уходящих вдаль лугов, открытых взору из окон». Но вместо английского парка — обычные огороды да холмики земли над проходами кротов. Заросли ольхой пруды за английским парком, а их причудливые берега можно отыскать только по булыжникам, до сих пор их обрамляющим. Не слышно шума от искусственного каскада с двухметровым перепадом воды, связывавшего два пруда, и «обращавшего внимание зрителя на всю панораму». На его месте и на месте гротакупальни из «дикого камня», груда прекрасных крупных валунов. Сохранились могучие каменные своды кузницы — один из самых примечательных поражающих образов. Но ее арки-проемы не освещены по вечерам всполохами огня в горне. Чаша — полукруглый резервуар от водоема перед въездом в Никольское — валяется посреди деревни.

Сохранились границы прямоугольного верхнего пруда, кирпичные стены мельницы, фундаменты каре конного двора, зернохранилища, скотного двора «при воде текучей», храмов, храмиков, павильонов и других «затей», которые так любил Николай Александрович. Живы еще один кедр и одна пихта, несколько поседевших от старости дубов, могучих лип и серебристых тополей, две огромные лиственницы — по бокам уныло стоящего погреба-пирамиды. Они берегут память о тех, кто их сажал и выращивал.

Однажды я была поражена ковром опавшей листвы недалеко от дворца. Видимо, Николай Александрович подбирал группы посаженных рядом деревьев с учетом срока падения листвы. Оказывается, сначала опадают желтые листья липы,

потом еще зеленые почему-то листья ясеня, следом красные — клена и поверх серебристые листья тополя. Вышло солнце после небольшого дождя, и меня поразил открывшийся взору орнамент.

И храм-усыпальница, несмотря на все те глумления, на которые только способен человек, продолжает оставаться одним из самых поэтических архитектурных творений Николая Александровича. Позолота с креста и шара над куполом давно уже целенаправленно снята, но в отдельные необъяснимые моменты, даже в пасмурную погоду, и шар и крест загораются ярким светом, что заставляет сердце тревожно сжиматься. Может этот свет о чем-то извещает, предупреждает. А может, просто солнце «временами сходит... в дом свой покоиться», как когда-то мечтал Николай Александрович.

А поздним вечером из окон дворца вылетают летучие мыши и совы. Такое ощущение, что это частички праха или Души (да простит меня Господь) Николая Александровича и Марии Алексеевны вылетели погулять над английским парком и прудами, полюбоваться тем, что еще осталось и погрустить над тем, что уже не вернется, а может, защитить от окончательного разрушения то, что было дорого сердцу.

Наша родственница Наталья Ивановна Толстая, посетив Никольское, заплакала, по ее словам:

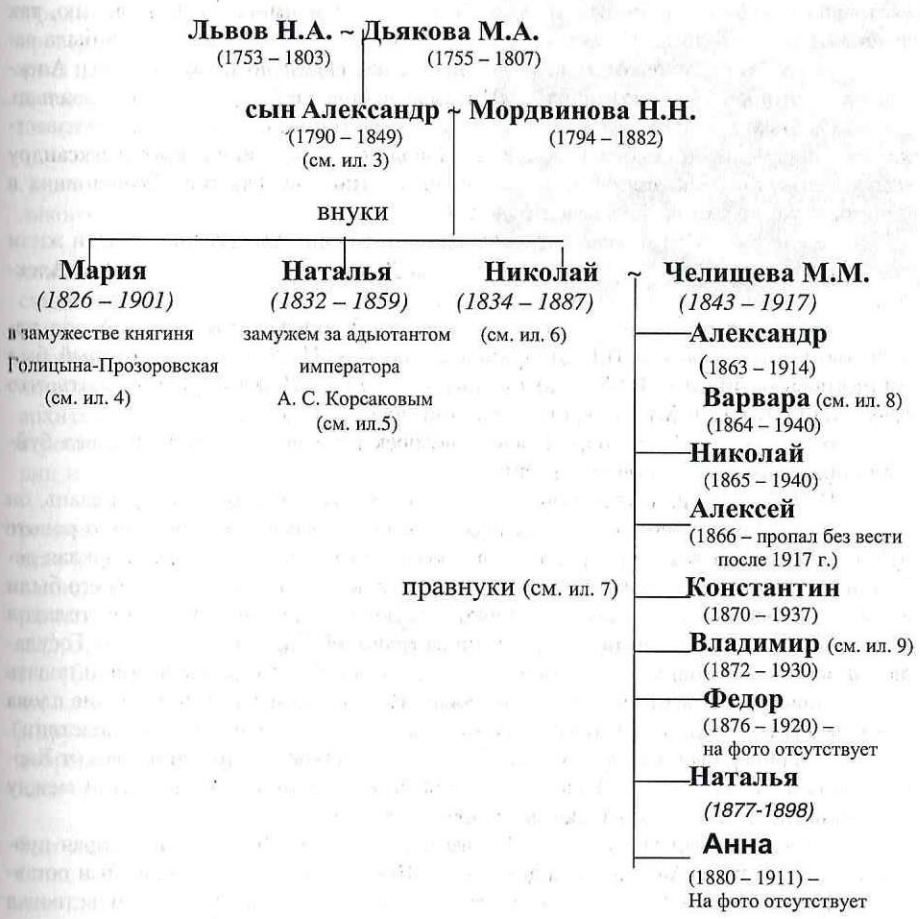
...От впечатлений, рвущих душу,
Что навалились, будто снег,
Закрыв природу и красоты
И вызывая лишь работу сплошную
Мысли: как же быть?
Как сделать так, чтоб все вернулось:
И сад, и парк, и Храма крест,
И чтобы люди все окрест
Соединилися под сводом
Творений сказочных Его,
Что осенили Его гений...

Кого просить? Кому молиться?
Чтоб Храму, дому возродиться,
Чтоб купол заиграл на солнце,
Чтоб стекла вставили в оконца,
Чтоб люд очнулся и прозрел,
И свое варварство презрел,
Когда ломал и наживался,
Кутил, беднел и опускался...
Да помоги нам всем Господь!

Сын Николая Александровича Львова (1753–1803) Александр (1786–1849), его внук (тоже, как и дед, Николай Александрович (1834–1887), и правнуки были, если и не такими знаменитыми, как их предок, но весьма достойными людьми.

Можно сказать, что печать исключительности лежит на них, поскольку жизнь их сплетена с внешними обстоятельствами большой важности, участниками, свидетелями и жертвами которых им пришлось быть. По свидетельству современников, все Львовы были очень просвещенными людьми, русскими европейцами; это у них идет от XVIII века, то есть от времени, когда европейское просвещение было в России уделом еще очень немногих.

Генеалогическая ветвь Александра Николаевича Львова



Александр — второй сын архитектора — родился в 1786 г. Так свидетельствует семейная генеалогия Львовых. Кроме того, Я.К. Грот в своих объяснительных примечаниях к сочинениям Г.Р. Державина пишет: «Леонид — старший сын Н.А. Львова, родился 8 августа 1784 года... Брат его Александр двумя годами моложе его...» Далее будет приведено еще несколько свидетельств современников, подтверждающих именно эту дату рождения. Поэтому есть основания считать, что указанный в «Родословном сборнике русских дворянских фамилий» В.В. Руммеля и В.В. Голубцова год рождения Александра, как 1790 год, ошибочен.

14-ти лет, т. е. в 1800 г. Александр был послан отцом в Курляндию на воспитание в доме пастора. Александр от рождения был близорук и, возможно, ему была уготована судьба священника. Посему был отправлен именно в Курляндию, так далеко от родного дома. Известно, что младшая сестра матери Екатерина была замужем за графом Стенбоком и жила в Прибалтике. Известно также, что отец Александра с сентября 1800 г. по апрель 1801 г. тяжело болел и был стеснен материально.

Сколько времени Александр пробыл на воспитании в доме пастора неизвестно, но в письме от 30 ноября 1800 г. Н.А. Львов пишет: «...дай слепому Александру *(сыну)* что-нибудь на присягу, когда он по ходатайству Гаврилы Романовича в иностранную коллегию переведен будет...»

После смерти Николая Александровича и Марии Алексеевны их дети жили и воспитывались в доме Гаврилы Романовича Державина и его жены Дарьи Алексеевны, которая приходилась им тетушкой.

Далее известно, что Александр служил в Министерстве юстиции под начальством вначале князя П.В. Лопухина, а потом И.И. Дмитриева, который был министром юстиции с 1806 г. до отставки в 1814 г. Можно предположить, что Александр служил в Министерстве юстиции до 1812 г.

В молодости Александр Львов — человек горячего темперамента, вел буйный образ жизни и был очень красив.

В 1812 г. он поступил в ополчение. Посланный в связи с этим в Рязань, он в доме тамошнего губернатора имел неосторожность рассказать при всех о ропоте публики и народа в Петербурге по поводу нерешительных действий Барклая-де-Толли, которого, де, называют не иначе, как «болтает, да и только». Слова его были во всей подробности переданы главнокомандующему, который едва не отплатил ему жестоко. Во время пребывания армии за границей Барклай представил Государю записку о необходимости «строго взыскивать за подобное разглашение и подать пример такой строгости, расстреляв Львова». (Это было первое упоминание слова «расстрелять» в судьбе Львовых, так трагически осуществленное впоследствии). Молодой офицер был прислан в Петербург с фельдъегерем, который привез от Барклая письмо к Аракчееву. Только враждебные отношения этих двух лиц между собою спасли Александра. Аракчеев испросил ему прощение.

Александр был участником «Битвы народов» под Лейпцигом, которая произошла в 1813 г., где погиб командир полка Шевич. Александр был ранен и оставлен на поле сражения. Он был уверен, что уже умирает, но, очнувшись, почувствовал себя живым и на груди нашел крест, сделанный из двух щепок. Крест этот положила ему молодая православная эстонка, находившаяся в семье немца-крестьянина.

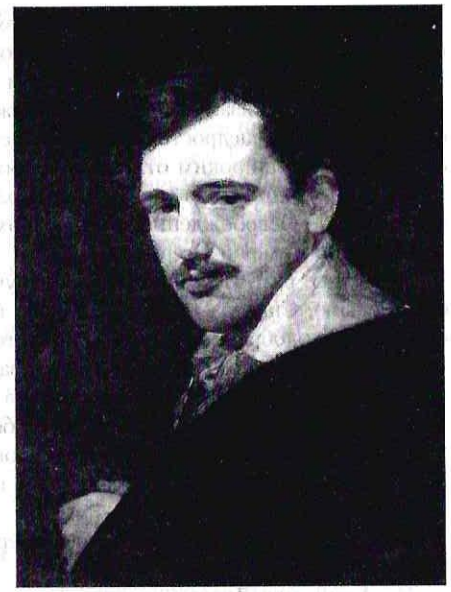
Она его подобрала с поля сражения. Это неожиданное возвращение к жизни и крест на груди произвели на него такое впечатление, что он впоследствии изменил всю свою жизнь.

В 1814 г. Александр — капитан-лейтенант, дослужился до чина полковника, стал кавалером прусского ордена «За заслуги».

В июле 1816 г. он со своим двоюродным братом Семеном Капнистом проводил гроб с телом Гаврилы Романовича Державина из имения Званка в Хутынский монастырь, который так нравился поэту.

В середине 20-х годов Александр Львов жил в Италии, как адъютант великого князя Михаила Павловича.

В 1824 г. он встретил в Риме художника Карла Брюллова. Имеются свидетельства, что Александр Львов дружил с Карлом Брюлловым и его братом Александром, которые высоко ценили его широкую образованность, вкус, знание архитектуры и энергию. В 1824 г. они втроем совершили ряд поездок по Италии и Сицилии.



Ил. 3. Александр Николаевич Львов (1786–1849), сын архитектора. Портрет кисти Карла Брюллова

Ростовская Мария Федоровна, дочь Елизаветы Николаевны и Федора Петровича Львовых, племянница Александра, так вспоминала: «Карл Брюллов приехал к нам в дом, чтобы по просьбе брата Алексея Федоровича (известен тем, что написал музыку к гимну „Боже, царя храни“) писать портрет ее матушки. Разговорились о дяде, Александре Николаевиче. Брюллов припомнил, как Александр нашел его без копейки денег в какой-то жалкой гостинице, как узнал от хозяина об его (Брюллова) затруднительном положении, все за него заплатил и не сказал ему ни слова, а Брюллов, со свойственной его беспечностью, того и не заметил и узнал о дружеском поступке Александра только несколько месяцев спустя. Он — истинно добродетельный был человек,— продолжал Брюллов,— я написал его портрет в три часа времени».

И далее, рассказывала Мария Федоровна со слов Брюллова «...полковник был сильно близорук, однако, носить очки считал неприличным: рассматривая работы, он щурился, горбился, вплотную подступал к холсту. Карлу нравилось холеное лицо полковника, его точеный нос, чувствительные губы, веселые светлые невидящие глаза, во взгляде которых тонкий ум и насмешливость человека, знающего всему цену. Портрет получился как бы сам по себе. Львов о нем не просил, и

Карл о нем не думал, захваченный новыми впечатлениями, поисками сюжета, пробой сил, он до поры вообще позабыл о портретах. Но Александр Николаевич с таким восхищением подносит к глазам картонки, холстики, листы бумаги с его набросками и эскизами, с такой восторженной убежденностью сулит ему великое будущее, с такой щедростью предлагает ему всяческую помощь,— и так он красив в белой рубахе с широким отложным воротником, в черном плаще через плечо».

Александр Львов заказал К. Брюллову две картины «Эрминия у пастухов» на сюжет из «Освобожденного Иерусалима»; сюжет второй картины: «Беседа Нумы Помпилия с нимфой Эгерией».

И еще раз Александр Львов выручил К. Брюллова, когда художник вернулся в Россию. Сначала мысль Брюллова насчет купола Исаакиевского собора была совершенно одобрена государем, но потом расписывать купол ему не позволили. Видя совершенное отчаяние К. Брюллова, Александр имел случай говорить об этом великой княгине Елене Павловне, купол был возвращен художнику, но писать его так и не довелось из-за обострившейся болезни.

Об искусстве полковник судил тонко, в мастерских живописцев был желанным гостем, советы его выслушивались внимательно, заказы охотно принимались, платил он хорошо.

Художник Иосиф Иванович Габерцетель (1791–1853) написал «Тайную вечерю» для А.Н. Львова.

Александр Львов вместе с архитекторами И.А. Монигетти и А.М. Горностаевым принимал участие в восстановлении покоев Зимнего дворца после пожара 1837 г. — в качестве помощника архитектора А.П. Брюллова, по рекомендации А.Н. Оленина.

Он был известен и как художник-любитель. Сохранился альбом с его рисунками.

29 апреля 1825 г. Александр Николаевич Львов, будучи уже отставным полковником, женился на Наталье Николаевне Мордвиновой (1794–1882), дочери графа Николая Семеновича Мордвинова (1754–1845), знаменитого адмирала, первого морского министра в России, впоследствии известного государственного деятеля. Мать Натальи Николаевны — англичанка (вернее шотландка) Генриетта Александровна Коблей (1764–1843). Тридцатилетним мичманом, находясь в Ливорно, Н.С. Мордвинов встретил на улице неизвестную красавицу, последовал за ней; она оказалась сестрой миссис Патридж, жены английского консула в Ливорно. Вскоре молодые люди повенчались, и Генриетта Александровна последовала за своим мужем в неизвестную ей тогда холодную страну Россию. А было ей в ту пору всего двадцать лет. Брак оказался наисчастливейшим.

Вернемся же к свадьбе графини Натальи Николаевны Мордвиновой и Александра Николаевича Львова. Оба были уже не первой молодости. Наталье Николаевне за 30 лет, Александру Николаевичу — 40. (Еще одно подтверждение того, что А.Н. Львов, скорее всего родился в 1786 г. Так свидетельствуют современники). Где они могли познакомиться или, скорее всего, были сосватаны, учитывая их немолодой возраст, особенно невесты? Гаврилы Романовича уже не было в живых, но ранее Н.С. Мордвинов часто бывал в доме Державина на заседаниях литературного

общества «Беседа любителей русского слова». Бывал, наверняка, и Александр, в доме Мордвиновых на Театральной, где устраивались известные еженедельные балы для молодежи. Так, или иначе, свадьба состоялась.

Ранее еще до 1812 г., когда Наталье Николаевне не было 18 лет, сватался к ней Николай Николаевич Муравьев (1794–1866), впоследствии прославивший себя покорением Карса. В своих воспоминаниях Муравьев-Карский описал трогательную историю сватовства, длившегося 18 лет и окончившимся выходом замуж Натальи Николаевны за Львова. Это тема отдельного рассказа. Свадьба Натальи Николаевны с Николаем Николаевичем не состоялась сначала из-за молодости Натальи Николаевны, потом из-за несостоятельности жениха обеспечить в то время достойное содержание будущей жены в Петербурге. И хотя, по строгости своих нравственных правил и непреклонной, твердости характера и необыкновенной воздержанности в образе жизни, Николай Николаевич Муравьев-Карский представлял, по утверждению современников, героя лучшей эпохи Рима, судьба уготовила Наталье Николаевне в мужья Александра Николаевича Львова. И благодарим за это Бога.

После женитьбы Александр Николаевич и Наталья Николаевна поселились в своем имении Бобылевка Саратовской губернии. Эта земля, подаренная вместе с крестьянами отцу Александра Николаю Александровичу Львову императором Павлом I, представляла собой голую степь. Вся усадьба: господские строения, каменные крестьянские избы, большой фруктовый сад, парк, наконец, огромный для села, как городской собор, храм, господствующий над всей усадьбой; все устроено Александром Николаевичем, им самим за время его жизни. В церкви все иконы были заказанными им копиями итальянских мастеров. Для «облесения» (покрытия лесом) степи сажал целые рощи деревьев. Получая деньги из имения, делил их на три части: на жизнь, на детей и на крестьян.

Почти всю свою жизнь за время супружества Александр Николаевич и Наталья Николаевна прожили в Бобылевке в небольшом деревянном доме «о 7-ми комнат». Каменный дом Александр Николаевич построил только к концу жизни, не позволяя себе начать таковой постройки прежде устройства крестьянам каменных изб и сооружения церкви. Забота о крестьянах составляла одну из главных задач его жизни. «Богом они мне вручены, чтобы управлять ими, наставлять их добру и заботиться об их благоустройстве, за них я понесу строгий ответ пред Богом»,— такова мысль, которая прослеживается во всей деятельности Александра Николаевича на пользу своих крестьян. На этой мысли он постоянно останавливается во всей своей переписке, касающейся управления крестьянами. Александр Николаевич не ограничивался одними словами, постоянно проводил эту мысль на деле, слово и дело у него не расходились.

Особое испытание его нравственного мужества, непоколебимой преданности высказанным убеждениям предоставил ему холерный год. При одной вести о приближении холеры многие из помещиков бежали из своих деревень. Нужно себе вообразить, какую глушь представляла собой тогда Саратовская степь, чтобы понять вполне самоотверженный поступок Александра Николаевича. При приближении холеры Александр Николаевич сказал жене, что от Божьего гнева бежать некуда,

и если суждено им умереть, то они умрут, что не об этом должны они в данную минуту думать, а о своих обязанностях по отношению к крестьянам. Всякий карантин для усадьбы не мирится с исполнением помещичьих обязанностей. А потому они будут продолжать жить так же, как живут, и лечить крестьян. Наталья Николаевна, хотя и с нравственной пыткой, как сама потом рассказывала, но покорилась решению мужа. Холера вскоре разразилась в их имении. Всего в продолжение нескольких месяцев переболело 600 душ, всех их лечил сам Александр Николаевич, и ему удалось спасти более 500 человек от смерти. Ни он, ни его семья от холеры не пострадали. Так он исполнил свой долг по отношению к крестьянам. Наталья Николаевна рассказывала, что за это время она быстро поседела от страха за семью.

Такой же глубоко христианский взгляд Александра Николаевича на своих крепостных сказался и в словах, обращенных им к его старшей дочери Марии Александровне (впоследствии замужем за князем Голицыным-Прозоровским). Слова эти, как она сама передавала, она не забывала всю жизнь. Впервые, давая своей несовершеннолетней дочери рубль на личные расходы, отец, показывая на него, сказал: «Помни, Маша, что на нем пот и кровь твоего народа».

В 1832 г. Александр Николаевич основал Общественный заемный банк села Бобылевка. Для «составления полного капитала банка» внес 10 000 рублей наличными. «Эта сумма поступала в ежегодную раздачу крестьянам села Бобылевка по особым банковским правилам», составленным самим Львовым. В 1839 году капитал с приращения процентов так успешно возрос, что он счел возможным без нарушения хода дела вернуть себе вложенные первоначальные 10 000 рублей. А образовавшийся капитал свыше этой суммы подарил на «вечные времена» Общественному мирскому Бобылевскому заемному банку. Эту свою волю Александр Николаевич закрепил в «Уставе» банка, введя туда составленное им «Обращение к наследникам моим».

В 1839 г. Львов основал Общественный заемный банк в другом своем имении — Пущино Тамбовской губернии, а в 1841 — в селе Журавки Саратовской губернии.

Следует отметить, что Александр Николаевич был первым в России, кто основал банки такого характера. Тогдашний министр государственных имуществ граф П.Д. Киселев в деле создания сельских банков для государственных крестьян думал воспользоваться именно этим типом банка, который к тому времени (1840 г.) уже дал прекрасные результаты действия в имениях А.Н. Львова.

Заемные банки, основанные Александром Николаевичем Львовым, действовали до освобождения крестьян от крепостного права, т. е. до 1861 г. После освобождения, согласно воле тогда уже покойного А.Н. Львова, сын его Николай Александрович не считал себя вправе уже вмешиваться в управление делами Банка. Так как капиталы Банков принадлежали обществам крестьян на правах полной собственности, то он и передал их в полное управление этим обществам. К сожалению, через несколько лет от этих капиталов, как и от самих Банков, ничего не осталось, ибо капиталы Банков были расхищены самими же крестьянами.

Николай Николаевич Муравьев-Карский вспоминал (1841 г.): «В бытность

мою в Москве я увиделся после 25 лет с Натальей Николаевной Мордвиновой, ныне за Львовым. Казалось, что муж ее будто избегал сначала свидания со мною. Нас познакомило желание, которое он изъявил, купить Рязанское имение Веры Пален, которое находится в моем управлении. Он не купил его, но был у меня, что и меня вызвало к нему. В первый день я не видел жены его, которая, как он говорил мне, ушиблась нечаянным падением об угол камина; но она, как после мне сказала, видела меня, когда я по лестнице спускался. В другое посещение мое я с нею виделся. Все приемы ее, черты лица, все тут было и напоминало ее в образе молодых лет ее. В сих сотрясениях поверяется неизмеримость и мгновенность времени, таинственных наших душевных влечений. Я мало имел случаев с нею говорить, потому что муж ее не переставал занимать меня разговором. Оба были очень приветливы ко мне, а она в особенности, просила меня навещать их всегда, когда случай мне на то предстанет. Оба они оставили во мне приятное впечатление по искренности их обхождения, составляющее отличительную черту в поступках и жизни их.

Приятны для меня были часы, проведенные в обществе их; я с удовольствием слушал суждения их о деревенской жизни и благосостоянии крестьян, коим они посвятили многие годы жизни. Нелюдимость Львова, как заметно, следствием слишком горячего сердца его, не соответствовавшего равнодушию и беспечности людей, с коим и он встречался и был в сношениях. Речи его льются свободно, когда он выражает красоты природы, прельщающие его, или когда предметом их бывает нищета и скудность человеческого рода, коему он пламенно желает пособить. Оба одушевлены простою и чистою верою и не заблудились в бесполезных мудрованиях. Словом, люди хорошие и заслуживающие всякого уважения и любви...»

У Александра Николаевича и Натальи Николаевны было три дочери и один сын. Потеряв одну из дочерей, вероятно, младшую, которой было 3 года, они переезжают в Москву, где в 40-х годах Александром был куплен дом на Спасо-Песковской площади. Дом этот сохранился и сейчас (современный адрес: Спасопесковская площадь, 8). «Арбатский архив» свидетельствует, что в усадьбе, принадлежавшей в начале XIX века Щепочкиной, в 1821–1822 гг. жил очень близкий к А.С. Пушкину человек, Петр Андреевич Вяземский. Возможно, в этом доме бывал и А.С. Пушкин, конечно, еще до покупки его Александром Львовым.

В Москве Александр Николаевич — деятельный член Московского Попечительного о тюрьмах Комитета, которым ему были вверены «преступники Московского губернского замка». Он относился «к возложенному на него попечению с такою же нравственностью и строгостью, как к долгу своей государственной службы». При этом «заботился не только о материальном вспомоществовании им, но и, изыскивая меры для нравственного воздействия на их совесть», для чего проводил собеседование с каждым из них в отдельности. Эти беседы привели его к мысли о необходимости издавать для чтения преступниками книг нравственного содержания. Для рассмотрения вопроса о содержании подобных книг у Александра Николаевича на дому собиралось «общество из духовных и светских лиц», «здесь читались вслух те поучения, которые предполагалось издавать, затем имели о них суждение, толковали и выбирали для перепечатывания подходящие места из святоотеческих

творений». Книжки эти Александр Николаевич печатал за свой счет и раздавал преступникам даром.

Один из современников писал: «Но такого рода благая издательская деятельность на пользу преступников не могла не поразить внимание чуткого сердца своим странным несоответствием общему положению дела распространения в народе духовно-нравственных книг. Странно было бы так усиленно заботиться о духовном просвещении преступников, когда ничего не было сделано для такого же и более благодарного распространения духовного просвещения среди народа...» От издательской деятельности на духовную пользу преступников Александр Николаевич естественно перешел к издательской деятельности на пользу всего народа. «О, если бы кто-нибудь,— грустно замечал он,— пожелал обратить внимание на предмет, заслуживающий всякого уважения, собрать справки и убедиться, что с каждым годом число преступников, поступающих в места заключения, не уменьшается, а увеличивается, то мог бы заключить из того, что нравственное состояние народа отнюдь не улучшается. И как ему улучшиться? Кто о нем печется?.. Книг поучительных, которые могли бы дать ему необходимые понятия о религии, таковых книг он приобрести не может, [потому.— *ред.*] что они продаются не иначе, как полными творениями и ценою ему недоступной...».

Александру Николаевичу принадлежал почин в деле издания и широкого распространения в народе книг (брошюр) для духовно-нравственного чтения по общедоступным ценам. По его ходатайству в Москве был Высочайше утвержден специальный Комитет.

Примечательно, что этими народными изданиями предполагалось воспользоваться для всех сельских училищ. Так что дело издания народных брошюр с первого же начала должно было принять «широкий размах государственной меры».

На благую деятельность «издания духовного и нравственного чтения для народа» думал Александр Николаевич посвятить преклонные дни своей жизни».

Известен его «Арифметический самоучитель геометрии, механики, физики и астрономии» (изданный Университетской типографией в 1848 г.) — это «возможно кратное и совершенно популярное изложение математических наук», по его словам.

Александр Николаевич был камергером, тайным советником, членом Английского клуба, приятелем писателя С.Т. Аксакова.

За два года до смерти Александра Николаевича в 1847 г. В.А. Тропинин написал «Портрет А.Н. Львова» в его доме.

Наталья Николаевна была маленькой, очень маленькой старушкой. Она была прелестна, до самой смерти в 87 лет она сохранила женскую стыдливость, была очень кроткой, мягкой, нежной, спокойной и по природе не горячей, очень верующей и религиозной.

Александр Николаевич и Наталья Николаевна были похоронены на Новодевичьем кладбище, где был склеп Львовых, который не сохранился после событий 1917 г. Остались только документы, удостоверяющие этот факт.

Мария Александровна (1826–1901) — их старшая дочь, была замужем за князем Александром Федоровичем Голицыным-Прозоровским (1810–1898). Они были похоронены в своем имении Раменское. В некрологе, опубликованном в «Русском Архиве», издаваемом Петром Бартеневым, сказано: «...Эта достопамятная жен-

Ил. 4. Мария Александровна (1826–1901) в замужестве княгиня Голицына-Прозоровская

Ил. 5. Наталья Александровна Львова (1832–1859) с женихом Александром Семеновичем Корсаковым (1831–1862) — флигель-адъютантом императора

щина была украшением общества в течение четырех последних царствований... Жизнь ее была развитием и применением унаследованных ею по рождению качеств. Но, кроме того, что изящные художества и науки были ей сродни, она владела искусством здравой благотворительности, о чем свидетельствуют и село Раменское и прекрасная Тамбовская Зубриловка. От ее попечений о бедном люде жилось ему лучше и в отношении нравственном.

Русский Архив обязан княгине Марии Александровне сообщением многих исторических бумаг...»

Вторая дочь Наталья Александровна (1832–1859) была замужем за своим троюродным братом (по линии Мордвиновых) Александром Семеновичем Корсаковым (1831–1862), флигель-адъютантом императора. Похоронены в некрополе Александро-Невской лавры, могилы сохранились.

У Александра Николаевича и Натальи Николаевны был только один сын Николай. Родился он в 1834 г. в Петербурге. Но детство, лет с 6–8, провел в Москве, в том самом доме у Спаса на Песках, купленном его отцом в 40-х годах и сохранившемся нетронутым до продажи в 1882 г.

Его дочь Варвара Николаевна так вспоминала: «Дом был одноэтажным с мезонином, деревянный, на каменном фундаменте, с колоннами. Дом стоял во дворе, в большом саду, обсаженном желтой акацией, где был „детский домик“. Дворовые ворота, деревянные, выкрашенные в белое, закрывались деревянными засовами; по другую сторону ворот, лицом тоже на улицу, был флигель, в котором находились кухня и квартира прислуги. За садом еще находился большой флигель с экипажным сараем и опять квартирой для прислуги. На Спас-Песковской площади, налево от дома, была церковь Спаса-на-Песках, а по ту сторону шли опять все деревянные дома такого же типа со ставнями. Ход был со двора, несколько деревянных ступенек. Прихожая, круглая комната, была оклеена обоями, с двумя фальшивыми дверями и одной дверью, которая вела в переднюю. В передней стояли две большие скамейки (лавки), с ящиками под сиденьями. Потом шла вторая передняя, загражденная ширмами со стеклами; между дверями стояли большие часы; конечно, меблировку дополняли вешалки. Из второй передней шла одностворчатая дверь в буфет и двустворчатая — в залу. Зала была оклеена светлыми обоями, а рисунки на потолке изображены желтой краской, посредине большая люстра папье-маше, золоченая, со стеклом. Между окнами, выходящими во двор, стоял большой орган, заводящийся, с ручкой, который играл оперы, главным образом, из „Лючии“ и из „Ля Мюэтт“. Мебель, как в этой комнате, так и в гостиной, и во всем доме, была красного дерева без бронзы. Вдоль стены между дверьми в коридор и в гостиную стоял большой диван красного дерева, обитый набивным бархатом кирпичного цвета, и над диваном висели два громадных портрета Державина Г.Р. и его жены Дарьи Алексеевны (урожденная Дьякова). Портрет Г.Р. Державина кисти Тончи (в снегу) был завещан Дарьей Алексеевной (1767–1842) своему племяннику Александру Николаевичу Львову. Портрет Дарьи Алексеевны — кисти Боровиковского.

В гостиной, тоже очень большой комнате в четыре окна, с той же мебелью красного дерева кирпичного цвета, на стенах висели: портрет Николая Александровича Львова и два портрета Марьи Алексеевны Львовой кисти Левицкого; затем была прекрасная копия Богоматери Леонардо да Винчи, несколько видов Щедрина, марины А.Н. Мордвинова (сына адмирала), портрет графа М.С. Мордвинова кисти Доу и два портрета Александра Николаевича Львова кисти К.П. Брюллова и В.Тропинина».

Николаю было 15 лет, когда умер его отец Александр Николаевич Львов. Позже Николай служил в Кавалергардском полку. Он был в высшей степени мягким человеком, скромным и даже робким, но внутренне горел неугасимым огнем. За внешним спокойствием он скрывал страстную и восторженную душу. После его смерти найдены были его записки, их было всего две-три. Восторженная любовь к Христу, там выраженная, была изложена с такой силой, что пробуждала то же чувство, что чувствовалось в нем.

Был увлечен модным в то время спиритизмом. В 1859 г. у он потерял страстно любимую сестру Наталью, которая в родах первым ребенком скончалась. Он не мог никогда примириться с этим, искал доказательств ее загробного существования и искал свиданий с ней. С этой целью он постоянно уезжал за границу, как только слышал о каком-нибудь явлении в этой области, к себе выписывал знаменитых медиумов, многие знаменитые сеансы произошли в его доме на Смоленском

Ил. 6. Николай Александрович Львов (младший) (1834–1887) — внук архитектора

бульваре. Но своих взглядов не навязывал, говоря, что верующий не нуждается в доказательствах, но неверующий, ищущий и метущийся, имеет право открыть завесу. И он смотрел на себя, как на помощника неверующим. Николай Александрович (внук архитектора) рассказывал, как однажды познакомился с одним купцом, отчаянным пьяницей, кутилой и безбожником, уговорил купца прийти на сеанс, и купец этот, уверовав в загробную жизнь, был так сокрушен, что три дня рыдал безутешно и совершенно переродился. Далее эту историю продолжает его дочь Варвара Николаевна. Когда она в 1892 г. приезжала в Москву с целью собрать пожертвование для голодающих, к ней пришли два незнакомых человека и поднесли крупную сумму, сказав, что они во время сеанса получили приказание отца отнести эти деньги для голодающих.

Николай Александрович (внук) очень старался повлиять на Л.Н. Толстого, который несколько раз присутствовал на сеансах в доме Львовых на Смоленском бульваре, сохранившемся и до настоящего времени (современный адрес Смоленский бульвар 11/2). Результатом этих посещений стала пьеса «Плоды просвещения», где Толстой изобразил виденное в едкой сатирической форме. Толстой еще раз описал Львовых, но уже в «Анне Карениной», где Львовы так и названы Львовыми и изображены как идеальное семейство. Львовы были знакомы с Толстым домами, то есть семьями. И кто знает, может быть случай с умирающим Александром Николаевичем Львовым после битвы под Лейпцигом послужил поводом для создания образа Андрея Болконского в «Войне и мире».

В 1862 году Николай Александрович (внук) женился на Марии Михайловне Челищевой (1843–1917), происходившей из древнего дворянского рода, один из представителей которого Михаил Бренко, любимый боярин Дмитрия Донского, на Куликовом поле, был облачен в великокняжеские одежды, поставлен под черным великокняжеским стягом и погиб, пораженный в чело (откуда и пошла фамилия Челищевых).

60-е годы — время громадного общественного перелома — освобождения крестьян. Совершившийся всего несколько лет тому назад общественный подъем был в полной силе, все рвалось служить освобожденному народу. Николай Александрович (внук) оставил Кавалергардский полк и вместе с семьей, примерно в 1865 г.,

поселился в деревне, в имении Чернятин Каменец-Подольской губернии, где они прожили безвыездно 5 лет. К тому времени у них уже было трое малолетних детей.

Николай Александрович (внук) поступил в мировые посредники первого призыва и включился в претворение реформы в жизнь: наделение крестьян землей. Кроме непосредственного личного отношения с крестьянами и всевозможной материальной помощи каждому, была построена прекрасная школа, имевшая не только необходимые пособия, но и все последние нововведения в деле наглядного обучения; роскошнейшие таблицы выписывались прямо из Вены — фигуры этнографические и зоологические. Учителя, преподававшие в школе, все были люди идейные, прекрасно образованные, горячо преданные делу. Лучшие ученики, окончившие школу, определялись, по совету учителей и согласно вкусам и влечению каждого из мальчиков, в высшие учебные заведения. Чернятинские парни во множестве разбрелись по русской земле. Фельдшера, учителя, агрономы, певчие — все учились за счет Львова. В деревне были устроены фельдшерский пункт, ясли, построена каменная церковь, прекрасно обставленная иконами и утварью.

Дети, по мере взросления, тоже вовлекались в благотворительную деятельность среди крестьян. Посещали избы, приносили лекарства больным, теплое платье для неимущих, стариков и хронических больных, читали Евангелие и другие священные книги.

Потом, в Москве, Мария Михайловна стала попечительницей городской женской школы, материальное положение которой было возложено на нее (сверх того, что получалось от города). Забота о школе и о каждой ученице в отдельности было делом, к которому относились очень сердечно, серьезно и просто.

До 70-х годов Львовы прожили в деревне безвыездно, а потом стали уезжать на зиму в Москву, а лето проводили в Чернятине, претворяя в жизнь то, о чем мечталось и думалось зимой в Москве. Переезд на зиму в Москву был связан с необходимостью обучения подрастающих детей в гимназиях.

Жена Николая Александровича (внука), вышедшая замуж очень рано, была еще совсем молодой женщиной. Очень одаренная от природы, с воображением горячим, богатым, порывистая и очень восторженная, благодаря своему родству и большой дружбе с Хомяковыми, сразу вошла в среду славянофилов и подпала всецело под их влияние. Тогда в Москве крупными общественными фигурами были Юрий Федорович Самарин, князь Александр Алексеевич Щербатов, Иван Сергеевич Аксаков и Александр Иванович Кошелев. Они были представителями очень крупных помещиков, независимых во всех отношениях, свободных в своих взглядах и очень определенных в своих устоях. Служение народным массам, преклонение перед «русским духом», будущее молодое поколение не представлялось иначе отцам их, как на посту службы народу. К военной и гражданской карьере было презрительно пренебрежительное отношение. Их сыновьям предназначалось пройти университетское образование, а потом одни должны были идти в сельские учителя, другие – в сельские священники, третьи — в мировые судьи. Это были не демократические влечения, не народовольческие и, тем более, не революционные – это были основные славянофильские мировоззрения, подогреваемые еще не остывшим жаром 60-х годов. Николай Александрович (внук), видевший идеал служения

в непосредственной близости к крестьянину, мечтал для своих детей о положении помещика, всегда живущего в своем имении и отдающего себя на благо местного населения. Это сознание своей ответственности пред бывшими своими крестьянами не было ни навеянное принципом, ни холодное, головное умозаключение, оно составляло неотъемлемую часть их личности и передалось детям, также непосредственно сливаясь с их личностью.

В 1871 г. Николай Александрович (внук) испросил разрешения у городских властей устроить и сделать на свои средства перед собственным домом на Спасо-Песковской площади скверик в честь А.С. Пушкина. Скверик этот по замыслу должен был стать чем-то вроде живого памятника гению и не случайно устроителем назван Пушкинским. Скверик находится, как бы, в центре многочисленных арбатских адресов поэта, здесь особая атмосфера связи с Пушкиным, близкими ему современниками, с детьми его, с теми, для кого Пушкин — олицетворение русской литературы в России. Устроителю сквера, конечно, было известно, что в доме, который в момент образования сквера ему принадлежал, в 1821–1822 гг. жил очень близкий Пушкину человек князь Петр Андреевич Вяземский. Кроме того, Г.Р. Державин — родственник Николая Александровича (деда и внука), «в гроб сходя, благословил» мальчика-лицеиста Александра Пушкина. К тому же, дед Николая Александровича (внука) по матери, адмирал Н.С. Мордвинов, был знаком с Пушкиным и был высоко ценим им, как человек глубоких моральных устоев и передовых общественных взглядов. Пушкин писал Вяземскому в 1824 г.: «Мордвинов заключает в себе одном всю русскую оппозицию». Мордвинов, единственный из членов Государственного совета, поддерживал выдвинутое предложение об отмене «кнута и плети», как средства наказания, и поэт заклеймил несогласных с адмиралом эпиграммой «Заступники кнута и плети» (1825). В 1827 г. после того, как Мордвинов выступил против смертной казни и не подписал смертный приговор декабристам, Пушкин сочинил послание Мордвинову, избрав намеренно стилистику, близкую к поэзии XVIII века, и цитируя ее образы. В 1832 г. Мордвинов подал свой голос за избрание Пушкина членом Российской академии. Все это, конечно, не мог не знать устроитель сквера. Имеются также сведения, что Мария Михайловна (урожденная Челищева) — жена Николая Александровича (внука) была в родстве с членом «Союза благоденствия» А. Челищевым, женатым на одной из ближайших родственниц семьи Пушкина. Сквер стал любимым местом прогулок старшего сына Пушкина генерала Александра Александровича. Рядом жила и старшая дочь Пушкина Мария Александровна Гартунг.

Скверик этот сохранился до настоящего времени и недавно решением московских властей ему возвращено его первоначальное название «Общественный Пушкинский сквер» и в нем установлен бюст поэта.

Николай Александрович (внук) умер в 1887 г. Он был назван так же, как и его дед, так же, как и дед, служил своему отечеству в меру своих возможностей, понимания и обстоятельств и умер 53-х лет от рождения, пережив своего деда на три года. Похоронен был на Новодевичьем кладбище в Москве в семейном склепе Львовых. Здесь же в 1917 г. была похоронена его жена Мария Михайловна, умершая в Кисловодске, где проходила лечение.

Ил.7. Правнуки Николая Александровича Львова, архитектора:
Александр (1863–1914) — сидит на стуле;
Варвара (1864–1940) — стоит;
Николай (1865–1940) — полулежит;
Алексей (1866— пропал без вести после 1917 г.) — стоит;
Константин (1870–1937) — сидит рядом с Николаем;
Владимир (1872–1930) — сидит перед Алексеем (дед Льва Ивановича);
Наталья (1877–1898) — в коляске.

После смерти Николая Александровича (внука) семейная коллекция картин из нескольких десятков наименований, которую собирали несколько поколений, по завещанию, была безвозмездно передана его вдовой Румянцевскому музею с одним только условием: картины не должны быть разъединены по разным музеям. Сейчас часть картин находится в Третьяковской галерее, другая — в Русском музее, портрет Мордвинова кисти Доу — в Московском музее Пушкина, судьба некоторых вообще неизвестна.

Смотреть на этот снимок равнодушно невозможно. Красивые детские лица, воспитанные и уже полные достоинства. Их ожидало счастливое и обеспеченное будущее. Но время распорядилось иначе. И судьба их оказалась трагической. Толь-

ко старший Александр ушел из жизни по Воле Божьей, да и то, едва достигнув всего 50 лет. Варвара, Николай и Константин вынуждены были оставить Россию в 20-е гг., потеряв своих сыновей-мальчиков. Судьба Алексея неизвестна. Федор умер от тифа в санитарном поезде. Владимир умер в тюрьме. Анна умерла от кори в Каннах. Наталья в 20 лет умерла при родах. И ни одной могилы в России не сохранилось. А дети этих детей (в основном по женской линии) разбросаны по всему свету. Вспоминаю слова Пушкина: «Потомки наши почитаемы будут за имя, данное им нами».

У Николая Александровича (внука) и Марии Михайловны было 11 детей, двое из которых Дмитрий и Константин (старший) умерли в младенчестве.

Старшая дочь Варвара Николаевна (была вторым ребенком) родилась в 1864 г. в Москве в том самом доме на Спасо-Песковской площади.

О детских годах ее ничего не известно. Образование получила домашнее. Остальное постигала, как и ее прадед, самостоятельно. В своих воспоминаниях она писала, что дети в их семье были очень дружны друг с другом.

В 1889 году Варвара Николаевна вышла замуж за графа Алексея Алексеевича Бобринского (1864–1909), сына бывшего министра путей сообщения графа Алексея Павловича Бобринского — потомков Алексея Григорьевича Бобринского — тайного сына великой Екатерины II и ее фаворита Григория Орлова. Младенца назвали Алексеем. Почему? Полагают, что имя ребенку дали по номинальному отчеству матери, которая именовалась Екатериной Алексеевной по примеру Екатерины I. В памяти Екатерины II, кажется, с самого начала запечатлелось то обстоятельство, что младенца Алексея после его рождения вынесли из дворца в бобровой шубе. В сознании матери сын оказался связанным с геральдическим знаком бобра. Вероятно, поэтому Екатерина в 1763 г. купила на свое имя Бобриковскую волость Тульской губернии и, присоединив к ней дворцовую Богородицкую волость, создала «собственное Ее Императорского Величества имение». Оно и было предназначено Алексею Григорьевичу Бобринскому. Павел I сразу после своего воцарения вызвал А.Г. Бобринского в Петербург, издал указ о даровании ему графского титула, подарил ему имения и дом в столице и принял на службу в гвардию. Император в Сенате объявил Бобринского своим братом и представил его, как родственника, членам Царской Фамилии. Эти акции Павла окончательно

Ил. 8. Варвара Николаевна Львова (1864–1940), правнучка архитектора

утвердили статус Бобринского в обществе.

Благодаря Андрею Тимофеевичу Болотову (1738), ученому, селекционеру, врачевателю, живописцу, экономисту, писателю, архитектору... в Богородицком уезде был создан едва ли не самый замечательный после Петергофа садово-парковый комплекс.

Господи, сколько же историй и имен в одном только слове «Богородицк»!

Вскоре после рождения первого ребенка, примерно в 1890 г., молодая двадцатипятилетняя графиня Варвара Николаевна Бобринская переехала с мужем в Богородицкое. В имении им был отведен флигель.

Одновременно с ними в Богородицке поселились еще две пары молодых: Николай Владимирович Чехов с женой, приглашенный земством на должность заведующего образованием в Богородицком уезде, и Лев Львович Любенков с женою Варварою Петровной — по судебной части. Все они, как и большинство молодежи того времени, горели желанием служить народу, поднимая его умственный уровень, знания и культуру.

Варвара Николаевна писала: «Жизнь земская кипела, общая искренняя цель служения объединяла всех, все работники самоотверженные и бескорыстные. Были крупные личности и более посредственные, но каждый на своем месте делал свою часть колоссальной и высокой общественной работы, которая проводилась на местах по всей России. Самой крупной личностью, обладающей колоссальным влиянием, был Рафаил Алексеевич Писарев...».

Молодая женщина целиком и полностью включилась в эту, по ее словам, замечательную работу. Сначала в селе, а потом и во всем уезде, был проведен целый ряд просветительных мер: чтение с волшебным фонарем, повторные уроки, заведена подвижная библиотека, устроены ясли для детей. Позже была организована постоянная библиотека, где каждый месяц, когда сельские учителя приезжали за жалованием, устраивалось клубное собрание, где читали последние литературные произведения и вели просветительные беседы. Когда с 1899 г. стали уезжать на зиму в Москву, то при библиотеке были оставлены свыше 300 картин для волшебного фонаря и два фонаря. Так было положено началу музею. До 1914 г. Варвара Николаевна регулярно для библиотеки и музея присылала книги и пособия.

Муж Варвары Николаевны в Богородицке, будучи депутатом дворянства, имел под своим попечительством местную тюрьму, устроил для арестантов работу по переплетению книг, включил в это дело и жену. Позднее, когда проводили зиму 1896/1897 гг. в Новороссийске, Варвара Николаевна, привыкшая к общественной работе и уже знакомая с тюремным делом, снабжала местную тюрьму одеждой, для чего объехала богатых купцов и собрала крупную сумму денег. Книгами же снабжала от себя.

Ее больше интересовала просветительская работа, но случился в 1892 г. голод, и она «всецело» отдалась общественной работе по организации помощи голодающим: обследование населения, составление списков, раздача пособий, организация приема и распределения помощи из Америки, устройство столовых для всех и отдельно для детей. Варвара Николаевна в это время ждала своего третьего ребенка и не могла уже выходить из дома, поэтому взялась за снабжение бельем устроенных лазаретов, так

как начался голодный тиф. И всем этим занималась молодая графиня, муж которой, можно сказать, был в родстве с Царствующей Фамилией. Позже Варвара Николаевна встречалась даже с отцом Иоанном Кронштадтским, чтобы упросить его объехать пораженные голодом деревни для поднятия общего духа.

В этот год (1892) графиня Бобринская встретилась со Львом Николаевичем Толстым, который объезжал голодающих и, проезжая мимо Богородицкого, заехал в имение, будучи хорошо знаком с ее свекром Алексеем Павловичем Бобринским. Поскольку свекор, свекровь и муж отсутствовали, она сама принимала Льва Николаевича. Толстой пробыл в имении несколько дней. Из воспоминаний Варвары Николаевны известно: «Вели мы с Л.Н. Толстым разговоры, и я возмущалась, когда он все извинял человеческою слабостью. Он говорил то, что в одном из последних его произведений было потом напечатано, а именно: что человек подобен страннику, идущему в темноте с фонарем, свет от которого освещает только ту часть дороги, на которую он падает. Говоря о слабости человеческой, он обратился ко мне, сказав: „Всякий знает, что нужно защищать свое отечество, а между тем во время войны, вы едва ли пустили бы своих сыновей в бой, а удержали бы их дома. Меня эти фразы глубоко возмущали, и я спорила с ним...“».

Не прав был тогда Лев Николаевич. В 1916 г. Александр — второй сын Варвары Николаевны погиб на войне, а младший двадцатилетний Гавриил — был зарублен в 1918 г.

В своих воспоминаниях Варвара Николаевна писала еще об одном случае, когда у нее в 1901 г. со Львом Николаевичем, по ее словам, вышло столкновение. Варваре Николаевне нужно было видеть Софью Андреевну, и она поехала к ней в Хамовники. В гостиной встретила Толстого. Тут начался общий разговор по поводу иконы Васнецова во Владимирском соборе, в Киеве. Толстой стал совсем невозможно, по грубости выражения, говорить о Богородице. Варвара Николаевна, ничего не сказав, вернулась домой и написала Льву Николаевичу письмо, содержание которого было таково: «Почему, зачем нанес он ей боль и оскорбление, неужели чувствительные струны в душах других людей он не стесняется уязвлять». В ответ на это письмо пришел Толстой (жили они недалеко друг от друга, сады их общались). Варвара Николаевна не приняла Льва Николаевича (Сейчас и представить себе трудно, что можно не принять Льва Николаевича Толстого). Тогда пришла Софья Андреевна, умоляя принять мужа. Далее Варвара Николаевна пишет: «Толстой пришел. Я была слишком глубоко затронута, чтобы щадить его, и на его доводы о всепрощении и любви я напомнила ему, как Христос выгнал из Храма торгующих. Он отрицал этот факт, а если бы он и имел место, то Толстой не одобрял его. Мы расстались, не убедив друг друга. Потом рассказывали, что он говорил, что свидание со мной было, как рой пчел из улья, облетевший его голову».

В 1899 г., проведя около 10 лет почти безвыездно в деревне, Бобринские совсем переселились в Москву на зимние пребывания. Детей в семье было уже пятеро. Старшим сыновьям по 9 и 8 лет. Их определили учиться в гимназию Поливанова.

Свою просветительскую работу в Москве Варвара Николаевна начала в качестве председательницы «Общества попечения о молодых девицах» – деревенских

работницах фабрик. Заботились не только о девицах, но и о молодых женщинах. Дело начала одна, не имея сведений ни о каких других обществах, но позднее, посетив Петербург, Киев, Одессу, нашла, что подобные общества существуют и там с незначительной разницей. В процессе работы были организованы клубы и общежития, по 30 человек в каждом. Первый московский клуб был открыт у Пресненской заставы. В клубе велись чтения с волшебным фонарем, преподавалась грамота, 4 правила арифметики, обучали шитью на машинке, имелось фортепиано, пели хором, читали вслух, устроены дешевые ужины и еще очень много полезных мероприятий. Работу вела с 1901 по 1914 г.

Эту деятельность Варвара Николаевна подробно описала более чем на 100 машинописных страницах. Обо всем здесь упомянуть просто невозможно, но хочется отметить, что делу отдавалась всей душой...

Особое место ею было уделено организации отдельного специального попечительства о бедных Хитрова рынка в Москве, пять ночлежных домов которого в то время вмещали до 7000 падшего населения, в основном пришлого в город на заработки из деревень. В середине декабря 1902 г. Варвара Николаевна утвердила Совет этого попечительства, который не изменялся до 1917 г., став председательницей этого Совета. Заведующим канцелярией был приглашен Малиновский, бывший городской учитель, который учил грамоте взятых им с улицы мальчишек — Шаляпина, Горького, Аладина.

Ей удалось добиться от Министерства внутренних дел выделения 900 тыс. руб. «на постройку и содержание попечительством Хитрова рынка ночлежных помещений для рабочего населения Москвы и при них биржу труда» (причем первую в России).

Работа по постройке Первого образцового ночлежного дома в Москве продолжалась 6 лет, он был открыт в мае 1908 г.

А до открытия Образцового дома проводилась упорная работа, связанная с социальными задачами Хитрова рынка, интерес к которым был очень велик. Сразу предложили свои услуги 300 сотрудников и сотрудниц, театры давали спектакли в пользу рынка и т. п.

В первую очередь решили выделить детей и подростков, устроив для них отдельные ночлежные помещения, сняв эти помещения в отдаленной от Хитрова рынка части города. Во главе учреждения стали студенты. В 1910 г. было организовано «Общество попечения о детях».

Устроив канцелярию попечительства, ежегодно делали фотографии-иллюстрации жизни Хитрова рынка, все постепенные перемены на площади и все мероприятия по борьбе с холерой в 1910 г. В 1917 г., уезжая, Бобринская оставила канцелярии несколько альбомов со снимками и целый ящик негативов.

В 1915 г. попечительством Хитрова рынка был представлен в Думу проект специального женского ночлежного дома на оставшиеся деньги. Устроить его не успели: проект был принят, но не осуществлен из-за начавшейся революции.

Отношение к Варваре Николаевне населения Хитрова рынка было, по ее словам, «благожелательное, но ироническое». За все 13 лет близости к Хитрову рынку эти бродяги останавливали друг друга от грубых выражений при ее приближении. Графиня Бобринская, которой в ту пору было 35 лет, могла пройти во все часы дня и ночи в любое помещение, даже те, в которые не смела войти полиция.

В 1906 г. она показывала разные учреждения московских попечительств Хитрова рынка эмиссару Армии Спасения, «и он выдал, что Армии Спасения в России делать нечего».

В 1917 г., по обстоятельствам времени, Варвара Николаевна была вынуждена покончить со своей работой. Попечительство оставило городу «весь купленный им Ермаковский проезд, где уже стояли ночлежный дом, баня, Биржа труда и большое место, предназначенное на постройку служебного корпуса и все необходимое для этого количество кирпичей».

В 1918 г., будучи членом Городской управы в Пятигорске, Бобринской пришлось и там заниматься организацией ночлежных домов, затем в Константинополе она организовала ночлежный дом для русских, в 1923 г. — то же в Праге.

Основой основ, стимулом всей просветительской деятельности для Варвары Николаевны было непреодолимое желание передать крестьянству, и как можно скорее, то культурное мышление, которое сделало бы из них сознательных «решателей» своей собственной судьбы, чтобы они перестали быть слепыми орудиями в руках часто недобросовестных и более просвещенных людей. Тут уместно вспомнить деда и отца Варвары Николаевны и их такое же непреодолимое желание. К этой работе она стремилась постоянно, испробовала многие варианты и возвращалась при малейшей возможности.

В конце концов, она убедилась, что попытка повлиять на культурное развитие крестьян «путем воздействия на слух и зрение» (т. е. путем организации чтений, школ, библиотек и т. п.) не привела к положительным результатам. Тогда она решила непосредственно действовать не на крестьянство, а поднимать культуру лиц, с ними наиболее близко соприкасающимися, то есть на учителей. Первой мерой такого воздействия показалось ей ознакомление учителей с мировой культурой путем поездок по Европе. Она организовала Совет, добывала средства, обращалась к влиятельным и богатым, посетила премьера правительства П.А. Столыпина (дальнего своего родственника) и добилась удешевления поездок путем отмены платы за заграничные паспорта, затем и бумаги о содействии наших русских представителей на местах в хлопотах уменьшения платы за проезд по железной дороге и пароходом.

В 1909–1914 гг. по 1200 учителей в год из глухих мест России отправлялись в Европу. Позднее подобные поездки были организованы по местам России, представляющим культурный интерес, а также в Петербург и Москву. Впервые были изданы путеводители по Москве, по музеям и древностям. Всего за пять лет по России было провезено 5000, и за границу — 7000 учителей. К поездкам за границу учителя готовились в течение двух недель.

В 1909 году все в тех же поисках «наискорейших и наисущественнейших мер к поднятию культурного уровня деревни и провинций» был организован склад декораций и костюмов для устройства спектаклей по России. Позднее В.Д. Поленов (ее троюродный брат) увлекся этим делом, лично выполнил 32 декорации и в 1911 г. сменил Варвару Николаевну на должности председателя, купил участок

земли и выстроил там дом-мастерскую по выполнению всяческих сценических принадлежностей. В первый же год было организовано 50 постановок по деревням.

Одновременно Варвара Николаевна занималась и политической деятельностью, для которой, как ей тогда казалось, «было подходящее время».

В это время зарождался «Союз освобождения», активным членом которого был ее брат Николай Николаевич Львов. Она «понеслась по течению» и с 1904–1906 гг. взяла на себя роль посредника между партиями в объединении их действии в одном направлении. Но главные ее связи были с «Союзом освобождения». По ее словам: «Гостиная моя стала политической гостиной и дом мой — политическим домом». В доме ее прошел целый ряд собраний, зародились «Крестьянский Союз» и потом «Народно-социалистическая партия», прошел Первый съезд крестьян. Но сама она на собраниях не присутствовала, предоставляла только свой дом. Никто не противился этому. В правящих сферах был отзыв: «благородное помешательство, но до дела не дойдет». И, наверное, были правы. Слова «национализация» и «социализация» смущали ее, она хотела докопаться до личных желаний самих крестьян. Но ничего не могла добиться от них, кроме одного: «землицы бы нам побольше». Тогда, с согласия мужа, решила проделать личный опыт с теми крестьянами, которые были из их села, передав из 400 десятин земли 300 десятин в личную собственность 40 крестьянам. Опыт частной собственности дал прекрасные результаты, но помог убедиться в том, что у крестьян нет никакой способности к общественной работе. «Пагубная вещь в крестьянстве — уравниловка и отсутствие уважения к чужой собственности, дикий инстинкт захвата чужого, понятие о законности совершенно отсутствует. Как при такой разрушительной безалаберной психологии народа могло создаться такое могучее государство Россия? ... У крестьян было две задержки: религиозное понятие о грехе (но в эту категорию захват чужого не входил) и страх перед властью, который оценивался, как произвол сильного. Как все примитивные существа, крестьянин воспринимает только сильные переживания, и только тогда его совесть пробуждается».

В 1914 г. Варвара Николаевна представила министру народного просвещения докладную записку о необходимости создания в деревне детских очагов для воспитания крестьянских детей; приняла участие в I Государственной Думе, но потом совершенно отошла от политической жизни и занималась только общественной работой. Ей представлялось, что избранные в I Государственную Думу, до сих пор непосредственно связанные с Россией и с деревенским населением, попав в Петербург, совершенно утратили понимание народа и действовали вразрез с общим настроением страны.

С сегодняшних позиций трудно оценить политическую деятельность Варвары Николаевны. Из ее воспоминаний, однако, ясно, что она никогда не поддерживала революционных настроений и не призывала к революционным действиям (забастовки, выход на улицу и т. п.). Предоставляя свой дом для собраний, она никогда не скрывала у себя лиц, разыскиваемых полицией, отказалась скрыть у себя и убийцу Шувалова и др. террористов. «По своему характеру я не выношу ничего скрытного, мне это претит, я все делаю совершенно открыто, подполье для меня не существует...»,— говорила она. В деревне, когда к ней приходили крестьяне

с вопросом, как поступить с листовками из Государственной Думы, в которых говорилось «не платить податей и не давать солдат», она отвечала: «Жгите их». Много позднее она с горечью признавалась: «Осенью 1905 года был в России издатель английского журнала „Для всех“. Он завтракал у меня несколько раз и, вспоминая теперь его тогдашние разговоры со мной, я поражена, насколько он понимал положение лучше всех. Он мне говорил: „Берегитесь, вы не знаете, что вы делаете“! И чувствовался в нем настоящий ужас. „Вы не знаете, какие силы тревожите, кому вы даете возможности проявиться тут, и что будет с вашей страной!“». Теперь все эти разговоры вспоминаются мне. Несомненно, он был в курсе многого. Тогда он был мне непонятен».

Репутация ее и ее дома была известна, и она получила прозвище «товарищ Варвара». Прозвище было дано в насмешку и в порицание одним аристократическим лицом, но привилось, как политическое.

Американский миллиардер, м-р Крейн, железный король, поставлявший в 1880-х годах в Россию тормоза, приезжал к Варваре Николаевне, чтобы познакомиться с этой графиней и «товарищ Варварой». В 1923 г. он, узнав о бедственном положении Варвары Николаевны в Константинополе, помог ей перебраться в Прагу, а затем в Париж, назначил пожизненное содержание, которое исправно выплачивал.

В 1914 г. Варвара Николаевна писала: «В моей молодости мы горели духом служения народу, до войны наши дети томились, не находя исхода своей потребности подвига и самопожертвования. Война давала все и отвечала их неудовлетворенности. Подъем, который охватил молодежь, горение, порыв на подвиг невыразимой красотой окружали их, и молодые мужчины, и молодые девушки стремились на фронт».

Николай и Александр — два старших сына Варвары Николаевны, только что окончили университет; Николай был оставлен при университете и шел на профессуру, Александр на следующий год должен был баллотироваться в городские судьи. Но оба, не обязанные идти на военную службу, бросили все и записались в полк. Старший, который хотел быть в кавалерии, бегал по всему городу, во все пункты, где набирались солдаты. В конце концов, его приняли вольноопределяющимся, и он поступил в Изюмский полк. Александру — сыну Варвары Николаевны не было еще и 24 лет. Его дядя Георгий Евгеньевич Львов умолял его не идти на войну, соблазнив его тем, что сделает его уполномоченным в Архангельске по сношениям с приезжающими англичанами. Александр поехал в Архангельск и тотчас вернулся, сказав, что не может находиться вне фронта, записался в Александровское училище, весной вышел в Преображенский полк и был убит 3 сентября 1916 г. на Германском фронте. Обе дочери, молоденькие девочки 20 и 18 лет, уехали на фронт с золовкой графиней Софьей Александровной Бобринской в качестве сестер милосердия. Младший, пятнадцатилетний сын умолил отпустить его в морской корпус. В августе 1914 г. из пятерых детей с матерью не осталось никого. Муж умер раньше — 1 июля 1909 г.

Сама Варвара Николаевна взялась за устройство кормления на вокзалах прибывающих раненных, причем, работала на всех вокзалах. Позднее, когда город

непосредственно устроил свои столовые при вокзалах, ее привлекли к помощи беженцам из окраинных губерний.

В октябре она ездила на фронт к детям. Отряд их стоял в Галиции. Весной 1915 г. привезли с фронта заболевшую брюшным тифом младшую дочь. Выходить ее удалось, но врачи запретили ей работать на фронте. Поселили ее в имении. Летом 1915 г. был ранен в живот старший сын, его привезли в Москву, где он пробыл до осени. В июле 1916 г. вернулась с персидского фронта дочь Наталья, в комнату вышла худенькая, шатающаяся от слабости старушка.

Все эти события заставили Варвару Николаевну сократить свою внешнюю работу и работать дома. Тут она начала впервые свое музейное дело, стала готовить переносные музеи. Основная мысль музея была все та же: показать провинциальному учителю, особенно простому работнику, красоту внешнего мироздания и красоту человеческой мысли.

Потом пришли известия о февральских событиях в Петербурге, об отречении Государя, о Временном правительстве. Потом телефонировали из Городской управы, сообщив что Бобринская более не председательница Попечительства, что всякая благотворительная работа не имеет места при социалистическом строе, и что все в городе будет расформировано.

В мае 1917 г. она неожиданно для себя получила предложение от Солдатских и Рабочих депутатов взять на себя просветительную работу среди проходящих через Москву на фронт солдат, и по 18 августа ежедневно после 8 часов вечера отправлялась на Ходынское поле, проводила чтения, устроила библиотеку, перевезла передвижной музей, устроила легкоатлетическую секцию. В это время через Москву прошли 15 000 солдат.

В начале ноября из Москвы выехало на Кавказ более 80 семей. С ними уехала и Варвара Николаевна. С ней был только ее младший сын, который покинул Петербург и в Москве поступил вольноопределяющимся в Татарский полк, где был уже офицером ее старший сын. С ней были также дети ее брата. Приехали в Ессентуки, где остановилась вся Москва. Позднее приехала и старшая дочь Наталья. В октябре 1918 большевиками был арестован и зарублен приехавший с ней младший сын Гавриил. Ему было 19 лет. В январе 1919 г. Варвара Николаевна отыскала тело своего мальчика среди других таких же 84-х зарубленных, и похоронила его в Кисловодске, в отдельной могиле. Через 10 месяцев в эту же могилу был опущен ее племянник, одних с ним лет, убитый в Белой армии.

Несмотря на горестные личные потери, эта неутомимая женщина и здесь, в Пятигорске, работала до января 1920 г. заведующей общественным призрением, были организованы приюты для детей, удалось наладить дело для инвалидов, восстановить уже существующий ночлежный дом, работу в городской богадельне, устроить дешевую столовую на городской площади. Деньги на всю работу присылало тогдашнее правительство из Ростова.

В конце 1918 г. Варвару Николаевну свалил тиф, а 10 января, только встав с постели, она уехала с дочерью в Екатеринодар, затем в Новороссийск, откуда судьба забросила ее на один из Принцевых островов, а затем в Константинополь, где снова стала искать применения своих сил. Она обратилась в Русское посольство с предложением взять на себя дело справочного бюро, т. к. среди беженцев царила неразбериха. Здесь, как и всегда, она сохранила основную черту своего характера: «достоинство делу, которому служишь». Варвара Николаевна писала: «Никогда, в каких бы то ни было официальных сношениях, я не выставляла вперед себя, пользуясь именем или положением, но, как всегда, как представительница дела, которому служила ... для меня было самое важное достоинство дела, флаг которого я высоко держала. Это чувство понудило меня взять на себя дело по распределению беженцев». При этом она заявила что: «... не мы, Русские, будем в пренебрежении, а англичане (они распоряжались беженцами) мною будут поставлены в угол». Через неделю в справочном бюро были данные о 20 000 беженцах. Позже организовано было общежитие для женщин и ночлежный дом на 300 человек мужчин. В октябре хлынула Врангелевская армия и была организована запись еще 250000 человек. Далее графиня давала уроки английского и французского языков.

Желая сохранить для истории весь материал справочного бюро, Варвара Николаевна хотела переправить весь материал в Белград и обратилась за помощью, т. к. для этого потребовалось бы половина товарного вагона. Но получила распоряжение все сжечь, чтобы бумаги не попали в руки большевиков. Большая часть была действительно сожжена.

В то время мнение многих иностранных держав было таково, что Россия кончена, и что главенство в Славянском мире должно быть перенесено на другое Славянское государство. Намечалась Чехия, которая «и сама была полна сознания своего превосходства и верила в свою роль руководительницы Славян». Бобринская переехала в Прагу, где, правда, не нашлось «дела, нуждающегося в ее участии». Но все-таки, заметив большой пробел среди беженцев со стороны детских книг и наглядных пособий, все свое внимание и энергию направила на составление таблиц, могущих быть иллюстрацией Русской истории, Русского быта, Священной истории и Всеобщей истории.

Варвара Николаевна провела в Праге пять лет, а зимой 1924/1925 гг. уехала в Париж. У нее появилась мысль создать всемирный союз матерей-христианок для борьбы с духом материализма и цинизма. Но дело не пошло из-за отсутствия средств. В Париже продолжала ту же работу, что и в Праге, организовывала бесплатные детские библиотеки для русских беженцев и другие подобные дела.

Заканчивая свои воспоминания, Варвара Николаевна писала: «Самое богатое культурное значение и то, что больше всего сохраняет русскую национальность — это, конечно, церковь. Где каких-нибудь 50–60 русских, там уже возникает русская церковь, сохраняя в недрах своих все самое русское, национальное, родное. Она своим влиянием передает дух русский всем соприкасающимся с ней. Все это незримо питает мощь русскую и готовит русское будущее, преемственное от прошлого. Поддержать эту связь, чтоб явилось одно цельное, одно главное, хотя уже и совсем другое, это и должно быть целью всякой просветительской работы среди молодого русского поколения».

Умерла Варвара Николаевна Бобринская в 1940 г. в Бельгии в пансионате призрения. Она назвала свои воспоминания «Хроника моей жизни». Я постаралась

кратко, но все-таки достаточно подробно (может быть даже излишне подробно) изложить основные этапы ее жизни и деятельности в память об этой женщине, знатной и богатой, умной и сильной, целеустремленной и удивительной, которая при любых жизненных обстоятельствах воплощала в жизнь желание служить своему Отечеству, переданное ей отцом, дедом и прадедом.

Ил. 9. Владимир Николаевич Львов (1870–1930), правнук архитектора

Владимир Николаевич Львов был младшим братом Варвары Николаевны и восьмым ребенком в семье Николая Александровича Львова (внука). Родился он 2 апреля 1872 г., скорее всего в Москве, в том самом доме у Спаса на Песках. Семья уезжала из имения Чернятин с 70-х годов на зимнее пребывание в Москву. И вряд ли Мария Михайловна (его матушка), накануне родов, отправилась бы в дальний путь.

Учился Владимир в частной мужской гимназии, директором которой был Лев Иванович Поливанов, выдающийся педагог того времени. Закончил историко-филологический факультет Московского университета.

Владимир Николаевич от природы был замечательно одаренным человеком. Не учившись музыке, сочинил оперу, не занимаясь живописью, поражал художников своим пониманием, писал стихи. В юности написал гимн русского дворянства. Несколько строк из этого гимна со слов Николая Николаевича Бобринского — внука Варвары Николаевны:

Царем нам шпага вручена,
В защиту родины она.
И шпага нам, как меч военный,
Горит отвагой неизменной.
Царем дана, царю верна.
Покорна царскому престолу
И пред царем лишь клонит долу.

Почти ничего не известно о юности Владимира Николаевича. По воспоминаниям Николая Николаевича Бобринского, которому рассказывал его отец Николай Алексеевич, сын Варвары Николаевны, известно, что Владимир Николаевич долгое время находился под духовным руководством известного тогда в России «старца-утешителя» отца Варнавы. Старец Варнава многим предсказал их будущую жизнь и заповедал, как им поступать в затруднительных случаях, когда они

не смогут уже приехать и спросить его лично — его не будет в живых. Многие и в 30–60-е годы продолжали жить по его старческим заветам. Эти пророческие указания и назидания, в свое время часто непонятные, впоследствии, после событий 1917 г., в годы гонений, помогали людям жить и спасаться, когда мудрого руководителя в духовной жизни найти стало трудно. В начале 1905 г. старца-утешителя посетил царь Николай II. О подробностях их свидания известно немного. Но самый год — время их свидания — говорит о многом. Николаю II по совести после известного (хотя и совершенно без его ведома) Кровавого воскресения хотелось покаяться в присутствии человека Божьего и выслушать его наставление и вразумление. К этому времени царю были известны пророчества монаха Авеля (1801) и преподобного Серафима Саровского: первое он узнал в 1901 г. по завещанию Павла I («вскрыть потомку моему через 100 лет» – завещание 1801 г.), второе — в 1903 г. на торжествах канонизации Преподобного. Завещание Дивеевским сестрам о встрече царской семьи: «Распахните ворота широко-широко, поклонитесь низко-низко и скажите: покорно просим пожаловать, покорно просим». В это время блаженная Прасковья Ивановна подала царю запись преподобного Серафима с предсказанием о мученической кончине того царя, который «прославит» преподобного Серафима.

Старец Варнава не только подтвердил уже известное пророчество, но и благословил государя Николая II на принятие мученичества, укрепив в нем тем самым сознательную волю к несению своего креста, когда Господу угодно будет этот крест на него возложить. Ныне старец Варнава канонизирован.

Так вот, когда Владимир Николаевич собрался отдать свое состояние в распоряжение церкви, а сам уйти в монахи, отец Варнава не благословил его на монашество. Около 1900 г. отец Варнава нашел ему невесту Марию Алексеевну Толстую, духовным отцом которой был, обвенчал их, дав при этом наказ: «не разлучаться ни при каких обстоятельствах».

Нетитулованная тверская ветвь Толстых, к которой принадлежала Мария Алексеевна, сравнительно мало известна, хотя она пересекалась с множеством известных дворянских фамилий — Толстые и Кротковы, Загряжские, Лунины, снова Загряжские и Жеребцовы, Козловы, Матюнины и опять, и еще Загряжские. На протяжении столетий ее уважаемые представители были предводителями дворянства, сенаторами, имели генеральские чины и многочисленные награды. Ветвь начала формироваться самостоятельно во второй четверти XVIII века. В XVII веке Иван Петрович Толстой их предок, был стольником и получил большие земли в Осташковском уезде, на озере Селигер; его сын был женат на Екатерине Алексеевне Загряжской («три века трижды Толстые женились на Загряжских»). Николай Николаевич Толстой (1794–1872), дед Марии Алексеевны, камер-паж, штабс-капитан лейб-гвардии Семеновского полка, статский советник, предводитель Тверского дворянства, а его брат — знаменитый Яков Николаевич Толстой, друг молодости Пушкина (которому поэт посвятил два стихотворения), литератор, впоследствии тайный советник российского правительства в Париже.

Анна Николаевна Козлова (урожденная Кроткова), бабушка Марии Алексеевны, владела домом на Тверском бульваре, названным «Домом Герцена». Его купил для нее в 1834 г. ее отец Николай Николаевич Кротков, друг детства поэта

Федора Глинки. Часть дома арендовал Н. Д. Свербеев, и дом был знаменит Свербеевскими пятницами, когда в нем собирался весь цвет литературной Москвы. В гостях у бабушки Марии Алексеевны часто бывал О.И. Сенковский (известный барон Брамбеус), а Карл Брюллов рисовал здесь акварель «Сенковский в доме Козловой», она часто принимала у себя А.В. Дружинина, автора знаменитой «Поленьки Сакс», отсюда она вела переписку с астрономом Фламмарионом, здесь Антон Рубинштейн «проигрывал свои новые вещи», и в этом доме гостили близкие друзья деда — декабристы И.И. Пущин, С.П. Трубецкой, Н.М. Муравьев, И.Д. Якушкин, Ф.Н. Глинка и другие. В имении Новинки, принадлежавшем Николаю Алексеевичу Толстому (1856–1918), брату Марии Алексеевны, пропали или погибли во время событий 1917 года «...шесть сундуков... таких, что в каждом из них, согнувшись, мог бы жить человек. Все они набиты плотно. Здесь столетняя переписка многих семейств. Документы и ценнейшие материалы о войне 1812 г., декабрьском бунте, подлинные, никому неизвестные. Дальше Севастополь, освобождение крестьян, Бакунин и Герцен, даже Карл Маркс в его связях с Россией. Сюда, в кабинет, иногда проникали приезжие историографы и поражались... Письма Сенковского, Глинки, Листа и Рубинштейна..., рисунки и письма Брюлловых, Боровиковского, Венецианова и Трубецкого. Письма Волконских и Вяземских...». Отец Марии Алексеевны говорил: «Это ведь даже не наше. Это общее русское прошлое, то, которым Россия и впредь будет жить...». В 1998 г. вышел первый том книги «Осужденный жить», Сергея Николаевича Толстого (1908–1977), племянника Марии Алексеевны, где подробно изложены данные о генеалогии Толстых.

По словам Василия, сына Владимира Николаевича и Марии Алексеевны: «отец с матерью жили очень дружно». Известно, что у Владимира Николаевича был дом на Покровском бульваре, но жили в основном, в имении Марии Алексеевны Кротково Самарской губернии. Здесь Владимир Николаевич занимался ведением хозяйства, был губернским и земским гласным по Самарской губернии.

Имение было чисто лесное. Пахотной земли не было. По заказу правительства в 1906–1907 гг. Владимир Николаевич стал выращивать особую породу дубов, так называемых «артиллерийских» дубов. Выводились они из специально присланных саженцев в специально удобренной почве, поливались особым составом. Эти дубы обладали такой крепостью древесины, что ободья из них выдерживали вес тяжелых артиллерийских орудий. Несколько десятков ободьев было поставлено в русскую армию во время войны. К 1917 г. оставалось всего 11 деревьев, но крестьяне сожгли и их. Когда Владимир Николаевич упрекнул их, сказав: «Вы бы хоть ободья себе из них сделали, и вам, и вашим внукам послужили бы. А так только загубили». «Нет, барин, они больно жарко горели»,— был ответ.

После революции 1905 г., всколыхнувшей, политизировавшей всю Россию, Владимир Николаевич стал «октябристом» — членом партии «Союз 17 октября». Эта партия выражала интересы крупных землевладельцев и буржуазии. От Союза землевладельцев Самарской губернии в 1907 г. В.Н. Львов был избран депутатом III Государственной Думы. Известна его работа периода депутатской деятельности «Доклад о деятельности Крестьянского поземельного банка по Самарской губернии». Его особенно волновало сохранение культуры земледелия: «...что делает Крестьянский банк с теми имениями, которые он купил? Мне бросились в глаза печальные явления уничтожения культуры в тех имениях, которые вели культурное хозяйство, не говоря уже о том, что усадьбы уничтожаются».

На выборах 1912 г. в IV Государственную Думу он вновь был избран депутатом от землевладельцев Самарской губернии.

Из партии октябристов Львов перешел в партию националистов, но ненадолго, с 1914 г. стал членом партии «Центр», а вскоре и одним из ее лидеров. С 1916 г., как член партии «Центр», он вошел в образовавшийся «Прогрессивный блок», основными требованиями которого были создание нового «правительства доверия», расширение демократических прав и свобод.

Владимир Николаевич Львов, как человек истинно верующий, знаток дел и настроений православной церкви, был постоянным представителем, а потом и председателем, Комиссии по делам православной церкви в IV Государственной Думе, он часто выступал с критикой злоупотребления в деятельности Церковного совета, указывал на необходимость церковных реформ.

Известны его выступления против «темных сил», которые своим бесстыдным поведением нанесли первый удар рухнувшему ныне режиму, а путем назначения на видные церковные должности недостойных людей пытались подорвать в глазах населения авторитет и уважение к ней.

С тех пор, то есть с 1907 г., когда Владимир Николаевич стал членом IV Государственной Думы, он и Мария Алексеевна жили в Петербурге. Дети же, а их было к 1909 г. уже пятеро, большую часть времени проводили в имении Кротково Самарской губернии, в 20 верстах от города Бугуруслана. Мария Алексеевна приезжала часто, а Владимир Николаевич лишь на Рождество, на Пасху и на лето. Их сын Василий вспоминал: «Мы очень любили и отца, и мать».

После Февральской революции 1917 г. В.Н. Львов был избран в состав Временного правительства. Его неутомимая деятельность в защиту достоинства церкви и ее честных служителей, знания церковного настроения и горячее желание исправить его нашли признание в избрании его Обер-прокурором Святейшего синода. Он так определял свою ближайшую задачу: «Существенная часть программы заключается в свободе церкви. Это тот краеугольный камень, без которого работа православной церкви не может быть поставлена в нормальные условия. Дружелюбное отношение к церкви государства, невмешательство церкви в политический строй, невмешательство государства в церковный строй жизни — вот та основа, которая положена мною в основу работы».

Деятельность Владимира Николаевича в составе Временного правительства в качестве Обер-прокурора Святейшего синода, продолжавшаяся около пяти месяцев, пока никем не изучалась, а потому о ней известны только такие внешние, больше подготовительные мероприятия, как-то: в этот период были отстранены от службы в Синоде все ставленники Распутина, в церковных службах слово «царь» заменили «временным правительством», вынесли из Синода царский трон. Позже Владимир Николаевич вошел в состав первого коалиционного правительства, только после июльских событий он подал в отставку.

Многие воспоминания современников того времени дают В.Н. Львову са-

мые различные характеристики, подчас очень едкие (В.Д. Набоков, например). Но известно также, что чаще упоминают о неординарных интересных личностях. В одном все сходятся: «Он нравился прямотой и искренностью, не был политическим интриганом, всей душой отдавался той задаче, которую поставил себе: оздоровление церковного управления».

В своих воспоминаниях А.Ф. Керенский, П.Н. Милюков, Н.Н. Суханов и другие подробно излагают свою версию участия Владимира Николаевича в конфликте между Керенским и Л.Г. Корниловым. Они пытались найти компромисс в борьбе за власть. Львов в то время был в Ставке и Корнилов решил послать его парламентером к Керенскому. Почему для выполнения столь ответственного задания был избран Львов? Суханов считал, что «для такой функции могли бы найтись и более подходящие, более ловкие люди, вроде двух проходимцев — ординарца Завойко или верховного комиссара Филоненко», а выбор Львова был определен «потому, что он подобно китайскому кули был многовынослив и малотребователен... и был подходящим для черной работы для других». Так или иначе, это дело будущих исследователей. А результатом этой драматической истории был неожиданный арест Львова Керенским. В сатирическом журнале появилась карикатура «Военные успехи России»: в клетке под охраной часовых сидит Львов. Подпись: «Взятие Львова».

В период февральской революции и образования Временного правительства Мария Алексеевна, по стечению обстоятельств, находилась с детьми в имении. Когда Владимир Николаевич прислал телеграмму: «волею народа избран обер-прокурором»,— она заплакала. Тогда она скорбно говорила детям: «Для нас лично все это — Божие наказание за то, что мы из-за денежных попечений не соблюли завета батюшки Варнавы: и разлучились надолго. Если бы я была в Петрограде, ваш отец никогда не вошел бы в это Временное правительство. Я все сделала бы, чтоб его отговорить». В Петербурге им предоставлена была богатая «министерская» квартира, куда была перенесена мебель из одного из царских дворцов. Мария Алексеевна приказала, чтобы в занимаемые ею две или три комнаты была поставлена мебель из старой квартиры. «Я пользоваться краденным не буду»,— сказала она, когда ей пытались поставить дворцовые вещи. Мария Алексеевна была непоколебимой монархисткой. Единственной причиной нередких разногласий между супругами было то, что с середины войны Владимир Николаевич стал отрицательно относиться к Государю.

Между тем, Львов был под арестом сначала в одной из комнат Зимнего дворца, потом позволили переехать на частную квартиру без права выхода из нее и приставили к нему двух стражников, которые стерегли его поочередно. Мария Алексеевна находилась при нем. Их сын вспоминает: «Моим родителям 26 октября друзья сообщили по телефону, что Петроград взят большевиками, и что папе немедленно надо скрываться, так как новая власть расправляется с членами Временного правительства без пощады. Было утро. Мама попросила свою хорошенькую горничную пококетничать с очередным стражем, чтобы он согласился отпустить папу и маму на час в церковь, т. к. это был день маминого рождения. Стражники охотно согласились, предвкушая удовольствие остаться вдвоем с горничной.

С собой мои отец и мать взяли мешочек с просфорами и все наличные день-

ги, которые были у них. Они действительно зашли в церковь, где горячо помолились в предвидении надвигающейся опасности, затем прошли пешком на другой конец Петрограда к папиному другу, который обрил пышную папину бороду, с которой он был так широко известен всей России по многочисленным портретам членов Временного правительства. Этот же друг снабдил папу просроченным паспортом давно умершего булочника Гаврилова. Решили отправиться из Петрограда в Самарскую губернию к детям.

Они сели в поезд Николаевской железной дороги, взяв билет до Твери, недалеко от которой было имение брата моей матери Николая Алексеевича Толстого. Они спокойно проехали до станции Бологое, когда в купе, где сидели отец и мать, вошел человек в сером пальто. Мама заметила, что папа побледнел и закрылся газетой, а на следующей остановке в Вышнем Волочке решительно сказал: „Машуня, выходим здесь". Выйдя из вагона, он объяснил, что вошедший пассажир в сером пальто был членом думской секции партии социал-демократов большевиков и в течение почти десяти лет ежедневно на заседаниях Думы встречался с папой. Очевидно, он не узнал папу без бороды, но мог узнать каждую минуту, и конечно, в этом случае папа был бы немедленно арестован...

Из Вышнего Волочка мои родители стали пробираться различными способами, где пешком, где на телегах, подвозивших их за небольшую плату, где побочными железными дорогами, на станцию Завидово, а оттуда в деревню Новинки, где жил мамин брат... Здесь они отдохнули несколько дней. Дядя Коля снабдил их более действительным, не просроченным паспортом, и мои родители отправились в дальнейший путь через Москву и Самару в Бугуруслан, куда приехали в декабре».

Жили тайно, не выходя из дома, потом Владимиру Николаевичу пришлось бежать: вскоре в город вошла конница чехословаков и народной армии, Владимир Николаевич вернулся, но вскоре уехал в Уфу, где из членов Учредительного собрания формировалось правительство. Мария Алексеевна поехала с ним. В сентябре 1918 г. они вернулись в Бугуруслан и начались приготовления к эвакуации. Были зарыты все ценные вещи семьи в полной уверенности, что не позже чем через год смогут вернуться.

Сейчас, перечитывая строки воспоминаний, с горечью думаешь, но почему, почему и зачем так случилось? Почему они вынуждены были бежать из родного гнезда, увозить и спасать своих детей? Ведь, в принципе, ничего никому плохого они не желали и не делали. Отчего такая непредвиденность будущего? Кому нужна была вся эта трагедия? Сердце сжимается от всего этого.

Они получили теплушку и выехали на восток. Собирались ехать через всю Сибирь до Владивостока, чтобы оттуда пробраться в США, где у Владимира Николаевича были влиятельные друзья, среди них Ч. Крейн, ставший впоследствии известным благотворителем русской эмигрантской молодежи в Париже. Ч. Крейн — сын того самого миллиардера, который помог в свое время Варваре Николаевне.

Остановившись на несколько дней в Омске, где в это время формировалось правительство адмирала Колчака, Владимир Николаевич стал подумывать о вступлении в него. Но участие во Временном правительстве к этому времени стало не преимуществом, а значительным минусом. В штабе адмирала Колчака ему так и

сказали: «Не можем принять ваши услуги, чтобы нас не обвинили в связи, в преемственности с Временным правительством». Тем более что фамилия напоминала не только его самого, но и главу Временного правительства князя Львова.

Ох уж эта фамилия! Скольким представителям этой достойнейшей фамилии, обладателей которой раньше и теперь называли «гордостью России», пришлось менять ее, чтобы спасти своих детей.

Переехали в Томск, где семье была предоставлена пустовавшая квартира в Городской Думе. Мария Алексеевна заболела брюшным тифом. Владимир Николаевич не мог найти работу, хоть сколько-нибудь соответствующую его рангу. Спасла икона Божьей Матери, благословение Марии Алексеевне от ее бабушки. Икона эта небольшая, размером чуть больше почтовой карточки, была усыпана мелкими бриллиантами. Мария Алексеевна не захотела ее зарывать и взяла с собою. Теперь с большой душевной болью она стала вынимать бриллианты из оправы иконы и продавать. На вырученные деньги семья прожила зиму 1918/1919 гг. Старший сын Николай (1901–1942) поступил в Томское Юнкерское училище, дочь Мария (1903–1989) — в выпускной класс гимназии Миркович, сын Василий (1906–1986) в четвертый класс Алексеевского (в честь Наследника) Томского реального училища, младшие Григорий (1907–1941) и Иван (1909–1938) — в младшие классы. Мария Алексеевна в поисках заработка стала давать уроки английского языка. Жизнь кое-как налаживалась, но, как оказалось, ненадолго.

Белая армия начала откатываться к востоку. Надо было снова эвакуироваться. Марию Алексеевну и дочь Марию, как служащих Американского Красного Креста, брали с собой американцы в своем красно-крестном эшелоне, Василия и Гришу, по просьбе Христианского союза молодых людей, членами которого они были, брали тоже. Брали и девятилетнего Ивана, как малолетнего. Но Владимира Николаевича, как политического деятеля, они взять с собой отказались. И он уехал во Владивосток почтовым поездом. Простились с ним 19 ноября 1919 г., и никто тогда не думал, что видят его в последний раз. Сын писал: «Никогда, ни при каких обстоятельствах им не надо было разлучаться с мамой. Опять они нарушили наказ, данный им старцем Варнавой при венчании».

Очень медленно, простаивая на станциях по несколько дней, минуя Мариинск, Красноярск, станцию Тулун, Иркутск, где полюбовались Байкалом, Читу, въехали, наконец, в благословенную Манчжурию, в совершенно мирный, еще не тронутый политическими бурями край. Остановились в Харбине. Американцы щедро снабдили продуктами на несколько месяцев жизни.

Трудная, полная трагизма жизнь Марьи Алексеевны с детьми в Харбине, и эмиграции, их судьбы — тема отдельного повествования. Все это так еще близко и ощутимо, живы еще ее внуки, что, может быть, рано еще об этом рассказывать.

Владимир Николаевич приехал во Владивосток перед приходом к власти левых просоветских кругов, поэтому, спасаясь, переехал в январе 1920 г. в город Токио (Япония), где по его словам, «погрузился в воспоминания и в течение семи месяцев написал три тома воспоминаний от 1906 до 1920 года». Из Японии в ноябре 1920 г. он переехал в Париж, где собралась политическая эмиграции. В Париже на собрании всех представителей эмиграции он выступил с речью, в которой требовал «расскасирования» армии Врангеля, предложил обратиться к Французскому правительству с заявлением о незаконности такой поддержки. Владимир Николаевич первым выступил во французских газетах, требуя немедленной помощи голодающему русскому народу без всяких условий. Наконец 12 ноября 1921 г. выступил с публичным докладом «Советская власть в борьбе за русскую государственность», а в 1922 г. этот доклад был опубликован в Москве.

В своем докладе Владимир Николаевич, признавая власть советов, настойчиво высказывался за перерождение ее, трансформацию в национальную государственную власть. В своем предисловии к изданному докладу политолог В. Полонский писал: «Вытравливание коммунизма из Советской власти — это центральная точка всех усилий В. Н. Львова... Весьма старательно вытравливает коммунизм из Советской власти. Подобно славному вождю кадетской партии (П.Н. Милюкову). В.Н. Львов хочет Советской власти, но без коммунизма». Владимир Николаевич считает, что в настоящее время, основные вопросы, которые должна решать власть, диктуются жизненными требованиями: «обеспечение за крестьянством владения землей в виде цельных единоличных участков, быстрое воссоздание промышленности и капитализация ее при соблюдении максимума прав рабочего класса, децентрализация власти, на основе объединенных самоуправляющих областей, свободы гражданских взаимоотношений».

Владимир Николаевич только выступал и требовал с трибуны. Он не предлагал жестоких и сиюминутных действий. Всякий имеет право на свое мнение в печати. Многие в своих воспоминаниях говорят о его «простодушной наивности и непосредственности». Но если сегодня посмотреть на его предложения, то может быть действительно осуществилась бы власть Советов, ведущая к постепенным буржуазно-демократическим преобразованиям России, не было бы ГУЛАГа, возможно Второй мировой войны и «дикого капитализма» сегодня. В 2001 г. докладу Львова исполнилось 80 лет. И пусть эти строки послужат памяти этому, еще не оцененному, событию.

Появление в Праге в 1921 г. сборника статей «Смена вех» вызвало первый крупный раскол в русской эмиграции. Во-первых, сменовеховцы впервые сумели дать глубокий, обстоятельный анализ причин поражения Белого движения. Во-вторых, сделали попытку выработать новую идеологию возрождения России, получившую название «национал-большевизм». И в третьих, сменовеховство дало сильный импульс к возвращению в Россию эмигрантов. Сменовеховцы признали: целостность страны превыше идеологий и партий, и, поскольку большевики охраняют эту целостность, значит, с их режимом придется мириться. Так думал, в частности, и русский писатель А.Н. Толстой.

Львов стал одним из лидеров движения сменовеховцев и летом 1922 г. вернулся в Россию, как уже вернулись до него в 1921 г. 121843 человека.

Владимир Николаевич вернулся по дипломатическому паспорту, выданному полпредом Крестинским в Берлине. По рекомендации П.А. Красикова занимал пост управляющего делами Высшего церковного управления, но не долго, до сентября, затем до августа 1924 г. — был заведующим приходскими делами и одновременно во всех губернских городах читал лекции об обновленчестве русской

православной церкви. Когда начались репрессии против церкви, Владимир Николаевич остался без дела, без комнаты, которую занимал в Троицком подворье. До января 1926 г. продолжал ездить с лекциями. Объехал, по его словам, все губернские города. Оставшись без жилья и без средств к существованию, вынужден был согласиться на редакторскую работу: литературная обработка экономических статей в кооперативе «Искра», которую ему предложил некто В.В. Функе, разрешив жить в полуподвальном помещении квартиры. Кооператив «Искра» готовил десятитомное издание «Возрождение и развитие промышленности, торговли и финансов СССР» к 10-летнему юбилею событий 1917 г.

Владимир Николаевич скоро понял, что готовящееся издание «...совершенно не удовлетворяет научному спросу на освещение экономических вопросов...», несколько раз собирался уйти, но отсутствие жилья и денег, а также «...к несчастью, характер все забывать и относиться добродушно к таким беззастенчивым ко мне поступкам», останавливали его. 3 февраля 1927 г. его арестовали, как и всех других сотрудников «Искры» и самого Функе, по обвинению в экономической контрреволюции.

В отчаянии, а главное в недоумении писал он из тюрьмы письма Зам. Наркомдел Карахану, Прокурору Верховного суда СССР Красикову, прося защиты и ходатайства об освобождении, чтобы приносить пользу.

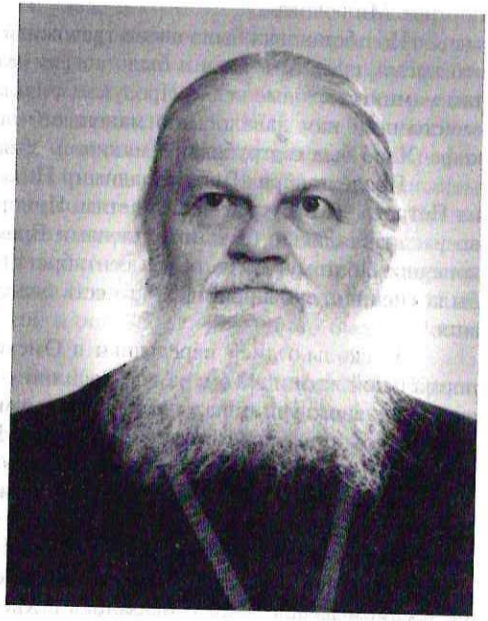
Судебная коллегия ОГПУ постановила «Львова Владимира Николаевича выслать через ППОГПУ в Сибирь сроком на три года с оставлением в одном из губернских городов». Он снова оказался в Томске, в том самом городе, где он прожил последний год со своей семье, где расстался навсегда с детьми и Марией Алексеевной, вопреки наказу старца Варнавы. О жизни в Томске сведений пока нет.

И последний документ в «Деле КГБ» от ноября 1930 года: «Препровождая на распоряжение дело-формуляр на а/с Львова Владимира Николаевича, сообщаем, что таковой умер в Томской тюремной больнице. Основание: акт от 20.IX–30 г.».

Последняя фотография Владимира Николаевича Львова, как положено, в профиль и фас. Породистое лицо, грустные и вопросительные глаза. Что думал в этот момент, над чем размышлял потом в тюрьме и в ссылке этот человек, который, по словам современников был, «одушевлен самыми лучшими намерениями», «выступал всегда с большим жаром и одушевлением», «доклады которого бывали проникнуты почти комическим отчаянием». Видел ли свои ошибки, ругал ли себя, молился, просил ли прощения у своих детей и Марии Алексеевны, до конца ли верил в свои идеи, порой только теоретические. Никто об этом уже никогда не узнает. Однако ясно, это была историческая личность, оценка которой впереди.

Владыка Нафанаил (в миру Василий Владимирович Львов) — сын Владимира Николаевича Львова и праправнук Николая Александровича Львова. Владыка писал в автобиографии: «Родился я в 1906 г. в Москве на Покровке... Нас было 6 человек детей: пять братьев (один Алексей умер в малолетстве) и одна сестра. Большую часть времени мы жили в селе Кротково, в Самарской губернии, в 20 верстах от города Бугуруслана. Отец и мать проводили время в Петербурге, откуда мама приезжала чаще, а папа лишь на Рождество, на Пасху и на лето, привозя нам подарки. Мы очень любили и отца, и мать».

Свои воспоминания Владыка начинает с того времени, когда он был еще мальчиком Василием десяти лет. Закончился 1916 г. Мальчику запомнилось гадание (сбывшееся со временем) под Новый год по старому стилю: «Хотя и папа, и мама были очень церковными и в принципе осуждали гадание, но один раз в год гадание у нас разрешалось. Когда по нашему семейному обычаю мы стали гадать на Россию и когда белый, синий и красный воск елочных свечей стали лить в таз с водой, вся вода густо окрасилась в красный цвет. Мама перекрестилась и с грустью сказала: «Это значит, что война в новом 1917 г. не кончится и еще прольется много крови». Какой океан крови прольется никто тогда, конечно сказать еще не мог.



Ил. 10. Владыка Нафанаил (в миру Василий Владимирович Львов) (1906–1985), праправнук архитектора

И еще одно жизненное обстоятельство того времени оставило след в памяти мальчика: «В начале марта (1917 г.) в имение приехал старший брат и, вбегая в дом, закричал: «Васька, кричи да здравствует царь Михаил Александрович. Николай отрекся, и у нас теперь Государь Михаил!» Меня охватил ужас. Я бросился в комнату, упал перед иконами, которых у меня было много, так как я с детства любил иконы, и начал судорожно молиться: «Господи, спаси Россию, Господи спаси Россию».

До десяти-двенадцати лет Василий, как и другие дети в семье, получал домашнее образование. Есть свидетельства, что у детей были гувернер-англичанин и гувернантка-француженка. Дети с детства знали английский язык. В 1916 году только старший брат Николай (родился в 1901 г.) и сестра Машенька (родилась в 1903 г.) учились в уездном городе Бугуруслане Самарской губернии. Но после февральской революции 1917 г., несмотря на участие Владимира Николаевича во Временном правительстве, оставаться в деревне было небезопасно, и Мария Алексеевна перевезла в Бугуруслан и младших сыновей: Василия (родился в 1906 г.), Григория (родился в 1907 г.) и Ивана (родился в 1909 г.). После отъезда Марии Алексеевны в Петроград дети остались на попечении «тети Муси» (М.А. Бюнтинг — любимая двоюродная сестра Марии Алексеевны) и продолжали подготовку к экзаменам: Василий — в 3-й класс Бугурусланского реального училища, а Григорий и Иван — в младшие классы. Оказывается, поступить в вышеназ-

ванное училище в конце учебного года (шел март 1917 г.) было невозможно.

В конце августа 1917 г. в жизни Василия, по его словам, произошло три великих события: «Я стал скаутом, я поступил в 3-й класс Бугурусланского реального училища, и я был избран лидером партии народной свободы 3-го класса Бугурусланского реального училища, по случаю чего, я надел на одну цепочку с крестом портрет Милюкова».

Но обстановка была очень тревожная. «Мы были, вообще очень несчастны в это время, средств к жизни было совсем мало. Приходилось продавать спекулянтам мамины меховые вещи. Продукты стоили очень дорого. Сахара не было совсем, вместо него нам давалось по маленькой порции патоки. Утром пили ячменный кофе. Хлеб был с отрубями и мякиной. У всех у нас началась цинга...».

После ноября 1917 г. Владимир Николаевич и Мария Алексеевна вернулись из Петрограда в Бугуруслан к детям. Пришедшие к власти большевики беспощадно расправлялись с бывшими членами Временного правительства и с их семьями, конечно. Поэтому, когда они в сентябре 1918 г. заняли Самару, семья вынуждена была спешно эвакуироваться, (то есть бежать) на восток, куда отходила Белая армия.

Несколько дней передышки в Омске. Затем около года некоторое подобие нормальной жизни в Томске, где Василий учился в 4-ом классе Алексеевского Томского реального училища, а его братья — в младших классах. 1919 г. оказался последним годом пребывания семьи в России. Новая власть, как было сказано выше, преследовала Владимира Николаевича, а формировавшееся в Омске правительство Колчака «...его услуги не могло принять» из-за боязни «преемственности с тем же Временным правительством». Так человек оказался вредным для одних и ненужным для других. 19 ноября 1919 г. семья разъединилась, простились с отцом, как потом окажется, навсегда. Василий вместе с матерью, сестрой и младшими братьями в самом начале 1920 г. оказались в Манчжурии.

Вся последующая жизнь Василия, (в последствии Владыки Нафанаила) с 1920 г. по 1986 г. прошла вне России. Видимо, поэтому в его воспоминаниях этому последнему 1919 г., полному лишений, горестей, невзгод и потерь, уделено особое внимание. Мельчайшие подробности, на первый взгляд кажущиеся незначительными, описаны с преднамеренной подробностью. Необычность жизни этих годов оставила многое в памяти мальчика. Владыка, вспоминая и описывая эту жизнь, старался не упустить ничего, потому, что это была жизнь в России. Владыка не оставил воспоминаний о своей жизни вне России. О ней можно иметь представление по его статьям, выступлениям, проповедям. Но эти последние годы в России с конца 1916 г. по 1919 г. им описаны с особенным старанием, хотя это в основном детские годы.

Вот восторженные воспоминания Владыки о ледоходе на реке Томь: «Как прекрасна была весна (1919 г.) в Томске. Все мы бегали смотреть, как идет лед по реке Томи. Так как Томь, как почти все сибирские реки, течет с юга на север, то и ледоход на ней проходит очень бурно. Растаявшая вода с отдельными льдинами бросает их на еще замерзшую гладь северной части реки, льдины громоздятся, становятся на «попа», торосами, все трещит и гремит как в летнюю грозу». И чувствуется, что Владыка всем своим существом и сейчас там, на этой далекой реке Томи.

А вот его подробный рассказ об учителях в Томском реальном училище. Вспоминает многих, но при этом отмечает, что больше всего был им любим батюшка, почтенный старый протоиерей, академик, настоятель старого Благовещенского собора. Василий тоже был любимым учеником батюшки, так как всегда горячо любил Закон Божий. «От этого батюшки узнал я,— пишет Владыка,— запомнившееся мне на всю жизнь объяснение того, что двуперстное сложение крестного знамени было обычаем Константинопольской церкви, а трехперстное — Иерусалимской. Мы приняли христианство от Константинополя с двуперстным крестосложением. Когда после разгрома Константинополя крестоносцами, в XIII веке византийские императоры вернули себе свою столицу и начали восстанавливать в ней церковную и гражданскую жизнь, они предписали в церковных вопросах руководиться указаниями Иерусалима, где церковная жизнь не была перебита. Тогда-то Студийский церковный устав был заменен уставом лавры Св. Саввы, и во всей церковной жизни стали распространяться Иерусалимские обычаи, в том числе и трехперстное крестосложение». Эта истина была познана Владыкой, тогда еще мальчиком 13 лет, где-то в Томске в условиях полуголодной и опасной жизни, но это было в России, а потому и сохранилась в памяти.

Запомнились прогулки по Енисею в Красноярске: «Мы прибыли в Красноярск уже через месяц после ледостава, когда лед, прогретый и просветленный солнцем, стал прозрачным, сияющим, искрящимся. Достаточно было отойти от берега на несколько шагов, чтобы очутиться в волшебном хрустальном мире, быть окруженным стенами и столпами из хрусталя». Господи, как давно это было, а кажется, что только что вернулся мальчик с реки!

А вот уже почти и последние шаги по России: «В Иркутске полюбовались Ангарой, текущей из Байкала среди снежных полей, несмотря на 30 градусный мороз, голубой дымящейся лентой. Ангара — единственный сток гигантского озера и потому напор воды в ней так силен, что она замерзает лишь на краткое время в конце зимы и то не каждый год.

Обогнули Байкал по Кругобайкальской железной дороге. На станции Байкал вышли на лед озера полюбоваться исключительной прозрачностью его вод, стали на колени, прильнув глазом к поверхности льда можно было на многие сажени видеть его глубину и сосчитать камушки на дне». Поистине прощание с Россией. Кажется обычные слова, а как щемят они сердце, когда знаешь, при каких обстоятельствах все это происходило.

Особое место в воспоминаниях о детских годах уделено описанию участия в движении скаутов, которое очень интересовало Василия. Как было уже сказано, он стал скаутом в Бугуруслане в августе 1917 г., ему только что исполнилось одиннадцать. Более регулярно стал заниматься скаутизмом в Томске, где выдержал экзамен на 3-й разряд и дал «торжественное обещание» пред знаменем Томской дружины с изображением святого великомученика Георгия на нем. Вставши на одно колено и подняв правую руку со скаутским салютом, он сказал: «Я, Василий Львов, скаут второго отряда Томской дружины, даю торжественное обещание и скреплю его своим честным словом в том, что буду исполнять свой долг перед Богом и Родиной,

ежедневно оказывать добрые услуги людям, знать законы разведчиков и повиноваться им». Вся последующая жизнь Владыки показала, как он был верен этой клятве и выполнил «свой долг перед Богом и Родиной» на своем поприще.

Далее подробно описано участие в летнем двухнедельном лагере скаутов в Томске (1919 г.), когда начальником Томской дружины был скаут-мастер Костя Перцов, офицер, командир бронепоезда, которого «очень любили, обожали, которым восхищались». Сколько неподдельной радости было при случайной встрече с ним в Мариинске. Владыка был в курсе и дальнейшей жизни Кости Перцова, знал, что тот благополучно сумел выехать из России, что потом поселился в США, где стал известным благотворителем и общественным деятелем. С какой гордостью вспоминал он, что скауты и он, в том числе, провели однажды ночь в какой-то хижине, которая, как выяснилось потом, оказалась лесной хижиной старца Федора Кузьмича, под именем которого скрывался император Александр Благословенный.

Встреч со скаутами неугомонный Василий искал на каждой станции, где их поезд останавливался на длительное время. И всегда находил: в Мариинске и Ачинске — дружины, в маленьких городках и на крупных станциях — отряды, на меньших станциях — патрули (звенья). Подчеркивает, что возникали они, как и в Бугуруслане, самотеком, под влиянием чтения журналов «Вокруг Света» и «Природа и люди». Узнавали скауты друг друга «тайными знаками»; салютом и пожатием левой руки.

Василий продолжал активно свою скаутскую работу и в Харбине. Поступив осенью 1920 г. в Харбинское Реальное училище, встретил приехавшего из Читы помощника скаутмастера Бориса Димитрука. С ним организовали из учеников Реального училища 10-й отряд Харбинской скаутской дружины. Борис стал начальником дружины, Василий — его помощником, предварительно сдав экзамен на второй разряд. Летом 1922 г. успешно провели большой скаутский лагерь на 250 человек за рекой Сунгари.

Желание активно участвовать в движении скаутов и постоянный интерес к нему свидетельствует о деятельной натуре мальчика уже в детском возрасте, о стремлении найти место для применения своих незаурядных способностей, то же самое стремление служить людям, так характерное для его отца, деда, прадеда.

Рассказывая так подробно о детском движении скаутов, Владыка хотел подчеркнуть, что дети уезжающих из России не были безучастными к происходившим событиям и по-своему старались служить своему отечеству. С горечью и некоторой осторожностью он призывал «не забывать героические подвиги и наших поколений».

Итак, в начале 1920 г. въехали в Манчжурию.

В самом конце XIX века в России заканчивалась прокладка Великого Сибирского железнодорожного пути. Каждая верста этого пути обходилась дорого. Где возможно строители старались сделать его прямее, жертвуя для этой цели иногда интересами значительных сибирских городов. Ни Тобольск — столица Сибири, ни Томск, единственный тогда университетский город края, ни крупный город Барнаул не попали на железнодорожную линию. Между тем, от столицы Забайкалья, Читы, прямой путь на главный город и порт Дальнего Востока, Владивосток, лежал через Манчжурию. Обходной путь, осуществленный много поздней, вдоль берегов

Амура, удлинил бы дорогу на 1000 верст.

В 1898 г. Российское правительство получило от Китайского правительства концессию на 99 лет для постройки железной дороги через Манчжурию. Российская империя получила во владение, на правах частного лица, полосу земли в 20 метров шириной для прокладки железнодорожного полотна и через оговоренные промежутки участки в несколько квадратных километров для постройки разъездов, станций, поселков и городов.

Эта дорога, получившая название Китайской Восточной железной дороги (КВЖД), прокладывалась в совершенно дикой и пустынной стране.

Главный строитель дороги, министр финансов, граф С.Ю. Витте, чтобы привлечь служащих в такую далекую от центральной России страну, предоставил железнодорожным служащим и рабочим в Манчжурии для тех времен неслыханно привилегированные условия: жалованье в полтора раза больше, чем в России, ежегодный двухнедельный отпуск с сохранением содержания, двенадцать бесплатных билетов по КВЖД и один раз в год бесплатный билет по всем железным дорогам России и Китая, и раз в пять лет полугодовой отпуск с сохранением содержания; бесплатные удобнейшие казенные квартиры с теплыми ваннами и туалетами, с садами, огородами, с бесплатным отоплением, с участием во всех железнодорожных кооперативах и предприятиях, так что молочные продукты, овощи и фрукты железнодорожные служащие получали по крайне низкой цене. В первоклассных железнодорожных больницах им было предоставлено бесплатное лечение, и к их услугам были железнодорожные собрания с театром, оперой и клубами. Край процветал.

Русское население в Манчжурии первоначально составляли железнодорожные служащие и рабочие с семьями, всевозможные торговцы, хлынувшие в новый край, и военнослужащие частей, созданных для охраны железной дороги. После Китайской революции 1911 г. в Манчжурию стали допускаться китайские переселенцы, которым ранее въезд был воспрещен, так как Манчжурия считалась вотчиной Манчжурской династии, правившей Китаем. После революции 1917 г. число русских жителей Манчжурии значительно увеличилось, благодаря приливу эмигрантов из восточных частей Европейской России и Сибири. В Манчжурии, население которой в начале XX века не достигало и пяти миллионов, к концу 20-х годов оно составляло 30 миллионов человек.

Управляющий КВЖД был фактически правителем большого (по территории равного всей Германии, Франции и Италии вместе взятым) богатого края. Его власть ограничивалась инструкциями Министерства финансов Петербурга и решениями Правления КВЖД. После событий 1917 г. Министерство финансов отпало, и железная дорога превратилась в конституционное государство с Управляющим в качестве монарха и Правлением в качестве Парламента. В 1920 г. управляющий КВЖД генерал Д.Х. Хорват передал власть над дорогой Русско-Азиатскому банку, владевшему большинством акций железной дороги. В свою очередь в Русско-Азиатском банке большинство акций принадлежало французам, и таким образом, на некоторое время русские владения в Манчжурии оказались отчасти под протекторатом Франции. Русско-Азиатский банк назначил управляющим КВЖД энергич-

ного и талантливого инженера Б.В. Остроумова. При нем русская Манчжурия пережила короткий, но яркий период расцвета.

Владыка Нафанаил вспоминал: «Владивосток в это время был в руках красного просоветского правительства, из-за которого папа должен был уехать из Владивостока. Поэтому мы решили, не доезжая до Владивостока, остановиться в Манчжурии, в Харбине».

Харбин был исключительным явлением в то время. Построенный русскими на китайской территории, он оставался типичным русским провинциальным городом в течение еще 25 лет после революции, еще четверть века продолжил нормальную дореволюционную русскую жизнь.

Даже признание Китаем советского правительства в 1924 г. и передача в советские руки железной дороги со всеми правами, которыми пользовалось в Манчжурии царское правительство, появление в Харбине эмиссаров Москвы — все это сравнительно мало, только поверхностно, изменило уклад жизни в Харбине.

В 1921–1922 гг. Василий учился в Харбинском реальном училище. Благотворительный Комитет, взявший на себя оплату обучения и пансиона его младших братьев, отказался оплачивать обучение Василия, так как считал, что он достаточно вырос (15 лет), чтобы заработать на оплату своего обучения. Поэтому одновременно Василий еще и продавал путеводители по Харбину в магазинах, в Управлении железной дороги.

Все юношеские организации в Харбине были прицерковные: и у скаутов, и у разведчиков, и даже у братьев костра (организация при Христианском Союзе Молодых Людей) были духовники, оказавшие значительное влияние на молодежь. Из всех этих организаций в свою очередь вышли лица, ставшие в той или иной форме на путь служения церкви.

Василий вырос в глубоко религиозной и истинно верующей семье. «Моя мама,— вспоминал он,— умела молиться, как никто другой». Его отец готовил себя к монашеству. Даже Керенский в 1917 г. вспоминал о Львове как о «глубоко набожном человеке». При аресте и обыске Владимир Николаевич предъявлял свои вещи в такой последовательности: «четырнадцать рублей 97 копеек, багажные ремни, бандажи, кож[аный] кошелек, кож[аный] бумажник, три ключа, часы открытые черные, одна пара запонок желтого цвета, кольцо золотое, крест нательный золотой с серебряной цепочкой» (согласно квитанциям от 3/II 1927 г.). Нательный крест Владимир Николаевич снял последним. К тому же вся жизнь в Манчжурии, особенно в Харбине, была глубоко пропитана церковностью. Многочисленные храмы в Харбине были во все праздничные дни неизменно переполнены. Почти все русские люди Харбина постоянно ходили на праздничные богослужения. На Великий Пост прекращались почти все общественные увеселения. Даже некоторые кинематографы закрывались на весь Пост, а на первую неделю Поста и на Страстную закрывались многие. Столь большой процент русского населения соблюдал посты, что китайские лавочники приходили к священникам, спрашивая их, когда начинается тот, или иной Пост, чтобы в связи с этим больше или меньше заказывать мясных и молочных продуктов у оптовиков.

На Пасху все церкви Харбина ярко освещались, и весь город гудел от звона колоколов.

На Радуницу кладбища от раннего утра до позднего вечера были наполнены толпами богомольцев, поминавших своих родственников. Во внехарбинских приходах поминовение усопших на Радуницу совершалось по понедельникам Фоминой недели, а ко вторнику все батюшки со всей Манчжурии съезжались в Харбин, и все-таки духовенства в этот день всегда не хватало.

На Преображение предприимчивые китайцы-торговцы свозили в огромном количестве фрукты, и церкви оказывались заваленными грудами освящаемых плодов.

Особенно красочным был ежегодный крестный ход в день Крещения Господня из всех почти церквей Харбина на реку Сунгари, где у подножия ледяного креста в проруби освящалась вода, и где после того сотни харбинцев купались, несмотря на стоявшие в это время обычно жестокие морозы. Местные жители-китайцы придавали такое значение Крещенскому водосвятию, что, когда в 1932 г. разразилось страшное наводнение, затопившее большую часть Харбина, они приписали это тому, что в тот год вследствие бывших тогда военных действий водосвятия на Сунгари не было.

Время от Рождества до Поста отмечалось многочисленными благотворительными балами и спектаклями, которые совершенно прекращались в Пост.

Но не только внешней полнотой процветала церковная жизнь в Харбине. Было и внутреннее духовное цветение. Были среди пастырей и архипастырей Харбина люди высокого христианского духа. Среди них основатель Казанско-Богородицкого мужского монастыря, архимандрит, потом епископ Ювеналий; аскет, подвижник отец Нифонит в этом монастыре; духоносный старец, благостный протоирей отец Федор Стрелков, имевший дар исключительно проникающего в сердца слова и, конечно, отец Протоирей Николай Вознесенский, впоследствии епископ Димитрий, глубокий кладезь самых широких духовных знаний.

Организация Высших Пастырско-Богословских курсов потребовала большого напряжения сил со стороны своих создателей — эмигрантов. Нужда в духовном высшем учебном заведении в Манчжурии ощущалась большая. Среди молодежи было стремление идти на службу Церкви. Но соответствующих школ не было. Союз молодых людей предложил некоторым молодым людям, стремящимся к священнослужительской деятельности ехать в Америку в протестантские высшие богословские школы. Но это, конечно, не было желательным выходом.

Наконец, в 1928 г. Пастырско-Богословские курсы были основаны, главным образом, трудами и стараниями протоирея отца Николая Вознесенского. Студентов на первом курсе было 14. Почти столько же профессоров. Среди них яркостью и одухотворенностью преподавания выделялись декан курсов отец Н. Вознесенский, профессора Н.В. Кедров, И.И. Косточик и Мифантьев, протоиерей отец Л.Викторов (впоследствии епископ Никандр). Студенты Пастырских курсов относились к своим обязанностям с исключительным прилежанием. Считалось совершенно недопустимым прибегать к каким-либо трюкам для преувеличенного впечатления о своих знаниях.

Душой этих курсов был и всегда оставался отец Н. Вознесенский, но когда администрация курсов стала хлопотать пред правительством Манчжурии о государственном признании курсов высшим учебным заведением, то ему пришлось отказаться от деканства, так как у него не оказалось профессорского звания. Богословские курсы в 1933 г. были переформированы в Богословский факультет, и деканом этого факультета стал бывший директор Мукденской гимназии В. Павловский, в монашестве Василий. Впоследствии он уехал в Европу и вскоре после войны скончался в Мюнхене в сане епископа Венского.

Василий Львов учился на Пастырско-Богословских курсах, а затем и на Богословском факультете русского Свято-Владимирского института в Харбине.

Между тем, живший в Харбине, не входя в состав епархии, но, будучи на самостоятельном положении Преосвященный Нестор, епископ Камчатский, создал в это время, так называемый, Дом Милосердия — приют для детей-сирот и убежище для престарелых. При Доме Милосердия была построена благолепная церковь. Явилась нужда в священнослужителях. В 1929 г. Владыка Нестор постриг в монашество одного из студентов Богословских Курсов 23-летнего Василия Львова, принявшего имя Нафанаила. Через короткое время решил принять монашество отец Георгий (Вознесенский), получивший имя Филарета (впоследствии Митрополит Филарет) и поселившийся в одной келии с уже живущим там же иеромонахом Нафанаилом. Так было положено начало монашеской обители при Доме Милосердия.

На следующий 1930 г. из Приморья от жестоких антирелигиозных гонений бежал священник отец Василий Быстров (впоследствии архимандрит Иннокентий, настоятель монастыря в Магопаке) и рясофорный послушник Андрей, ставший вскоре иеромонахом Климентом. К этой иноческой дружине скоро присоединился блестящий, талантливый и одухотворенный юноша Кирилл Иогель, ставший иеромонахом Мефодием и выдающимся проповедником, очень рано умершим. Следует отметить отца Нила, в мире К. Носова, самоотверженного юношу, в 1934–1935 годах тайно ходившего в Россию с заданиями от харбинских патриотических организаций. Он тоже очень рано умер, простудившись и получив туберкулез из-за того, что ему пришлось долго просидеть в холодной воде реки Амур в октябре месяце, возвращаясь после своего посещения России. Вспоминал Владыка Нафанаил и православного китайца отца Илью, организовавшего при Доме Милосердия свечной завод.

Кроме ежедневных богослужений, монахи Дома Милосердия несли послушания по преподаванию Закона Божия в детском приюте и в различных средних школах Харбина.

Будучи православным монахом, отец Нафанаил в то же время сотрудничал в работах местного русского научного объединения, называемого Обществом изучения Манчжурского края. Летом 1935 года в качестве гостей этого Общества на несколько недель приехали православные археологи Тейяр де Шарден и аббат Брейль.

Французского палеонтолога и философа Тейяра де Шардена называют среди выдающихся мыслителей западного мира первой половины XX века. Он сумел соединить глубокие религиозные мысли и чувства с научными палеонтологическими и археологическими познаниями, философски синтезировав их. С ранних лет

он полюбил минералогию, геологию и особенно палеонтологию, проявил синтетический ум в мышлении, сумев обнаружить общие корни и общее содержание в самых разнообразных явлениях. С известным археологом и палеонтологом, аббатом Брейлем, его объединяли обширные познания в палеонтологии и археологии и глубокое религиозное чувство. В 1913 г. они вместе приняли участие в раскопках доисторического человека в Англии.

Военные переживания Первой Мировой войны усилили в нем религиозные чувства, и по окончании войны, в 1918 г. он принял монашество, дав обет нестяжания, целомудрия и послушания. Через четыре года он стал профессором геологии и палеонтологии в католическом институте во Франции. В 1926 г. переселился в Китай, где вскоре получил всемирную известность в связи с деятельным участием в открытии и изучении «пекинского» человека, иначе именуемого синантропом.

Конечно, приезд Тейяр де Шардена и аббата Брейля, был значительным событием для всех, имевших прикосновение к Обществу изучения Манчжурского края.

Отцу Нафанаилу по его словам: «Удалось сотрудничать с двумя великими палеонтологами в двух интересных работах».

Первой такой работой было палеонтологическо-археологическое обследование речки Ван-чуан-хэ. Речка эта, протекающая в окрестностях Харбина, небольшая, метра три ширины, глубиной до метра. Но она очень древняя, ибо течет по одному и тому же руслу в течение всей четвертичной эпохи, т. е. плейстоцена. За это время она прорыла глубокий каньон, и мы находили древние остатки или на дне реки, или на склонах ее каньона. Тут не надо было делать никаких раскопок. Просто надо было идти по реке, внимательно всматриваясь в ее дно и в нависшие с двух сторон склоны обрыва. То из воды в неглубоких местах, то из глины обрыва выступали кости пещерного льва или пещерного медведя, или бугорчатая поверхность зубов мамонта, или концы рогов гигантского оленя — мегацероса, того самого, с которым уже в исторические времена в Песне о Нибелунгах сражался Зигфрид. И, конечно, самыми волнующими при этом были моменты, когда перед нами выступал конец каменного топора или ножа, или скребка, на которых были видны признаки отделки их человеком.

Из находок в реке Ван-чуан-хэ у меня составилась порядочная коллекция каменных орудий палеонтологического человека и костей плейстоценовых животных. Я собирал эту коллекцию в течение нескольких лет, но, пока ее не увидел и не одобрил Тейяр де Шарден, она не вызывала сколько-нибудь заметного интереса в широких кругах. Об очередных моих находках в местных русских газетах сообщалось лишь мелким шрифтом в трех-четырех строках: «новая находка молодого сотрудника Общества изучения Манчжурского края, отца иеромонаха Н.». Когда же мою коллекцию просмотрел и похвалил Тейяр де Шарден, она привлекла общее внимание, и во всех газетах были напечатаны подробные отчеты о ней с приложением фотографий с нее. Когда через два года после того мне надо было ехать в Европу, а денег на дорогу не было, я смог продать свою коллекцию чешскому консулу в Харбине за сумму, достаточную для оплаты путешествия из Харбина в Белград».

Далее отец Нафанаил продолжал: «Второй интересной работой с Тейяром де Шарденом и аббатом Брейлем, в которой мне удалось участвовать была экспедиция, организованная Обществом изучения Манчжурского края, в Баргу, на окраине Монгольской пустыни, на так называемые выдувы...

«Выдувы» — это небольшие каменные возвышенности среди песчаной пустынной местности, которые в течение столетий подвергались действию ветра и оттого потеряли свой песчаный покров, обнажив каменную основу, на которой задержались более тяжелые предметы: камни, большие кости и т. д. Среди множества обычных, ничем не примечательных камней попадаются и обработанные человеком. Узнать их нелегко, надо внимательно смотреть, осматривал нанесенные на их поверхности удары».

Осенью 1935 г. в Харбине стало известно, что вдоль берегов Амура появилось много русских и русско-китайских семейств. Бежавшие в большом числе от насильственной коллективизации русские крестьяне и казаки Приамурья, переправившись в Манчжурию, частью оседали на берегу Амура, частью отправлялись дальше на юг, оставляя свои семьи в приамурских поселках. Многие из этих последних погибали в пути или достигли южных городов, оставались тут, забрасывая свои семьи. Между тем, к берегам Амура шло интенсивное переселение китайцев-землевладельцев и работников, в большинстве бессемейных. На Амуре они женились на русских женщинах и девушках и основывали семьи.

Иеромонаху Нафанаилу было поручено приехать в город Сахалян на Амуре и проехать по Амуру, чтобы посетить эти русские и русско-китайские поселки. Перед отъездом он получил от книжных магазинов в Харбине большое количество книг: Евангелий, молитвенников, хрестоматий, книжек с рассказами и пр. для раздачи русским беженцам на Амуре. Отец Нафанаил поехал на маленьком пароходике вдоль манчжурского берега Амура, посещал селения, где находились русские и русско-китайские семьи, встречавшие его с большой радостью. За эту поездку он повенчал 30 браков, окрестил 40 детей и раздал свыше 300 различных книг.

Видел он за эту поездку и ход рыбы кеты, и чавычи, когда рыба у берега идет такой сплошной массой, что весло, поставленное в воду, движется, стоя против течения; видел медведей, рысей, диких кошек, лисиц, сбегающихся из тайги для ловли рыбы.

Через две недели отец Нафанаил вернулся в Сахалян. Долго со щемящим чувством смотрел на противоположный берег Амура, где расположен русский город Благовещенск с его собором и церквами, у которых были сняты купола и кресты; на группы красноармейцев, упражнявшихся в прыжках с парашютом с высокой башни на берегу Амура; на группы русских людей, выходивших на берег. Русские голоса ясно раздавались с той стороны.

Осенью и ранней зимой 1933 г. отец Нафанаил сопровождал епископа Нестора (создателя Дома Милосердия в Харбине) на Архиерейский собор в Югославию. Здесь впервые ему пришлось встретиться с великим митрополитом Антонием уже под конец его жизни. Он вспоминал: «Хотя наша семья была с ним лично знакома издавна, и мой отец, вопреки многому, пользовался любовью Владыки.., но мне, как „маленькому“ тогда, до революции, увидать митрополита Антония не удалось».

«Первый разговор наш,— вспоминает далее отец Нафанаил,— был о России. Мы с Владыкой Нестором приехали с Дальнего Востока. Владыка Нестор рассказывал о подробностях нашей жизни там. И вдруг Владыка Антоний прервал и произнес: „А я о России скажу Пушкинскими словами: „... И как вино печаль минувших дней в душе моей, чем старей, тем сильней“. И заплакал».

Тогда отец Нафанаил «получил двойную незаслуженную радость: через руки великого митрополита Антония воспринял от Церкви Христовой высокий сан игуменский».

В сане иеромонаха сопровождал архиепископа Нестора в его миссионерской поездке на Цейлон, где в 1935 г. наметилось присоединение большой группы индийских христиан к Православию.

По возвращении в Харбин отец Нафанаил был возведен в сан архимандрита. Перед началом Второй Мировой войны в 1939 г. был промыслительно назначен Архиерейским собором помощником настоятеля Обители преподобного Иова Почаевского в Ладомирове на Карпатах в Словакии. Здесь отец Нафанаил развил огромную миссионерскую деятельность и написал множество отдельных статей, среди которых следует особо отметить талантливый труд «Семь Святых Таинств» (апологетическая повесть). В самой сжатой форме, легко читаемой, повесть содержит в себе не только учение Церкви Христианской, но и «излучает из себя православное мировоззрение». Отец Нафанаил предназначал свой труд специально для православных людей России с надеждой, что в трудные годы лишений принесет многим «великую духовную пользу, раскрыв глубокий смысл Святых Таинств Церкви Христовой и одновременно ответит ясно и четко на самые разнообразные актуальные вопросы».

В конце войны был переведен в Берлин настоятелем кафедрального Воскресенского собора. В самом начале мая 1945 г. за несколько дней до сдачи Гамбурга англичанам архимандрит Нафанаил и иеромонах Виталий (впоследствии Митрополит Виталий) пришли из Берлина в Гамбург частью пешком, частью подвозимые попутными машинами. Здесь отец Нафанаил стал инициатором, а потом и председателем Комитета русской православной эмиграции, который спас от насильственной репатриации тысячи русских выходцев из Советского Союза.

Владыка Нафанаил и одна из участниц оставили воспоминания об этих событиях, краткое изложение которых дает представление о них. Все было так неизвестно и неясно, что приезд духовенства в это смутное время был всем русским особенно радостен.

Они сразу начали богослужение в представленной англичанами немецкой церкви Иоанна Богослова. На службы хлынуло множество людей, к этому времени тем или иным путем прибежавших в Гамбург из многочисленных лагерей, так называемых «остарбайтеров».

После Пасхи англичане стали увозить русских в советскую зону. Подавляющее большинство ехало неохотно, еще отчетливо не зная, что их ждет, но тревога и недоверие к советским обещаниям наполняли души. Ехали только потому, что не

видели другого выхода. Но стали доходить оттуда вести самые мрачные. Несколь-ким увезенным удалось бежать и вернуться. Они рассказывали о том, что им при-шлось пережить, и среди увозимых начались самоубийства. Многие стали приходить к отцу Нафанаилу, они просили и молили спасти их от вывоза в советскую зону. Они были из лагеря Кверкампф (или Функтурм), к концу мая предназначенного к вывозу. Их было 600 человек. Они выкинули черный флаг и составили прошение, в котором решительно просили английские власти расстрелять их здесь, но не от-правлять на родину.

Отец Нафанаил сказал им, что сделает все, что только возможно, чтобы спа-сти их. С их прошением он пошел к начальнику репатриационного отдела, полков-нику Джеймсу. Приняв от отца Нафанаила это прошение, полковник обещал снестись по этому делу с Главным управлением и через несколько дней дать ответ. Ответ был получен в самом начале июня: «Никто, кто не является военным преступни-ком или советским гражданином к 1-му сентября 1939 г., не должен быть репатри-ированным против своей воли». Это значило, что советские граждане, бывшие таковыми к 1 сентября 1939 года, подлежали репатриации и против своей воли.

С момента получения этого ответа от англичан, отец Нафанаил начал непре-станные хлопоты по опасению этих людей. Это было очень трудно, так как англича-не упорно твердили: «Все русские должны ехать домой».

Из всех возможностей (а их было очень мало) обойти бесчеловечные прави-ла и добиться спасения русских людей от насильственной репатриации, вырисовы-валась одна, и отец Нафанаил отправился снова к полковнику Джеймсу. Там он поручился, что все 600 человек — не советские, а польские граждане. Он объяснил английскому полковнику, что в Польше до войны было около миллиона русских, украинцев и белорусов. Удостоверить же их принадлежность к польскому граж-данству документами невозможно, так как немцы у всех «остарбайтеров» (рус-ских, и польских) отбирали документы. Следовательно, нужно положиться на показания самих людей. На это англичанин потребовал составить список всех жи-телей лагеря Кверкампфа и передать его польскому офицеру связи, состоящему при английском военном управлении. Если он этот список примет, то английское управление ничего не будет иметь против того, чтобы эти люди были переведены в польский лагерь и остались в Германии. Польский офицер сразу подписал этот список и сказал отцу Нафанаилу, что через несколько дней узники Кверкампфа будут переведены в польский лагерь.

Отец Нафанаил и отец Виталий поехали в лагерь и сообщили эту добрую новость. Известие было принято с бесконечной радостью.

Как будто все хлопоты и волнения были уже позади, но вечером прибежали к отцу Нафанаилу двое присланных из лагеря и взволнованно сообщили, что в лагерь приехали 30 английских грузовиков, чтобы куда-то отвозить их. Отец Нафа-наил и отец Виталий сразу же поехали в лагерь и там увидели, что дело действи-тельно обстоит очень плохо. Отец Нафанаил решил, что отец Виталий останется тут в канцелярии лагеря у телефона, а сам он поедет с людьми, и если все будет благо-получно, то позвонит отцу Виталию. Если же будет неблагополучно, то отец Вита-лий бросится к полковнику Джеймсу, чтобы пробовать спасти их всех.

Отец Нафанаил ни минуты не думал о том, что будет с ним, если ужасное подозрение подтвердится, и их всех привезут в советский лагерь. У него была толь-ко одна мысль, что он должен защитить и спасти этих людей.

И привезли их в советский лагерь! Советский офицер принял весь транс-порт и сказал, что завтра утром все будут отправлены в советскую зону. Отцу Нафанаилу удалось попасть к английскому офицеру, который был при этом лагере. Последний отнесся очень формально и послал своего польского офицера связи про-верить, действительно ли данные люди польские граждане. Польский офицер, вер-нувшись доложил, что никто из них не говорит по-польски и что, несомненно, они не польские граждане, а русские. Английский офицер потерял окончательно дове-рие и очень холодно пообещал исполнить просьбу отца Нафанаила и позвонить полковнику Джеймсу.

Дело теперь обстояло очень плохо, и в эту ночь никто из привезенных не вошел в барак и не спал. Не спал и отец Нафанаил. И, несмотря на то, что пришло известие от английского офицера, что будут присланы грузовики и всех отвезут в польский лагерь, настроение у всех было тяжелым, люди уже ничему не верили, были мрачны и говорили о том, что знают, как им спастись, намекая на самоубий-ство, и много надо было сил и присутствия духа, чтобы уговорить их не совершать этого массового самоубийства. С Божией помощью отцу Нафанаилу удалось угово-рить подождать до утра. В пять часов утра в лагерь пришел отец Виталий, который, не дождавшись звонка отца Нафанаила, сам сообщил о происшедшем полковнику Джеймсу, чем и спас положение. В семь часов утра подали грузовики и повезли всех и отца Нафанаила, а отец Виталий опять остался у телефона на случай, если вдруг опять не повезут в польский лагерь. Но всех привезли в польский лагерь Венторф.

Как не побоялся отец Нафанаил поехать со всеми в советский лагерь, так не побоялся он и снабдить всех спасенных фальшивыми документами, благо ему уда-лось достать бланки польских метрик и печать, а знакомый поляк показывал, как надо писать. Наутро все русские обитатели польского лагеря уже имели на руках документы.

Через несколько недель в Венторфе уже было две тысячи русских. К осени русские обитатели польского лагеря получили свой чисто русский лагерь Фишбек, в котором была создана просторная церковь из двух соединенных бараков. При церкви возникли две школы (русская и украинская), гимназия, высшие пастыр-ские богословские курсы. Основаны были также живописная и иконописная школы и мастерские. Лагерь этот процветал несколько лет и для всех его жителей остался светлым воспоминанием.

Отец Нафанаил после спасения людей из Кверкампфа стал хлопотать обо всех, кому угрожала насильственная репатриация, насильственная выдача. По всей английской зоне прошел слух о нем, как о защитнике и помощнике. И многие стали приходить к нему, прося помощи и спасения. И никто не уходил без утешения.

Однажды отец Нафанаил спас советский певческий квартет от репатриации. И когда они пришли к отцу Нафанаилу, чтобы отблагодарить его, то он от всего отказался. Тогда они спросили, можно ли им спеть у владыки всенощную и обед-

ню. «Во славу Божию»,— был ответ. Голоса четырех певчих звучали, как большой хор, и слышалась в них хвала Богу за спасение.

Прошло время, и отец Нафанаил, тогда уже епископ, был переведен в Париж. Через год-два он приехал в Гамбург по делам и поехал, конечно, в лагерь Фишбек, чтобы навестить отца Виталия, который тогда был там священником. Когда стали приближаться, и лагерь стал уже виден, ворота его отворились, и вышел крестный ход — люди несли крест, иконы, хоругви. Машина, ехавшая впереди, остановилась, и владыка вышел из нее. И как только народ увидел владыку, то, как нива, до земли клонимая ветром, так склонились они. Все стали на колени. Невозможно этого забыть и писать об этом сейчас без сердечного волнения тоже невозможно.

10 февраля 1946 г. Митрополит Антоний в Женеве рукоположил архимандрита Нафанаила в сан епископа с титулом Брюссельского и Западно-Европейского. Ему удалось добиться от французских властей разрешения на переезд из Югославии во Францию монахинь Леснинского монастыря. После 1951 г. он провел короткое время в Англии. В 1952 г. епископ Нафанаил назначается администратором русских приходов в Северной Африке, с 1954 года окормлял приходы в Мангейме и Берлине. В 1966 г. Владыка был назначен настоятелем монастыря Св. Иова Почаевского в Мюнхене.

С 1971 г. епископ Нафанаил управлял Австрийской епархией. В 1976 г. был назначен Епископом Венским и Австрийским. В 1981 г. возведен в сан архиепископа Венского и Австрийского.

По воспоминаниям знавших его, Владыка Нафанаил очень хорошо служил. У него не было музыкального слуха, но голос его был чист, ясен и проникновенен. И каждый приходящий на его богослужения чувствовал какой высотой и красотой пронизана служба Божия. «В храме славы Твоея стояще, на небеси стояти мним...».

У него был природный дар Божией милостью проповедника, и проповеди его всегда умудряли и укрепляли души человеческие. Своими краткими беседами он открывал многие сердца и многих привел ко Христу Спасителю. Но пасхальная заутреня, которую владыка служил, была чем-то совсем необычным! Различные люди, попав впервые на эту службу, говорили потом, что никогда ее не забудут. Пасхальная радость, которую чувствовал владыка, была так велика, что она передавалась всем людям, стоящим в церкви. И каждый считал, что это к нему обращено, что восклицает владыка «Христос Воскресе!», призывал именно его до конца понять эту великую весть и возрадоваться вместе с ним.

Главное же, что было в душе владыки Нафанаила, это его любовь и доброта к людям. Этими чувствами всегда была наполнена душа его. Как он любил бедного грешного человека, как он старался ему помочь, поддержать, укрепить!

Глубоко культурный русский, всесторонне и широко образованный, Владыка Нафанаил был по образу мыслей вернейший ученик митрополита Антония. Богослов Божией милостью, он откликался на самые современные вопросы, будь то в области истории, которую он знал и любил, или Священного Писания, археологии, астрономии, зоологии, и чего только он не знал. Видно сказались гены его прадеда Николая Александровича Львова. Живой, оригинальный лектор, интересней-

ший собеседник, он на все и на вся имел всегда свои мысли, никогда ни на йоту не отклоняясь от учения Святых Отцов Церкви, которых он любил и знал. В этом смысле он являлся для всей Русской Православной Зарубежной Церкви как бы общим архипастырем.

Владыка Нафанаил обладал обширными знаниями в различных областях человеческой мысли, эрудиция его была очень велика. Он бывал в Комитете Русских беженцев и как замечательны были эти вечера! Богословие, философия, литература (не только русская, но и всемирная) были открытой книгой для владыки и часто от него можно было услышать тонкий анализ отдельных вопросов, основанный всегда на солидном знании предмета. Иногда случалось, что какой-нибудь известный вопрос был подан им в новом аспекте и показаны его совсем новые стороны. Владыка Нафанаил был ученый монах.

Последние годы долголетний настоятель владыка Нафанаил безвыездно жил в обители Преподобного Иова Почаевского в Мюнхене. Владыка болел недолго, но в последние месяцы нуждался в более усиленном уходе, чем до тех пор. Братия не хотели отдать его в старческий дом, чтобы ему не пришлось последние месяцы и недели жизни проводить в чужой обстановке, чего он и сам боялся. В это время братия с большим терпением осуществляли постоянный уход за владыкой. Тем самым, владыка Нафанаил мог в последнее время часто причащаться в монастыре и достойно готовиться к своему уходу из временной жизни.

Архиепископ Венский и Австрийский, Преосвященный Нафанаил мирно скончался 26-го октября (8 ноября) 1985 г., в день Великомученика Дмитрия Солунского. Тело покойного предано земле на архиерейском участке русского кладбища в Висбадене.

Перу Владыки Нафанаила принадлежит несколько книг. Многочисленные статьи его печатались в «Харбинском Православном голосе», в «Православной Руси», в православных сборниках в Париже, в «Церковном голосе» и в «Вестнике Православного Дела Западной Германии» и неоднократно передавались западными радиостанциями на русском языке.

В 1991–1995 годах Комитетом Русской Православной Молодежи Заграницей в Нью-Йорке все труды владыки были собраны в 5 томов с названием «Беседы о священном писании и о вере».

В предисловии от издательства к первому тому епископ Манхэттенский Иларион, Председатель Комитета Русской Православной Молодежи Заграницей пишет, что «... „Беседы...“ архиепископа Нафанаила представляют собой уникальное явление вообще в русском богословии».

И далее епископ Иларион продолжает:

«Автор „Бесед...“ — сам личность неординарная и неоднозначная. Он прошел сложный жизненный путь и впитал в себя духовный опыт различных церковных течений, с которыми его богатая судьба довела ему познакомиться. Россия, Манчжурия, Европа, Америка, Африка, где бы он ни был, проблемы местной Церкви его волновали в одинаковой мере, и везде он оставил память о себе в своей эрудированной и актуальной церковной публицистике.

„Беседы...“ составлены, по преимуществу, из многочисленных работ, статей,

выступлений архиепископа Нафанаила, опубликованных в различных зарубежных русских православных изданиях. Но в них включены также и не опубликованные до настоящего времени имеющие актуальное церковное значение, работы архиепископа Нафанаила из архива Синода.

Содержание всех томов безыскусственно, органически объединяется их названием. Еще одно слово, которое можно было бы вынести в название, но которое осталось за его рамками, в не меньшей мере объединяет все, включенное в это собрание: это — „и об отечестве".

Читатель легко заметит одно редкое писательское качество архиепископа Нафанаила: о чем бы он ни писал или говорил, о далеком от нас историческом Всемирном Потопе или о делах африканских, он совершенно естественно и непринужденно переходит к одной единственной теме, которая является темой и смыслом всей его жизни — Бог, Церковь, душа, спасение и ... Россия. Постоянно „и Россия".

И хотя все, включенное в это собрание, писалось в разные годы на протяжении десятилетий и в совершенно разных условиях, читатель легко заметит, что упомянутая выше тема скрепляет эти статьи прочно и неразрывно.

И еще одним качеством в большой мере был одарен архиепископ Нафанаил — некоей „атакующей апологетичностью", если можно так выразиться.

Где-то вышла книга или статья, с которой не может согласиться православное сознание, попалась ли ему на глаза отдельная фраза в русской или иноязычной прессе, услышал ли он устное замечание, оскорбительное для веры и Церкви и вредное для души — любой из этих случаев мог стать для него поводом и причиной для написания глубоко-эрудированной, основанной на серьезном изучении источников статьи. Надеемся, что эти „Беседы..." станут для многих русских людей хорошей маленькой домашней библиотекой, которая принесет им истинную душевную пользу во славу Церкви Христовой и на благо нашего возрождающегося Отечества».

Вот таким был Владыка Нафанаил. Вся его жизнь и деятельность свидетельствует, что он был верен своей клятве, данной еще одиннадцатилетним мальчиком, и «исполнил свой долг перед Богом и Родиной». Исполнил, как смог. Или, по крайней мере, жил с сознанием этого долга. Но в Россию Владыка Нафанаил не вернулся, и на Родине до сих пор ничего о нем не знают. Почему не вернулся? Может потому, что не смог забыть бегства семьи в 1917–1919 гг., последнего прощания и разлуки навсегда с отцом, не смог забыть страданий матери, оставшейся одной с дочерью и тремя еще несовершеннолетними сыновьями без средств к существованию, в постоянной неизвестности о судьбах мужа и старшего сына. Или уже знал, что вернувшийся из Парижа в Россию в 1922 г. отец умер в 1930 г. в тюрьме, а вернувшиеся старший и младший братья расстреляны в 1941 и 1938 годах. Одна из библейских заповедей гласит: «Не суди, да не судим будешь». Вот и не будем судить. Будем надеяться и верить, что в России не повторится такая ситуация, когда, опасаясь на свою жизнь и жизнь своих детей, надо против своей воли покидать родину и увозить детей. Будем делать все возможное и невозможное для этого.

Господи, прости нас за все содеянное и укажи верный путь.

Закончить настоящее свое повествование о сыне, внуке и правнуках Николая Александровича Львова я хочу следующими словами, прочитанными мною в предисловии к «Портретной галерее русских деятелей» (издание А. Мюнстера, 1864–1865 г.): «... Мы — русские, и ни один русский деятель не должен быть нами забыт; напротив того, всякое изображение русского деятеля должно встретить в себе настолько же сочувствия, насколько полезна была его деятельность...»

Сложно согласиться с Аллой Петровной относительно даты рождения Александра: сохранилось письмо 1786 г. Марии Алексеевны Львовой к Екатерине Яковлевне Державиной о рождении сына Васеньки. Дочь Елизавета родилась, как известно, в 1788 г., Вера – в 1792 г. Стало быть, в 1790 г., как это и указано у Руммеля и Голубцова. – А. Никитина.

ЛИТЕРАТУРА

Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота, 1864.
Машковцев «К.П. Брюллов в письмах».
Арбатский архив, М., Тверская, 1998.
И.Н. Бобринский. «Тайный сын императрицы», 1996.
И.Н. Бобринская. «Хроника моей жизни», в рукописи.
Владыка Нафанаил (в миру Василий Владимирович Львов 1966–1986) «Воспоминания о времени Русской революции и Белой Борьбы», в рукописи.
Политическая история Русской эмиграции, 1920–1940 гг. Документы и материалы. М., 1999.

А.Б. НИКИТИНА
Санкт-Петербург

ОЛЬШАНКА – ИМЕНИЕ ВОЕЙКОВЫХ-ПОЛЕНОВЫХ

Вера Николаевна – четвертый ребенок в семье Львовых (если не считать рано умершего сына Васеньки, родившегося в 1786 г.), средняя из дочерей Николая Александровича и Марии Алексеевны Львовых, родилась в августе 1792 г. в Москве. Девочке было одиннадцать лет, когда скончался Николай Александрович (в ночь на 22 декабря 1803 г.). Мария Алексеевна ушла из жизни в июне 1807 г., не надолго пережив мужа. Указом от 12 ноября 1808 г. по просьбе «наследников покойного Тайного Советника Н.А. Львова и супруги его», Г.Р. Державин был назначен попечителем «над ними и имением их», «сверх определенного опекуна старшего наследника Коллежского Асессора Леонида Львова» [1].

Державины еще при жизни Николая Александровича заботились о его детях, особенно, когда Львовы были в отъезде. После смерти Львовых Державины полностью взяли на себя заботы об осиротевших племянниках: дочери – Елизавета, Вера и Прасковья поселились в петербургском доме Державина на Фонтанке, а сыновья – Леонид и Александр были определены на военную службу.

Не имея собственных детей, Державины приютили в своем доме многочисленных племянников и племянниц – Дьяковых, Березиных, Ярцевых, Капнистов, Кожевниковых, Мердеров... Зимой жили в Петербурге, на Фонтанке. Летом все огромной компанией выезжали в Званку.

С ранних лет дети, общаясь в кругу, сначала своих родителей и их друзей, затем современников Державина (литераторов, людей искусства), многое впитывали от общения с ними, приобщались к искусству. Они музицировали, играли на фортепьяно, пели, принимали участие в домашних спектаклях, традиционных в доме Державиных. Воспитательницей девочек была госпожа Леблер-Лебеф, по словам Державина, «французская эмигрантка хорошей фамилии и прекрасно образованная». Это она убедила младшую из сестер, Прасковью, вести дневник – для совершенствования во французском языке в виде упражнения записывать свои воспоминания и впечатления[2].

Державин неоднократно посвящал любимым племянницам Львовым свои стихи. Лучше всего поэт охарактеризовал всех трех в трогательном стихотворении «Три грации»[3]. Оно было написано в 1807 г. и послано им вместо красного яичка в Пасхальное воскресенье, когда они еще были все вместе. В строках стихотворения вырисовывается вполне зримый образ этих трех девочек: светлой, изящной красавицы Лизы, красивой скромной брюнетки Паши, и миловидной Веры.

Веру отличала кротость чувств, робость, и, вместе с тем, пламенный взгляд карих глаз («взор Веры... черн, как скромна ночь с звездами...»). Она была окружена заботой и вниманием опекунов. «Прекрасной Вере» поэт посвятил еще одно небольшое изящное стихотворение – «Вере за кошелек»[4].

В доме Державина устраивались балы и приемы, девочек вывозили в свет – надо было устраивать их судьбу. Часто бывал у Державиных Алексей Васильевич Воейков. Он влюбился в Веру, сделал ей предложение и в феврале 1812 г. они обручились. Как и братья «Вериньки», так ее называли в семье, Воейков прошел всю военную компанию 1812 – 1815 гг.

23 декабря 1812 г. младший из братьев Веры, Александр писал Г.Р. Державину из Вильно: «...Жених нашей Вериньки уже, я чаю, давно с вами. Быть любиму и наслаждаться покойною жизнею! Он со всей силы должен чувствовать в теперешнее время. Щастливый смертный! Сколько людей завидуют ему. Посудите, что все, которые после его просились, отказы получили. Точно можно сказать, что отпуск его есть особое к нему благоволение и милость Светлейшего»[5]. Воейков тогда служил под началом Барклая-де-Толли начальником тайной военной канцелярии. Благодаря «благоволению и милости» «Светлейшего», весной 1813 г. он получил краткий отпуск, во время которого состоялась их свадьба. А затем, почти до самой отставки супруга, последовавшей в 1816 г. они не виделись, а только переписывались.

Ил. 1. Алексей Васильевич Воейков. Д. Доу. 1820-е гг. ГЭ.

Алексей Васильевич Воейков[6] (09.12.1778 – 22.06.1825) принадлежал к старинному дворянскому роду. Его имя значится в списке «известнейших благородных воспитанников» Московского университетского пансиона. В 1793 г. он поступил на военную службу в лейб-гвардии Преображенский полк. Участвовал во многих военных походах и сражениях, получал награды, в т. ч. золотую шпагу с бриллиантами, и благодарности. Военная карьера его стремительно росла, он занимал высокое должностное положение: полковник, флигель-адъютант Александра I, правитель тайной военной канцелярии Барклая-де-Толли. Воейков был другом и сотрудником М.М. Сперанского, опала которого отразилась и на судьбе Алексея Васильевича[7]. В марте 1812г. он был переведен в 27-ю дивизию Неверовского командиром бригады. При этом, якобы, император сказал, что такая перемена есть награда, т. к. бригадой командуют лишь генералы. Воейков принял командование егерской бригадой, прославившейся в боях под Красным, Смоленском, Бородином, был произведен в генералы, награжден орденами Св. Анны 2-й степени, Св. Владимира 4-й степени, орденом Красного Орла и второй золотой шпагой с бриллиантами. В галерее героев войны в Зимнем дворце помещен его портрет кисти художника Д. Доу (ил. 1).

Военные подвиги не вернули Воейкову расположение императора. В сентябре 1816 г. он вышел в отставку, но еще в 1815 г. Вера Николаевна с мужем покинула Петербург и уехала в глушь Тамбовской губернии на родину Алексея Васильевича в село Рассказово, а затем в купленное на имя Веры Николаевны имение Ольшанку, где они начали активно заниматься его благоустройством.

Надежда Ивановна Мердер, урожденная Свечина, дочь двоюродного брата Веры Николаевны, ее воспитанница, автор воспоминаний, посвященных «тетушке Вере Николаевне»,[8] писала: «Очень молоденькой девушкой, красивая, богатая и обласканная царскою фамилиею, Вера Николаевна Львова вышла замуж за избранника сердца и, не задумываясь, покинула блестящий свет, рассталась с обожающими ее братьями и сестрами, с многочисленными родственниками и знакомыми одного с нею общества, воспитания, привычек и вкусов, чтоб следовать за опальным мужем в глушь Тамбовской губернии, где им пришлось...все устраивать с начала для жизни. Принялись знакомиться с населением, с его нуждами, строить дом, разводить сад, устраивать хозяйство на новых, в тогда еще почти диком крае, неизвестных началах. Оба они были молоды, полны сил и энергии, блестяще образованы, одухотворены высшими идеалами любви к России, представлявшейся им в лице русского народа. Народ этот, по их понятиям, надо было учить и воспитывать для Бога и для родины, и это была их прямая обязанность, от которой грешно и стыдно отказываться».

Безусловно, связь с Державиными не прерывалась, о чем свидетельствует переписка, из которой, в частности, следует, что в Тамбов Воейковы уехали еще в 1815 г. и решение купить Ольшанку к Воейкову пришла до того, как он вышел в отставку. Так 15 февраля 1815 г. Державин писал Воейкову:

«Милостивый государь мой Алексей Васильевич!

Елизавета Николаевна в бумагах своих нашла бывшего поверенного покойной Марии Алексеевны Доримедонта письмо, из коего я усмотрел, что господа Хомутовы вывезли из господского Ольшанского дому своевольно всю движимость на 25 т. или на 30000 рублей, о чем и явочное от него в суд подано было прошение. И описи судов приемная и отдаточная то доказывают; то и нашел я некоторый приступ к процессу, вследствие чего писал я к г[осподи]ну Хомутову письмо, которое в подлиннике при сем прилагаю под открытой печатью[9] на усмотрение ваше. С ним можете Вы послать Ярославской губернии в город Романов, где он пребывание свое ныне имеет, нарочного и просит его ответа. А я между тем оставил копию с того моего письма с тем, чтоб довести его до сведения тамошнего губернатора, которого чрез приятелей и просит, чтоб посредствовал по сему делу и склонил бы, если можно, Хомутова к примирению уступкою земли, и вы бы ему уступили иск. Вот мне кажется - единственное и лучшее средство кончить сие дело. Но между тем Вам надобно стараться о прииске в тамбовских судебных местах: первое - описей, по которым из-за Хрипунова нижний земский суд отдал имение Хомутову и по которой приняла покойная Мария Алексеевна от Хомутова, а также приискать явочное челобитье Доримедонта, с которого отпуска спросить, нет ли у крестьян копии? Приметить Вам нахожу нужным, что ежели с принятием от Хомутова имения или с подачи Явочной челобитной прошло уже более девяти лет, а исковой от Вас просьбы

подано не было, то едва ли и сие средство будет годно на возобновлении Вам иска. Следовательно и не будет другого способа достать Вам сказанную землю как токмо покупкою; и, может быть, дорогою ценою. Вот все, что я Вам присоветовать могу. Пребывая в прочем с почтением, милостивого государя моего покорнейший слуга Гавриил Державин.

Февраля 15 дня 1815 года. Санкт-Петербург»[10].

В письме от 21 августа того же 1815 г. Державины (сначала Гавриила Романович, а затем приписка Дарьи Алексеевны) писали Воейковым в Тамбов о предстоящем рождении их первенца – дочери Марии:

«Милостивый государь мой Алексей Васильевич!

Письмо Ваше получил, в котором вы извещаете, что Вы здоровы и что Вера Николаевна бремя носит свое благополучно.- Дай Бог, чтобы она сщасливо разрешилась, чего мы усердно желаем. А я с особливым удовольствием моим исполняю желание ваше, что новорожденного младенца принимаю от купели. Мы, слава Богу, здоровы и весьма рады будем, коль Вы посетите нас не токмо на Званке, но и в Петербурге. Я ж между тем целую у Веры Николаевны руку и пребываю с истинным моим почтением.

Вашего превосходительства милостивого государя моего покорнейший слуга Гавриил Державин.

Августа 1815 года, С. Званка.

При сем и я, милая Верауна, в мыслях тебя целую, также и Алексея Васильевича и будущева вашего бохдашечку, мне кажитца все, что у вас будит сын Астаюсь покорная Д. Д.». *(Приписка-автограф Д.А. Державиной)*

Его превосходительству милостивому государю моему Алексею Васильевичу Воейкову, в Тамбове,

удержать до присылки на почте»[11].

Ну а вскоре 5 июля 1816 г. последовало письмо с наилучшими пожеланиями Вере Николаевне Воейковой «...и благополучного разрешения, с чистым почтением и привязанностью...»[12].

Только девять лет им довелось прожить вместе. «Девять блаженных лет трудились молодые супруги, – вспоминает Н.Мердер, – и многого успели достигнуть, когда смерть сразила мужа во цвете лет, не дав ему дожить до реабилитации перед царем и русским обществом, остающимся до сих пор в недоумении перед таинственной опалой, постигшей так неожиданно одного

Ил. 2. Церковь Иоанна Богослова в Рассказове. 1843 г. Фото А.Н. Саввиной, 1990-е гг.

Ил. 3– 4. Трегуляевский Иоанно-Предтеченский мужской монастырь под Тамбовом.
Фото из кн. *В. Кученковой* «Святыни Тамбовской епархии».
Издательский отдел Московского Патриархата. 1993

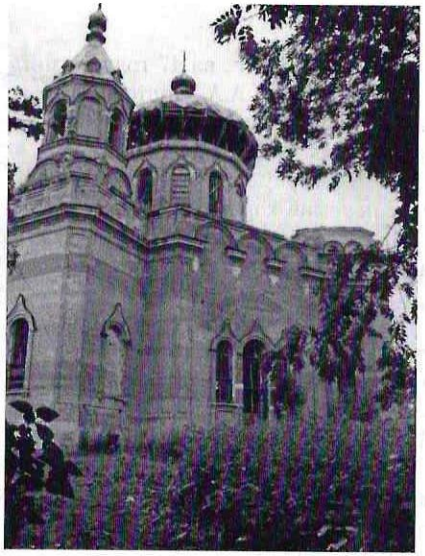
Ил. 5. Храм Воскресения Христа Спасителя в Ольшанке.
Фото Т.Н. Ладыгиной. 1990-е гг.

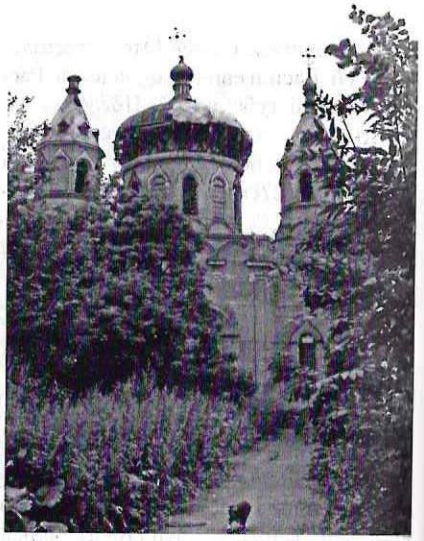
из выдающихся героев Отечественной войны». 22 июля 1825 г., на 47 году жизни, Алексей Васильевич скончался в Рассказове (ил. 2), имении А.А. Полторацкого в Тамбовской губернии[13]. Погребен он был на кладбище Трегуляевского Иоанно-Предтеченского мужского монастыря под Тамбовом (ил. 3, 4).

Там же впоследствии похоронили и Веру Николаевну, которая скончалась в Петербурге 27 мая 1873 г. на 81-м году жизни, пережив горячо любимого мужа почти на пол столетия. Их могилы не сохранились, т. к. храмы, монастырские постройки и некрополь Трегуляевского монастыря были разрушены вскоре после революции в 1918 г.

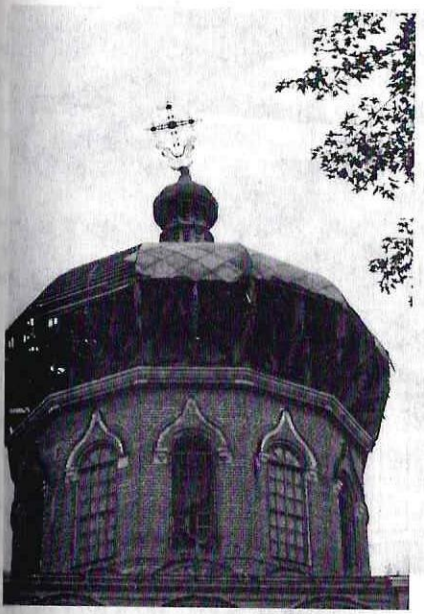
«Естественно было ожидать, – пишет Н. Мердер, – что молодая красавица, вдова Алексея Васильевича Воейкова, уступит просьбам родных и вернется со своими тремя детьми в Петербург, где ей, может быть, предстояла блестящая судьба, но она предпочла остаться в Ольшанке, среди народа, оплакивавшего вместе с ней того, который был ей дороже жизни, и мертвый – милее всех живых людей на земле. Здесь не забвения (забывать она и не желала), а нравственной силы на жизненную деятельность искала она в неустанном продолжении начатых с ним трудов; она докончила постройки, заложенные им, господский дом, больницу, школу для крестьян, заложила фундамент большой каменной церкви...»

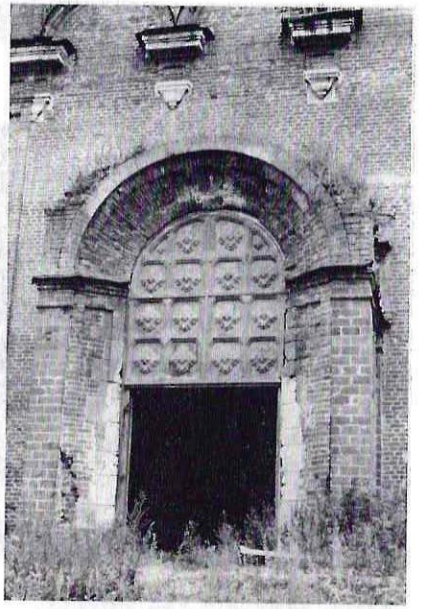
В память о муже Вера Николаевна заложила в имении большой храм, который был освящен в 1860 г., в год 35-летия со дня его смерти (ил. 5 – 15).

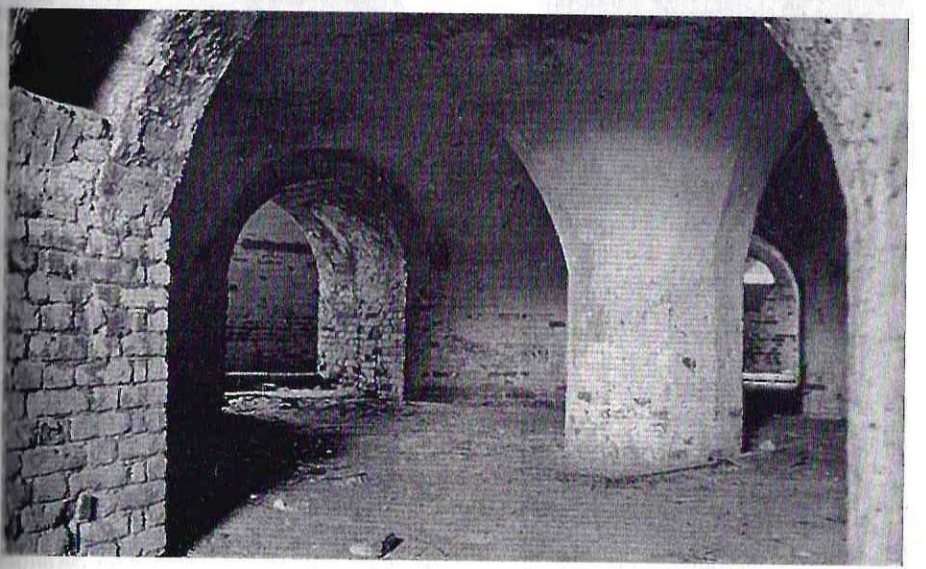




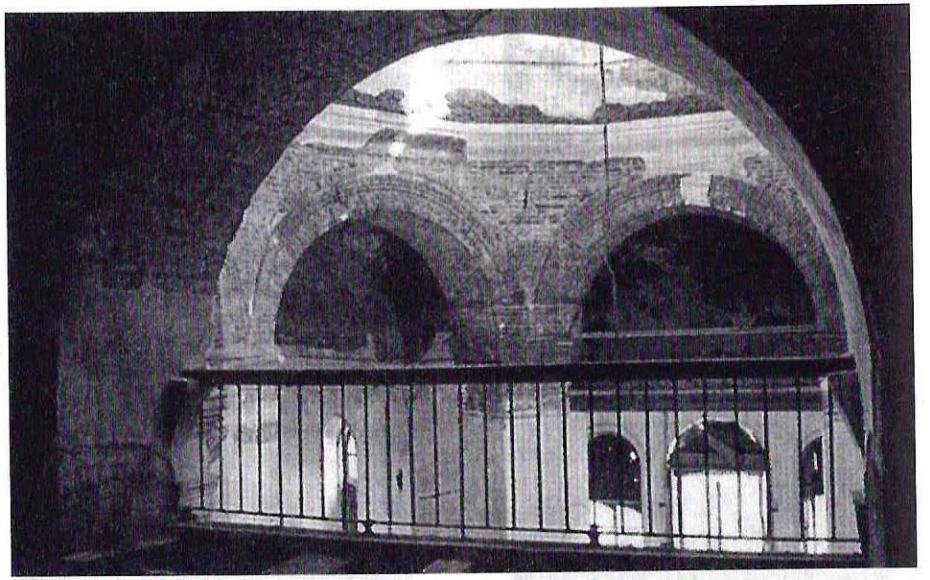
Ил. 6–9. Храм Воскресения Христа Спасителя в Ольшанке.
Фото Т.Н. Ладыгиной. 1990-е гг.

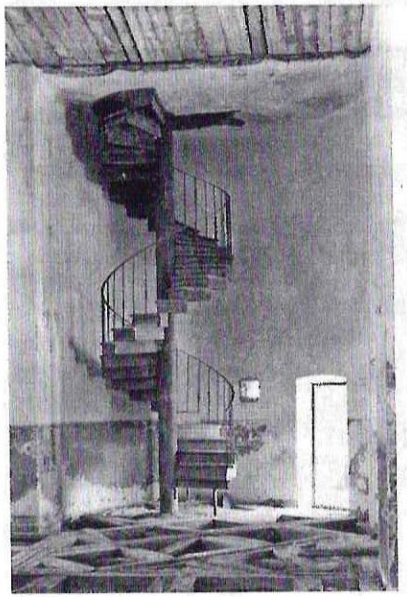


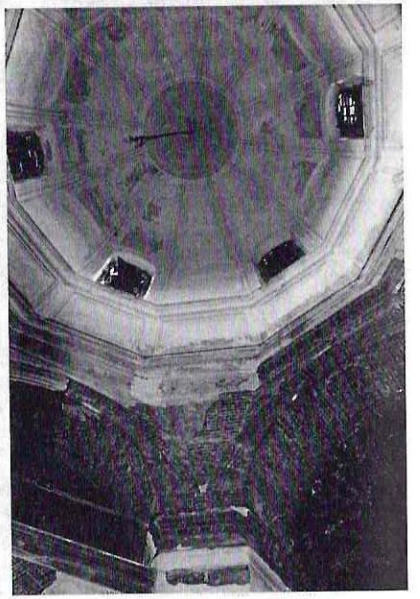




Ил. 10–12. Храм Воскресения Христа Спасителя в Ольшанке.
Фото Т.Н. Ладыгиной. 1990-е гг.







Ил. 13–15. Храм Воскресения Христа Спасителя в Ольшанке.
Фото Т.Н. Ладыгиной. 1990-е гг.

Текст храмозданной таблицы гласит: «Воскресения Христа Спасителя построен в селе Ольшанке, иждивением помещицы Веры Николаевны Воейковой, урожденной Львовой, во исполнение обоюдного желания ея и покойного ея мужа генерал-майора Алексея Васильевича Воейкова, по плану академика К.А. Молдавского, по фасаду профессора Р.И. Кузьмина. Заложен в 1843, окончен в 1860 году».[14]

Траур по мужу Вера Николаевна не снимала до конца своих дней, «но носила она его очень элегантно, - по словам Н.И. Мердер, - и производила, даже в преклонных летах, впечатление замечательно добродушного и жизнерадостного существа, всем страстно интересующегося, с в высшей степени своеобразным, можно сказать, рыцарским взглядом на жизнь, на обязанности, которые она никогда не отделяла от привилегий».

Характеризуя морально-этические взгляды Веры Николаевны, автор мемуаров писала: «Многого требовала она от людей высшего сословия и неумолима была к уступкам с их стороны в том, что она считала неотъемлемыми правилами дворянства: честь имени, безграничное самопожертвование на благо родины, преданность царю. Резко ограничивала она то, что не дворянину извинительно, а дворянину - не простительно. Никто лучше нее не понимал оттенка между этими двумя словами "честь" и "совесть" и не судил так строго утративших самую способность различать смысл подобных понятий....

...Тетушка Вера Николаевна никогда не скрывала ни чувств своих, ни мыслей; более чистой, откровенной натуры я не встречала в жизни. Душа ее оставалась молодой всю ее долгую жизнь, и, за несколько дней до смерти, она так же негодовала на подлость и зло и восхищалась прекрасным, как в дни своей ранней юности. Заставить ее поверить злу было трудно, во всем и во всех искала она хорошую сторону, но, когда убеждалась в ошибке, гнев свой она проявляла с такой наивной запальчивостью, что, слушая ее негодующую речь, трудно было удержать от улыбки. Старые друзья ее это знали и некоторым из них, ... это было известно, как нельзя лучше, когда они, приезжая в Ольшанку, доводили часто ее до слез рассказами об ужасах прогрессирующего зла в передовых умах Европы».

К сожалению, Вера Николаевна не оставила своих воспоминаний, т. к. «ни ей самой, ни ее слушателям не приходило в голову записывать» ее рассказы, потому что в те времена, как пишет Н. Мердер, «выставляться в печати порядочной женщине считалось неприличным, и единственный документ, оставленный Верой Николаевной Воейковой, была записка о той таинственной опале, постигшей А.В. Воейкова, найденная мужем ее внучки, И.П. Хрущевым, в Воейковско-Поленовском архиве».[15] «Как это на нее похоже, - пишет дальше Н. И. Мердер, - как красноречиво это доказывает ее страстное желание очистить память обожаемого ею мужа от недоразумения и клеветы! Надо ее знать, как я ее знала, чтоб понять, с каким чувством писала она эту заметку, как страдала, переживая вторично давно всеми, кроме нее, забытое! Как важно казалось ей то, что она нашла нужным поведать русским людям будущего века! И сколько трагизма найдут в этом рассказе те немногие, способные угадывать душу прежних людей по оставшимся после них письменным документам, невзирая на сдержанность выражений и на полное отсутствие каких бы то ни было бьющих на эффект слов».

После смерти мужа Вера Николаевна осталась с тремя детьми: Марией, Леонидом и трехлетним Алексеем. Но в Петербург она не вернулась. Она продолжала жить в Ольшанке, посвятив себя воспитанию детей.

Вероятно, со здоровьем у нее не всегда все было благополучно, что очень тревожило Д.А. Державину. В одном из писем, от 13 июля 1835 г., Дарья Алексеевна писала:

«Милая Веринька поздровляю тебя, милой друк мой, з дарагою твоею имениницею милой Машенькой; жаль, что меня с вами нет, а то бы Маша не обошлась еще без подарочка, несмотря что я ее уже заранее подарила. Пишут ко мне, друк мой, все о твоей болезни. Теперь знаю, я сама испытала, как она мучительна, но все к лутчему, потому что узнала, что этому за причина и чем оное пособить дней тому десень. У меня случился тот же самой припадок и была здорова ж здоровехонька, как вдрух начал бок болеть до такой крайности, что зделалась рвота, но не от желутка, а от большова страдания, а рвала меня только водою, а боли еще тенула, а наконец немношка жолчью; и то зделалось это от наилея (т. е. от неведения – С.Д.) и продолжалось страдание чеса четыре или пять, жару никакова не было и язык чист, но во рту так сохтить, что ели могла языком поворотить, что помнитца мне, милая Веринька, и у тебя было к етому и запор.

И так узнала я, что это ни что иное как ветры с застуженами нервами, и я ничем не лечилась кроме <*неразб.*> принимала на капли, как вы знаете, моей настойки. И оной мне бок посабил, в пищи ж я савсем большой строгости не имела и не имею; пила чай с малаком и кофии только, все в меру. И как скоро при самом начале почуствую свой бок, то тотчас моя настойка и тихонька прохаживатца, что и тебе, милая Веринька, саветую; главное, при самом начале делать о нас. Кушать все можно по-небольшому каличеству, ноги чтобы были всегда теплы. Желудак у тебя испорчен был уже от большова страдание, которым страданием и рвотой желч твою всю с места здвинуло. Вот милая Веринь моя, тебе описание и попробуй мое тебе лекарство. Мне помнитца, что при начале и оно тебе помогало, дабы мы скоро ево оставили, и должно было ево продолжать, несмотря на боли. Грусно мне очень, милая Веринька, что порозность вашим не здоровьем не могли вы ко мне приехать, а то бы право вы здесь отдохнули. Но я еще все в надежде, что когда ты вздумаешь к себе в Танбов ехать, то еще нас здесь застанешь и за сим мысленно тебя и милую твою Машу целую. И тако ж де обеих мальчиков. Дай Бог, чтобы все были здоровы. Остаюсь преданная тебе Дарья Державина.

1835 года июля 13 дня.
Село Возкресенское, Званка тож.
Милостивый государыни Вере Николаевне Воейковой».[10]

Дочь Воейковых – Мария Алексеевна (конец июня 1816 – 24.12.1895) стала художницей-портретисткой брюлловской школы. В Ольшанке она создала серию крестьянских портретов и два пейзажа с Воскресенским храмом. Кроме того, М.А. Поленова известна и как детская писательница (ил. 16). В 1843 г. Мария вышла замуж за Дмитрия Поленова, дипломата, археолога, библиографа, страстного поклонника искусства.

Ил. 16. Мария Алексеевна Поленова (урожд. Воейкова). *К. А. Молдавский.* 1842 г. Музей-заповедник «Поленово». Публикуется по буклету «Ольшанка», Тамбов, 2004

Ил. 17. Дмитриевич Поленов (1844–1927). Фото 1892 г. Музей-заповедник «Поленово». Публикуется по ук. буклету

Вероятно, в 1860 г. Вера Николаевна вместе с внучкой Ольгой (рано оставшаяся без матери дочь Леонида Алексеевича) поселилась в семье Поленовых.

Разглядев художественные дарования внуков Василия и Елены, Вера Николаевна поощряла их конкурсными заданиями на сюжеты из русской истории и библии. На лето она увозила детей в Ольшанку. Эти долгие путешествия в дорожной карете были источником многочисленных впечатлений от удивительной красоты природы средней полосы России, и главное, от рассказов бабушки. Она знала и любила русскую народную поэзию, прекрасно рассказывала сказки и былины.

Раньше Вера Николаевна, по словам Н.Мердер, «и по зимам не всегда ездила в Петербург. Но с тех пор, как семейство ее дочери, Марьи Алексеевны Поленовой, увеличилось, и приезжать для свидания с матерью в деревню ей было уже не так удобно, как раньше, Вера Николаевна ездила к ней на зиму, а в Ольшанке оставался Леонид Алексеевич, из которого начал вырабатываться замечательно хороший хозяин».

Сын Поленовых Василий (1844–1927), впоследствии известный художник (ил. 17), говорил, что страстную любовь к живописи он унаследовал от матери.

Василий одновременно окончил юридический факультет Петербургского университета и Академию художеств, профессор АХ, академик, после революции одним из первых был удостоен звания народного художника республики (в 1926 г.).

Особенно Василию Дмитриевичу и Елене Дмитриевне Поленовым полюбилась Ольшанка. Уже будучи в зрелом возрасте, они подолгу гостили здесь у своего дяди, Леонида Алексеевича Воейкова. Ольшанка вдохновляла художников несравненно. Дом Воейковых украсился керамическими панно «Везувий», «Кремль» и «Озеро Сердитое», выполненными Еленой Дмитриевной; кроме того, она на-

писала много пейзажей деревни и ее окрестностей. Но особенную известность получили «ольшанские» картины Василия Дмитриевича: «Старый дом в Ольшанке», «Деревенская улица», «Водяная мельница в Ольшанке» (все – 1870 г.), а его «Пруд в парке. Ольшанка» (1877 г.) (ил. 18), «Ольшанка» (1880-е гг.) (ил. 19) по своим достоинствам стал в один ряд с «Московским двориком». Ценителям творчества художника едва ли было известно, в какой отдаленной глуши рождались эти работы...

К сожалению, мы не располагаем портретами Веры Николаевны в молодости, только в зрелом возрасте. В 1867 г. Иван Крамской и Василий Поленов написали портреты В.Н. Войковой (находятся в музее-заповеднике В. Поленова). Портрет кисти Крамского Поленов считал лучшей работой художника (ил. 20, 21). В те же годы Поленов написал портрет А.Н. Воейкова, используя в качестве «модели» портрет Д. Доу (ил. 22).

Ил. 18. «Пруд в парке. Ольшанка». *В.Д. Поленов*. 1877 г. ГТГ. Публикуется по ук. буклету

Ил. 19. «Ольшанка». *В.Д. Поленов*. 1880-е гг. Частное собрание. Публикуется по ук. буклету

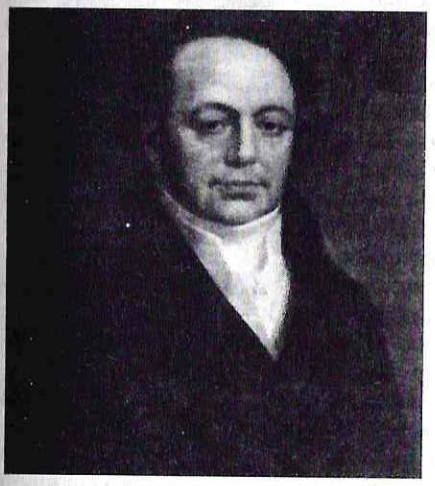
Жена В.Д. Поленова, Наталья Васильевна Поленова (урожд. Якунчикова), писала: «Блестящего французского воспитания начала столетия, бабушка Воейкова, происходя из семьи с сильными литературными традициями, была поклонницей поэзии Державина и "Истории" Карамзина, которую она знала почти наизусть»[17].

Дочь Поленовых Елена (1850 – 1898) училась у И. Крамского в рисовальной школе Общества поощрения художников в Петербурге и в мастерской Ш. Шаплена в Париже. Она была известна как живописец, график, иллюстратор русских народных сказок. Ей по наследству впоследствии перешло имение Ольшанка.

Художник Л. Пастернак, часто посещавший дом Поленовых, писал о Марии Алексеевне: «Стоило хоть раз побывать в гостеприимном доме Поленовых в Кривоколенном переулке и, помимо общей атмосферы и стиля окружающей обстановки, ...хоть раз увидеть старушку мать его, сидевшую всегда за рукоделием и принимавшую всегда живое участие в оживленных беседах за вечерним часом после наших рисовальных вечеров, чтобы безошибочно представить себе дух и направление, какое должна была дать эта среда творчеству Поленова.

Ил. 20. Вера Николаевна Воейкова (урожд. Львова). *В.Д. Поленов*. 1867 г. Музей-заповедник «Поленово»

Ил. 21. Вера Николаевна Воейкова (урожд. Львова). *И. Крамской*. 1867 г. Музей-заповедник «Поленово»



Ил. 22. Алексей Васильевич Воейков. *В.Д. Поленов* (с портрета Д. Доу). Ок. 1867 г. Музей-заповедник «Поленово»

Ил. 23. Мария Алексеевна Поленова (урожд. Воейкова). *В.Д. Поленов*. 1885 г. Музей-заповедник «Поленово»

...Эту благородную, еще бодрую старушку в сединах, с пробором посредине, с черной тюлевой наколкой, всегда очень опрятно с достоинством одетую, надо отнести к категории того русского передового дворянства, которое отдало из среды своей и декабристов, и которое в лучших своих представителях непрестанно в течение столетия давало людей, не страшившихся ни эшафота, ни ссылки на каторгу, отдававших силы свои и жизнь свою на служение русскому народу...»[18] (ил.23).

Мария Алексеевна Поленова была похоронена рядом с мужем Дмитрием Васильевичем на кладбище Ново-Девичьего монастыря в Москве.

Оба сына Воейковых образование получили в Императорском Царскосельском лицее.

Леонид Алексеевич (03.04.1818 – 10.12.1886) родился в Рассказове, там же был крещен (ил. 24). В 1838 г. закончил IX курс лицея. Поступил на военную службу. Н. Мердер, племянница Веры Николаевны, ее воспитанница пишет, что Леонид Алексеевич «к величайшему смущению родных и прискорбию матери», женился на своей кузине Варваре Константиновне Бороздиной (род. не позже 1820 – ум. не позже 1854), дочери Прасковьи Николаевны (ил. 25). В 1850 г. у них родилась дочь Ольга (ум. в 1875). После смерти жены он вышел в отставку и поселился с трехлетней дочерью в Ольшанке, имении матери, где начал активно заниматься ее благоустройством.

Надежда Мердер вспоминает, что когда скончалась ее мать, Леонид «приезжал навестить папеньку и прожил у нас с неделю. Я его очень мало видела, и единственное впечатление, оставшееся у меня от него, была его наружность: очень красивая и благородная, но довольно-таки высокомерная и презрительно-сдержанная. На меня он, разумеется, никакого внимания не обратил: девочка тринадцати лет интересовать его не могла».

Впоследствии Надежда узнала, что именно Леонид Алексеевич «привез папеньке предложение от матери взять меня на полное попечение. Тетушка предлагала заняться окончанием моего воспитания, возить меня с собою в Петербург и

Ил. 24. Леонид Алексеевич Воейков. *К.А. Молдавский.* 1840-е гг. Музей-заповедник «Поленово». Публикуется по ук. буклету

Ил. 25. Варвара Константиновна Воейкова (урожд. Бороздина). *Неизвестный художник.* Конец 1840-х. гг. Музей-заповедник «Поленово». Публикуется по кн. А.П. Львовой и И.А. Бочкаревой

вообще заменить мне мать. Отца очень тронуло это предложение, но согласиться на него вполне он не решился и надумал воспользоваться им только наполовину, а именно привозить меня на лето в Ольшанку, где тетушка проводила большую часть года».

Не смотря на это, Надежда в своих воспоминаниях дает весьма нелицеприятную характеристику Леониду Алексеевичу: «На мое великое счастье, первое лето в Ольшанке я провела у тетушки Веры Николаевны одна. Приезжали гости издалека, но не часто; из ближайших же соседей у нас бывали Колычевы, ничего интересного собою не представлявшие. Как со всеми, тетушка была с ними приветлива и добра, ласкала их детей, довольно-таки безобразных и болезненных, толковала с их родителями о хозяйстве и после их отъезда бранила меня за то, что я не принуждаю себя быть любезной и не помогаю ей занимать гостей. Она и на сына своего за это сердилась, но так как Леонид Алексеевич исправлению не поддавался, то от выговоров ему она воздерживалась. Леонид Алексеевич был характера неприятного и далеко не снисходительного к чужим слабостям и недостаткам. В этом отношении он представлял полный контраст с матерью, и не только коротко сойтись, но даже и поддерживать знакомство с ним было трудно. Выражался он резко, ко всем относился свысока и поддерживал дружеские отношения в тот год только с семейством Ивановых, состоявшим из женщины средних лет, прекрасно воспитанной и очень умной, и сестры ее, моложе ее на несколько лет. Привозил он оттуда для меня книги Диккенса, Теккерея, Вальтер-Скотта, которыми я с жадностью зачитывалась. А когда приезжала к нам госпожа Иванова, происходили на ольшанской террасе преинтересные разговоры, все больше политического свойства, о людях и событиях, очень близких сердцу Веры Николаевны, каждое слово которой принималось слушателями как драгоценный вклад в историю ее времени».

Вторым браком Леонид женился на Софье Владимировне Вышеславцевой. Он служил в земстве: был членом земского собрания, выборным гласным от Борисоглебского и Тамбовского уездов; проводил статистические исследования, составил «Сборник материалов для описания Тамбовской губернии» (СПб., 1872). Был широко известен как исследователь местной истории, член Тамбовской ученой архивной комиссии, библиофил и коллекционер.

Леониду Алексеевичу Воейкову принадлежала одна из крупнейших в России коллекция гравюр, которую он сам систематизировал и проаннотировал. Кроме того, он составил каталог гравированных портретов императрицы Екатерины II, вошедший во второй том «Подробного словаря русских портретов» (СПб., 1887). Издатель его, Д.А. Ровинский (1824-1895), известный искусствовед, был хорошо знаком с Леонидом и признавал в нем серьезного и авторитетного исследователя. После смерти Леонида Алексеевича его коллекция (свыше полутора тысяч листов) была подарена его вдовой Нарышкинской Особой библиотеке Тамбова. В нее поступили и книжные собрания Л.А. Воейкова (были переданы Василием Поленовым вместе с библиотекой его отца Д.В. Поленова).

Профессор Московского университета Б.Н. Чичерин вспоминал о своей дружбе с Леонидом Алексеевичем. Имение Чичериных, село Караул, находилось в 15 верстах от Ольшанки, в Кирсановском уезде Тамбовской губернии[19], поэтому они имели

возможность часто общаться. Потомки Н.А. Львова и А.В. Воейкова и впредь продолжали общаться с Чичериными. В 1914 г. в Тамбове вышла книга под названием «Историческое родословие благородных дворян Чичериных, собранное из достоверных известий игуменом Ювеналием Воейковым».

Скончался Леонид Алексеевич в Тамбове, был похоронен на кладбище Казанского Богородичного монастыря (ил. 26); могила не сохранилась.

Младший сын Веры Николаевны, Алексей (1821 – 1881), который, по словам Н.И Мердер, «вследствие несчастного случая в детстве остался на всю жизнь хромым», после окончания лицея в чине коллежского секретаря служил в Военном министерстве и в «Русской миссии» в Берлине, проживая «за границей, к величайшему огорчению своей матери» (ил. 27). Выйдя в отставку в чине надворного советника и генерал-майора, возвратился на родину и до конца своих дней поселился в Тамбове. Похоронен был Алексей Алексеевич рядом с родителями, могила не сохранилась.

«...Страстную заботливость проявляла она (*Вера Николаевна – А. Н.)* к детям своим, – пишет автор воспоминаний, – неустанно следя за малейшими подробностями их жизни, давно уже отдельной от нее, переписываясь с дочерью каждый день, и, если не так часто, с меньшим сыном Алексеем, который жил в то время заграницей и, поддаваясь современным течениям, во многом начинал уже от нее отходить, то, разумеется, по его же вине. Как она скорбела на краткость его писем, на то, что часто не знает, где он и что с ним. Чувствуя нашу любовь, она перед нами не скрывала ни мыслей своих, ни чувств. Старший ее сын Леонид, как сказано выше, переехал к ней жить после поразившего его горя, смерти молодой жены, и она имела великое счастье воспитывать его дочку Олю, которой было три-четыре, когда я в первый раз приехала в Ольшанку. Можно себе представить, какими попечениями, какою любовью был окружен этот ребенок! Бабушка не скрывала своего счастья иметь ее при себе» (ил. 28).

Кроме собственных детей и внуков Вера Николаевна воспитывала и осиротевшую племянницу – дочь сестры Прасковьи Николаевны – Елену Бороздину, и, как мы уже знаем, дочь двоюродного брата, Ивана Васильевича Свечина – Надежду, в замужестве Мердер.

Елена Константиновна Бороздина (1837–1922) унаследовала от отца часть рукописей Державина, которые впоследствии передала Я. Гроту. Вышла замуж за Владимира Семеновича Корсакова, за

Ил. 26. Казанский Богородичный монастырь в Тамбове. Фото из ук. соч. *В. Кученковой*

Ил. 27. Алексей Алексеевич Воейков. *К.А. Молдавский.* 1840-е гг. Музей-заповедник «Поленово». Публикуется по буклету «Ольшанка»

Ил. 28. В. Н. Воейкова с внучками Еленой Поленовой и Ольгой Воейковой. Фото 1861 г. Музей-заповедник «Поленово». Публикуется по кн. А.П. Львовой и И.А. Бочкаревой

братом которого Александром Семеновичем, была замужем ее кузина, дочь Александра Николаевича Львова, Наталья. Проживала с мужем в Париже.

Надежда Ивановна Свечина – внучатая племянница Николая Александровича Львова, сестра которого Елизавета Александровна (род. ок. 1751 г.)[20] была замужем за Василием Карповичем Свечиным. Елизавета Александровна скончалась, «когда третьему ее сыну, – пишет Надежда, – нашему отцу, было лет пять, второму его брату, Егору, было шесть, а старшему, Василию – семь[21]. Вскоре за женой последовал и муж. Дети остались круглыми сиротами и были призрены родственниками Львовыми, Державиными. ...Круглые сироты и разоренные малолетние Свечины, Егор, Василий и Иван, нашли приют и родственное попечение у родственников с материнской стороны, Львовых. Ни малейшего следа участия к ним не встречаем мы со стороны родных их отца, Свечиных. В чем искать причину этого явления, в духовном ли складе обеих семей, или в других каких-нибудь обстоятельствах, сказать я не могу, знаю только, что других родных, кроме Львовых, наш отец не знал, и растили нас в чувствах любви и благодарности к Львовым, а в особенности к детям брата нашей бабушки Николая Александровича: Александру Николаевичу, женатому на дочери

Николая Семеновича Мордвинова, Леониду Николаевичу, женатому на Козляиновой, Лизавете Николаевне, замужем за Федором Петровичем Львовым, Вере Николаевне – за Воейковым, Прасковье Николаевне – за Бороздиным».

Внучка Свечиных, Надежда Ивановна (род. ок. 1838–13.03.1906), в замужестве Мердер, стала впоследствии известной писательницей, автором исторических романов, повестей, рассказов, театральных пьес. Печаталась она под псевдонимом Н. Северин во многих крупных журналах того времени.

«Родных со стороны деда, Василия Карповича Свечина, отца папеньки, мы не знали, – пишет Надежда Мердер. – Гвардейским офицером и богатым помещиком Тверской губернии дед женился на Елизавете Александровне Львовой, сестре близкого ко двору талантливого Николая Александровича».

Мать Надежны Ивановны, после того, как «муж повез ее в Петербург и познакомил со своими родственниками, ...вернулась ...в Саратов восхищенная всем, что видела и слышала в новой среде, и с твердым желанием сделаться достойной ласкового внимания папенькиных двоюродных братьев и сестер Львовых с их семьями; но особенно глубокое впечатление сделала на нее Вера Николаевна Воейкова, к которой муж ее возил в деревню Тамбовской губернии Ольшанку».

Надежда, еще по рассказам матери, «всей душой расположена была к ней (*Вере Николаевне. А. Н.)* привязаться, но то, что я в ней нашла, – пишет она дальше, – превзошло все мои ожидания. Такой сердечной доброты, заботливости, ласкового внимания и простоты, при блестящем образовании, широком уме и благородстве чувств и мыслей, я даже представить себе не могла. Не только аристократического чванства, но и сознания своего превосходства над окружающими ее людом не было в ней ни единой капли. Впоследствии мне случалось ее видеть в Москве, принимающей важных барынь, близких ко двору, с которыми она обходилась точно так же, как с мелкопоместными соседками в Ольшанке. Разговоры только были другие».

Важно отметить, что Вера Николаевна, как и ее братья, сестры, а впоследствии и дети, и внуки, унаследовала «ту приветливость души», которая была свойственна ее отцу – Николаю Александровичу Львову. Он умел привязывать к себе людей добротой, теплотой общения, «приветливостью души», как друг Львова И.И. Хемницер писал ему из Смирны (Турция), куда он был направлен посланником России: «...Об одном тебя прошу: Бога ради, не теряй, если когда и в высшем степене министра будешь, ту приветливость души, которую ты имеешь!»[22]

Исследователь творчества Г.Р. Державина академик Я.К. Грот, ознакомившись с рукописями Державина и Львова, которые ему передал внук Львова Леонид Леонидович, писал: «Личность Львова рисуется в них очень выпукло и ярко, и он является в умственной жизни века Екатерины II одним из замечательных деятелей, как по многостороннему своему образованию, так и по характеру и необыкновенному по тому времени образу мыслей. Занимая высокие должности, Николай Александрович Львов и посреди дворской жизни сохранял то простосердечие, которое его заставляло выше всего ценить семейное счастье и сельскую жизнь, и внушало ему теплую любовь к зависимым от него простолюдинам»[23].

Те же душевные качества были присущи и Вере Николаевне. «Когда меня представили тетушке Вере Николаевне, – вспоминает Мердер, – это была женщина,

которой на вид казалось не более сорока лет, полная, со здоровым румянцем на свежем лице, прекрасными карими глазами и поистине очаровательной улыбкой. Быстрой легкой походкой прохаживалась она по дорожкам роскошного цветника, благоухающего перед широкой террасой небольшого, но замечательно поместительного и уютного дома, останавливаясь, то тут, то там, чтоб подвязать, понюхать или сорвать цветок...»

Из воспоминания Н. Мердер посвященных Вере Николаевне Воейковой, «одной из последних барынь прошлого века», мы многое узнаем об этой удивительной женщине. Они «стали интересным источником сведений об огромном хозяйстве, созданном Верой Николаевной в имении, о быте семьи, ее духовном складе, интересах и людях, входивших в круг ее общения. Среди них Полторацкие Александр Александрович (1792–1855) и Екатерина Павловна, урожденная Бакунина (1795–1869), владельцы Рассказова Тамбовской губернии, графиня Анна Алексеевна Орлова, дочь А.Г. Орлова-Чесменского, одна из любимейших и ближайших ее приятельниц»[24].

Предоставим слово автору воспоминаний о Вере Николаевне и о ее любимом имении Ольшанке: «Оранжереи у нее были богатейшие, а также и теплицы для редких фруктов; ее яблоневые и грушевые деревья были известны по всей губернии, и между садовниками, воспитанными в Ольшанке под ее непосредственным руководством, были такие же страстные любители садоводства, как и сама барыня. К этим своим сподвижникам по уходу за растениями она особенно благоволила, и, слушая ее продолжительные с ними разговоры об их общих любимцах, трудно было себе представить, что речь шла о неодушевленных предметах, а не о живых существах. Впрочем, тетушка Вера Николаевна была уверена, что у растений есть душа.

В сравнении с оранжереями и теплицами, огромным, прекрасно содержанным садом с большим, глубоким прудом и тенистыми аллеями, барский дом казался очень скромным. Но в то время за роскошным убранством жилых комнат не гонялись, и в ольшанском доме можно было найти ту же мебель, что и во всех деревенских домах тогдашних бар; те же диваны, обитые доморощенным тиком, с вышитыми хозяйками и их многочисленными воспитанницами подушками; те же столы и стулья из ясеневого и дубового дерева, довольно грубой и аляповатой работы своих столяров; те же шпалеры из разрисованного домашними живописцами холста или раскрашенные по трафарету незатейливыми узорами стены; те же пейзажи работы детей или племянников и племянниц на этих стенах, с фамильными портретами над диванами. В Ольшанке портретов было множество. Расставаясь навсегда с близкими сердцу, понятно, что Вера Николаевна захотела увезти с собою их изображения, а так как Боровиковский, Тропинин и Левицкий были свои люди в доме Державина, то портреты эти представляли собой настоящие произведения искусства[25]. Над первым диваном, стоявшим против двери на террасу, красовался знаменитый портрет певца Фелицы в халате, ночном колпаке, с собачкой на руках. Как в соседней зале, служившей также и столовой, со стареньким клавесином, двумя дюжинами стульев и длинным столом посреди, так и в гостиной было темно от великого множества растений, наставленных перед окнами, захватывая собою и простенки и углы. Высокие, до потолка, цветущие деревья, невзирая на отворенные окна, наполняли весь дом благоуханием. В гостиной их было такое

множество, что комната эта производила впечатление оранжереи. Тут, на диване против двери в залу, перед большим столом, украшенным искусными инкрустациями из разноцветного дерева, работы сына ее, Леонида Алексеевича, который пристрастился к этому искусству и достиг в нем большого совершенства, составляя рисунки по живым цветам и копируя даже колера их из разноцветного дерева, она проводила ненастные вечера, когда дождь или буря мешали сидеть на террасе или под деревьями недалеко от дома. И тут она заставляла меня и дочь ее покойной сестры Прасковьи Николаевны Бороздиной (круглой сироты, воспитывавшейся у дочери ее, Марии Алексеевны Поленовой), читать ей вслух избранные главы из Михайловского-Данилевского или что-нибудь из французских классиков – последнее часто по инициативе ее сына, который занимался с нами географией, всеобщей историей, заставляя нас рисовать исторические карты, с сравнительными хронологическими таблицами, с обозначением правителей государств, великих людей и выдающихся событий во всем известном мире. За этими занятиями, а также за упражнениями на клавесине и за выучиванием наизусть сцен из Расина и Корнеля, поэм Жуковского, стихов Державина, переводов с русского на французский язык и тому подобными занятиями мы проводили утром часа три-четыре, в то время, как тетушка толковала со своими фельдшерами, старым и молодым, недавно окончивший курс в какой-то школе, кажется, в Москве. Этот лечил в аллопатической больнице, а старик – в гомеопатической. Впрочем, можно сказать, что оба только следили за ходом болезней, чтоб доносить о нем подробно тетушке. Назначала лекарства большею частью сама барыня, изучившая медицину так досконально, что приводила в изумление своими познаниями не только своих фельдшеров из крепостных, но и доктора, приезжавшего в определенные дни в Ольшанку проверять действия врачебного персонала и поговорить с тетушкой о вынесенном им впечатлении от осмотра больниц. В эти дни тетушка особенно волновалась, и спорам с доктором о преимуществах гомеопатии над аллопатией не было конца. Аккуратно велись реестры болезней, вылеченных тем и другим способом, и тетушка Вера Николаевна с живостью семнадцатилетней девочки летала из одной больницы в другую в сопровождении посетителя....

...После завтрака и до обеда тетушка ходила по саду, заглядывала в оранжереи и теплицы; поднималась по крутой лестнице в ковровую, где ткали ковры по узорам, ею составленным, и ею изобретенным способом, которым она не могла не гордиться, потому что таких ковров в то время нигде не умели делать, как в Ольшанке. Кажется, шерсть красили здесь же, потому что я помню, что тетушке приносили образчики колеров, которые она сравнивала с живыми цветами, прежде, чем решить, удалась ли краска, или нет.

Про вышивания, которые у нее делались, говорить не стоит: в то время не было порядочного дома, где бы этим не занимались, но вообще не было работы, которая под ее наблюдением не доводилась бы до совершенства.

Деятельности она была невообразимой, каждую минуту можно было ждать ее появления в школе, в ковровой, в ткацкой, в аптеке, в больнице, даже на птичнике и в коровнике. Часто ездила она на хутор, где были овчарни, и в дальние поля, чтоб обозревать поля, засеянные пшеницей, льном, овсом и проч. Занимали ее чрезвычайно и ульи, которые она развела в лесах, у берегов живописной Вороны. Все ее занимало и восхищало, все ей здесь было близко к сердцу, во всем видела она создание своего незабвенного друга, возрастающее и процветающее по его планам и указаниям, как он желал, чтоб было. Сколько раз я слышала от нее, что она всем ему обязана, что взял он ее совсем глупой, неопытной девушкой, чтоб сделать из нее человека. "И вот он теперь оттуда видит, что вышло из Ольшанки!"– прибавляла она к этому со слезами восторженного умиления на глазах».

К сожалению, Ольшанка не избежала участи большинства бывших дворянских усадеб и после революции подверглась варварскому разграблению и уничтожению. В каком состоянии находится в настоящее время это прекрасное в прошлом имение, мы узнали из опубликованной 8 октября 2002 г. в газете «Тамбовская жизнь» статьи Эмиля Сокольского под названием «Прощание со старой Ольшанкой», которую ниже публикуем.

ЭМИЛЬ СОКОЛЬСКИЙ

ПРОЩАНИЕ СО СТАРОЙ ОЛЬШАНКОЙ

«Не пропустишь поворот на Красное Знамя?» – спросил водителя Александр Иванович Ермаков, директор Музея-усадьбы Рахманинова, когда мы, выехав за северо-восточную окраину городка Уварова, опустились к мосту через Ворону. «Постараюсь, – откликнулся Анатолий Васильевич и, спустя несколько секунд, добавил: - Давно уж не ездил туда...» За Вороной промелькнула деревенька Нижний Шибряй, потом сосновая рощица – и дорога ушла в бесконечные просторы полей.

В этих просторах – богатый усадебный парк... Но есть ведь рахманиновская Ивановка, возникающая, словно мираж, среди безотрадных тамбовских степей; и остаться бы ей безнадежно затерянной в глухом углу Уваровского района, если б не ее известность, если б не многолетние старания Ермакова, восстановившего и парк, и барские постройки.

Другой усадьбе района, воейковской, казалось бы, повезло больше: не так сильно пострадала она во время антоновского мятежа, в годы развития крестьянских хозяйств; однако, помнит ли кто о ней? На карте давно не значится Старой Ольшанки; не значится и Красного Знамени – так Старая Ольшанка стала называться в советское время. Слишком уж мало селение – семнадцать дворов всего...

Обе усадьбы – и рахманиновская, и воейковская – расположены в 18 километрах от Уварова: первая – к западу, вторая – к северо-востоку от города. Туда, на северо-восток, и мчались мы на музейных «Жигулях», всматриваясь вправо, за лесопосадки: скоро ли выглянет верхушка церкви? Показалась она только за вторым поворотом: мы свернули на третьем. Церковь приближалась медленно, словно подчеркивая безрадостную пустоту неоглядных полей. Возникло и приземистое село; вот она, церковь, совсем близко – из красного кирпича, с ветхими куполами;

от нее и начинается парк – один из старейших в России.

Известно, что владел усадьбой помещик Д.Д. Кретов – пока не купили ее Воейковы, представители старинного и славного дворянского рода: многие Воейковы отличились на военной и гражданской службе.

Служил достойно и Алексей Васильевич Воейков, проживавший в усадьбе последние десять лет своей жизни. Если бы Воейков написал воспоминания, они, наверное, составили бы не один том.

Военный поход в Швейцарию, сражения с турками, французами, шведами, служба при военном министре Барклае-де-Толли – такова его биография до Отечественной войны.

В 1812 г. Воейков в качестве флигель-адъютанта Александра I командовал егерской бригадой 27-й бригадой генерала Новяровского. Мужество командира и его бригады в сражениях под селом Красным, при защите Шевардинского редута накануне Бородинской битвы заслужили похвалу М.И. Кутузова. Воейкову было присвоено звание генерал-майора. А год спустя за участие в бою при Крейцвальде его наградили золотой шпагой с бриллиантами. Это была уже вторая золотая шпага: первую ему вручили за битву в Финляндии, при Иденсальми, в 1808 г. Крейцвальдское сражение стало последним для Алексея Васильевича: он получил ранение в руку навылет и спустя два года, в возрасте 37 лет, вышел в отставку.

Настало время подумать и о личной жизни. Женой Алексея Васильевича стала дочь знаменитого поэта, архитектора, художника и ученого Николая Александровича Львова, Вера Николаевна, детство которой прошло в доме самого Державина: Гаврила Романович приходился ей дядей по матери. В Ольшанке, где поселились супруги, у них родились два сына и дочь.

В имении был богатый парк с тремя прудами, обнесенный земляным валом. Барский дом стоял на поляне в окружении дубов, лип, берез и сосен, недалеко от быстрой речки Шибряйки; за границами парка располагались конюшни: Воейковы увлекались лошадьми, что, впрочем, вполне отвечало духу того времени.

В последние годы жизни Алексея Васильевича тревожили старые раны. В 1825 г., после его смерти, усадебное хозяйство перешло в руки Веры Николаевны.

В 1843 г. дочь Воейковых, Мария Алексеевна, занимавшаяся живописью и детской литературой, вышла замуж за археолога и библиографа Дмитрия Васильевича Поленова.

С этой поры в зимние месяцы Вера Николаевна часто проживала в петербургской квартире Поленовых, а летом все семейство отправлялось в любимую Ольшанку. Знакомство с другом Поленовых, портретистом и пейзажистом академиком К.А. Молдавским, видимо, и привело ее к решению исполнить обоюдную с покойным мужем волю - построить в Ольшанке храм. Спроектированная Молдавским церковь Воскресения Христа Спасителя – в виде массивного шестигранника на глубоком, приподнятом подвале, с апсидой и с двумя симметричными башнями-колокольнями – была заложена в 1843 г. Строительством, которое завершилось в 1869 г., руководил профессор Р.И. Кузьмин.

Многое в церкви удивляло: и непривычный шестигранный объем, и дымоходы, проложенные в ее подвалах и стенах; и особенно «польский» сосновый парк: в центре он был занижен по отношению к входу – возможно, для того, чтобы прихожане (по большим праздникам они собирались из семи окрестных деревень) могли видеть и слышать службу.

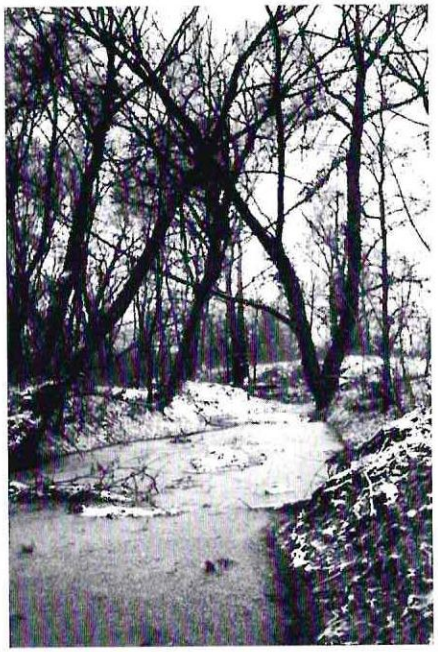
В усадьбе проводили лето и дети Поленовых – Василий, Елена и Вера. Василий и Елена впоследствии стали известными: художниками – страсть к живописи, возможно, передалась им от матери, Марии Алексеевны, ученицы Молдавского.

В Ольшанке М.А. Поленова создала серию крестьянских портретов и два пейзажа с Воскресенским храмом. Но особенно полюбилось имение Василию Дмитриевичу и Елене Дмитриевне Поленовым: уже будучи в зрелом возрасте, они подолгу гостили здесь у своего дяди, Леонида Алексеевича Воейкова (автора книг по истории и статистике Тамбовской губ.), который стал хозяином усадьбы после смерти матери, Веры Николаевны, и проводил здесь почти все свое время. Ольшанка вдохновляла художников несравненно. Дом Воейковых украсился керамическими панно «Везувий», «Кремль» и «Озеро Сердитое», выполненными Еленой Дмитриевной; кроме того, она написала много пейзажей деревни и ее окрестностей. Но особенную известность получили «ольшанские» картины Василия Дмитриевича: «Старый дом в Ольшанке», «Деревенская улица», «Водяная мельница в Ольшанке» (все – 1870 г.), а его «Пруд в парке» (1877 г.) по своим достоинствам стал в один ряд с «Московским двориком». Ценителям творчества художника едва ли было известно, в какой отдаленной глуши рождались эти работы...

О привязанности Поленовых к тамбовской глубинке говорит и тот факт, что свою богатую библиотеку Дмитрий Васильевич Поленов мечтал передать для общественного пользования в Тамбов. После смерти отца Василий Дмитриевич переправил библиотеку в Ольшанку к дяде, Л.А. Воейкову. А когда в Тамбове открылась народная «Нарышкинская читальня», пожертвовал книги в ее фонд.

Счастье, что книги попали в читальню! Истребление усадьбы началось после революции и завершилось в 30-е годы. Добрая часть парка пошла на дрова. Церковная утварь, мебель, драгоценности из барского дома – все было растащено местными крестьянами по домам да вывезено заезжими «гостями»... Территорию усадьбы занял колхоз имени Дзержинского; церковь и конюшни все более приходили в негодность. Еще бы, в конюшнях устроили птицеферму и кузнечно-слесарные мастерские, а в церкви – зернохранилище: телеги с зерном, а позже трактора, заезжали в зал и через центральное, и через два боковых крыльца, – скоро от них не осталось и следа, а ступеньки центрального превратились в крошево...

В 1987 г. в усадьбу пришло спасение. Тревогу забил Ермаков. Всецело занятый Ивановкой, он все же не мог не знать о том, что соседняя Ольшанка погибает и надо ее выручать, – хотя, кроме него, усадьба, кажется, никому и не нужна... В село приехала группа архитекторов из Москвы и Ленинграда; после того как разработали проект восстановления усадьбы, закипела работа. В течение семи лет были прочищены дымоходы, освобожден от мусора подвал, укреплены стены, выложен в зале дубовый паркет, установлены кресты, найденные на свалке кузнечно-слесарных мастерских, обшит цветным металлом главный купол; в парке убрали бурелом, реконструировали колодец... Работников было двое: сам Ермаков и житель Красного Знамени столяр Николай Иванович Клепиков, набожный человек, воо-



Ил. 29. В ольшанском парке Поленовых; фото А.Н. и. Б.Н. Ладыгиных. 2005 г.

душевившийся вместе с Ермаковым идеей восстановить церковь и создать в ее подвале музей семейства Воейковых. На реставрацию деньги выделяли Тамбовский облисполком и Уваровский райисполком; работники же за свои труды не получали ни копейки.

1994 г. Клепиков умер. Ольшанское хозяйство осталось на Ермакове. Но и он вскоре не смог им заниматься из-за болезни ноги: хватило бы сил на Ивановку... Глухому тамбовскому селу Красное Знамя досталась справная церковь, по оценке столичных архитекторов – не имеющая аналогов в русской архитектуре, – досталась в полное распоряжение... Шесть лет не был здесь Александр Иванович, и теперь, с моим очередным приездом в Ивановку, появился повод: показать гостю дивный уголок...

...«Лучше бы я не приезжал сюда!» – беспрестанно бормотал Ермаков - сначала при взгляде на развалины конюшен, потом – на полуразломанный деревянный дом священника и, наконец, на церковь... Производила она впечатление основательности и серьезности - несмотря на праздничный двенадцатигранный барабан с белокаменным карнизом и профилями закомар и кокошников: тон задавали решетки «готических» окон и массивный объем. Одну из двух поставленных ребрами колоколен увенчивал крест, апсида же была лишена даже купола. Покосившийся крест завершал и несколько осевшую центральную луковицу. С этой луковицы и начались расстройства Александра Ивановича; медь внизу поснимали (выше пока дотянуться не смогли); далее – беда шла за бедой: от дубовой двери осталась половинка, дубовый паркет в зале повыломали, сняли и дубовые ступени с двух винтовых металлических лестниц на хоры. «Чтоб выложить паркет, ступеньки, мы с Николаем сколько месяцев на четвереньках проползали! – не мог успокоиться Ермаков. – С каким трудом достали этот паркет! Крепеж для стен везли из самого Воронежа (обломки ненужного железа валялись в просторном, еще не замусоренном подвале, куда мы проникли позже)... Что понатворили! Ничего святого нет у людей...»

Огорчал и парк, сильно заглушенный ольхой и кленами. Берега большого пруда поросли размашистыми ракитами: от плотины церковь была почти не видна; гадай теперь, какое место выбирал Поленов для своего «Пруда»... Колодец близ пруда превратился в заурядную яму со свинцово темневшей лужей. По берегам быстрого прямого ручья – Шибряйки – простодушно-грубоватые, громоздкие, кри-

во вздымались старые ветлы, а кое-где, непомерно высокие, прямые, как столбы, твердо вставали серебристые тополя.

Тропа уводила все глубже в гущу заросшего парка – там-то и открывалось все понемногу: будто обводный канал среди «непуганого» леса, приглашение совершить волшебный путь, войти в сказку, – неожиданная и легкая дуга реки; поляна, окруженная тесными кустами, – место, где стоял воейковский дом; начало круговой кленовой аллеи; пограничный вал; старые липы; и, как изящный эскиз художника – маленький круглый пруд под присмотром серебристого тополя и плакучих ив. От вала уже хорошо виднелись – за бурным потоком Шибряйки и пустым широким полем - полоса берез и соседняя деревушка.

Круговая аллея быстро потерялась в зарослях; мы набрели на тропу, миновали вырубки и вышли к развалинам конюшен потрясенные: Ермаков – зрелищем утрат, я – грустным и одичалым, но все еще прекрасным уголком степной России... Сели в машину – чтобы, возможно, навсегда оставить погибающий парк и растерзанную церковь с подвалами для небывалого музея-памятника Алексею Васильевичу Воейкову, портрет которого, написанный английским художником Дж. Доу, уже без малого два века висит в Военной галерее Зимнего дворца среди героев войны 1812–1814 гг. «Лучше б я не приезжал сюда!» – все бормотал Александр Иванович – главный виновник славной и неосуществленной затеи...

Ил. 30. В ольшанском парке Поленовых; фото А.Н. и. Б.Н. Ладыгиных. 2005 г.

Всего год прошел с той поры, как автор этого очерка «простился» со Старой Ольшанкой. И за год – парк еще более поредел, а церковь еще более одряхлела: от меди куполов почти ничего не осталось, выломан весь паркет, оторвана вторая половинка двери. Теперь бы взяться за кирпичную кладку, да, видимо, сил не хватает: крепкие возводили церкви! – бывало, и с трех раз взорвать не удавалось, Но, как говорится, терпенье и труд... А кто мешает? Администрация Уваровского района средства на реставрацию церкви и парка выделять перестала с 1998 г. Единственный человек, и по сию пору радеющий о бывшей воейковской усадьбе, – А.И. Ермаков. Но его выступления по радио, по телевидению и в печати Тамбова отклика не получают. Может быть, молча сочувствуют?

От Тамбова до Уварова около 120 км, от Уварова до Красного Знамени – как говорилось, 18. Регулярного автобусного сообщения, нет. Что ни говори – прежде, не вымирает; благо колхоз имени Дзержинского работает. И доказательством тому служит, увы, планомерное уничтожение одного из самых живописных уголков тамбовской земли.

Усадьба Воейковых-Поленовых ждет своего настоящего хозяина. На него, а не на власти, вся надежда. Люди, которые способны и полны решимости восстанавливать утраченные культурные ценности даже после тяжелых войн и разрухи, были на Руси во все времена. И всегда Русь ими гордилась.

Ил. 31. В ольшанском парке Поленовых; фото Т.Н. Ладыгиной. 2005 г.

От редакции. Кто же поможет усадьбе Поленовых, кто спасет ее от окончательного разграбления? Мы много в последнее время писали и говорили о том, что прежняя власть не уберегла «дворянские гнезда». Да, революции и войны не пощадили их. Но кое-что выжило, устояло. И что же? Пять лет назад в селе Караул сгорает фамильный дом Чичериных. Судя по всему, то же ждет и поленовскую усадьбу. Ничего не предпринимается для восстановления усадьбы Воронцовых-Дашковых в Новотомникове (наиболее сохранившейся). Так, может, пора от слов переходить к делу? И возрождать дошедшие до нас отеческие святыни... Ведь крохи остались, крохи!

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] РНБ. ОР, ф. 247 (Державина). Поступление 1924 г. Служебные бумаги Г.Р. Державина – 1798–1804 гг. – 17 лл.

[2] Юношеский дневник Прасковьи опубликован: *Кукушкина Е.Д.* «Записки» Прасковьи Николаевны Львовой. // Сб. «XVIII век». ИРЛИ. Вып. 18. СПб. 1993. С. 262–298. Более поздние записи впервые публикуются в настоящем сборнике.

[3] Сочинения Г.Р. Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. II, СПб., 1865. С. 630.

[4] Там же.

[5] РНБ. РО, ф. 247 (Державина), поступление 1924 г. (По рукописной описи.)

[6] Подробно о Воейковых и Поленовых см.: *А.П. Львова, И.А. Бочкарева* «Род Львовых». ВИЭМ, Торжок, 2003. С.82–91.

[7] Об отношениях М.М. Сперанского и А.В. Воейкова, об опале последнего см.: Воспоминания В.Н. Воейковой. // Старина и Новизна. 1904. Кн. 7.

[8] *Н.И. Мердер*. Из далекого прошлого. (Тетушка Вера Николаевна Воейкова).// Исторический вестник. 1909. № 11. С. 404
Здесь воспоминания Н.И. Мердер цитируются по приложению к ук. соч. *А.П. Львовой* и *И.А. Бочкаревой*. С. 210–222.

[9] Письмо не сохранилось.

[10] РГАДА. Ф. 1478, дело № 72. Письмо Г.Р. Державина А.В. Воейкову из Петербурга л. 1–2. Писарской рукой, подпись-автограф Г.Р. Державина. В академическое издание не вошло. Указано С.Р. Долговой.

[11] РГАДА. Ф. 1478, дело № 73. Письмо Г.Р. Державина А.В. Воейкову из села Званка лл.1–2. В академическое издание не вошло. Указано С.Р. Долговой.

[12] Там же. Дело № 74. Письмо Г.Р. Державина А.В. Воейкову из Званки, лл.1-1об. Писарской рукой; подпись – автограф Г.Р. Державина. Опубл.: Соч. Г.Р. Державина, т. 6. С. 389, кроме последних строк. Указано С.Р. Долговой.

[13] Александр Александрович Полторацкий, муж Екатерины Павловны, рожденной Бакуниной. Воейковы и Полторацкие были в родственных отношениях – сестра А.А. Полторацкого, Агафоклея Александровна, была замужем за братом А.В. Воейкова Александром.

[14] Таблица хранится в краеведческом музее г. Уварово (Тамбовская обл.) Текст печатается по кн. *А.П. Львовой, И.А. Бочкаревой*. Ук. соч. С. 86, 87.

[15] Воспоминания В.Н. Воейковой – см. прим. 7. Иван Петрович Хрущев (1838–1904) – филолог, педагог, член Совета министерства народного просвещения, был женат на Вере Дмитриевне Поленовой (1844–1881), внучке В.Н. Воейковой. Работал с семейным архивом Воейковых-Поленовых.
В РГАДА, в ук. фонде, д. № 77, хранится записка В.Н. Воейковой (урожд. Львовой) о роли ее мужа, генерал-майора А.В. Воейкова, в деле назначения М.И. Кутузова главнокомандующим русскими войсками (указано С.Р. Долговой):
«Воейков застал Каменского еще в живых, но в безнадежном положении, поэтому лично от него не мог иметь никаких указаний; и сам по смерти его, собрав всевозможные сведения, содействовал к назначению Кутузова главнокомандующим. При падении Сперанского Воейков, как правитель канцелярии Барклая, часто ездил к сильному временщику для объявления по поручениям своего начальника, подвергая неожидано большой перемене по службе, был удален от (*далее зачеркнуто* – военного министра) должности при военном министре, получил бригаду в чине полковника Преображенского полка».
Автограф В.Н. Воейковой с припиской неизвестного лица (скорее всего Хрущева): «Писала Вера Николаевна Воейкова».
М.И. Кутузов назначен главнокомандующим 8 августа 1812 г.
Каменский Н.М. (1776-1811) граф, генерал от инфантерии.
Сперанский М.Н. (1772-1839), получил отставку 17 марта 1812 г.
[16] РГАДА. Ф. 1478, дело № 75. Письмо Д.А. Державиной В.Н. Воейковой, лл.1-2об. Автограф. Сохранена орфография автора. В академическое издание не вошло. Указано С.Р. Долговой.
[17] *Е.Д. Поленова.* Наталья Васильевна Поленова. М., 1902. Цитируется по ук. соч. *А.П. Львовой* и *И.А. Бочкаревой.* С. 84.
[18] *В.Д. Поленов, Е.Д. Поленова.* Хроника семьи художника. М., 1964. С. 775. Здесь цитируется по ук. соч. *А.П. Львовой и И.А. Бочкаревой.* С. 88, 89.
[19] Статью об имении Б.Н. Чичерина «Караул» см. ниже.
[20] У супругов Александра Петровича (род. ок. 1723 – 4. 11. 1769) и Прасковьи Федоровны (урожденной Хрипуновой, 1725 – 1793) Львовых, согласно записи в исповедальной ведомости церкви Николая Чудотворца с. Арпачево 1753 г., (Гато, ф.160, оп.1, ед. хр.15637, л. 65), были дочери Надежда, Мария и Евдокия. Возможно, Елена родилась после 1753 г.
[21] В родословных справочниках указывается имя еще одного сына – Павел (*А.П.Львова, И.А. Бочкарева*, ук. соч. С. 28)
[22] Басни и сказки И.И. Хемницера. (Сочинения и Письма Хемницера по подлинным его рукописям с биографической статьей и примечаниями Я. Грота). СПб., 1873. Письмо №6, от 10 августа 1782 г.
[23] *Я.К. Грот.* Рукописи Державина и Львова. (Отчет II отделения Академии наук.) СПб., 1859. С. 8.
[24] *А.П Львова, И.А. Бочкарева.* Ук. соч. С. 83, 84.
[25] В.Н. Воейковой принадлежали портреты: первой жены Державина, Екатерины Яковлевны, урожденной Бастидон, «Торжковской крестьянки Христиньи» – работы В.Л. Боровиковского (1795 г., ГТГ). На раме надписи: «Портрет... Крестьянка Христинья кормилица В.Н. Воейковой, урожденной Львовой... с натуры Боровиковской», «Подарен мне маменькой 22 июля 1869 г. в день именин моих и ПБ. М. Поленова». – См. *А.П. Львова* и *И.А. Бочкарева*, ук. соч. С. 218, прим. 8.

А.А. СОБОЛЕВА
Тамбов

ИСТОРИЯ И СУДЬБА УСАДЬБЫ «КАРАУЛ» ЧИЧЕРИНЫХ

Проблема возрождения утраченного историко-культурного наследия бесценных памятников усадебной культуры с их архитектурой, скульптурным убранством, культовыми сооружениями, садово-парковыми ансамблями, славившихся своими духовными традициями, уже давно стала предметом исследования ученых, историков, краеведов российской провинции[1].

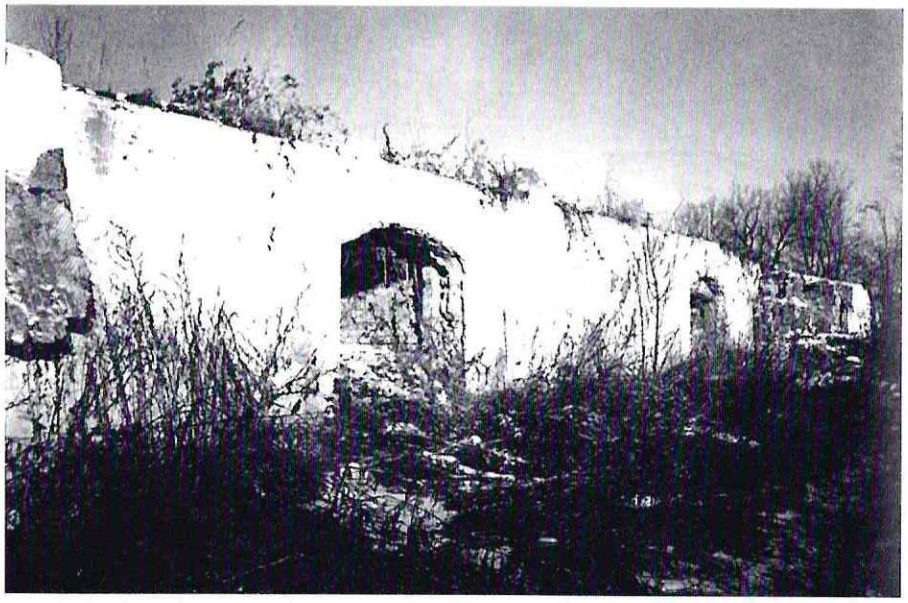
Тамбовская земля была средоточием настоящих сокровищ, находившихся в усадебных коллекциях многих известных дворянских родов. К их числу относится старинный дворянский род Чичериных и их усадьба «Караул» Кирсановского уезда Тамбовской губернии (ныне Инжавинский район Тамбовской области). В конце XVIII столетия эти земли принадлежали помещику Арбеньеву, при нем была построена церковь Св. Троицы и освящена в 1806 году. С 1818 г. имением «Караул» владел Сергей Васильевич Вышеславцев, дед известного Льва Владимировича, чиновника Тамбовской губернской управы и писателя, искусствоведа Алексея Владимировича Вышеславцевых; оба родились в Карауле. В 1837 г. имение было продано родственнику Николаю Васильевичу Чичерину (1803–1859) – тамбовскому помещику, человеку разносторонних интересов, который поддерживал знакомство с А.И. Герценом, состоял в дружеских отношениях с историком Т.Н. Грановским, писателем Н.Ф. Павловым, семьями Кривцовых* и Боратынских. В 1840 г. Николай Васильевич перенес село Троицкое на более удобное для крестьян место, близ пашни и лугов, а на горе по проекту талантливого московского архитектора С.И. Миллера (1815–1867) построил барский дом, полезная площадь которого составила 1500 кв. м² **(ил. 1-4)**. С трех сторон дома по проекту пензенского садовода Макзига был разбит в европейском вкусе сад и парк, с павильонами в готическом стиле, гротами, беседками, аллеями, оврагами. Площадь усадебного комплекса достигала 1 тыс. 748 га. На его территории располагались: барский дом, церковь, семейное кладбище со склепом, школа, домики для гостей, управляющего, сторожей, различные хозяйственные сооружения: мельница, оранжереи, теплицы, конный двор **(ил. 5, 6)**. В усадьбе был вырыт подземный ход, соединявший барский дом с церковью, рекой и хозяйственным двором[2].

Ил. 1. Дом в усадьбе Караул, фото А. и Б. Ладыгиных, 1980-е гг.

Ил. 2. Дом в усадьбе Караул, вид со стороны реки, фото 1914 г. Ж. "Столица и усадьба", №11, 1914.

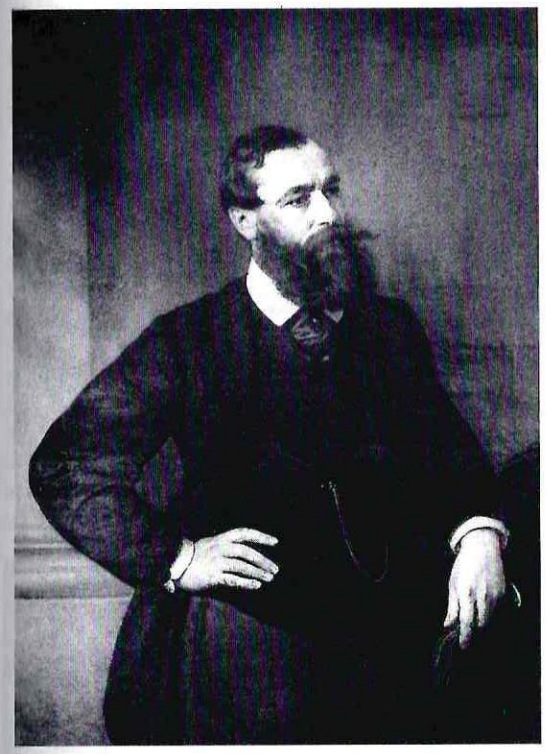
Ил. 3. Дом в усадьбе Караул, вид со стороны реки. Фото Е.П. Попова, 1990 г.

Ил. 4. Дом в усадьбе Караул, когда в нем был детский дом; на переднем плане бюст Н.В. Чичерина. Фото А. и Б. Ладыгиных, 1980-е гг.



Ил. 5. Конный двор, современное состояние, фото Т.В. Ладыгиной, 1996 г.

Ил. 6. Хозяйственный двор, фото Т.В. Ладыгиной. 1996 г.



Ил. 7. Портрет Б.Н. Чичерина. Худ. В.А. Шервуд, дом-музей Г.В. Чичерина, Тамбов

После смерти Н.В. Чичерина (1859, похоронен на семейном кладбище Караул) право наследства через год перешло к его старшему сыну – Борису Николаевичу Чичерину (1828–1904) – виднейшему русскому ученому, юристу, философу, историку, публицисту, общественному деятелю[3] **(ил. 7).** По окончании Московского университета (1849) он сдал экзамены на степень магистра государственного права (1851) и уехал в имение «Караул» для работы над диссертацией «Областные учреждения России в XVII веке», которую он закончил в 1853 г. Несмотря на отказ Московского и Санкт-Петербургского университетов принять диссертацию из-за ее слишком «нетрадиционного и критического содержания», Б.Н. Чичерину удалось представить ее в общую цензуру и, благодаря либеральному цензору Н.Ф. фон Крузе, блестяще ее защитить 25 декабря 1856.

Вернувшись в Россию из поездки по Европе (1861), Чичерин был избран профессором по кафедре государства и права юридического факультета Московского университета, занимался педагогической деятельностью, защитил докторскую диссертацию «О народном представительстве» (1866). Но из-за принципиальных разногласий с руководством университета Чичерин с группой профессоров был вынужден покинуть университет (1868) и уехать к себе в имение «Караул». Здесь он активно занимался общественной деятельностью, участвовал в работе земства (в качестве постоянного гласного Кирсановского и Тамбовского губернского земских собраний), в строительстве Тамбово-Саратовской железной дороги (как директор от Кирсановского земства).

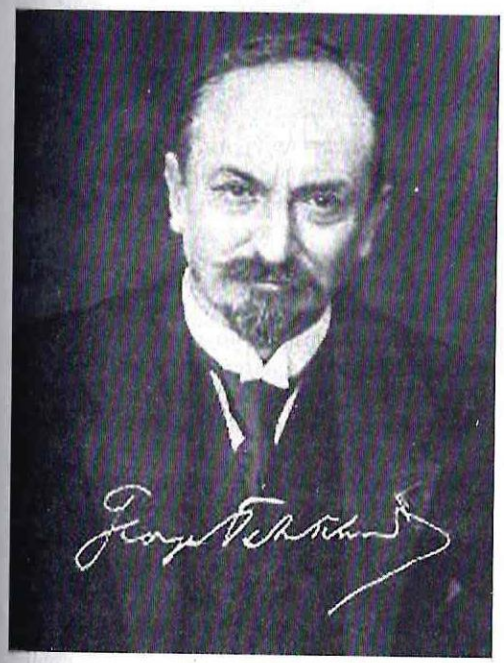
Именно при нем усадьба «Караул» превратилась в один из культурных и интеллектуальных провинциальных центров России XIX века, очагом его напряженной духовной работы, где он целиком посвятил себя созданию ученых трудов. В 1869–1877 годах Чичерин издал первые четыре тома: «История политических

учений», «Наука и религия» (1879) «Мистицизм в науке» (1880) и др.; написал ряд научных статей: «Конституционный вопрос в России» и «Берлинский мир перед русским общественным мнением» (1878) и др. В конце 1881 г. Чичерин был избран Московским городским головой. За речь, произнесенную на обеде градоначальников во время коронации Александра III и опубликование ее за границей (без ведома автора, вопреки запретам МВД), в июне 1883 г. ему предложили уйти в отставку. По возвращении в Караул он снова занялся земской деятельностью (до 1900), естественными науками, писал статьи по химии, мемуары (1888–1894)[4]. Его воспоминания, стихи, переписка с Александрой Алексеевной Капнист (1845–1920), внучкой известного поэта XVIII в., друга и родственника Н.А. Львова и Г.Р. Державина (все трое были женаты на родных сестрах Дьяковых), с которой он обвенчался в Москве 25 апреля 1871 г., сохраняют для нас светлые образы Бориса Николаевича и его верной спутницы, которая до конца своей жизни хранила память о муже, как великую святыню[5] **(ил. 8)**.

Ил. 8. Портрет А.А. Чичериной (урожд. Капнист). Худ. В.А. Шервуд, дом-музей Г.В. Чичерина

Культурные сокровища, находившиеся в усадьбе, служили замечательной базой для формирования духовного и интеллектуального мира его обитателей. В барском доме имелись: богатая библиотека (более 5 тыс. книг) на русском и иностранных языках в сафьяновых и позолоченных переплетах, фолианты по вопросам государства и права, истории, философии, дипломатии, а также по искусству, произведения художественной литературы; фамильный фарфор (сервизы старинной работы мастеров с клеймами знаменитых фабрик Берлина, Мейсена, Парижа, Лондона, Петербурга), бронза, старинное серебро и иконы; редчайшая коллекция гравюр первоклассных европейских мастеров (Дюрер, Рембрант – более 1000 листов), собрание картин западноевропейских художников – Ян Ван-Гойена, Назона,

Терборха, Стена, школы Веронезе; а также русских – Тропинина, Серова, Айвазовского, Каменева, Васильева, Шебуева и др. На трех миниатюрах работы Боровиковского, унаследованных от отца А.В. Капниста, изображены предки А.А. Чичериной[6]. По мнению искусствоведа Т.В. Алексеевой, на одной миниатюре изображена А.А. Капнист, урожденная Дьякова, жена поэта В.В. Капниста, бабушка хозяйки Караула; на другой – ее сестра Дарья Алексеевна Дьякова, вторая жена Г.Р. Державина; на третьей – портрет еще одной сестры Александры и Дарьи – Екатерины Алексеевны Стейнбок (урожденная Дьякова). Судьба двух портретов драматична и загадочна. В 1941 г. портрет Е.А. Стейнбок исчез из местного музея при невыясненных обстоятельствах, а после войны (1941–1945) он случайно оказался у Тамбовского коллекционера Н.А. Никифорова; портрет А.А. Дьяковой в 1937 г. приобрел у Э.С. Жуховицкого Литературный музей (Москва). Лишь одна работа В.Л. Боровиковского – портрет Д.А. Дьяковой, ныне украшает Тамбовский краеведческий музей[7]. Следует заметить, что в Тамбовской областной картинной галерее ныне экспонируется более 20 поступивших из Караула произведений живописи и скульптуры мастеров европейских стран[8]. Известно, что в Карауле бывал архитектор, живописец, скульптор, академик (1872) Владимир Осипович Шервуд (1833–1897), уроженец Елатомского уезда Тамбовской губернии (ныне Рязанская область), который оставил Борису Николаевичу несколько своих работ: портреты родителей Чичерина – Николая Васильевича и Жоржины Егоровны, пейзаж «Горное озеро», а также парные портреты Бориса Николаевича и его супруги Александры Алексеевны; последние экспонируются в Доме-музее Г.В. Чичерина (Тамбов). За год до смерти Б.Н. Чичерина В.А. Серов (1861–1911) написал в Москве (1903) его портрет, который экспонировался в 1925 г. в Государственной Третьяковской галерее и Русском музее, ныне он украшает Тамбовскую областную картинную галерею. Из Ясной Поляны Борис Николаевич получал письма от Л.Н. Толстого по поводу открытия народных школ и подборе учителей[9].



Ил. 9. Г.В. Чичерин, фото 1930-х гг., дом-музей Г.В. Чичерина, Тамбов

После смерти Бориса Николаевича (Москва, 1904, похоронен в Карауле на семейном кладбище) согласно духовному завещанию[10] имение должно было принадлежать

Ил. 10. Дом-музей Чичерина в Тамбове, современное состояние, фото Т.В. Ладыгиной

его племяннику – Георгию Васильевичу Чичерину (1872–1936) **(ил. 9)**. В апреле 1903 г. Б.Н. Чичерин писал: «Милый Юрий, ты один из семьи родился в Карауле, а потому я решил, что это указание Божие, и что он должен принадлежать тебе...»[11]. До 1877 г. Георгий Чичерин жил в имении «Караул», а затем его отец, Василий Николаевич Чичерин (1829–1882) перевез семью в Тамбов, там они жили до 1886 г. в доме (ныне Дом-музей Чичерина, **ил. 10**), а на лето племянник регулярно приезжал к дяде. По поводу завещания Бориса Николаевича Г.В. Чичерин в письме от 14(27) мая 1905 г. писал А.А. Чичериной: «Очень возможно, что ко времени его вступления в силу дворянская поместная собственность больше не будет существовать. «Родовых» имений, вероятно, уже вскоре не будет. Что касается меня, надеюсь приспособиться к новым условиям новой России и войти в новые формы общественности». Годом позже, 2(15) июля 1906 г. в письме к «милой тете Саше» Георгий писал: «...много лет тому назад, по поводу караульского пожара, ты мне говорила, что это может быть лучше было бы, ибо кто знает, в чьих руках окажутся эти места, в которых развертывалась изящная и глубокая жизнь... Не находишь ли ты прекрасною и утешительною мысль, что Караул не будет в руках случайного

хозяина..., который растопчет ногами его прошлое, а Караул будет средоточием новой культурной жизни самого народа...»[12]. 4 (17) сентября 1907 г. Г.В. Чичерин в силу ряда обстоятельств был вынужден передать наследство в пользу двоюродного брата Бориса Андреевича Чичерина. О причинах передачи наследства Г.В. Чичериным свидетельствуют письменные объяснения А.А. Чичериной, переписка Г.В. Чичерина с А.А. Чичериной (1905–1907). В частности, в письме к Юрию (Георгию) от 24 сентября 1906 г. А.А. Чичерина писала: «... твои теперешние идеалы были бы ему (*Борису Николаевичу*) чужды»[13].

Дальнейшие политические изменения начала XX века привели к тому, что усадьбу «Караул» национализировали (1918). Всероссийская коллегия по делам музеев и охраны памятников искусства и старины при Наркомпросе выдала Охранную грамоту от 17 июля 1918 г. за № 3324. и на следующий день известила телеграммой Тамбовский губернский и Кирсановский «совдепы» о том, что художественно-исторические ценности, хранящиеся в доме имения Чичериных «Караул», и сам дом старинной архитектуры находятся под особой охраной Наркомпроса на правах национального достояния и реквизиции не подлежат[14]. Пока была жива хранительница усадьбы А.А. Чичерина (в 1918 г. она передала дом со всем имуществом местному Совету и переехала в Тамбов, где умерла в августе 1920 г.) и, благодаря смотрителю Ивану Андреевичу Заверячеву **(ил. 11)**, до 5 октября 1919 г. в барском доме сохранялся полный порядок[15].

Мониторинговое исследование документального потока свидетельствует о том, что летом 1919 г. коллегия музейного отдела по охране памятников искусства и старины Наркомпроса командировала в имение «Караул» эмиссаров А.В. Лебедева** и его однофамильца Н.Н. Лебедева. Вместе с ними в экспедиции принимал участие А.В. Чичерин*** **(ил. 12)**. По его свидетельству, «... все наиболее ценное было сосредоточено в нескольких комнатах 2-го этажа. Кабинет и библиотека Б.Н. Чи-

Ил. 11. И.А. Заверячев, архив Г.П. Заверячевой

Ил. 12. А.В. Чичерин, фото 1980-х гг., дом-музей Г.В Чичерина, Тамбов

черина оставались в полной сохранности... Картины были развешены в прежних комнатах для гостей, а многие, лучшие из них, были уже тогда вывезены в Москву»[16]. «30 июня 1919 г. на заседании коллегии подотдела провинциальной охраны Н.Н Лебедев доложил о совместной с А.В. Лебедевым поездке в Тамбовскую губернию, о том, что сдал в Государственный музей по акту и по описи ценности, вывезенные 11 июня из Караула, в том числе 4 большие картины» (см. прим. 7 и 8). После вывоза эмиссарами из «Караула» наиболее ценных картин, гравюр, библиотеки и фамильного архива там оставалось еще много живописных полотен, графических работ, изделий прикладного искусства, а также мебели.

Г.В. Чичерин, будучи известным дипломатом, публицистом, народным комиссаром по иностранным делам РСФСР (1918–1922), СССР (1922–1930), всегда беспокоился о судьбе родного «Караула». В письме к председателю Тамбовского Губисполкома А.Г. Шлихтеру от 9 января 1921 г. он обращает его внимание на культурные ценности, хранящиеся в имении Караул, считая необходимым перевезти их в г. Тамбов и сделать доступными губернскому культурному центру. К сожалению, судьба усадьбы «Караул», в обустройство которой было вложено столько трудов не одним поколением семьи Чичериных, была трагична. Во время бурных событий 1920-х гг. была взорвана мельница, разрушена церковь, уничтожено и разграблено фамильное кладбище с шестью могилами, надгробными плитами и крестами из белого мрамора, и другие постройки, барский дом постепенно лишался культурных сокровищ. В 1930–50-х гг. были утрачены купола зимней церкви и колокольни, стены и крыша церкви, фронтоны, колоннады[17].

Одним из путей выяснения судьбы усадьбы Б.Н. Чичерина стало изучение архивных документов, хранящихся в центральных, региональных государственных архивах России. Например, о начале хищения имущества из усадебного дома с 9 февраля 1921г. свидетельствуют заявление И.А. Заверячева от 13 февраля 1921 г., акты, составленные различными комиссиями по осмотру дома (от 30 июня, 7, 25 июля), в которых отмечены отсутствие части картин, ценных вещей, золота, серебра и других драгоценностей. В караульском парке войсковыми частями было вырублено для устройства баррикад-засек около 50 деревьев[18]. Летом 1921 г. в с. Троицкое «Караул» прибыл штаб особой группы, по освобождению усадебного дома от мятежников. Согласно заявлению начальника района 4 боеучастка № 6, было установлено: отсутствие печати на дверях, внутри дома полный разгром, все, что

можно было сломать, было сломано; И.А. Заверячев арестован. Штаб занял 8 комнат, все ценные вещи складировали в комнаты, составили опись имущества. Несмотря на то, что комиссия, возглавляемая тов. Рябовым****, 25 июля 1921 г. после обследования дома составила акт и внесла предложения:... до эвакуации ценностей художественно-исторического (научного) значения, дом со всеми службами передать в распоряжение боекомандования до окончания ликвидации банд, хищение имущества ежедневно продолжалось[19].

Вопрос об охране бывшего дома Чичериных «Караул» остро встал летом 1921 г. В Министерстве иностранных дел хранится письмо Г.В. Чичерина начальнику секретно-оперативного отдела ВЧК В.Р. Менжинскому от 26 июля 1921 г., в котором выражена просьба объявить дом Чичериных неприкосновенным, не занимать его штабами войск, принять меры по сохранности имущества, выпустить на поруки местной организации союза работников просвещения И.А Заверячева и снова поручить ему охрану дома. 27 июля 1921 г. В.Р. Менжинский в ответном письме Г.В. Чичерину сообщил о соответствующих распоряжениях, касающихся его просьбы[20]. Наконец, через 2 дня, Рябов телеграфировал командующему боеучастка № 6 о чрезвычайной охране дома и полной неприкосновенности имущества, и 1 августа 1921 г. дом был освобожден от войск и опечатан[21].

Известно, что архивные документы относятся к официальным аксиологическим, аутентичным, историческим источникам, не требующим верификации. Анализируемые акты (а их оказалось более 45), составленные официальными лицами, за подписями «подлинные верно» завгубмузеем П. Черменским***** по проверке имущества в бывшем усадебном доме Б. Чичерина, оставляют весьма удручающее впечатление. Приведем содержание одного из таких документов: «Комиссия по обследованию от 3 августа 1921 г. усадьбы с. Караул Богдановской волости Кирсановского уезда установила: по занятии дома штабом района все ценные вещи были снесены в 2 комнаты, которые были заперты и опечатаны. Остальные комнаты дома, как первого, так и второго этажа, занимались под канцелярию и квартиры. Вся мебель, портьеры и шторы за время нахождения в доме штаба при употреблении были перебросаны из одной комнаты в другую бессистемно... При поверхностной поверке не оказалось некоторой простой мебели, стульев и мягкого дивана из музыкального зала. В комнатах, которые занимали начальствующие лица, царил во время обследования сверххаотический порядок, как то: комнаты не убраны, всюду грязь, остатки табаку, курительной бумаги, корок и крошек хлеба, бутылки из под церковного вина, медикаментов. Но самое главное, не убрали во всех без исключения комнатах остатки воды в умывальниках, кувшинах, рукомойниках. Зловонная мыльная вода зацвела. Были даже наполненные ночные горшки, от которых шел помрачающий запах»[22]. Думал ли Борис Николаевич, что созданный им музей в усадебном доме «Караул», в который он вложил столько заботы и любви, станет объектом разорения и превратится из очага дворянской культуры в царство хаоса. В своих воспоминаниях А.В. Чичерин писал: «Было время, когда Караульские крестьяне имели полную возможность все разобрать, но они понимали, что в этом доме не просто материальные ценности, а культурные сокровища, и они их берегли». В течение августа ежедневно в Карауле работала комиссия, со-

зданная Тамбовским губисполкомом в составе члена коллегии Тамбовского губмузея А.В. Шеманского****** (мандат от 29 июля 1921 г. №2105) и уполномоченного Главмузея (с 8 августа) комитета по делам Наркомпроса А.В. Чичерина (мандат от 3 августа 1921 за №6299/5) по проверке имущества и описи художественно-культурных ценностей, составленной эмиссарами Наркомпроса в 1919–1920 гг. Согласно актам комиссии, установлено отсутствие: 35 предметов мебели, посуды (100 тарелок), 49 драпировок, 3 картин, ряда книг и 46 предметов прикладного искусства (фарфора, хрусталя, серебряных ложек). В связи с этим 10 августа 1921 г. А.В. Шеманский с А.В. Чичериным подготовили постановление, касающееся охраны, эвакуации и использования художественных и исторических ценностей, подлежащее рассмотрению коллегией Губнаробраза и Главмузея, в нем отмечалось: вследствие постоянной опасности, все еще угрожающей кирсановскому дому, находящемуся в сфере военных действий..., предметы, имеющие художественно-культурную ценность, надлежит спешно эвакуировать: ... все картины, вошедшие в опись эмиссаров Наркомпроса и не вывезенные 1920 г., все гравюры (около 1000), рукописи ученых трудов, статьи и хозяйственные записи Б.Н. Чичерина, составляющие дополнение к собранию его переписки и рукописей, передаваемые в настоящее время в Румянцевский музей; библиотека Б.Н. и А.А. Чичериных, более 5500 томов; весь фарфор по 2 описям; черепаховый шкафчик с инкрустацией из гостиной; зеркало с инкрустацией, шкаф ампирный из красного дерева из спальни; коллекция насекомых; 4 старинных иконы; гипсовый бюст Гермеса Праксителя; золотые, серебряные и бронзовые кубки, чарки и т.д. Все вывозные предметы должны быть направлены в Тамбов в распоряжение Губмузея для помещения в художественном, естественно-историческом отделах Тамбовского музея. Рукописи Б.Н. Чичерина подлежат передаче в хранилище Румянцевского музея; книги поступают через Главмузей в ведение Академического центра Наркомпроса. Для эвакуации должны быть предоставлены на два дня грузовые автомобили и 10 вагонов. Следует признать, что и после эвакуации Караул сохраняет значительную историческую ценность: как место, связанное с двумя эпохами русской общественной жизни и мысли; как место, где работал один из крупнейших ученых; как место, сохраняющее художественную и материальную ценности. Следует считать возможным и желательным создание со временем в Караульском доме музея быта с общежитием, дома отдыха для ученых или художников. Согласно акту от 11 августа 1921 г. и по случаю отъезда из Караула двух членов комиссии от Губнаробраза (А.В. Шеманского, А.В. Чичерина), дом поступает под охрану военного караула.[23]

Анализ протоколов заседаний президиумов Тамбовского и Кирсановкого губисполкомов, отчетов, постановлений, докладов, актов, составленных представителями различных комиссий, по итогам обследования бывшего дома Чичериных, его охраны и эвакуации художественно-культурных ценностей позволяет сделать вывод о том, что для решения поставленных задач было приложено много усилий со стороны ряда ответственных лиц. Например, в докладе Рябова от 22 августа 1921 г., отправленном в президиум Тамбовского губисполкома, выдвигались принципиальные предложения (с приложением при этом 46 документов), где он просил поручить Губнаробразу добиться в центре разрешения на вывоз ценного имуще-

ства, а дом с остающейся обстановкой передать в распоряжение Кирсановского уисполкома для открытия в нем детского дома. Материал, касающийся казенного занятия дома, пользования и растраты имущества штабом боеучастка № 6, препроводить в особый отдел Губчека с привлечением виновных к ответственности[24].

На основании вышеизложенного А.В. Шеманским последовал подробный доклад от 25.08.1921 г., в котором сообщалось, что в исполнение мандата губисполкома (от 29.07.1921 за № 3103) он выехал в Кирсановский уезд. Вместе с председателем комиссии Рябовым 3 августа он прибыл в Караул. Комиссия губисполкома при входе в дом обнаружила в нем ужасающий беспорядок: мебель всех 30 комнат была переставлена, все картины сняты и вместе с фарфором грудой свалены в одной из комнат верхнего этажа; о внешнем виде комнат дома был составлен акт от 3 августа 1921 г. Для выполнения задания губисполкома по проверке имущества и выяснению недостающих предметов в его распоряжении имелись описи только художественных ценностей: картин, половины фарфора (остальной фарфор был описан ранее совместно с тов. Чичериным) и наиболее ценной мебели... В несколько дней вся мебель и все имущество было расставлено по соответствующим комнатам. Благодаря этому представилась возможность установить недостачу: 35 предметов мебели, 43-х драпировок и нескольких занавесок, чехлов с мебели, всей одежды и обуви. Затем вместе с прибывшим А.В. Чичериным была осуществлена поверка предметов по описи художественных ценностей. В результате оказалось, что недостает: 3-х картин, 46-ти предметов чайного, столового фарфора, 4-х книг, переписки и рукописей А.А. Чичериной и части рукописей Б.Н. Чичерина. К докладу Шеманский приложил постановление от 10 августа 1921 г., в котором указаны предметы художественно-научных ценностей, подлежащих эвакуации. Все остальное имущество, т.е. художественно-выполненая мебель, книги, часть гравюр, 3 мраморные статуи и картина над камином, остается в доме. По мнению А.В. Чичерина, с которым А.В. Шеманский принципиально согласен, дом и после эвакуации указанного имущества должен быть опечатан и нуждается в охране, не менее прежнего, ибо и тогда он будет представлять большую культурную ценность. Аргументы Рябова о передаче дома Кирсановскому уисполкому для устройства в нем детского дома заставили Шеманского согласиться с его заключением, но он предлагает запросить согласие Главмузея для передачи его под детский дом, причем срочно выяснить дальнейшую судьбу дома, потому что каждую минуту он может остаться без охраны и быть сожженным[25].

26 августа 1921 г., на заседании коллегии Губнаробраза при Тамбовском губисполкоме, был заслушан доклад Шеманского о поездке по заданиям полномочной Комиссии ВЦИК в село Караул Кирсановского уезда. Принимая во внимание высокую культурно-историческую ценность усадьбы, подвергшейся разорению, и найденного комиссией имущества дома в большом беспорядке, коллегия постановила: срочно запросить согласие Главмузея на предмет передачи дома в ведение Губнаробраза; в виду невозможности оставить в дальнейшем дом опечатанным, передать его Кирсановскому уисполкому для устройства в нем временно детского дома, впоследствии организовать в нем дом отдыха. Все предметы, имеющие художественную и культурно-историческую ценность, спешно эвакуировать в Тамбов-

ский губмузей, а часть рукописей и библиотеку в Главмузей Москвы; просить Губисполком предоставить в распоряжение тов. Шеманского грузовой автомобиль, 6 вагонов, ... 2-х сотрудников из губмузея. Все имущество, остающееся в Карауле, запечатать в 2-х комнатах верхнего этажа, под охраной Сельревкома, а впоследствии завдетдомом. Всю посуду, мебель, не имеющую историческую ценность, оставить за детским домом. Иконы передать в ближайшую церковь, а серебро – в распоряжение Губказначейства.[26]

После выступления с докладом А.В. Шеманского в Главмузее о положении дел в Карауле, Н.И. Троцкой******* было утверждено постановление коллегии Губнаробраза от 26 августа 1921 г. о предоставлении части помещения караульского дома под Кирсановкий детский дом и распределении эвакуационного имущества между различными учреждениями. Шеманскому было предложено выехать в Тамбов с мандатом Главмузея для проведения эвакуации. К сожалению, начальник боеучаска № 6 не мог предоставить ему необходимое количество вагонов от станции Инжавино до ст. Тамбов в связи с экстренным приказом о выводе отряда за пределы губернии. Для расследования дела в Караул прибыл член Всероссийской Рабоче-крестьянской инспекции (ВРКИ), тов. Корнилов, который уведомил тов. Шеманского о том, что в Москве он получит наряд на вагоны из Наркомпути и прибудет для совместной с ним работы по эвакуации. К этому времени все комнаты были отданы под детский дом Кирсановскому унаробразу за исключением четырех, в которых сосредоточено имущество дома под запором и печатью[27]. Проблема сохранности и вывоза наиболее ценного имущества из Караула (неизданные рукописи и лучшие картины) в 1921 г. не была решена. Дальнейшая история судьбы усадьбы «Караул» вырисовывается при изучении протоколов заседаний президиума губисполкома, Губчека за 1921 г. Акты от 4, 5, 7 октября 1921 г. по осмотру дома комиссией под председательством А.В. Шеманского снова зафиксировала беспорядки. Например: 3 гравюры, висящие на стенах, оказались лежащими на лестницах, отдельно от рам и без стекла, в угловой комнате разбита форточка и перерезана металлическая лента, у окна найден штык за № 142139. Второе окно было незапертым, а в комнате – обнаружены патронажная сумка военного образца, консервные банки, все вещи были взяты для передачи в особый отдел № 6. Письма А.В. Шеманского препровождались в управление особого отдела Губчека 13.10.1921 г.[28]

В ходе изучения документов ГАТО поражает, прежде всего, их обилие. Среди них, на наш взгляд, представляет интерес выписка из протокола № 10 заседания коллегии Губмузея от 31 января 1922 г., на котором было заслушано сообщение Шеманского о том, что Рябов беседовал по поводу Караула с Г.В. Чичериным. Н.И. Троцкая через Рябова поручила Шеманскому выяснить на месте возможность сохранения ценностей без их эвакуации, или организовать их эвакуацию при содействии Губцентра, так как полная эвакуация, в силу крайнего финансового стеснения Главмузея, невозможна[29]. Для выполнения задания центра П. Черменский 10 февраля 1922 г. обращается в Губисполком с просьбой командировать в Караул тов. Рябова вместе с А.В. Шеманским по делу охраны культурных ценностей... В силу того, что Губоно, равно как Главмузей Наркомпроса, вовсе не располагают средствами, а совершенно необходимо вывезти хотя бы наиболее ценное имуще-

ство, Губоно просит Губисполком оказать ему содействие и отпустить на частичную эвакуацию средства в размере 10 тыс. руб. Губоно указывает на общегосударственное значение упомянутого имения, как одного из немногих сохранившихся на территории республики и заключающего первоклассные научные и художественные исторические ценности»[30]. 14 марта 1922 г. на заседании коллегии Губмузея (протокол 12) снова был заслушан доклад Шеманского о Карауле. В акте от 26 февраля 1922 г., составленном Шеманским и Рябовым, отмечалось, что эвакуация караульских ценностей невозможна, имуществу не грозит опасность, общее впечатление от детской колонии удовлетворительное. Признано целесообразным все имущество оставить на месте, в верхнем этаже устроить музей и дом отдыха, в нижнем – детский дом для детей школьного возраста и школу для окрестного населения с сельскохозяйственным уклоном. Данный проект на заседании был принят, но для получения принципиального согласия необходимо сделать доклад в коллегиях Губернского социального воспитания, Губоно, Главмузее[31]. 1 октября 1922 г. Шеманский в докладе сообщает Губоно, что ...до последнего времени все постройки имения, кроме дома и кухонного при нем флигеля (переданных во временное пользования отделом детдому по акту от 9 октября 1921 г.), не находились в ведении музейного отдела и были, очевидно, в ведении Караульского Уездного земского управления (УЗУ). Шеманский приводит примеры хищения лицами, принимавшими участие в продаже построек уполномоченным УЗУ. Он просит Губоно доложить президиуму Губисполкома о необходимости закрепления за музейным отделом всех построек в черте имения и фруктового сада в целях их сохранения. 5 октября 1922 г. за № 10250 Губоно препровождает его доклад в президиум Губисполкома и ходатайствует о закреплении за музейным отделом всех построек в черте парка (парк и дом уже находились в ведении Наркомпроса) с целью поддержания их в порядке и хозяйственного их использования детдомом и постоянным представителем на месте от музейного отдела. Находясь в ведении УЗУ, указанные постройки расхищаются и разрушаются, и о преступных действиях уполномоченного УЗУ уже начато дело[32].

На основании ходатайства Губоно от 5 октября 1922 г. заседание президиума Тамбовского Губисполкома от 16 ноября 1922 г. постановило: предложить Кирсановскому УЗУ передать в музейный отдел Наркомпроса все постройки в имении «Караул». Согласно распоряжению зав. музейным отделом Главнауки от 25 ноября 1922 г. на основании декрета СНК от 16 сентября 1921 г. парк бывшего имения Чичериных «Караул», площадью в 35 десятин со всеми постройками и фруктовым садом и парк-лес, площадью 18 десятин – признаны неприкосновенными памятниками природы и подлежат ведению музейного отдела Главнауки Наркомпроса, охрана возлагается на Тамбовский Губмузей. Виновные в нарушении распоряжения будут привлечены к законной ответственности[33]. По воспоминаниям А.В. Чичерина, «в верхних комнатах караульского дома был устроен музей, который посещали в воскресенье караульские ребятишки, да горсточки окрестной интеллигенции собирались сюда иногда»[34]. Сначала заведующим музеем был назначен Заверячев, а с 1923 по 1927 гг. – А.В. Чичерин, который исполнял обязанности только летом, поскольку он учился в Московском университете. Постоянным же хранителем музея

и его истинным хозяином был Сергей Михайлович Заверячев******** **(ил. 13),** племянник Ивана Андреевича Заверячева, он жил постоянно в одной из комнат усадебного дома[35].

Ил. 13. С.М. Заверячев, архив Г.П. Заверячевой

Усадьба Караул была объектом обследования и многих других комиссий. Например, акт от 7 августа 1924 г. комиссии под председательством заведующего Тамбовской рабоче-крестьянской инспекции (ГРКИ) Березняковского по осмотру бывшего имения Чичериных фиксирует, что размер хозяйства на тот момент составлял 36,90 десятин земли. В имении находился командируемый для научных работ Наркомпросом, Академическим центром А.В.Чичерин. На право проживания имел удостоверение за № 7086 от 14 июня 1924 г. Хозяйством заведовал Заверячев, сын прежнего управляющего, назначенный Главмузеем, который сдал сад в аренду за 175 р. Жилые постройки частично использовали под квартиры граждан, квартирная плата поступала в распоряжение управляющего, покос из парка и сада шел на продажу. В главном корпусе имения размещался детский дом имени Г.В.Чичерина на 120 человек. Взаимоотношения между детским домом и управляющим были натянутыми, поскольку детский дом был лишен права пользоваться землей и садом. Все получаемые суммы шли на содержание управляющего, фактически Главмузей жил за счет основного капитала и в перспективе проживал все материальные ценности, а музей не использовался. По мнению комиссии, «использовать его окружающее население не могло, и самое целесообразное перевезти культурные ценности в Москву или в другой культурный центр. Командирование гражданина Чичерина для научных работ влечет не малые расходы, и к тому же пребывание управляющего нервирует жителей. Всю землю и все постройки комиссия считает необходимым передать через УЗУ детскому дому»[36].

Вопрос о принятии в ведение Губоно музея-усадьбы «Караул» был рассмотрен на особом совещании при Главнауке 1 июля 1927 г. Участники пришли к следующим выводам: предполагаемое Губоно использование усадьбы под детдом является неприемлемо, так как совместное пребывание на одной территории детдо-

ма и музея угрожает целостности последнего и даже ведет к его разрушению, поэтому Губоно надлежит разработать план использования усадьбы при условии вывода детдома и предоставления надлежащего помещения для дома отдыха, санатория, агропункта, но не под учебное заведение. Музей должен сохранить некоторое самостоятельное положение и быть связан с Кирсановским музеем, как в смысле общего руководства, так и ответственности за сохранение музейного имущества. Архив Бориса Николаевича надлежит вывозу в Государственную библиотеку СССР имени Ленина, где сосредоточен остальной архив ученого. Все остальное имущество музея передается Губоно на условии, что в случае неудовлетворительности его охраны музей будет ликвидирован, а все имущество его распределено по указанию Главнуки, причем кабинет Бориса Николаевича будет вывезен целиком в Москву и передан библиотеке. Главнаука просит Губоно срочно сообщить о согласии на вышеуказанные условия. В ответном сообщении от 23 апреля 1927 г. Губоно не возражало против передачи архива и кабинета Бориса Николаевича Чичерина в библиотеку им. Ленина, но находило нецелесообразным оставлять музей художественно-бытового значения при усадьбе «Караул» и ходатайствовало перед Главнаукой о разрешении перевести музей и обстановку музейного значения в Тамбовский губернский научно-художественный музей. Что же касается главного дома усадьбы «Караул», то Губоно считает необходимым использовать его в связи с указанием Главнауки,... по соглашению с Кирсановким УИК – м.[37]

Согласно постановлению СНК от 2 июля 1927 г. (протокол № 41) и циркуляру (НКП № 45) Отдел по делам музеев Главнауки Наркомпроса 29 ноября 1927 г. за № 50676 сообщил Тамбовскому Губоно, о том, что усиление охраны провинциальных музеев возлагается на местные исполкомы. По вопросу о назначении милиционеров для охраны Музея-усадьбы «Караул» Главнаука предлагает обратиться к Тамбовскому ГИКу. Вместе с тем отдел Главнауки просит Губоно ускорить ответ на №5101 от 1 июля с.г. по поводу передачи в их ведение Музея-усадьбы «Караул», к осуществлению которой с выводом из усадьбы детдома устранены все препятствия[38].

Поскольку идея о существовании музея и детского дома в караульском доме не нашла одобрения в Главнауке, в 1927 г. музей был закрыт, а кабинет Бориса Николаевича, библиотека переданы в Государственную библиотеку им. Ленина (ныне РГБ), уголок караульской гостиной экспонируется в Доме-музее Г.В. Чичерина. Следует отметить, что усадьба «Караул» находилась на учете Губмузея и тогда, когда в соответствии с распоряжением от 5 августа 1925 г. за № 10322 в Тамбовской губернии были сняты с учета 22 усадьбы. Согласно постановлению Губисполкома от 22 июля 1927 г. за № 60 имение «Караул» с музеем и парками при нем состояло под охраной на учете музейного отдела Главнауки, поскольку в нем имелись не вывезенные художественные ценности[39]. В целях увековечения памяти первого наркома иностранных дел Г.В. Чичерина 25 января 1967 г. Тамбовский облисполком постановил: согласно решению исполкома Инжавинского районного совета депутатов трудящихся от 30 декабря 1966 г. за № 610 на здании караульского детского дома установить мемориальную доску.

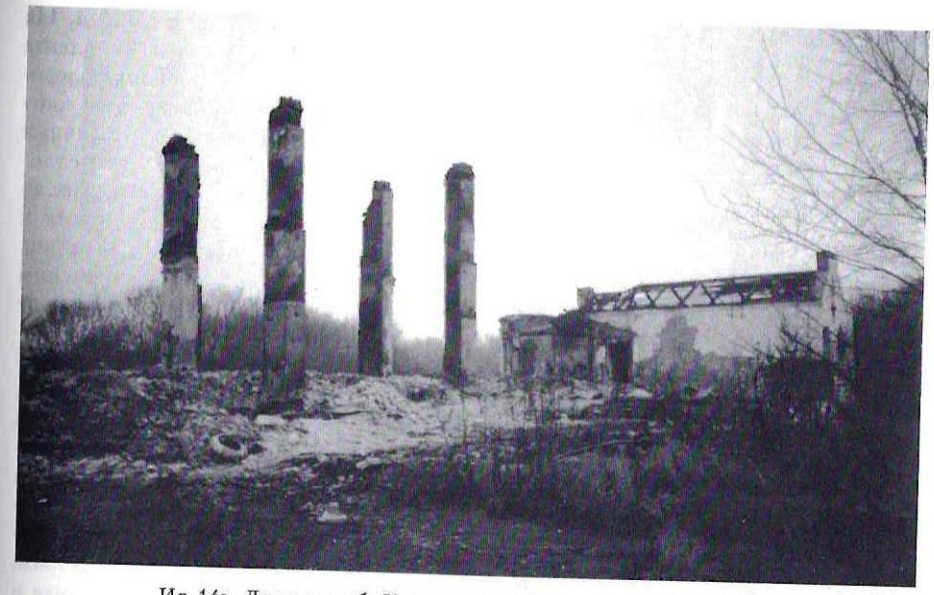
В 1970 г. в соответствии с решением исполкома Инжавинского райсовета № 179 от 2 июня 1969 г. по заказу колхоза «Новый быт» институтом «Тамбовгражданпро-

Ил. 14. Дом в усадьбе Караул на утро после пожара 3.10.1996 г., фото А. и Б. Ладыгиных

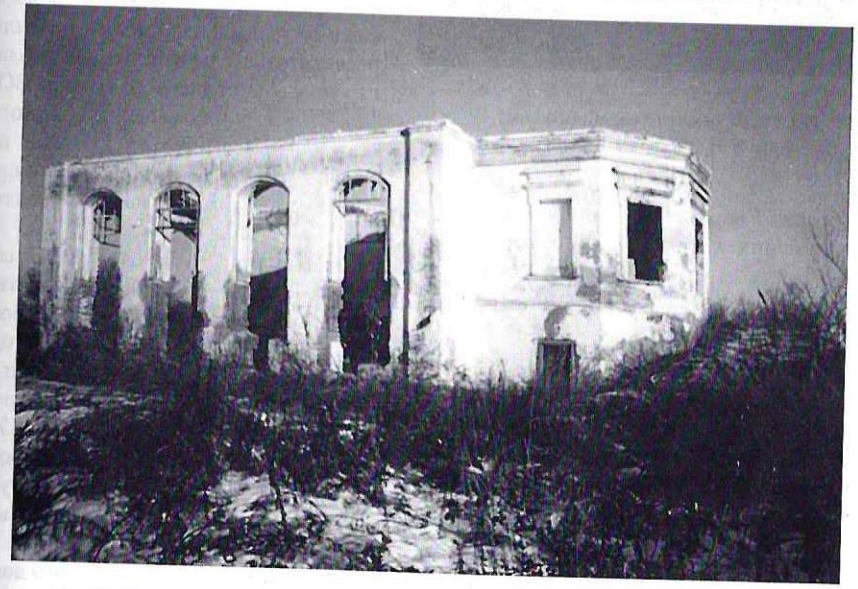
ект» был разработан проект (архитектор Г.М. Лунькина) на строительство Дома-музея Г.В. Чичерина в центре с. Караул, южнее на 150 м от основного здания. К сожалению, этот план не был реализован. Спустя 17 лет (12 декабря 1987 г.) Дом-музей Г.В. Чичерина был открыт в г. Тамбове по ул. Советской, 63 в бывшем барском доме городской усадьбы дипломата в отставке В.Н. Чичерина (отца Г.В. Чичерина)[40].

15 февраля 1971 г. Тамбовский облисполком вынес распоряжение № 108 «О реконструкции Дома-музея Б.Н.Чичерина в селе Караул с объемом капиталовложения 11,6 тыс. руб.[41] В соответствии с постановлением Совмина РСФСР за № 624 от 4 декабря 1974 г. усадьба Чичериных «Караул» (фундаменты главного дома, церкви, флигель, дом для гостей) хоздвор, парк, была принята на госохрану. На заседании президиума Совета Тамбовского областного отдела ВООПИК от 22 марта 1977 г (протокол №12.) обсуждался вопрос о выделении средств на ремонт памятника истории – дома Чичериных в селе Караул Инжавинского района, согласно смете в сумме 1 миллион 163 р. 32 коп.[42] 21 апреля 1978 г. вышло распоряжение Облисполкома от «Об установлении охранных досок на памятниках истории культуры», стоящих на государственной охране, в том числе в селе Караул, где родился, часто бывал и заботился о его сохранности Г.В. Чичерин[43].

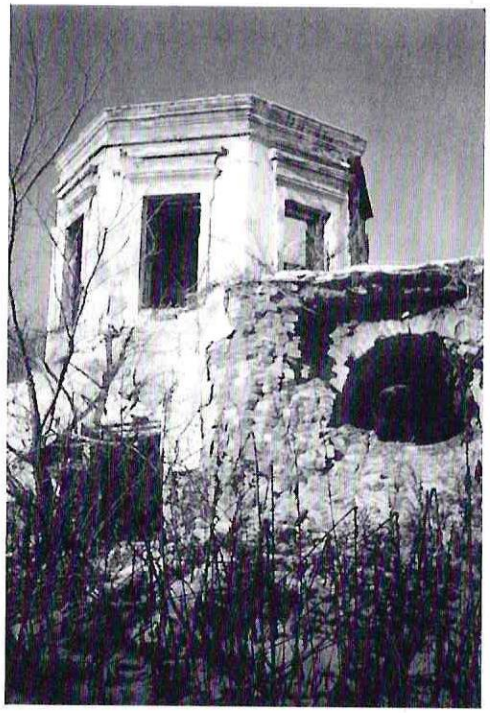
Пока в усадебном доме размещалось детское учреждение для сирот (до 1992), помещение поддерживалось. После переезда дома в новое здание усадьба осталась совершенно бесхозной. В 1996 г . 2 ноября из-за пожара памятник истории и куль-



Ил. 14а. Дом в усадьбе Караул на утро после пожара 3.10.1996 г. На заднем плане сохранившийся флигель дома. Фото Т.В. Ладыгиной



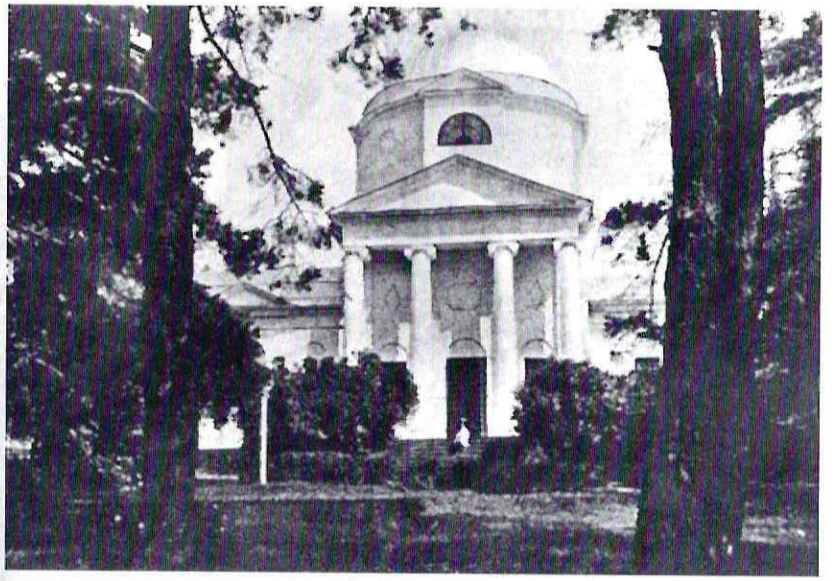
Ил. 15. Сохранившийся флигель усадебного дома, фото Т.В. Ладыгиной, 1996 г.



Ил. 16. Фрагмент усадебного дома,
фото Т.В. Ладыгиной, 1996 г.

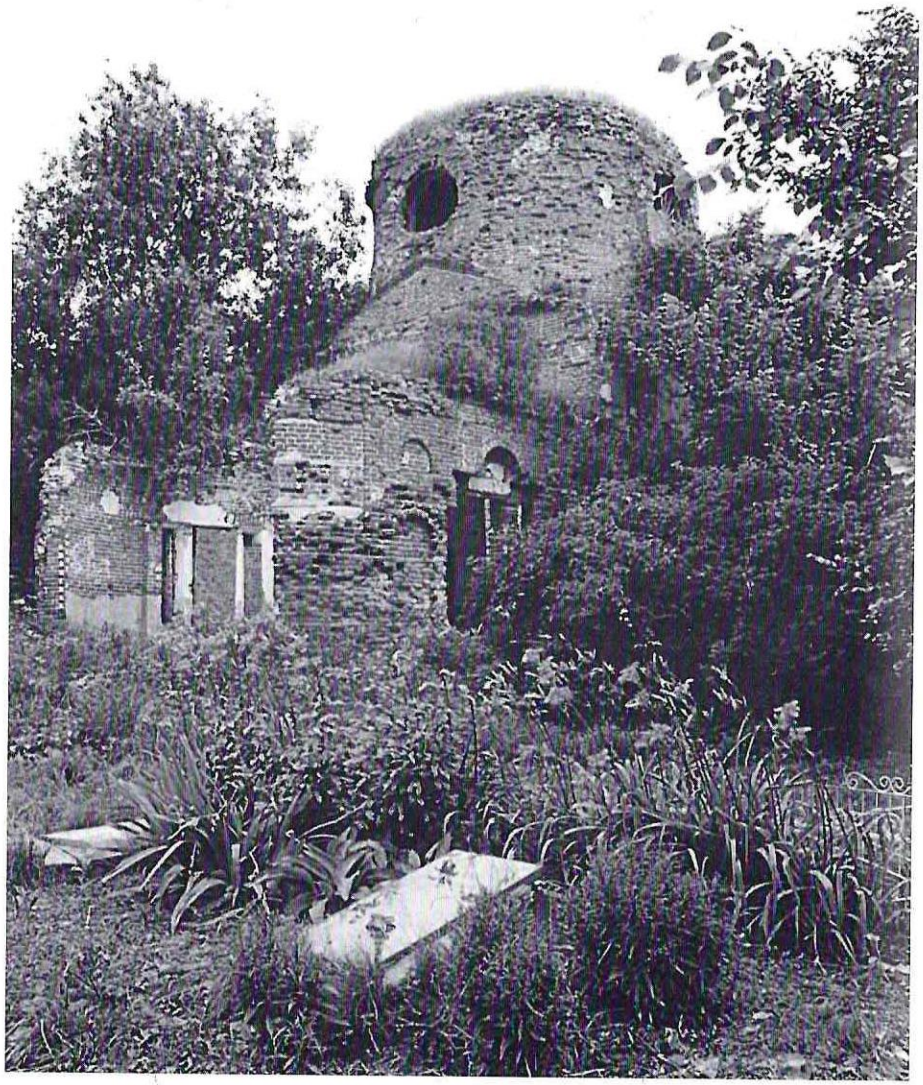
туры был утрачен вовсе **(ил. 14, 14а - 16)**. Представителем Президента РФ в Тамбовской области Валерием Ковалем были направлены соответствующие письма в различные инстанции с просьбой незамедлительно провести служебное расследование с целью привлечения к ответственности должностных лиц. По данному факту Инжавинским РОВД было возбуждено уголовное дело, велось расследование, ход следствия был взят под контроль прокуратурой области. Проведенной проверкой областной прокуратуры было установлено, что причиной аварийного состояния и невозможности обеспечения сохранности усадебного дома послужили: отсутствие финансирования бывшим колхозом, затем кооперативом «Новый быт» и Тамбовским областным управлением народного образования, на чьем балансе усадьба находилась; не были рассмотрены администрацией области просьбы областного Совета ВООПИКа и управления народного образования о передаче усадьбы на баланс какого-либо предприятия, в частности, Уваровского химического завода, института «Тамбовгражданпроект», предлагавших взять ее на свой баланс[44].

Несмотря на трагическую судьбу имения «Караул», в настоящее время сотрудники Дома-музея Г.В. Чичерина (г. Тамбов) и некоммерческое партнерство «Четвертое измерение» с 2002 г. пытаются реанимировать решение проблемы возрождения усадьбы «Караул». Программа сотрудничества включает в себя ежегодную организацию молодежного лагеря «Духовное возрождение». Ее участники в селе Караул Инжавинского района Тамбовской области расчистили часть парка усадьбы, территорию некрополя семьи Чичериных, прилежащую к церкви **(ил. 17)**, установили памятный знак рядом с единственной, чудом сохранившейся, надгробной плитой Н.В. Чичерина[45] **(ил. 18)**, а настоятель местного храма освятил плиту и отслужил панихиду по усопшему. Под раскрытыми полами бывшей церкви Святой Троицы **(ил. 19-20)** обнаружили изразцовые ее покрытия, следы от печей. В этой работе так же принимают участие и воспитанники Караульского детского дома имени Г.В. Чичерина, над которым не перестают шефствовать сотрудники Мини-

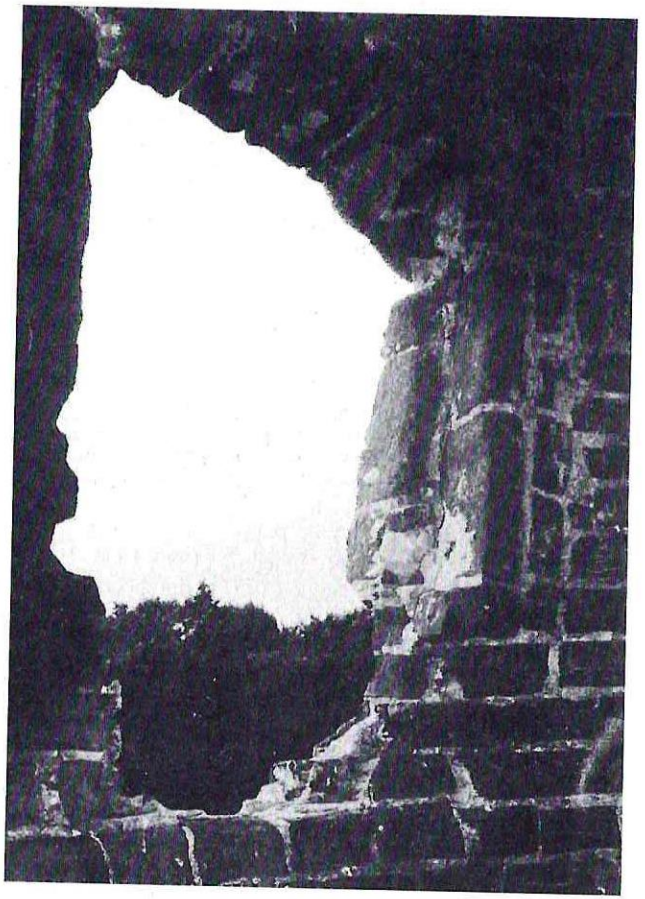


Ил. 17. Церковь Св. Троицы в усадьбе Караул, фото 1914 г.
Ж. "Столица и усадьбы", № 11, 1914 г.

Ил. 19. Руины церкви Св. Троицы в имении Караул, фото Т.В. Ладыгиной, 1996 г.



Ил. 18. Руины церкви Св. Троицы и надгробная плита на могиле Н.В. Чичерина, фото Т.В. Ладыгиной, 1996 г.



Ил. 20. Фрагмент церкви Св. Троицы в имении Караул, фото Т.В. Ладыгиной, 1996 г.

стерства иностранных дел России. В рамках НИРС на кафедре «Архитектура и строительство зданий» Тамбовского государственного технического университета в 2008 г. с отличием были защищены два дипломных проекта, посвященные воссозданию усадьбы, господского дома и реконструкции церкви Святой Троицы в селе Караул Инжавинского района Тамбовской области. Эти темы представлены на Международный фестиваль «Зодчество – 2008» в номинации «Смотр-конкурс творчества студентов архитектурных вузов и колледжей» в Москве. Думается, что с дальнейшим развитием темы усадебной культуры на Тамбовщине возрождение музея – заповедника Чичериных в Карауле станет неизбежным.

ПРИМЕЧАНИЯ

* В начале главным советчиком по преобразованию усадьбы был друг семьи Чичериных Николай Иванович Кривцов (1791–1845), участник Отечественной войны 1812 г., дипломат, губернатор ряда губерний, друг Пушкина, после его смерти был Сергей Абрамович Боратынский (1787–1866) – врач, младший брат поэта Е.А. Боратынского, сосед и друг Чичериных.

**Лебедев Алексей Васильевич (1888–1944) родился в селе Коробовка Тамбовской губернии в семье священника. С 9 октября 1918 г. сотрудник музейного отдела Наркомпроса, член коллегии подотдела провинциальной охраны, зав. секцией охраны памятников искусств и старины Тамбовского Губнаробраза (февраль–октябрь 1920), искусствовед, сотрудник, член ученого Совета Государственной Третьяковской галереи (1921–1944) [7, с. 126–128; 8, с. 23–28]. Согласно постановлению коллегии отдела просвещения при губисполкоме по музейному делу за № 7, Лебедев 1 июля 1919 г. был назначен временно исполняющим обязанности зав. секцией изобразительного искусства музейного подотдела. [ГАТО, ф. Р-1404, оп.1, д. 98, л. 30]. В этом же году Лебедевыми А.В и Н.Н. были обследованы не только имение «Караул», в котором еще пока все находилось в целостности, но и ряд других имений, а также ими зарегистрированы были ряд архитектурных памятников и предметов церковной старины. [ГАТО, ф. Р-1404, оп.1, д. 366, л. 15, 15об].

*** Алексей Владимирович Чичерин (1899/1900–1989) – литературовед, педагог, доктор филологических наук (1957), профессор Львовского государственного университета, лауреат премии АН БССР им. В.Г. Белинского (1979), сотрудник государственного ученого Совета Наркомпроса. Согласно постановлению коллегии Тамбовского Губнарнаробраза от 17 февраля 1919 г., А.В. Чичерин, 20-тилетний студент Московского университета, с 1 марта был назначен временно исполняющим обязанности зав. секцией личного состава. Работал в должности инструктора подотдела единой школы, собирал сведения о ряде имений по Моршанскому уезду, в качестве уполномоченного Главмузея принимал участие в проверке имущества и описей художественно-культурных ценностей и их эвакуации из родового имения «Караул».[ГАТО, ф. Р-1404, оп. 1, д. 102, л. 29об]. См. там же: д. 98, л. 29; д. 366, л. 15; д. 251, л. 40, 40об.

**** Рябов – зав. отделом управления Кирсановского губисполкома, председатель комиссии по расследованию дела о занятии штабом боеучастка №6 караульского дома, особоуполномоченный по организации войск ВЧК в Тамбовской губернии, уполномоченный Губчека.

***** Петр Николаевич Черменский (1884–1973) – историк, краевед, профессор Тамбовского университета, научный сотрудник Тамбовского губархива (1920), зав. историко-археологическим отделом Тамбовского губмузея 1920–21 гг., директор, зав. губернским управлением по делам музеев, охраны памятников искусства, старины и природы при Тамбовском губнаробразе 1920–23 гг. В 1931 г. был арестован по т.н. «делу краеведов» ЦЧО, осужден на 10 лет и отбывал в заключении в Соловецком лагере, досрочно освобожден (1939) из Беломоро-Балтийского лагеря НКВД и вернулся на родину в Лебедянь. См.: *Алленова В.А.* История тамбовского краеведения (XIX – 30-е гг. XX вв.): монография / *В.А. Алленова, Ю.А. Мизис* – Тамбов, 2000. С. 334–373.

****** Анатолий Владимирович Шеманский (1904–1941) –представитель

Губнаробраза и член комиссии по обследованию и проверке имущества в бывшем имении Б.Н. Чичерина, полномочный представитель музейного отдела Наркомпроса по охране имения «Караул», заведующий подотделом губернского музея по охране памятников искусства и старины (с 1921–1922). В 1924 г. он работал в библиотеке и гравером в научно-художественном музее. В разгар сталинских репрессий в 30-е годы помощник директора по научной работе Петергофских дворцов – музеев А.В. Шеманский был арестован по ст. 58 УК РСФСР и осужден на 15 лет. Благодаря откровенному письму, отправленному А.В. Шеманским на имя Председателя Верховного суда СССР, в котором он по пунктам доказал свою непринадлежность к контрреволюционной группировке (вменяя ему дворянское происхождение), вскоре был освобожден. [ГАТО, ф. Р-1404, оп. 1, д. 11406, л. 29.]; *Кострова А.* Украденные дворцы. / *А. Кострова, С. Бернев*//Невское время. – 2008. – 15 июля.; yuru@pompeev.ru.

******* Троцкая Наталья Ивановна (1882–1962) – урожденная Седова, педагог, зав. отделом по делам музеев Наркомпроса с 1918 г., считала главной задачей отдела – вести строжайший всеобъемлющий учет историко-художественных ценностей, уделяла особое внимание защите ценностей усадьбы Чичериных в с. Караул и организации в ней музея. Н.И. Троцкая защищала своих сотрудников дворянского происхождения как крупных профессионалов музейного дела от притеснений, обысков, арестов, старалась облегчить их материальное положение В 1927 г. ей пришлось оставить должность зав. отделом из-за преследования ее мужа – председателя Реввоенсовета и наркома по военным и морским делам Л.Д. Троцкого. В 1928 г. Л.Д. Троцкий и его семья высылаются в Казахстан, а в феврале 1929 г. – за границу. Н.И. Троцкая умерла в 1962 году во Франции и похоронена в Мексике рядом с прахом своего мужа [8, с. 9–17].

******** В селе Ново-Никольское Мичуринского района Тамбовской области в личном архиве Галины Петровны Заверячевой, невестки С.М. Заверячева, хранятся альбомы в бархатном переплете с фотографиями имения «Караул» и его обитателей, а также письма. В одном из писем от 15 февраля 1925 г. Борису Сергеевичу Заверячеву секретарь Инжавинского райкома партии Тамбовского области Алексей Егорович Решетов просит его прислать фотографии, биографическую справку и личные вещи отца – участника гражданской войны Сергея Михайловича и материалы о Г.В. Чичерине для вновь создающегося историко– краеведческого Инжавинского музея [примеч. автора, согласно личному знакомству с Г.П. Заверячевой].

Кученкова В.А. Асеевы / Тамбов, 1999. – 40 с.; Русские усадьбы. – Тамбов, 2001. – 144 с.; *Квасова Т.А.* Караул усадьба Чичериных // Русские провинциальные усадьбы XVIII нач. XX в. / сост. *Р.А. Андреева, Л.Ф. Попова.* – *Воронеж*, 2001. – С. 417–423; *Соболева А.А.* Возрождение усадебной культуры // Мир библиографии. – 2006. – №1. – С. 21–28; *Комягина Е.В.* Судьба культурного наследия Тамбовских дворянских усадеб в нач. XX в. // Тамбовская губерния: вехи истории: сб. материалов ист.-краевед. чтений. – Тамбов, 2004. – С. 46–51.

Караул// Столица и усадьба [СПб]. – 1914. – №11. – С. 4–9.; Паспорт на усадьбу «Караул», составленный 15 нояб. 1978 *М.Ф. Рыбкиной, Н.А. Винорубовой; Н.А. Квасовой, И.К. Котовой* (1990) // ГАТО, ф. 5087, оп. 1, д. 1156.; Дом-музей Чичерина (далее ДМЧ) НВФ №881; Воспоминания Б.Н. Чичерина // Российский архив: история отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. – М., 1999. – Вып. IX. – С. 89–135.

[3] ГАРФ, ф. 1154. оп. 1, д. 923, 11 л. Духовное завещание Н.В. Чичерина 1850–51гг.
[4] *Гульбинский И.В.* Б.Н. Чичерин: библиогр. очерк: отд. оттиск из журн. «Библиогр. известия». – М., 1914, с. 25; *Соболева А.А.* Персонография Б.Н. Чичерина / *А.А.Соболева, И.М. Сидорова* // Государство и общество в творчестве Б.Н. Чичерина и современность: материалы междунар. науч. конф., 18-19 мая 2006. – Тамбов, 2006, с. 122–130.
[5] Письма Б.Н. Чичерина к А.А. Капнист (А.А. Чичериной) // ОР РГБ, ф. 334, оп. 2, к. 53, ед. хр.3, 4, л. 3-4, 5-6, 10, 12-12об, 18об-19, 22об. См. там же: письма А.А.Капнист к Б.Н. Чичерину; Ед. хр. 5, л. 1-1об., 3; *Андреев В.Е.* Души высокий строй: Пушкин, Боратынский, Тютчев, Борис Чичерин. – М., 2004. – С. 57.
[6] ГАРФ, ф. 1154, оп.1, д. 14, 23 л.: материалы о библиотеке Б.Н. Чичерина и списки книг А.А. Чичериной; д. 15, 21 л.: списки гравюр, принадлежащих Б.Н. Чичерина; Д. 1007, 1 л: опись картин и портретов в имении «Караул». См. также: Произведения Русского и западноевропейского искусства: из коллекции Б.Н. Чичерина в собрании Тамбовской областной картинной галереи / авт.-сост. *Е.И. Саляхова, В.В. Рузаева.* – Тамбов, 1990, с. 44.
[7] *Кончин Е.* Революцией призванные: рассказы о Московских эмиссарах. М., 1988, С. 122–141.
[8] *Кончин Е.* Опломбированный вагон из Тамбова: архивные поиски и находки. Тамбов, 2007. С. 88.
[9] *Толстой Л.Н.* Педагогические сочинения. М., 1989. С. 544 .
[10] РГАСПИ, ф. 159, оп.1, д. 3.
[11] ГАРФ, ф. 1154, оп. 1, д. 935, л. 3-4.
[12] ГАРФ, ф. 1154, оп. 1, д. 157, л. 105, 107–108.
[13] ГАРФ, ф. 1154, оп. 1, д. 938; д. 941, л. 1-14; д. 589; *Кизельштейн Г.Б.* Молодые годы Г.В.Чичерина по материалам неопубликованной переписки // Прометей: ист.-биогр. альманах. М., 1969. Т. 7. С. 235; *Наумов Е.Ю.* Переписка Г.В. с Б.Н. и А.А Чичериными в фондах московских архивов// Археогр. ежегодник 1980 г. М., 1981.С. 212–226; ДМЧ НВ, ед. хр. № 149.
[14] ГАРФ, ф. 1154, оп. 1, д. 942, 1 л.; ГАТО, ф. Р-955, оп. 1, д. 560, л. 3, 3об.; ГАТО, ф. Р –1404, оп. 1, д. 387, л. 89; ГАТО, ф. Р-17, оп. 1, д. 57, л. 316–316; ДМЧ НВ, ед. хр. №№ 157–165.
[15] ГАТО, ф. Р-1404, оп. 1, д. 387, л. 90. (удостоверение, выданное от 11 июня 1919 г. И.А. Заверячеву); ф. Р- 955, оп. 1, д. 560, л. 4. См. также: доклад эмиссара Лебедева от 14.05.1920. ГАТО, ф. Р-1404, оп. 1, д. 251, л. 239; письмо Е.Чичериной (урожденной Говард) И.А. Заверячеву. ГАРФ, ф. 1154, оп. 1, д. 945, 3 л.
[16] *Чичерин А.В.* Сила поэтического слова. Статьи, воспоминания. М., 1985. С. 320.
[17] ГАТО, ф. Р-1, оп. 1, д. 268, л. 162.
[18] ГАТО, ф. Р-1404, оп.1, д. 387, л. 91, 93, 95, 96.
[19] ГАТО, ф. Р–1404, оп. 1, д. 387, л. 92, 96.
[20] МИД, ф. Р–04, оп. 59, порт. 56388, папка 391, л. 4,5; ДМЧ НВ, ф. № 588.
[21] ГАТО, ф. Р–1404, оп.1, д. 387, л. 78, 99.
[22] ГАТО, ф. Р–1404, оп. 1, д. 387, л. 98. См. также: акты от 1 авг. 1921, л. 97, с 4 по 11 авг., л. 100-107.
[23] ГАТО, ф. Р–1404, оп. 1, д. 387, л. 79, 104, 106.
[24] ГАТО, ф. Р–1404, оп. 1, д. 387, л. 75, 78.
[25] ГАТО, Ф. Р –1404, оп. 1, д. 187, л. 145–146. См. также: ГАТО, ф. Р-1404, оп. 1, д. 387, л. 74–75, 79, 104–107.

[26] ГАТО, ф. Р–1404, оп. 1, д. 387, л. 73–75. См. то же: д. 388, л. 116, 118; д. 390, л. 2–4.
[27] ГАТО, ф. Р–1404, оп. 1, д. 311, л.199.
[28] ГАТО, ф. Р–1404, оп. 1, д. 299, л. 332-334.
[29] ГАТО Ф.Р–1404, оп.1, д. 598, л.12.
[30] ГАТО, ф. Р–1404, оп. 1, д. 288, л. 93; ГАТО, ф. Р–1404, оп. 1, д. 598, л.10.
[31] ГАТО, ф. Р–1404, оп. 1, д. 598, л. 20, 10.
[32] ГАТО, ф. Р–1404, оп. 1, д. 380, т. 2, л. 847–851.
[33] ГАТО, ф. Р–1404, оп. 1, д. 376, л. 307, протокол 143 заседания президиума Тамбовского губисполкома от 16 нояб. 1922 г.; то же: д. 377, л. 279. См. также: ф. Р–1404, оп.1, д. 780а, л. 29.
[34] См. указ. соч. 16, с. 305.
[35] См. указ. соч. 7, с. 140, соч. 8, с. 32.
[36] ГАТО, ф. Р–17, оп. 1, д. .362, л. 138, 138 об. См. также: ГАТО, ф. Р–1404, оп. 1, д. 1140а., л. 11, 13, 15–15 об.
[37] ГАТО, ф. Р–1404, оп. 1, д. 1323, л. 38–39, 39 об.
[38] ГАТО, ф. Р–1404, оп. 1, д.1323, л. 40.
[39] ГАТО, ф. Р–1404, оп. 1, д.1494а, л. 32, д. 1323, л. 11, 20, 20 об, 26, 29–30.
[40] ГАТО, ф. Р–3443, оп. 5, д. 3952, л. 168; ГАТО, ф. Р–4173, оп. 2, д. 279, договор 2284. 54л.
[41] ГАТО, ф. Р–3443, оп. 1, д. 4681, л. 21.
[42] ГАТО, ф. Р–5302, Тамб. обл., отдел ВООПИК, оп.1, д. 227, л. 15–17.
[43] ГАТО, ф. Р–5302, Тамб. обл., отдел ВООПИК, оп. 1, д. 243, л.1.
[44] Обстоятельства гибели усадьбы Чичерина// Тамб. курьер. 1997. 26 янв. (№3). С. 12; *Веселовская Н.* Дом в Карауле // Город на Цне. – 1997. – 1 окт.
[45] *Сокрушаева Л.* Психотерапия села Караул, или Как мы устанавливали надгробную плиту Чичериных // Город на Цне. – 2002. – 24-30 июля. – С. 6; *Матюшина. М.* Малой родиной надо гордиться // Тамб. курьер. – 2003. – 1 сент. – № 31. – С.25; *Сокрушаева Л.* Некрополь Чичериных будет восстановлен // Комсом. правда [Тамбов]. – 2002. – 5 июля; *Кленова С.* Место встречи с самим собой// Регион-68 – 2006. – № 9–10. – С. 42–44.

А.Б. НИКИТИНА
Санкт-Петербург

ЗАПИСКИ ПРАСКОВЬИ НИКОЛАЕВНЫ ЛЬВОВОЙ

Прасковья Николаевна Львова (28.10.1793 – 03.02.1839) – младшая дочь Николая Александровича Львова и Марии Алексеевны, урожд. Дьяковой, сестры второй жены Г.Р. Державина Дарьи Алексеевны. После смерти Н.А. Львова (в 1803 г.) Державин был официально назначен опекуном детей Львова. Не имея собственных детей ни в первом, ни во втором браке, он воспитывал многочисленных племянников и племянниц, которые жили в его доме. На лето все семейство выезжало в Званку.

Прасковья Николаевна, вместе с сестрами Елизаветой и Верой, жила в доме Державина, оставаясь там и тогда, когда сестры вышли замуж: Елизавета, вопреки воле опекуна, – в 1810 г. за двоюродного брата своего отца Федора Петровича Львова, вдовца с десятью детьми; Вера – в 1812 г. за генерала Алексея Васильевича Воейкова. Прасковья же покинула дом Державиных лишь в 1819 г., выйдя замуж за Константина Матвеевича Бороздина (13.05. 1781 – 10.05. 1848).

Бороздин принадлежал к старинному дворянскому роду, который произошел от Юрия Лозыныча, выехавшего в 1327 г. из Волынской земли к тверскому князю Александру Михайловичу. Правнук его, Иван Васильевич, имел прозвище Борозда, от которого его сыновья и внуки стали зваться Бороздиными. Сын Ивана Васильевича – Сергей, в иночестве Савва, умерший в 1461 г., причислен к лику святых (Савва Вишерский). Им был основан под Вишерой монастырь, названный в последствии его именем – Савво-Вишерский.** В этом монастыре были похоронены многие представители рода Бороздиных, в том числе родители Константина Матвеевича – отец Матвей Корнильевич (1753 – 1817), близкий друг Г. Р. Державина, и мать Варвара Ивановна, урожд. Панфилова (ум. в конце1818), дочь духовника Екатерины II. Позднее там же были похоронены и сам Бороздин с супругой.*

Родился Константин Матвеевич в Санкт-Петербурге. Образование получил домашнее. Зачислен был в Преображенский полк. В 1809 г., по повелению императора Александра I, Бороздин предпринял научное путешествие по России, в сопровождении назначенных к нему А. И. Ермолова и художника Иванова... Результатом этого путешествия явилось собрание великолепных акварелей, составивших четыре огромных альбома, которые хранятся в РНБ.

В 1816 г. он был определен на службу в Польше при сенаторе Н.И. Новосильцеве, откуда возвратился в конце 1818 г. Вскоре он был причислен к герольдии. С 1826 по 1832 годы Бороздин состоял попечителем санкт-петербургского учебного округа, а с 1833 г. и до самой смерти – сенатором. Писатель, историк, генеалог, Константин

Матвеевич оставил существенный след в развитии отечественной культуры.

Следует отметить, что К.М. Бороздин был одним из душеприказчиков Дарьи Алексеевны Державиной, которая писала в своем завещании: «Пользуясь родственным расположением Константина Матвеевича Бороздина, Леонида и Александра Николаевичей Львовых,[1] я прошу их после смерти моей, написанную в сем завещании моем последнюю волю привести в действительное исполнение и не допускать вышеописанных лиц до споров»[2]. Леонид и Александр дали Бороздину доверенности действовать на его усмотрение. Бороздин написал прошение оставить за ним дом Державина на Фонтанке[3] и 22 февраля 1843 г. последовало постановление петербургского Магистрата – отдать дом Бороздину[4].

Вскоре после возвращения из Польши Бороздин в доме Державина был представлен Прасковье Николаевне и сразу был очарован ею. Их первая встреча состоялась, согласно воспоминаниям Прасковьи Николаевны, 13 ноября 1818 г. События развивались стремительно: 26 ноября Бороздин сделал предложение, а 31 января 1819 г. они обвенчались в Морском Никольском Богоявленском соборе[5].

Очарование и грациозность Прасковьи отмечали все, кто знал ее. В стихотворении «Три грации» (1806), посвященном племянницам Львовым, Державин писал о Прасковье: «Пленяет третия огнем своих очей: от ангелов стрела неизбежима...».[6] Как и все дети Львовых, она обладала красотой и талантами, прекрасно пела, играла на арфе, гитаре и фортепьяно, участвовала в домашних спектаклях. «Очаровательную грациозность в танцах меньшой племянницы» отмечал, вспоминая балы в доме Державина, поэт В.И. Панаев[7]. Софья Васильевна Скалон (урожд. Капнист), двоюродная сестра Прасковьи, дочь Василия Васильевича Капниста и Александры Алексеевны (урожд. Дьяковой), в своих воспоминаниях писала о Прасковье: «Кузина наша... была очень мила, хорошенькая брюнетка, удивительно как привлекательна и скромна»[8].

Известно, что крупнейшие художники России второй половины XVIII – первой половины XIX в. – Д.Г. Левицкий, В.Л. Боровиковский, В.Д. Поленов, И.А. Крамской и др. – создавали портреты Н.А. Львова, Г.Р. Державина и круга их родных и близких. К сожалению, ни одного портрета Прасковьи Николаевны нам обнаружить не удалось.

Все дочери Н.А. Львова, общаясь в кругу современников Державина (литераторов, людей искусства), многое почерпнули от общения с ними, с великим поэтом, со своими родителями, и, будучи от природы одаренными, оставили нам свои воспоминания.

Еще совсем юная Прасковья Львова под влиянием своей учительницы Леблер-Лебеф, которая заставляла ее для совершенствования во французском языке, в виде упражнения записывать свои воспоминания и впечатления, начала вести дневник на французском языке. В своих дневниковых записях она описывала жизнь в Званке, путешествие, совершенное с опекунами в 1813 г. в Новгород, Псков, Киев, Малороссию – в Обуховку к Капнистам. После их отъезда Василий Васильевич 18 августа писал Державиным: «Не поверите, какую пустоту вы поселили в Обуховке: все хочется идти в ваш домик, все, кажется, вы из него выйдете». И далее, обращаясь непосредственно к Прасковье: «Целую тебя, милая Параша.

Помни, люби нас, а мы любим тебя, как душу. Всем грустно без тебя. Поцелуй от меня сестер твоих – помни Обуховку»[9].

Объемистая тетрадь с ее записками позже была передана сестрой Прасковьи Елизаветой Николаевной академику Я.К. Гроту. Он частично опубликовал «Записки» на французском, и в переводе на русском языке, поскольку они, как писал Грот, «хотя и служили ей (Прасковье Николаевне – А. Н.) ученическим упражнениям, так хорошо составлены, что читателям, конечно, небезынтересно будет ознакомиться с несколькими отрывками из тетради ея в подлиннике»[10]. Полностью текст «Записок» на русском языке был опубликован Е.Д. Кукушкиной[11].

Комментируя «Записки», автор публикации пишет, что их «условно можно разделить на две части. Первая запись, датированная 14 августа 1811 г., повествует о каждодневном времяпрепровождении Державина в Званке. ...Последующие записи велись крайне нерегулярно: 1 июля 1812 г., 15 июня 1813 г. и т. д. Впечатления о поездке в Малороссию (с 15 июня по 26 августа 1813 г.) составлены, очевидно, на основании путевого дневника. О том, что П.Н. Львова вела дневник, говорится в ее "Записках" от 17 августа 1813 г. Первая часть "Записок" завершается описанием событий 18 июня 1814 г. Следующая запись, начатая 29 июля 1816 г., через три недели после смерти Державина, по сути, составляет вторую и большую часть "Записок". Выдержанные в совершенно иной тональности, эти записи делаются уже не для упражнений во французском языке, но отвечают внутренней потребности их автора», поскольку повествуют о трагедии постигшей всю семью – о смерти Г.Р. Державина, – «ощущением невозвратимой утраты пронизана вторая часть "Записок"»[12].

Прасковья Николаевна подробно описала последние дни и часы жизни Г.Р. Державина, она присутствовала при его кончине, была рядом с ним при последнем его вздохе, он умер на ее руках. И об этом она подробно написала: «...Он приподнялся немного и испустил глубокий и долгий вздох, я перекрестилась из чувства признательности и в надежде увидеть, что он откроет глаза. Больше я ничего не слышала. Лица врача и слуги изменились от испуга, и, вне себя, я заподозрила, уж не последнее ли дыхание его я слышала. "Дышит ли он? – закричала я... – во имя Неба, ответьте мне", сказала я доктору. "Посмотрите сами" – ответил он, подставляя мне руку дяди, чтобы я пощупала пульс. Я взяла эту дорогую руку, я ее поцеловала, она была еще теплой, но биение пульса прекратилось. Я прикоснулась губами к его губам и не почувствовала дыхания. Какой момент! Великий Боже! Я окаменела, все чувства, казалось, исчезли...»

На плечи Прасковьи легла тяжелая моральная обязанность: эта юная девушка в момент горя оказалась самой стойкой и сильной. Ей пришлось утешать Дарью Алексеевну, которая, по словам Прасковьи, «...ломала себе руки, испускала стоны». «...Чтобы остановить всеобщий беспорядок», Прасковья, «не имея никого, чтобы могла положиться, силой заставила себя взять ключи от дома, так, как это делала моя тетя; ко мне обращались со всем, в чем была нужда. Может быть, к своему счастью я возложила на себя эту обязанность, это заставляло меня ходить от одного места к другому, невольно занимаясь мелкими заботами».

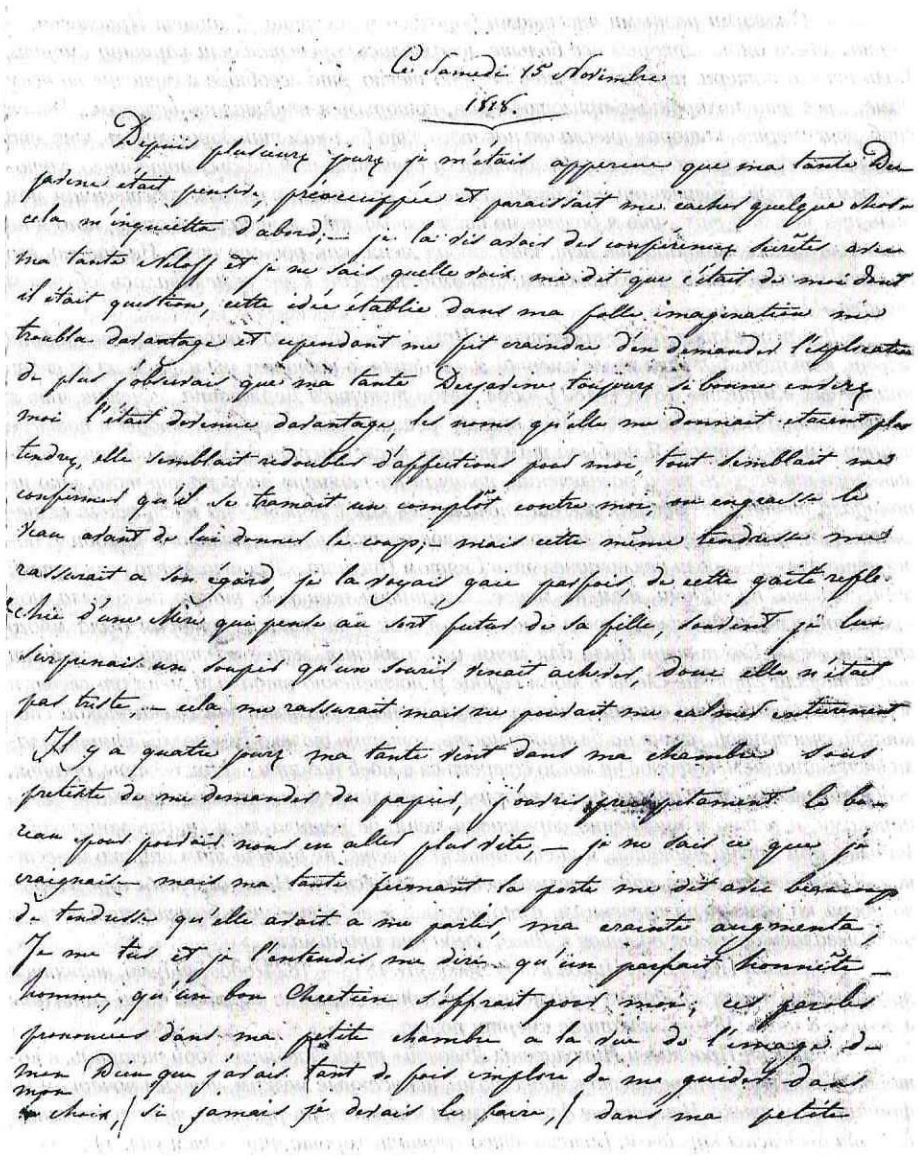
«...С какими разными чувствами боролось мое сердце, – пишет Прасковья. – Черты моего дяди, которые все больше искажались, представляли картину смерти. Боль от его потери, тревоги за мою бедную тетю, это всеобщее изменение во всем доме, ...все эти похоронные приготовления, которым я отдавалась целиком... Этот гроб, эта смерть, которая унесла от нас того, кто был нам так дорог; мысль, что эта ангельская душа ушла к своему Создателю и оставила нам бездыханное тело, которое земля скоро заберет от нас; отчаяние всех, кто меня окружал, собственная моя боль при мысли о том, что я больше не увижу того, кто заменил мне отца, кого я не покидала целых тринадцать лет, кто любил меня, как родную дочь. Не видеть его больше казалось мне невозможным; никогда прежде я не осмеливалась об этом думать»[13].

Все пережитое, о чем повествует Прасковья, во многом определило тот образ жизни, который она вела после смерти Державина, о котором мы узнаем из ее вновь найденных «Записок» 1818 – 1821 годов: «Моя тетушка Державина, заметив, что я стала слишком серьезна в последнее время, решительно пожелала, чтобы я пошла в театр с моей сестрой. Я не была там ни разу после смерти дядюшки, обычно отказывалась от всякого рода развлечений, получая настоящую радость от того, что не покидала тетушку, которая все еще печалилась как в первые дни постигшего ее несчастья, полностью отказывалась от визитов посторонних и, казалось, находила облегчение для своей боли исключительно в Святом Писании... Так что я вела замкнутый образ жизни, не будучи, тем не менее, замкнутой натурой, так велика была моя привязанность к дядюшке, хотя и не такая, как у тетушки, которая была много старше меня. Его потеря была для меня, без сомнения, менее жестокой, и все-таки она оставила глубокие следы в моем сердце и постепенно отдалила меня от света и всех развлечений. Эта смерть, такая неожиданная, эта ужасная смена такой спокойной, счастливой жизни на безнадежность, которую только Бог мог бы унять, стала воспоминанием, которое не могло стереться в моей памяти. ...Мои сестры, братья, особенно тетя, огорченные моим упорным нежеланием выезжать, донимали меня упреками, и устно и письменно спрашивая меня, не решила ли я стать монашкой... Раньше, при жизни дядюшки, я часто бывала в свете, не будучи там широко известной. Я бывала при дворе, видела великосветское общество... Наше огромное горе закрыло двери ко всяким развлечениям, в то время... я не оставляла больше тетушку, и отказывалась даже от визитов к Лизе, когда она принимала...»

«Записки Прасковьи Николаевны Львовой» 1818 – 1821годов, видимо, являются продолжением ее предыдущих «Записок», последние строки в которых были написаны в Званке 8 июля 1816 г., накануне смерти поэта.

«Записки Прасковьи Николаевны Львовой» представляет собой тетрадь, в которой двадцать четыре листа с оборотами, исписанные мелким, четким почерком на французском языке. Некоторые фразы, имена написаны по-русски, в тексте публикации они выделены курсивом. Большинство страниц хорошо читаются (ил. 1).

Но на некоторых страницах очень много исправлений, зачеркнутых слов, целых фраз и, кроме того, просвечивают чернила с оборотной стороны. Прочтение таковых листов достаточно затруднено (ил. 2).

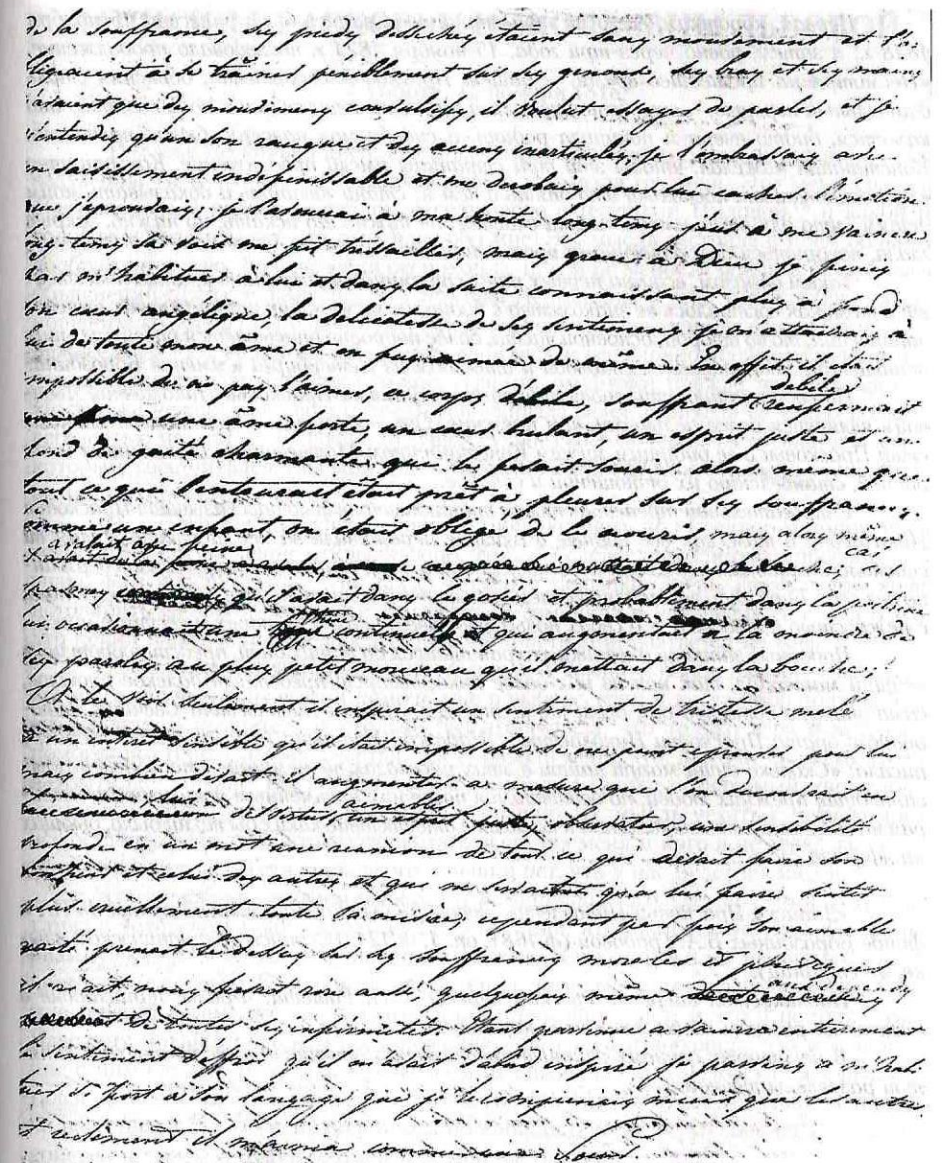


Ce Samedi 15 Novembre
1818.

Depuis plusieurs jours je m'étais apperçue que ma tante Derjavine était pensive, préoccupée et paraissait me cacher quelque chose cela m'inquiétta d'abord; — je la vis avoir des conférences secrètes avec ma tante Neloff et je ne sais quelle voix me dit que c'était de moi dont il était question, cette idée établie dans ma folle imagination me troubla davantage et cependant me fit craindre d'en demander l'explication de plus j'observais que ma tante Derjavine toujours si bonne envers moi l'était devenue davantage, les noms qu'elle me donnait étaient plus tendres, elle semblait redoubler d'affections pour moi, tout semblait me confirmer qu'il se tramait un complot contre moi, on engraisse le veau avant de lui donner le coup; — mais cette même tendresse me rassurait a son égard, je la voyais gaie parfois, de cette gaîté réfléchie d'une Mère qui pense au sort futur de sa fille, souvent je lui surprenais un soupir qu'un sourire venait achever, donc elle n'était pas triste, — cela me rassurait mais ne pouvait me calmer entièrement

Il y a quatre jours ma tante vint dans ma chambre sous prétexte de me demander du papier, j'ouvris précipitamment le bureau pour pouvoir nous en aller plus vite, — je ne sais ce que je craignais — mais ma tante fermant la porte me dit avec beaucoup de tendresse qu'elle avait a me parler, ma crainte augmenta; Je me tus et je l'entendis me dire qu'un parfait honnête — homme, qu'un bon Chretien s'offrait pour moi; ces paroles prononcées dans ma petite chambre a la vue de l'image de mon Dieu que j'avais tant de fois imploré de me guider dans mon choix, (si jamais je devais le faire,) dans ma petite

Ил. 1



de la souffrance, ses pieds desséchés étaient sans mouvement et l'obligeaient à se traîner péniblement sur ses genoux, ses bras et ses mains n'avaient que des mouvemens convulsifs, il voulut essayer de parler, et je n'entendis qu'un son rauque et des accens inarticulés, je l'embrassais avec un saisissement indéfinissable et me dérobais pour lui cacher l'émotion que j'éprouvais; je l'avouerai à ma honte long-temps j'eus à me vaincre long-temps sa voix me fit tressaillir, mais grâce à Dieu je finis par m'habituer à lui et dans la suite connaissant plus à fond son cœur angélique, la délicatesse de ses sentimens je m'attachais à lui de toute mon âme et en fus aimée de même. En effet il était impossible de ne pas l'aimer, ce corps débile, souffrant renfermait une âme forte, un cœur brûlant, un esprit juste et un fond de gaîté charmante qui le faisait sourire alors même que tout ce qui l'entourait était prêt à pleurer sur ses souffrances. Comme un enfant, on était obligé de le nourrir, mais alors même il avalait avec peine [illegible] car ses spasmes [illegible] qu'il avait dans le gosier et probablement dans la poitrine lui occasionnait une [illegible] continuelle et qui augmentait à la moindre de ses paroles au plus petit morceau qu'il mettait dans la bouche; Et le voir seulement il inspirait un sentiment de tristesse mêlé à un intérêt sensible qu'il était impossible de ne point éprouver pour lui mais combien devait il augmenter a mesure que l'on découvrait en lui des vertus aimables, un esprit juste, observateur, une sensibilité profonde en un mot une réunion de tout ce qui devait faire son bonheur et celui des autres et qui ne servait qu'à lui faire sentir plus cruellement toute sa misère; cependant par fois son aimable gaîté prenait le dessus sur ses souffrances morales et physiques il riait, nous faisait rire aussi, quelquefois même aux dépens de toutes ses infirmités. Etant parvenue a vaincre entièrement le sentiment d'effroi qu'il m'avait d'abord inspiré je parvins à m'habituer si fort à son langage que je le comprenais mieux que les autres et réellement il m'aimait comme une sœur.

Ил. 2

Первая, короткая, всего на три странички, запись была занесена 15 ноября 1818 г., а затем, ровно через три года, 15 ноября 1821 г. последовало продолжение. «Несмотря на прошедшее время, – пишет Прасковья Николаевна, объясняя столь длительный перерыв, – все обстоятельства настолько еще свежи в моей памяти, что кажется, будто вчера я покинула родину, и судьба моя навсегда была определена. Константин пожелал, чтобы эти три страницы имели продолжение. Как приятно ему повиноваться, поскольку это опять о нем я стану говорить и доказывать моим детям, что для того, чтобы найти счастье, не нужно его искать, но нужно, закрыв глаза, покориться божественному провидению...»

Таким образом, если на первых трех страницах автор лишь кратко повествует о том, как состоялось ее знакомство с будущим мужем, как начинались их взаимоотношения, то во второй, основной части, более подробно описывается развитие этих отношений, закончившихся свадьбой и отъездом из Петербурга в имение Бороздина.

По содержанию эти, вновь найденные, «Записки Прасковьи Николаевны Львовой» являются более цельными, чем прежние. Они посвящены одной теме – знакомству Прасковьи с ее будущим мужем Константином Матвеевичем Бороздиным и его родней, становлению их отношений и свадьбе.

С трогательной трепетностью и проникновенностью рассказывает Прасковья Николаевна о том, как все родные и близкие переживали за нее, искренне желая ей счастья. С глубоким лиризмом повествует она о том, с каким тактом и как сдержанно вел себя Бороздин, заставляя ее тем самым все больше и больше влюбляться в него; с нежностью и любовью – о своих новых родственниках – братьях и сестрах мужа.

Подобные записки, дневники, сохранившиеся до наших дней, представляют ценнейший материал, так как из них более ярко, выпукло предстает далекое прошлое, сама эпоха, в которую они были написаны. Дочь Ивана Васильевича Свечина, двоюродного брата Прасковьи Николаевны,[14] Надежда Ивановна (в замужестве Мердер) писала: «Сколько души могут найти в этих рассказах те немногие, способные угадывать душу прежних людей, по оставшимся после них письменным документам, невзирая на сдержанность выражений и на полное отсутствие каких бы то ни было, бьющих на эффект слов»[15].

«Записки Прасковьи Николаевны Львовой» были обнаружены в архиве РГИА в фонде Бороздиных Б.А. Градовой (ф.1681, оп. 1, д. 121. Рукопись на французском языке, 48 страниц).

Публикуется впервые. Русский перевод С.Н. Рошета. Фразы, написанные в тексте на русском языке, выделены курсивом.

В некоторых случаях длинные предложения оригинала вместо точки с запятой разделены точкой.

ЗАПИСКИ ПРАСКОВЬИ НИКОЛАЕВНЫ ЛЬВОВОЙ

Суббота, 15 ноября 1818

Вот уже несколько дней, как я заметила, что моя тетушка Державина стала задумчива и озабочена и, казалось, что-то скрывала от меня. Это меня сначала обеспокоило. Я видела ее тайком беседующую с тетушкой Ниловой,[16] и какой-то голос мне подсказывал, что речь идет обо мне. Эта мысль застряла в моем больном воображении и все больше меня беспокоила, и, тем не менее, я боялась потребовать объяснений. Далее я замечала, что тетушка Державина, всегда такая добрая по отношению ко мне, стала еще добрее, имена, которыми она меня называла, стали еще нежнее, казалось, ее внимание ко мне удвоилось, и все словно убеждало меня в том, что против меня замышляется сговор: гуся откармливают прежде, чем его зарезать. Но эта же нежность в свою очередь успокаивала меня, я видела ее чудно веселой, веселостью матери, думающей о будущей судьбе своей дочери. Часто ловила я вздох, который заканчивался улыбкой, так что она не была грустна; это меня утешало, но не могло успокоить совсем.

Четвертого дня тетушка вошла ко мне в комнату под предлогом попросить у меня бумаги, я поспешно открыла бюро, чтобы поскорее выполнить ее просьбу, – не знаю, чего я испугалась, – но когда тетушка, закрывая дверь, сказала, что хочет поговорить со мной, страх мой усилился. Я замолкла и услышала ее слова о том, что некий благородный человек и добрый христианин сватается ко мне.

Слова эти, сказанные в моей маленькой комнате перед иконой Спасителя, которого так часто просила я помочь мне в выборе, если я когда-либо должна буду его сделать, в комнате, где столько раз я ощущала, что только вера и честность помогут выстроить здание счастья, так поразили меня, что, даже не зная его имени, я ответила – хорошо. Но, когда тетушка добавила, что этот незнакомый мне человек женится на моей репутации, мне стало страшно; да, мысль уехать с незнакомцем, все оставить ради того, кто должен стать всем для меня и кого я не знаю, заставила меня содрогнуться. Тетя сказала, что спешки нет, что у нас будет время узнать друг друга, что я свободна в своем выборе, что сердце подсказывает ей, что я буду счастлива с человеком такого характера и репутации, что она советует мне здраво поразмыслить и положиться на волю Божию. Она спросила, не вызывают ли постоянные визиты Кавелина[17] те опасения, которые я испытываю всегда, когда мне говорят о замужестве и я ответила откровенно – нет, и что я не чувствую к Кавелину никакого особого расположения, под конец я добавила, что мое поведение с ним служит тому доказательством. Я спросила имя человека, который сватался ко мне, тетя отказалась его назвать, говоря, что это будет для меня неловко, я не настаивала, и мы вернулись в зал, но спокойствие не вернулось ко мне. Беспокойство и страх за будущее омрачали мое настроение.

Моя добрая Саша [18] это заметила.

Назавтра я сама ей все рассказала, а на следующий день мы проводили вечер у моей тетушки Ниловой, где вид г. Бороздина открыл мне весь секрет и увеличил

мое беспокойство до такой степени, что я почувствовала, как ноги у меня дрожат, а руки не могут держать работу, которую я усердно, на одном самообладании, старалась выполнять. Но тут, признаюсь, я ощутила, что волнение мое ослабевало, когда он начинал говорить со мной, он мне казался таким спокойным, таким славным, в беседе с ним я забывала, что он был для меня загадкой; это ощущение быстро проходило. Опасения мои возвращались, я утратила аппетит и покой.

Двумя днями позже он появился у Лизы[19] на музыкальном вечере. Здесь, при виде такого количества народу, мои переживания удвоились, мне казалось, что все глаза устремлены на нас. Этот вечер огорчил меня, и его, наверное, тоже.

На другой день он нанес нам визит: та же неловкость для него, то же беспокойство для меня; всякий раз, как я начинала молиться милостивому Господу, жгучие слезы как свинец катились по щекам. А потом я услышала внутренний голос: «Глупышка, чего ты боишься? Разве не отдалась ты слепо на волю Провидения, оно и поведет тебя, будто за руку?» Так, то успокаиваясь, то снова волнуясь, я чувствовала себя брошенной в огромное море, как хрупкое суденышко, не зная, как далеко унесет меня это провидение от родного берега.

Бедная лодочка, где ты причалишь к берегу, тебе неизвестно, но положись на защиту Всевышнего, который словно любящий отец, всегда помнит о тебе, видит, как волны со всех сторон тебя толкают, по его воле. Оставь свои страхи и верь, что он непременно вынесет тебя к нужному берегу.

Вторник, 15 ноября 1821

Прошло три года, как были написаны эти страницы. Эти три года были отмечены событиями самыми торжественными, самыми счастливыми в моей жизни: это мое замужество, рождение двоих моих детей Вариньки и Маши[20]. Однако, несмотря на прошедшее время, все обстоятельства настолько еще свежи в моей памяти, что кажется, будто вчера я покинула родину и судьба моя навсегда была определена. Константин пожелал, чтобы эти три страницы имели продолжение. Как приятно ему повиноваться, поскольку это опять о нем я стану говорить и доказывать моим детям, что для того, чтобы найти счастье, не нужно его искать, но нужно, закрыв глаза, покориться божественному провидению. Я это прочувствовала на своем собственном опыте. Да, я ощущала, что эта спасительная рука сама ведет меня к моему счастью, отводит от меня все опасности, как мать устраняет все, что могло бы напугать ее ребенка. Однако я должна вернуться ко времени, когда я только начала узнавать г. Бороздина, не подозревая, что вскоре моя судьба навсегда будет связана с ним. Возвращусь к первому визиту г. Бороздина к моей тетушке.

Было утро 13 ноября, когда он явился вместе с г. Ниловым[21]. Я была тогда в комнате моей милой Саши Дьяковой. Шум кареты, которая остановилась у нашего входа, невольно привлек нас обеих к окну. Я увидела сначала г. Нилова, выходившего первым, потом следовавшего за ним г. Бороздина. И тут, вместо того, чтобы испытать малейшую радость или веселость, которые могли бы дать мне предчувствие будущего счастья, сердце мое сжалось, слезы готовы были хлынуть из глаз, и

я покинула комнату, чтобы вернуться к себе. Из опасения встретить хотя бы одного из этих гостей, я спустилась во дворик и поднялась к себе по черной лестнице. И только здесь я обратилась к Тому, кто Единственный мог меня успокоить и провести через событие, самое главное в моей жизни.

Мой кузен Павел Дьяков[22] зашел позвать меня по просьбе тетушки, и я повиновалась.

Я вошла, как мне кажется, довольно скованно и смущенно поздоровалась. Как бы то ни было, слава Богу, я вошла и села у стола, вокруг которого все собрались. Разговор, казалось, оживился, я слушала какое-то время, ничего не воспринимая, затем постепенно чувства ко мне вернулись. Здесь снова я повторяю, как уже сказала на трех страницах в начале, я не знаю, как произошло то, что тот, кто был причиной моего беспокойства и моих волнений, сам же их и прекратил. Было ли это потому, что он сохранял спокойствие, несмотря на неловкое положение претендента, чьи эмоции непроизвольно передаются другому, или же так решил Господь, чтобы тот, кто должен был стать мне опорой в течение всей жизни, был с первого же момента моим щитом от всех моих страхов.

Его визит был коротким, это был первый визит. Едва все вышли, тетушка спросила меня, как я его нахожу. Я ответила, что не нахожу ничего неприятного в его персоне, но что я его совсем не знаю. – Он будет приходить к нам чаще, – добавила тетушка, – ты узнаешь его больше, но спешить не будем, обещаю тебе.

Это заверение давало мне отсрочку и возвратило мне на какое-то время обычное настроение. Но мое состояние напоминало то, которое испытывает человек, играющий в бильбоке на краю пропасти: он всецело погружается в бессмысленную игру, чтобы забыть о бездне, которой он боится; но чем больше его страх, тем чаще глаза его устремляются к пропасти. Так и я, в эти моменты кажущегося спокойствия возобновила все свои занятия, все уроки с новым рвением, чтобы забыть то, что больше всего меня интересовало и пугало, но тщетно. Работа выпадала из рук, обучение было для меня как арабская грамота, а музыка зачастую только усиливала мое беспокойство.

В таком состоянии только религия могла принести мне некоторое облегчение; одна единственная фраза из Святого Евангелия отзывалась в глубине моего сердца безграничным доверием к Высшему Существу и горячей признательностью за все милости, которыми меня одаривал Отец Небесный. Тем временем мы возобновили наши обычные занятия с моей милой Сашей, и это было единственным делом, доставлявшим мне и пользу и удовольствие.

15 ноября, когда я начала писать эти три страницы, был памятным днем для меня, как и те, что за ним последовали. Утром после завтрака мы с кузиной удалились в мою комнату для совместного чтения. Она принялась за свое рукоделие, а я взяла книгу Ионитация Иисуса Христа (l'Ionitation Jesus Christ)[23] и, пока я открывала ее на месте, где мы остановились, мы поговорили некоторое время о предстоящем большом событии. Нам придется расстаться, – сказала Саша, – мне сердце подсказывает, и признаюсь тебе, что оно разрывается между желанием видеть тебя счастливой и печалью от необходимости покинуть тебя. – Зачем эти разговоры, друг мой, – отвечала я, – подумай, ведь он незнакомый, чужой человек, и еще

совсем не обязательно, что все переменится. И ты рассуждала иначе, когда речь шла о предложении более известного мне человека. – Не знаю, – сказала она, – но и тогда, и теперь я говорю тебе то, что подсказывает мне сердце, и на этот раз нам придется расстаться. Эта мысль огорчила нас обеих, и, убедив себя довериться провидению, я начала чтение. Едва я прочла несколько строк, как нас обеих поразили слова: «Если доверите вы свою душу кому-либо лишь потому, что вам приятно быть с ним, вы окажетесь в неустойчивом и затруднительном положении. Но если вы обратитесь к вечной истине, то даже разлука с другом или смерть его не ввергнут вас в печаль. Во мне должна родиться ваша дружба, для меня вы должны любить все, что является добродетелью и дорого вам на этом свете». Удивленные этим утешением, явившимся так кстати, (непроизвольно я пометила на полях 15 ноября), мы решили стремиться в будущем к подобной дружбе, которую не испугают ни разлука, ни даже смерть.

Затем я подошла к фортепьяно, и без особого расположения к занятиям стала наигрывать аккорды, и постепенно получилось что-то вроде прелюдии, которая понравилась Саше и которую она придумала назвать «Прощание друзей».

Все эти обстоятельства не имели большого значения, но они приучали меня к мысли о неизбежном расставании и возвращали меня к мольбе моему Господу, чтобы Он был единственным моим пастырем в данной ситуации.

Приближалось время обеда, я взяла свое рукоделие и отправилась работать в диванчик, полагая, что тетушка к нам присоединится. Она вскоре вошла и, увидев меня, сказала:

– Пашетт, сегодня к нам зайдет провести с нами вечер г. Бороздин. Я полагаю, ты должна позаботиться о своем туалете.

– Нет, тетушка, – отвечала я.

– Как, ты хочешь остаться в этом красном домашнем платье?

– Да, тетушка, если вы позволите.

– И что за смысл в этом? – спросила она.

– Потому что, моя дорогая тетушка, если я должна ему нравиться, то я ему понравлюсь и в этом, и в любом другом одеянии, и признаюсь вам, что я даже не хочу нравиться ему только своими туалетами.

Тетушка больше не настаивала, то ли она понимала мои чувства, то ли, испытывая ко мне нежность, она находила, что это красное платье не так уж и не идет мне; словом, все осталось по-прежнему.

Наступил вечер, и в семь часов звон колокольчика швейцара известил нас о приходе г-на Бороздина.

На это раз я больше не испытывала страха и беспокойства, как раньше, и вечер даже показался мне приятным; в беседах я не замечала ни лести, ни притворства или желания понравиться, он говорил легко, свободно высказывал свое мнение, которое, тем не менее, всегда совпадало с моим. В самом деле, когда Господь хочет соединить две души, которые абсолютно доверяют его отеческому милосердию, Он сначала объединяет их взаимные ощущения, в которых они сами не отдают себе отчета, когда один произносит то, что подумал другой, но что ни в коем случае не противоречит его собственному характеру.

Тетушка попросила меня взять гитару, как это я делала обычно по вечерам, и спеть вместе с моей кузиной. Все это происходило спокойно, и г. Бороздин не восторгался и не адресовал мне своих шумных комплиментов, а, совсем наоборот, против обыкновения, он не удостоил меня ни единой похвалы. Этим он снова доставил мне удовольствие. Я уже получила в своей жизни столько комплиментов и похвал, что и то, и другое, исходящее от него, позволило бы мне без труда догадаться, что, льстя моему тщеславию, он хочет завоевать мое сердце, и это создало бы плохое мнение обо мне самой и, еще хуже, о нем, но, слава Богу, этого не случилось.

Я видела, что наша музыка доставляет ему удовольствие, и поняла, что он любит музыку. Я продолжила игру еще некоторое время, затем положила гитару и принялась вновь за свое рукоделие. Он взял шляпу и оставил нас, сказав, что обещал заглянуть к своей кузине Ниловой. Так закончился наш вечер, в конце которого тетушка отозвалась с похвалой в адрес г-на Бороздина, на что я ничего не ответила.

16-го, то есть назавтра, моя сестра Лиза зашла к нам и сообщила то, что меня так живо интересовало, что она была у госпожи Ниловой, которая много смеялась, беседуя с г. Бороздиным обо мне. Он поблагодарил ее за вечер и сказал, что нашел меня очаровательной.

– Как она была одета? – спросила моя тетя. – Ведь молодая девушка должна была позаботиться о своей внешности, зная, что ты должен прийти.

– Я ничего этого не заметил, – отвечал он, – поскольку я не разбираюсь в туалетах, но она была прелестна.

Потом, глядя на диван, на котором он сидел и который был из такого же красного камлота, он весело улыбнулся, так как моя одежда была в точности такого же цвета, как покрывало, которое он видел на диване.

– Не нужно было этого делать, – воскликнула тетя, которая с давних пор знала мою одежду и согласна была с мнением своего кузена, что она по цвету похожа на диван.

Так были проверены мои предчувствия. Непроизвольно я усвоила характер г-на Бороздина и признавала потом, что, будь у меня больше подготовки и элегантности во внешности и, особенно, чуточку кокетства, это нанесло бы сокрушительный удар по хорошему впечатлению обо мне в его глазах. Впоследствии он пожелал, чтобы это платье было сохранено и всегда оно пользовалось особой любовью у него. Оно сохранилось до сих пор и, может быть, когда-нибудь, показывая его детям, я скажу: «Вот оно, то самое платье, в котором я имела счастье понравиться вашему отцу».

Тетушка Державина, заметив, что я стала слишком серьезна в последнее время, решительно пожелала, чтобы я пошла в театр с моей сестрой. Я не была там ни разу после смерти дядюшки,[24] обычно отказывалась от всякого рода развлечений, получая настоящую радость от того, что не покидала тетушку, которая все еще печалилась как в первые дни постигшего ее несчастья, полностью отказывалась от визитов посторонних и, казалось, находила облегчение для своей боли исключительно в Святом Писании, и это благо она не переставала расточать среди других из самого близкого окружения. Так что я вела замкнутый образ жизни, не будучи, тем

не менее, замкнутой натурой, так велика была моя привязанность к дядюшке, хотя и не такая, как у тетушки, которая была много старше меня. Его потеря была для меня, без сомнения, менее жестокой, и все-таки она оставила глубокие следы в моем сердце и постепенно отдалила меня от света и всех развлечений. Эта смерть, такая неожиданная, эта ужасная смена такой спокойной, счастливой жизни на безнадежность, которую только Бог мог бы унять, стала воспоминанием, которое не могло стереться в моей памяти. Я привыкла рассматривать жизнь, как сон, и помышляла только о том, чтобы проснуться. Мои сестры, братья,[25] особенно тетушка, огорченные моим упорным нежеланием выезжать, донимали меня упреками, и устно и письменно спрашивая меня, не решила ли я стать монашкой, а если нет, то не думаю ли я, что жених упадет с неба – прямо в мою комнату. Письмо такого содержания я получила от Леонида за несколько дней до того, как я узнала о намерениях г-на Бороздина, и на которое я ответила, что, в самом деле, жених упал с неба, вопреки всем ожиданиям, и спрашивала его мнения о г-не Бороздине.

Это обстоятельство в моей жизни указывает, как ошибаются матери, думающие поскорей устроить своих дочерей, заставляя их непрерывно бывать в свете и губить первые годы своей юности, тем самым зачастую ускоряя преждевременное старение. Пусть они больше доверяют Богу и будут спокойны и счастливы.

Раньше, при жизни дядюшки, я часто бывала в свете, не будучи там широко известной. Я бывала при дворе, видела великосветское общество, однако, того, кому я была предназначена, не было там. Я имела множество предложений, это правда. Это были подходящие партии, но я не могла согласиться их принять и, свободная в своем выборе, я имела смелость противостоять не только желанию, но и настояниям всей моей семьи, хотя это так мучительно – противиться воле тех, кто тебя любит. Но, наконец, когда наше огромное горе закрыло двери ко всяким развлечениям, в то время, как я не оставляла больше тетушку, и отказывалась даже от визитов к Лизе, когда она принимала, возвращается из Варшавы г-н Бороздин и просит моей руки. Не знак ли это провидения, которое покровительствует слепым и ведет их неминуемо к счастью, если только они полностью на него полагаются? Вера, безграничная вера в Божественную доброту – и счастье с вами.

И вот, 20 ноября[27] я собираюсь в театр, куда должна меня сопровождать Лиза, и где мы будем слушать новую итальянскую певицу Сесси,[28] чей голос и манеру исполнения очень хвалили. Исполнялась опера Чимарозы[29].

Долгое время мы не слышали итальянского пения. Пение Сесси отличалось энергией живой страсти. Она исполняла роль Куриаса и появилась в момент прощания с Камиллой. Она будто бы забывала себя от боли разлуки, часто ее отчаяние выражалось скорее раздирающими криками, чем пением; ее лицо и все жесты находили отклик у публики и постепенно взволновали слушателей.

Меня, уже взволнованную обстоятельствами, в которых я находилась, легко было заставить плакать горючими слезами. Я стала печальной, молчаливой, поглощенная музыкой, и, когда она в антрактах умолкала, давая отдых актерам и публике, сменяясь звоном шпор и общей болтовней, мои глаза непроизвольно обращались к Господу, и я чувствовала в глубине души, что голос Его мне говорил: «Не смотри сюда больше», и я тут же отворачивалась. Когда я слышала, как ко мне обращаются

с обычными разговорами, всегда приправленными лестью, тот же голос мне говорил: «Ты не должна больше слушать эти речи, они не должны задевать ни твоих ушей, ни твоего сердца, забудь их». То же ощущение бывало у меня и при менее значительных обстоятельствах и, еще не предчувствуя счастья от союза любви и глубокого уважения, которые стали для меня столь драгоценными, я заранее понимала неизбежность этих отречений, и это помогало мне легко их делать.

Серьезность моих рассуждений, возникших в столь короткое время, делала меня старше на несколько лет, и нанесла последний удар по моей связи со светом.

После спектакля мы должны были провести остаток вечера у тетушки Ниловой, где ждала меня и тетушка Державина. Г-н Бороздин был там; говорили, естественно, о музыке, о пении Сесси, и поскольку разговор был общим и очень оживленным, так как мой зять Львов[30] – страстный любитель итальянской музыки, я позволила себе замолчать, а вскоре, к моему облегчению, ужин положил конец всяким спорам. Господин Бороздин говорил мало и едва замечал мою милую Сашу Дьякову, которая всегда приходила от него в восторг, и это было жестоко с его стороны.

Во время ужина я сидела подле г-на Нилова. И он, и его очаровательная жена заботливо делали все, чтобы меня развеселить. Разговаривали, много смеялись, Нилов хотел, чтобы я пробовала сыр, выпила пива. Я все пробовала, хвалила, но что касается слов, они умирали на моих губах.

Вскоре все расстались. С этого вечера г-н Бороздин каждый день проводил несколько часов у нас, и каждый раз его общество становилось для меня все приятней, потому что всегда он искусно заставлял меня забывать о том, что страшило меня больше всего. Беседы всегда были на общие темы, всегда интересные и далекие от всяких неловкостей.

24 ноября в день Святой Екатерины моя тетя Державина пригласила Лизу с семьей и тетю Нилову к нам на обед и, естественно, господина Бороздина, так же были приглашены и другие люди. Лиза и тетя Нилова явились раньше других, и тетя Державина использовала этот момент, чтобы рассказать свой сон, который она недавно видела, а точнее за две недели до дня Святой Екатерины, который приходился на воскресенье.

Вы помните, дети мои, – обратилась она к нам с Лизой, – в позапрошлое воскресенье на обеде у меня я спрашивала у вас всех, как понимать образ Святой Екатерины. А когда вы мне его изобразили и спросили, почему возник такой вопрос, я ответила просто, что в ту ночь видела сон и не добавила ничего больше.

Теперь я странный свой сон вам расскажу. Вижу я, как бы предстала она передо мною в том виде, как пишут ее, то есть в белом платье с ветвью в руках. Я у нее спросила: «Ты ли Святая Екатерина?» Она отвечала: «Я».

– Скажи мне, будет ли у моей Паши жених?

– Будет.

– Богат?

– Нет, но честный человек, и она будет его любить.

С этим я проснулась и в тот же день у вас, дети, спросила про образ Св. Екатерины. Едва три дня прошли после моего сна, как приехала ко мне сестра Прасковья[31] и стала мне говорить про настроение Константина Матвеевича.

– Ты помнишь, сестра, что я тебе отвечала, что давнишняя связь покойного друга моего Гаврилы Романовича с Матвеем Корниловичем[32] мне дорога, и по ней для меня сын Матвея Корниловича человек священный, что Пашу я никогда не приневолю идти за него, но я бы желала, чтобы была она за ним. Вместе с тем признаюсь, удивилась и сну своему и тогда же его тебе сказала, сестра. От тебя же узнала к удивлению моему, что приходская церковь, куда все семейство его обыкновенно ездило, воздвигнута в честь Святой Екатерины[33].

Это обстоятельство, казалось, удивило всех. Тетя Нилова увидела в нем верное доказательство случая для своего кузена[34]. Я не отвечала ничего, по крайней мере, пока не придет время это узнать, и добавила с улыбкой, что если Св. Екатерина сказала моей тете, что я полюблю, то я его безусловно полюблю. Она ничего не добавила. Если он меня полюбит, и если мы оба полюбим, что не менее важно, это будет к моему счастью. Этот важный довод, совпадающий с его предложением, доказывает неоспоримо его любовь и его уважение, потому что это мне он доверял счастье всей своей жизни.

Иногда высказываются против браков по страстной любви, приводя примеры многих несчастных. Говоря откровенно, у меня не было глупых претензий демонстрировать большую страсть, ни даже желания ее выражать. Но, по крайней мере, мое уважение к нему давало мне силы для принятия решение.

Порешили не торопиться и дать мне время узнать его лучше.

Гости пришли, обед был подан и проходил в молчании. Я слушала каждое слово, вылетающее из его уст, замечала каждый жест и, еще более нерешительной, чем всегда, отдавала себя на волю провидения.

Вечером тетя Нилова подсела снова ко мне на диван, чтобы сказать, что только от меня зависит сказать «да» или «нет», но что она настоятельно умоляет меня принять решение, поскольку она очень любит своего кузена, она видит, как он с каждым днем все больше привязывается ко мне, и, зная хорошо его характер, она предвидит последствия его несчастной привязанности.

Я отвечала то же, что и обычно, и убедила ее, что только идея переезда в другое место пугает меня, что я рассматриваю брак, как священный союз, что должна хорошо проверить свои собственные чувства, чтобы быть уверенной, что смогу составить его счастье и что пока еще не могу этого решить.

– Хочешь ли ты, чтобы я ему отказала? – поспешно сказала она, не думая меня испугать.

– Вы можете это сделать, тетя, – отвечала я, если вы можете принять мои слова за отказ.

Она нежно обняла меня.

– Ну ладно, – сказала она, – мы подождем.

И мы обе вернулись в зал. Я подошла к пианино и заиграла. Он осторожно приблизился ко мне, похвалил инструмент, похвалил композитора, музыку которого я исполняла, но ничего не сказал о моей игре, не выразил никакого восторга по этому поводу. Как я ему была благодарна за такое поведение (странное, быть может, для претендента). Я чувствовала, что открываю все более сердце к доверию. Он говорил мне о нашей поездке в Киев,[35] сказав, что бывал там несколько лет тому

назад, на что я ему отвечала, не задумываясь, что знаю об этом, так как мой дядя Державин показывал мне его имя, начертанное на Катакомбах[36].

Эти слова были сказаны без малейшего намерения дать ему надежду и, особенно, без малейшего, упаси боже, кокетства, которое привлекает и отталкивает одновременно вечными уловками, а просто хотела рассказать о случае, который мне самой казался странным. Поэтому, не странно ли, в самом деле, что среди бесконечного числа имен, начертанных рядом, дядя нашел имя Бороздина и хотел, чтобы я ему прочитала то, что сам не мог расшифровать из-за слабости зрения?

Я не могла вообразить, чтобы он мог бы объяснить этот случай как доброе предзнаменование для него, поскольку я забыла, что он был мне не очень понятен, и я чувствовала только удовольствие от поддержки с его стороны. Наконец, я попробовала сыграть партию в бильярд с тетей Ниловой и, естественно, проиграла и очень покраснела, услышав, что все, кто волнуется, играют всегда в таком духе.

–Тетушка, какая вы злая, не вы ли иногда так же волнуетесь и вам ли меня упрекать? Но вы это всегда скрываете и, предоставляя меня самой себе, кажется, находите удовольствие, глядя на мои попытки лететь на собственных крыльях.

Пагубная свобода, которая только удваивает опасения и нерешительность, слава богу, не длится долго, ведь только привязанность делает жизнь такой дорогой и спокойной.

На следующий день он снова провел часть дня с нами и сделал это пребывание приятным не только для меня, но и для всех, кто там находился. Он постепенно завоевывал доверие и нежность всех моих родных, непринужденно, казалось бы, сближаясь с тем или другим. Внимание, которое он мне уделял, было таким естественным, что не могло меня стеснять. Сидя на нашем диване, он поддерживал разговор, который тетя Державина с ним начинала, затем совсем естественно его заканчивал и без малейшего притворства обращался в мою сторону, не издавая при этом долгих вздохов несчастного влюбленного, которые сотрясают стены и терзают ту, что их внушила. Он возвращался, чтобы снова увидеть меня, непринужденно и не подчеркивая удовольствия, которое он находил в моем рукоделии.

Я слушала, как он говорит, и знала заранее, когда он повернется, и испытывала одновременно чувство удовольствия и радости, от которого я готова была всегда улыбаться.

Вот так я начинала привыкать к его характеру, его образу мыслей, и это не доставляло мне ни малейшего труда. Однако, чем больше я его оценивала, тем больше хотела оттянуть момент окончательного решения, поскольку чувствовала ответственность за счастье всей его жизни, чувствовала, что он полностью достоин быть счастливым, и опасалась все более взять необдуманно на себя заботу о счастье, которого я ему желала так искренне.

– Нет, мой друг, – говорила я своей милой Саше Дьяковой, - не торопи меня с этим делом и подумай хорошо, если господин Бороздин обо мне такого хорошего мнения, если он полностью передает мне свое счастье, то заботы обо всех сторонах моей жизни должны оправдать это мнение, а это меня и пугает. Мужчина – господин, но господин может быть несчастным, и тогда – какая это огромная ответственность перед Богом, совестью и всем миром.

Она соглашалась со мной доказывая, как никогда убедительно, что только религия была единственной и надежной опорой, которая могла бы успокоить вечные страхи этой жизни и дать силы выполнить то, что она внушает. А потому, не удвоить ли мои молитвы, как больной удваивает дозу лекарства, видя, что опасность слишком велика. И часто среди ночи я вставала и бросалась к ногам Господа, умоляя его указать мне путь, подчинить мои мысли своей Святой воле, одним словом, растворить мою волю в своей; я просила только о необходимом покое, чтобы чувствовать и благодарить небесного Отца. Никогда эта мольба не бывала напрасной, никогда не возвращалась я, не испытав сладостного чувства удовлетворения и детского покоя.

На следующий день, то есть в день великого 26 ноября,[37] я встала, как обычно, и улучила момент, чтобы до завтрака написать Леониду и сказать ему, что жду его ответа, и приняла решение ничего не решать, не получив одобрения моего старшего брата, к тому же и моего наставника[38]: я рассказала ему о г-не Бороздине и умоляла его откровенно сообщить мне, что он об этом думает. Отправив письмо, я пошла пожелать доброго утра тете, позавтракала с ней и возвратилась к своим занятиям.

Было почти 11 часов, я вошла в свою комнату и подошла к бюро, когда пришли сказать, что тетя меня спрашивает. Я вернулась в диванную комнату и при входе вдруг заметила, что г-н Бороздин явился ранее обычного. Он подошел ко мне и сказал, что, увидев вчера мое волнение по поводу нездоровья старшей невестки сестры Львова,[39] пришел сказать, что ей уже много лучше, что он только что ее видел. Я поблагодарила его за внимание, все мы еще стояли посреди комнаты, когда тетя, увидев его торжественный наряд, сказала с обычной своей любезностью: «Как вы сегодня торжественны, г-н Бороздин».

Едва эти слова были сказаны, как он весь изменился, он не положил, а бросил свою шляпу на стол, сжал мои руки не для того, чтобы пожелать доброго утра, а чтобы покрыть их тысячью поцелуев и притянуть как свою собственность. Удивленная и испуганная, я не могла прийти в себя от неожиданности, пока не почувствовала себя в его объятиях. Я села подле него на диван и спросила у тети: «Что это с вами, тетя?» Ничего не отвечая, она перекрестила меня. Не знаю, как это случилось, наступил главный момент. Он выразительно посмотрел на меня и спросил: «Так вы не хотите отдать мне вашу руку, мадемуазель?» И в ответ на звук его голоса, или на его взгляд, или то была моя судьба, но я протянула ему обе руки. Снова воцарилось молчание. Семён Капнист[40] неподвижно смотрел на эту сцену и, казалось, был ошеломлен. Тетя поглядывала на нас украдкой. Он смотрел то на тетю, то на Семёна, еще тысячу раз целовал мои руки и без промедления бросился на колени перед моей тетей с благодарностью за то, что она обращалась со мной как мать, обещал всю жизнь доказывать свою преданность и привязанность самого покорного сына. Тетя уже любила его, нежно обняла и сказала, что она верила в этот союз, образующий, возможно, вершину в отношениях моего двоюродного деда[41] Державина и Матвея Корниловича. При этих словах я тоже опустилась на колени, и она обняла нас обоих как настоящая мать, роняя слезы радости и умиления.

Семён, видевший эту заключительную сцену, начал приходить в себя и побежал, как сумасшедший, сказать Саше Дьяковой, что все закончилось. Она при-

бежала, обняла меня и его, сопровождая все это потоком слов, которых я не расслышала. Посыпались поздравления всех присутствующих, которых я узнавала с трудом. Он попросил у тети разрешение объявить о его счастье братьям и сестрам, и когда он нас покидал, колокольчик швейцара известил нас о прибытии одного гостя, это меня огорчило, так как принимать гостей в такой момент так тягостно. Это ощущение еще больше возросло, когда узнали, что это Кавелин. Он вошел, выражение лица его изменилось, отражая тщетно сдерживаемой волнение. Другой нашел бы способ сократить свой визит, но Кавелин остался и остался надолго, обедал с нами, старался казаться веселым и смеяться, говоря, что это для него просто счастье.

Тетя встала и подала мне знак, я поняла и пошла за ней в ее кабинет.

– Пашетта, – сказала она, это решение выглядит неожиданным и, если оно противоречит твоим намерениям, мой долг тебе сказать, что еще есть время, и что ты свободна.

– Нет, тетя отвечала я. После всего, что произошло, я не могу больше отступать.

Она нежно обняла меня и сказала, что это желание ее сердца, и что она убеждена, что я буду счастлива. Она вышла, дав слуге записочку для Лизы, после чего присоединилась к обществу.

Напрасно я пыталась успокоиться: одна-единственная мысль поглотила все другие, и эта мысль несла беспокойство до самой глубины моего сердца. Мое лицо пылало, во рту пересохло, мне казалось, что я брежу, вижу все, как во сне.

Обед кончился, я проводила гостя с удовольствием, но не промолвила ни слова. Тетушка сказала, чтобы я шла одеваться. Простое белое платье составляло весь мой наряд. Она вскоре (неразб.), и я вернулась спустя минуту. Господин Бороздин пришел снова, он говорил с тетушкой о своем счастье, об одобрении всей его семьи и продолжал благодарно целовать ее руки.

Вскоре пришли мой зять Львов, Лиза, тетя и дядя Ниловы. Поздравления от тех и других. Дядя Нилов представился всем, как кузен г-на Бороздина, а его представил как племянника своей жены к всеобщему восторгу. Я слышала только Лизу, которая, нежно обнимая, просила его сделать меня счастливой. Он сам был так возбужден, что, сидя подле меня, кажется, в течение целого часа раскачивал мою руку, чему я не противилась, то ли чтобы ее почувствовать, то ли из-за нервного тика, или чтобы справиться с нервами. Это доказывает, что он окончательно потерял голову, как в нашей первой беседе, которая имела целью успокоить меня относительно моей будущей судьбы. Он говорил убежденно и даже немного категорично. Я вспоминаю, как он мне рассказывал, что скоро предстоят большие изменения в моей жизни, что надо будет отказаться от всякой роскоши, от всего показного. В частности, он добавил, что видел, как я привыкла быть окруженной множеством слуг, но отныне должна буду довольствоваться одним-единственным слугой, а вместо большого экипажа – две коляски для выездов, которые не будут частыми. «Вам виднее, мсье», – отвечала я, немного удивляясь, что тот, для кого я должна быть готова оставить моих самых дорогих в мире людей, думал, что должен меня предупредить о таких маловажных вещах. Отсюда я заключила, что он знает меня гораздо меньше, чем я его, и все-таки это открытие меня совсем не испугало.

Мне казалось, что совместное путешествие, которым была наша жизнь, мы начинаем с одного и того же пункта, и признаюсь, мое тщеславие позволяло мне думать, что он полюбит меня больше, узнав, что полный отказ от моей собственной воли всегда был желанием моего сердца.

Говоря яснее и более откровенно, эта добрая госпожа – тщеславие – говорила, что он полюбит меня больше, когда лучше узнает меня, и эта мысль меня радовала.

Обед подходил к концу в беседе, когда мои уши были нужнее, чем язык, и он не отпускал моей руки ни на мгновение и все играл ею. Тетушка Нилова оживляла все общество своим веселым нравом. Я слышала разговоры, смех, но, откровенно говоря, не понимала ни того, что говорят, ни того, над чем смеются, а наши ответные слова благодарности казались такими торжественными, что возвращали меня от моей рассеянности и напоминали, что это не сон.

Обед закончился, все общество нас оставило, он остался на мгновение, чтобы к большому моему удовольствию составить мне компанию. Этот такой неожиданный поступок определил навсегда нашу судьбу. Это было в день Святого Георгия,[42] который очень почитался в его семье и в честь которого его двоюродный дед[43] построил каменную церковь в поместье, предназначенном нам.

Поэтому в этот день мы, собравшись на общую молитву, увидели всех наших крестьян, просящих Бога защитить Святого, в честь которого был этот праздник.

Мне казалось, что их молитвы благословляют наш союз, их собственное счастье, так тесно связанное с их господином, – разве можно им в этом отказать, когда вся их жизнь такая тяжелая и так заполнена трудами.

Все устали к концу этого удивительного дня. Тетушка Державина удалилась. Я хотела подняться, чтобы тоже уйти, но не могла сделать и шагу. Я была слаба, словно только что перенесла тяжелую болезнь и, конечно, не могла дойти до комнаты без помощи моей милой Саши Дьяковой. Сон мой был словно летаргический – тяжелый и не приносящий отдыха, а пробуждение было мучительным. Едва я открыла глаза, едва мое сознание стало способно породить мысль, как одна поглотила все вокруг – я вступила, вступила в жизнь. Эта мысль заполнила мое сердце чувством страха и почти безнадежности, которое я не могла ни успокоить, ни укротить. Все мое будущее казалось закрытым темным занавесом неопределенности, я не видела ни тропинки, ни света, чтобы идти в него.

Раньше, в воздушных замках, которые я строила, как и всякая девушка, не сделавшая и шага по жизни, я и не думала никогда о том, что, прежде всего, должен быть фундамент. Здесь фундамент как будто отсутствовал – ведь я знала только имя господина Бороздина. Поток слез уменьшил мою горечь, и привел к выводу, что распорядителем всего счастья является наш Святой Отец, я всегда умоляла Его быть поводырем в моем выборе, а теперь особенно я должна полагаться на Его Святую волю. Я бросилась на колени перед тем, кто видит сердца, и просила Его о помощи. Этот момент был тяжелым, но мне казалось, что это мое последнее испытание.

Саша вошла в мою комнату и была испугана моим состоянием, я ее ободряла, доказывала ей важность и необходимость сделанного мной шага и все больше взывала о помощи Бога, потому что я стала ответственной за счастье другого.

У меня еще не было достаточно времени, чтобы привести себя в порядок, когда пришли сказать, что явилась мадам Муравьева[44] и хотела бы поздравить невесту.

Я умыла глаза, приняла веселый вид и вышла принимать поздравления, но, возможно, я плохо маскировалась, так как она сказала мне, что невеста должна быть веселой. Эта реплика заставила меня подумать о возможных последствиях. Я выразила легкое удивление и ответила ей, что буду весела, когда г-н Бороздин будет здесь. Мой ответ показался ей естественным и, пожелав мне полного счастья, она оставила нас.

Через некоторое время приехал г. Бороздин и привез двух своих братьев Александра Матвеевича и Корнелия Матвеевича, а Владимир Матвеевич отсутствовал. Представив их, он добавил, что обещает не обнимать меня до дня свадьбы и надеется сдержать свое слово, но зато просит, чтобы я теперь обняла его братьев. Я сделала это с удовольствием, попросив их подарить мне часть нежности, которую они испытывают к своему брату, совершенно искренне обещая полюбить их.

Они оставались лишь минуту и уступили место моему зятю Поленову и моему кузену А.И. Бороздину,[45] который тоже пришел засвидетельствовать почтение.

Что же до моих невесток, то они еще были в трауре и могли бы придти лишь через несколько дней, а в черных нарядах они поздравлять меня не желали[46].

Моя бедная голова по настоящему кружилась от всех этих представлений и все новых визитов. В глазах моей тетушки я была не такой, как она хотела бы меня видеть: то я казалась ей слишком грустной, то слишком оживленной и веселой, что было для меня неестественно. Замечая это за мной, она хотела меня привести в чувство, но совершенно напрасно. Ее хлопоты увеличивали мое беспокойство и доставляли мне большое неудобство.

Через несколько дней, утром пришли мои невестки, ...их визит меня порадовал, потому что я всегда их любила всем сердцем[47]. Но доказательством того, что мое волнение еще не утихло, явился следующий эпизод: именно в это утро, разговаривая с одной из них и оживленно жестикулируя, я не заметила стоявшего позади Константина. Нечаянно я задела его очки, которые покатились на другой конец стола, но не разбились, избавив меня от еще большего конфуза. Покраснеть, схватить очки, покраснеть снова, подавая их ему, – дело мгновения, но какого долгого мгновения.

Ох, мои добрые невестки, просто чудо, если я имела счастье нравиться вам в этот момент. Я расстроилась так сильно, что после вашего ухода, вспоминала двадцать раз сцену, которая произошла, и каждый раз краснела.

Понемногу счастливое спокойствие стало ко мне возвращаться, каждый день с возрастающим удовольствием я видела и слушала Константина. Часто он рассказывал мне о своем отце и, особенно, о матери, и глаза его увлажнялись. Особенно он сожалел, что не может сейчас разделить свое счастье с теми, кто дал ему жизнь. «Моей матери, – говорил он, – мое счастье могло бы прибавить несколько лет жизни», – и легкое облако грусти омрачало его ясный взгляд. Эти чувства любящего и нежного сына доставляли мне больше радости, чем чувства страстного возлюбленного, которые, признаться, я плохо себе представляла. Он стал таким совсем недав-

но, так что это мне казалось несколько забавным. Между тем, в основе моего супружеского счастья была настоящая, живая нежность, которую он испытывал к своим родителям, и я говорила себе с радостью, что хороший сын почти всегда бывает хорошим мужем.

– Тетушка, – говорила я, – когда я вижу Константина, я начинаю его очень любить. Думаю, это лишь предчувствие, ведь я его едва знаю, но оно говорит мне, что душа у него чистая, поэтому я и люблю его.

Тетушка, слушая меня, улыбалась и радовалась счастью, которое было создано в значительной степени ее заботами, горячим желанием ее сердца, а также благодаря Господу, уж Ему-то она верила всегда и во всем. Именно это счастье, казалось, принесло новую пищу для настоящей материнской нежности, которую она всегда мне доказывала, а теперь прибавила сюда еще и нежность по отношению к Константину.

Что же касается меня, то я никогда бы не смогла достаточно выразить свою признательность Всевышнему за Его руководство. Я с радостью видела, что к репутации нежного сына, он добавлял еще и верность, что он любил своего Господа, как того требует религия, со всем энтузиазмом и верностью своего сердца. Я видела его отцом, чувствительным и беззаветным, преданным исключительно интересам своей семьи и забывающим о своих собственных. Я понимала, что священный долг быть отцом для братьев и сестер, как завещал ему умирающий отец, он считает непререкаемым. Он обладал также страстной нежностью своей матери, и это побудило его передать сестрам при разделе наследства сумму, гораздо выше той, что полагалась по закону, после смерти родителей и в случае, если бы достойное существование замужних сестер этого потребовало... Но он сразу заявил, что не будет отделяться от своего брата и больной сестры, которые жили с ним в это время, и он добавил, глядя на меня: «Их болезнь такая жестокая, что для вас это будет мучительно».

– Нет, мсье, я хочу быть с моим братом и моей сестрой, – живо отвечала я, несколько даже удивленная тем, что он во мне усомнился.

С каждым днем я становилась все счастливее, и каждый день мне казалось, что темный занавес, покрывающий мое будущее, понемногу удаляется, позволяя мне догадываться о сущности моего счастья.

Убежденная в достоинствах Константина, я ничего не оставляла без внимания, каждое слово, которое задевало его чувствительность или было безразлично его сердцу, заботливо отбиралось ради дорогого сокровища, составлявшего мое счастье. Признаюсь, я любила и благодарила Бога за те незначительные недостатки, которые я в нем замечала, чувствуя, что мне перенести их будет легче всего. Ох, как сильна была моя признательность Господу!

Как мало достойной благодеяний Отца Небесного чувствовала я себя, благодеяний таких обильных, что сердце мое не могло вместить все счастье. Каждое его слово привязывало меня к нему все больше и, сказала бы я, растворяло меня в нем и поднимало его в моих глазах все больше. Часто с блаженством в сердце и со слезами радости я приносила к ногам Господа этот груз счастья, который больше не могла в себе сдерживать и изливала потоком слез благодарности.

– Ох, тетя, – говорила я, при виде ее радости, – и вы мне говорили, что я не буду богата? Не богаче ли я в тысячу раз, чем вы? – в ответ она обнимала нас обоих, и глаза ее блестели от радости, которую обе наши семьи одинаково разделяли, и союз двух семей с каждой минутой усиливал наш союз.

– Друг мой, – сказала я Константину, – признаюсь, что я испытывала различные чувства, слыша похвалу в твой адрес. Пока я знала только твое имя, когда все вокруг восхищались тобой, их похвалы казались мне ловлей мух, потом, когда я тебя больше узнала, я их слушала с удовольствием, а теперь, поверишь ли, я краснею от смущения при каждой такой похвале, как будто она обращена лично ко мне самой. Я счастлива, я хочу, чтобы тебя любили и уважали, но не хочу больше, чтобы тебя хвалили в моем присутствии.

Так мои собственные ощущения убеждали меня в том, что наши сердца как никогда были едины. Я могла гордиться только его славой, я могла быть счастливой только его счастьем, словом, жить только для него. Состояние полного блаженства, счастливой зависимости полностью исчезло, и я возвращалась к жизни. Я любила и уважала себя скорее как его собственность, а надежда сделать его счастливым стала моим основным желанием, целью всего моего существования. Я наслаждалась восхитительным блаженством и чувствовала, как постепенно возвращается покой в мое сердце, а с ним желание и способность бесконечно благодарить Всевышнего, умоляя Его, однако, не позволять мне злоупотреблять Его милостью и не забывать, что Он дал мне счастье, чтобы меня утешить, и, принося Ему свою благодарность, я должна постоянно молить Его о защите.

Что же до Константина, мне казалось, что я замечаю, как он стал более взволнован, даже беспокоен, он всюду видел препятствия, момент нашего прощания был ему невыносим, он думал даже не приходить назавтра, а еще больше он боялся за меня. Он утратил свою спокойную уверенность, а я направляла все силы, чтобы вернуть его к прежнему состоянию. Будучи мало знаком с моей семьей, он сомневался, что его брак понравится ей, и всего опасался.

Он устроил для меня прелестный концерт, куда пригласил обе наши семьи, этот вечер был для него решающим. Он провел весь день, не встречаясь со мной, его нетерпение увеличилось из-за опасения, что мы не приедем. Все приготовления к этому дню казались ему репетицией к большому дню нашей свадьбы, и именно эта мысль с каждой минутой усиливала его нетерпение и беспокойство. Когда же мы прибыли, и я увидела его в первый раз у него дома, мне стоило большого труда его успокоить. Сама же я в тот день была более серьезной. Независимо друг от друга, мы оба думали об одном, и когда нужно было садиться в карету, я была столь взволнована, что лишилась слов. Мое состояние испугало тетю, но она привела меня в чувство своей нежностью.

Торжественность главного дня рисовалась в моем воображении со всей полнотой, и, хотя я надеялась стать счастливой, меня пугали обязательства, которые я давала Господу на всю жизнь. Но его состояние заставило меня забыть о своем, а обязанности хозяйки дома, которые он мне передавал, увеличивая мое возбуждение, тем не менее, отвлекли его. Вскоре Штекбелт (Stecbelt)[48] сел за пианино и, аккомпанируя детям моего зятя Львова, угостил все общество концертом военной

музыки (militaire) и дал нам время придти в себя.

В этот вечер Константин и я были удивлены прелестным ответом одного трехлетнего ребенка. Он держал на коленях дочку своего брата Корнелия, и, поскольку он был рядом со мной и часто целовал мне руки, она смотрела на нас внимательно и лукаво, отчего Константин попросил ее ответить, кто из нас двоих любит другого больше. Малышка, казалось, на мгновение смутилась, а затем, очень довольная собой, отвечала: *«Оба много вместе»*, и убежала к своей матери. Прелестные слова, я хотела бы услышать их перед смертью, как девиз нашей жизни.

Я просила Константина, и он сразу меня послушался, чтобы день нашей свадьбы не назначался на месяц, пока был траур по его матери, а он заканчивался 17 мая. Он согласился со всем и, казалось, оценил мой довод. Более сообразительный, чем я, он делал вид, что держит свое слово. Однако, с легкостью изменил его, разговаривая с людьми, которые оказывали на меня самое большое влияние. Это были тетушка Нилова, предлагавшая свое, ее братья, добавившие свои предложения, и, наконец, тетушка Державина, сказавшая, что ее свадьба состоялась 31 января, и что 22 года она радовалась своему безоблачному счастью. Поэтому она предпочитает именно этот день, и не хотела бы ничего иного, кроме той же даты, - и пусть мое счастье перейдет к вам, - добавила она, - это самое хорошее, что я могу вам пожелать. Эти слова глубоко отозвались в моей душе. Я суеверно стала желать именно этого числа из всех других, которые мне предлагались, и того же желала моя тетушка. Радость Константина по этому поводу была мне вознаграждением. С этого момента начались приготовления к свадьбе. Но впереди были еще тысячи тревог и волнений.

Утром прибыли торговцы. Тетушка закупила все, что считала необходимым. Следующий день посвящался купцам модными товарами, и это заняло еще несколько дней, пока, наконец, все не было готово. Что касается мебели, мы ограничились самым необходимым, зная, что наши средства не могли бы позволить нам жить в столице или рядом с ней. По поводу серебра я беспокоилась меньше всего и, возможно, забыла бы про него вовсе, если бы тетушка не поручила это мне и не увлекла бы меня накануне нашей свадьбы в помещение, где не было ничего, кроме серебра, которое она мне давала. Такая забота и беспокойство меня не удивляли, я ожидала этого, и это привязывало меня к ней все больше и больше, налагало на меня священный долг хранить всегда дочернюю любовь и уважение, потому что в течение всей моей жизни она была для меня настоящей матерью. Долг, так легко выполнимый и так согласный с моим сердцем и сердцем того, кому я должна была принадлежать, что я его не ощущала и радовалась возможности добавить к той признательности, что я испытывала, еще и благодарность за мое счастье. Как я была счастлива, видя, что моя тетушка любит Константина, я чувствовала, что она нашла способ привязать меня к себе еще больше, поскольку до сих пор ее нежность относилась только ко мне, но теперь я ощущала, что ее нежность к Константину была для меня в тысячу раз ценнее.

Ох, какое счастье быть любимой, любить в свою очередь и видеть благодарность тех, кто питает к вам взаимную нежность, быть уверенной в том, что их желания, их мольбы уносятся к Создателю, чтобы получить его благословение на

союз двух существ, одинаково дорожащих своей нежностью и счастье которых является их единственным достоянием.

Знаменательный день 31 января наступил, ему предшествовала целая ночь, когда я одна, в глубокой тишине, призывала к нам Божественное благословение, когда жар моей молитвы гнал сон и укорачивал утренние часы. Едва наступило утро, как пришел Константин, чтобы побыть со мной до часу дня, когда он снова увидит меня в церкви.

Весь этот день был для нас обоих наполнен переменами чувств - счастья, страха, волнения, очень яркими и перемежающимися, так что мой слабый рассудок помрачился, я утратила способность чувствовать, что люблю того, за кого выхожу. Поглощенная своими мыслями, я совсем не замечала его, у меня был задумчивый вид, полусонный и ни на что не похожий. Он рисовал мне жизнь, которую мы будем вести, счастье, которое будет следовать за нами повсюду, но я едва его слышала, смотрела на него и не видела ни его, ни всего, что делалось вокруг меня. Суета приготовлений, стуки молотков, расстановка мебели, все эти предсвадебные хлопоты, казалось, морально меня раздавили.

Но хуже всего было, когда Константин оставлял меня и как будто уносил с собой мои последние силы. Я не могла произнести ни слова. Меня причесывали, одевали. Я видела себя сидящей на диване напротив иконы Святой Девы, которой тетушка должна была меня благословлять. Общее беспокойство усиливалось тишиной, которую никто не решался нарушить, так что мне казалось, что я совершенно одна.

Шум подъезжающей кареты усилил мою тревогу. Мой зять Александр[49] возник передо мной со словами: «Мой брат ожидает вас в церкви», - и тотчас исчез. Тетушка поднялась, взяла икону и благословила меня с чувством нежности, какую может испытывать только мать в подобный момент, она страстно помолилась за меня со слезами на глазах и нежно меня обняла. Она будто передавала свои заботы тому, кто теперь станет следить за моим счастьем. Она затихла, я видела ее слезы, и только мысли о Константине дали мне силы удержаться от слез. Константин ждал меня в церкви,[50] где перед лицом Бога он даст обещание любить меня всю свою жизнь.

Эта мысль дала мне смелость оставить тетушку, которая, не будучи моей родной матерью, не должна была меня сопровождать в церковь. Я направилась вместе с моей сестрой Лизой, братом Леонидом, и Леонидом-младшим – сыном Лизы,[51] который нес икону, ко входу в церковь.

Константин подошел ко мне и, взяв меня за руку, повел к месту, где должна была состояться церемония бракосочетания. Тогда, собрав все свои моральные силы, я обратилась к Богу с мольбой послать нам благословение. Этот момент, который навсегда решал наше счастье, показался мне слишком важным, чтобы посметь хоть что-то скрыть от Бога.

Церемония закончилась. Мы подошли к иконам Спасителя и Святой Девы и после поздравлений от всех, кто находился в церкви, Константин снова оставил меня, чтобы встретить уже у себя дома. Когда мы снова соединились, он обнял меня, как супруг, и нежно поцеловал, а также тысячу раз поцеловал руки моей

тетушки, которая радовалась нашему счастью и сказала: «Дети, теперь вы у себя дома, займитесь заботой о вашем счастье, как положено, а я хотела бы сегодня хорошо развлечься». Эти слова, казалось, выражали желание всех, кто там находился. Без всякой скованности и церемоний мы выглядели так, будто были уже давно женаты и принимали самых любящих нас людей.

Так мы провели февраль. То тетя приходила к нам, то мы поднимались к ней, потому что весь нижний этаж был в нашем распоряжении. Часто тетя заходила попить у нас чайку и посмотреть, как я привыкаю к роли хозяйки дома (потому что обе семьи жили пока у нас), дома, в который я имела счастье войти и почувствовать, что Константин окружил меня настоящей заботой. Каждый день я все больше верила в свое счастье, и каждый день обращалась с благодарностями к Богу, прося Его дать мне сил заслужить это счастье, хотя бы частично.

В самом деле, после счастливого, благодаря Небу, замужества, я замечала, что заря этого счастья часто затмевалась облаками из-за подозрительности или горячности обоих. Это коробило и порождало некоторые прискорбные сцены до тех пор, пока опыт и привычки нашего союза оставались для нас секретом и мешали взаимности, так необходимой для настоящего счастья. Я замечала, что эти огорчительные для обоих моменты, не приводили к потере любви и деликатности и происходили исключительно из-за различных взглядов на вещи, что естественно для двоих существ, которые еще несколько месяцев назад не имели между собой ничего общего, и которые, появившись из разных частей света, объединились, чтобы не разлучаться всю жизнь.

Зная множество примеров из жизни людей, более достойных, чем я, я и не думала избежать общей судьбы, и впоследствии имела несколько неизбежных ссор, поскольку мы еще не изучили хорошо характеры друг друга, а привычка совместной жизни еще не приучила нас к недостаткам каждого.

Я защищалась, но не от Константина, а от себя самой, и замечу, что люди, которые боятся грозы, должны вести себя очень спокойно, когда гремит гром, прикусить язык, и даже не приближаться к предметам, могущим привлечь грозу. Это средство кажется мне подходящим для самых различных «гроз», случающихся с нами и зачастую разрушающих счастье в самом начала. Я говорила сама себе, что если, не дай Бог, я заметила бы малейшее недопонимание между нами, то моим священным долгом было бы скрыть это от всех; это было бы верным средством восстановить согласие между нами и лучшим свидетельством моей нежности к Константину.

Но каково было мое удивление, моя благодарность Господу и тому, кому я принадлежала, когда я видела, что дни, недели, месяцы несут мне только счастье. Никаких ссор, изредка – расхождение во мнениях.

Несколько раз мне случалось заметить, что опыт и знания Константина дополняли мой опыт. Чтобы изменить мое мнение, он использовал только мягкий голос убеждения, и больше того, этим доставлял мне радость чувствовать его превосходство, а также растущую любовь и уважение к нему. В доказательство того, что я сказала, я даже приведу один случай, когда Константин огорчил меня нечаянно, по незнанию, а когда узнал об этом, переживал больше, чем я сама.

Был последний день карнавала. Мои сестры Поленова и Бороздина[52] вместе со своими мужьями приехали к нам провести вечер. Мой брат Леонид также спустился от тетушки, так что нас было около 12 персон. Мужчины сели играть в бостон, мои сестры и я расселись вокруг стола, где я готовилась раздавать чай. Не чувствуя себя еще хозяйкой дома, я вела себя неловко и очень скованно.

Большой ли это труд – наливать чай, а мне пришлось несколько раз сильно покраснеть. Налив чай, я послала чашки мужчинам. Константин взял чашку первый. *«Чай отвратительный, вода ужасная»*, – сказал он по-русски слуге, который подал ему чашку, будто упрекая его в том, что тот не налил свежей воды в чайник. Этот упрек, казалось бы, адресованный прислуге, я приняла на свой счет, и поскольку я впервые такое услышала из его уст, это меня болезненно огорчило, я побледнела и покраснела одновременно, почувствовала слезы в горле, но сдержалась, благодаря Леониду. Сидя за тем же столом для бостона, он не слышал, что сказал Константин, а заметил лишь мое возбуждение. Удивленный и даже обеспокоенный, он несколько раз спросил меня, что со мной происходит.

– Ничего, – отвечала я. Был момент, когда я, чуть было, не обнаружила огорчение, но все обошлось, чай был подан снова, а я выбежала из комнаты в соседний зал, где позволила себе расплакаться перед моими сестрами.

Удивительно, сестры Константина, только что уделявшие мне так мало внимания, стали для меня в этот момент самыми близкими из всех, кого мне приходилось встречать. Я не боялась открыть им свое сердце таким, как оно было в тот момент – грустное и раненое, но своим родителям я бы не раскрыла его ни за что на свете, и не потому, что я их меньше любила.

Бог видит мое сердце. Он знает, как они мне были дороги. Но в тот момент я поняла, что искреннее чувство нежности ко мне позволило им, возможно, принять мою сторону и тем самым усилить вину Константина и, как говорится, вонзить иглу прямо в сердце, хотя я хотела утешения только от человека, который мог бы сказать мне, что он не имел никакого намерения меня огорчать.

К тому же нежность, которую мои сестры испытывали к Константину, и глубокий смысл, который они вкладывали в каждое свое слово, сумели уменьшить мое горе. Потребовалось лишь несколько слов Константина, чтобы развеять его окончательно. Как только он заметил, что меня нет в комнате, он последовал за нами в зал и, увидев меня все еще грустной, стал целовать мои руки, пальцы, даже ноги, умоляя меня простить ему его горячность, причиной которой было его крайнее наслаждение принимать налитый мной чай, видя, как другие с удовольствием его принимают, и наслаждение, которое слуга разрушил своей непростительной небрежностью. – И к тому же, мой друг, – добавил он, – разве не в твоих интересах избавить себя от тягостной заботы прощать людям их ошибки?

После всего, что он сказал, могла ли я пожелать чего-либо большего? С этого момента я всегда стала находить юмор в его нежности и его извинениях.

Я говорю об этом случае, потому что воспоминания о нем не были горькими и служили мне доказательством, что мнение Константина и тех, кто любил его, были мне дороги, и в результате моя привязанность к нему каждый раз получала новые силы, и я с готовностью следовала за ним дальше. Так милость Божия позво-

лила мне в этот момент сохранить отношения с дорогими мне людьми, чтобы следовать за своим любимым человеком, и сделала это происшествие менее жестоким.

Нашему счастью мешали также большие долги, нужно было думать, как их оплатить, и мы решили вскоре уехать в деревню на несколько лет и сделать это как можно скорее. Оставить столичные радости, отказаться от роскоши было просто, лишь расставание с нашими родными огорчало нас. Их искренняя любовь к нам не позволяла им легко согласиться на наш отъезд, хотя они и желали нам лучше устроить свои дела.

В конце февраля Константин решил, что мы поедем в первых числах марта, чтобы иметь возможность без труда добраться до деревни по хорошей зимней дороге. Поэтому мы, как два муравья, были заняты сбором, упаковкой и увязыванием своего маленького домашнего хозяйства в один багаж. Здесь опять я увидела свою неопытность, так же как и неопытность помогавших мне женщин, которые умели вышивать, но никак не упаковывать хрупкие вещи. Тут снова моя дорогая тетя пришла мне на помощь, она обучала меня, сама выполнила часть работы, а остальную заставила меня сделать под ее наблюдением и, довольная моим прилежанием, пожелала мне успехов. Так я упаковала наше серебро, фарфор, стекло к великой радости Константина, который, увидев меня красную от возбуждения, несколько раз обнял меня, сказав, что находит меня прелестной. Не буду говорить о том, что после этого мой труд показался мне жалким. Необходимые покупки, люди, которых следовало нанять и отправить в деревню, различные приготовления невольно занимали меня, отодвигая в мыслях близкий момент прощания. Что же касается тетушки, она почти не покидала нашего дома и, видя меня слишком озабоченной, чтобы грустить, она кивала головой со словами «Злой ребенок, такой счастливый вид, словно ты радуешься, покидая нас». Тогда, бросив все и целуя ей руки, я отвечала: «Нет, тетушка, я не рада отъезду, но, поскольку таково желание Константина, то я уверена, что буду счастлива с ним повсюду, и уверена также, что он не сделает наше отсутствие слишком долгим». В самом деле, он обещал приехать в Званку через три месяца.

Однако, время проходило быстро, предотъездная суета утихала по мере приближения дня отъезда, назначенного на 2 марта.

За несколько часов до отъезда, я поднялась одна к тетушке, пока Константин отдавал еще какие-то указания, и, когда я целовала ей руки, почувствовала, как слезы полились из глаз. Я давно это предвидела, и это случилось. Мне нужно было оставить все и последовать за тем, кто стал для меня всем. Это путь, на который я только что вступила, был еще таким новым и незнакомым.

Расставание с милой тетушкой, которую я утешала, представлялось мне скорее полезным. Разлука с моей любимой Лизой, которая почти не знала Константина, меняла многое в моей жизни, по крайней мере, мои привычки. Воспоминания об обязанностях по отношению к моей доброй тетушке присоединились к печали от необходимости оставить ее одну или, по крайней мере, с людьми, которых она любила и знала меньше, чем меня. Я вспоминала о моей маленькой комнатке, которую тетя хотела сделать вольерой для своих канареек, словно желая отметить, что я как птица улетела от нее. Все эти мысли, сменяя одна другую, заставили меня

заплакать. Но легкий шум в соседней комнате все изменил. Я подумала, что это Константин, и из боязни показаться ему в таком виде, спряталась, и это еще одно доказательство, что я полюбила его больше всех на свете.

Когда мы все собрались – братья, тетя – и когда объявили, что лошади поданы, моя добрая тетушка поглядела на часы, увидела, что уже десять, и предложила нам остаться на ночь и поехать завтра.

– Пашетта, – сказала она, – я знаю, что ты трусиха, вы должны проехать через Стрельну, где квартирует уланский полк; говорят, что по дороге встречаются воры, которые нападают ночью на проезжающих. Ты не боишься? Может, лучше остаться сегодня дома?

– Нет, дорогая тетушка, – отвечала я, глядя на Константина, – я больше ничего не боюсь, и буду спать в кибитке.

На самом деле, внутренне удивляясь самой себе, я чувствовала смелость, которую давала мне привязанность к Константину, я боялась не своего воображения, а малейшей задержки нашего отъезда.

Наконец, все мы встали и, получив благословение тетушки, спустились во двор, где тетушка обняла нас еще тысячу раз. Наша кибитка, окруженная провожающими, не могла сдвинуться с места.

Мой брат Саша заглядывал внутрь, боялся, чтобы я не замерзла, притащил плед из мутона, все нам желали благополучия, целовали и казались еще более грустными, чем я. Лошади тронули – еще один поцелуй всем нашим.

Прощайте тетушка и братья, вот я уже далеко от вас!

По мере того, как мы удалялись от Петербурга, царившая там сумятица в течение ночи удалялась, удалялась и исчезла. Наступила долгая тишина, и лишь звук колокольчика нарушал ее на пути наших лошадей, как будто напоминая, что каждый из родных удаляется все больше и больше. Я молчала с сердцем, полным недавних эмоций. Меня укрывала темнота. Константин, обеспокоенный моим молчанием, удвоил внимание.

– Дружочек, – сказал он мне, – дай мне послушать твой голос. Я тебя не вижу, но хоть услышу. Ты грустна, я оторвал тебя от семьи, но если это так тяжело для тебя, скажи лишь слово, и мы вернемся в Петербург. – Нет, нет, мой друг, – отвечала я, – едем, едем скорее.

Мы говорили о тех, кого только что покинули, мы воображали, что они делают в этот момент, о чем говорят, это все еще в мыслях объединяло нас с ними.

Дорога была прекрасная, мы ехали быстро, счастливо миновали Стрельну. Прибыв на постоялый двор в Гатчине, мы вышли из саней, чтобы принять что-нибудь горячее, пока меняют лошадей. Мне странно было оказаться без тети на постоялом дворе, на огромной дороге. И не удивительно ли, что Константин был постоянно рядом со мной, никуда не отлучался.

Эти спокойные мысли сменились настоящим ужасом: гул голосов постояльцев, крики «извозчик», темнота – наводили страх, и непроизвольно я искала повсюду свою тетушку или Константина, которого всегда встречала с радостью. Понемногу первое впечатление ослабло, и тут же появилось второе. Мы много раз писали тетушке, пока прибыли в Кудвер,[53] но в этих письмах мы могли выразить только свою

тоску. Эта мысль удваивала наше нетерпение от пребывания здесь, и мы спешили дальше. Нам нужно было свернуть с главной дороги на проселочную. Лошади, прибывшие из Кудвера, заменили почтовых лошадей, которые нас везли до сих пор.

Хотя шел четвертый день марта, на дороге лежали большие снежные сугробы, куда проваливалась наша кибитка, и чем ближе мы подъезжали к нашему будущему жилью, тем больше возникало трудностей. Перед нами лежали горы снега, среди которых видна была лишь узкая тропинка вместо главной дороги, которую мы только что покинули. Наше предчувствие оправдалось, наши бедные лошади, предельно измученные, провалились в снег по самые спины и остановились. Кибитка, где находились наши люди, оставалась далеко позади, и я не видела никаких средств вытащить нас оттуда. Тогда Константин показал другое направление. Он исчез и через некоторое время вернулся с небольшой крестьянской повозкой, куда пересадил меня и сел сам, и мы тронулись. Все это казалось мне новым и забавным. Наша маленькая лошадь бежала довольно быстро. Холмистые, залесенные места казались восхитительными, хотя и были укрыты снегом. Константин заметил вдали большую каменную церковь и сказал, указав мне на нее: «Вот и Кудвер, и наша церковь Св. Георгия».

Его слова глубоко меня взволновали – ведь это церковь Святого Георгия, которая интересовала меня с самого 26 ноября, и которую я считала провозвестницей нашего счастья, а это Кудвер, куда я перенеслась как по взмаху волшебной палочки.

Это была величественная зимняя сцена во всей своей красоте, а прекрасное мартовское солнце сияло, рождая алмазы под нашими ногами. Природа словно старалась сделать наше прибытие действительно приятным, если не сказать волшебным.

Мы въехали в большой двор, и лошади остановились около низкого, но просторного деревянного дома; я заметила на крыльце моего зятя Владимира Матвеевича, который, побывав на нашей свадьбе в Петербурге, уехал несколькими днями раньше, чтобы встретить нас в Кудвере, откуда он должен был вернуться в свой полк.

Около него я увидела моего зятя Ивана Матвеевича, жизнь которого вызывала у меня чувство сострадания и опасения. Лицо его было очаровательно и выражало одновременно ум и доброту. Все остальное в нем носило отпечаток страдания, его высохшие ноги оставались неподвижными, так что он передвигался на коленях, руки совершали конвульсивные движения, он попытался говорить, но я не услышала ничего, кроме хрипа и нечленораздельных звуков. Я обняла его с необъяснимым испугом, пряча от него свое волнение. Признаюсь, к своему стыду, я долгое время не могла преодолеть себя, и долгое время вздрагивала при звуке его голоса. Но, слава Богу, в конце концов, я привыкла к нему и впоследствии хорошо узнала его ангельский характер и деликатность чувств. Я привязалась к нему всем сердцем и даже его полюбила. В самом деле, невозможно было не полюбить его, в этом несчастном теле жили сильный дух, горячее сердце, справедливый ум и бездна милой веселости, которая позволяла ему улыбаться, когда все окружающие готовы были заплакать при виде его страданий.

Его нужно было кормить, как ребенка, но даже тогда он глотал с трудом. Из-за спазмов в горле или в груди его мучил постоянно кашель, который усиливался при попытках произнести слово, а еще больше при попытке проглотить хотя бы маленький кусочек. Вид его вызывал грустное чувство, смешанное с живым интересом, который нельзя было не испытать к нему. И как оно вырастало по мере того, как обнаруживались его милые добродетели, справедливый дух, кругозор, глубокая чувствительность, одним словом, соединение всего, что должно было бы сделать его счастливым, а вместо этого жестоко давало ему почувствовать свою полную беспомощность. Однако его милая веселость брала верх над моральными и физическими страданиями, он смеялся, заставляя смеяться и нас, иногда и над своими недугами.

Испытав поначалу чувство страха, которое он внушал, я вскоре привыкла к его разговору, так что понимала его лучше других, и он полюбил меня как сестру.

Что же касается состояния здоровья моей невестки Ольги Матвеевны,[54] оно было таким, что Константин долгое время категорически запрещал мне идти к ней и убеждал меня в том, что появление незнакомого человека не принесет ей никакой пользы. Я занималась ею, общаясь с женщиной, заботам которой она была доверена, предупреждала ее нужды, посылала ей различные вещи, которые она предпочитала, знакомилась с ее вкусами, удовлетворяла их, желая таким образом начать знакомство с ней.

Я не могу забыть тягостного ощущения, которое испытала, увидев ее в первый раз. Это случилось утром, я была в спальне и, подойдя к окну, увидела, как она проходит через двор, окруженная женщинами, я проводила ее взглядом и почувствовала, что слезы текут у меня по щекам. Молодая, очаровательная женщина со стройной фигурой, чье поведение и тяжелый взгляд говорили о полном отсутствии разума. Она смотрела и ничего не видела, шла наугад или ведомая своими женщинами, произносила отрывочные, с трудом различимые слова. Это существо, получившее от природы все, чтобы быть счастливой и давать счастье и утешение другим, стала объектом безнадежности и страдания. Если бы это душевное расстройство было бы заговором, если бы этот блуждающий разум был утрачен полностью, она была бы менее несчастна. Но были моменты, когда она приходила в себя, видела ужас своего положения, просила прощения у окружающих за свое буйство, умоляя о смерти как конце своих страданий, мечтая о том, чтобы выдержать моральную и физическую боль.

Константин привел меня к Оленьке, она радостно и судорожно обняла меня.

Константин вспоминал, как в детстве, тетя Державина привела их всех 1 мая к матери, которая была сильно привязана к самой младшей из троих: «Тогда мы и представить себе не могли, какими мы станем, и как переменятся обстоятельства. Бедная Оленька была тогда совершенно здорова, и даже ее прилежание в учебе радовало и учителей, и родителей, у нее был веселый легкий характер, не вызывавший никаких опасений. А через несколько лет она стала причиной отчаяния всей семьи и ужасным крестом для своей бедной матери».

ПРИМЕЧАНИЯ

* Подробнее о нем см.: *С. Д. Дзюбанов.* Завещание Дарьи Алексеевны Державиной. // Сб. Г.Р. Державин и его время. Вып. II. СПб., 2005. С. 228.

** Савво-Вишерский монастырь основан преподобным Саввою в 1417 г., терпел много бедствий, лишений; в 1764 г. был совсем упразднен и возобновлен в начале XX в., главным образом по ходатайству генерала Березина. Обитель была малолюдна. В ней всего один храм во имя Вознесения Господня с двумя приделами – Покровским и во имя преподобного Саввы Вишерского. Здесь покоились его мощи, здесь же находилась древняя храмовая икона. Около монастыря находилась часовня, в которой хранился крест, водруженный преподобным Саввою. В 1916 г. монастырь был возобновлен как женский. Монастырь был полностью разрушен во время Великой отечественной войны, т. к. оказался в зоне активных боевых действий 2-й Ударной армии.

[1] Сыновья Н.А. Львова, братья Прасковьи Николаевны.

[2] РНБ РО, ф. 247 (Державина), т. XX, ч. II, лл. 376-382.

[3] Там же, л. 386об

[4] Там же, лл. 404–407.

[5] См.: *Дзюбанов С.Д.* Львова вышла замуж за Львова. // Г.Р. Державин и его время. СПб., 2007. С. 103.
(Подробнее см.: *В.В. Антонов, А.В. Кобак.* Святыни Санкт-Петербурга. Христианская историко-церковная энциклопедия. СПб., 2003, с. 190.)

[6] Сочинения Г.Р. Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. 2, СПб., 1865, с. 630.

[7] Там же. Т. 8, СПб., 1880, с. 963.

[8] *С.В. Скалон.* Воспоминания.// Исторический вестник. 1891, май, с. 361.

[9] *Г.Р. Державин.* Ук. соч. Т. 6, СПб., 1871, письмо № 1063.

[10] Там же, с. 263–264.

[11] *Е.Д. Кукушкина.* «Записки» Прасковьи Николаевны Львовой. // Сб. «XVIII век»./ ИРЛИ. Вып. 18. СПб., 1993. С. 262–298.

[12] *Е.Д. Кукушкина.* Ук. соч., с. 287.

[13] *Е.Д. Кукушкина.* Ук. соч., с. 287–292.

[14] Мать Ивана Васильевича Свечина – сестра Николая Александровича Львова Евдокия Александровна.

[15] *Н.И. Мердер.* Из далекого прошлого. (Тетушка Вера Николаевна Воейкова).// Исторический вестник. 1909. №11. С. 404
Здесь цитируется по приложению к ук. соч. *А.П. Львовой* и *И.А. Бочкаревой.* С. 216.

[16] «Тетушка Нилова» – Прасковья Михайловна Бакунина, в замужестве Нилова, двоюродная сестра матери Прасковьи Николаевны – Марии Алексеевны Львовой, урожд. Дьяковой, дочь Михаила Васильевича Бакунина и Любовь Петровны Мышецкой – родной сестры матери Марии Алексеевны.
У Михаила Васильевича и Любовь Петровны Бакуниных было три сына – Михаил, Иван, Александр, и пять дочерей – Пелагея, Анна, Варвара, Татьяна и Прасковья.

[17] Кавелин Д.А. – офицер Измайловского полка, часто бывавший в доме Державина.

[18] Александра Дьякова – кузина Прасковьи Николаевны, дочь брата ее матери Николая Алексеевича Дьякова.

[19] Елизавете Николаевна Львова – Старшая сестра Прасковьи.

[20] Варвара Константиновна Бороздина (род. до 1821 – ум. не позже 1854). Фрейлина великой княжны Ольги Николаевны. Вышла замуж за своего кузена Леонида Алексеевича Воейкова (1818-1876), сына Веры Николаевны, у которой после смерти Варвары Константиновны воспитывалась их дочь Ольга (1850 – 1875).
Имя Марии Константиновны ни в одном из генеалогических справочников не упоминается. Вероятно, девочка умерла в младенчестве.
Незадолго до смерти Прасковьи Николаевны у Бороздиных родилась еще одна дочь – Елена Константиновна (1837–1922), которая воспитывалась в семье Поленовых. (Мария Алексеевна Поленова, урожд. Воейкова- племянница Прасковьи Николаевны, дочь ее сестры Веры Николаевны). Елена Константиновна унаследовала от отца часть рукописей Г.Р. Державина, которые она впоследствии передала в императорскую Публичную библиотеку. Ей же отец передал публикуемые здесь записки матери с просьбой сохранить их и передать потомкам.
Жила Елена Константиновна в Париже. Вышла замуж за Владимира Семеновича Корсакова, за братом которого, Александром Семеновичем (1831–1862), была замужем ее кузина Наталья Александровна, дочь Александра Николаевича Львова – брата Прасковьи Николаевны.

[21] Петр Андреевич Нилов (1771 – 1853) – супруг «тетушки Ниловой», сын старинного приятеля Г.Р. Державина, тамбовского помещика Андрея Петровича Нилова и Елизаветы Корнильевны (урожд. Бороздиной) – сестры отца Константина Матвеевича Бороздина. Таким образом, К.М. Бороздину он приходился двоюродным братом.

[22] Павел Дьяков – кузен Прасковьи Николаевны, сын брата ее матери Николая Алексеевича Дьякова.

[23] Сочинение *Фомы Кемпийского* «О последовании Иисусу Христу в 4-х книгах».
1-я книга. Путь, ведущий к жизни духовной.
2-я книга. Путь, ведущий к жизни внутренней.
3-я книга. О внутреннем утешении.
4-я книга. О таинстве святого причащения.
Этот труд был переведен на многие языки. Под названием «Путь следования Христу» на русском языке в переводе *Я. Уткина* в 1816 г. впервые был издан в СПб. В 1880 г. был опубликован в переводе *К.П. Победоносцева* под названием «О подражании Иисусу Христу». В 1893 г. в переводе *М.М. Сперанского* с тем же названием. В словаре Брокгауза и Эфрона (т. 82, с. 946) это произведение приводится с названием «Подражание Иисусу Христу, а в Философской энциклопедии (т. 5, с. 383) – «Следование за Христом».
Была ли в библиотеке Державина эта книга на французском языке, или Прасковья Николаевна читали книгу в переводе Я. Уткина, установить не удалось.

[24] Г.Р. Державин скончался в Званке 9 июня 1816 г. на руках у Прасковьи.

[25] Леонид (1784–1847), Александр (1790–1849), Елизавета (1788–1864) и Вера (1792–1873) Львовы.

[27] Скорее всего Прасковья Николаевна ошибочно указала дату 20 ноября, т. к. спектакль, о посещении которого она пишет, состоялся 26 ноября. (См. *Н.В. Губкина.* «Немецкий музыкальный театр в Петербурге в первой трети XIX в.». СПб., 2003. С. 98.)

[28] М. Сесси – «первая певица Его Величества короля обеих Сицилий». В 1818 г. состоялись ее гастроли в Большом театре, и в спектакле, представлявшем «отрывки в лучших сценах» из итальянской оперы «Ромео и Юлия» с музыкой Н.А.Цингарелли, Сесси исполнила партию Ромео. (См. ук. соч. *Н.В. Губкиной.* С. 98.)

[29] Чимороза Доменико (1749-1801) – итальянский композитор, певец, скрипач, клавесинист, капельмейстер, дирижер. С 1787 по 1791 гг. – капельмейстер итальянской оперы в Петербурге.
26 ноября 1818 г. в Большом театре исполнялась опера с музыкой Д. Чимарозы «Горации и Куриации» (Прасковья Николаевна называет ее в своих записках «Horaces et Curiaces»), в которой принимали участие итальянские, немецкие и русские певцы. (См. там же, с. 98, 297.)
[30] Муж сестры Прасковьи - Елизаветы Николаевны, Федор Петрович Львов.
[31] Прасковья Михайловна Нилова (урожд. Бакунина).
[32] Матвей Корнильевич Бороздин (1753–1817), отец Константина Матвеевича. Был женат на Варваре Ивановне Панфиловой (ум. в 1818 г.), дочери духовника Екатерины II. У них было четыре сына – Константин, Александр, Владимир, и Иван, и пять дочерей – Лукия, Елена, Варвара, Прасковья и Ольга.
[33] В то время в Петербурге было три приходские церкви во имя Великомученицы Екатерины: на Старопетергофском пр. (не сохранилась, на ее месте в 1937–1939 гг. был выстроен кинотеатр Москва), в поселке Мурино и на Кадетской (ныне Съездовской) линии. В которую из них «все семейство его обыкновенно ездило», установить не удалось.
[34] Константин Матвеевич был кузеном «тети Ниловой» по мужу.
[35] Речь идет о поездке Г.Р. Державина с семейством летом 1813 г. на Украину – в Киев и Обуховку к В.В. Капнисту, о которой Прасковья Николаевна подробно описала в своем более раннем Дневнике. См. Е.Д. Кукушкина «Записки Прасковьи Николаевны Львовой». // «XVIII век», 18 сб., СПб., 1993. С. 262–298.
[36] Пещеры Киево-Печерской лавры.
[37] Так Прасковья Николаевна называет день, когда М.К. Бороздин сделал ей предложение.
[38] Леонид Николаевич Львов.
[39] «Старшая невестка сестры Львова». Речь идет об одной из сестер Федора Петровича Львова, но о какой именно выяснить, практически, невозможно. Известно, что у него было четыре брата: Дмитрий (родился в 1771, ум. ?), Павел (1773–1813), Василий (родился в 1775, ум. ?), Петр (1781– до 1836), и четыре сестры, сведения о судьбах которых отсутствуют: Пелагея (родилась в 1774, ум. ?), Наталья (родилась в 1779, ум. ?), Надежда (родилась в 1783, ум. ?), Любовь (родилась в 1784, ум. ?).
[40] Кузен детей Н.А. Львова, сын В.В. Капниста, женатого на Александре Дьяковой, родной сестре Марии Алексеевны.
[41] Так Прасковья Николаевна называла Г.Р. Державина.
[42] 26 ноября – день освящения церкви вмч. Георгия в Киеве (1051–1054).
[43] Вероятно, имеется в виду брат деда Константина Матвеевича, дядя его отца.
[44] Скорее всего, речь идет о супруге Михаила Никитича Муравьева, старинного друга отца Прасковьи Н.А. Львова.
[45] За Василием Алексеевичем Поленовым была замужем сестра К.М. Бороздина Елена. А.И. Бороздин – кузен Константина Матвеевича.
[46] Кого именно Прасковья имеет в виду - жен братьев Бороздина, или его сестер, – не ясно. В конце 1818 г. скончалась мать Бороздиных, по поводу чего и был траур.
[47] О ком в данном случае речь не ясно, так как к тому времени из братьев Прасковьи женился только Леонид Николаевич – в 1817 г. на Елене Николаевне Козляиновой (1800-1850); Александр Николаевич женился поздно – лишь в 1825 г., на Наталье Николаевне Мордвиновой (1754–1845). А сестер Бороздина Прасковья только что

узнала и не могла их «всегда любить всем сердцем».
[48] Немецкий музыкант и композитор Д. Штейбельт, автор оперы "Cendrillon" – "Сандрильона", или "Золушка" (от фр. cendre – зола), завоевавшей самую сенсационную популярность среди наиболее известных опер, поставленных на сцене Немецкого (Кушелевского) театра в Петербурге. Премьера оперы в переводе Г.Г.Шмидера состоялась 7 февраля 1811 г. Все приготовления к ней велись самым тщательным образом под наблюдением главного директора императорских театров, чтобы «к сей опере не было никаких недостатков и ни малейшей остановки». Уже первое представление оперы принесло Дирекции прибыль свыше 1000 рублей. Об успехе Оперы свидетельствует тот факт, что после премьеры Д. Штейбельт был награжден титулом придворного капельмейстера.
Овеянный романтическим ореолом образ Сандрильоны в начале XIX в. стал необычайно популярен не только в России, но и в странах Западной Европы. К этой теме обращался не только Штейбельт, но и Н. Изуар, Дж. Россини и др. Популярность этого сюжета в Европе, по отзывам современников, была вызвана блистательной постановкой 22 февраля 1810 г. в Парижде оперы "Cendrillon" с музыкой Николо Изуара. Восторженно принятая парижанами, опера имела более 70 представлений в течение года и вызвала появление множества подражаний.
(См. ук. соч. *Н.В. Губкиной*. С. 113–114, 239 – прим. 17, 18, 502 – № 31.)
[49] Александр Матвеевич Бороздин, брат Константина Матвеевича.
[50] Морской Никольский Богоявленский собор (см. прим. 5).
[51] Леонид Федорович Львов (23.02.1813-1890). Сын Федора Петровича и Елизаветы Николаевны. Крещен в Морском Богоявленском Никольском соборе. Восприемниками были Г.Р. Державин и Прасковья Николаевна Львова. Подробнее о нем см. ук. соч. *А.П. Львовой и И.А. Бочкаревой*. С. 104–105.
[52] Сестры К.М. Бороздина – Елена Матвеевна Бороздина, в замужестве Поленова и, вероятно, Прасковья Бороздина.
[53] Кудвер – имение Бороздина. Находилось в Порховском уезде Псковской губернии. Не сохранилось, т. к. во время Великой Отечественной войны там проходили жесточайшие бои и все было разрушено.
[54] Владимир Матвеевич, Иван Матвеевич, Ольга Матвеевна – братья и сестра К.М.Бороздина.

С.Д. ДЗЮБАНОВ*
Санкт-Петербург

РОДСТВЕННОЕ ОКРУЖЕНИЕ ЛЬВОВЫХ. ГЕНЕРАЛ ГАСФОРД

Густав Христианович Гасфорд родился 1 апреля 1794 г. (а по показаниям послужного списка в 1793 г.) в Белостокской области. Происходил он из иностранных дворян лютеранского вероисповедания. После окончания курса наук в Кенигсбергском высшем ветеринарном учебном заведении, Гасфорд поступил ветеринаром на службу в прусскую армию, которая в союзе с русской армией вела в то время войну против Наполеона. Гасфорд был прикомандирован к русским войскам, нуждавшимся в ветеринарах. В одном из сражений, когда погибло много русских офицеров, Гасфорд, поставленный за офицера, так отличился своей храбростью, что был переименован в боевого офицера и навсегда остался в рядах русской армии, хотя русское гражданство принял только в 1833 г.

С небольшими перерывами на учебу (закончил «первоначальную колыбель офицеров русского Главного штаба» – училище колонновожатых, институт Корпуса путей сообщения), Гасфорд участвовал во всех наиболее значительных военных кампаниях России первой половины XIX века и проявил себя не только храбрым воином, но талантливым инженером. Находясь в армии Барклая-де-Толли, Густав Христианович многое сделал для укрепления известного Дрисского лагеря, после сражения под Смоленском и Дрогобушем он вместе с полковником Матушевичем за два часа устроил переправу через Днепр. Отличился Гасфорд и в Бородинском сражении. В 1813 г. вместе с поручиками Ламздорфом и Сиверсом под сильным огнем неприятеля подвел брандеры и уничтожил мост через Эльбу. Был ранен, а в 1814 г. отлично сражался при взятии Парижа. В 1829–1830, 1840, 1844–1846 гг. участвовал в кампаниях против горцев на Кавказе. Во время подавления польского восстания 1831–32 гг. числился в должности начальника штаба пехотного корпуса. В 1833 г. был в составе русского корпуса, отправленного в помощь турецкому султану против восставшего египетского паши. Последней крупной кампанией, в которой участвовал Гасфорд, было подавление русской армией революции в Венгрии 1848–1849 гг. Свою военную карьеру Гасфорд завершил в чине генерал-лейтенанта; его боевые заслуги не раз отмечались орденами, ценными подарками, благодарностями, а также золотой шпагой, украшенной алмазами, с надписью «За храбрость»[1].

В 1851 г. Гасфорд был назначен генерал-губернатором Западной Сибири и командующим отдельным Сибирским корпусом.

На этих постах Густав Христианович сменил князя П.Д. Горчакова, оставившего о себе недобрую память, и по словам одного из летописцев стал «для Сибири тем же, чем для России царь Федор после Ивана Грозного»[2]. П.К. Мартьянов, военный инженер и плодовитый писатель, давший прекрасные характеристики многим представителям сибирской администрации середины X1X столетия, так описывал приезд Гасфорда в Сибирь: «Новый корпусный командир не замедлил пожаловать в Омск. Это был ученый генерал, не в смысле наших вообще военно-ученых, оканчивавший курс в академии генерального штаба, но особенно ученый, учившийся у нас и за границей в нескольких университетах и академиях и имевший до пяти докторских дипломов, по разным сферам наук. Человек почтенных лет, но, как студент, весьма гуманный, мягкий и обходительный, он не принадлежал к типу громовержцев и всей своей фигурой, голосом и манерами походил скорее на профессора, нежели на строевого генерала-фронтовика»[3]. По словам выдающегося русского путешественника П.П. Семенова-Тян-Шанского, которого судьба не раз сводила с западно-сибирским генерал-губернатором, «Гасфорд принадлежал к числу просвещенных офицеров русской армии, имел вполне научное военное образование, большую опытность и несомненные способности в военном деле, личную храбрость и безукоризненную честность»[4].

Личность Гасфорда и его деятельность в Сибири получили противоречивую оценку современников. Так, например, П.П. Семенов-Тян-Шанский, несколько раз бывавший в Омске, считал генерал-губернатора «недюжинной личностью». Вместе с тем, он отмечал, что «административных способностей, к сожалению, Гасфорд не имел, но зато не был бюрократом и рутинером...»[5] А вот генерал И.Ф. Бабков, прослуживший в Сибири более 30 лет при шести генерал-губернаторах, наоборот, подчеркивал в своих мемуарах хорошие административные способности Гасфорда[6].

Но и Семенов-Тян-Шанский, и Бабков (а именно они оставили наиболее подробные воспоминания об «ученом генерале») отмечали некоторые причуды и странности Гасфорда, ставшие впоследствии предметом многочисленных анекдотов.

Недоумение, как в Сибири, так и в столице вызвала идея Гасфорда ввести среди киргизов, которые в то время еще не были мусульманами, так называемую «среднюю религию». В 1854 г. он подал императору Николаю I записку, в которой сообщал, что приобщение киргизов к христианской религии невозможно, т. к. образ жизни последних противоречит догматам христианского учения. С другой стороны, обращение огромного кочевого народа в мусульманство противоречит государственным интересам. Из этого Гасфорд сделал вывод о необходимости введения новой религии, которая была бы приспособлена к условиям жизни киргизов и соответствовала бы русским государственным интересам. Говорят, что Николай I, ознакомившись с запиской западно-сибирского генерал-губернатора, оставил на ней резолюцию: «Религии не сочиняются, как статьи свода законов». После этого записка была возвращена автору с нелестным отзывом об его соображениях.

Период десятилетнего правления Западной Сибирью Гасфордом считают «едва ли не самым отрадным, после управления П.М. Капцевича»[7]. Этот период ознаменован многими административными и военными преобразованиями. Наибо-

лее значительным событием было присоединение к Российской империи огромных пространств Заилийского края, бывшем спорной территорией между подданными России – киргизами Большой орды и каракиргизскими племенами, китайскими и кокандскими подданными.

При Гасфорде в 1854 г. с целью сосредоточения обязанностей военного и гражданского управлений в лице окружного начальника и с целью улучшения быта самоедов и остяков был образован новый военный Березовский округ. В том же году, по инициативе Гасфорда, для удобства в управлении киргизами, из области Сибирско-Киргизской степи, были образованы две новые области: Сибирских киргизов и Семипалатинская, с областными правлениями в Омске и Семипалатинске. В 1859–1861 годы было преобразовано Сибирское казачье войско и издано новое положение о войске. При непосредственном участии Гасфорда на Иртыше стало развиваться пароходство. В 50-х годах XIX в. в Сибири водворено около 80 тысяч переселенцев, прибывших из Европейской России; была разрешена продажа казенных земель, положившая начало земельной собственности в Западной Сибири. В это же время в крае построено до 200 церквей; во многих селах учреждены приходские училища, а в восьми городах открыты женские школы.

При Гасфорде произошли большие перемены в благоустройстве и общественной жизни главного города Западной Сибири – Омска. В 50-х годах XIX в. строятся здания войскового хозяйственного правления, интендантства, общественного собрания и городской тюремный замок, в 1859 г. начато строительство генерал-губернаторского дворца и закладка оборонительных казарм на крепостном валу.

Его служба в Западной Сибири была отмечена очень высокими орденами – Александра Невского с алмазами и Владимира 1 степени с мечами. В 1853 г. Гасфорду было присвоено звание генерала от инфантерии. В память о его деятельности в Тобольской гимназии были учреждены три стипендии (одна из них семипалатинским купечеством) и еще две стипендии в Тобольской и Тюменской женских гимназиях. В Омске именем Гасфорда была названа одна из улиц (ныне ул. им. К. Либкнехта). Густав Христианович был почетным членом Академии наук, Вольно-Экономического и Географического обществ, а с 1859 г. – Почетным Президентом Парижского общества "Уничтожение невольничества и торга неграми в Америке"(Institut d"Afrique)[8].

Но позднее, в XX в., Гасфорд на многие десятилетия был предан забвению. Редкие упоминания о нем, как впрочем, и о других генерал-губернаторах, были далеки от объективности. Авторы усиленно выискивали в мемуарах негативные оценки, анекдотичные на их взгляд ситуации, а порой и просто подтасовывали факты. Своими пренебрежительно-презрительными характеристиками они по сути дела пытались перечеркнуть все доброе и положительное, что сделали для Сибири и Российской империи эти государственные деятели. «Гасфорд, его предшественник Горчаков и другие омские правители, – коротко и без лишних эмоций пишет о них в своей книге «Омск» М.К. Юрасова, – были типичными представителями царской администрации, осуществлявшей на дальней окраине страны политику монархии»[9]. И лишь в последнее десятилетие вновь появились публикации о Западно-сибирских и Степных генерал-губернаторах, а в здании Администрации (Пра

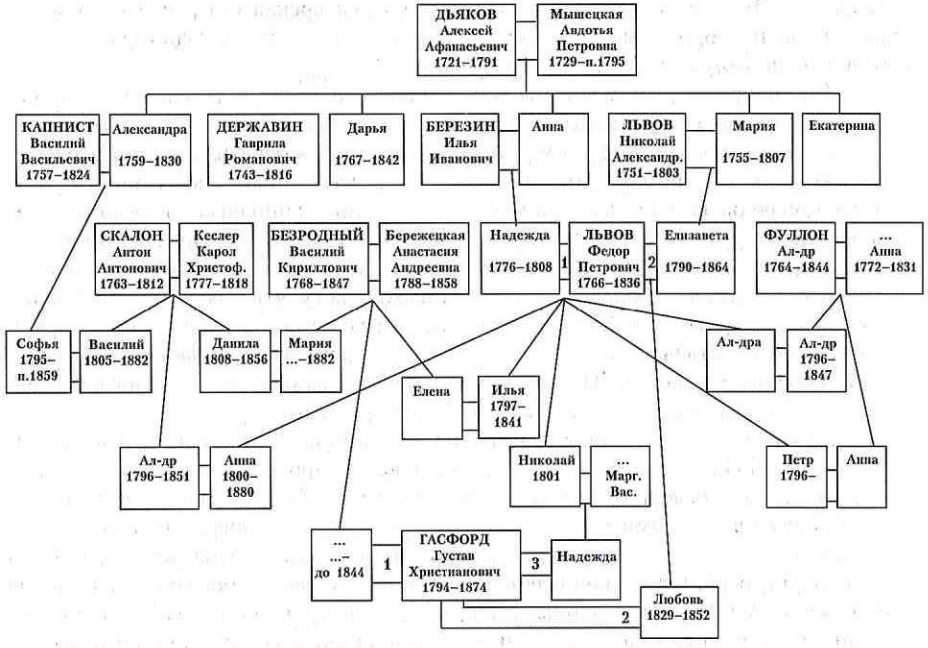
вительства) Омской области была открыта губернаторская галерея. Но наряду с правдивыми и добротными публикациями в литературе и периодической печати нередко появляются скороспелые «изыскания».

Так, например, в Омских газетах, а также по радио и телевидению не раз сообщались самые невероятные «факты» из жизни Любы Гасфорд – одной из жен генерал-губернатора. В 2002 г. омская газета «Четверг» обратилась к читателям с предложением: «...если вам есть что рассказать о легендарной Любе, пишите...». В том же номере была приведена, по мнению редакции, официальная версия о Любе, которая якобы у всех омичей на слуху: «Жил-был омский губернатор Густав Гасфорд со своей молодой женой Любой. Она была добра и хороша собой, однако вскоре после свадьбы заболела чахоткой. И выходила гулять в рощицу, примыкающую к проспекту, где к ней мог подойти любой человек, поговорить по душам и попросить ее решить через своего влиятельного супруга все свои насущные проблемы. И Люба всем помогала. Поэтому, даже после ее скорой смерти память о юной губернаторше навечно осталась в памяти благодарных омичей».

Здесь же было опубликовано мнение омского краеведа Ивана Шихатова: «В истории с Любой много неясного. И с ее дворянским происхождением, и с замужеством. Например, известно, что законную супругу Гасфорда звали Надеждой». А затем мнения простых омичей. Приведем одно из них, пенсионерки Е.П. Бахлиной: «Я еще в детстве слышала, что Люба была крепостной девкой. Молоденькой и очень красивой. И губернатор глаз на нее положил, потом в любовницы ее взял, дома она у него жила. А была – как птичка в клетке: он никуда ее не выпускал, в свет не выводил. Она дома сидела, рукодельничала, вышивала, а вечерами он ей позволял немного в рощице погулять, развеяться. И люди простые действительно знали о ней, видели ее, жалели. А она на самом деле – с кем поговорит, кому подаст, в общем, отзывчивая была. И, говорят, не от чахотки умерла, а с собой покончила, когда Гасфорд на другой жениться решил. А та, жена его, тоже молоденькая была и она как раз болела чахоткой. А ту, Любу, люди рассказывают, «ангелом» звали. Вот и запомнили ее»[10].

Как видно из этих высказываний, практически не имеющим отношения к историческим реалиям, вопрос о женах Гасфорда достаточно запутан. Известный омский краевед И.Ф. Петров недавно писал об этом и много сделал для того, чтобы развеять несостоятельные «легенды и мифы», но и сам не избежал ошибки, полагая, что генерал-губернатор был женат дважды[11], основываясь, по-видимому, на ошибочных данных В.В. Руммеля и В.В. Голубцова. На самом же деле, Гасфорд был женат за свою жизнь трижды. Причем любопытно то, что две из трех жен Густава Христиановича были урожденными Львовыми, а одна, урожденная Безродная, хотя и не происходила из Львовых, но принадлежала к близкому родственному окружению этой семьи.

В первый раз Гасфорд женился на дочери генерал-майора В.К. Безродного[12] (1768–1847). Густаву Христиановичу тогда было около 27 лет. Тесть Гасфорда, Василий Кириллович Безродный, начал службу в Новороссийске в 1780 г. подканцеляристом. В 1790 г. он определился в главную провиантскую комиссию и затем служил по этой части до 1816 г. Во время войн 1805–1814 гг. Безродный в чине



генерал-майора был заведующим всей продовольственной частью наших войск. С 1816 г. занимал пост директора канцелярии главнокомандующего первой армией, а в 1825 г. назначен сенатором.

У Василия Кирилловича было четыре дочери и один сын. На внуках Василия Кирилловича природа восстановила равновесие с лихвой: у него было девять внуков и только четыре внучки. Трое внуков стали генералами, но до этого времени Безродный, конечно, не дожил.

Дочь Василия Кирилловича Елена была замужем за гвардии полковником Ильей Федоровичем Львовым (1797–1841), сыном Федора Петровича Львова (1766–1836) от первого брака. Ее сестра Мария была замужем за генерал-майором Данилой Антоновичем Скалоном (1806–1856), братом Александра Антоновича Скалона (1796–1851), женатого на Анне Федоровне, урожденной Львовой (1800–1880), дочери Ф.П. Львова от первого брака.

Одна из дочерей Василия Кирилловича, имя которой нам пока остается неизвестным, была упомянутой первой женой Густава Христиановича Гасфорда. От этого брака он имел дочерей Людмилу-Анну (1823–1891), Ольгу (1826–ок.1865), Надежду (1828–1885) и сына Всеволода (1824–1892).

Гасфорд женился на дочери Безродного в то время, когда Василий Кириллович был директором канцелярии главнокомандующего первой армией. Возможно, они были знакомы по службе, не исключено также, что познакомились они через общих знакомых. Так, например, оба были хорошо знакомы с А.И. Михайловским-Данилевским, известным военным историком, с которым состояли впоследствии в переписке.

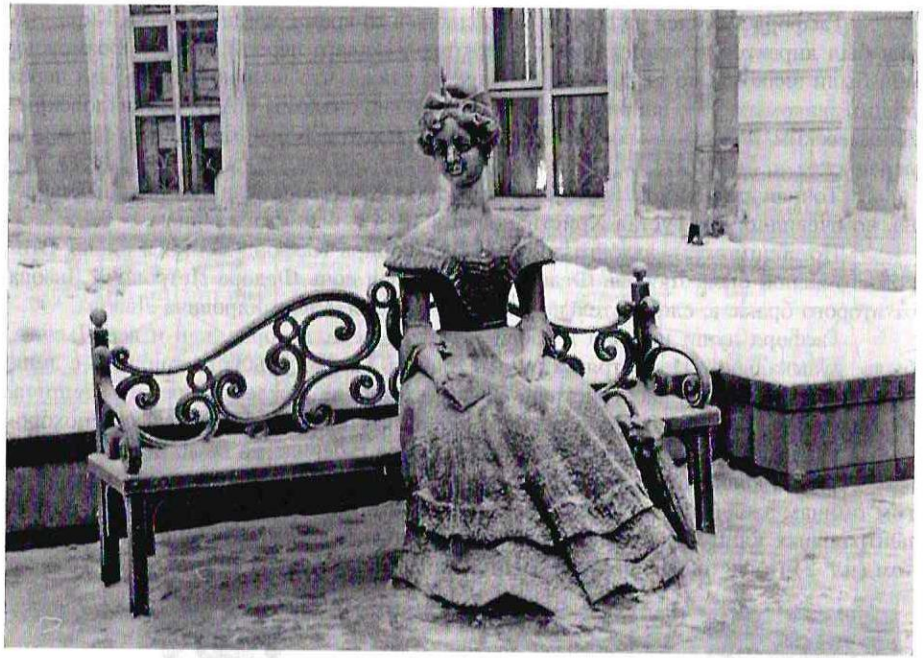
Точная дата смерти первой жены Густава Христиановича нам пока неизвестна, но очевидно, что Густав Христианович в 1844 г. был уже вдовцом.

По-видимому, незадолго до отъезда в Сибирь Гасфорд женился вновь. Второй его женой была Любовь Федоровна, младшая дочь Федора Петровича Львова от второго брака, а, следовательно, внучка Николая Александровича Львова.

Гасфорд души не чаял в своей молодой жене, которая, как и все Львовы, была музыкальной. Несмотря на то, что Любовь Гасфорд была на тридцать с лишним лет моложе Густава Христиановича, ей было не суждено пережить супруга. Когда Любовь Федоровна умерла в 1852 г. в возрасте 23 лет (Л.Ф. Гасфорд похоронена на Всехсвятском кладбище в Омске[13]), горе губернатора было безмерным.

Образ юной и так рано ушедшей из жизни жены генерал-губернатора многим омичам запал в душу и не стерся из памяти народной по сей день. Одну из центральных улиц Омска многие годы в обиходе называют Любинским проспектом (ил. 2) (в настоящее время – Ленинский).

Ил. 2



Ил. 3

Существует предположение, что и станция Любино названа в память о жене Г.Х. Гасфорда. А недавно авторский коллектив в составе И. Вахитова, А. Каримова и С. Норышева, вдохновленный светлым образом Любови Гасфорд, создал скульптурную композицию, которая установлена на улице Ленина и сразу стала одной из достопримечательностей города (ил. 3). Композиция сделана в виде скамьи, на одном краю которой сидит Любовь Федоровна, а на другой край может присесть любой желающий. О портретном сходстве скульптуры с оригиналом говорить сложно, так как авторы не имели портрета Любови Федоровны.

Молодая дама на скамье просто символизирует собой юность, женственность, и благородство. Возможно, именно поэтому в наши дни одно из ателье мод в Калининграде, где Густав Христианович учился на ветеринара, назвали «Люба Гасфорд».

Портрет Любы Гасфорд, как оказалось, существует, и хранится он в историко-краеведческом музее города Переславля-Залесского (ил. 4). Этот акварельный портрет работы неизвестного художника поступил в музей из имения Самсоновых Бектышево (сестра Любови Федоровны – Надежда была замужем за генералом Е.П. Самсоновым) и был ошибочно атрибутирован, как портрет Любови Федоровны Тасфорд[14], урожденной Львовой. Рукописную заглавную «Г» очень легко при-

нять за «Т», и наоборот. Так например, известное стихотворение Ф.П. Львова «К реке Талажне» в рукописном отделе БАН было атрибутировано, как стихотворение «К реке Галажне».

Через несколько лет после смерти Любови Гасфорд сердце старого генерала было вновь пронзено стрелой Амура. На этот раз предметом страсти Гасфорда стала юная Надежда Николаевна Львова, старшая дочь пермского действительного статского советника Николая Федоровича,[15] сына Федора Петровича от первого брака, и Маргариты Васильевны, урожденной Куломзиной[16]. Николай Федорович окончил институт Корпуса путей сообщения, где учился и Гасфорд. После окончания занимался строительством мостов в Петербурге, Риге, на шоссе между Вышним Волочком и Тверью и железнодорожных мостов от Петербурга до Твери. Николай Федорович был директором кондукторской школы, в 1841 г. был определен управляющим Оренбургской палатой госимуществ, а затем Пермской казенной палатой. Маргарита Васильевна еще до замужества принадлежала родственному окружению Львовых, так как ее мать Сара Яковлевна, урожденная Стенбок, была дочерью (от первого брака) Якова Федоровича Стенбока, женатого вторым браком на Екатерине Алексеевне, урожденной Дьяковой, сестре жен Н.А. Львова, Г.Р. Державина, В.В. Капниста, И.И. Березина. Отметим еще один любопытный факт: генерал-губернатором Западной Сибири (но уже после смерти Гасфорда, в 1875–81 гг.) был двоюродный брат Надежды Николаевны – генерал от инфантерии Николай Геннадьевич Казнаков (1823–1885).

Ил. 4

В своих воспоминаниях А.Ф. Бабков пишет: «По поводу... женитьбы Гасфорда на очень молодой особе, я слышал один анекдот... Гасфорд, будучи женихом уже в очень преклонных летах, писал своей невесте письма, для которых в те времена было в обычай употреблять особо изысканную почтовую бумагу, украшенную разнообразными виньетками. Но так как такой готовой бумаги в Омске не оказалось, то Гасфорд обратился с просьбою нарисовать виньетки акварелью, к служившему тогда в корпусном штабе Генерального штаба полковнику Померанцеву, обладавшему действительно большим рисовальным талантом. Сюжетом для этих рисунков Померанцев предложил выбрать некоторые из наиболее живописных пей-

зажей и виды особенно замечательных местностей Западной Сибири и Киргизской степи. Но Гасфорд не согласился с этим и заметил Померанцеву, что в настоящем случае, для подобной виньетки, самой подходящей эмблемой был бы рисунок, изображающий: "Льва в сетях"»[17].

Вскоре старый и уже серьезно больной Гасфорд женился на юной Надежде, которой было, по словам современников, всего 17 лет. Если верить данным формуляра Николая Федоровича Львова, Надежде тогда должно было быть примерно 23-25 лет, что, впрочем, не такое уж существенное уточнение, принимая во внимание, что Гасфорду было уже 60. При женитьбе возникли некоторые проблемы со Святейшим Синодом, видимо, связанные с близким родством второй и третьей жен Густава Христиановича, но, в конце концов, разрешение на брак было получено.

Молодая супруга оказалась особой очень милой, симпатичной и внимательной к нуждам бедных. Очень скоро она приобрела в Омске всеобщую любовь и уважение. Для воспитания и обучения сирот, по инициативе Надежды Николаевны, в городе был основан приют «Надежда». Затем при приюте возникла школа, ставшая позднее женской гимназией. Имя Надежды Николаевны также некоторое время оставалось в топонимике Омска. Одна из улиц в центре города называлась «Надеждинской» (ныне Чапаева)[18].

Описывая последний период жизни в Западной Сибири Гасфорда, П.К. Мартьянов отмечал, что «служба генерала Гасфорда, с течением времени, становилась все более и более тихой. Он нашел во втором (ошибочное суждение – Прим. авторов) своем супружестве – Капую, и выхода ему из нее не было. Характер его изменился, он сделался еще более серьезен и сосредоточен, и все свободное от дел время проводил с молодой женой, которая, говорили, была недурная поэтесса и музыкантша. Он даже брал ее с собой, когда совершал объезды войск, расположенных в степи, или посещал, пограничные казачьи поселения, и она помогала ему делать добро. Так бежало время. Главный начальник Западной Сибири не был грозой для войск и метлой внутреннего управления, и некоторые из наиболее рьяных фронтовиков и деловиков генералов обратили на это внимание, но он ответил им: "Гасфорд не Горчаков, принципы Гасфорда – наука и добро, переучиваться ему – поздно, и потому он до конца своей деятельности останется Гасфордом". Таким образом, гуманитарные принципы были провозглашены, наука и добро торжествовали, но за всем тем "генерал-буршу", как звали Гасфорда местные остряки, не долго пришлось оставаться в Сибири. Сознавая, что тихая семейная жизнь наиболее соответствует его возрасту и основным принципам жизни, он стал просить позволения удалиться на покой, и просьба его была уважена»[19].

В 1861 г. Гасфорд уехал из Омска и был назначен членом Государственного Совета.

Умер генерал 5 мая 1874 г. Его похоронили на Волковом лютеранском кладбище в Санкт-Петербурге. Могила Гасфорда сохранилась, она находится рядом со входом на кладбище в самом начале Волковской дорожки. 24 мая 1874 г. Надежде Николаевне была назначена пенсия 5000 руб. в год[20]. Надежда Гасфорд пережила мужа только на два с половиной года, она умерла 30.12.1876 и похоронена также на Волковом лютеранском кладбище[21].

ПРИМЕЧАНИЯ

* *В написании статьи С.Д. Дзюбанову помогал П.П. Вибе – директор Омского музея.*

[1] Русский биографический словарь. Т. 4. М., 1914. С. 267.

[2] Сибирские вопросы. 1911. № 28–29. С. 5.

[3] *Мартьянов П.К.* Дела и люди века. Т. 3. СПб., 1896. С. 278.

[4] *Семенов-Тян-Шанский П.П.* Путешествие в Тянь-Шань. М., 1958. С. 51.

[5] Там же. С. 51.

[6] *Бабков И.Ф.* Записки о моей службе в Сибири. СПб.,1912. С. 39.

[7] *Словцов И.Я.* Материалы по истории и статистике Омска, извлеченные из однодневной переписи 1877 г. Ч. 1. Омск. 1880. С. 67.

[8] РГВИА, ф. 400, оп. 9, д. 1649, л. 50–102; Русский биографический словарь. С. 268.

[9] *Юрасова М.К.* Омск. Очерки истории города. Омск, 1983. С. 45.

[10] «Четверг» (Омск). 14. 05. 2002.

[11] *Петров И.* Легенды и мифы старого Омска. Омск, 2003. С. 47.

[12] РГИА, ф. 1349, оп. 3, д. 172. Русский биогр. словарь. Т. 2. С. 655.

[13] РГИА, ф. 1349, оп. 3, д. 1326.

[14] Русский акварельный и карандашный портрет. М., 1983.

[15] РГИА, ф.1349, оп. 3, д. 1326.

[16] ЦГИА СПб, ф.190, оп. 9, д. 286.

[17] *Бабков И.* ф. Ук. соч. С. 49.

[18] *Петров И.* Ук. соч. С. 49.

[19] *Мартьянов П.* К. Ук. соч. С. 282–283.

[20] РГИА, ф. 1162, оп. 6, д. 110.

[21] *Бем В.* Волковское лютеранское кладбище Санкт-Петербурга. Т. 2. СПб., 2003. С. 121.

С.Д. ДЗЮБАНОВ
Санкт-Петербург

СТАРИЦКО-БЕЖЕЦКАЯ ВЕТВЬ РОДА ЛЬВОВЫХ – ПРЕДКИ Н.С. ГУМИЛЕВА СО СТОРОНЫ МАТЕРИ

Известно, что мать выдающегося поэта серебряного века Николая Степановича Гумилева – Анна Ивановна Гумилева принадлежала к дворянскому роду Львовых, родословная которого (всего 9 имен) впервые опубликована М. Чернявским в 1869 г.[1] Сведения о семье и предках Н.С. Гумилева собирал в 1925 г. П.Н. Лукницкий[2]. Эти материалы были взяты за основу советскими исследователями: тверским краеведом Д.В. Куприяновым, московскими физиками Е.Е. Степановым и Т.М. Лисичкиной. Им помогал Л.Н. Гумилев. Впоследствии эту работу продолжили С.И. Сенин, В.А. Биличенко, В.Н. Шеходанова. Наиболее полно род Н.С. Гумилева по линии матери был представлен в мемуарах сына поэта О.Н. Высотского,[3] а также в 2002 г. С.И. Сениным[4]. Позднее эти же данные, содержащие некоторые неточности и ошибки, были опубликованы В.Л. Полушиным[5]. Эта родословная начинается со старицкого помещика Василия Яковлевича Львова (авторами он ошибочно именуется Василием Васильевичем), сын которого – секунд-майор Лев Васильевич Львов по собственным заслугам был внесен с детьми во 2-ю часть дворянской родословной книги Тверской губернии. На принадлежность предков Н.С. Гумилева по материнской линии к самому известному дворянскому роду Львовых, среди которых были выдающийся архитектор Н.А. Львов и автор гимна «Боже, царя храни!» А.Ф. Львов, одним из первых указал А.А. Смольевский,[6] по словам которого Н.С. Гумилев и О.А. Ваксель (правнучка композитора А.Ф. Львова), занимавшаяся под руководством Гумилева в Институте Живого Слова, знали о своем родстве. Однако, более точного указания об этой родственной связи А.А. Смольевский, к сожалению, не оставил. Сам Н.С. Гумилев, вероятно, не знал, в каком именно родстве он состоял с О.А. Ваксель, а однородство своих предков с другими Львовыми, по-видимому основывал на словах матери, называвшей своим пращуром Пимена Львова (эти сведения были записаны Лукницким). Не исключено, что вывод был основан и на сходстве гербов, если, конечно, в каких-либо документах предков Гумилев мог его увидеть. Герб Львовых был официально утвержден только в середине 19 в., но пользовались им издревле. Заметим, что Пимен Львов в действительности, как будет показано ниже, не был пращуром матери поэта, но был родственником ее предков.

Наиболее полно родословная тверских дворян Львовых, к которым принадлежали Н.А. и А.Ф. Львовы представлена А.П. Львовой и И.А. Бочкаревой[7]. Родоначальником Львовых, как известно, был выходец из Литвы Марко Демидович, поступивший в конце XIV в. на службу к тверскому великому князю Ивану Михайловичу. По-видимому, это произошло в 1375 г., когда Иван Михайлович женился на литовской княжне Марии Кейстутовне, или несколько ранее. В 14-ом от Марко Демидовича поколении (вторая половина XVII в.) среди прочих находим старицкого помещика Ивана Даниловича Львова. Это первый встречающийся старицкий помещик в родословии. Иван Данилович не оставил потомства. Следующий старицкий помещик в роду – Яков Васильевич Львов (упоминается в 1724 г.). Яков Васильевич(16-е поколение Львовых) – внучатый племянник Ивана Даниловича. Естественно предположить, что поместье Ивана Даниловича в Старицком уезде после его смерти досталось племяннику (Василию Яковлевичу), а затем сыну племянника Якову, это обычный порядок наследования родовых имений.

Вероятно, что Я.В. Львов – тот самый Яков Львов, который упомянут в общем морском списке: 1718 г. – гардемарин, 1725 г. – мичман, 1733 г. – лейтенант, в 1752 г. уволен к статским делам в чине надворного советника, а в 1760 пожалован в коллежские советники. Пимен Львов, упоминавшийся выше, принадлежал к 16-му поколению Львовых, как и племянник Ивана Даниловича Василий.

В полном списке населенных мест (полнота гарантируется тем, что по списку выводится общая сумма подушного налога за уезд) Старицкого уезда на 1783 г. (4-я ревизия)[8] упоминается только один населенный пункт, принадлежащий Львовым – село Васильевское. Владельцами его значатся поручик Василий Яковлевич Львов (12 душ), малолетний кадет Лев Васильевич Львов с сестрами (17 душ). Таким образом, заключаем, что Василий Яковлевич (ум. около 1806) – сын упоминавшегося в 1724 г. Якова Васильевича, и назван Василием, по-видимому, в честь деда (традиционно для рода Львовых), тоже Василия Яковлевича. Вероятно, что и село Васильевское получило название по имени владельца (например, сельцо Митино Новоторжского уезда названо по имени владельца – Дмитрия Перфильевича Львова[9]).

Заметим, что в книге А.П. Львовой и И.А. Бочкаревой «Род Львовых» сыном старицкого помещика Якова Васильевича Львова ошибочно назван коллежский асессор Иван Львов, владелец имений в Зашегринской волости Новоторжского уезда, отцом которого в действительности был Иван Пименович Львов, что подтверждается делом о дворянстве,[10] а также данными из «Русского провинциального некрополя».

В экономических примечаниях к Старицкому уезду (около 1806 г.)[11] владельцами села Васильевского на реке Нашиге с пустошами Макушиха, Сидориха, Бабушкова и Лыкова (на речке Рогатке) названы майор Лев Васильевич, девицы Надежда, Анна, Елизавета и Мария Васильевны Львовы. В селе имелась церковь Вознесения Господня деревянная, на каменном фундаменте.

Упомянутые четыре дочери поручика Василия Яковлевича Львова и его жены Аграфены Никитичны были воспитанницами Императорского Воспитательного Общества (ИВО) благородных девиц[12]: Надежда (р. 24.03.1761[13]) – выпуск 1779 г., Анна (р. 12.04.1764) – выпуск 1782 г., Елизавета (р. 5.09.1768, крещена в

церкви Вознесения Господня села Васильевского[14]) – выпуск 1785 г., Мария (р. 25.03.1771, крещена также в церкви с. Васильевского) – выпуск 1788 г.

Были ли Львовы рассматриваемой ветви знакомы с представителями других ветвей рода? Знали ли о своем родстве? Положительный ответ на эти вопросы дает свидетельство о благородном происхождении Марии Васильевны Львовой, потребовавшееся для поступления в ИВО. Свидетельства такого рода подписывали обычно родственники, реже соседи по имениям или друзья. Документ подписан статскими советниками Михаилом Бакуниным и Алексеем Дьяковым, премьер-майором Петром Яхонтовым и подполковником Семеном Окуневым[15]. Первые трое – двоюродные дяди архитектора Н.А. Львова, а А.А. Дьяков, кроме того, стал его тестем. Бакунина, Яхонтова и Дьякова в этом списке объединяет то, что они все женаты на сестрах, дочерях князя Петра Григорьевича Мышецкого, из чего заключаем, что они попали в список по причине родства. Не исключено, что было еще какое-то нам пока не известное родство указанных лиц с М.В. Львовой. В одном из родословий князей Мышецких записано, например, что дочь князя Лариона Ефимовича Мышецкого, родного дяди вышеупомянутого Петра Григорьевича, была замужем за Львовым. К сожалению, в документе не указано ни имя княжны, ни имя ее мужа, но возможно, что мужем ее был кто-либо из старицкой ветви Львовых. Не исключен и другой вариант: Василий Яковлевич мог обратиться к жившим в Петербурге родственникам – Николаю Александровичу или его двоюродному брату Петру Николаевичу Львовым, а те, в свою очередь, будучи молоды и в небольших чинах, могли переадресовать его к старшим петербургским родственникам. Заметим, что оба варианта предполагают знакомство Василия Яковлевича с Н.А. Львовым.

Количество желающих поместить своих дочерей в ИВО значительно превышало количество мест. Однако, В.Я. Львов сумел отдать туда четверых дочерей. Не сыграло ли тут определенную роль то обстоятельство, что членом Совета о воспитании благородных девиц был другой двоюродный дядя Н.А. Львова – М.Ф. Соймонов?

Надежда Васильевна Львова была учительницей в ИВО[16]. Ее жалованье в 1781 г. составляло 250 рублей в год. Анна Васильевна Львова по окончании ИВО поселилась в семье генерал-поручика Михаила Савича Бороздина (1740–1796). В воспоминаниях «Капище моего сердца», относящихся к 1780-м гг., князь Иван Михайлович Долгоруков упоминал о ней, как о бедной, но веселой и смешливой девушке, «сироте, монастырке», которая жила «из ласки» в доме генеральши Бороздиной «под названием «барышни». Анна Васильевна, по его словам, «изрядно была воспитана, пользовалась некоторыми талантами, но слишком снисходительна и готова угождать всем домашним. Что бы ни занадобилось сыграть, пропеть, съездить, зазвать, удержать, заманить, словом – все попало в должность Львовой, и она не могла ни от чего отговориться. Дом Бороздиной наполнен был мужчин, игроков и всякой всячины, за Львовой и тот, и другой волочился. Отвечает – беда, не сдается – другая. Словом, положение ее было неприятнейшим, но кусок хлеба ее туда загнал, не хотелось его лишиться»[17]. Генеральша Настасья Андреевна Бороздина в воспоминаниях Долгорукова – «дама средних лет, милая и веселого духа. Семейство ее составляли муж генерал-поручик, который давал ей волю делать все, что она хоте-

ла, три сына, нашего полку унтер-офицеры», а у всей этой семьи «одна Львова в сотоварищах». И.М. Долгоруков вспоминал, как однажды, приехав к Бороздиной на вечер, «воротился домой в 7 утра». Иван Михайлович, сыновья Бороздиной и барышня Львова «наставили стульев и между ними плясали кадрили да променады под музыку пьяного домашнего скрипача, между тем как хозяйка с кем-нибудь игрывала в макао и покрикивала с бессонницы в игрецком исступлении: «Миллион с прессом!». У Бороздиной ставились любительские спектакли на французском языке, тогда «русский язык был еще под анафемой». В «Севильском цирюльнике» Долгоруков играл Альмавиву, а «милая Львова» – Розину. Для любительских спектаклей труднее всего было набрать женщин. «Молодые девушки при предложении о театре облизывались, краснели и говорили: стыдно... Но живучи тут, она не могла жеманиться, как прочие. Зависимость не знает отрицательных частей речи»[18]. В ту пору Долгоруков «любил и сам приволачиваться за ней, не только за кулисами, но и сойдя с театра».

Однако, ни общительность и веселый нрав, ни блестящее воспитание, ни таланты все не помогали бесприданнице Анне Васильевне выйти замуж. Львова так и оставалась при Бороздиных, позднее воспитывала внуков генеральши. В письме от 1 июля 1801 г. за границу к сыну Михаилу вдова генерал-поручика Анастасия Андреевна Бороздина писала: «...дети твои, слава богу, здоровы и учатся изрядно, и я советую тебе писать об них к Анне Васильевне Львовой, чтобы она за ними смотрела, а меня она совсем оставила: шесть месяцев, как я из дому не выезжаю, и она ни один раз у меня не была»[19].

И все же Анна Васильевна вышла замуж. В начале 1800-х овдовел коллежский советник Петр Савич Бороздин (ок.1754–1808), родной брат генерала Бороздина, внуков которого воспитывала Львова. Анна Васильевна, которой тогда было под 40, вышла за пятидесятилетнего вдовца, у которого были взрослые сын и дочь от первого брака.

Происхождение А.В. Львовой, упомянутой Долгоруковым, – старинная генеалогическая загадка, которую пытались решить многие исследователи. Наверняка задумывался о ней и Б.Л. Модзалевский – автор комментария к упомянутому письму Бороздиной. Ключ к решению этой загадки был в словах Долгорукова: «монастырка» и «изрядно воспитана», что, конечно же, означает – «смолянка». Однако в те годы, когда писал Долгоруков, термин «смолянка» если и существовал, то, во всяком случае, не был общеупотребительным. Долгоруков назвал Анну Васильевну сиротой. Это может означать, что матери ее, Аграфены Никитичны, уже не было в живых во времена их знакомства. Но, возможно, он просто никогда не видел родителей Анны Васильевны, что не удивительно: с такими скромными доходами В. Я. Львов и его жена Аграфена Никитична (если была жива в те годы) не могли себе позволить жить в Петербурге.

Младшая из сестер Мария Васильевна в июне 1829 г. значилась девицей, владелицей 7 душ в селе Васильевском[20].

Сын Василия Яковлевича – Лев Васильевич Львов (р. около 1763–1824) воспитывался (с 1770 по 1785) в Императорском Сухопутном цляхетском корпусе, который закончил с золотой медалью[21]. В 1785 г. он поступил в армейский полк

поручиком, а в 1788 за участие в штурме крепости Очаков был произведен в капитаны. В сентябре 1789 г. Лев Dfcbkmtdbx участвовал в сражении под г. Бендерами. В 1791 по болезни капитан Лев Львов, служивший во 2-ом батальоне Лифляндского егерского корпуса, был уволен с чином секунд-майора. До 1808 г. служил в земском войске Тверской губернии, в 1808 г. получил золотую медаль на ленте св.Владимира, а с 1809 по 1812 гг. был судьей Бежецкого уезда.

Лев Васильевич был женат на Анне Ивановне, урожденной Милюковой (1772–1842), которая владела сельцом Слепнево Бежецкого уезда[22].

У Льва Васильевича и Анны Ивановны было два сына: Константин (1800–27.5.1865) и Иван (8.10.1806–10.03.1875).

В 1824 г., по-видимому, незадолго до смерти Л.В. Львов подал прошение о внесении его с потомством в дворянскую родословную книгу Тверской губернии (во 2-ю часть) по собственным заслугам. Лев Васильевич теоретически мог быть внесенным в более почетную шестую часть родословной книги, в которую записывалось древнее дворянство, но для этого потребовалось бы гораздо больше документов, а также денежных затрат. А для 2-й части достаточно было представить формулярный список и копии метрических свидетельств о рождении детей. Возможно, какие-то семейные документы были утрачены. Известно, что еще в 1776 г. отец Льва Васильевича В.Я.Львов предъявлял в ИВО документ 1770 года, подтверждающий, что «он родом из дворян»[23]. Не исключено, что Л.В. Львов не придавал большого значения тому, в какую часть родословной книги он будет внесен.

Константин Львович Львов воспитывался в морском кадетском корпусе, куда поступил в 1812 году[24]. В 1818 г. был произведен в гардемарины, а в 1821 – в мичманы. В 1822 г. на бриге «Ахиллес» плавал в Финском заливе. В 1823 г. был участником кампании у Свеаборга. В 1825 на бриге «Олимп» плавал между Свеаборгом и Кронштадтом. Службу закончил в 1827 г. лейтенантом флота. Константин Львович после смерти отца был владельцем села Васильевское, позднее, по-видимому, разорился, в 1851 г. имение его было выставлено на публичные торги[25]. Приобрела имение жена Константина Львовича – Ольга Ивановна[26] (1809 – 07.04.1884[27]), предположительно, дочь советника тверского губернского правления надворного советника Ивана Семеновича Щукина. В конце жизни К.Л. и О.И. Львовы проживали в г. Торжке. В 1868 г. О.Л. Львова выдала доверенность на ведение выкупного дела по с. Васильевскому поручику Петру Ивановичу Щукину (возможно, брату). Ольга Ивановна проживала тогда в г. Торжке, в 1 части, Соборном приходе, на берегу реки Тверцы в доме мещанина Ивана Степановича Бителева. Детей у Константина Львовича и Ольги Ивановны не было.

Иван Львович был крещен в церкви села Градниц Бежецкого уезда. Восприемником от купели был его дед – Василий Яковлевич. Иван Львович воспитывался в морском кадетском корпусе с 1820 г.[28] Гардемарин в 1824 году, мичман в 1827г. с назначением в Черноморский флот. Шестимесячных кампаний сделал пять. На корабле «Норд Адлер» был в сражениях 1828 г. против турецких крепостей Анапы и Варны. В 1829 г. на том же корабле участвовал в сражении под Пендераклией при сожжении турецкого корабля, за что был награжден орденом св. Анны 3 ст. Позднее на корабле «Чесма» участвовал во взятии Месемврии, Инады и при

атаке Мидии. В 1830 г. на люгере «Глубокий» плавал по черноморским портам. В 1831–33 гг. служил при Николаевском порте. В 1834 г. был уволен по болезни лейтенантом. Был награжден орденом св. Анны с бантом, серебряной медалью на Георгиевской ленте. Служил по гражданскому ведомству, последний чин коллежского асессора[29]. Иван Львович владел имением Слепнево[30]. Он и его потомки именовали себя бежецкими помещиками. В своем имении И.Л. Львов собрал библиотеку, книгами из которой впоследствии пользовался Н.С. Гумилев. Иван Львович женился 28.01.1835 на Юлии Яковлевне (1814–09.02.1865), дочери кашинского городничего Якова Алексеевича Викторова. Венчались в Богоявленской церкви г.Кашина[31]. Прадед Н.С. Гумилева Я.А. Викторов в молодости сражался против Наполеона. В 1805 г. под Аустерлицем он был тяжело ранен. Преданный денщик Павлюк вынес Якова Александровича из боя и отвез на перекладных в Курскую губернию в родовое имение Викторовку. Н.С. Гумилев писал об этом:

«Мой прадед был ранен под Аустерлицем
И замертво в лес унесен денщиком
Чтоб долгие, долгие годы томиться
В унылом и бедном поместье своем».

Заметим, что в известных публикациях о предках поэта, сообщается, что Я.А. Викторов не служил после ранения, такой же ошибочный вывод можно сделать и из приведенного стихотворения.

У Ивана Львовича и Юлии Яковлевны было пятеро детей. И.Л. Львов был похоронен на кладбище в селе Градницы Бежецкого уезда. Иван Львович был любим и дворовыми, и крепостными. На похоронах крестьяне ни за что не позволяли поставить гроб на дроги, а несли на руках восемь верст[32].

После смерти мужа бразды правления в имении приняла Юлия Яковлевна. Это было тяжелое и неспокойное время: год освобождения крестьян от крепостной зависимости. По словам старшей сестры Н.С. Гумилева А.С. Сверчковой «кругом было неспокойно, но в Слепневе все обошлось мирно и гладко. Правда, именьице небольшое, только что соберут с полей – тем и живут. Никаких поборов и притеснений никто не видел. Сама барыня вела жизнь полумонашескую, а чтобы было на что свечки ставить в церкви, трудилась сама: вязала чулки и носки и продавала их, конечно, за бесценок, на масло для лампад»[33].

Старший сын И.Л. Львова Яков Иванович (11.08.1836–1876) был крещен в кашинской Богоявленской церкви. Восприемниками были кашинский городничий штабс-капитан Я.А. Викторов и секунд-майорша вдова Анна Ивановна Львова. Яков Иванович служил пехотным офицером, был уволен из армии в чине штабс-капитана, затем был заседателем Бежецкой дворянской опеки. Был женат, но бездетен. А.С. Сверчкова отмечала, что «Яков Иванович, вспыльчивый и несдержанный, не мог перенести железную дисциплину морского корпуса, женился, взял за женой в приданое имение и стал хозяйничать. Он был хороший семьянин, добрый и отзывчивый, но детей у них не было, но он очень любил детей и очень хотел иметь. Спустя несколько лет совместной жизни они взяли девочку, удочерили ее и впоследствии выдали замуж за железнодорожного служащего».

Второй сын Лев Иванович (11.02.1838–10.07.1900) был крещен в Богоявленской церкви г. Кашина, восприемниками были штабс-капитан Я.А. Викторов и московской подвижной роты и придворной конторы майора Николая Алексеевича Викторова жена Анна Сергеевна. Окончил кадетский корпус, служил на Балтийском флоте. В службу вступил в 1854 г., первый офицерский чин получил в 1855 г.[34] С 1859 по 1862 гг. Л.И. Львов был в заграничном плавании на фрегате «Светлана». В 1863 г. командовал лодкой «Зарница», а в 1864 снова в заграничном плавании на фрегате «Светлана». Лев Иванович служил старшим офицером на фрегате «Смелый» с 1866 по 1870 гг. и на фрегате «Адмирал Лазарев» с 1872 по 1874 гг. С 1875 по 1885 гг. командовал клипером «Изумруд». В 1885 г. И.Л. Львов получил чин капитана 1 ранга и был назначен командиром корвета «Богатырь». С 1887 г. командовал фрегатом «Минин». Лев Иванович оставил службу из-за ревматизма в чине контр-адмирала. В последние годы жизни занимался сельским хозяйством в Слепнево. В своем поместье он разводил племенной скот, выращивал рожь, на своих полях он впервые в округе применил плуг, что впоследствии переняли крестьяне, которые до того пахали сошками. Лев Иванович часто помогал крестьянам деловыми советами, техникой, а иногда мукой и хлебом. Был женат на Любови Владимировне, ур. Сохацкой (ум. 1907), брак бездетен. Любовь Владимировна была очень добрым, отзывчивым человеком. Она часто лечила крестьян, а они со всяким горем шли к ней, и всем она помогала[35].

Старшая дочь И.Л. Львова Варвара Ивановна (2.12.1839–2.12.1921) была крещена 4 декабря 1839 г. в Воскресенском соборе г. Бежецка. Восприемниками были надворный советник Александр Федорович Матюшкин и кашинского помещика А.А. Баклановского жена Софья Яковлевна, тетка Варвары. В.И. Львова отличалась «необыкновенной красотой. Высокая, стройная, с чудными волосами, всегда приветливая и веселая, она пользовалась большим успехом в бежецком обществе». Варвара Ивановна была замужем за гвардии полковником Фридольфом Ивановичем Лампе. У них родилось двое детей: сын Иван и дочь Констанция.

Вторая дочь Агафья Ивановна (1840–1897), в замужестве Покровская, умерла от черной оспы. Мужем ее был жандармский офицер Владимир Павлович Покровский, человек неустойчивого характера, любил покутить и «во хмелю был неспокойный».

Младшая дочь И.Л. Львова Анна Ивановна (09.06.1854–24.12.1942) была крещена 13 июня 1854 г. в церкви села Градниц. Восприемниками были новоторжский городничий Иосиф Игнатьевич Лясковский и кашинская помещица села Страшнова штаб-ротмистрша Елизавета Арсеньевна Целевич[36]. А.И. Львова получила домашнее образование. В 1876 г. вышла замуж за корабельного врача статского советника Степана Яковлевича Гумилева (28.07.1836–06.02.1910), вдовца, имевшего семилетнюю дочь. Познакомил их Лев Иванович Львов, который был дружен с С.Я. Гумилевым. Анна Ивановна была моложе мужа на 20 лет, но это не помешало им счастливо прожить всю жизнь до глубокой старости. Гумилевы поселились в Кронштадте. У них была одна дочь Зинаида Степановна (1877–1878), умершая в младенчестве и двое сыновей: Дмитрий Степанович (13.10.1884, Кронштадт – 1924, Режица) и выдающийся русский поэт Николай Степанович (03.04.1886,

Кронштадт-25.08.1921, Петроград). По свидетельству А.А. Гумилевой, урожденной Фрейганг (жены Дмитрия Степановича), Анна Ивановна была «хороша собой - высокого роста, худощавая, с красивым овалом лица, правильными чертами и большими добрыми глазами; очень хорошо воспитанная и очень начитанная. Характера приятного; всегда всем довольная, уравновешенная, спокойная. Спокойствие и выдержанность перешли и к сыновьям»[37].

Выйдя в отставку, С.Я. Гумилев купил дом в Царском Селе, куда переехала вся семья. Характер Степана Яковлевича был «твердый и властный, кроме того, он был ревнив, расчетлив и требовал безусловного повиновения. Жена с другим характером, возможно, не ужилась бы с ним, но Анна Ивановна старалась все сгладить и, в особенности, когда подросли сыновья, изображала, как она говорила, буфер, чтобы избежать всяких столкновений»[38]. Степан Яковлевич в последние годы жизни страдал сильными болями в ногах и требовал, чтобы Анна Ивановна была при нем безотлучно. Анна Ивановна и в молодости не знала, что такое кокетство, флирт, выезды и наряды, тем более не признавала она этого, имея на руках больного мужа и двух детей. Ее вполне удовлетворяла скромная домашняя жизнь с ее повседневными заботами, она любила заниматься изящными рукоделиями, но больше всего увлекалась чтением романов. Л.Е. Аренсу, знавшему Гумилевых по Царскому селу, Анна Ивановна запомнилась, как женщина «властная, высокого роста, крепко сложенная», которая «держала в руках всю семью»[39].

О.Л. Дела-Вос-Кардовская (соседка Гумилевых по Царскому Селу) писала в воспоминаниях об А.И. Гумилевой: «Это была умная и чуткая женщина, очень любившая своего сына и гордившаяся его литературными опытами. Она много рассказывала нам о нем и показывала его стихи. По-видимому, между матерью и сыном была большая дружба»[40].

Бабушкой Анна Ивановна стала в 1912 г., когда у Н.С. Гумилева и А.А. Ахматовой родился сын Лев, впоследствии выдающийся историк. «Анна Ивановна была счастлива, и внук с первого дня был всецело предоставлен ей. Она его выходила, вырастила и воспитала»[41].

Известие о трагической смерти Н.С. Гумилева в 1921 г. поразило всю семью. Потеряв сына, А.И. Гумилева старалась уберечь от всех бед любимого внука Льва. 5 июля 1924 г. Анна Ивановна писала из Бежецка, где жила с 1922 г. у падчерицы А.С. Гумилевой, Анне Андреевне Ахматовой: «...Сегодня Лева пошел в школу за своим свидетельством об окончании 4-го класса. Но ему никакого свидетельства не выдали, потребовали, чтобы он принес метрическое свидетельство. ...Когда будешь получать бумагу, то обрати внимание, что если он записан сыном дворянина, то похлопочи, попроси, чтобы заменили и написали сын гражданина, или студента, кого хочешь, только не дворянина, иначе в будущем это закроет ему двери в высшее заведение»[42].

В 1929 году Л.Н. Гумилев приехал из Бежецка в Ленинград и поселился в Фонтанном доме у матери. Весной 1930 г. он окончил школу-девятилетку и уехал в Бежецк. В 1931 г. Гумилев в последний раз побывал у бабушки в Бежецке. В 1933 г. Лев Николаевич был в первый раз арестован, а через десять дней выпущен за недостатком улик. Но за первым арестом последовали другие, долгие годы, проведен-

ные в тюрьмах и лагерях. Анна Ивановна пыталась хоть что-нибудь выяснить о внуке, писала письма А.А. Ахматовой, но ответа не получала.

Последние четыре года жизни А.И. Гумилева была прикована к постели.

Перед смертью Анна Ивановна продиктовала письмо внуку Леве. Умерла последняя из старицко-бежецких Львовых «спокойно, как жила: покушала манной каши, заснула в 6 часов вечера, а в 10 умерла, не просыпаясь, 88 лет от роду»[43]. Похоронили ее на бежецком городском кладбище. Случилось так, что могила матери поэта, взрастившей и воспитавшей двоих выдающихся деятелей русской культуры, была на какое-то время забыта. Но позднее, стараниями Л.Н. Гумилева, других родственников, бежецких и тверских краеведов была вновь найдена и приведена в порядок.

Таким образом, родословная Н.С. Гумилева по линии матери прослеживается до XIV в. (21 поколение), а к родословной тверских Львовых удалось добавить еще несколько славных имен.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Чернявский М.* Генеалогия господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 гг. Тверь, 1869. С. 117.
[2] *Лукницкая В.* Любовник. Рыцарь. Летописец., СПБ, 2005. С. 143.
[3] *Высотский О.Н.* Н.С. Гумилев глазами сына.
[4] *Сенин С.И.* « В долинах старинных поместий». Тверь, 2002–2003. С. 95.
[5] *Полушин В.Л.* Гумилевы: семейная хроника.М. 2004.
[6] *Смольевский А.А.* Ольга Александровна Ваксель. В кн. Род Львовых. Торжок, 2004. С. 261.
[7] *Львова А.П. и Бочкарева И.А.* Род Львовых. Торжок, 2004.
[8] РГИА,. Ф. 558, оп. 2, д. 268.
[9] *Лопатина Н.А., Лобанова О.В., Михайлова Т.А.* Родословный список новоторжских дворян Львовых, владельцев имений Митино и Василево.// Краеведческий альманах, Торжок, 2003, № 3, с.43.
[10] РГИА, ф. 1343, оп. 24, д. 3663.
[11] РГИА, ф. 1350, оп. 312, д. 174.
[12] Список воспитанниц ИВО благородных девиц 1776–1914. СПб, 1914.
[13] ЦГИА СПб, ф. 2, оп. 1, д. 330.
[14] ЦГИА СПб, ф. 2, оп.1, д. 353, л. 15.
[15] ЦГИА СПб, ф. 2, оп.1, д. 355, л. 44.
[16] ЦГИА СПб, ф. 2, оп.1, д. 438.
[17] *Долгоруков И.М.* Капище моего сердца. М., 1874. С. 177.
[18] *Долгоруков И.М.* Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни. Т.1, СПб., 2004. С.106.
[19] Архив Раевских. Т. 2. СПб., 1909. С. 593–594.

[20] Санкт-Петербургские сенатские объявления о запрещениях на недвижимые имения, Спб., 1829. Ст. 12639.
РГИА, ф. 577, оп. 41, д. 3717.
[21] РГИА, ф. 1343, оп. 24, д. 3664.
[22] Свод 1833 г. запрещений и разрешений на имения владельцев Российской империи. М, 1831. Ст. 19734–19735.
[23] ЦГИА СПб, ф. 2, оп.1, д. 155, л. 155.
[24] Общий морской список, часть VII, СПб, 1893. С. 453.
[25] Тверские губ. ведомости. 1851. № 39. С. 322; № 40. С. 329; № 41. С. 341.
[26] РГИА, ф. 577, оп. 41, д. 3717.
[27] Русский провинциальный некрополь. Т. 1. М., 1914.
[28] Общий морской список, часть X, СПб, 1898. С. 607–608.
[29] РГИА, ф. 1343, оп. 24, д. 3666.
[30] ГАТО, ф. 148, оп. 1, д. 70. 16 л.; д. 67, 16 л. РГИА, ф. 577, оп. 41, д.141.
[31] *Лукницкая В.* Любовник. Рыцарь. Летописец. СПБ, 2005. С.144.
[32] *Сенин С.* И. Указ. соч. С. 96.
[33] Там же.
[34] Список лицам, состоящим в морском ведомстве. Часть 1., СПб, 1887. С. 70–71.
[35] *Сенин С.И.* Указ. соч. С. 97.
[36] РГИА, ф. 1343, оп. 24, д. 366.
[37] Жизнь Николая Гумилева. Л., 1991. С. 63.
[38] Жизнь Николая Гумилева. Л., 1991. С. 12.
[39] Указ. соч. С. 28.
[40] Жизнь Николая Гумилева. Л., 1991. С. 30.
[41] Там же, с. 69.
[42] *Полушин В. Л.* Указ. соч. С. 269.
[43] Жизнь Николая Гумилева. Л., 1991. С. 20.

В.Е. ПАВЛОВ
Санкт-Петербург

АЛЕКСЕЙ ФЕДОРОВИЧ ЛЬВОВ – ИНЖЕНЕР ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

В 1818 г. состоялся шестой выпуск Института корпуса инженеров путей сообщения – всего 8 поручиков; первым по успехам среди них был Алексей Федорович Львов, которому шел тогда 21-й год (ил. 1).

Несколько слов о родителях Алексея Федоровича, его братьях и сестрах. Его отец – Федор Петрович Львов (1766–1836) после службы в армии и длительной работы в государственном Совете возглавил Императорскую певческую капеллу, директором которой он был почти 10 лет. Мать, Надежда Ильинична, урожд. Березина (1776–1810), рано умерла. Федор Петрович после смерти первой жены остался с десятью детьми.

Ил. 1. А.Ф. Львов. П-т Олешкевича. 1823. Музей Тропинина. Москва

Вторично Федор Петрович женился на дочери своего двоюродного брата Николая Александровича Львова Елизавете Николаевне (1788–1864), которая стала прекрасной матерью приемным детям. Кроме того, у Елизаветы Николаевны и Федора Петровича родились еще шестеро детей. Глубокое горе, поразившее семью, — смерть Федора Петровича. Умирая, он поручил Елизавету Николаевну попечению сына Алексея, в дом которого она переехала, где прожила до своей смерти.

Братья Алексея Федоровича получили хорошее образование и проявили себя на разных поприщах. Многие из них также обучались в Институте Корпуса инженеров путей сообщения.

Петр Федорович (родился в 1796 г.) стал инженером путей сообщения (выпуск 1817 г.) и в 1832 году уже получил чин подполковника в Корпусе инженеров

путей сообщения. Служил в Казани, получив звание генерал-лейтенанта.

Илья Федорович (1797–1841) проявил себя па военной службе, дослужившись до звания полковника лейб-гвардии Павловского полка в Санкт-Петербурге.

Владимир Федорович (1799–1874), инженер путей сообщения (выпуск 1819 г.), стал директором Псковской службы землевладения.

Николай Федорович (1801–1871) закончил Институт Корпуса инженеров путей сообщения (выпуск 1819 г.), занимался строительством мостов в Санкт-Петербурге и в Риге, железнодорожных мостов от Петербурга до Твери. Он был директором кондукторской школы, основанной А. Бетанкуром, в звании подполковника Корпуса инженеров путей сообщения.

Василий Федорович (родился в 1803 г.) закончил Институт Корпуса инженеров путей сообщения (выпускник 1819 г.), служил в лейб-гвардии Измайловском полку, затем в Санкт-Петербургской таможне.

Леонид Федорович (1813–1890) учился в Петербургском университете на юридическом факультете (не закончил), поступил па службу в Департамент разных податей и сборов, был Управляющим Санкт-Петербургской палатой государственных имуществ и Управляющим Императорскими московскими театрами.

Федор Федорович (1819–1895) закончил Главное инженерное училище и проявил себя на военной службе, после которой был секретарем Академии художеств (1859–1865) и директором Строгановского училища, которое основал питомец Института Корпуса инженеров путей сообщения С.Г. Строганов.

О Константине Федоровиче (родился и 1826 г.) сведений найти не удалось.

Из сестер Алексея Федоровича стоит назвать Александру Федоровну (род. в 1809 г.), вышедшую замуж за выпускника Института Корпуса инженеров путей сообщения (выпуск 1816 г.) Александра Федоровича Фуллона (1796–1847), ставшего генерал-майором на инженерной службе, и Любовь Федоровну (1829–1852), вышедшую замуж за выпускника Института Корпуса инженеров путей сообщения (выпуск 1813 г.) Густава Гасфорда (1794–1874). Г. Гасфорд проявил себя в должности генерал-губернатора Западной Сибири и командующего Отдельным Сибирским корпусом (Гасфорд основатель города Верный, ныне Алма-Ата). Любови Федоровне Львовой-Гасфорд в Омске поставлен памятник, как дань памяти ее благотворительной и музыкальной деятельности.

Но вернемся к Алексею Федоровичу. Как он сам пишет в своих воспоминаниях, он сразу же по «высочайшему повелению» был направлен для производства работ в военных поселениях Новгородской губернии под начало графа А.А. Аракчеева[1].

Идею военных поселений выдвинул император Александр I. Крепостная Россия не в состоянии была содержать большую армию без огромного дефицита – 60% налоговых поступлений шло на военные нужды; перевод части армии на самоокупаемость позволял, по мнению императора, сэкономить государственные расходы. Первое военное поселение было создано в 1809 г. в Могилевской губернии. Военная кампания 1812–1814 гг. затормозила эту работу. Только в 1815 г. Александр I поручил Аракчееву разработать «Главные основания устройства военных поселений». Аракчеев стал создавать военные поселения с 1816 г., вначале в Новго-

родской губернии, а затем и в других местах – на юге, где климат для земледелия был более благоприятным. Особенно четко (по Аракчееву) действовала система военных поселений в Новгородской области. За 10 лет Аракчееву удалось создать ухоженные пахотные поля и добротные дороги, построить различного назначения здания (школы, госпитали, дома для поселян и офицеров, плацы для военных занятий, церкви). Аракчееву удалось привлечь в сферу строительства видных архитекторов и инженеров, в том числе инженеров путей сообщения, которых уже с 1813 г. стал выпускать открытый в 1810 г. Институт корпуса инженеров путей сообщения. Под началом Аракчеева работали архитектор В.П. Стасов, инженеры Л.Л. Карбонир, А.Я. Фабр, Ф.И. Рерберг, А.Ф. Львов и др.[2] Алексей Федорович Львов на территории военных поселений в Новгородской области проектировал и строил шоссе, мосты через овраги, ручьи и речки, водопропускные трубы, казармы, дома для офицеров и поселян, конюшни, часовни. Его семилетняя деятельность заслужила высокую оценку Аракчеева.

В научной библиотеке ПГУ путей сообщения (б. ЛИИЖТа) хранятся чертежи мостов с записями[3], из которых следует, что А.Ф. Львов, Ф.И. Рерберг и А.Я. Фабр (помощник начальника работ на военных поселениях с 1820 г.), учитель Львова, работали в тесном содружестве.

А.Ф. Львов оставил чертежи и записи, среди которых:

Лист № 1: Чертеж мосту, построенному через 2-й овраг по дороге от полкового Штаба во 2-ю поселенную роту Гренадерского е.в. Короля прусского полка. Размеры (по чертежу): длина 43,6 см, высота 31,8 см. Слева внизу подпись: «Построен мною в 1823 г.».

Лист № 2: Чертеж мосту, построенному через овраг по дороге от полкового Штаба в 3-ю поселенную роту Гренадерского е.в. Короля прусского полка. Слева внизу надпись: «Построен мною в 1824 г.».

Лист № 3 дает представление о трехпролетном арочном мосте и устоях моста, быки – из трех свай по длине моста, из семи свай – по ширине. Под рамкой надпись: «А.Ф. Львов».

Лист № 4 Чертеж моста, построенного через 1-й овраг, с подписью: «Построен мною в 1824 г.».

Лист № 5 Поперечный разрез экзерциргауза в полковом Штабе Гренадерского е.в. Короля прусского полка. Внизу надпись: «Стропила экзерциргауза поставлены мною в 1824 году».

На листе № 6 дана перспектива этого же сооружения.

На листе № 7 дается чертеж еще одного моста, построенного в 1825 г.

Чертежи с пояснениями, приведенные на листах, принадлежащих Львову, свидетельствуют о хорошей инженерной подготовке Алексея Федоровича. А это - следствие не только врожденного трудолюбия и интереса к будущей специальности, но и влияние учителей молодого человека. В то время в Институте работали замечательные преподаватели: А.Я. Севастьянов, выпускник 1814 г., оставленный в Институте для подготовки к профессорскому званию, Резимон, Базен и Потье, французские профессора, читавшие курсы высшей математики и начертательной геометрии, Д.С. Чижов, профессор Педагогического института, приглашенный для

чтения лекций по механике, молодые А.Д. Готман, профессор архитектуры и Ф.И. Рерберг, профессор начертательной геометрии (закончили Институт в 1813 г. в составе первого выпуска), французский инженер Фабр, профессор строительного искусства. Всех их объединяла обширная программа обучения, составленная А.Бетанкуром, первым ректором Института, проявившим заботу о глубоких знаниях воспитанников в области инженерного дела.

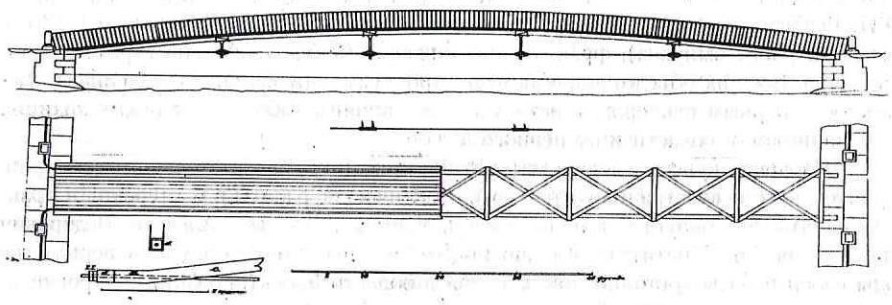
Изучение курсов высшей математики, механики, начертательной геометрии, строительного искусства и архитектуры, практические работы в мастерских и практика на объектах округа путей сообщения, дали свои плоды – Алексей Федорович Львов вышел из Института хорошо подготовленным инженером и в первые же годы своей работы достойно показал себя в области проектирования и строительства различных сооружений.

В материалах А.Ф. Львова «Сооружения в военных поселениях», тщательно изученных инженером путей сообщения Д. Гузевичем, содержится оценка работам Львова генерал-майором Фабром. Так, например 17 марта1823 г. Фабр осматривал стропила экзерциргауза, построенные 1821 и 1822 г., и три новых моста между фузелерной ротой и штабом полка. Он нашел все в полном порядке и очень хвалил точность работ капитана Львова. Здесь же приводится чертеж-проект моста через реку Пидьбу с подписью: «Проектировал и чертил инженер-капитан Львов. Август, 15 дня, 1822 г.». У моста 15 пролетов, из них 14 – пойменные и один – русловый (пойменные – болотные).

Ил. 2. А.Ф. Львов. Литография П.Ф.Соколова, 1841, Русский музей

В 1826 г. резко изменился путь его дальнейшей карьеры. Он становится капитаном только что созданного Корпуса жандармов с назначением старшим адъютантом при шефе А.Ф. Бенкендорфе, затем участвует в войне с турками, становится флигель-адъютантом свиты Его Величества, сопутствует императору Николаю I в его поездках по России и за границей, а в 1837 г. становится директором Придворной певческой капеллы[4] (ил. 2). Вся его последующая жизнь подробно описана многими исследователями, всегда подчеркивавшими его природные музыкальные дарования и создание им музыки к российскому гимну «Боже, царя храни» (на слова В.А. Жуковского), который был впервые исполнен в 1833 г.

Нам же представляют интерес инженерные труды А.Ф. Львова, о которых мало известно. О первых инженерных работах уже рассказано выше. Теперь переходим к следующему этапу работ.



Ил. 3. Чертеж моста Львова в Фалле

Александр Христофорович Бенкендорф в своем имении под Ревелем (сегодня –Таллин), доставшемся ему от отца, задумал ряд преобразований. По заказу Бенкендорфа мало известный в то время архитектор А.И. Штакеншнейдер, рекомендованный ему Огюстом Монферраном, за 2 года создал «Замок Фалль»: «На берегу моря в холмистой местности, окутанной лесами, над крутым скалистым берегом реки, против шумного пенистого водопада, стоит дом с высокой башней, с террасой, с балконом, в том затейливом, несуровом готическом стиле, который при Николае I был пущен в ход архитектором Штакеншнейдером»[5]. Усадьба получила название «Фалль» или «Замок Фалль» по главной своей достопримечательности - естественному водопаду (по немецки fall). Большое впечатление на гостей производил огромный парк, окружавший главный дом усадьбы[6].

В этом имении, находясь в гостях у Бенкендорфа, много раз музицировал Алексей Федорович Львов, поражая всех своими скрипичными концертами. И вот Львову, как инженеру, захотелось сделать подарок своему шефу – перекинуть мост через широкий ручей, который было не удобно обходить.

Сведения о проекте моста А.Ф. Львова в имении Бенкендорфа содержатся на листах № 8 и 9 (в библиотеке ЛИИЖТа[7]). Здесь приведены план, фасад и поперечное сечение моста (отверстие в свету ровно 100 футов, т.е. 30,5 м). Внизу надпись: «Построен в поместье графа А.Х. Бенкендорфа близ Ревеля, называемо Фалль» (ил. 3).

Приведем текст из воспоминаний Алексея Федоровича Львова: «В 1833 г. был я у графа Бенкендорфа в его имении, близ Ревеля, Фалль; гуляя со мной в саду, он стал просить меня построить мост через реку, проходящую в его саду, шириной 100 фут. Местоположение и быстрота реки требовали моста на цепях; но граф никак не хотел, чтобы на берегах были поставлены какие-либо возвышения, необходимые для цепей, говоря, что они скроют лучшие виды из дома. Я ничего не обещал, потому что условие это исключало собою самое необходимое при цепных мостах. Но, задав себе задачу, я имею привычку беспрестанно об ней думать, доколе чем-нибудь не разрешу, или вовсе не откину. Я искал изобресть способ поместить цепи под мостом, и чтоб испытать первое мое соображение, я взял прутик, согнутый от природы столько, сколько я предполагал бы дать возвышения мосту, концы этого прутика связал ниткой довольно слабо, а по протяжении нитки поставил вертикально в равных расстояниях четыре стоечки, которых верхи подпирали прутик, и когда я стал давить прутик сверху, то заметил, что концы его расходились и потому натягивали нитку, которая через то подымала стожки, и, следовательно, самый мост, и мне казалось, что доколе нитка и прутик останутся целы, до того, не смотря на давление сверху, машинка моя будет в равновесии. Мысль эта более и более во мне утверждалась: так что я решился сделать опыт здесь в Петербурге, построив мост в натуральную величину на платформе. Тут я старался вспомнить, чему учился, когда был инженером и все, что приобрел опытом при построении в военных поселениях огромных мостов и стропил зкзерциргаузов. С этим мне легко было определить все меры и подробности при составлении планов. Мост я построил на чугунном заводе, чтоб иметь средство делать пробы сил железа, и с радостью увидел, что удачно привел в исполнение родившуюся во мне совершенно новую мысль цепных мостов. Модель моя была совершенно удовлетворительна, так что я за лучшее счел ее собрать и отправить в Фалль, куда и сам поехал. В несколько дней мост был поставлен на месте, и когда, сняв подмостки, я увидел его на крутых берегах, как ленточку переброшенную с одного берега на другой, я был в восторге и какой-то неизъяснимой боязни.

Графиня Бенкендорф и ее дочери, которые были тогда в Фалле, не решались пойти по мосту, доколе не увидели, что толпы мужиков переходили через него без всякой опасности. На средине моста я прибил медную доску с надписью: "От преданного и благодарного Львова 30 августа 1833 г." (т.е. день именин Александра Христофоровича). В каком был восторге добрый мой начальник, когда он увидел мост. Он не знал, как благодарить меня и всем рассказывал, что я сделал чудо, всех из Ревеля созывал смотреть мост; и я, видя его искреннее удовольствие, душевно радовался. В 1845 г. я построил такой же мост, но гораздо меньшего размера, на даче Е.В. Марии Николаевны, в Сергиевской, что за Петергофом...»[8]

Общий вид моста, длина которого 32 м, приведенный на иллюстрации, подтверждает высказанную Николаем I фразу: «Львов перебросил свой смычок через реку» – настолько легким и изящным оказался мост Львова.

Имение Бенкендорфа – главный дом и парк производили незабываемое впечатление на посетителей. За художественное изображение «Замка Фалль» высоких наград были удостоены художники Л.Х. Фрике (золотая медаль за 2 картины, 1837 г.) и С.М. Воробьев (первая золотая медаль, 1838 г.). На одной из картин Фрике (хранится в Государственной Третьяковской галерее) изображена часть моста Львова, как неотъемлемая часть пейзажа[9].

Мост Львова был разрушен во время войны 1941–1945 гг., на его месте в 1960-е годы построен новый мост – металлический, современной конструкции.

Еще один мост Львова, построенный в имении Бенкендорфа, не получил описания в воспоминаниях современников.

В 1839 г. у наследников К.А. Нарышкина за средства казны была приобрете-

на усадьба в Сергиевке в качестве свадебного подарка для дочери Николая I, великой княгине Марии Николаевне, которая вышла замуж за герцога Максимилиана Лейхтенбергского. (Сергиевка – дачное место под Петербургом, принадлежавшее последовательно многим сановникам – от Алексея Петровича, сына Петра I, до обер-гофмаршала Двора Николая I Кирилла Александровича Нарышкина).

В 1839–1840-х гг. в усадьбе проводилась работа по созданию нового дворцово-паркового ансамбля[10]. К этим работам Лейхтенбергский привлек архитектора А.И. Штакеншнейдера, по проекту которого довольно быстро был возведен дворец, окруженный изящными портиками. У подножия террасы был разбит сад с фонтаном. От дворца шла просека к заливу, открывая вид на море. Появилась в усадьбе церковь во имя св. Екатерины (проект того же Штакеншнейдера).

В русле ручья, протекавшего по оврагу, был устроен каскад прудов с плотинами и мостами. К этим работам владельцы имения привлекли А.Ф. Львова. Сейчас трудно установить, сколько мостов здесь построил инженер путей сообщения. Есть сведения о самом крупном мостовом переходе через ручей, построенном в 1845 г., – сохранились руины опор моста (ил. 4).

Так что точно известно место, где стоял мост Львова, однако, достоверного представления о конструкции моста, длина пролетного строения которого была 5,8 м, сейчас невозможно получить. Можно только предположить что мост в «Замке

Ил. 4. Руины на месте моста Львова в Сергиевке

Фалль» и в Сергиевке – одного типа. Оба моста имели пролетные строения в виде деревянных арок с железными затяжками и стойками. А.Ф. Львова можно считать одним из пионеров – первых авторов проектов мостов с затяжками, чего не было в России до 1829 г.

В 1864 г. южную часть парка отсекла железная дорога. На этой части сейчас расположены здания Санкт-Петербургского государственного университета, в парк можно попасть с железнодорожной платформы «Университет» (дорога от Петербурга на Ораниенбаум). Дворец Лейхтенбергских реставрировался в 1971–1974 гг., проводились восстановительные работы и в парке. Но ни один старый мост через ручей не был возрожден. Творение Львова кануло в лету.

Крупному исследователю инженерного дела в России и в Европе инженеру путей сообщения Д. Гузевичу (он сейчас проживает в Париже) удалось найти интересный документ на французском языке – Письмо и Инструкция (пояснительная записка) по строительству моста, которые были направлены прусскому принцу Вильгельму. Приведем текст этого письма (в переводе И. Гузевич):

«Месье! Поскольку Ваше Королевское Высочество соизволило выразить желание иметь планы висячего моста, который был построен в парке Его Императорского Высочества господина герцога Лейхтенбергского, имею часть направить Вам их вместе с моделью и описанием производства работ на случай, если Вашему Королевскому Высочеству будет угодно построить подобный.

Почту себя счастливым, что моя готовность подчиняться вашим приказам явится для Вас новым свидетельством глубочайшего почтения и безграничной преданности, с которыми я имею честь быть.

Подпись»[11].

Из этого документа следует, что мост Львова (видимо, самый длинный в имении Лейхтенбергских) был висячим и, видимо, производил необыкновенное впечатление своей изящностью, что было свойственно натуре инженера.

Интересны некоторые выдержки из Инструкции Львова:

Пункт 1. Произвести точную нивелировку местности, на которой будет возводиться мост с целью изучить разность в высотах между двумя берегами, так же как и длину, которую должен иметь мост между береговыми устоями.

Пункт 2. Подготовить площадку, горизонтальную во всех направлениях, на которую должна быть нанесена кривая, образующая мост. Высота этой кривой должна составлять одну пятнадцатую – одну двадцатую от линии, проходящей через ее концы.

Пункт 3. На этой площадке вытёсывают деревянные бруски, которые должны образовать кривую линию моста. Надо проследить, чтобы концы брусков были выполнены со всей возможной точностью.

И далее дается подробное описание подготовки других деталей моста и производства работ по строительству моста. И сегодня, используя эту детально разработанную Инструкцию, можно построить деревянный мост конструкции Львова (необходимы только желание и средства владельцев парков и скверов). А.Ф. Львов, определив размеры всех деревянных деталей моста и каменных или свайных береговых мостовых опор, гарантировал прочность и полную безопасность сооружения.

Заслуживает внимания факт обращения А.Ф. Львова в начале 1835 г. в Комиссию проектов и смет Главного управления путей сообщения и публичных зданий с просьбой дать заключение по проекту моста в имении Бенкендорфа[12]. Комиссия рассмотрела проект моста и дала письменное заключение, в котором отметила, что Комиссии «по сие время не было известно, чтобы какой-либо мост был устроен наподобие изображенного на чертеже г. Львова пешеходного в 100 фут отверстия моста, присовокупляя при этом, что принятая им система конструкции по простоте и дешевизне может быть с пользою подражаема при построении мостов в садах, зверинцах и там вообще, где нельзя ожидать прохода в одно время значительного числа людей; в городах же, как например, на Петербургских каналах, где подобные мосты могут быть иногда покрыты людьми по всей их поверхности ...Комиссия полагала бы несколько неосторожным построить мосты по столь легкой системе. В заключение Комиссия присовокупила, что проектирование и успешное построение флигель-адъютантом Львовым сказанного моста делает честь его познаниям и доказывает, что хотя он давно оставил службу по Корпусу путей сообщения, он однакож сохранил вкус к ученым занятиям и не потерял из виду тех полезных сведений, которые приобрел он в институте того Корпуса...» Заключение было подписано членами комиссии под председательством генерал-лейтенанта Дестрема.

Мосты Алексея Федоровича Львова и другие его сооружения свидетельствуют о безупречной репутации выпускника Института корпуса инженеров путей сообщения, проявившего себя незаурядным творцом не только в музыке, но и в инженерном деле.

Указатель имен, упоминаемых в статье

Алексей Петрович (1690–1718), сын Петра Великого, получивший по велению отца «приморскую дачу» в 1712 г.; похоронен в Петропавловской крепости в Петербурге.

Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834), государственный и военный деятель, генерал от артиллерии, член Государственного Совета, сенатор, с 1799 г. граф, в 1821–1826 гг. главный начальник Отделения корпуса военных поселений, умер в своем имении Грузино.

Базен Петр Петрович (1786–1838), французский инженер, в России – с 1810 г., генерал-лейтенант, профессор и директор Института корпуса инженеров путей сообщения в 1822–1834 гг., в 1836 г. возвратился во Францию, похоронен в Париже.

Бенкендорф Александр Христофорович (1781–1844), из дворянского рода немецкого происхождения, сын рижского гражданского губернатора Иоганна Б., окончил в 1798 г. иезуитский пансион в Петербурге и начал службу в лейб-гвардии Семенском полку, участвовал в военных сражениях на Кавказе, в Молдавии, в войнах с Францией, с 1826 г. – шеф Корпуса жандармов и главный начальник III Отделения, в 1832 г. возведен в графское достоинство, в 1844 г. умер на корабле по пути из Амстердама в Россию и был захоронен в своем имении «Фалль» близ Ревеля (захоронение его и его жены сохранилось до сих пор).

Бетанкур Августин Августинович (1758–1824), крупный испанский инженер и ученый, в России – с 1808 г., генерал-лейтенант, организатор и первый руководитель Института корпуса инженеров путей сообщения, Главный директор путей сообщения в 1819–1822 гг., председатель Комитета для строений и гидравлических работ с 1816 г., автор множества инженерных проектов в одиннадцати городах России, похоронен в некрополе XVIII в Александро-Невской лавре в Петербурге.

Вильгельм (1797–1888), младший сын прусского короля Фридриха-Вильгельма III, король Пруссии под именем Вильгельм I и первый германский император (с 1871 г.).

Волконский Сергей Михайлович (1860–1937), князь, театральный деятель мемуарист, внук декабриста Сергея Григорьевича Волконского (проводившего лето 1863 г. в Фалле), сын Михаила Сергеевича Волконского, женой которого в 1855 г. стала внучка Бенкендорфа – Елизавета Григорьевна.

Воробьев Сократ Максимович (1817–1888), художник-пейзажист, закончил Академию художеств и стал профессором Академии, сын известного русского художника Максима Никифоровича Воробьева, академика и заслуженного профессора Академии художеств.

Готман Андрей Данилович (1790–1856), инженер путей сообщения первого выпуска, инженер-генерал, профессор архитектуры и директор Института корпуса инженеров путей сообщения в 1836-1843 гг., автор многих проектов инженерных сооружений в Петербурге, умер и похоронен в Дрездене.

Гузевич Дмитрий Юрьевич (род. В 1955 г.), инженер путей сообщения, известный историк инженерного дела в России и западно-европейских странах, исследователь (вместе с супругой) деятельности Петра Великого в период Великого посольства, живет и работает в Париже.

Гузевич Ирина Давидовна (род. в 1956 г.), лингвист, знаток нескольких иностранных языков, историк науки и техники, жена Д.Ю. Гузевича, живет и работает в Париже.

Дестрем Морис Гугович (1789–1856), французский инженер, в России – с 1810 г., инженер-генерал Корпуса инженеров путей сообщения, профессор Института корпуса, председатель Комиссии проектов и смет Главного управления путей сообщения и публичных зданий, почетный член Петербургской Академии наук. Умер и захоронен в Петербурге.

Жуковский Василий Андреевич (1783–1852), знаменитый русский поэт, друг и наставник А.С. Пушкина.

Карбониер Лев Львович (1770–1836), французский инженер, в России – с 1796 г., генерал-майор Корпуса инженеров путей сообщения, член Совета управления путей сообщения в 1811–1818 гг., первый председатель Комиссии проектов и смет.

Лейхтенбергский Максимилиан-Евгений-Август-Наполеон (1817–1852), герцог, второй сын пасынка Наполеона I вице-короля Италии Евгения Богарне, с 1839 г. – муж дочери Николая I, великой княжны Марии Николаевны, почетный член Петербургской Академии наук, умер и похоронен в Петербурге.

Львов Алексей Федорович (1798–1870), инженер путей сообщения, автор проектов различных построек, в т.ч. мостов, в Новгородской губернии в зоне воен-

ных поселений, в имениях Бенкендорфа и Лейхтенбергского, генерал-майор, директор Придворной певческой капеллы (в 1837–1861 гг.) после смерти своего отца Федора Петровича. А.Ф.Львов умер в имении Романи, близ Ковно, захоронен в Пожайском монастыре, где нашла свое последнее пристанище и его жена Прасковья Аггевна.

Мария Николаевна (1819–1876), великая княгиня, старшая дочь Николая I, супруга герцога М. Лейхтенбергского, с 1854 г. – жена графа Г.А. Строганова, с 1852 г. – президент Императорской Академии художеств.

Нарышкин Кирилл Александрович (1786–1838), обер-гофмейстер, член Государственного Совета, действительный камергер.

Николай I Павлович (1796–1855), император Всероссийский с 19 ноября 1925 г., третий сын Павла I, умер и захоронен в Петропавловском соборе в Петербурге.

Петр I Алексеевич (1672–1725), царь с 1682 г., император Всероссийский с 1721 г., основатель второй столицы России, умер в Петербурге и похоронен в Петропавловском соборе.

Потье Карл Иванович (1786–1855), французский инженер, в России – с 1810 г., генерал-лейтенант, профессор и директор Института корпуса инженеров путей сообщения в 1834–1836 гг., умер в своем имении в Таврической губернии, где и захоронен.

Резимон Иван Степанович (1768–1844), французский инженер, генерал-майор, профессор Института корпуса инженеров путей сообщения.

Рерберг Федор Иванович (1791–1871), инженер путей сообщения (первого выпуска), строитель шоссе Петербург-Москва и военных поселений, инженер-генерал, умер и похоронен в Москве.

Севастьянов Яков Александрович (1796–1849), инженер путей сообщения, профессор и помощник директора Института корпуса инженеров путей сообщения, основоположник отечественной науки в области начертательной геометрии, лауреат Демидовской премии Академии наук.

Стасов Василий Петрович (1769–1848), академик и профессор Академии художеств, с 1808 г. – архитектор Кабинета его императорского величества, один из главных архитекторов Комитета строений и гидравлических работ.

Фабр Александр Яковлевич (1782–1844), французский инженер, в России – с 1810 г., профессор Института корпуса инженеров путей сообщения, автор проектов мостов на Московском шоссе, Таганрогского и Мариупольского портов, различных зданий и сооружений на территории военных поселений Аракчеева. В 1833 г. возвратился во Францию, умер в Париже.

Фрикке Лонгин Христианович (1820–1893), живописец-пейзажист, закончил Академию художеств, его картина «Вид в имении Фаль, неподалеку от Ревеля», хранится в Русском музее; последние годы жил в Крыму, где умер и захоронен.

Чижов Дмитрий Семенович (1785–1852), профессор, член-корреспондент и почетный член Петербургской академии наук, в Институте корпуса инженеров путей сообщения проработал 30 лет (с 1812 г.).

Штакеншнейдер Андрей Иванович (1802–1865), архитектор, академик и профессор Академии художеств, автор оригинальных проектов зданий и сооружений

различного назначения в Прибалтике, Новгороде, Петербурге и пригородах; по проекту Штакеншнейдера построены Мариинский и другие дворцы в Петербурге.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Записки. Русский архив, 1884, Т. 2. Кн. 3-4. С. 244–245.
[2] *Федоров В.А.* М.М. Сперанский и А.А. Аракчеев, М., 1997. С. 172–175.
[3] *Львов А.Ф.* Сооружения в военных поселениях. Научно-техническая библиотека ЛИИЖТа, листы 3-47.
[4] *Львова А.П., Бочкарева И.А.* Род Львовых. Торжок, 2004. С. 167–168.
[5] *Волконский С.М.* Мои воспоминания. Т. 2. М., 1992. С. 112–113.
[6] *Лада Вуич.* В дивном Фалле под Ревелем. Наше наследие, №58, 2001. С. 144–149.
[7] См. прим. 3.
[8] *Львов А.Ф.* Записки. Русский архив, 1884. Т. 2. Кн. 3-4. С. 244–245.
[9] *Федоров-Давыдов А.А.* Русский пейзаж XVIII – начала XX в. М., 1986. С. 29–30.
[10] *Горбатенко С.Б.* Петергофская дорога. СПб., 2001. С. 277–282.
[11] Копия письма и инструкции находится в личном архиве Д. Гузевича в Париже.
[12] Журнал Комиссии проектов и смет за февраль 1835 г. РГИА, ф. 208, оп. 1, д. 83, л. 314–316

Л.М. ЗОЛОТНИЦКАЯ
Санкт-Петербург

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ А.Ф. ЛЬВОВА

Музыкальность была присуща всем представителям славной фамилии Львовых. Так, Пётр Семёнович Львов (ум. в 1736 г.) во время персидского похода Петра I сложил песню «Уж как пал туман на сине море», считающуюся ныне народной[1]. Архитектор, поэт, геолог и изобретатель Николай Александрович Львов (1753–1803) изучал русский фольклор и был одним из составителей «Собрания народных русских песен с их голосами»[2]. Его двоюродный брат Федор Петрович Львов (1766–1836) – отличный скрипач, автор книги «О пении в России»[3] собрал огромную музыкальную библиотеку и ценнейшую коллекцию музыкальных инструментов (куда, в частности, входили скрипки работы мастеров Амати, Гварнери, Маджини, Страдивари), а последние 10 лет жизни руководил Придворной певческой капеллой. Особенно же ярко музыкальное дарование проявилось в сыне Фёдора Петровича, Алексее Федоровиче Львове[4] (ил. 1).

Ил. 1. А.Ф. Львов. Автор и местонахождение портрета неизвестны

Он родился 25 мая 1798 г. в Ревеле, но с детских лет жил в Петербурге. В 1814–1818 гг. учился в Институте корпуса инженеров путей сообщения. Получив диплом военного инженера, Львов восемь лет служил под началом графа А.А. Аракчеева в военных поселениях Новгородской губернии, занимаясь строительством мостов и дорог.

В 1826 г., по приглашению А.Х. Бенкендорфа, Львов был приглашён в свиту

Николая I и здесь прошёл долгий путь от капитана до генерал-майора. Заведуя по роду службы императорской главной квартирой и конвоем, он, сопровождал Николая I во всех его гражданских и военных компаниях. Так, в 1828 г. он был свидетелем сражения при Шумле, осады и взятия крепости Варна; в 1835 г. присутствовал на русско-прусских манёврах в Калише; в 1836 г. сопровождал Николая в большом путешествии по Крыму, Кавказу и Черному морю. В составе свиты Львов неоднократно бывал за границей на коронациях, бракосочетаниях и прочих торжествах.

Выйдя в отставку, он до 1869 г. оставался в Петербурге, а затем переселился в Рукшаны – имение своего зятя Алексея Львовича Вакселя в Ковенской губернии. Скончался А.Ф. Львов 16 декабря 1870 г. и был похоронен на берегу Немана в Пожейльском монастыре. Могила сохранилась[5].

СКРИПАЧ

Детские годы А.Ф. Львова прошли в доме его отца Фёдора Петровича, стоявшем на месте нынешней синагоги. За музыкальность всего семейства и его многочисленность соседи называли дом «Академией Львовых» и «Ноевым ковчегом». Здесь регулярно устраивались концерты, в которых принимали участие все члены семьи, включая маленького Алексея. Обученный игре на скрипке отцом и лучшими петербургскими педагогами, он выступал как солист и квартетист.

Ил. 2. А.Ф. Львов. П.Ф. Соколов. Акварель. 1836. ГРМ

На службе у Аракчеева молодой офицер каждую свободную минуту продолжал совершенствоваться, теперь уже самостоятельно разучивая сочинения Вивальди, Корелли, Тартини, а приезжая на зиму домой (с ноября работы в поселениях прекращались), по-прежнему выступал в отцовском доме и других салонах. Перейдя на службу в императорскую свиту, Львов не расстался со скрипкой, о чём свидетельствуют как его портреты тех лет (ил. 2), так и дневниковые записи, например: «2 мая 1828 г., от Киева за 200 вёрст. Встретил импе-

Ил. 3. А.Ф. Львов. Автор и местонахождение портрета неизвестны

ратрицу Александру Ф., которая милостиво разговаривала со мною и даже интересовалась знать, хорошую ли свою я скрыпку взял с собой в поход»; «10 июля 1828 г., лагерь при Шумле. Удивление мое, когда: генерал мой изъявил желание, чтобы я поиграл у него в палатке на скрыпке»[6].

С годами практическая музыкантская школа, которую он прошел, пополнилась богатым слуховым опытом - в составе свиты Львов имел возможность побывать на концертах самых видных скрипачей своего времени. Впрочем, Никколо Паганини ему не понравился: воспитанный на классических образцах и традициях, Львов с сомнением относился к виртуозным эффектам и впоследствии в «Записках» презрительно назвал Паганини «штукарём»[7]. Зато, познакомившись в 1829 г. в Варшаве с Каролем Липиньским, он поддерживал дружбу с польским скрипачом и композитором до самой смерти того в 1861 г.; при этом современники считали, что патетическая экспрессия, свойственная исполнительскому стилю Липиньского, оказала на Львова несомненное воздействие. Таким образом, служебные поездки сыграли в его формировании роль «университетов» Как играл Львов? На этот вопрос могут ответить многочисленные восторженные свидетельства современников. Один из них, например, вспоминал: «Чтобы охарактеризовать физиономию его игры вообще, можно сказать: он каждый раз играл так, как человек, который осуждён на смерть, которому дано только мгновенье, чтобы проститься с жизнью и музыкой, и который в последние звуки влагает всю свою душу»[8].

А поэт отозвался о его выступлении следующим образом:

«Только начал он играть,
Скрипка стала оживать;
То раскатисто зальётся
Русской песней, то несётся,
Как молитва, в облака,
То, как будто бы тоска,
Жалоба унылой девы,
То как ангелов напевы.
Он уныл – и скрипка плачет!
Он восторжен – и она

Вдохновения полна,
Радует, мутит, терзает,
Двери неба отверзает!
Что? вы скрипку не узнали?
Нет! Так Львова не слыхали!»[9]

В 1840 г. вместе с матерью и женой[10] Львов совершил концертное (а не служебное на этот раз) заграничное турне. Перед полковником свиты русского императора были открыты все двери и, выступая в салонах (только в салонах, чтобы не сойти за обычного «аёмного» артиста), Львов объезжал столицу за столицей, не забывая знакомиться едва ли не со всеми музыкальными авторитетами Европы: в Берлине – с Мейербером и Спонтини, в Лейпциге – с Мендельсоном[11] и Шуманом, в Эмсе – с Листом, в Лондоне- с Мошелесом, в Париже – с Керубини и Байо. И даже этих виднейших музыкантов его выступления поразили. Спонтини, по словам Львова «целовал меня как сына»,[12] а Шуман разразился восторженной статьёй, где, в частности, сказал: «Г-н Львов – скрипач настолько примечательный и редкостный, что он может быть поставлен в один ряд с первыми исполнителями вообще. ... Если в русской столице ещё много таких дилетантов, то многие исполнители (гости) могли бы там большему научиться, чем научить».

ХОЗЯИН САЛОНА

Параллельно с исполнительской деятельностью Львов прославился в Петербурге и как радушный хозяин музыкального салона. С 1835 г. он начал устраивать в своей квартире на Владимирском пр. в д. 13, еженедельные музыкальные вечера. Именно здесь составился квартет, который вошёл в историю музыки как «Квартет Львова» (ил. 4): 1-я скрипка – он сам, 2-я – Всеволод Маурер, виолончель – граф Матвей Вильегорский, альт – Густав Вильде.

Кроме Львова и других российских музыкантов в салоне выступили практически все побывавшие в эти годы в Петербурге зарубежные знаменитости. Так, только за сезон 1838–1839 гг. здесь услышали скрипача Анри Вьетана, пианистов Сигизмунда Тальберга и Мари Плейель, виолончелиста Адриана Франсуа Серве, певицу Генриетту Зонтаг.

В 1844 г. Львов купил дом на Караванной ул. 22, где организовал новый салон, ещё более пышный, чем прежний. В 1844 г., в частности, там выступила пианистка Клара Шуман, в 1847 – побывал Гектор Берлиоз. А в числе слушателей львовских вечеров можно было встретить самого Николая I, великих княжон Александру и Ольгу Николаевну, великую княгиню Елену Павловну, принца Петра Георгиевича Ольденбургского, графов К.В. Нессельроде, А.Ф. Орлова, В.Ф. Адлерберга. Из художественной интеллигенции у Львова бывали М.И. Глинка, Н.В. Кукольник, К.П. Брюллов...

Ил. 4. Квартет Львова. Литография Р. Рорбаха. 1840-е гг. А.Ф. Львов – 1-я скрипка, Матвей Ю. Вильегорский – виолончель, Вильде – альт, Маурер – 2-я скрипка. На заднем плане: А.Г. Строганов, А. Эльпт и Мих. Ю. Вильегорский.

Один из выступавших здесь скрипачей так описал салон Львова начала 1850-х гг.: «Я был поражён необычайно красивым зрелищем; роскошная белая Зала с люстрами и сотнями огней, блестящие мундиры, ордена и ленты. Я не ожидал увидеть ничего подобного; за границей не было таких музыкальных вечеров... Ровно в 9 часов мы начали играть трио, но едва успели сыграть несколько тактов, как вошёл Государь в сопровождении генерала Львова, который вышел встречать Его Величество. Мы перестали играть, – все встали.

Государь поздоровался с графами Строгановым, Вьельгорским и другими; поговорил с Лаблашем и Лагранж по-французски об опере,[14] а затем подошёл и к нам; Рубинштейн уже был ему знаком, а нас двоих представили... Сыграли мы только одну часть трио, затем пела Лагранж, а после неё играл своё соло Леонард;[15] за ним пропел Лаблаш что-то из «Севильского цирюльника». Во время антракта нас попросили к роскошно сервированному буфету... После перерыва играл Леонард и пели ещё несколько номеров, потом просили играть Рубинштейна ... одну вещь за другой... Когда вся программа была выполнена, любезный хозяин поблагодарил всех участвующих и пригласил к ужину»[16].

КОМПОЗИТОР

Первые композиторские опыты Львова были связаны со скрипкой и предназначались для собственного исполнения. Достаточно рано он увлёкся также хоровой музыкой, к которой относится и его самое известное творение – сочинённый в 1833 г. на слова В.А. Жуковского русский гимн – такового в России до этого времени не существовало[17].

В «Записках» Львов вспоминал: «Я чувствовал надобность написать гимн величественный, сильный, чувствительный, для всякого понятный, годный для церкви, годный для войска, годный для народа от учёного до невежи»[18]. Исполненный впервые 6 декабря 1833 г. перед спектаклем в московском Большом театре, гимн был воспринят всеми присутствующими с большим энтузиазмом: простая, благородная и хорошо запоминаемая мелодия, действительно, «для всякого понятная», быстро распространилась по обеим русским столицам, а затем и по всей России. С этого времени слава Львова-композитора шла рука об руку с исполнительской. Ему, в частности, было торжественно поручено сочинение так называемых «штучек» для домашних концертов в покоях императора Николая I, который сам участвовал в них, играя на трубе, супруга ему аккомпанировала на фортепиано. По воспоминаниям мачехи Львова, императрица Александра Фёдоровна как-то преподнесла ей собственноручно нарисованную картинку, свидетельствующую о том, насколько Николая I увлекали «штучки» Львова: часы показывают глубокую ночь, свеча оплыла, в кроватке заливается плачем ребенок и лишь Николай, не замечая ничего вокруг, усердно дует в трубу – репетирует.[19]

В 1840-х–50-х гг. Львов от миниатюр перешёл к крупным сочинениям: появились три оперы, оперетта, по образцу Паганини – 24 каприса для скрипки – solo, Stabat Mater для хора, солистов и оркестра. Первым его сценическим опытом стала «Бьянка и Гвальтьеро» на французский текст Ж. Гийю[20]. В сюжете, заимствованном из истории Италии XV в., переплелись похищения, переодевания, любовь, вражда; в конце приходили примирение и покой. Львов очень надеялся увидеть свою оперу на сцене петербургского Итальянского театра,[21] в расчёте на артистов которого он её и сочинял, но осуществить эту мечту сразу не удалось: музыка оказалась слабой, и певцы отказывались её разучивать. Раздосадованный автор (в «Записках» он объяснил неудачу закулисными интригами) поднял все свои зарубежные связи и, благодаря Липиньскому, руководившему в это время Дрезденским оперным театром, пристроил свою оперу там. Она имела некоторый успех, в основном обязанный исполнительнице главной женской роли - прославленной В. Шредер-Девриент. Это-то и подтолкнуло русскую премьеру: в 1845 г. оперу, наконец, поставили в Итальянском театре Петербурга. Главные партии спели ведущие солисты труппы Полина Виардо, Джованни Рубини, Антонио Тамбурини, ансамбль которых современники называли «божественным трио». Но ни великолепные голоса, ни пышные декорации не могли спасти откровенно слабого сочинения: после трёх спектаклей «Бьянку» сняли с репертуара. Вероятно, этот шаг был заранее обдуман Дирекцией Императорских театров: боясь ссорится с полковником императорской

свиты и, понимая в то же время, что опера не сможет соперничать с популярными сочинениями Россини, Беллини, Доницетти, Дирекция предоставила Львову возможность насладиться созерцанием своего детища на сцене, после чего приняла единственно верное решение. Сам автор ещё долго не желал мириться с таким поворотом дел. Спустя много лет он с пафосом вспоминал: «Желая оставить у себя память столь блистательного успеха моей музыки, я пригласил к себе обедать Виардо, Рубини, Тамбурини и знаменитого нашего художника Карла Брюллова. После обеда я попросил Виардо, Рубини и Тамбурини одеться в костюмы, в которых они были на сцене; Брюлову дал бумагу и карандаш, поставил в большом зале фортепиано, осветил лампами с полу и заставил тихонько петь, а Брюллова рисовать. (*За роялем сидел пианист и композитор В.М. Кажиньский – Л. З.*) Какая это была восхитительная минута! Какое собрание артистов и каких! Картина, которую сделал Брюллов, я подарил Ольге Николаевне (*великой княжне - Л. З*); сделанные же с неё литографии долго у меня лежали, лежали в магазинах для продажи, но мало кому интересными показались. Как мы ещё молоды, необразованны, какой убийственный холод ко всему русскому!»[22] (ил. 5).

Ил. 5. Сцена из оперы «Бьянка и Гвальтьеро». Рисунок К.П. Брюллова. 1844. Литография

Парадоксально, что автор пишет это о сочинении на французский текст,[23] стилистически ориентированном на современные ему итальянские образцы!

Столь же бесславна история «Ундины» на либретто Вл. Соллогуба. Премьера этой оперы состоялась в Петербурге в 1848 г., силами певцов русской оперной труппы. «Ундина» выдержала 4 представления, заслужила весьма прохладные отзывы прессы, после чего была снята с репертуара. Благодаря связям Львов, смог добиться и её зарубежной постановки: в 1852 г. «Ундина» несколько раз прозвучала в Вене.

В результате описанных событий случился парадокс: поскольку оперы Глинки и Даргомыжского в эти годы (и еще много лет позже) за границей не были известны, о русской опере там судили именно по сочинениям нашего героя. Масла в огонь подлил и молодой А.Г. Рубинштейн - сильно преувеличивая композиторские

заслуги Львова, он в статье «Русские композиторы», опубликованной в 1855 г. в венском журнале,[24] уподобил его Глинке (в это время, заметим, уже автору практически всех романсов, «Жизни за царя», «Руслана и Людмилы», «Камаринской», «Вальса-фантазии» и прочего). При этом Глинке Рубинштейн отказал в национальной специфике, признавая первым подлинно русским композитором именно Львова. Статья знаменитого пианиста, каким Рубинштейна знали за рубежом, вызывала доверие и окончательно упрочила славу Львова как «пионера русской музыки» (а заодно рассорила Глинку с Рубинштейном).

Третья опера Львова «Русский мужичок, или французские мародеры в 1812 году», на либретто Н.И. Куликова, была впервые исполнена в Александринском театре Петербурга в 1854 г. Она несколько удачнее его первых двух сценических опытов: во всяком случае, хоры и оркестровые эпизоды написаны на высоком профессиональном уровне. Вместе с тем простота сольных номеров и общая «опереточность», вполне традиционные в русской комической опере 1820-х гг., воспринимались в 1850-х как забавный анахронизм.

Хоровые сочинения Львова по уровню несопоставимо выше его опер; некоторые из них по сей день остаются репертуарными: звучат «Херувимская», «Достойно есть», «Вечери твоя тайные», «Взбранной воеводе», а осенью 2003 г. после долгого забвения в Большом зале Филармонии Петербурга был с успехом возобновлён и Stabat Mater.

ДИРИЖЕР

Ил. 6. А.Ф. Львов. П.Ф. Соколов. Акварель. 1841. ГРМ

В 1837 г., по высочайшему указу, Львов возглавил Придворную певческую капеллу, продолжив, таким образом, дело отца (ил. 6).

За годы руководства капеллой он практически реформировал это учреждение, внеся в его деятельность ряд полезнейших нововведений. В частности, учредил в 1839 г. инструментальный, а в 1847 г. – регентский классы, благодаря чему певчие, «спавшие с голоса», получали новые специальности, и Капелла начала выпускать профессионально подготовленных дирижёров церковных хоров, скрипачей, виолончелистов, духовиков. Значение этого шага трудно переоценить, если напомнить, что консерватория в Петербурге будет открыта лишь в 1862 г., а первый выпуск состоится в 1865 г. В связи с работой в Капелле открылась и еще одна сторона музы-

кального дарования Львова – он оказался великолепным хоровым дирижёром. Побывавший в 1847 г. в Петербурге Берлиоз оставил следующее высказывание: «Мне представляется, что хор Капеллы русского императора ... превосходит всё существующее в подобном роде... На людей нервных этот хор и исполняемая им музыка воздействуют неотразимо. От этих неслыханных интонаций чувствуешь себя охваченным судорожным, почти болезненным волнением. В подобных случаях все мои попытки огромным усилием воли подавить волнение не приводили ровно ни к чему»[25]. Ему вторит К. Шуман: «Капелла - самый прекрасный хор, какой нам когда-либо приходилось слышать; басы по временам напоминают низкие звуки органа, а дисканты часто звучат волшебно, лучше самых прекрасных женских голосов... К сожалению, они исполняли очень посредственные музыкальные произведения. Конечно, также и пьесы Львова – директора этого хора»[26]. Судя по последним словам отзыва, К. Шуман просто не довелось попасть на те светские концерты, где под управлением Львова певчие Капеллы с огромным успехом исполняли оратории и мессы Генделя, Гайдна, Моцарта и Бетховена. Службу в Капелле Львов оставил лишь в 1858 г. – из-за прогрессирующей глухоты.

Отойдя от исполнительской (скрипичной и дирижёрской) и композиторской деятельности, Львов какое-то время ещё занимался деятельностью «около музыкальной». В частности, изобрёл метроном, отличавшийся от популярного метронома работы Мельцеля; в конце 1850-х – начале 1860-х гг. пытался наладить в Петербурге производство камертонов – с тем, чтобы часть выручки шла на нужды инструментального класса Капеллы.

ЛИЧНОСТЬ

Для полноты обзора необходимо, хотя бы кратко, остановиться на чертах характера А.Ф. Львова. К сожалению, остроумный собеседник и блестящий скрипач и дирижёр, каким знали его зарубежные музыканты, в общении с русскими композиторами становился надменным и эгоистичным вельможей.

Очень сложно развивались его взаимоотношения с Глинкой, который был назначен капельмейстером Капеллы одновременно с назначением Львова – директором.

Справедливости ради отметим, что Глинка относился к службе добросовестно, но без особенного энтузиазма. Однако, именно из-за мелочных придирок Львова, отвлекавших от основной работы, поручений и разного рода дрязг, его пребывание на посту капельмейстера стало ещё более коротким, чем могло быть (1837–1839)[27].

Так же тяжело складывалось и общение с другим талантливым музыкантом Капеллы – Г.Я. Ломакиным.

Интриговал Львов и как против самого А.Г. Рубинштейна (написавшего о нем, напомним, хвалебную статью), так и против организации Рубинштейном в Петербурге консерватории.

Пожалуй, единственным из русских музыкантов, чьим мнением он дорожил, был князь В.Ф. Одоевский – их связывала не только страстная любовь к музыке, но и аристократическое происхождение...

Впрочем, своим скрипичным и дирижёрским мастерством Львов снискал себе заслуженную российскую и зарубежную известность; что же касается композиторской славы (которую он активно лепил сам), то посредством своих сочинений он, по крайней мере, способствовал возникновению интереса к России среди ярчайших представителей зарубежного музыкального мира.

И всё-таки одно его произведение пережило как его собственное творчество, так и сочинения многих его значительно более выдающихся современников: по сей день гимн «Боже, царя храни» является символом старой России.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. *Львов Н.А.* Письмо Н.А.Л. к П.Л.В. (Вельяминову) // Московский журнал. 1791. Ч. 4.

[2] СПб., 1790. Вторым автором «Собрания» был чешский музыкант И. Прач.

[3] СПб., 1834.

[4] Мать Львова – Надежда Ильинична (урожденная Березина; 1776–1808). От её брака с Фёдором Петровичем родилось 10 детей: сыновья Пётр (1796–1836), Илья (1707–?), Алексей (1798–1870), Владимир (1800–?), Николай (1801–?), Василий (1808–?); дочери Анна (в замужестве Скалон), Прасковья, Дарья (в замужестве Семёнова), Александра. После смерти первой жены Фёдор Петрович женился на своей двоюродной племяннице Елизавете Николаевне (1788–1864), дочери Н.А. Львова. От этого союза родилось 16 детей, из которых выжили только три сына и три дочери – сводные братья и сестры Алексея, один из них - Леонид Фёдорович Львов (1813 – после 1865) в начале 1860-х гг. состоял директором Московских императорских театров; сестра Мария (в замужестве Ростовская) оставила воспоминания о К. Брюллове, в которых рассказывает и об Алексее Фёдоровиче. – См. ж. «Москвитянин». – Т. 5. – № 19. – С. 147–166.

[5] О случайно обнаруженной на монастырском кладбище плите с полустертой надписью – «Здесь похоронен композитор гимна «Боже, царя храни» князь Алексей Львов» – сообщил офицер в отставке М. Каплунов – см. «Музыкальная жизнь». – 1989. – № 20. – 166.

[6] Дневник А.Ф. Львова с 1 мая по 8 октября 1828 г. РО РНБ, Ф. 124, Ваксель П.Л., оп.1, № 2582.

[7] *Львов А.Ф.* Записки.//Русский архив. – 1884. –М. – С. 258.

[8] Воскресный листок музыки и объявлений. – 1878. – № 4.

[9] *Мятлев И.П.* Полное собрание сочинений. СПб., 1857. Т. 1. С. 57. Ныне забытый Иван Петрович Мятлев (1796–1844) – автор стихотворения «Как хороши, как свежи были розы», первую строчку которого процитировал И.С.Тургенев в своем знаменитом «Стихотворении в прозе».

[10] Львов ездил в 1840 г. с мачехой – Елизаветой Николаевной, и женой. Женой Львова стала Прасковья Аггеевна Абаза, из рода молдавских дворян. Венчание состоялось 6 ноября 1839 г. в церкви Аничкова дворца; посаженными родителями

были Николай I и графиня Е.А. Бенкендорф; они же впоследствии явились и крёстными родителями детей Львова: сына Фёдора (1842–1899), дочерей Прасковьи (1844–ок.1920) и Александры (1846–?).

[11] Хорошо понимая боязнь Львова быть принятым за простого музыканта, Мендельсон, в частности, его успокоил: «Не опасайтесь, это избранное общество, которое я сам пригласил, и после музыки вы узнаете имена всех лиц, находящихся в зале». – Записки... С. 256–257.

[12] Там же.

[13] *Шуман Р.* О музыке и музыкантах.//Собрание статей. Т. П-А. М., 1978. С. 230–231.

[14] Луи Лаблаш (1794–1858) и Анна Каролина Лагранж (1824–1905) – певцы Итальянского оперного театра в Петербурге.

[15] Юбер Леонар (1819–1890) – бельгийский скрипач; гастролировал по всей Европе, неоднократно бывал в России.

[16] *Зейферт И.И.* Воспоминания. Пг., 1914. С. 23–24.

[17] В качестве гимна в России использовалось несколько произведений: хор «Коль славен наш господь в Сионе» Д.О. Бортнянского, который, в силу религиозного текста не отвечал потребностям светских приемов и церемоний; полонез с хором «Гром победы, раздавайся» О.А. Козловского; английский гимн «Gode, save the king», заимствованный у англичан, помимо России, более чем 20-ю странами. Любопытно, что авторство «Gode...» приписывалось самым разным композиторам, в т. ч. прославленным Г.Ф. Генделю и Ж.-Б. Люлли, некоему лондонскому учителю музыки Генри Кери, внебрачному сыну маркиза Голифакса. И лишь в последнем издании «Британики» (существующем пока лишь в компьютерной версии) официально сообщено: «Автор музыки и слов неизвестен».

[18] Записки... С. 243.

[19] Рассказы, заметки и анекдоты из записок Е.Н. Львовой // Русская Старина. 1880. Т. 27. С. 641.

[20] Жозеф Гийю (1784–1853) – видный французский гравёр, критик и издатель; в 1846–1848 гг. выпускал в Петербурге журнал «L'artiste russe».

[21] Казённый итальянский оперный театр действовал в Петербурге в 1843–1885 гг. С его сцены впервые в Петербурге прозвучали многие оперы итальянских и французских авторов. В состав труппы входили европейски известные певцы (см. в частности, прим. 14).

[22] *Перелецкий П. А.* Бьянка и Гвальтьеро, опера Львова // Ежегодник императорских театров. 1910. Вып. 8. С. 83.

[23] Для постановки в Дрездене текст был переведен на немецкий, а для премьеры в Петербурге – на итальянский языки.

[24] Blatter fur musik, Theatre und kunst. 1855. №№ 29, 33, 37.

[25] *Берлиоз Г.* Избранные статьи. М., 1956. С. 323.

[26] *Житомирский Д.В.* Роберт и Клара Шуман в России. М., 1962. С. 125–126.

[27] Между тем, в 1991 г. министерство связи СССР выпустило конверт, содержащий сразу две ошибки: во-первых, он объединил непримиримых врагов Львова и Глинку; во-вторых, изображенный на лицевой стороне конверта квартет Львова был назван на оборотной стороне «Квартет М. В. Виельгорского» (как указывалось, граф Матвей Юрьевич Виельгорский исполнял в квартете партию виолончели).

А.Б. НИКИТИНА
Санкт-Петербург

АЛЬБОМ М.С. ОЛЕНИНОЙ

В литературном музее А.С. Пушкина в Москве хранится небольшой альбом, заполненный менее чем на треть, в основном рисунками[1]. Он принадлежал Марии Сергеевне Олениной, урожденной Львовой (1810–1899). Мария Сергеевна – внучка Дмитрия Сергеевича Львова, основателя усадьбы Митино под Торжком, дочь Сергея Дмитриевича Львова и Татьяны Петровны Полторацкой, жена Петра Алексеевича Оленина.

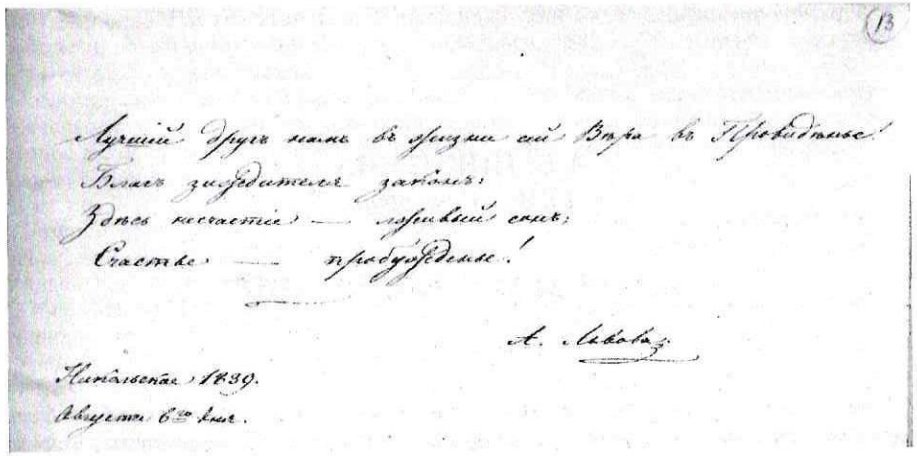
В альбоме 46 листов: 42 белой и 4 цветной бумаги, из них 15 листов заполнены, 31– чистые. Большая часть использованных листов представляет собой карандашные любительские рисунки, заносимые в альбом в разные годы разными людьми. Большая их часть выполнена братом Марии Сергеевны Александром Львовым, который подписывался инициалами «AL». Темы рисунков самые разные: Сухарева башня, Медный всадник, драгуны, кони. Инициалами «DL» подписан рисунок, на котором мы видим, скорее всего, изображение фонтана в Василеве. Возможно, сам Дмитрий Сергеевич нарисовал его в альбом дочери. Лучший по качеству исполнения, композиции, графике рисунок подарил супруге Петр Оленин. Он изобразил отправляющегося на охоту охотника во всей амуниции.

На единственном рисунке, выполненной акварелью, подпись отсутствует, но имеется надпись «Митино». На рисунке изображена сценка народного гуляния в парке: старик-крестьянин играет на балалайке, а парень с девушкой, так же в крестьянской одежде, лихо отплясывают. Вдали видна церковь, скорее всего Прутенского погоста.

Несколько рисунков совсем неумелые – детские.

Всего лишь на трех листах альбома имеются записи-посвящения. Они-то и представляют наибольший интерес. Обе записи сделаны в августе 1839 г. в Никольском, когда там гостила юная Маша Львова из Митино, внучками Николая Александровича Львова Елизаветой и Александрой – дочерьми Леонида Николаевича (?). Это означает, что «митинские» Львовы и Львовы из Никольского продолжали тесно общаться даже через поколения, т. е. об их тесных связях и контактах.

6 августа 1839 г. Александра Львова записывает в альбом (л. 13) своей подруге и дальней родственнице четверостишье (ил. 1):



Ил. 1

«Лучший друг нам в жизни сей – вера в Провиденье!
Благ зиждителя закон,
Здесь несчастье – ложный сон,
Счастье – пробужденье!

Никольское 1839 августа 6-го дня А. Львова»

А на следующий день, 7 августа, Лиза Львова написала в альбом (л.12, 12об.) стихотворение на французском языке (ил. 2, 3). Приведем его дословный и поэтический перевод С.Н. Рошета:

«У кого не было среди уже далеких дней
одного самого прекрасного, который
не должен больше повториться.

Но он жив в душе и воспоминания о
сладком прошлом сохраняют обаяние
этого дня в будущем.

Это день невинной радости, день
безоблачный, отмеченный знаком
нежной дружбы.

Из всех ушедших дней,
что в памяти храним мы,
всегда бывает день один неповторимый.

Он жив у нас в душе, и нам воспоминанье
его издалека приносит обаянье.

День радости простой, невинной, безнадежной,
нам дорог чистотой и искренностью нежной.

Ах! Когда железная рука судьбы
нависает над нами, как нежны
воспоминания об этом дорогом дне.

Как приятно пробудить в глубине
своих дум его дремлющий и никогда
не стирающийся образ.

С ревнивой заботой собирать его черты,
медленно, с удовольствием, и не без
некоторых сожалений.

Так бывает после сна, когда его
наваждение еще продолжается, нам
нравится оставаться под обаянием сновидения.

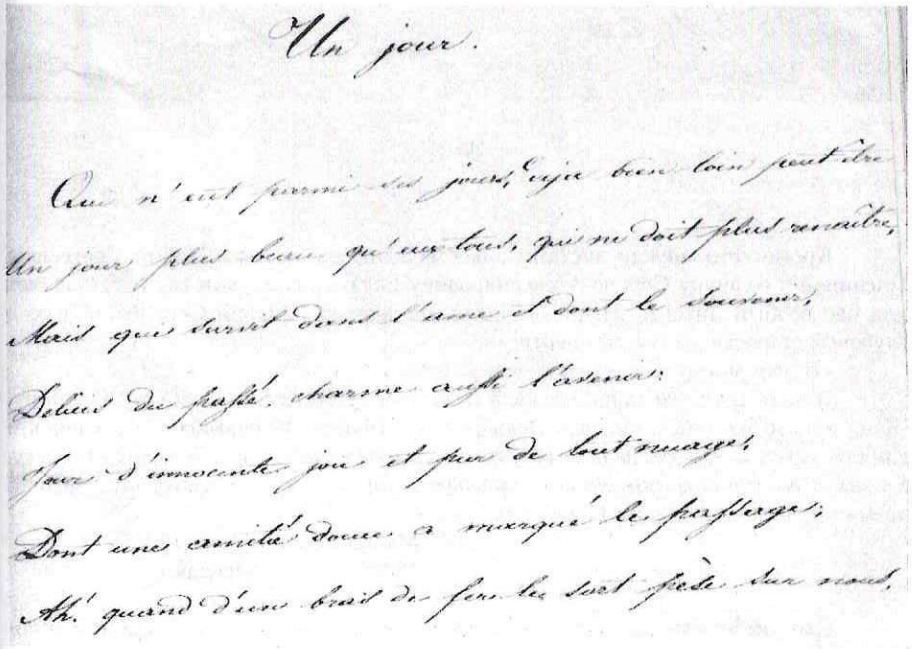
Когда рука судьбы нависнет грозной тенью,
еще дороже нам далекое виденье.

Как сладко оживить его в своем сознанье
и дремлющее там его очарованье.

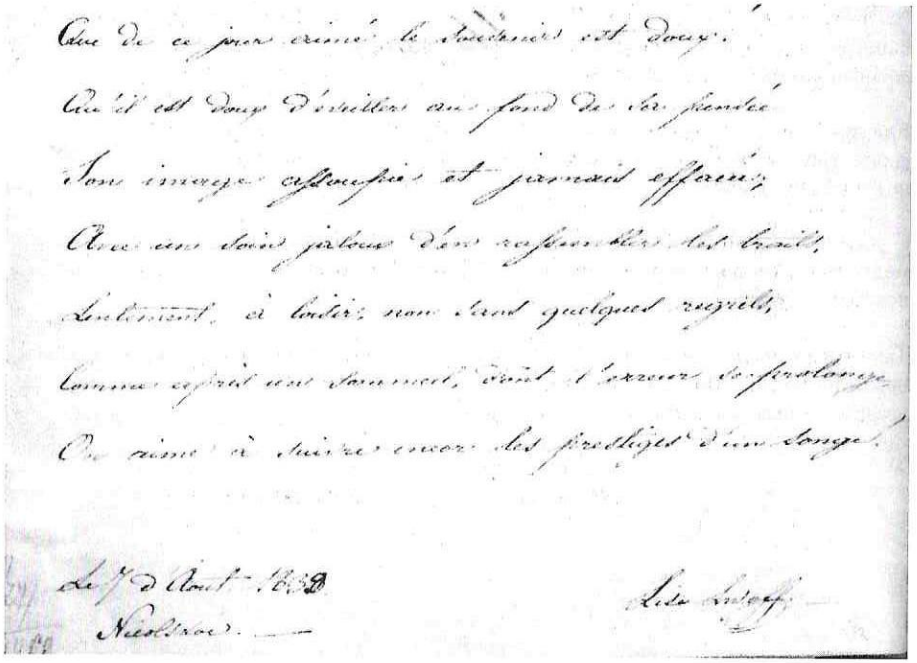
Неспешно собирать черты его ревниво
и тайно сожалеть о времени счастливом.

Увы, проходит сон, и перед пробужденьем
расстаться не хотим мы с властью сновиденья.

7 августа 1839
Никольское Лиза Львова»



Ил. 2.



Ил. 3.

Кроме того, между листами альбома вложена записка Марии Сергеевны Олениной к ее внуку Сергею Александровичу Балавенскому, которая представляет для нас особый интерес. Написана была эта записка Марией Сергеевной уже в глубокой старости, за год до смерти:

«Внуку моему Сергею Балавенскому.

Печать когда-то принадлежала деду твоему Петру Алексеевичу Оленину. Жена одного из замечательных Декабристов Никиты Муравьева, отправляясь в Сибирь вслед за мужем, дала печать твоему деду на память, как товарищу и другу. Ее звали Александра, рожденная Чернышева. Подробности не знаю, так как в то время не была еще в семье Олениных.

Мария Оленина.
1898 года 8-го апреля».

Следует вспомнить, что сестра декабристов Никиты и Александра Михайловичей Муравьевых, Варвара Михайловна, была замужем за владельцем усадьбы Прямухино Александром Михайловичем Бакуниным, близкого друга и родственника Николая Александровича Львова. Поэтому естественно, что между Львовыми, Олениными, декабристами и А.С. Пушкиным существовала тесная связь, что и подтверждается текстом записки.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Литературный музей А.С. Пушкина в Москве. № КП 5377/ор., 1469/11у. Публикуется впервые.

Н. ЧАРУХЧЕВА
Тверь

ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ [1]
(Лев Иванович и Алла Петровна Львовы)

Интересно, какие чувства должен испытывать человек, доживший до седин и вдруг узнавший, что он дворянских корней и прямой потомок гения? Досаду, что правда открылась так поздно? Гордость? Или тихую радость от того, что теперь он знает, какого роду-племени?

Ил. 1. Лев Иванович и Алла Петровна Львовы с А.Б. Никитиной у церкви в селе Арпачево. Фото Л.А. Перфильевой. 2001 г.

Своего отца Лев Иванович не помнит. Иван Владимирович Львов работал в Харбине, и когда Левушке исполнился годик, мать увезла его в Россию. Отец еще года два оставался в Китае по делам службы, а когда в 1937 вернулся, был арестован и через год расстрелян – враг народа. В протоколах допроса значилось, что у Львова нет ни жены, ни детей. Скрыл, опасаясь за их жизнь. Но вычислить отца Ивана Владимировича – Владимира Николаевича Львова, бывшего обер-прокурора Синода во Временном правительстве второго созыва, спецслужбам труда не составило. И попали в лагеря практически все живущие в России родные Льва Ивановича по отцовской и материнской линии, вплоть до прабабушки. Мало кто из них вышел на свободу.

Политика не имеет сердца. Не пощадили и трехлетнего ребенка. Момент своего ареста Лев Иванович помнит в деталях. Они жили в Самаре. В тот день

мама была на работе, бабушка кормила внука завтраком. Громкий стук в дверь. Вошли двое в кожанках, забрали мальчика и увезли в машине. Малыша оторвали от самых дорогих ему людей, переправили в другой город и на семь лет поместили в дом, из которого не выйти без разрешения. Да и куда идти? Вслед за Левой арестовали бабушку и маму, которая нашла сына лишь много лет спустя.

Из Ярославского детского дома десятилетнего Леву забрал брат бабушки, первым вышедший из заключения, и привез на станцию Рузаевка. Здесь он познакомился с пятилетней дочерью военного коменданта станции Аллочкой, которая одарила детдомовского диковатого мальчишку верной дружбой. Лев Иванович так и сказал: «Одарила» – и с нежностью посмотрел на жену свою Аллу Петровну.

Вскоре семья Аллочки переехала из Рузаевки, а Лева, кочуя от одних родственников к другим, попал в Норильск.

– Будто на другой планете оказался, – вспоминает он, – полки магазинов от американских продуктов ломятся, народ сыт, хорошо одет. Ну а я по чужим домам воспитывался – то у дядек, то у теток, переживших репрессии. Но согревали сердце воспоминания о моей маленькой подружке, вера, что живет на свете человечек – родственная душа. И в десятом классе я начал искать Аллочку. Тринадцать лет искал. Представьте, нашел...

Они уже больше сорока лет вместе. У них две дочери, внук. А в семейном альбоме бережно хранится пожелтевшая фотокарточка, на которой вихрастый сорванец Лева и его пятилетняя подружка Аллочка.

– Если бы не Аллочка, не узнать бы мне, откуда мой род пошел. Это она так настойчиво подвигала меня к поиску. А сама провела титаническую исследовательскую работу, – с благодарностью говорит Львов.

В пятнадцать лет Лева обнаружил фотографию деда, того самого обер-прокурора Святейшего синода, и показал матери. Она нахмурилась:

– Забудь и никогда больше никому ее не показывай. Забудь, что ты – Львов.

Когда сын получил паспорт, мать записала его на свою фамилию, и все его попытки расспросить об отце пресекала:

– Чем меньше будешь знать, тем безопаснее для тебя.

В том, что сын и внук врагов народа – человек второго сорта, Лев Иванович убеждался не раз. Очень хотел стать юристом, как дед и отец, и даже сдал вступительные экзамены в университет. Но его вызвали в приемную комиссию и заставили забрать документы: «С такими предками вам здесь не место». Пытался еще несколько раз – бесполезно.

– У тебя нет выбора, – говорила мама, – станешь врачом, как я.

И Лев поступил в медицинский. Закончил его и всю жизнь проработал врачом. Мечту же его воплотила младшая дочь – стала юристом.

В хрущевскую оттепель появилась первая возможность избавиться от гнетущей неизвестности. Решили подать документы на реабилитацию отца – Ивана Владимировича Львова. Матушка категорически возражала, близкие родственники, друзья отговаривали: «Это опрометчивый шаг. Все еще может вернуться. Да и где гарантия, что ваш батюшка чист перед Отечеством? А что если...» Но они твердо решили: лучше горькая правда, чем гнетущая неизвестность.

Сколько писем, запросов, прошений написала Алла Петровна за эти годы – не счесть. Но каков результат! Реабилитированы отец, а затем и дед Льва Ивановича, найдена фотокарточка отца – крохотная, оторванная с профсоюзного билета. И все же... А главное, нет больше унизительной тяжести, долгие годы давившей на сердце. Жить стало легче.

Так были восстановлены два звена родовой цепочки. Узнать больше хотелось отчаянно. Но Льву Ивановичу было неловко рыться в архивах. Боялся показаться нескромным, эдаким выскочкой, что на волне перестройки спешит узаконить свое дворянское происхождение. У Аллы Петровны на этот счет было твердое мнение: человек должен знать свои корни. И она заставила мужа поехать в Дворянское собрание.

– Записывают меня на прием и спрашивают, какими Львовыми интересуюсь – тульскими, псковскими, московскими, тверскими?.. А я и не знаю, – рассказывает Лев Иванович. – У меня с собой книженция была «Большевики приходят к власти», изданная в Штатах. В конце книжки – портреты состава Временного правительства и самый большой – моего деда. Показываю портрет секретарю приемной комиссии Дворянского собрания князю Бобринскому: «Вот мой дед». «Коли так, – отвечает князь, – то мы с вами очень близкие родственники: моя бабушка – родная сестра вашего дедушки». Смотрю, а глаза у князя точь-в-точь, как у моего деда. И вдруг засуетился: «Пойдемте, я вас с еще одним родственником познакомлю». Представляет: Николай Сергеевич Толстой.

Поиск пошел быстрее. Бобринский подарил Львовым фото из семейного архива своей бабушки – Варвары Николаевны Львовой (в замужестве Бобринской). На нем дед Льва Ивановича с родными сестрами и братьями. Здесь они еще дети, счастливые и спокойные. Но пройдут годы, и судьбу каждого из них отметит особая печать.

– Уж не с этой ли семьи писал Толстой свое «Хождение по мукам»? – говорит Лев Иванович. – Ведь у каждого из них жизнь – сюжет для романа. Столько всего на их долю выпало: война, предательство, разлука с любимыми, прощание с родным берегам... И почти каждый оставил след в истории. Варвара Николаевна, например, – одна из основоположников партии кадетов. Принимала участие в разгоне Хитрова рынка – скопища воров и прочей мрази. Помните, у Гиляровского об этом есть? Брат ее, Константин, – тоже очень известный деятель партии кадетов... А сын двоюродного брата Николая Александровича Львова Алексей Львов – автор гимна «Боже, царя храни».

Так постепенно узнавал Лев Иванович своих предков – известных и не очень, живых или уже почивших. И когда неутомимая в поисках Алла Петровна получила из Америки генеалогию семьи, толстенный талмуд на английском языке, сомнений уже не оставалось: Лев Иванович – прямой потомок Николая Александровича Львова.

Николай Александрович Львов родился в селе Черенчицы Новоторжского уезда, которое он позже назовет Никольским. А в двух верстах от Никольского лежит сельцо Арпачево – некогда тоже земли Львовых, где похоронен отец Николая Александровича – Александр Петрович Львов.

Сюда, на землю предков, потянуло Льва Ивановича. Приехали они с женой раз, другой, да и остались, купив по случаю скромный домик, что стоит недалеко от церкви Казанской Божьей Матери и колокольни – великолепных творений Николая Львова. Теперь в суетную Москву только дочерей с внуком проведать ездят...

Мы сидим в просторной деревенской горнице, стены которой увешаны семейными фотографиями. В центре – портрет Николая Александровича и его жены Машеньки. Я слушаю Льва Ивановича. Рассказчик он великолепный – остроумный и артистичный. И, глядя на него, думаю: как же богат человек, обретший землю обетованную, кусочек родового гнезда своих предков, знающий историю своего рода и своего появления на свет. Богат духовно. У него есть, чем гордиться, за что ратовать, что хранить и помнить. В своих корнях черпает он силу, и потому увереннее стоит на земле...

От редактора

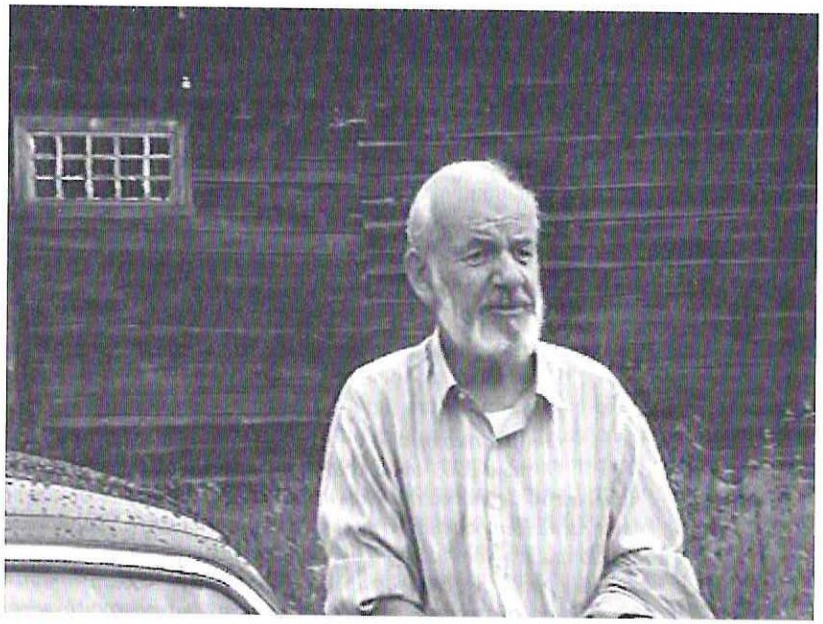
Осенью 2003 года, когда по уточненной дате вновь отмечалось 250-летие со дня рождения Н.А. Львова, у Льва Ивановича и Аллы Петровны Львовых в Арпачево побывал Б.П. Коваленко. Он записал многочасовую беседу с радушными хозяевами на видеокамеру. Алла Петровна и Лев Иванович любят принимать гостей, рассказывать им о своих поисках, находках. Но не только генеалогия славного рода Львовых их интересует. С болью в сердце они говорят о печальном состоянии, в котором находится ныне родовое гнездо Н.А. Львова Никольское-Черенчицы. Свозили туда гостя, Алла Петровна все показала и подробно рассказала...

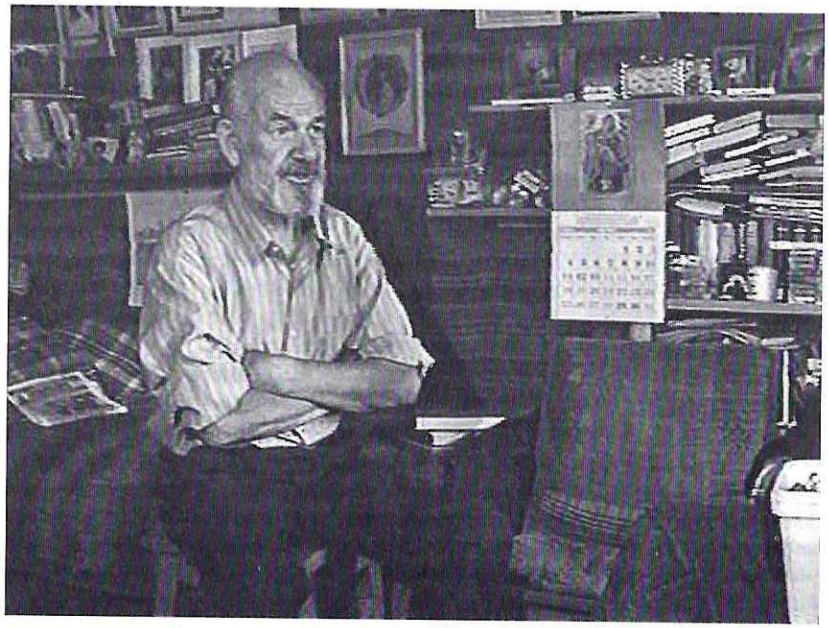
Мы публикуем ряд видео-кадров Льва Ивановича и Аллы Петровны из этой записи, которые прекрасно дополняют вышеприведенную статью Н. Чарухчевой.

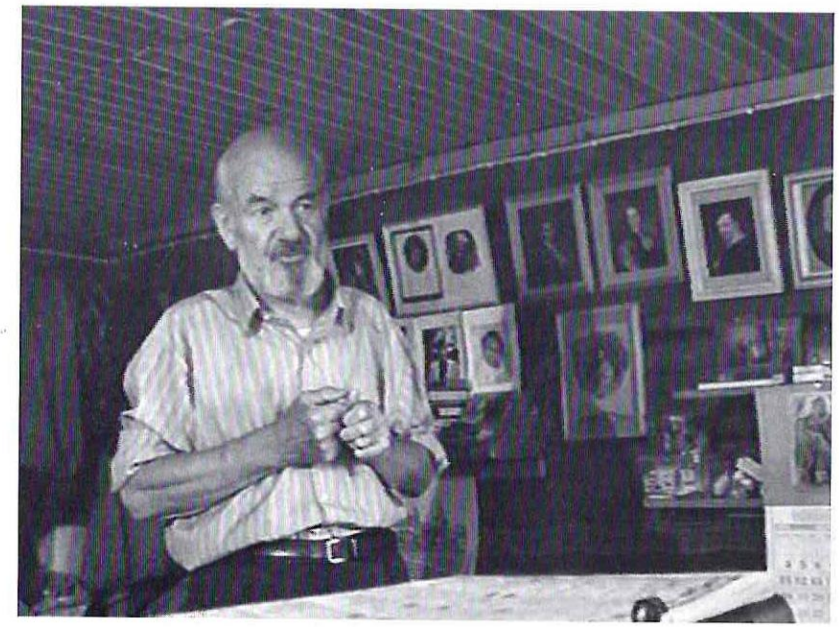
А.Б. Никитина.

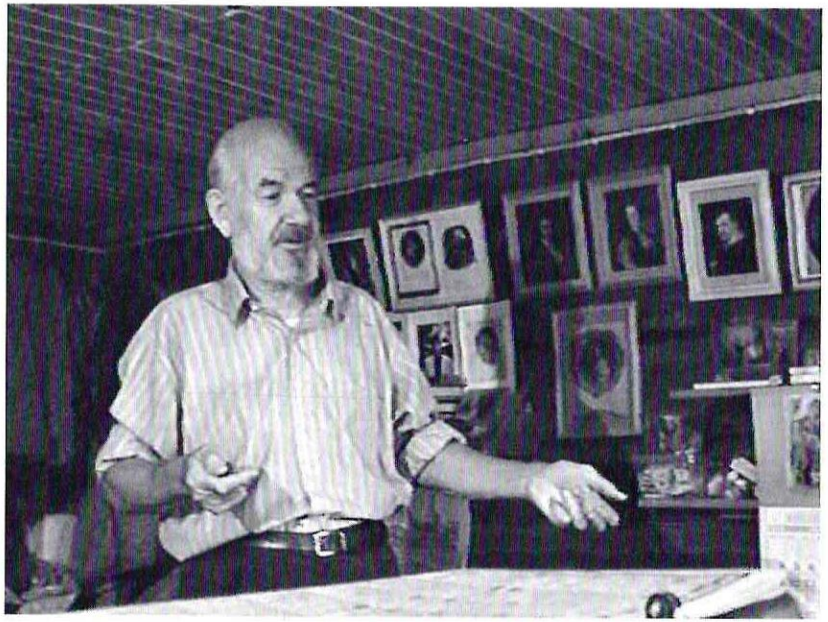
ПРИМЕЧАНИЯ

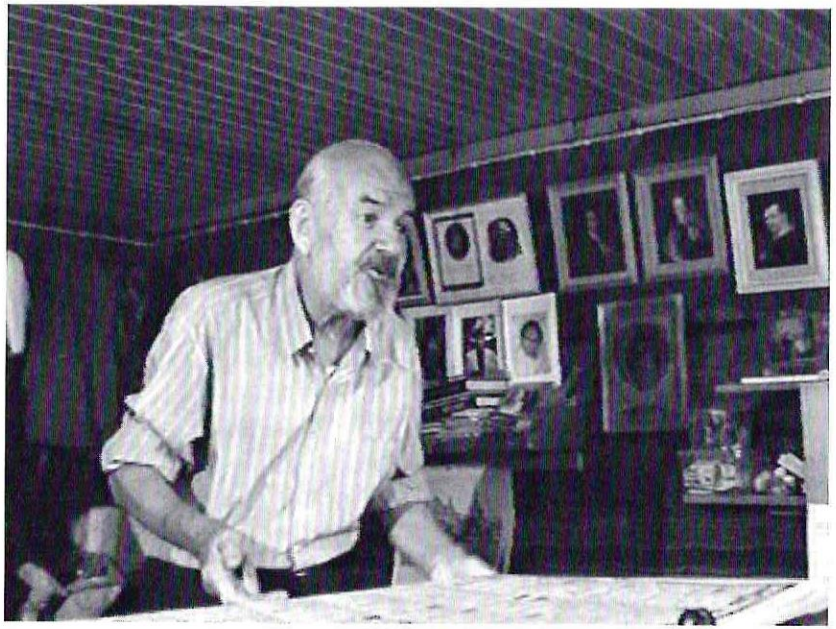
[1] *Статья была опубликована в газете «Секретные Материалы», № 19 (121), 2003, сентябрь. Мы решили повторить ее в нашем сборнике, т. к. Лев Иванович Львов – единственный из живущих в нашей стране прямых потомков Николая Александровича Львова (по линии его сына Александра), человек сложной судьбы, с честью прошедший через все испытания, уготованные ему жизнью и советской политической системой 30-х годов. – А. Н.*

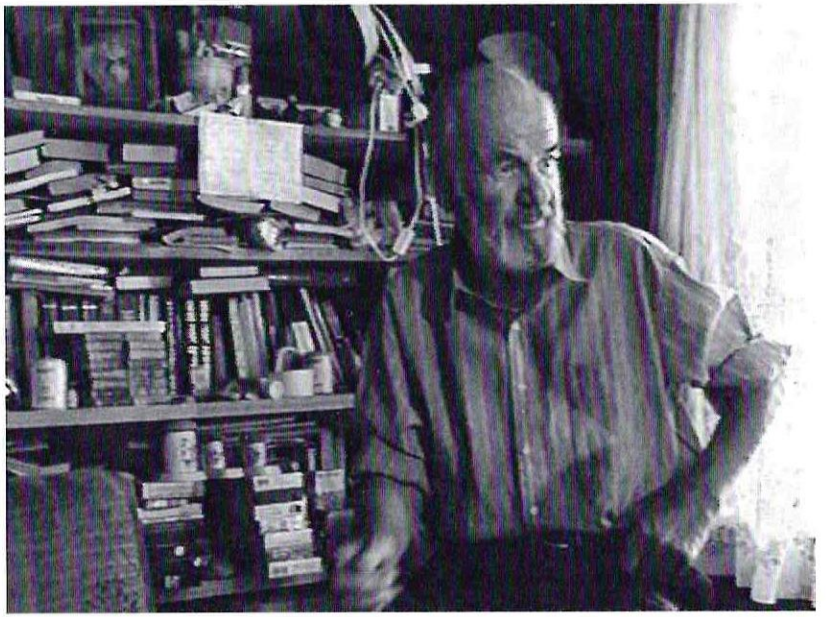


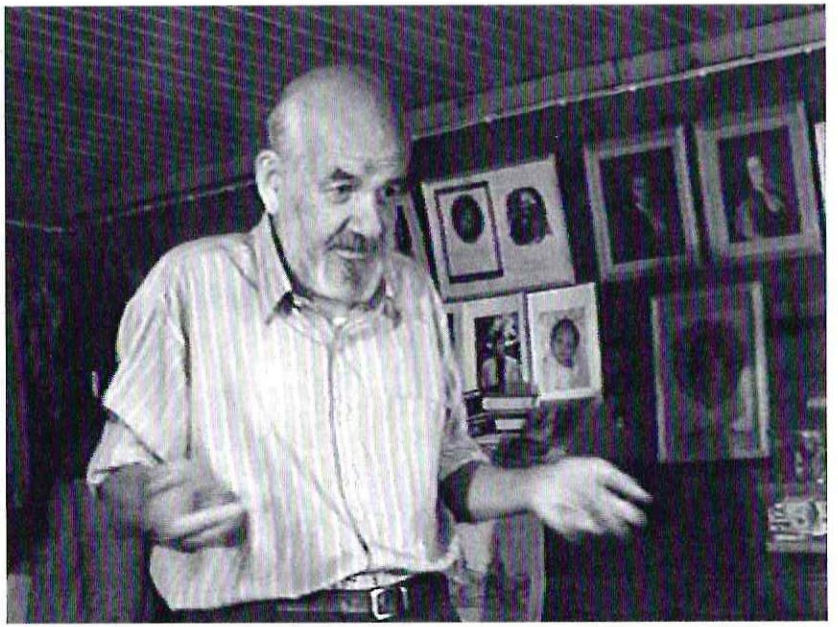


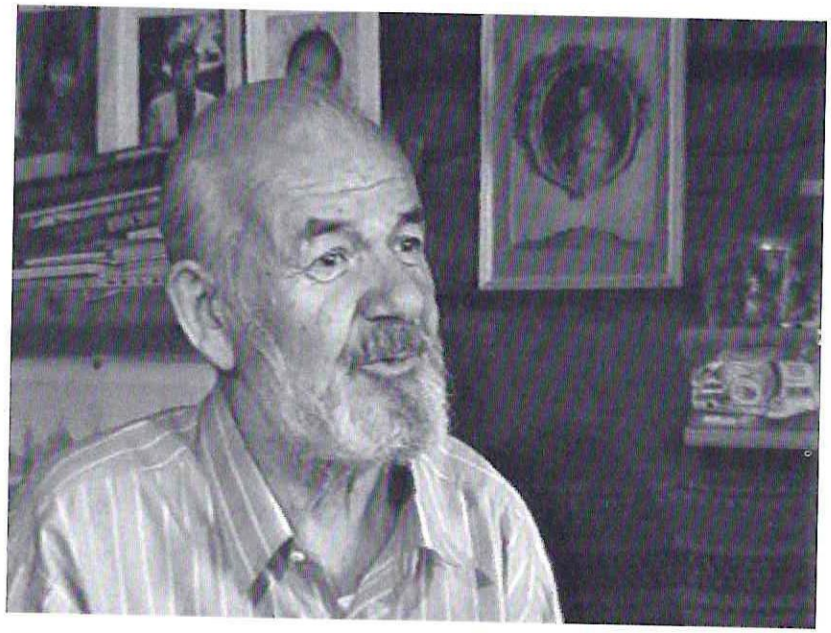


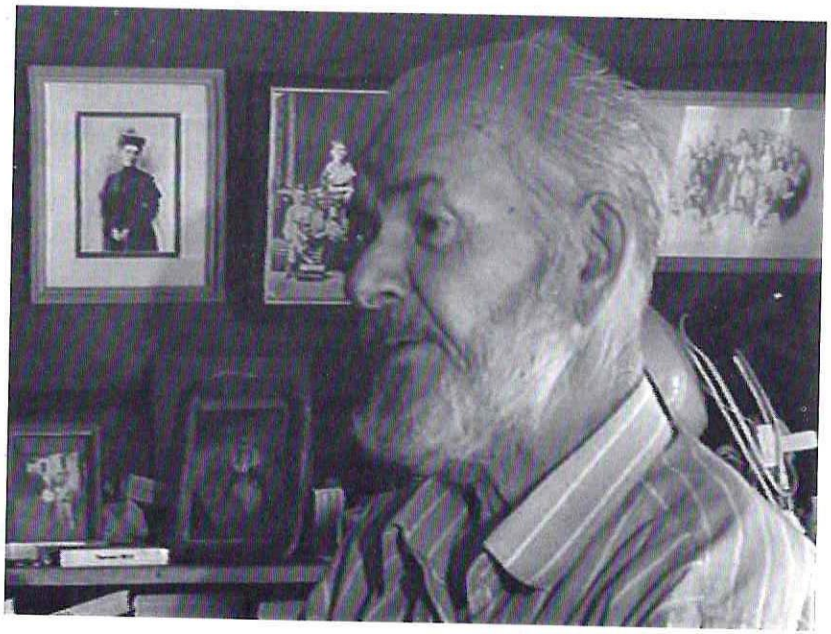


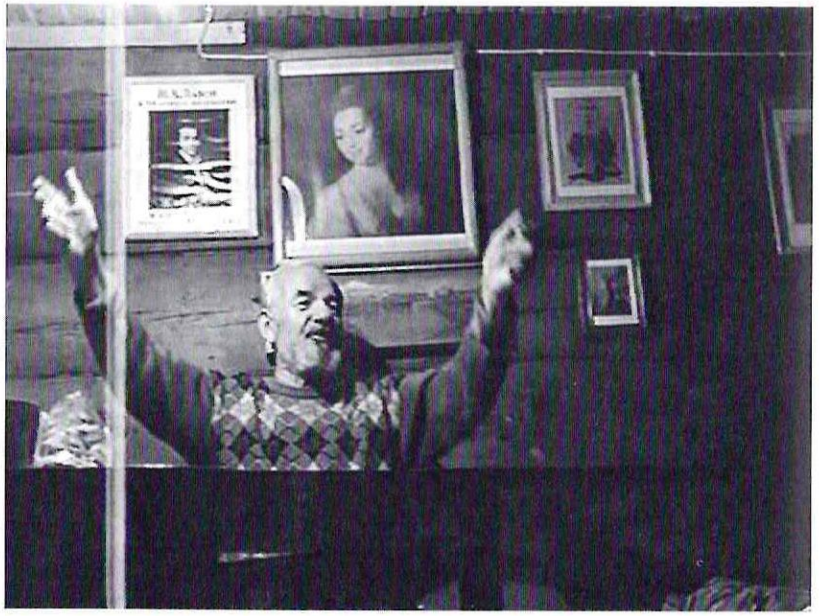












Н. Чарухчева. Земля обетованная (Лев Иванович и Алла Петровна Львовы)

ИЗ РОДА ОЛЕНИНЫХ-ЛЬВОВЫХ[1]
(Прасковья Алексеевна Усова)

В начале сентября 2003 г. я получила из Твери письмо от Прасковьи Алексеевны Усовой, которая является потомком Львова по линии Федора Петровича (А. Никитина)

«Здравствуйте, Алла Борисовна!

Посылаю Вам диск с рисунками мамы (см. ил. 4-10) и фотографиями и вырезку из тверской газеты, где все написано с моих слов, все, или почти все, что я знаю о своих предках. До прошлого года я даже не знала, что балерина на фотографии (ил. 1), это мамина бабушка, Клавдия Ивановна Канцырева. Может быть, и мама не знала, что она была в молодости балериной.

До революции они каждое лето уезжали в имение Андреевка Саратовской губернии, к бабушке и деду Львовым. Мама очень любила свою бабушку по маме, в отличие от бабушки Татьяны Петровны Балавенской. Я теперь понимаю, почему она названа Клавдией, а ее старшая сестра – Татьяна, потом Петр, Александр, Федор и Мария. Всех называли в честь бабушек и дедушек. И меня тоже, в результате чего в школе у меня было много огорчений из-за моего имени. Ведь в наше время уже не было таких имен. Это сейчас вновь называют старинными русскими именами.

Ил. 1. Клавдия Ивановна Канцырева

Мне бы хотелось узнать, что стало с Клавдией Ивановной и Федором Алексеевичем Львовыми. Наверное, в архиве Саратовской области есть об этом сведения.

Если бабушкин брат Алексей Федорович присылал посылки, как рассказывала мама, из Америки в Торжок, то, наверное, он знал о судьбе своей матери и отца. Можно написать в архив Саратовской области, может быть ответят: имение Андреевка Аркадокского района Саратовской области.

По воспоминаниям мамы это очень красивое место.

Ну вот и все, что я могу написать.

До свидания

18. 08. 03 г. Усова».

ЕЛЕНА СЕДОВА
Тверь

ИЗ РОДА ОЛЕНИНЫХ[1]

Есть фамилии, хранящие очарование романтической и поэтической пушкинской эпохи. Моя собеседница и наша с вами современница Прасковья Алексеевна – двоюродная праправнучка Анны Олениной и ее двоюродной сестры Анны Керн. Двадцать последних лет она с семьей живет в Твери.

Моя мама Клавдия Петровна, урожденная Балавенская, происходила из старинного дворянского рода. Ее прапрадед Алексей Николаевич Оленин был знаменитым человеком своего времени. (Оленин Алексей Николаевич (1763–1843) – президент Академии художеств, директор Публичной библиотеки, член Государственного совета. Знаток античных и русских древностей. Дом Олениных в Петербурге и дача в Приютине привлекали литераторов, художников, музыкантов. (*«А.С.Пушкин и его время в изобразительном искусстве первой половины XIX века».*)

Ил. 2. Петр Александрович Балавенский и Прасковья Федоровна, урожденная Львова

Алексей Николаевич был женат на Елизавете Марковне Полторацкой – родной тетке Анны Керн (ее отец Петр Маркович – брат Елизаветы Марковны). У них было несколько детей, один, кажется, Николай – был убит ядром на войне 1812 года. Его окровавленная рубашка как семейная реликвия хранилась в стеклянном ларце в доме Балавенских в Торжке (его еще называют домом Олениных – сейчас это музей Пушкина на Дзержинской, д. 5). У Полторацких был огромный дом в Грузинах. Все это рассказывала мне мама.

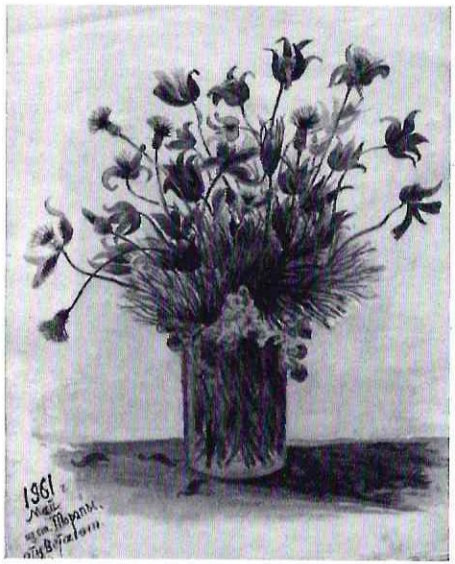
Ил. 3. Прасковья Федоровна и Алексей Федорович-младший Львовы

Петр Алексеевич Оленин, родной брат Анны Олениной, к которой в 1828 году сватался Пушкин, – мамин прадед. Женился он на Марии Сергеевне Львовой, дальней родственнице знаменитого архитектора и ученого Николая Александровича Львова. Их дочь Татьяна Петровна Оленина –бабушка моей мамы. Ее, жестокую, властную, не любили, да она и сама детей не любила. Татьяна Петровна вышла замуж за Александра Балавенского, представителя древнего польского рода. Почему-то она была против брака своего сына Петра Александровича и моей бабушки Прасковьи Федоровны Львовой (ил. 2) – во всяком случае, относилась к невестке неприязненно. А познакомились мои бабушка и дед в Москве, на балу в Дворянском собрании.

Если верить свидетельству Сергея Толстого (из тех Толстых, что владели имением в ныне Конаковском районе – так называемой Толстовской дачей), то Прасковья Федоровна Львова приходилась внучкой композитору Алексею Федоровичу Львову, внучатому племяннику все того же Николая Александровича. То есть, и первые и вторые Львовы были родственниками. Сергей Толстой познакомился с семейством торжокских Балавенских уже после революции, когда дворянским детям, изгнанным из своих родовых домов, приходилось с трудом выживать, – поэтому его книга воспоминаний называется «Осужденные жить».

Имением деда и бабушки Балавенских было Василево, где сейчас находится Музей русского деревянного зодчества. Главное здание постройки Николая Александровича Львова не сохранилось. В настоящее время начаты работы по восстановлению оранжереи, которая предположительно запечатлена на фото. У них было шестеро детей, но жили они не дружно, хотя и были очень вежливы друг с другом. Между собой говорили по-французски, чтобы дети не были свидетелями их размолвок. Дед часто уезжал в Москву, проигрывался там в карты. Бабушка с детьми подолгу оставалась одна. А сосед, владелец Митина, Дмитрий Дмитриевич Романов (если имение не продавалось, а передавалось по наследству – тоже родственник Львовых) устраивал для детей елки, дарил им подарки, заботился о них.

У бабушки был брат (вместе с ней на фотографии в оранжерее) (ил. 3) – военный инженер-путеец, который уехал в Америку и неплохо там устроился –

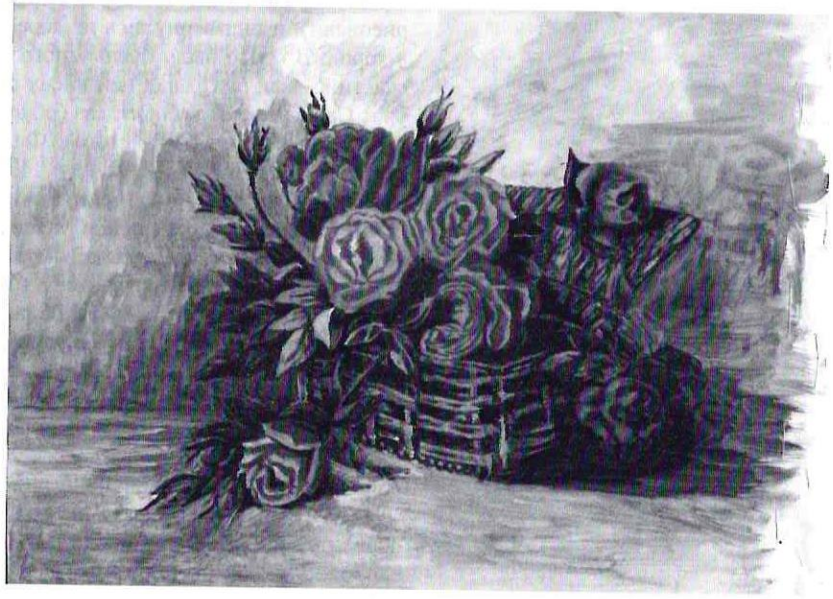


Ил. 4–5

некоторое время писал письма и присылал посылки. Я смотрела на бабушкины фотографии и говорила: «Какая же она была красивая!» А мама мне отвечала: «Если бы ты знала, какая она была добрая и хорошая».

После революции все изменилось. Имение в Василеве отобрали, бабушка умерла (кажется, от белокровия), деда сослали в Архангельскую область. Всех шестерых детей выгнали из дома в Торжке: младшей было 6 лет, старшей – 19 лет. Не позволили даже узелка одежды с собой взять. Никто в Торжке не пустил их в дом – боялись гнева красноармейцев. Пустила их жить кулачка в деревне – пожалела детей. Мама научилась всему – косить, корову доить. А потом стала учительницей в деревне – она ведь уже закончила гимназию. Потом мамин брат стал работать в типографии в Торжке (все дети хорошо рисовали), и они вернулись из деревни в город. В семье было очень много несчастий – как будто над ней висел рок: брат Саша умер от туберкулеза (об этом говорится в книге С.Толстого), Федор погиб на войне в 1944-м, Петр в 14 лет утонул в Тверце. Марию – самую младшую – старшая сестра сдала в Москве в детдом. Она выросла, вышла замуж за немца, стала секретарем горкома в городе Советске Калининградской области. К сестре своей – моей маме – она никогда не приезжала: стеснялась своего дворянства.

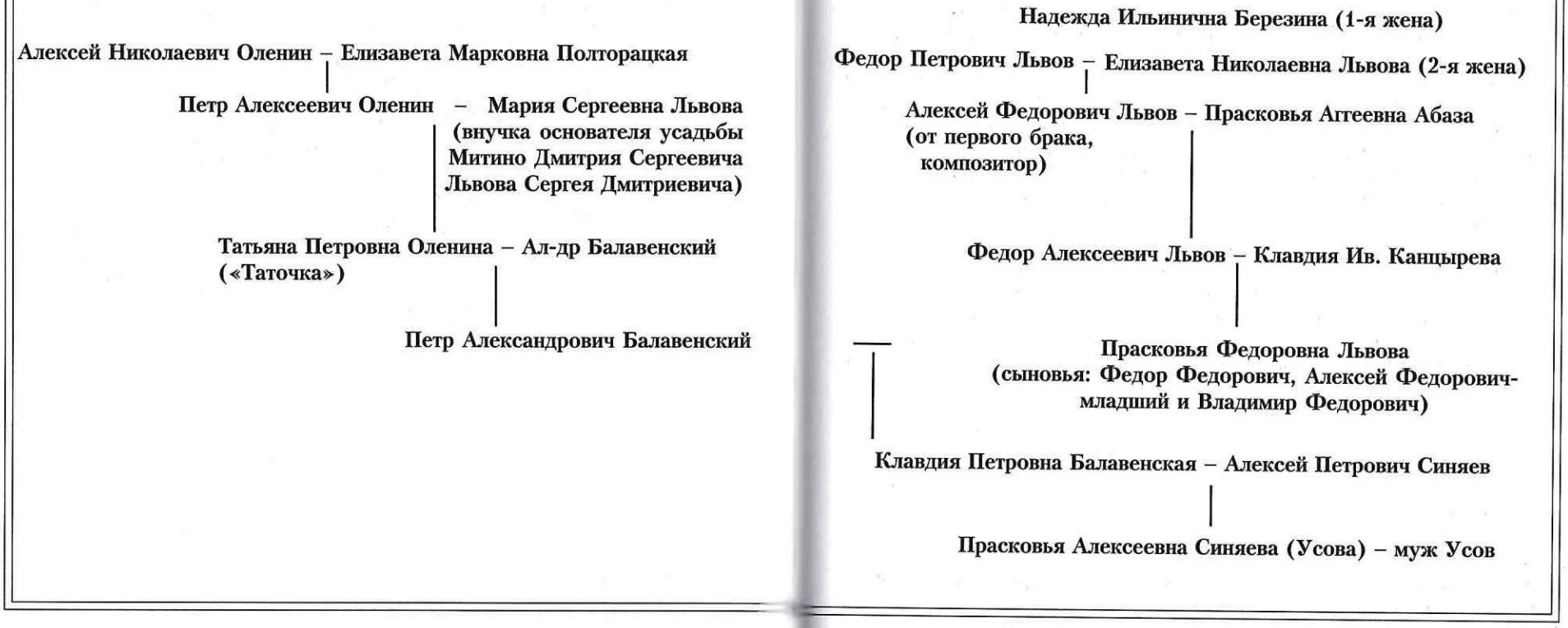
Мама в 1923-м году вышла замуж за купеческого сына Алексея Петровича Синяева. Они были ровесниками – 1898 года рождения. Меня родили очень поздно – в 40 лет, после того, как скоропостижно скончалась сестра Прасковья, меня тоже назвали так – в честь бабушки Львовой. Еще была у меня се-



Ил.. 6–8

Ил.. 9–10

Генеалогическая таблица Усовой П.А.



стра Мария, старше меня на 15 лет. Мне было пять с половиной месяцев, когда за неделю от прободения язвы умер отец. На него пришел вызов из Москвы – это был 1938 год – родители боялись, что это был вызов для ареста. Отец ведь служил старшим офицером в бригаде Блюхера. Он закончил Высшие командные курсы в Москве, а потом работал в тржокском Институте льна. После его смерти пенсию ни мне, ни маме не платили. У мамы с отцом были удивительные отношения: тогда мужья были другие – уважали жен. Не то, что теперь - что угодно скажут, да и мы им в ответ. Мама и папа любили друг друга. Когда отец скоропостижно умер, мама сначала захромала, ходила по стенке. А в 1941-м, когда бежали от немцев в деревню, она уж ходить не могла. 29 лет она была полу-парализована, только руки работали – она шила, рисовала акварелью и цветными карандашами. Была очень рада, когда какой-то депутат добился для нее пенсии в 10 рублей: «Мне на краски», – говорила она. Меня она ругала за то, что я не хотела учиться рисовать. Она же умела и знала все: математику, литературу, И еще она была удивительно скромной. В детстве она на коленях у лейтенанта Шмидта сидела – семья у них была, что называется, из прогрессивных... О предках она пыталась мне рассказывать с детства. Пока я была маленькой, я не слушала – все побегать, погулять хотелось.

Когда маму парализовало, мы остались без средств к существованию. Но нам помогал брат отца, и меня не сдали в детдом, а маму – в инвалидный. Жили мы своим хозяйством, держали корову, поросенка, кур – всем занималась сестра Мария.

А «злую» бабушку Татьяну Петровну – она долго прожила – спасла после революции ее бывшая горничная: взяла к себе в деревню и заботилась о ней до смерти.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Мы помещаем в сборнике статью Елены Седовой, написанную со слов П.А. Усовой, которая была опубликована в газете «Вся Тверь», № 37(181) от 7 сентября 2001, а также письмо, присланное нам Прасковьей Алексеевной Усовой и генеалогическую таблицу Усовой. – А. Н.*

«БАРНАУЛЬСКИЙ» ПОТОМОК Ф.П. ЛЬВОВА

30 марта 2003 г., после нескольких предварительных телефонных звонков, я получила письмо из Барнаула от Владимира Олеговича Львова. Полученное письмо привожу ниже.

А. Никитина.

«Здравствуйте, Алла Борисовна!

С Вашего разрешения и по рекомендации Аллы Петровны Львовой пишет Вам Львов Владимир Олегович. Немного о себе. Родился в 1950 г. В Барнауле. Отец – Львов Олег Ростиславович – заслуженный учитель, преподавал физику и информатику. Я по образованию инженер, много лет работал на заводе, с 1989 г. – зам. директора по организации производства в НИИ сыроделия. Жена – Людмила Викторовна. Имеем двух сыновей. Старшему сыну 30 лет – предприниматель, младшему – 18 лет – студент.

Я в Москве бываю по делам два-три раза в год, в С.-Петербурге был два раза. Учитывая, что мои дед и бабушка жили в С.-Петербурге, а я об этом периоде знаю очень мало только по рассказам бабушки. В 50-е годы это вспоминать было не принято, поэтому мне много и не рассказывали, я с большим интересом узнал бы новое о своих предках.

Мой дед – Ростислав Николаевич Львов (1883–1942) – окончил в С.-Петербурге кадетский корпус и затем Высшее Михайловское артиллерийское военное училище. Подполковник царской армии, служил у Деникина, Врангеля. Проживал в Бельгии, Франции. Вернулся в 1924 г. В свое имение в Литву. В 1941 г. Был арестован и погиб в лагере. Все это подтверждено архивными документами. Его жена – Е.В. Пабо – из С.-Петербурга, окончила Бестужевские курсы. Она в основном и рассказывала мне о моих предках, а мой отец даже написал воспоминания, в том числе и о композиторе Алексее Федоровиче. Но мне многое неясно по Николаю Николаевичу и я Вас очень бы просил дать документальную информацию о нем. Также просил бы уточнить, кто из музыкантов (отец говорит Алексей Федорович) похоронен в Каунасе.

Что касается моего приезда и, тем более, выступления, по срокам я бы мог, но это, если Вы сочтете нужным. *(Имеется в виду участие в конференции 2003 г. – А. Н.)* Я ведь вплотную этим вопросом не занимался. Поэтому я просил бы Вас – давайте обменяемся информацией и сопоставим факты.

В сентябре я буду в Вильнюсе у родителей (им по 80 лет) и мог бы подготовить материал «О мало известных фактах из жизни композитора Львова» – в

Вильнюсе уже более 100 лет есть улица Львова. Может быть, возникнут и другие варианты.

Также прошу сообщить координаты о моем родственнике, про которого Вы говорили. *(Речь идет об А.А. Смольевском. – А. Н.)*

С уважением В. Львов».

P. S. Я думаю, что после того, как была опубликована книга А.П. Львовой и И.А. Бочкаревой «Род Львовых» (ВИЭМ, Торжок, 2003), Владимир Олегович получил ответы на все свои вопросы. – А.Н.

ПРИЛОЖЕНИЕ

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

О ЗЕМЛЯХ, ПРИНАДЛЕЖАВШИХ Н.А. ЛЬВОВУ, О НАСЛЕДСТВЕ, РАЗНЫЕ СЛУЖЕБНЫЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ВОПРОСЫ.

(Подбор материалов осуществлен А.Б. Никитиной)

РГИА. Ф. 37, оп. 11, ед. хр. 117, 1816.

1. л. 74об., 75. письмо Львова императору Павлу I о землях в Тюхилях.

Всемилостивейший Государь!

Указом Вашего Императорскаго Величества на заведение училища земляного строения, на инструменты, на материалы и на содержание мастеров, угодно было пожаловать мне Тюхильскую дачу с лесом, сенокосною землею им водами. По плану генерального межевания получил я землю и по числу десятин сполна заплатил за оную деньги, а при отдаче нашлось, что из оной вымежеваны частными указами:

1.20 десятин сенокосу мужикам села Покровскаго, на промен взятой у них в дачу села Царицына.

2.Из самой средины дачи и подле самого строения отдано дому архиерейскому озеро Долгое, к которому и пройти иначе нельзя, как чрез мой сенокос.

3.Половина почти леса, состоявшего со времен царя в казенном владении по день пожалованья мне, оставлена мужиками деревни Кожуховой, которые оным не пользовались.

Всеподданнейше Ваше Императорское Величество прошу помянутые три, взаимное спокойствие владельцев нарушающие, а меня лишающие и доходу, и возможности строиться, повелеть утвердить за мною, дабы чрез то прекратить соседственные неизбежные свары, а меня поставить в состояние исполнить Высочайшую волю Вашу.

Вашего Императорскаго Величества
Всемилостивейшего Государя...

2. л. 95. О землях в Петровском уезде Саратовской губернии.

Милостивый государь мой, Иван Варфоломеевич!

В Петровском уезде пожалованную мне землю давно у меня торгуют и вообще, и порознь. Я покорно прошу Ваше превосходительство известить меня всю ли вообще, или нет, и сколько десятин купить вы намерены и почем десятину полагаете. Сколько же десятин у меня земли и на каких реках она лежит, при сем прилагаю особенную записку.

Есьм с совершенным почтением и преданностию
Вашего превосходительства милостиваго государя моего
6-го окт. 1798-го года его превосходительству Якоби

Записка.

Пожалованная Д: С: С: Львову земля Саратовской губернии в Петровском уезде лежит по рекам Медведице, Чернавке, Сосновке, Чердыша, Мингавилке, Лапаты, Варшаута, Тауды и Березовки.

В беспокосном владении за ним отмежеванная:

Пахатной и удобного к пашне		
Залогу	- 7000	десятин
Сенокосу	- 2500	десятин
Под лесом	- 2800	десятин
Неудобности	- 7000	десятин
	14300	десятин *(откуда взялась эта цифра?)*

А всей под реками и дорогами около 18000 десятин.

Межевые планы еще не присланы, но в получении их нет никакого сомнения.

3. л. 96 об., 97. О селе Рязанов Брод.

Милостивый государь мой, Иван Семенович!
Василий Сергеевич!

Так как пожалованное мне село Рязанов Брод, Бобылевка тож, находилась прежде сего Саратовской губернии в Балашевском округе, ныне приписана к Новохоперскому уезду, а от обоих сих городов лежит в дальнем расстоянии, будучи смежна с Тамбовской губернии Борисоглебскою округою, то покорно прошу Ваше превосходительство, по случаю настоящего обмежевания Саратовских земель, село мое Рязанов Брод приказать отмежевать к Тамбовской губернии, о чем я буду просить и Тамбовского господина губернатора.

В крайнее и особливое одолжение приму я от Вас, милостивый государь мой, исполнение сей просьбы: поелику удаление уездных городов приводят мужиков моих в большое разорение.

Есм с совершенным почтением и душевною преданностию
26 окт. 1798 г., ПБг
Его превосходительству Лансиону
Его превосходительству Литвинову.

4. л. 99, 99 об. О породистом жеребце.

Милостивый государь мой, Апполон Никифорович!

Брат Петр Николаевич пишет ко мне, чтобы из двух присланных в Пензу арабских лошадей, взял я для себя жеребчика, который шерстью потемнее.

Вследствие чего покорно прошу вас, милостивый государь мой, приказать отдать онаго вручителю письма сего с наставлением, каким образом должен он вести его в дороге.

Простите мне, что я письменное знакомство наше начинаю просьбою. Причину беспокойству сему нанес Петр Николаевич, но благодарность останется собственным моим долгом.

Есм с совершенным почтением и преданностию
22 ноября 1798 г.
его высокородию Колокольцеву в Пензе.

5. л. 101. О продаже имения на Неве купцу Крону.

Милостивый государь мой, Михайло Андреевич!

По случаю моего отъезда покорно Вас прошу совершить, где следует, купчую крепость на проданное мое место, Рождественской части в 6-м квартале находящееся, по плану, при сем приложенному, с петербургским купцом Ивану Иванову сыну Балзеру и Абраму Крону, и условленные деньги от них получить; в остальной же сумме, которую они не доплатят, принять в доклад у них то же самое место со строением, которое им продано будет, со сроком на 4 года, с платежом казенных пяти %. Свершить купчую крепость и закладную, и вместо меня в книге расписаться, где следовать будет и от имени моего подавать прошение Вам верю и, что Вы учините, спорить и прекословить не буду

Пребывая Вам, милостивый государь мой,
Покорным слугою.
Сие верующее письмо дано от Д: С: С: и кавалера Н.А. Львова
Надворному Советнику Михайле Андреевичу Гибнеру.
без даты, но, вероятно, 1798 г.

6. л. 122, 122 об. Хозяйственные распоряжения.

Милостивый государь мой, дядюшка Василий Иванович!

Письмы ваши получил я уже на возвратном пути в Петербург, откуда теперь уведомляю Вас, что я, пробывши здесь не более полутора месяцев, поеду обратно в Москву. Покорно Вас прошу приказать старосте моему, чтобы он, собравши к сему времени с крестьян оброк, привез его сам ко мне в Москву, позволяя и

Арсению, ежели нет необходимых нужд, приехать с ним для свидания с родственниками. Если же меня он там не застанет, то бы ехал с оброком в Никольское; да прикажите ему привесть с собой явившегося из бегов крестьянина Луку Жихарева, котораго, в случае моего отсутствия, оставил бы он в Никольском. При сем препровождаю к Вам настоящаго 1799-го года календарь, а с ним вместе и верующее письмо, по которому прошу Вас совершить купчую на проданное мне коллежским секретарем Измайловым имение, заплатя ему за оное из оброчных моих денег 1800 р. Приложенное же письмо от перевезенных из Скопинскаго уезда крестьян посылаю к Вам для того, дабы Вы из онаго увидели, что они просят меня освободить их от платежа за прошлый 1798-й год оброком, который я охотно им прощаю, естли они хорошо выстроились, и, куда издержали упоминаемые в их письме деньги 50 руб., меня уведомьте.

Об лошади от Аполллона Никифоровича в деревню уже писано, естли она приведена, то Вам отдана будет.

Мужикам же села Рязанов Брод прошу сказать, что положение в рассуждении выбора бурмистра или старосты я сам сделаю, когда они ко мне с оброком приедут.

В прочем пребываю с истинным почтением и преданностию вам,

29-го января 1799 года Милостивый государь мой

Спб

Его высокобл. Хрипунову.

7. л. 123. Просьба о священнике.

Милостивый государь мой, Князь Юрий Алексеевич!

Тверской губернии Новоторжскаго уезда в селе моем Яконове находится тот священник, о котором я вчерась имел честь говорить с Вашим сиятельством. Имя его Иван, отчество Абрамович, а деяния Вашему сиятельству известны. Я весьма бы был благодарен Вам, естли бы вашим ходатайством доставили ему, какое ни есть другое место, а меня бы снабдили другим священником.

Я не буду прихотлив в выборе моем и благодарен буду Вам и власти, естли мой священник не будет на улице в ризах плясать перед образами, в церкви браниться по матерны, а в алтаре бить своего племянника, ежели будет он бояться, а не стращать благочинных своих, и не станет гноить в церкви умерших христиан за то, что сироты не доплатили копейки на похоронах. Пусть эта копейка пойдет на свечу за Ваше здоровье, чем на кабак, когда Вашим ходатайством доставите Вы деревне моей пастыря, церкви слугу, а мне добраго соседа.

Честь имею быть с истинным почтением и преданностию

28-го октября 1799-го года Вашего сиятельства милостиваго государя моего

СПБг

Его сиятельству Хованскому.

8. л. 131 об., 132. О покупке деревни. (Письмо не закончено, все перечеркнуто. Без даты, но, вероятно, февраль – март 1799 г.)

Ответ на письмо Энгельгардово.

Благодарю тебя, любезный брат, Петр Михайлович, за письмо твое от 3-го февраля, и по желанию твоему тороплюсь отвечать.

Покорно прошу сказать братцу твоему Ивану Яковлевичу, что деревню его купить никому столь не удобно, как мне, а потому никто таких денег не даст, конечно. Но, с другой стороны, прошу ему приметить и то, что естли он не имеет надобности продавать свою деревню, то покупать деревню из нужды никому не случается. И для того не с ним, а с тобою в дружеской откровенности повторительно скажу, что деревню сию купить мне весьма удобно, потому что она рассеяна в 14 деревнях моих, и по тому же самому резону другому кому-нибудь купить ее невыгодно. О продаже сей деревни сделано мне было предложение прошлаго еще лета в Москве, на которое я и ответствовал, что Иван Семенович Любучинов.....

9. л. 133 об., 134. О покупке деревни и крепостных.

Милостивый государь мой, Князь Александр Иванович!

Вам самим известно, что я истощил все способы снисходительности и терпения, чтобы начатые еще не нами тяжбенные неприятности окончить миролюбно. Но от Вас не получил ни уведомления, ни ответа, а потому и принужден был кончить судом то самое дело, которое услугою кончить был намерен. Но вопрос сей при настоящем случае становится посторонним. Я буду отвечать Вашему сиятельству на предложение Ваше и наперед хочу Вас уверить, что не имею никакой надобности покупать или променивать деревню, но в угодность Вашу согласен буду на всякую справедливую сделку. Покорно Вас прошу только уведомить меня:

1-е. Сколько душ имеете Вы в деревне Лузгоринской?

2-е. Сколько и какие имеет она угодья?

3-е. Какой получаете Вы оброк?

4-е. Нет ли, кроме Вас, еще каких владельцев, ибо 10 душ, принадлежавшие секретарю Измайлову, я купил, и

5-е. По чему Вы с меня за душу возьмете?

В Саратовской же моей деревне Колене с перевезенными туда из Украины, всего на лицо 43 души. По ответу вашему расположу я промен или куплю, о чем и прошу меня в непродолжительном времени уведомить, поелику я скоро отсюда сбираюсь ехать!

Есьм с истинным почтением и преданностию

Марта 23 дня 1799 г. Вашего сиятельства

СПБг милостиваго государя моего

Его сиятельству Енгалычеву.

10. л. 142 об. Просьба за учителя детей.

Милостивый государь, Петр Васильевич!

Позвольте в покровительство Вашего превосходительства поручить подателя сего аббата Флорентина, учителя детей моих. В намерении учредить пансион поехал он в Москву и добрыя его качества заслуживают заступление Ваше больше, нежели рекомендация того, который на снисхождение Ваше не имеет другова титла, кроме совершеннаго высокопочитания и беспредельной преданности, с которой навсегда пребудет Вашего превосходительства милостиваго государя

16 мая 1799 г.
с. Никольское
его пр-ву Мятлеву

11. л. 149. О разбое и драке.

Милостивый государь мой, Федор Федорович!

От имени Вашего превосходительства приводил ко мне Серпуховской части пристав тех обывателей, которыя напали на ученика моего, с тем, чтоб я простил их преступление. Благодарю, Ваше превосходительство за сделанную мне учтивость; искренне бы я рад угодить Вам, милостивый государь мой, а потому Вас же самих покорно прошу научить меня, могу ли я простить людей, которыя, сделав явный разбой, прибили казеннаго человека? Естли бы я их и простил, то не будет ли сам обиженный просить удовлетворения, как за побои, так и за вещи у него ограбленныя?

Я все сие передаю на благоусмотрение Вашего превосходительства, уверен будучи, что Вы по собственному благородству мыслей, столько же, сколько и по должности, возвратите мне покой, котораго гнездо собравшихся бродяг меня лишает.

Честь имею быть с совершенным почтением и преданностию

10 июля 1799 г.
Москва
его пр-ву Эртелю.

Вашего превосходительства
милостиваго государя моего

12. л. 163, 163 об. О собственной даче.

Сиятельный граф, милостивый государь, Петр Алексеевич!

В Рожественской части на берегу реки, на месте собственно мне принадлежащем, построил я по плану, из бывшей управы благочиния мне данному, каменное жилое строение с амбарами, которое нанимающий у меня 3-ей гильдии купец, обратив в торговую баню, просит, дабы по званию его, позволено было затопить оную, а без того не подписывает контракта. Зная, что 3-ей гильдии купцам по 118-й статье городового положения торговыя бани иметь позволяется и в наемных домах разных жителей. Употребил я на переделку строения не малый капитал, имея перед собою пример господина Варенкова и Д: С: Советницы Полторацкой по предложению графа Буксведена затопить баню позволено. Покорнейше Ваше сиятельство прошу о таковом же предложении в пользу мою, дабы я нанятое у меня каменное строение 3-ей гильдии купцу мог отдать под бани, и полиция затопить оныя ему не воспретила.

Честь имею быть с совершенным высокопочитанием

25 сент. 1799 г.
СПБг
Его сият-ву графу Фон дер Палену.

и беспредельною преданностию
Вашего сиятельства милостиваго государя

13. л. 196, 197 об. Земли Львова в Саратовской губ.

Милостивый государь Александр Андреевич!

Ваше превосходительство обещали мне покровительство свое по делу моему столько же справедливому, сколько и несчастному, касательно до земли в Саратове, двумя имянными повелениями мне пожалованной, и ныне, бесспорно, за меня отмежеванной. Межевая контора на письмо одного моего приятеля ответствовала, и я смею при этом приложить ответ оной в записи с покорнейшею моею просьбою, заступить справедливость мою у Губернатора Саратовскаго по случаю справки, Сенатом от него требованной.

Честь имею быть с совершенным высокопочитанием

30 января 1800 г.
Москва
Его превосходительству Беклешову.

и беспредельною преданностию милостивый государь
вашего превосходительства

14. л. 197 об. Земли Львова в Смоленской губ.

Милостивый государь мой, Петр Михайлович!

Смоленской губернии, Евинской округи, деревни моей Филимоново крестьяне просили меня о переселении их Саратовской губернии в пожалованное мне село, Рязанов Брод называемое. В следствии чего, покорно Вас прошу означенным моим крестьянам откуда следует доставить для проезда их в вотчину мою Рязанов Брод от правительства свободный пропуск, об исключении их из подушнаго оклада Смоленской губернии и о причислении к Саратовской, куда следовать будет от имени моего подать прошение вместо меня, где нужно по сему делу подписаться вам верую и, что вы по сему учините, спорить и прекословить не буду.

Пребываю Вам, милостивый государь мой

Марта 2-го дня
1800
Москва.

покорный слуга

15. л. 216 об., 217. О землях Львова в Крыму и на Днепре

Милостивый государь мой, Иван Яковлевич!

Личное знакомство и благорасположение Ваше, коим удостаивали Вы меня в Киеве, в несомненной надежде позволяет адресовать к вашему превосходительству настоящую мою просьбу.

В Крыму, близ Симферополя и по речке Карасовке, недалеко от Карасу-Базара, по предложению еще князя Потемкина, получил я землю в том самом году, когда был Двор в Крыму: 1000 десятин на речке Карасовке, а близ Симферополя виноградный сад, да граф Илья Андреевич уступил мне, из данных ему тогда же земель, тоже 1000 десятин.

Земли сии за меня отмежеваны и некоторое время и я некоторое время во владении находился партикулярным образом. Имел я и планы на оныя. Но действительных межевых планов и писцовых книг еще не получил, о доставлении которых убедительнейшим образом прошу Ваше превосходительство.

По делам, о землях производившимся в областном губернском Правлении, естли угодно будет приказать Вашему превосходительству сделать справку, то найдутся и права мои на владение, и доказательства на уступку, сделанные графом Безбородко.

В Новороссийской же губернии, 40 верст по Днепру выше Херсона, купил я недалеко от Никополя 3000 десятин, да к оной придано мне было после Академии директора Домашнего оставшиеся еще 3000 десятин, и, по неимению леса, даны мне были противу сих земель моих находящиеся угодья, под именем Фроловой Плавни известные. На сии земли не имею я также законнаго утверждения, выключая купчей крепости на 3000 десятин, на последние же 3000 десятин, мне приданные, и на Фролову Плавню покорнейше прошу Ваше превосходительство приказать меня снабдить планами и данною. На сей земле Днепровской была у меня небольшая и деревня, но с того времени, как занят будучи по делам службы, должен я посвятить оной все мое время, на щет собственных дел не имею я не токмо какова ни есть доходу с сих земель, но даже и сведения об оных. Нечаянный мне благотворный случай заставил меня ныне о сих моих пустых княжествах вспомнить, и надежда на деятельную правоту Вашу и снисходительное ко мне расположение Ваше, прибегнуть к Вашенму превосходительству о получении владельческого права на оные.

Честь имею быть с истинным почтением и преданностию,
милостивый государь мой
Вашего превосходительства

Апреля 24 дня 1800 г.
Москва
его превосходительству Селецкому.

16. л. 221 об. О заплате денег фарфоровому и стекольному заводам.

От Д: С: С: и Кавалера Львова
В Московскую полицию
Объявление.

Через частного унтер-инспектора Захарова повещено мне было, чтобы я и наместник князя Трубецкого заплатили фарфоровому и стекольному заводам следующие деньги.

На сие имею честь ответить, что сей платеж до меня не следует, ибо я на фарфоровом заводе ничего не заказывал и ничего с онаго не получал, ни отсюда по комиссии, ни в бытность мою в Санкт-Петербурге. А перед моим отъездом нынешней осенью с стеклянnаго казеннаго завода взял я одно зеркальное стекло и несколько небольших хрустальных столиков, за которые по расчету получил от меня в плате ж того же завода мастер Левашов земляным углем, забранным для помянутаго завода на делание разных опытов, от находящегося угольного в Петербурге пристава Лукьяна Павлова, который, будучи на месте, истину сию свидетельствовать может.

8 мая 1800 г.

17. л. 222. Об этом же князю Юсупову Николаю Борисовичу
(почти теми же словами).
От 9 мая 1800 г. из Москвы.

18. л. 225 об. Письмо Н.А. Львова графине Головкиной о крепостном мальчике Александре, которого по просьбе Львова обучал композитор Сарти.

Мил: гос: Катерина Алексеевна!

Я признаюсь с извинением, что ответом умедлил вашему сиятельству единственно потому, что болезнь моя допустила меня лично с вами объясниться. Сие тем паче нужным почитал я, что изустное требование господина Скворцова о возвращении назад мальчика, на котораго ваше сиятельство дали мне крепость, котораго в продолжении нескольких лет я воспитывал и выучил, почел я собственною выдумкою господина Скворцова или домашних, ибо он сказал, что сие делается по неотступной просьбе лакеев ваших, братьев Александры. Но, получа вчерась письмо вашего сиятельства, спешу сим почтеннейше ответствовать.

Вашему сиятельству угодно знать, кому мальчик Александр принадлежит. – Он принадлежит мне с того времени, как угодно было Вам дать на него крепость. А потом изволите спрашивать, что я из него сделал? – Во все время продолжал я его учить музыке у капельмейстера Сарти, в намерении иметь для управления маленького хора, а когда с летами его и учение довершится, естли благодарность его будет

порукою и впереди за доброе поведение его, то дать ему свободу на некоторых для него же полезных условиях, поелику безвременное увольнение послужило бы к пагубе его талантов и его собственно...

Наконец, угодно Вам спрашивать: «Могу ли я иметь его у себя?» Естли это на время, так, как я и понимаю, то я приказание Ваше тотчас исполнил и послал его к вашему сиятельству, как скоро за ним прислали. По возвращении сказал он мне, что он Вас не мог видеть, из чего вторично я подумал, что в этом деле мешаются более посторонние внушения и прихоти, нежели собственная Ваша воля, основанная на чувствах благородных справедливости. Сие самое убеждение мое не допускает меня подумать, чтобы желание Ваше было взять у меня безвозвратно отданного мне мальчика. Не приняв во уважение, что я воспитывал его под собственным моим смотрением, что сей труд известен каждому, желающему воздержать от подлых понятий и поступков молодого человека, что на сие я потерял много времени и труда зря, в надежде пользоваться плодами учения моего. И, наконец, по окончании учения сего, лишиться сих надежд и самого воспитанника от той же самой руки, которая вручила мне молодость его под видом подарка. Я не забыл, милостивая государыня, что Вам не угодно было принять от меня за него денег при совершении крепости.

Что же касается до издержки, которую ныне предлагаете заплатить мне за учение его, то я смею донесть вашему сиятельству, что этаго мне никто заплатить не может, я скорее с сердечной благодарностию сам внесу за него деньги, нежели приму оные от кого ни есть, потому что за труд воспитания его мне заплатить непристойно, за учеников посторонних Сартий брал в год по 1,5 и по две тысячи, о чем можете узнать от господина Хлебникова и прочих. Я ему денег не давал, но дарил его картинами. Он учил его заплатою дружбы, а я за учение сие терял свои к нему услуги, случай и время, которе для меня всех денег дороже. Вот, милостивая графиня, истинная проповедь души моей! Не грешен я еще ни двояким словом, ни двояким поступком, а менее еще перед вашим сиятельством. Привыкши с удовольствием питать почтение к особе вашей, и с сим сердечным чувствованием, равно как и с преданностию беспредельною честь имею быть.

28 мая 1800 г.
Тюфили
ее сиятельству графине Головкиной.

19. л. 228 об., 229. Снова о разбое и драке.

М: Г:, Алексей Кондратьевич!

Не угодно ли Вам приехать со мною объясниться прежде, нежели придет такая беда, которую ни Вы, ни я не будем в состоянии поправить.

Я получил именное повеление за подписанием Г: И:, которое могу я Вам показать в подлиннике, из котораго увидите Вы, что дана мне новая комиссия. Для исполнения оной выехал я тот же самый час из Москвы и приехал сюда с тем, чтобы взять нужных мне людей. По приезде же моем нашел я, что именно из тех

двух человек, Слободской Украинской губернии учеников, одного люди ваши так прибили, что он не владеет и рукой, сделав явный разбой на ярмарке. Вам, быть может, сие неизвестно, что по всем моим поручениям, не имею я над собою начальника, кроме Е: И: В:, к которому я прямо и рапортую, то в будущую субботу принужден я буду о сем подробно донести, если не ускорите вы совершенным удовлетворением обиженных и изувеченных людей, ибо люди ваши, не удовольствуясь тем, что прибили и ограбили казеннаго ученика, прибили еще и пристава оных, сержанта Семенова, прибили также и мальчика моего невиннаго, сидевшаго на изгороди, говоря: «Бей до смерти всех людей Львовых, и казенных учеников! Они таковския, потому что они присланы в работу!» Тут вмешивается и собственная моя обида, почему и должен я буду доказать Вам в Тверском правлении, что ученики сии не для наказания в работу посланы. Между тем, в том же самом суде, где Вы присутствуете, собрав постороннее свидетельство, приеду я лично записать в журнал то, что я буду говорить, и чего суд не принять не может. Дело сие обоим нам наведет хлопоты, которыя кончатся не в пользу Вашу. Покорно прошу отвечать мне без потеряния времени, согласны ли Вы прислать ко мне с человеком Вашим виновных для наказания и помириться с обиженными, заплатив им за увечье, без чего и я не могу решиться ни на какую сделку. Кто же таковы виновные, я Вам доставлю реестр по показанию посторонних свидетелей.

Пребываю с должным почтением Вам,
милостивый государь мой,
покорный слуга

5 июля 1800 г.
Никольское
Его благородию Завесину.

20. л. 230. О том же.

Милостивый государь мой, Алексей Кондратьевич!

Отговорки Ваши на должность, которая удерживает вас в городе, я никак принять не могу, потому что первая и главная Ваша должность та, чтобы усмирить дневные разбои собственных своих людей, нарушающих сельское спокойствие, гражданские и народные права. Почему и прошу вас немедленно удовлетворить увечных, а ограбленному возвратить деньги; ко мне же прислать с человеком Вашим при письме, при сем посылаемом, которое прошу подписать, для наказания виновников, которым препровождаю список, по показаниям посторонних людей. Но только прошу Вас не умедлить, потому что я, из снисхождения к Вам, пропустил сегодняшнюю почту. Вторника же ни под каким видом пропустить не могу, а сам принужден буду препроводить копии мои с писем при свидетельстве посторонних людей к губернатору, чтобы людей Ваших забрали к допросу, рапортовать о происшествии, куда следует.

Пребываю с должным почтением Вам,
милостивый государь мой,
покорный слуга.

7 июля 1800 г.
Село Никольское
Его высокоблагородию Завесину.

21. л. 231. О том же.

Милостивый государь мой, Алексей Кондратьевич!

Вежливых речей при невежливых поступках я знаю цену, и слова не приму за дело. По последнему письму Вашему вижу я теперь, что приезд Губернатора препятствует Вам приехать и объясниться. Мне сие объяснение меньше нужно, нежели Вам свидание с Губернатором. Но я не знаю, ращитали ли Вы только то, что естли мои обиженныя не будут удовлетворены, то сие первое свидание для Вас будет невыгодно, потому что вы заставляете меня рекомендовать себя Губернатору истинно для меня неприятным образом. Но я буду принужден поступок сей сделать и прежде, нежели на решительное дело покушуся, напишу к нему письмо, как скоро он приедет, ежели Вы ко мне не пришлете немедленно виновников по записке, к Вам посланной, к наказанию, а иначе я буду удостоверен, что Вы покрываете озорников в явном преступлении, котораго следствия могут быть дурны. Старосты своего я к Вам не пошлю, потому что я сам здесь. Что касается до посторонних, которыя тут же в драке были, Вы за них не отвечаете.

Пребываю в протчем с должным почтением Вам,
9 июля 1800 г. милостивый государь мой
село Никольское
его высокоблагородию Завесину.

22. л. 242 об., 243. О добыче торфа под Торжком (в Никольском).

Милостивый государь мой, Василий Федорович!

Лишившая меня всей надежды к жизни болезнь моя такую еще оставила мне слабость, что я ни памяти, ни движения не имею, но уверяю Вас, милостиваго государя моего, что по выздоровлении моем, обязан будучи тотчас ехать в Петербург, приеду я к Вам, найду торф и научу людей, каким образом разрабатывать и для разных поделок приготовлять его. Теперь зима, так надобно еще для этаго погодить, а между тем, если угодно Вашему превосходительству, чтобы научить людей казенных, или каких других, добывать торф методически, без потери труда и времени, и начать сию разработку наверное, то Вы можете написать к его высокопревосходительству генералу-прокурору, что торф и у Вас в губернии сыскан, хорошего свойства, ко всякаго домашнего и заводского изделия удобен, неподалеку от Торжка, что весною начнете разработку онаго, пошлете людей и доставите образцы его высокопревосходительству. Поелику торф , действительно, у меня найден в 15 верстах от Торжка, в моей собственной даче, то, если угодно, я с великим удовольствием и без всякаго возмездия присланных Ваших выучу, коим образом находить, как копать торф, как делать из него уголь и как употреблять его во всех домашних и заводских изделиях с большею выгодою перед дровами. Людям Вашим присланным нужны только харчевые деньги и некоторая сумма на железные и деревянные инструменты, которые я велю им сделать, и в губернии Вашей с открытием весны

прежде всех разработка торфа начнется, дабы донесено было Его Императорскаму Величеству, что исполнение Высочайшей воли Его началось в нашей губернии прежде всех вами. Об имени моем прошу не упоминать, поелику я по сему предмету ни к кому еще в Санкт-Петербург не писал, и к вам пишу первое письмо, будучи весьма обрадован, что сия полезная разработка в нашей губернии начнется раньше всех, хотя об оном писано во все губернии государства. Для сего, если Вашему превосходительству угодно, нужно прислать сюда небольшую сумму денег, а если позволите, то закажу я здесь на собственные свои деньги всякаго рода по одному инструменту, которые и вручу присланному Вашему. В Твери кузнецов искусных довольно и в губернии, Вашему превосходительству вверенной, в первой будет делаться то, чего еще во всех прочих и сделать не умеют.

Есьм с совершенным почтением и преданностию,
милостивый государь мой,
20 декабря 1800 г. Вашего превосходительства
Москва
Его превосходительству Мертенсу.

23. л. 245. об Иванове (о пьянстве).

Милостивый государь мой, Петр Яковлевич!

Благороднаго академическаго воспитания дитя, бывший без меня здесь в городе, на досуге атаковал в пьянстве шпагою проезжающих барынь в городе, за что и наследовал по заслуге своей тюрьму, из которой, говорят, будто он выпущен будет в солдаты.

Я покорно прошу Ваше превосходительство, за пьяных не вступаясь, одолжить меня, слугу Вашего, только тем, чтобы в сем новом чине возвратить его ко мне в команду до выслуги, ибо я, действительно, боюсь, чтобы глупца сего не отослали куда-нибудь в Сибирской гарнизон, где он совершенно погибнет; а здесь покуда могу я его воздержать не академическим манером.

Не угодно ли будет Вашему превосходительству удостоить меня своим мнением и советом о разработках здесь торфа. Мне приятно бы было дело сие вообще делать с Вами, как с особою, которую издавна привык я почитать, и с которою общее дело было бы для меня уже само по себе награждением. Отречетесь Вы, и я откажусь, и прямо напишу, что без Вас я делать ничего не в силах, так как не в силах я теперь ни писать, ни думать.

Честь имею быть с истинным почтением и преданностию,
6 января 1801 г. милостивый государь мой! Вашего превосходительства
его превосходительству Аршеневскому.

PS. Одолжите меня, милостивый государь мой, уведомлением из тюрьмы моего пьянаго рыцаря на поруки, здесь под караулом заставлю я его чертить в тюрьме, я думаю, с горя он также пьет, как на воле пил с радости.

24. л. 245, 246. О наследстве. (Пишет не Сумароков – очень безграмотно.)

Милостивый государь мой, Николай Николаевич!

Наслышан от покойнаго дяди моего о правоте душевной, подлинное благородство составляющей, не имея никакого права просить Ваше превосходительство войтить в дела интересов моих, не обинуюсь, однако, прошу я Вас не оставить на сущее разграбление небольшое наследие дяди моего Василия Ивановича Хрипунова, не оставить добрых людей, по нем оставшихся, не потакнуть плутам бунтующим, а паче всего защитить прежде, нежели уймут их законы, от тех избранных особ, которые под предлогом покровительства неоднократно из удаления расхищают чужое имение и верхом, и в каретах, развращают слабых женщин, после дяди моего оставшихся, научают пугать меня жалобами, ябедничают и покровительствуют еще больше украденное, нежели самих ворующих. Все сие мне известно, и с доказательствами, назову я даже по имени пред престолом Государя моего, которому скоро доложить отправляются, тех именитых хищников, коих в темном только уголку известны имена дела будут, известны далее, и мое не пропадет. Покровительствуйте правоту, доколе возвратитесь из Петербурга. Приеду я засвидетельствовать Вашему превосходительству долг справедливости, и тем, которые именем благородства от подлости не укрываются ..... *<неразб.>*. С доказательством от высочайшего престола пресветлаго (?) сюда и достойнаго .....*<неразб.>*. Простите, милостивый государь мой, сию мою депрессию – душе благородной не только говорить, но и слышать прискорбно подлых дел начертание. Но я толь много имею доказательств разных безумств, что негодование и мерзость оных вырвало с усилием из души моей тайну .....*<неразб.>*. Впрочем, я надеюсь располагать в неприятности моей, говоря с особою известнаго достоинства, и есьм с истинным и совершенным почтением и преданностию, милостивый государь мой!

Вашего превосходительства

PS. Покорнейше прошу Ваше превосходительство позволить смелость смолоть на мельнице Вашей за обыкновенную плату несколько ржаной муки, предпочтительно пред полными помолщиками, не имеющими нужды отправлять молотье свое в толь далекое расстояние, на каковое должна проехать принадлежащая мне мука.

Января 10 1801 г.

Москва

К его превосходительству Ник. Ник. Кормилицину.

25. л. 246 об. О наследстве.

М : Г: мой, Ник. Ник.!

Дружба к дяде моему и общий слух правоты вашей заставляют меня вторично прибегнуть к вашему превосходительству с просьбою о неоставлении в разграблении доставшегося после приятеля вашего, а моего дяди, наследства; о защищении, посланнаго моего вручителя сего от нападков именитаго Маслова, со-

державшего его уже и так два дня под караулом безвинно, и о принятии на себя человеколюбиваго труда унять оставшуюся в доме вольницу.

Теперь мне, слава Богу, полегче, я в скором времени надеюсь лично принести вам мою благодарность и вручить себя знакомству Вашему. Исключительно прошу Ваше превосходительство воздержать из вольницы людей, оставшихся после дяди моего, от своевольной вырубки моего леса и о наказании тех, кто в оном примечается (?).

22 янв. 1801

Москва

Его превосходительству Кормилицину.

26. л. 246 об. О наследстве (автограф).

Милостивый государь мой, Дмитрий Александрович!

Не забыли Вы, чаятельно, по доброте Вашей душевной давнее наше знакомство. Не позабудете по той же самой причине защитить от разграбления доставшегося мне небольшого наследства в губернии, Вашему превосходительству вверенной, и меня, воскресшаго к удовольствию благодарить Вас теперь письменно, а по возвращении из Петербурга – лично. Одолжите крайнею обязанностию, приняв в покровительство Ваше оставшихся людей, а паче вручителя сего, на исполнение моих кой-каких приказаний посланнаго.

22 янв. 1801 г.

Москва

Его превосходительству Бахметьеву.

27. л. 253 об. О наследстве (автограф).

М: Г: мой, Ник. Ник.!

Письмо Вашего превосходительства от 9 февраля я имел честь получить. Не распространю я словами мою благодарность, но деятельный поступок Ваш, яко действительное мне одолжение приемля, долгом священным поставлю на деле заслужить оный.

Приношу мою благодарность за должное наказание бунтовщиков, прося покорно Ваше превосходительство наименовать мне и начальников, потакающих им. Я уповаю, что правило Вашего превосходительства согласно будет со мнением моим - потакать виновному, есть не что иное, как наказывать безвиннаго; милующий развратнаго – сеет заразу между добрыми.

В ожидании обещаннаго Вами обстоятельнаго известия обо всех беспорядках людей моих пребуду с истинным и непременным почтением

Вашего превосходительства
милостиваго государя моего
покорнейший слуга

Марта 1 дня 1801 г.
Москва
Его превосходительству Кормилицину.

28. л. 253 об. О наследстве (автограф).

Милостивый государь мой, Василий Прокопьевич!

Память дяди моего мне драгоценна, то прошу не прогневаться, естли я, вступясь за оную, скажу Вам, что распутывать, по мнению Вашему, путаницу его, есть не Ваше дело; желал бы я, чтобы все дела столько же были запутаны, как дело с Вами, почему и удержусь от подробнаго извинения, но приложу при сем записку, которая объяснит вам, заслуживает ли от вас дядя мой поминки.

Есьм с должным почтением

Марта 1-го дня 1801 г.
Москва
Его высокоблагородию Нелитинову.

29. л. 254 об., 255. Просьба за сыновей.

М: Г:, сиятельный князь, Александр Борисович!

При самом вступлении на престол Императора Ваше сиятельство удостаивали меня покровительством своим. Печать благодарности осталась навсегда неизгладимою в душе моей. Сие чувство уверяет меня, что не откажете Вы и теперь справедливости умиравшего и доселе еще лежащего на смертной постеле отца в несчастной обиде, сделанной детям его.

Милостию нашего Монарха и покровительством вашего же сиятельства двое сынов моих записаны были в юнкеры Иностранной коллегии, и, в следствии назначения, по службе их, которую они действительно при архиве Иностранной коллегии продолжали, выучены языкам и приличным сведениям. По выбору и без всякаго правила, они исключены и ныне вторично в недорослях считаются. Ни я, ни они, кажется, сего исключительнаго права не заслужили. Но я, с моей стороны, о восстановлении службы их никогда бы просить не осмелился, естли бы исключение из оной или по .....<неразб.>, или по неспособности служить сделано было. Знаю, что на убавку юнкеров была воля Монаршая, но не на выбор, почему и осмелюся вторично ваше сиятельство просить об определении двух моих сыновей с старшинством к прежней их должности в Московский архив, ибо многие, по выбору же, после реформы приняты были.

На благородном чувствовании Вашем основана моя надежда. Граф Никита Иванович благодетельствовал отцу; идущий по стезе его не откажет в покровительстве детям его.

Честь имею быть с непреложным и совершенным высокопочитанием
и беспредельною преданностию
Сиятельный князь,
милостивый государь,
Вашего сиятельства

1801 года
марта 2-го дня
Москва
Его сиятельству князю А.Б. Куракину.

30. л. 258 об., 259. Просьба о пропуске через заставу (автограф).

Милостивый государь мой, Петр Васильевич!

Я перевез свои полумертвые кости в Тюфили по приказу доктора, и езжу к нему в город. Застава Даниловская вдругорядь противу меня бунтует. Вышел какой-то ободранный пристав и говорит, что меня по именному указу в столицу пускать не велено. Я ему говорил, что я – Д: С: С: Львов, а не генерал военный, но он закричал: «Не пускать!» - и ушел от меня. Я послал просить офицера, но не нашли и караульнаго офицера. Сделайте милость, попросите его сиятельство графа Ивана Петровича, чтобы он вразумил ярыжку ободраннаго и приказал бы ему прийтить ко мне, чтобы знать меня в лицо и пропускать через заставу. Мне лутче остановиться загородом, кабы только не застава.

Честь имею быть с душевным почтением
и преданностию нелицемерною,
Милостивый государь мой!
Вашего превосходительства
покорный слуга.

Марта 6-е 1801 г.
Тюфили.

31. л. 261. Просьба за сыновей (автограф).

Милостивый государь мой, Василий Федорович!

Простите мне, что, не имея чести быть Вашему превосходительству лично знакомым, приемлю я смелость утруждать вас моею просьбою. Не зная по болезни моей, продолжительной и опасной, кто ныне Тверской губернский предводитель дворянства, прошу я Вас, милостиваго государя моего, яко хозяина вверенной Вам губернии, истребовать от тамошнего губернскаго предводителя аттестаты о дворянстве сыновьям моим Леониду и Александру Львовым, которых давно требуют от меня в Иностранную коллегию, и которых я, по отчаянной моей болезни, по сю пору послать не мог, и для того самого теряю случай и помощь друзей моих записать их в юнкеры. Несказанно одолжите Вы меня исполнением сей просьбы, которую заслужить поставляю я себе почтенным долгом, а может быть скоро буду в состоянии принести Вашему превосходительству и личную мою благодарность.

Что касается до торфа, как скоро буду в состоянии выехать, будучи в Санкт-Петербурге, явлюсь я к их высочеству для принятия Вашего приказания и для начатия дела, которое, надеюсь, и кончено будут к совершенному Вашему удовольствию, и Тверской губернатор, наверное, будет первый, который донесет Государю о обретении, а еще паче, о разработке сгораемаго земного вещества, в чем наперед смею Ваше превосходительство удостоверить.

Пребываю с совершенным почтением и преданностию

Февраля 2 дня 1801 г. М: Г: М:

Москва Вашего превосходительства

Его превосходительству Мертенсу.

32. л. 270 об. О наследстве.

Милостивая государыня моя, Анна Федоровна!

Умерший дядя, разве только вам в духовной оставил попечение уморить и племянника, потому что вы так часто бомбардируете меня требованием. Истинно, я и по Государевым комиссиям не в силах еще дельно отвечать, а по делам своим и ничего не знаю. Равным образом не знаю и того, какие именно бумаги после дяди моего Василия Ивановича остались, но все они у меня, как привезены, так и запечатаны. Смею Вас уверить, что не я, но правительство и разбирать их будет. И кто из нас будет иметь право наследства, ни мне, ни Вам решать не следует, но разберет и решит сие высочайшая власть, куда я по приезде в Петербург и представлю все бумаги в подлиннике. Мое и Ваше право ясно будет видно. Мне, право, было бы стыдно вооружиться и воевать противу мужчины в юбке, или противу женщины в штанах, и уступить победу приятнее будет, нежели самому торжествовать оную. Почему и прошу Вас, милостивая государыня моя, взять терпение до выздоровления моего и открыть мне тогда на ушко ваши права. Я буду скромен, удовлетворя Ваши требования справедливые. Уверен будучи, что они справедливы, Вы и говорить не будете, или пусть нас разберет правительство. Но и для сего надобно его погодить, полусумасшедшая голова моя еще слаба. А видя вещи в подозрительном состоянии, объяснение изустное с Вами для того только отлагаю, чтобы не огорчить Вас каким-нибудь словом прежде, нежели правительство делом. Впротчем, и полусумасшедший останусь, естли то вам угодно, с должным почтением

Ваш, милостивая государыня моя! покорный слуга.

7 апреля 1801 г. PS. Какие бумаги есть, они все, я чаю, найдутся, разве

Москва только те, которые не привезены, но и те потеряны

благородию Любавской. быть не могут.

33. л. 262 об. – 263 об. О землях в Крыму.

Милостивый государь мой, Юрий N.!

От великодушия только Вашего надеюсь, что простите Вы просьбу, без заслуги приносящему, воскресшему, но еще полумертвому человеку. В Симферопольском уезде в Крыму пожалован мне в 1793 году виноградный сад, а на речке Красовке деревни Бюрюн и Минай – 1000 десятин земли. Да сверх того еще граф Илья Андреевич Беезбородко пожалованную ему землю и сад уступил мне законным актом. Земли сей некоторая часть обмежевана за мною, а другая не кончена. Покорнейше Ваше превосходительство (*прошу – у Львова это слово отсутствует. А. Н.)* о доставлении мне планов обмежеваний и окончаний остальной части.

Вручителя сего, отставного солдата, послал я караульным. Покорнейше прошу В: пр: одолжить меня действительною благодарностию, поручением сего служиваго кому ни есть из присутствующих в Таврическом областном правлении. По получении благосклоннаго ответа Вашего пошлю я туда несколько людей и стряпчего, а весною и сам отправлюсь по данной мне комиссии в Тавриду, явлюсь к Вашему превосходительству и лично засвидетельствую то почтение, котораго письменное свидетельство принять наперед Вашего превосходительства

Милостиваго государя моего...

Отставному солдату Василию Миронову

Инструкция

1. Как приедешь в Новороссийск, явись к губернатору, отдай ему письмо мое и по просьбе моей добивайся у него письма к какому-нибудь судье в Крым, об этом я писал к нему.

2. По приезде в Крым и отдав письмо советнику, попроси у него письма к уездным начальникам и осмотри пожалованную мне землю и деревни Бюрюн и Минай на речке Красавке, пор берегам которой земли 1000 десятин, и прими в свое смотрение. Жителям объяви, естли они есть еще, что естли они хотят остаться и пахать, то платили бы наем, а ежели не хотят, то шли бы домой – я куплю их селение.

3. Граф Безбородко уступил мне близ Карасу-Базара виноградный сад и 1000 десятин земли, ему пожалованной. Ты справься в областном правлении, где сия земля и сад, и, осмотрев и сад, и землю, пиши ко мне, хороши ли они и есть ли какие-нибудь селения, какие на них воды текучие, и есть ли ключи, сколько пахатной земли, сколько сенокосной и сколько под огородами. Для письма найми человека, который бы все это тебе подробно описывал.

4. За мой виноградный сад не получаю я несколько лет найму. Осведомься у областного постмейстера, у кого он в наймах находится, и за все годы взыщи деньги, или меня уведомь, то я пришлю стряпчего ходить за делом, когда не заплатит добровольно, а естли заплатит, то уведоми меня, сколько получил.

5. Виноградные сады, земли обе отдай в наймы на один только год – по твоему словесному условию, а как придет стряпчий, так он и контракты сделает. За какую цену отдашь, как земли, так и сады, мне пиши. Осведомляйся, ежели кто

желает продать мне землю поблизости нашей земли или на горах, то уведомляй меня по почте, сколько продается десятин, есть ли ключи, лес и виноград, и далеко ли от какого города, и какая цена. Дорого я не куплю, а маленькие дачи за наличные деньги покупать буду, естли не дорого - ..... <*неразб.*> близко, ... <*неразб. – то же, слово, что и прежде*> далеко от каких деревень.

6. Кто владеет деревнями моими Бюрюн и Минай, денег не платили, а заплатить добровольно не согласятся за наем тех лет, то ты уведомь меня, сколько они лет владели, а я подам просьбу.

34. л. 275. О болезни. Из письма Каверину от 30 апреля 1801 г. из Москвы.

...Целый почти год боролся я со смертельною болезнею и, не умевши умереть, остался жить покуда .....<неразб.>. Душевные и телесные силы мои так ослабели, что я стал дряхлый младенец в старости. Вот почему не мог я и не могу еще поздравить Ваше превосходительство лично...

35. л. 289об., 290. Из рапорта Львова Императору в письме Беклешову от 22 июля 1801 г. Повторено в РГИА, ф.37, оп.11, ед. хр.120, 1816, л. 89об. и105, 106 (два экземпляра).

О училище земляного битого строения и о успехах оного.

Что касается до училища земляного битого строения, учреждение коего не стоило казне никакой издержки, а успех и распространение прочной и безопасной сельской постройки оправдал, кажется, несомненным доказательством во всей пространной Империи намерение и цену оного.

Ваше высокопревосходительство усмотреть изволите в приложенных при сем реестрах, от управляющих губерниями сообщенных, где, какое и кем земляное строение сделано.

На заведение училища не употреблено никакой казенной суммы, ученики содержатся на кормовых деньгах, из домов своих принесенных; квартиры, дрова, свечи и посуду получают от меня безденежно; в плане об учреждении сего училища сказано: « А дабы не отяготить частного начальника заведения сего как на инструменты и материалы, так и на содержание мастеров на его кошт», пожалована мне близ Москвы земля под названием Тюфильских покосов, с которой казённая палата, помнится мне, получала от 4 до 5 сот рублей оброку, но в руках хозяйских приносит она мне более тысячи. Я оставляю судить беспристрастно, обогатило ли меня сие приобретение. Если кто увидит, сколько ненужных и бесполезных вещей на будущее время должен я был делать ежегодно для упражнения казённых работников, какое количество переломать и перетерять должны они всякого инструмента, тот беспримерно рассудит, заплачен ли труд мой личный постройкою многих и

ненужных строений, для которых одни фундаменты и лес под Москвою равновесят уже ту выгоду, каковую сии строения в хозяйстве недостаточного человека принесть могут.

Впрочем вашему высокопревосходительству известно, что я ни за которую из сих комиссий не только не получил никакой отличности, но и жалованья не имею, а получаю невступно уже 20 лет одно и то же, каковое имел посольства ещё советником, с прибавкою 400 р., кои прежде сего временно выдавались мне из Кабинета за переводы с Гишпанского языка.

36. л. 300 об. О покупке деревни.

Милостивый государь мой, князь Александр Александрович!

Естли бы довольно имел я сил физических, то поторопился бы лично с Вами познакомиться. Но удовольствие сие по причине еще слабости моей принужден я отложить до лутчего времени. Между тем, благодарен я и случаю, и ябеде, которые подали мне повод, по крайней мере, письменно Вашему сиятельству рекомендоваться! Вашему сиятельству теперь уже известно, что в Новоторжском уезде купил я деревню, по законам свершил крепость, по долгу заплатил свои деньги за Вашу деревню. Надобно все это починить, и я отдаюсь в сем случае на расположение Вашего сиятельства, препровождая при сем ревизские сказки с поверенным моим, с которым и прошу Ваше сиятельство положить на мир (?), каким образом дело сие сделать так, чтобы волки были сыты, а овцы целы, а я заблаговременно и наперед подписуюсь, что спорить и прекословить не буду; желаю быть навсегда с истинным почтением и преданностию

милостивый государь мой

18 октября 1801 г. Вашего сиятельства

Тюхили

Его сиятельству князю Мещерскому

37. л. 319. О банковских операциях по оплате долга за деревни.

Служителю моему Петру Тихонову.

Имея надобность занять в государственном заемном банке некоторую сумму денег, поручаю тебе исходатайствовать из Тверской гражданской палаты, или откуда следует, надлежащее свидетельство на те же самые деревни, кои ныне, по заплате долгу моего в 8-ми-летний банк, из онаго освобождены, коим, хотя прилагается у сего список, но т. к. в оном число душ написано было по прежде бывшей, а не по нынешней 5-ой ревизии, то обстоятельно в ревизских сказках, имеешь ты означить настоящее их количество. Почему, как о выдаче означеннаго свидетельства прошение от имени моего подать к оному и к чему подлежать будет, по сему делу,

вместо меня руку прикладывать, так и в приеме онаго, где следует расписаться, а по получении его через почту в Санкт-Петербург на имя надворнаго советника и показаннаго банка директора Федора Тимофеевича Поспелова. Я тебе, или кому от тебя поручено будет, верю, и, что ты по сему учинишь, впредь спорить и прекословить не буду.

29 мая 1802 г.
СПБг.

38. л. 319 об. О наследстве.

Государь мой, Иван Макеевич!

Правительствующего Сената в разных департаментах, также и в других здешней столицы присутственных местах, имеются в производстве, как собственные мои дела, так и оставшиеся после покойнаго дяди моего двоюроднаго, поручика Василия Ивановича Хрипунова, после котораго во всем движимом и недвижимом имении единственный и законный наследник есть я, равно и впредь, если какие встретиться могут, то прошу Вас за оными делами хождение иметь, в случае надобности от имени моего надлежащие прошения подавать, при слушании дел быть, по решении с решений, с решительных определений копии получать, в удовольствии и в неудовольствии подписываться и апеляционные жалобы подавать. Я Вам, или кому от Вас поручено будет, верю и что Вы по оным делам учините, впредь спорить и прекословить не буду.

25 июня 1802 г.
СПБг. Сия доверенность дана от Д: С: С: и кавалера Н. А. Львова.

РГИА, ф. 37, оп.11, ед. хр. 116 (?), 1803.

39. л. 23, № 547. Об Иванове (о драке). От Московского военного губернатора графа Салтыкова.

Милостивый государь мой, Николай Александрович!

Отосланного от меня к вашему превосходительству за буйный поступок против госпожи Донауровой, полицею под караул взятого ведомства вашего архитекторского ученика 13 класса Иванова, покорнейше прошу ныне же прислать ко мне за присмотром, для предания его, по исполнении высочайшего Государя Императора повеления, сей час мною полученного, за содеянный поступок, суду. Пребываю с истинным почтением

Милостивый государь мой
вашего превосходительства
покорный слуга

Ноября 5 дня
1800 года
Москва

40. л. 24, № 548. О том же. Письмо Салтыкова.

Здешней палаты суда и расправы 1-й департамент в представлении своем ко мне прописывая, что по производящемуся в нем о буйственном поступке экспедиции училища земляного битого строения берг-гешворена Иванова делу, департамент не имеет у себя в виду, кроме показания его, Иванова, никакого о службе его от начальства удостоверения, просит о доставлении в оный послужного его списка, а равно и находящегося, как он, Иванов, показывает, у Вашего превосходительства аттестата, данного ему из Санкт-петербургской Академии Художеств, а притом требует и удостоверения его со стороны Вашего превосходительства, какого означенный Иванов прежде сего был поведения.

Я, сообщая Вам, милостивый государь мой, сии требования департамента, покорнейше прошу о доставлении ко мне по оным как списка и аттестата Иванова, так и удостоверения Вашего о прежнем поведении его.

Пребывая в прочем с истинным моим почтением
Милостивый государь мой вашего превосходительства
покорнейший слуга

Ноября 29-го дня
1800 года
Москва

41. л. 28 – 31, № 552. Письмо графа Салтыкова Львову с приложением рапорта московского коменданта Гессе от 27 мая 1801 г. и оригинальных показаний о драке, которая произошла в Тюфилях между чиновниками межевой канцелярии и учениками земляного строения, с просьбой разобраться и наказать виновных.

42. л. 41, № 558. Письмо Ляпунова ко Львову.

43. лл. 42 – 50, №№ 559 – 564. Переписка Львова с министром финансов графом Васильевым и государственным казначеем Голубенцовым по поводу жалованья.

44. РНБ РО, ф. 1000, Собр. автогр. Доверенность Львова на имя Марии Алексеевны. Письмо от 30 апр. 1803 г.

Милостивая государыня моя! Мария Алексеевна!

По случаю отправления моего, если встретятся по соседству деревень наших, или в других губерниях, продажные деревни, а в городе удобные домы, то, смотря по местоположению и по выгодам, можете вы покупать оные на мое имя за

такую цену, какой деревня или дом по мнению вашему стоить будут, принимаю на них вместо меня всякие крепости и купчие. Но, ежели по общему намерению нашему, нужно вам будет те вновь купленные деревни или домы опять продать, или где заложить, то от имени моего на оные давать купчие или закладные, вместо меня в крепостных книгах расписываться и все то совершать, чего при таких случаях обряд и собственная наша польза требовать будут. По тяжбенным же делам нашим, имеющимся в разных присутственных местах на рассмотрении, равно и впредь случиться могущим, когда примете вы какое упущение, или другие законопротивные притеснения, то, в охранение собственности нашей, можете вы при всяком случае требовать себе законного удовлетворения, делая на защищение имения нашего и для хождения по сему предмету за делами надлежащие доверенности, кому вы за благо рассудите, в чем во всем я вам, или кому от вас поручено будет, совершенно верю, и что вы по оным делам учините, впредь спорить и прекословить не буду.

Апреля 30 дня Николай Львов.
1803-го года
Сия доверенность дана от тайного Советника и Кавалера Николая Александровича Львова жене его Марье Алексеевой дочери.

45. ЦНБУ, Ш 23820. Письмо Львова В.В. Капнисту. Автограф. О том, как сломал руку.

31 августа 1794 г. Черенчицы.

Пол света почти мы объехали с Марьей Алексеевною по незнакомым дорогам, в дурное время, едучи ночь и день, и в Черенчицы приехали благополучно, потому что не суждено было, видно, мне обыкновенным ходом доехать до несчастия, и для того, пустясь скакать самым бешеным образом по своему полю, разбил в прах свою лошадь, да так, что она и крестец, споткнувшись в своем обороте, совсем сшибла, а я, будучи завернут в своем плаще и упав несколько шагов вперед перед лошадью, переломил себе кость, соединяющую плечо с грудью, и теперь лежу спеленутый в постеле.

Ты представить себе не можешь, сколько сей по общему мнению несчастный случай необыкновенное мое счастие обнажил. Я сам думал, скакавши, что ежели на такой быстроте упадет лошадь, то и в железном бы седоке жизни бы не осталось, и, не смотря на это, скакал без всякого другого намерения, без всякой нужды, кроме той, чтобы через полчаса подняли меня без чувств.

Первое мое ощущение и слово состояло в том, чтоб поблагодарить Бога с необыкновенною радостию, и, переломя себе руку, будто бы я нашел находку, что не переломил себе шеи.

46. ЦНБУ, Ш 23822. Автограф. Письмо Львова В.В. Капнисту о его племяннике.

28 февраля 1795 г. СПб.

Племянник твой Богдан Иванович, которого отец говорит, он назывался Емельян, вручит тебе письмо мое.

Прошлого года в апреле выпущен был он в полк, но явился ко мне, и в ноябре, почти в таком состоянии, как перед суд божии, сказывая, что он сначала был болен, а потом, хотя и выздоровел, но не имуществом. Хуже всего, что он просрочил, никому из нас ничего не сказал вовремя, и выключен из полку без аттестата. Всеми неправдами теперь он в полку и в службе опять, - обмундирован кое-как и к тебе отправляется для того, что ему мимо Киева ехать, а без того я прямо бы его мог отправить.

Долгов он по себе не оставил, только ты хорошо, кабы не задержал его у себя. Когда я его взял к себе жить, то на другой день отнял его у меня какой-то шубник, барский слуга, и не пускает. За что его брать? 2Заплати, - мне говорит он, ведь я не твой». «Да за что так много?» «Много?» «Ведь и скотину больную не выкинешь, а он был человек!» Этот был мне весьма полюбился! Шубник остался доволен, и племянник твой, как есть, возвращается. Прости.

Я третье письмо об этом пишу к тебе, но ты о делах никогда не отвечаешь, и про мужиков не отвечал. Я долго не знал, что с ними делать, никто не хотел его опять определить, и для того у тебя спрашивал, куда его девать.

Глаза у меня все еще болят. Это ничего. Вот святоши великое делают зло. Не верь святошам. Продадут! Прости, рожа!

47. ЦНБУ, Ш 23826. Автограф. Письмо Львова В.В. Капнисту о клавикорде, об органе, о строительстве оранжереи в Обуховке.

25-е февр. 1791 г.

На два письма твои, мой друг, я не торопился отвечать, дожидаясь твоего ответа на письмо мое с Карташевским (который привозил моего Карташевского. Сей последний у меня ужинал, только еще места Петр Алекс:<андрович> не дал, а обещает при открытии новой экспедиции поместить в Кабинет. Все это затруднение наделал чин его, о чем я, именно, тебе говорил.) посланное, потому, что по сю пору его не получаю.

Он обещал мне в 8 дней к тебе мое письмо доставить, а ответ по почте уже бы дойти должен.

Радуюсь, друг мой, о твоей победе над враги истины и порядка, я как в этом не сомневался, так и то пророкал, если ты только вспомнить захочешь, что с Кречетниковым верно поладишь, и что заранее и без нужды идти в него же в отставку, моего благословения не было.

Клавикорд твой переделан совсем, и почти не хуже обыкновенной Гауковой работы; я вчера его уже слышал и через неделю и к себе возьму. За работу заплатил 20 руб., так, как ты писал, хотя, впрочем, очень много переделки было.

Об органе надобно лучше до весны подождать, говорят, на кораблях привезут, и будут дешевле.

Про все другое я писал тебе весьма обстоятельно.

План оранжереи делают и теперь послать его я не поспею, но на будущей почте может быть.

Самый большой артикул – Федор-плотник, который ни для меня, ни для тебя еще не человек. Он был при смерти, болен, и насилу еще, говорят, вне опасности и теперь, да когда и здоров будет, то скоро его послать, право не могу, потому что ему надобно поставить остов скотному двору, без которого все мои 50 человек каменщиков лето гулять будут.

Но можно будет приискать другого. Если ты исправился лесом и точно строить решился, о сем потрудись вторично написать ко мне, ибо я боюсь, чтобы за непредвиденными обстоятельствами не отложил ты строение до будущего.

Прости, брат, почту надобно не пропустить, а вчера писать не удалось.

Италии счастливый путь, этому я рад, что тебе руки поразвязаны!

48. ЦНБУ, III23826-а. Письмо Львова Капнисту о крепостной девушке, обучавшейся у англичанина в Могилеве, упоминается Менелас.

Павловск. 3-е июля 1797.

Прости меня, любезный друг, Василий Васильевич, что на поздравление твое умедлил я тебе отвечать. Ей-ей, для не напишу 1000 причин, что ни одна, вероятною не покажется, кто их в глаза не видит.

Благодарствую искренно, что ты радуешься и тою моею радостию, которая меня еще не порадовала, а порадует разве на досуге.

В деньгах с Дашенькою я рассчитался, что касается до Левкиной сестры, то тебе, я чаю, известно, мой друг, что мы отдавали учить ее одному агличанину в Могилев ходить за бельем и готовить кушать. Говорят, что она изрядно этому и выучилась, то, получа твое письмо, и написал я тотчас, чтобы прямо оттуда к тебе ее отправили. Если это не исполнено и она еще не у тебя, то скоро туда отправляется сам Менелас, у которого она жила, и пошлет ее с нарочным.

Мое отправление в Москву для перестройки кремля по сю пору тянется, потому что здесь дают дело, которого конец не редко разделяет начало.

Живем же мы здесь полусемьею – только с нами большая дочь, две маленькие в Питере, а сыновья в Москве. Каково? Прости.

49. РНБ РО, ф. 247 Державина. Пост. 1924 г. По рукописной описи. Письмо М.А. Львовой Державиным. Автограф. О болезни Львова, о материальных трудностях, о прочих неприятностях.

15 янв. 1801 г. Москва.

Не знаю, друзья наши, Гаврила Романович и Дарья Алексеевна, получаете ли вы письма наши. Это нас беспокоит, потому, что нам ответу от вас нету, а как это такие письма, от которых наше щастие и состояние зависит, так и боимся, чтоб они не пропали. Писала я к вам два письма, где были ответы Генерал-прокурору на то, что он требовал от Николая Александровича, который отвечать сам был не в состоянии, а я, что могла отобрать от секретарей, так к вам послала. Сделайте одолжение, друзья наши, и постарайтесь помочь нам по делам нашим. Я уверена, душа моя Дарья Алексевна, что теперешнее состояние наше тебе не равнодушно, и для того прошу тебя, пожалуйста, Матинька, напомни почаще Гавриле Романовичу, чтоб он нам сказал, что нам делать надобно, и каким образом, и каким образом вас и нас успокоить по делам нашим. Отпиши ко мне, моя душа, получили ли вы все письма наши. Еще я вам писала в рассуждении Копрона, который нам должен за дачу около тридцати тысяч, так что нам делать, чтоб эти деньги не пропали. Подлинно справедливо, что одна печаль не приходит. Надобно, чтобы это все случилось тогда, когда Николай Александрович...../*дальше часть текста размыта – неразб. А. Н.*/, но и думать не в состоянии, и для того надеюсь, что вы меня в этом положении не оставите, но, таким образом, чтоб и доброго Копрона не огорчить. Ты, моя душа Дарья Алексевна, позови ево к себе и спроси ево, что нам делать надобно в рассуждении денег наших. Еще, матушка, постарайся ты разветь от Анны Александровны, за что нам Генерал-прокурор не доброжелательствует. Ежели ему надобны земельные ученики, так .....(*неразб.*) мы с радостию от них отказываемся, и он может их точно так употребить, как ему угодно. И ежели Анна Александровна захочет строить у себя в Таложне 29/, так мы поблизости все сделаем, что им надобно будет. Пожалуйста, моя душа, отбери у них на это мнение, сказав, что...../*снова часть текста размыта – неразб. А. Н.*/...способов отстроить свою деревню, делал пользу государству, вводя это строение во употребление, которое, верно, оставлено будет, ежели кто-нибудь из больших строить не будет. Покажи, Матинька, это Гавриле Романовичу. Согласен ли он со мною, а Николай Александрович совсем не этих мыслей. Да еще уведоми меня, что Генерал-прокурор сказал на то, что Николай Александрович просится, чтоб его отставили. Право, моя душа, ни желания, ни здоровья уже нету ему более служить, только бы без пострамления отставили и без обиды.

Сию минуту получила письмо от Гаврилы Романовича в рассуждении Леонида...../*дальше опять размыто – неразб. А. Н.*/.....Матинька, за меня и поблагодари. Также похлопочи об деньгах наших, нелехко потерять 30 тысяч, особливо в нашей теперешней нужде.

50. РНБ РО, ф. 247 (Державина), т. XIII, № 69.

Выписка из письма Саратовского межевщика.

Земли, которые получил коллежский советник Львов в Петровской округе по реке Медведице, по речкам Коневке, Грязнушке и Потаповке, значущие на плане под литерою ЖС. Числом 12 тысяч десятин, лучше всех земель, другим розданных; Оные земли ходили ив казенных руках, и с оброку, и можно хороший получать здесь хлеб.

РНБ РО, ф. 247 (Державина), т. XVI, Письма Г. Р. Державина 1800 – 1802 гг.

51. л. 33 об. Письмо к Н.А. Львову в Москву (без даты).

Милостивый государь мой, Николай Александрович!

Письмо вашего превосходительства от минувшего апреля получил. Людей графа Чернышева для науки земляного строения прикажу прислать других. Московскому управителю строго предпишу, чтоб он не плутовал и в продаже дома сделал вам вспомоществование. *(Подчеркнуто нами. А. Н.)*

Поездка моя в Вятку отменилась. Весьма рады, что Марье Алексеевне есть полегче. Дай бог, чтоб поскорей выздоровела.

Герой нынешний, а может быть и многих веков, князь Италийский с такою же твердостью духа, как в многих сражениях встречал смерть, вчерась в три часа по полудня скончался. Говорят, что хорошо, что с ним случилось. Подлинно хорошо, в такой славе он и в таком неуважении внутрь (?) окончить век. Это истинная картина древнего великого мужа. Вот урок, вот что есть человек!

Пожарную изломанную трубу графа Григория Ивановича прикажите управителю к себе привесть на подержание. Мы, слава Богу, здоровы. Пребываю с почтением

Вашего превосходительства
Милостивого господина моего
Покорный слуга
Г. Державин.

52. л. 44 об. Письмо к Н.А. Львову от 3 мая.

...Деревня моя, называемая Гавриловка, находится в Новороссийской губернии в Херсонском уезде на Ермолиной балке близ большой Запорожской сечи. Сообщите мне адрес о вашей деревне, где она положение имеет, дабы я по надобности туда писать мог. Кто таков ваш управитель и как его называют? А мой – подпоручик Илья Никитин, сын Зазерской. Николаю Александровичу скажите, что о

Саратовской земле его, чтоб прислал поскорей требуемое сведение, еще ныне от Сената подтверждено.

Марье Алексеевне отдайте приложенную при сем записку.

53. л. 50. Письмо к Н.А. Львову.

...Прилагаю при сем копию с рапорта о земле вашей, из коего вы увидите, что землю вашу, хотя вам и полагают отдать, но не иначе, как с заменою некоторой части в другом месте. Я посему весьма опасаюсь, чтобы не вышло препятствия со стороны Сената относительно домерки земли, но я с моей стороны приложу всемерное старание, чтобы вы отмежеванное число получили, только вы знаете, что я по вашему делу судить и голосу дать не могу. О взносимых вами в банк деньгах я писал обстоятельно к матушке.

РГИА, ф. 1088 (Шереметьевых), оп. 1, д. 207, 1801.

54. л. 4, 5. Автограф. Письмо Львова Н.П. Шереметьеву. О покупке у него конюшенного двора в Москве, об учениках школы з/б строительства.

Москва 1803 декабря 1-е

Сиятельный граф!

Милостивый государь, граф Николай Петрович!

Исполнив во всем пространстве слова обязанность мою по порученной мне комиссии на Кавказе и Тавриде, так занемог я приедучи в Москву, что и теперь еще чужою силою и с костылем могу только бродить в комнате. Вот что в Москве меня остановило, и здесь только вчера узнал я, что ваше сиятельство и по частям продаете Ваши домы. Все оне не по мне, все свыше сил кошелька моего, почему и прошу, Ваше сиятельство, продать мне только для подворья Ваш старый конюшенный двор, также особо в продажу вами назначенный, и сообщить мне цену, которую тот час же и заплачу поверенному Вашему, если не превзойдет оная суммы, у меня на сию покупку по достоинству ея назначенной.

Я послал к Вашему сиятельству и чертежи архитектора Кустарева. Что Вы о них заключаете?

Теперь учеников Ваших у меня никого нет – и печники, и земляные строители все выпущены. Кустарев был последним!

В ожидании решения Вашего сиятельства о моей просьбе, честь имею быть с совершенным почтением и беспредельною преданностию,

Вашего сиятельства
Милостивого государя моего
покорнейший и преданный слуга
Николай Львов.

55. л. 2, 3. Писарской рукой. Письмо Н.П. Шереметьева Львову.
Отказ продать то, что просит Львов, с объяснением причины.
Об учениках школы з/б строительства.

Милостивый государь мой, Николай Александрович!

Свидетельствуя сим благодарность за приязненное уведомление о возвращении вашем в Москву, искренне принимаю участие о нездоровьи вашем, поправления которого желаю вам от всего сердца, а притом поспешаю ответствовать в рассуждении о продаже домов моих в Москве, и заранее прошу простить мне, ежели я об них буду говорить в тоне постороннего, или как только попечителя. Я думаю, не безызвестно Вашему превосходительству, что учреждаю я в Москве дом странноприимный, и сие удостоено уже Высочайшей конфирмации. Заведение сие, как сами представить можете, требуя больших издержек, сверх других пожертвованных на то сумм, было поводом, что я дома мои московские и один из Петербургских отдал в сумму сего заведения. Таковое положение тех домов ощутительно заставляет избирать все способы, чтоб, продав их с хорошею выгодою, заменить пополняемый капитал. На сей конец, стараясь, нашел уже я здесь случай, по которому идут теперь соглашения и условия, чтоб за хорошую цену продать все дома вместе, не разделяя. Польза, из того ожидаемая, способствуя много выгодам сего заведения, заставляет меня переменить план мой продажею домов в розницу, следовательно, препятствует мне сделать и удовольственной ответ на вопрошение Вашего Превосходительства. В каковых обстоятельствах надеюсь я, что справедливость ваша, во всех случаях, извинит и меня, когда продажу частную домов не могу я предпочесть без отдельной. Но ежели б не удалось мне воспользоваться и предстоящим случаем, то и тогда назначение столь не малого заведения, не позволит спешить продажею, а будет справедливым поводом искать продажи их, хотя уже и не частьми, но, чем дороже, тем лутче, дабы скоплять те суммы, на пользу человечества предназначенные.

Чертежи архитекторского ученика я имел удовольствие получить, и писал к управителям моим о заплате назначенной Вашим Превосходительством суммы учителю, приемля с благодарностию одолженную приязнь в почерпнутых познаниях учеников моих 45/, прошу верить мне, что я не перестану быть с чувствиями истинного почтения и преданностию.

Милостивый государь мой
Вашего Превосходительства...

Декабря 15-го дня
1803 г.

56. л. 1 об. Приписка и подпись – рукой Львова, остальное – секретаря.
Письмо Львова Н.П. Шереметьеву об учениках школы з/б строительства.

Милостивый государь мой, граф Николай Петрович!

Обращая к Вашему Сиятельству людей ваших, бывших в училище земляного строения, препровождаю при сем и три печатные аттестата тем, кои по справедливости заслужили оные знанием своим и поведением, пусть они получат их из рук Вашего Сиятельства.

Прочие, хотя почти столь же знают, как сии трое, но поведением своим они весьма от сих отличны и дай бог, чтобы они Вашему Сиятельству менее сделали хлопот и беспокойств, чем мне.

Что касается до печников, из коих Костарева по воле вашей оставил я учиться строительному художеству, два последние, Горбунов и Червяков, не весьма надежны по нетрезвости своей. Почему и остается на воле вашей, их ли доучивать сему толь важному в России мастерству, или угодно вам будет переменить их другими.

Милостивый государь мой
Вашего Сиятельства
покорнейший слуга

Декабря 6 дня
1801 г.
Тюфили
Его с-ву гр. Шереметьеву

Николай Львов.

Е.А. ИВАНОВА
Санкт-Петербург

ОБАЯНИЕ ЛИЧНОСТИ
(Вместо заключения)

Прошли юбилейные торжества, посвященные 250-летию со дня рождения Николая Александровича Львова... Опубликован сборник научных докладов и материалов... Личность виновника торжеств стала еще ярче и ближе всем нам, всем тем, кто был участником или гостем этого праздника, всем тем, кто прочел этот сборник.

Обаяние личности... Кажется, что оно действует только при жизни человека. Но творческое наследие дает возможность сохранить это обаяние на долгое время, до той поры, пока люди смогут понимать его. Это обаяние перестанет действовать лишь тогда, когда некому будет наслаждаться произведениями мастера, или когда, подчиняясь неумолимому закону времени, исчезнут сами эти произведения.

Восхищение произведениями искусства не всегда сопровождается восхищением их автором. В большинстве случаев потомки спорят о личностных качествах творцов, отделяя то, что было ими создано, от собственно личностных качеств создателей.

Со Львовым этого не произошло. Время не смогло стереть яркое обаяние его личности. Он был необычайно одаренным человеком, умел привязывать к себе людей добротой, теплотой общения, «приветливостью души», как писал о нем Хемницер.

И сегодня, как и прежде, Львов притягивает к себе, очаровывает, объединяет «под свои знамена» людей своим талантом, многогранностью, загадочностью и таинственностью. И прошедший юбилей стал тому ярким подтверждением.

Само проведение юбилейных мероприятий в значительной степени состоялось лишь благодаря попавшей под обаяние личности Львова Алле Борисовне Никитиной. Уже более трех десятков лет она занимается изучением и пропагандой творчества Львова. Заражая всех своей энергией и любовью ко Львову, Алла Борисовна организовала юбилейную конференцию, собрала исследователей из многих городов России, вовлекла в львовскую «орбиту» множество людей.

Юбилей прошел на высоком уровне благодаря безвозмездной и бескорыстной помощи, оказанной организаторам торжеств этими людьми. Большинство из тех, к кому мы обращались за поддержкой в проведении юбилейных мероприятий нам не отказывали, старались внести свой вклад в почтение памяти Н.А. Львова. От имени членов юбилейного Оргкомитета и всех участников торжеств выражаем им огромную благодарность.

Прежде всего, хочется поблагодарить руководителей тех учреждений, которые бесплатно предоставили помещения для проведения трехдневной научной конференции: председателя Санкт-Петербургского Союза Архитекторов В.В. Попова, директора научной библиотеки Академии Художеств К.Н. Одар-Боярскую, директора всероссийского Музея А.С. Пушкина С.М. Некрасова.

На юбилейных мероприятиях присутствовали жена Льва Ивановича Львова, прямого потомка по линии младшего из сыновей Н.А. Львова – Александра, Алла Петровна Львова, их дочь Татьяна Львовна и внук Глеб. Благодаря финансовой поддержки семьи был подготовлен компьютерный макет данного сборника. Члены этой семьи гордятся своим предком. Они создали «Львовский фонд» и многое делают для сохранения его наследия, для популяризации его творчества, для реставрации родового имения Львова Никольское-Черенчицы под Торжком. Они разыскали и установили контакты с многочисленными родственниками, разбросанными по всему миру: потомки Львова живут в США и в Австралии, во Франции и в Финляндии, в Италии и в Швейцарии...

Большое спасибо за оказанную безвозмездную помощь дизайнеру музея Истории Санкт-Петербурга М.Ф. Урусовой, создавшей и отпечатавшей красочную афишу юбилейных мероприятий, и сотруднице СПб НЦ РАН Л.Г. Николаевой, которая напечатала программу научной конференции и обеспечила ею всех участников, размножив в необходимых количествах.

Особая благодарность сотрудникам КГИОП, и персонально Б.М. Кирикову, за организацию внепланового изготовления и установки охранной и мемориальной досок на здании Главпочтамта и председателю профкома Почтамта Е.Б. Юриной за организацию их торжественного открытия (музыка, цветы).

С сердечной признательностью хочется поклониться артистам и исполнителям, которые радовали нас своими выступлениями, все три дня безвозмездно завершая концертами программу конференции. И хотя их имена перечислены в афише юбилейных торжеств, хочется еще раз назвать их всех поименно: Нина Хаустова, аккомпаниатор Людмила Львина, Алексей Емельянов, Константин Никитин, Андрес Измайлов, Владимир Гендцельт, Татьяна Виноградова (Измайлова), Татиана Молчанова, Наталия Атрошенко, Олег Никандров, Роман Клевцов. Огромное им всем спасибо!

Большое спасибо организаторам и создателям выставок, посвященных жизни и деятельности Н.А. Львова, В.Г. Хольцовой (в библиотеке Академии Художеств) и Л.М. Солдатовой (в музее А.С. Пушкина) за их увлеченность и самоотверженный труд, без которых выставки не могли бы состояться.

Особая благодарность директору туристско-экскурсионной фирмы «Орбита» Л.А. Зобовой, которая организовала бесплатный автобус для проведения десятичасовой экскурсии «Архитектор Н.А. Львов в Петербурге и Гатчине», а также сотрудникам культурно-массового отдела ГДМ, и лично С.А. Мироновой, за «горячий» прием уставших экскурсантов во время посещения дворца и предоставленную возможность побывать в Приоратском дворце, который тогда еще был в процессе реставрационных работ.

Остается только сожалеть, что городские власти в организации празднования 250-ти-летнего юбилея Н.А. Львова не приняли никакого участия, а ведь наш город обязан этому зодчему многими прекрасными сооружениями, ведь именно в этом городе Львов жил, любил, творил...

А.Б. НИКИТИНА
Санкт-Петернбург

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В марте 2001 г. и в октябре 2003 г. в Санкт-Петербурге состоялись торжества, посвященные 250-летию со дня рождения Николая Александровича Львова, в подготовке и проведении которых принимали участие Санкт-Петербургский научный центр Российской Академии наук, Санкт-Петербургский Союз архитекторов, Научная библиотека Российской Академии художеств, Всероссийский музей А.С. Пушкина, библиотека Академии Наук.

Юбилейные торжества включали в себя большую культурную программу: открытие охранной и мемориальной досок на здании Главпочтамта, выставки, музыкальные вечера, экскурсии.

Основным событием юбилейных мероприятий стала Всероссийская научная конференция: «Н.А. Львов — выдающийся представитель российской культуры XVIII века», материалы которой составляют большую часть настоящего сборника.

В конференции приняли участие исследователи творчества Львова — архитекторы, реставраторы, искусствоведы, музыковеды, филологи, литературоведы и др. из Санкт-Петербурга, Москвы, Твери, Торжка, Ростова Великого, Калуги и Симферополя, исследователи из Америки и Финляндии.

В научных докладах были представлены новые и мало известные материалы о разных сферах многогранной деятельности Н.А. Львова: в области архитектуры, градостроительства, паркостроения, усадебного ансамблевого строительства, истории, литературы, поэзии, книгоиздательской деятельности, геологии, археологии, графики, рисунка, изучения и собирательства народных песен, музыкальной культуры и т. д.; уникальные биографические материалы о самом Н.А. Львове и его прямых (по линии младшего из сыновей — Александра) потомках.

Помимо того, в сборник включены дополнительные материалы участников конференции, имеющие научную ценность.

В публикуемых статьях представлены новые и малоизвестные материалы не только о разных сферах деятельности Н.А. Львова, но и о развитии культуры России рубежа XVIII –XIX вв. в целом.

Материалы сгруппированы тематически в трех книгах (частях):

I. Архитектурное наследие Н.А. Львова.
   1) крупнейшие «львововеды»;
   2) архитектурная деятельность Н.А. Львова.

II. Культурное наследие Н.А. Львова.
   3) портреты Львовского времени;
   4) книгоиздательство, литература, театр;
   5) музыка, музыкальная культура.
   6) угледобыча;

III. Родственные связи Н.А. Львова.

Кроме того, в сборник включены архивные документы, которые ранее не публиковались, либо опубликованные в изданиях, давно ставших библиографической редкостью.

Архивные документы подобраны в такой же последовательности. Те из них, в которых не указано место первой публикации, публикуются впервые. Подбор и публикация архивных материалов осуществлены А.Б. Никитиной.

В целях сохранения языка авторов тексты статей включены в сборник практически без изменений, за исключением некоторых фактологических и стилистических правок, в большинстве случаев согласованных с авторами. Сохранены некоторые спорные моменты, излагаемые в статьях и в опубликованных архивных материалах или цитатах из печатных источников, за точность воспроизведения которых редакторы сборника ответственности не несут.

Представляя в сборнике новые и малоизвестные материалы о многогранной и разносторонней деятельности Львова, авторы надеются, что книга вызовет интерес исследователей его жизни и творчества, и широкого круга читателей и будет способствовать их дальнейшему изучению.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ И АББРЕВИАТУРЫ

АВПР - Архив внешней политики России
АН - Академия Наук
БАН - Библиотека Академии Наук
ВИЭМ - Всероссийский историко-этнографический музей (Торжок)
ВУА - Военно-учетный архив
ВЦИК - Всероссийский Центральный Исполнительный комитет
ГАПО - Государственный архив Псковской области
ГАРФ - Государственный архив Российской Федерации
ГАТО - Государственный архив Тверской области
ГАТО - Государственный архив Тамбовской области
ГДМ - Гатчинский дворец-музей
ГИАЛО - Государсвенный исторический архив Ленинградской области
ГРМ - Государственный Русский музей
ГТГ - Государственная Третьяковская галерея
Губисполком - Губернский исполнительный комитет
Губоно - Губернский отдел народного образования
Губчека - Губернский чрезвычайный комитет
Гуик - Губернский исполнительный комитет
ГУЛАГ - Главное управление исправительно-трудовых лагерей ОГПУ
ГЭ - Государственный Эрмитаж
Д: Т: С: - Действительный тайный советник
ИВО - Императорское Воспитательное общество
ИИ РАН - Институт истории Российской Академии Наук
ИРЛИ - Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в С.-Петербурге
КВЖД - Китайская Восточная железная дорога
Л-д - Ленинград
ЛИИЖТ - Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта
МАРХИ - Московский Архитектурный институт
Наркомпрос - Народный комитет просвещения
ОГПУ - Объединенное Государственное политическое управление
ОР - Отдел рукописей
ОР РГБ - Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОР РНБ - Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПБг - Петербург
ПП ОГПУ - Полномочное представительство ОГПУ
ПГд - Петроград
РАН - Российская Академия наук
РГБ - Российская государственная библиотека
РГАЛИ - Российский государственный архив литературы и искусства
РГАВМФ - Российский государственный архив военно-морского флота (СПб)
РГАДА - Российский государственный архив древних актов
РГАСПИ - Российский государственный архив социально-письменных источников
РГВИА - Российский государственный военно-исторический архив
РГИА - Российский государственный исторический архив (СПб)
РНБ - Российская национальная библиотека
РО - Рукописный отдел
СНК - Совет народных комиссаров
УЗУ - Уездное земское управление
УИК - Уездный исполнительный комитет
РО ИРЛИ - Рукописный отдел Института русской литературы
ЦГВИА - Центральный государственный военно-исторический архив (см. РГИА)
ЦГИА СПб - Центральный Государственный исторический архив С.-Петербурга
ЦНБУ - Центральная научная библиотека Украины

СОДЕРЖАНИЕ

А.Б. Никитина. Краткая летопись жизни и деятельности Н.А. Львова ... 8
С.Д. Дзюбанов. Материалы к восходящей родословной Н.А. Львова ... 30
С.Д. Дзюбанов. Родственное окружение Львовых: князья Мышецкие ... 41
И.А. Бочкарева. Родственное окружение Н.А. Львова (новые материалы) ... 49
Л.И. Бройтман. Дом Дьяковых ... 54
Л.И. Бройтман. Бакунины в Петербурге ... 56
С.Д. Дзюбанов. «Верует в Резон, как в Единого Бога». (Подлинная история тайной женитьбы Н.А. Львова) ... 62
А.Б. Никитина. Загадка Синопской набережной (О даче Н.А. Львова под Петербургом ... 98
А.Б. Никитина. У Львова на Почтамтской ... 107
А.Б. Никитина. «...Письмы, от которых наше щастие и состояние зависит...» (из переписки Н.А. Львова с Г.Р. Державиным и другими лицами) ... 121
А.Б. Никитина. К вопросу об атрибуции «Семейного портрета Львова» ... 142
А.А. Смольевский. Развитие культурных традиций двух ветвей рода Львовых XVIII – XXI веков ... 147
А.Ю. Грязнова. Елизавета Николаевна Львова – племянница Державиных ... 191
С.Д. Дзюбанов. «Львова вышла замуж за Львова...»: легенды и факты ... 199
А.П. Львова. Сын, внуки и правнуки Н.А. Львова ... 214
А.Б. Никитина. Ольшанка – имение Воейковых-Поленовых ... 266
А.А. Соболева. История и судьба усадьбы «Караул» Чичериных ... 295
А.Б. Никитина. Записки Прасковьи Николаевны Львовой ... 322
С.Д. Дзюбанов. Родственное окружение Львовых. Генерал Гасфорд ... 356
С.Д. Дзюбанов. Старицко-бежецкая ветвь Львовых – предки Н.С. Гумилева со стороны матери ... 366
В.Е. Павлов. Алексей Федорович Львов – инженер путей сообщения ... 376
Л.М. Золотницкая. Творческий портрет А.Ф. Львова ... 388
А.Б. Никитина. Альбом М.С. Олениной-Львовой ... 399
Н. Чарухчева. Земля обетованная. (Лев Иванович и Алла Петровна Львовы) ... 404
Из рода Олениных-Львовых. (Прасковья Алексеевна Усова) ... 416
«Барнаульский» потомок Ф.П. Львова ... 425

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ... 427

Е.А. Иванова. Обаяние личности (вместо заключения) ... 458
А.Б. Никитина. Заключение ... 460

Список основных сокращений и аббревиатур ... 462

ПЕТЕРБУРГСКИЙ РЕРИХОВСКИЙ СБОРНИК

Выпуск VIII

Н.А. Львов. Жизнь и творчество

Ч. III. Родственные связи

Сборник статей исследователей творчества Н.А. Львова

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО В РАМКАХ ПРОГРАММ МЕЖДУНАРОДНОГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ФОНДА «РЕРИХОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ», ПРИ ПОДДЕРЖКЕ А.В. БИЛЕЦКОГО

Редакционно-издательская группа:

Директор Санкт-Петербургского государственного
Музея-института семьи Рерихов А.А. Бондаренко
Директор издательства «Ирида-прос» С.В. Медведев
Редактор-составитель и научный редактор серии В.Л. Мельников
Редактор-составитель и научный редактор выпуска А.Б. Никитина
Главный редактор издательства «Ирида-прос» А.В. Оборина
Корректор М.А. Мельникова
Технический редактор, вёрстка А.В. Оборина
Компьютерный набор и сканирование иллюстраций Е.Г. Никитина
Суперобложка Н.И. Оборин

Рериховский центр СПбГУ: 199034, Санкт-Петербург,
Васильевский остров, 18-я линия, д.1
тел./факс +7 (812) 323-08-85;
http://www.spbu.ru/Science/Centers/RoerichCenter/;
e-mail: roerich_center@pobox.spbu.ru; MSSSM@VM10218.spb.edu.

Издательство «Ирида-прос»: 171163, Тверская область, г. Вышний Волочёк,
Казанский проспект, 59-61, тел./факс (48233) 6-48-54; e-mail: iridapros@bk.ru

ISBN 978-5-93488-054-6

9 785934 880546

Подписано в печать 01.11.2008.
Формат 60x90/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 29. Тираж 500 экз.

Отпечатано
с готовых диапозитивов издательства
в НПО «Фактор».